ISSN 2077-4877

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Философско-гуманитарные науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 18

Минск
РИВШ
2019

УДК 082

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по политическим, философским и экономическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 26 декабря 2018 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол., д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок;*
д-р филос. наук проф. *В. Ф. Берков;* д-р ист. наук доц. *Г. Я. Голенченко;*
д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев;* д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков;*
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов;*
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько;* д-р пед. наук проф. *В. В. Чечет;*
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов;* д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук;*
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко;* д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьёв;*
д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник;* д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука;*
д-р полит. наук, проф. каф. политологии *Л. Е. Земляков*

© ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2019

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. Г. Абраменко
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель

E. Abramenko
Francisk Skoryna Gomel State University, Gomel

УДК 323.3:316.346.2

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

GENDER POLICY: ACHIEVEMENTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Статья посвящена вопросу гендерной политики. Определено понятие государственной гендерной политики, рассмотрены ее типы, проанализирован достигнутый прогресс и установлены перспективные направления в области достижения гендерного равенства.

Ключевые слова: государственная гендерная политика; типы государственной гендерной политики; гендерная асимметрия; гендерный разрыв; Республика Беларусь; Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства.

The article is devoted to the consideration of the issue of gender policy, defines the concept of state gender policy, examines its types, analyzes the progress achieved and identified promising areas in achieving gender equality.

Keywords: State gender policy; types of state gender policy; gender asymmetry; gender gap; Republic of Belarus; National Action Plan for Gender Equality.

Всеобщая декларация прав человека закрепляет положение о том, что каждый человек обладает правами и свободами без различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения [1]. В 1979 г. Генеральная ассамблея ООН приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛЖД), подтверждая необходимость государственных мер, направленных на продвижение прав женщин. В глобальной Повестке дня до 2030 г., утвержденной государствами-членами ООН 25.09.2015 г., была подчеркнута необходимость интегрировать интересы женщин в глобальные программы в области развития. В частности, целью 5 является обеспечение гендерного равенства и расширение возможностей всех женщин и девочек [2].

Государственная гендерная политика – это деятельность (или бездеятельность в случае умышленного внедрения такой политики) государственных институтов, направленная на осуществление (непосредствен-

но или косвенно) и обеспечение равных прав, свобод и возможностей для женщин и мужчин, утверждение гендерной демократии и формирование гендерной культуры в обществе. Ее элементами являются: политика в отношении женщин, которая обеспечивает им равный социальный статус с мужчинами через гарантирование возможностей их равноправного развития как социально-демографической группы; политика в отношении мужчин, формирование у них гендерного сознания, культуры гендерного поведения; государственно-правовое регулирование гендерных отношений; содействие развитию гендерной демократии и гендерной культуры в обществе [3].

Основной целью гендерной политики является достижение фактического гендерного равенства, которое заключается в свободе выбора и свободе развития способностей всеми людьми без влияния стереотипов и традиционной гендерной системы.

Среди факторов, которые оказывают наибольшее влияние на результативность гендерной политики, можно назвать: идеологический (понимание гендерных вопросов и система взглядов на роль мужчины и женщины в обществе); социально-экономический (степень социально-экономического развития общества); институциональный (политический режим и уровень развития демократии); ситуационный (позиция и инициатива властных государственных структур, политических партий, общественных организаций и движений, а также населения государства).

В зависимости от их взаимодействия формируются несколько типов государственной гендерной политики: патриархатный, патерналистский, либеральный и эгалитарный.

Характерными чертами патриархатного типа государственной гендерной политики являются стремление отстранить женщин от участия в профессиональной деятельности, общественной и политической жизни, ограничить образование подготовкой к семейной жизни и материнству (например, страны Западной Европы и США в I пол. XX в., когда публичная сфера была преимущественно сферой мужской занятости, частная сфера являлась прерогативой женщин).

Патерналистский тип государственной политики в отношении женщин – характеризуется признанием юридического равноправия полов, участием женщин в производственной сфере, стремлением государства создать условия для совмещение женщиной репродуктивной, семейной и производственной ролей, через создание системы общественного воспитания детей и системы государственной защиты женщин (льготы, пособия по уходу за ребенком и др.) (например, советская система).

Чертами либерального типа государственной политики в отношении женщин являются включение женщин в полную занятость, признание их функций в семье, однако отстранение от участия в принятии политических решений (например, в экономически развитых странах на основе развития экономики стимулируется включение женщин в профессиональ-

ную сферу, но в то же время предписывается традиционная роль домашней хозяйки).

Нужно отметить, что в рамках указанных типов гендерной политики в принимаемых государствах мерах мужской фактор не учитывается, даже если ставится цель выравнивания статусных позиций полов.

Среди основных направлений эгалитарной государственной политики (gender mainstreaming) можно назвать равное участие женщин и мужчин во всех сферах профессиональной деятельности, включая управление государством; распространение государственных льгот, связанных с уходом за детьми, на обоих родителей; обеспечение равного доступа обоих полов к образованию; создание благоприятного общественного мнения о гендерном равенстве; создание системы подготовки государственных служащих, которая содействует пониманию руководителями и специалистами разных уровней понять проблемы гендерного равенства.

Таким образом, эгалитарная политика основана на комплексном подходе к проблеме равенства полов как стратегии достижения гендерной симметрии в обществе в XXI веке. Ее особенность заключается в том, что эгалитарная стратегия не заменяет, а дополняет традиционную политику, затрагивающую интересы женщин [4, с. 97].

Хотя в современном обществе и происходит постепенное преодоление гендерной асимметрии, во всех странах еще сохраняется гендерное неравенство.

В период с 1995 по 2015 гг. уровень участия женщин в составе рабочей силы в мире снизился с 52,4 % до 49,6 %. Соответствующие показатели среди мужчин составляют 79,9 % и 76,1 %. Во всем мире шансы женщин стать участниками рынка труда остаются почти на 27 % ниже, чем среди мужчин, то есть на каждых 10 имеющих работу мужчин приходится лишь 6 занятых женщин. Мировая экономика ежегодно теряет $17 трлн из-за недостатка женщин на рынке труда.

Самые высокие показатели занятости женщин на рынке труда в Исландии (72,4 %), Швеции (70,2 %), Норвегии (61,4 %), Дании (58,2 %) [5]. Большинство служащих государственного сектора экономики этих стран – женщины, а частного – мужчины.

В вопросах собственности и управления фирм доминируют мужчины: во всем мире в 83 % фирм топ-менеджерами являются мужчины; в 66 % фирм женщины не имеют доли собственности.

Даже в странах с высоким уровнем дохода, где большинство женщин работают, существует разрыв в доходах мужчин и женщин: в Швеции – 22,6 %, в Норвегии – 28,7 %. В мировом масштабе разрыв в оплате труда составляет 20,5 % [6].

Важным показателем является участие женщин в принятии решений. В целом представленность женщин в политике на глобальном уровне, особенно в национальных парламентах, растет. По сравнению с июлем 1995 г.

по данным на январь 2018 г. доля женщин в парламентах мира выросла на 12,1 % (с 11,3 % до 23,4 %): в Америке – на 15,7 % (с 12,7 % до 28,4 %), в Европе – на 13,9 % (с 13,2 % до 27,1 %), в Африке к югу от Сахары – на 13,8 % (с 9,8 % до 23,6 %), в Арабских государствах – на 13,2 % (с 4,3 % до 17,5 %), в Тихоокеанском регионе – на 11,6 % (с 6,3 % до 17,9 %) и в Азии на 5,4 % (с 13,2 % до 18,6 %) [7].

По состоянию на январь 2019 г. 11 женщин являются главами государств, а 10 – главами правительств. Однако только 18,3 % правительственных министров составляют женщины (данные на январь 2017 г.). Как правило женщины-министры занимаются решением задач в социальной сфере, окружающей среды, природных ресурсов и энергетики) [8]. Не менее важное значение имеет участие женщин в местном управлении и самоуправлении, так как на этом уровне принимаются многие решения, которые оказывают влияние на повседневную жизнь населения. Однако систематический сбор данных об участии женщин в местной политике не ведется. Согласно данным Европейской комиссии за январь 2016 г. представительство женщин на местном уровне составляет в среднем 36 % [9, с. 80]. В 2013 г. Аксель Сандстром провел исследование в 30 европейских странах с целью создания источника данных о доле женщин на местных выборных должностях. Результаты исследования показали разброс от 13 % в Хорватии до 43 % в Швеции [10].

Республикой Беларусь ратифицированы основные международные документы в области обеспечения гендерного равенства: Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативный протокол к ней, Декларацию и платформу действий Всемирной конференции по улучшению положения женщин (Пекин, 1995 г.), Декларацию ООН об искоренении насилия в отношении женщин. Принятые международные обязательства, лежат в основе государственной гендерной политики и меры по обеспечению равных прав и возможностей мужчин и женщин реализуются с 1996 г.

На сегодняшний день основным документом, который призван обеспечить гендерное равенство в Республике Беларусь, является Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2017–2020 гг. Это уже пятый программный документ в области гендерной политики (первый Национальный план был принят в 1996 г.). Его цель – развитие механизмов внедрения гендерного подхода в процесс разработки и реализации мер государственной политики в различных сферах жизнедеятельности общества. Для ее достижения предусматривается решение следующих задач: 1) развитие институционального механизма по обеспечению гендерного равенства; 2) расширение экономических возможностей женщин и мужчин; 3) обеспечение гендерно-ориентированной охраны здоровья; 4) обеспечение гендерного равенства в семейных отношениях; 5) противодействие насилию в семье и торговле людьми; 6) гендерное образование и просвещение [11].

Принцип равенства прав, свобод и возможностей мужчин и женщин закрепляется Конституцией Республики Беларусь, а также в отдельных кодексах и законах: Кодексе о браке и семье, Трудовом кодексе, Уголовном кодексе, Гражданской кодексе и др.

На 01.01.2018 г в Республике Беларусь проживает 53,4 % женщин и 46,6 % мужчин [12].

По данным исследования Всемирного экономического форума «Индекс гендерного разрыва» (2018 г.), Республика Беларусь занимает 23-е место среди 149. Индекс измеряет уровень гендерного разрыва, который существует в тех или иных странах между женщинами и мужчинами, в четырех ключевых областях: экономическое участие и карьерные возможности; образование; здоровье и выживание; политические права и возможности. Первое место в рейтинге заняла Исландия, а последнее – Йемен [13]. Беларусь занимает 54-е место (группа стран с очень высоким уровнем развития) в рейтинге 188 государств по индексу человеческого развития, 53-е место в той же группе стран по индексу гендерного развития и индексу гендерного неравенства, согласно докладу ООН (ПРООН) 2017 г. [14], а по данным индекса материнства Беларусь входит в 25 стран (из 179) благоприятных для рождения ребенка (данные 2015 г.).

В нашей стране женщины имеют более высокий образовательный уровень: в вузах республики на 2017 г. обучается 53,7 % девушек и 46,3 % юношей, среди работников в организациях женщин с высшим образованием 37,3 %, а мужчин – 27,7 %.

Женщины преобладают в таких сферах экономической деятельности как здравоохранение и социальные услуги (85,6 %), образование (81,4 %), финансовая и страховая деятельность (74,8 %), услуги по временному проживанию и питанию (72,2 %), оптовая и розничная торговля (69,5 %), творчество, спорт, развлечения и отдых (64,2 %). Доля женщин среди учителей и руководителей школ составляет 86 %, мужчины в числе директоров школ и их заместителей на начало 2017/2018 учебного года составили 14 %. Среди профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений также преобладают женщины (54,9 %), женщин-доцентов в составе кафедр – 52,2 %, профессоров – 23,5 %, на должности ректора работают 9,6 % женщин, проректоров и директоров филиалов – 22,4 %, деканами факультетов и их заместителями – 36,2 %, заведующими кафедрами – 38 %.

Мужчины преобладают в общей численности рабочих, их насчитывается 68,3 %, служащих – женщины (56,5 %). Однако среди служащих руководители мужчины составляют 53,2 %.

Немаловажным вопросом является разрыв между заработной платой мужчин и женщин, который составляет 25,4 % в пользу мужчин [12].

Республика Беларусь входит в тридцатку стран мира, которые достигли лучших показателей по участию женщин в принятии решений, что имеет

важное значение для полноценного функционирования демократического общества.

В Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь доля женщин-депутатов увеличилась с 5,5 % в 1996 г. до 34 % в 2016 г. Однако доля женщин – членов Совета Республики уменьшилась с 31,2% в 1996 г. до 26,5 % в 2016 г. от общего числа членов Совета Республики. Председателями палат Национального собрания были и остаются мужчины. Тем не менее, следует отметить увеличение количества женщин – председателей парламентских комиссий: в Палате представителей 5-го созыва председателями комиссий были 2 женщины, 6-го созыва – 5. На сегодняшний день женщины возглавляют комиссии по законодательству; по бюджету и финансам; по вопросам экологии, природопользования и чернобыльской катастрофы; по труду и социальным вопросам; по здравоохранению, физической культуре, семейной и молодежной политике [15; 16].

Наибольшее количество женщин насчитывается среди депутатов местных советов, причем на региональном уровне их количество растет: среди депутатов местных советов 24 созыва женщины составляли 44,5 %, 25 созыва – 45,7 %, 26 созыва – 45,5 %, 27 созыва – 46,3 %, а 28 созыва – 48,2 % [17].

В то же время в Совете министров только 1 женщина-министр (Министр труда и соцзащиты), среди председателей областных исполнительных комитетов женщин нет, а среди председателей районных исполнительных комитетов – 4 (Гомельский, Добрушский, Лоевский и Мозырьский райисполкомы Гомельской области), мужчины возглавляют 110 райисполкомов [18–24].

Органом, занимающимся разработкой и реализацией направлений гендерной политики в Республике Беларусь, является Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь. Также вопросами гендерного равенства занимаются Министерство труда и социальной защиты (отдел народонаселения, гендерной и семейной политики), Постоянная комиссия Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по демографической безопасности и социальному развитию, Постоянная комиссия Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по охране здоровья, физической культуре, делам семьи и молодежи, Управление социально-культурной сферы Аппарата Совета Министров Республики Беларусь.

На региональном уровне за реализацию гендерной политики отвечают экспертные группы при областных и Минском городском исполнительном комитете. Стоит отметить, что работа экспертных групп ограничивается реализацией принятых нормативно-правовых актов. Поддерживая мнение Ф. И. Храмцовой, среди задач развития регионального уровня можно назвать развитие потенциала экспертных рабочих групп, в области инициирования разработки и совершенствования административных, правовых, управленческих основ партнерства с институтами государственной власти и структурами гражданского общества; формирование современной ген-

дерной культуры руководителей, их заместителей и специалистов местных органов управления через систему повышения квалификации и переподготовку кадров; подготовку специалистов в области гендерной экспертизы законодательства [25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что как достижения в реализации гендерной политики в Республики Беларусь, так и векторы развития вполне коррелируются с общемировыми: наибольший прогресс достигнут в сферах здравоохранения и образования. Однако ситуация в области обеспечения гендерного равенства требует дальнейших целенаправленных усилий, особенно в области экономики и политики. Среди перспективных направлений и задач можно назвать: совершенствование правовых норм в области гендерного равенства и проведение гендерной экспертизы действующего законодательства и проектов нормативно-правовых актов; создание условий для недопущения гендерной асимметрии в сфере занятости и расширение экономических возможностей женщин как на рынке труда, так и в доступе к экономическим ресурсам (земле, финансам, собственности); содействие расширению участия женщин в области принятия решений; создание необходимых условий, позволяющих гражданам (независимо от пола) совмещать семейные и профессиональные обязанности; развитие системы гендерного просвещения и образования, которая позволит преодолеть гендерные стереотипы по отношению к социальным ролям мужчин и женщин.

Понимание того, как происходят изменения, является важным не только с точки зрения справедливости, но и с точки зрения достижения прогресса и развития демократии.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 17.02.2019.

2. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/. – Дата доступа: 17.02.2019.

3. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – Режим доступа: http://www.owl.ru/gender/index.htm. – Дата доступа: 09.10.2017

4. *Лушников, А. М.* Гендер в законе: монография / А. М. Лушников, М. В. Лушникова, Н. Н. Тарусина. – М.: Проспект, 2015. – 480 с.

5. International labour organization [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/lang--en/index.htm. – Date of access: 17.02.2019.

6. Global Wage Report 2018/19 What lies behind gender pay gaps [Electronic resource] // International labour organization. – Mode of access: http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_650553.pdf. – Date of access: 17.02.2019.

7. Women in parliament in 2017. The year in review [Electronic resource] // Inter-parliament union. – Mode of access: https://www.ipu.org/resources/publications/about-ipu/2018-03/annual-report-activities-inter-parliamentary-union-2017. – Date of access: 17.02.2019.

8. Facts and figures: Leadership and political participation [Electronic resource] // UN Woman. – Mode of access: http://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation/facts-and-figures. – Date of access: 17.02.2019.

9. Продвижение участия женщин в политике в регионах ОБСЕ: сборник передовых практик: [сборник]. – Варшава: Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), 2016. – 124 с.

10. Aksel, Sundström. Women's local political representation within 30 European countries: a comparative data set on regional figures [Electronic resource] // QOG THE QUALITY OF GOVERNMENT INSTITUTE; Department of Political Science University of Gothenburg. – Mode of access: https://qog.pol.gu.se/digitalAssets/1465/1465732_2013_18_sundstro--m.pdf. – Date of access: 17.02.2019.

11. Национальный план действий по достижению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 годы [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Nats-plan.pdf. – Дата доступа: 17.02.2019.

12. Мужчины и женщины Республики Беларусь, 2018: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 166 с.

13. The Global Gender Gap Report 2018 [Electronic resource] // World economic forum. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf. – Date of access: 17.02.2019.

14. Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные данные 2017 г. [Электронный ресурс] // Программа развития ООН. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf. – Дата доступа: 17.02.2019.

15. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://house.gov.by/ru/deputies-ru/. – Дата доступа: 17.02.2019.

16. Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovrep.gov.by/ru/senators-ru/. – Дата доступа: 17.02.2017.

17. Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rec.gov.by/ru/arhiv-vybory. – Дата доступа: 17.02.2019.

18. Совет министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.government.by/ru/departments/. – Дата доступа: 17.02.2019

19. Председатели горрайисполкомов Гомельской области [Электронный ресурс] // Гомельский областной исполнительный комитет. Официальный портал. – Режим доступа: http://gomel-region.by/ru/predsedateli-ru/. – Дата доступа: 17.02.2019.

20. Райсполкомы [Электронный ресурс] // Гродненский Областной исполнительный комитет. Официальный портал. – Режим доступа: http://www.region.grodno.by/ru/rajispolkomy-ru/. – Дата доступа: 17.02.2019.

21. Председатели райсполкомов [Электронный ресурс] // Брестский областной исполнительный комитет. – Режим доступа: http://www.brest-region.gov.by/index.php/upravlenie/ispolnitelnaja-vlast/predsedateli-rajispolkomovv. – Дата доступа: 17.02.2019.

22. Городские и районные исполнительные комитеты [Электронный ресурс] // Витебский областной исполнительный комитет. – Режим доступа: http://vitebsk-region.gov.by/ru/citycommittee-ru/. – Дата доступа: 17.02.2019.

23. Городские и районные исполнительные комитеты Могилевской области [Электронный ресурс] // Могилевский областной исполнительный комитет. Официальный портал. – Режим доступа: http://mogilev-region.gov.by/page/mestnye_organy_ispolnitelnoi_vlasti. – Дата доступа: 17.02.2019.

24. Районные и городские исполнительные комитеты [Электронный ресурс] // Минский областной исполнительный комитет. – Режим доступа: http://www.minsk-region.gov.by/ru/rajonnye-i-gorodskoj-ispolnitelnye-komitety. – Дата доступа: 17.02.2019.

25. *Храмцова, Ф. И.* Региональные особенности гендерной политики в Республике Беларусь / Ф. И. Храмцова // Проблемы постсоветского пространства. – 2017. – № 4(3). – С. 256–264.

(Дата подачи: 20.02.2019 г.)

С. М. Алейникова
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

S. Aleinikova
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК [323.23+324]

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ: ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

POLITICAL MARKETING: THE PROBLEMS OF ANALYSIS AND CONCEPTUALIZATION

Статья посвящена понятию политического маркетинга, его основным видам, этапам концептуализации, направлениям и специфике действия, понятийно-терминологическому аппарату. Политический маркетинг, являясь комплексным инструментом как выявления, так и формирования побудительных мотивов политических акторов, становится одним из важнейших условий развития политической системы и обеспечения социальной стабильности общества.

Ключевые слова: политический маркетинг; политические технологии; политическая система; политические процессы.

The article is devoted to the concept of political marketing, its main types, stages of conceptualization, directions and specifics of action, conceptual and terminological apparatus. Political marketing, as a comprehensive tool for both identifying and forming the motivations of political actors, is becoming one of the most important conditions for the development of the political system and ensuring social stability of society.

Keywords: political marketing; political technologies; political system; political processes.

Обращение современной политологии к политическому маркетингу обусловлено рядом факторов: глобализацией и информатизацией общества, общим кризисом идентичности. Многочисленные войны и конфликты привели демократическое сообщество к принятию того факта, что управление взаимодействием многочисленных субъектов отношений, характеризующихся разнонаправленностью и рассогласованием интересов, всегда лежит в плоскости их мотивации. Поэтому основополагающими в современных политических процессах выступают побудительные

инструменты и механизмы, исключающие силовые способы реализации политических целей и задач.

Действие указанных механизмов в рамках маркетинговой парадигмы государственного управления проявляется в выработке новых моделей формирования политических ценностей и предпочтений, всех видов идентичности. Политический маркетинг, являясь комплексным инструментом как выявления, так и формирования побудительных мотивов политических акторов, становится одним из важнейших условий развития политической системы.

Вместе с тем существующие подходы к политическому маркетингу характеризуются разноплановостью и в некоторых случаях противоречивостью. До настоящего времени применительно к политическому маркетингу сохраняется тенденция экстраполяции понятий экономической теории и общей теории маркетинга. *Цель* настоящей статьи – анализ основных этапов концептуализации политического маркетинга, уточнение его терминологического аппарата, функций и направлений развития.

Ретроспективный анализ и структурирование многочисленных теоретических подходов к политическому маркетингу дает основание выделить пять ключевых этапов его концептуализации.

Первый этап ознаменовал начало концептуального оформления Ф. Котлером, С. Леви, С. Ханнебергом основных понятий и категорий, зародившихся в недрах экономической теории и общей теории маркетинга, не выходящих за рамки рыночной парадигмы товара, обмена, продукта [1; 2].

Вторым этапом явилось вычленение С. Келли, М. Бограном из общей теории маркетинга самостоятельного направления, связанного исключительно с политической сферой: электорального маркетинга как инструмента обеспечения интересов политических партий в избирательном процессе [3; 4, с. 149–151].

Работы Д. Линдона заложили начало третьего этапа, впервые дифференцировавшего понятия электорального и политического маркетинга.

Первые три этапа концептуализации политического маркетинга сформировали общую структуру и содержание понятийно-терминологического аппарата. При этом общие категории рынка, спроса, предложения и продукта стали интерпретироваться в контексте трансформации и развития политических процессов, институтов, технологий, позволив уточнить их смысловую нагрузку и функциональное содержание [5; 6].

На четвертом этапе происходит дифференциация ключевых признаков и направлений действия политического маркетинга в зависимости от целей, сфер, субъектов и инструментов (мобилизационный маркетинг, территориальный и региональный брендинг, государственный (национальный) политический маркетинг и др.). Соответственно, в зависимости от направлений уточняется понятийно-терминологический аппарат, расширяется и

дифференцируется перечень концептуальных оснований политического маркетинга.

Так, электоральный маркетинг и территориальный брендинг продолжают рассматриваться в рамках парадигмы рыночных отношений, дополняясь отдельными элементами теорий обмена, социального действия, рационального выбора, символического интеракционизма. С концептуализацией политического маркетинга также тесно связаны положения о конструировании социальной реальности, интегрирующей роли символического ресурса, современного политического мифотворчества, акторно-сетевой теории.

И наконец, пятый этап, продолжающийся в настоящее время, связан с разработкой национального (государственного) политического маркетинга как инструмента выявления и согласования общего, совокупного государственного интереса. В целом, определяя рамки понятия политического маркетинга в современном политологическом дискурсе, на сегодняшний день можно говорить о многообразии подходов к его изучению и концептуализации (рис. 1).

Рис. 1. **Основные этапы концептуализации политического маркетинга**

Несмотря на разнообразие подходов, общим в них является то, что политический маркетинг рассматривается как способ направленного воздействия на политический процесс [7]. Данное воздействие осуществляется, во-первых, через изучение побудительных мотивов (потребностей, ценностей, норм), обусловливающих поведение целевой аудитории. Во-вторых, через удовлетворение уже сформировавшихся в обществе политических ожиданий, выражающихся в конкретном политическом спросе.

Большинство описанных подходов исходит из первичности нужд и потребностей личности, политических акторов или общества в целом, обусловливающей: а) мотивы политического поведения; б) спрос на конкретный политический продукт. Выявление и структурирование потребностей и мотивов становится основным инструментом влияния на ожидаемое поведение политических акторов.

В свою очередь изучение спроса позволяет сформировать адекватное предложение, которое было бы востребовано целевой аудиторией. Специфи-

кой политического маркетинга является то, что он охватывает обе маркетинговые стратегии: «потребности – спрос – предложение» и «потребности – мотивы – поведение». Соответственно, первичной задачей политического маркетинга выступает не только удовлетворение уже имеющегося спроса (нужд, интересов и потребностей) общества, но и их формирование.

Выдвигая на первый план соответствующие концептуальные основания, политический маркетинг позволяет интегрировать противоречивые на первый взгляд подходы в единую маркетинговую стратегию – новую парадигму государственного управления. Это обусловливает значительное расширение рамок общего понятия политического маркетинга, сочетание различных концептуальных оснований, предполагая его рассмотрение в качестве интегративной категории.

Анализ основных этапов, общей эволюции понятия политического маркетинга, концепций и подходов позволяет обобщить и дифференцировать понятийно-терминологический аппарат политического маркетинга, который в общем виде был заложен на первых трех этапах его развития. В качестве ключевых категорий в политическом маркетинге выступают «рынок», «обмен», «предложение», «продукт», «производитель», «потребитель», «маркетизация», «дистрибуция».

Понятие рынка как системы устоявшихся отношений обмена товаров и услуг в политическом маркетинге применимо в части отношений, возникающих по поводу политического спроса и обусловленного данным спросом политического предложения. Под «рынком» в политическом маркетинге понимается политическое пространство, которое в традиции П. Бурдье, Э. Гидденса, А. Шюца, Г. Лассуэла рассматривается как часть более широкого социального пространства, способного вмещать в себя, помимо определенной территории, множество различных подпространств-слоев.

Политическое пространство включает в себя всю совокупность акторов, формальных и неформальных отношений, взаимодействий, политических институтов, иерархий субъектов в их целостности, обусловленной общими политическими задачами [8, с. 41–43]. Спецификой политического пространства в условиях множественности конкурирующих между собой «полей» является выстраивание соответствующих иерархий и сегментов рынка. Борьба за пространственное господство становится, по П. Бурдье, «одной из привилегированных форм осуществления господства» на политическом рынке [9, с. 83].

По сути, именно пространственный подход постепенно становится доминирующим в политологической науке при соотнесении статусов и позиций акторов как межгосударственных отношений, так и в рамках одной политической системы. Пространственный подход к пониманию рынка изменяет конфигурацию смыслов, вкладываемых в понятие обмена. Если в экономике под данной категорией традиционно понимается совокупность отношений, проявляющихся непосредственно или в форме обмена продук-

тами труда, то в политическом маркетинге ключевым в понятии обмена становится характер и тип взаимодействия.

С одной стороны, в контексте существующих определений политического маркетинга можно говорить о субъект-субъектных отношениях, предполагающих реализацию политического, а также других форм социального взаимодействия. Основной принцип политического взаимодействия заключается во взаимообусловленности политических действий, их обмене, реализации своих ролей и наличии «обратной связи». Основой политического маркетинга, таким образом, становится интеракция (взаимодействие) политических акторов.

С другой стороны, для такого направления политического маркетинга, как, например, электоральный маркетинг, характерно выстраивание субъект-объектного типа взаимодействия. Данный тип взаимодействия в большей степени соответствует прикладному пониманию политического маркетинга, при котором субъектом адресного воздействия является кандидат, а объектом – избиратель. Подобные отношения не предполагают полноценного обмена, наличия «обратной связи» и, как правило, характеризуются низким уровнем межсубъектного взаимодействия.

Применительно к преобладающей системе субъект-субъектных отношений в политическом маркетинге основными субъектами выступают политические акторы: акторы-заказчики и акторы-потребители. Трансформация понятия производителя в актора-заказчика происходит ввиду того, что политическое предложение или политический продукт, как правило, является совокупным результатом общественно-политического сознания и обусловлено всем ходом исторического развития общества.

Основанием дифференциации понятий политического предложения и политического продукта выступает степень соответствия предложения сложившемуся политическому спросу и готовности политических акторов к выстраиванию соответствующего взаимодействия.

В качестве потребителя в политическом маркетинге выступает целевая аудитория – группы политических акторов, дифференцированных по потребностям и сферам интересов. Выявление основных характеристик целевой аудитории является основополагающим в процессе маркетизации любого вида политического продукта.

Маркетизация, в свою очередь, понимается в двух смыслах. Во-первых, как процесс внедрения в политическую сферу принципов субъект-субъектного взаимодействия, наличия «обратной связи». Во-вторых, как процесс преобразования политического предложения в политический продукт с учетом потребностей и интересов политических акторов, т. е. выделение ключевых критериев, характеризующих его в качестве обобщенного интереса, интегрирующего общество основания.

При этом основанием дифференциации понятий политического предложения и политического продукта выступает степень соответствия пред-

ложения сложившемуся политическому спросу и готовности политических акторов к выстраиванию соответствующего взаимодействия. Политическое предложение представляет собой идеи, концепты, доктрины, моделирующие возможные формы взаимодействия субъектов политического процесса. В качестве конкретного политического продукта могут выступать маркетинговые стратегии, технологии и инструменты политического маркетинга, непосредственно формирующие формы взаимодействия политических акторов.

Политический продукт ориентирован на потребление целевой аудиторией и в узком смысле (преимущественно в рамках электорального маркетинга), в отличие от всегда овеществленного товара, рассматривается как программа политической партии либо политическая идеология. В широком смысле под политическим продуктом понимается форма взаимодействия субъектов политического процесса. Особенностью политического предложения и продукта является также их некоммерческий, неденежный и, как правило, нематериальный характер [10].

Продвижение (дистрибуция) политического продукта может осуществляться с помощью как политических, так и неполитических институтов, через инструменты «мягкой силы». В случае продвижения политического продукта через политические институты канал дистрибуции в политическом маркетинге является прямым, не предусматривая привлечение посредников между производителем и целевой аудиторией. При включении в данный процесс неполитических институтов и инструментов «мягкой силы» канал дистрибуции является косвенным, а сами неполитические институты (религия, культура, образование и др.) выступают, как правило, в качестве ретранслятора политических идей, программ или доктрин.

В совокупности все взаимодействия всех политических акторов направлены на реализацию основной целевой функции политического маркетинга – формирование и обеспечение общего государственного национального интереса. Что касается конкретных инструментов, то они характеризуются многообразием и в значительной степени универсальностью, когда один и тот же инструмент может применяться для обеспечения различных целей и задач.

Весь перечень политических технологии можно дифференцировать по трем основным уровням: макроуровень (стратегический, долгосрочный), метауровень (тактический, краткосрочный), микроуровень (процедурный, прикладной). Первый из перечисленных уровней (стратегический) является уровнем политического маркетинга, решая задачи консолидации и мотивации политических акторов на основе базовых идей, интересов, ценностей, стратегических целей.

Первому уровню политического маркетинга, в зависимости от стратегических целей и задач государства, могут соответствовать политические технологии иных групп и оснований. Области возможного пересечения сфер применения различных политических технологий становятся индика-

торами, позволяющими оценивать эффективность их применения, а также выявлять каналы возможного внешнего политического либо информационного влияния.

Учитывая высокую динамику развития политических систем, более распространенным в технологизации политических процессов является вариант, когда политические технологии объединяются в модуль с комплексом взаимосвязанных элементов, подчиненных одной цели. Модуль представляет собой целевой функциональный блок, в котором теоретические и концептуальные основания, основные структурные элементы, инструменты и технологии продвижения политического предложения объединены в одну маркетинговую стратегию.

При решении стратегических задач в политическом маркетинге процесс маркетизации включает в себя следующие этапы:

• определение социально-демографических характеристик целевой аудитории, ее основных статусных и ролевых наборов, места и функций в политической системе общества;

• на основе перечисленных характеристик выявление основных потребностей и ценностей целевой аудитории;

• на их основе выстраивание структуры мотивов политической активности целевой аудитории;

• определение направлений дистрибуции и инструментов маркетизации политического продукта, разработка новых либо адаптация существующих технологий и инструментов политического маркетинга.

Последний из перечисленных этапов не является заключительным, учитывая стратегический (долгосрочный) характер действия политического маркетинга. Это связано с тем, что в процессе осуществления взаимодействия и получения «обратной связи» с целевой аудиторией происходит изменение ряда ее характеристик, что требует нового уточнения и корректировки инструментария политического маркетинга, обусловливая цикличность данного процесса.

Проведенный анализ этапов концептуализации политического маркетинга позволяет сделать следующие выводы:

1. Стратегической целью политического маркетинга является выявление и формирование общего для всех политических акторов совокупного политического интереса (спроса). Действие политического маркетинга как способа направленного воздействия на политический процесс осуществляется через выявление и формирование побудительных мотивов, удовлетворение политического спроса целевой аудитории.

Основу политического маркетинга составляет система взаимодействия индивидуальных и коллективных субъектов – политических акторов: «актор-заказчик» (государство) и «акторы-потребители» (целевая аудитория), объединенных единым политическим пространством (политическим рынком) и находящихся в отношениях постоянного обмена через прямые (по-

литические) и косвенные (неполитические) каналы спроса и дистрибуции политического предложения или продукта.

2. Спецификой действия политического маркетинга является сочетание двух маркетинговых стратегий: «потребности – мотивы – поведение» и «потребности – спрос – предложение», ориентированных как на выявление побудительных мотивов целевой аудитории, так и их формирование. Технологии политического маркетинга дифференцированы по уровням, первый из которых (стратегический) решает задачи политической консолидации и мотивации политических акторов на основе базовых идей, интересов, ценностей, стратегических целей.

3. Маркетизация в политическом маркетинге предусматривает выделение качественных характеристик политического продукта как обобщенного интереса и интегрирующего общество основания. Процесс маркетизации включает в себя: во-первых, внедрение в политическую сферу принципов субъект-субъектного взаимодействия, «обратной связи» политических акторов; во-вторых, преобразование политического предложения в политический продукт с учетом потребностей и интересов целевой аудитории. Особенностью маркетизации в современном политическом маркетинге является формирование многофункциональных моделей – маркетинговых стратегий, носящих цикличный характер и объединяющих в себе ряд логически взаимосвязанных элементов (модулей).

Обращение к человеку как высшей ценности государства, его потребностям и интересам дает основание рассматривать политический маркетинг в качестве одного из факторов обеспечения устойчивого развития политической системы и социальной стабильности в обществе.

Список использованных исочников

1. *Kotler, Ph.* Country as brand, product, and beyond: a place marketing and brand management perspective / Ph. Kotler, D. Gertner // Journal of Brand Management. – 2002. – T. 9, № 4–5. – P. 249.

2. *Kotler, Ph.* There's no place like our place! The marketing of cities, regions, and nations / Ph. Kotler, D. Haider, I. Rein // PM. Public Management. – 1994. – T. 76, № 2. – P. 15–18.

3. *Lilleker, D. G.* The impact of political marketing on internal party democracy / D. G. Lilleker // Parliamentary Affairs. – 2005. – T. 58, № 3. – P. 570.

4. *O'Shaughnessy, Nicholas.* The marketing of political marketing / Nicholas O'Shaughnessy // European Journal of Marketing. – 2001. – T. 35, № 9–10. – P. 1047–1057.

5. Political marketing: concepts and theories; ed. by Paul Baines [etc.]. – Los Angeles: Sage, 2011. – LIII. – 320 p.

6. *Speed, R.* Human branding in political marketing: applying contemporary branding thought to political parties and their leaders / R. Speed, P. Butler, N. Collins // Journal of Political Marketing. – 2015. – T. 14. – P. 129–151.

7. The political marketing mix: strategy and implementation ; ed. by Paul Baines [etc.]. – Los Angeles: Sage, 2011. – VI. – 401 p.

8. *Lasswell, H. D.* The structure and function of communication in society / H. D. Lasswell // The Communication of Ideas; ed. Bryson J. – New York: Harper and Brothers, 1948. – P. 37–51.

9. *Бурдье, П.* Социология политики / П. Бурдье: пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Социо-Логос, 1993. – 336 с.
10. *Reid, M.* David. Marketing the political product / David M. Reid // European Journal of Marketing. – 1988. – Т. 22, № 9. – P. 34–47.

(Дата подачи: 28.01.2019 г.)

К. А. Алексенко
Белорусский государственный университет, Минск

K. Aleksenko
Belarusian State University, Minsk

УДК 316.647.8:323

ИМИДЖ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

THE IMAGE IN THE CONTEXT OF THE BELARUSIAN STATE

В статье рассматривается имидж в контексте белорусского государства. Выделяются некоторые элементы, на которых строится имидж государства. Раскрывается место и значимость положений Конституции в формировании имиджа государства, а также рамки, в которых необходимо строить вектор развития, чтобы обеспечить консолидацию белорусского общества. Также рассматривается имидж в контексте политической культуры.

Ключевые слова: имидж; политическая символика; имидж в контексте; политический имидж; имидж государства; позитивный имидж.

The article deals with the image in the context of the Belarusian state. The main elements on which the image of the state is based are highlighted. The author reveals the place and importance of the provisions of the Constitution in the formation of the image of the state, as well as the framework in which it is necessary to build a vector of development to ensure the consolidation of the Belarusian society. Image is also considered in the context of political culture.

Keywords: image; political symbolism; image in context; political image; image of the state; positive image.

Республика Беларусь – молодое государство, тем не менее имеющее большую историю, к которой, собственно, мы и будем обращаться для формирования привлекательного имиджа страны и государства в целом.

Современный мир очень динамичен в своем развитии. И вот уже у такого казалось бы молодого государства есть свои сильные стороны, вокруг которых и необходимо формировать узнаваемость государства. Как итог, мы можем получить большую лояльность со стороны других государств и, соответственно, приобрести узнаваемость, что приведет к формированию конкурентоспособной позиции на международной арене.

При нарастании без концептуального потока политики главным системообразующим конструктором в нормативно-символической сфере становится имидж. Именно он выступает средством индивидуализации людьми политических проектов [1, с. 360].

Для постмодернистской гносеологии характерен переход от анализа объекта к анализу контекста. Чтобы осмыслить какое-либо явление, уже недостаточно раскрыть его феноменологию. Необходимо также оценить условия, реконструировать контекст. Метод контекстуализации становится в современных исследованиях основополагающим [2, с. 7]. В свою очередь теоретико-методологические и политические основы концепта имиджа заложены в рамках контекста Конституции Республики Беларусь. Одно из положений, на которое следует обратить особое внимание, заключается в том, что безопасное развитие личности возможно в условиях национального согласия, отсутствия насилия на религиозной, расовой, социальной или иной почве. Сохранение мира в обществе, разрешение противоречий только посредством правовых средств зависит от разумности власти и тех, кто находится к ней в оппозиции [3, с. 27]. При соблюдении этого базового условия можно говорить о формировании положительного имиджа в стране.

Государство также ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь.

Историко-культурное наследие народа Республики Беларусь, созданное им, является его достоянием, неотъемлемой частью достижения мировой цивилизации. Ее духовные, художественные и документальные ценности создают необходимые условия духовного, интеллектуального и экономического развития общества. Идентификация, охрана, сохранение, популяризация, передача поколениям историко-культурных ценностей – святая обязанность государства, дело чести ее гражданина. Историко-культурными ценностями являются наиболее отличительные материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, которые имеют выдающиеся духовные, эстетические и документальные достоинства и взяты под охрану государства [3, с. 77]. А все это относится к типам политической символики, которые особенно важны для формирования имиджа государства.

Имидж формируется с помощью специальных технологий. Одной из таких технологий является символическая политика. Само понятие «символ» – условный знак, зримое выражение определенной идеи, понятия. [4, с. 9]. Символическая власть культуры существует лишь потому, что ей подчиняются миллионы людей, которые верят в ее ценность, принципы, традиции. Сегодня борьба за культурные ценности все чаще разворачивается в информационном поле. Поэтому в постклассическую эпоху основным оружием становится возможность навязать свой культурный код максимальному количеству людей и тем самым подчинить себе систему управления. Именно поэтому сейчас так важно бережно относиться к культурно-историческому наследию и символическому капиталу белорусской культуры в целом.

Сегодня возможности оказания воздействия на сознание и подсознание человека являются определителем политического успеха на уровне государ-

ства и партий. Посредством соответствующих знаков происходит идентификация «своих» и «чужих». Еще С. Ф. Хантингтон говорил об этом в своих трудах. Между тем через идентификацию лежал прямой путь к формированию прикладных разработок по манипуляции коллективным бессознательным. Уже в фашистской Германии детально изучалось целевое воздействие семиотики в рамках решения текущих политических задач. Представителем школы неокантианства Э. Кассирером поднимался вопрос о неспособности человеческого символизма. Между тем символ подобен любому другому виду современного оружия и в своих трудах Э. Кассирер определял человека как «символическое животное» [2, с. 4], что, в свою очередь, дает понять, какое сильное воздействия на массы может оказывать символическая политика и что появляются рычаги по управлению и манипулированию массовым сознанием.

Политическая символика в отечественной историографии ограничивалась долгое время главным образом государственными символами. А, как известно, государственная символика — это совокупность символов какого-либо государства (герб, флаг, гимн) [5, с. 15]. Но при формировании имиджа государства мы будет смотреть шире и обратимся к В. Э. Багдасарян, который выделяет несколько особо важных для формирования имиджа государства, типов политической символики:

- государственные (герб, флаг, гимн);
- денежные (изображения на деньгах);
- архитектурные (политически значимые здания, храмы);
- графические (цветовая символика, эмблемы);
- коммуникативные (символы места и времени, праздники)…

Подробнее следует рассмотреть государственный тип политической символики. Он закреплен на законодательном уровне. Символами Республики Беларусь как суверенного государства являются ее Государственный флаг, Государственный герб и Государственный гимн [6]. Следует отметить, что вопрос о Государственном флаге и Государственном гербе Республики Беларусь выносился на республиканский референдум и был одобрен 75,1 % голосов лиц, участвовавших в народном голосовании [3, с. 85]. По результатам референдума установились тесные отношения нашего государства с Российской Федерацией.

И поскольку неотъемлемой частью имиджа выступают герб, флаг, гимн и другие атрибуты, воплощающие идею национально-государственного единства и величия, при формировании имиджа государства, помимо всего прочего, необходимо учитывать воздействие всей системы ценностей, сложившихся в данном обществе, что делает изучение социокультурных и исторических традиций, сформировавшихся в прошлом и передающихся от поколения к поколению, весьма актуальной задачей.

В свою очередь символическая политика оказывает невероятно сильный эффект на формирование имиджа государства и страны в целом,

а отношение к ней определяет уровень самосознания народа в целом. Общее направление мысли заключается в достижении и понимании практического значения политической культуры, а соответственно, и политической символики. Символы могут быть как производными от политики, так и сами выступать в роли политических факторов. На основании нового достигнутого понимания практической значимости политической символики ее функционал определяется следующим факторным перечнем:

• политическая самоидентификация в рамках государства и различных общественных объединений;

• политическая маркировка «чужих» с распределением их по степени враждебности – дружественности;

• фиксация и формирование отношений к существующим политическим институтам и т. д.

Политическая жизнь, соответственно, выстраивается под существующие до нее символические прообразы.

Следует отметить, что никакая государственность в долгосрочной перспективе не может существовать без национальной идеи. Еще в античном мире, руководствуясь идеологемой Pax Romana, исторически реализовывался проект формирования мировой империи. Вполне осознанной целевой идеологической установкой обладала Московская Русь придерживаясь концепта о Третьем Риме как о мессианском царствии. И собственно идеология советского государства определялась мессианской эсхатологией коммунизма. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» использовался в качестве национальной идеологемы.

Ответы на указанные вопросы в виде мировоззренческой позиции ведут к закладке идеологии современного белорусского государства, ядром которой выступает национальная идея. Такая идея представляет собой емкое и зачастую метафорическое выражение главных ценностей и целей страны, ее народа, имеющих основания в их истории и предполагающих свою реализацию в длительной перспективе посредством солидарных усилий многих поколений. Зачастую ее усеченный вариант формируется как призыв, девиз, близкий к официальной символике. Так, во Франции установлен девиз «Свобода, Равенство, Братство» и главный принцип – правление народа, народом и для народа. Подобный девиз как подход к выражению национальной идеи в современной Беларуси отсутствует. Но его обретение было бы полезным.

Собственно, становится понятно, что национальная идея идет рядом с политической символикой, вторая, в свою очередь, является своеобразным идеологическим аккумуляторам.

С помощью создания более конкретной национальной идентичности, избавления от негативных стереотипов, повышения уровня открытости государственной системы, расширения каналов коммуникации возможно

формирование позитивного имиджа Беларуси в современном мире. Для успешного функционирования необходима система, а значит, необходимо работать над разработкой и применением имиджевой стратегии для системного и долгосрочного использования имиджевых ресурсов в международной деятельности.

Такой ресурс имиджа, как символика, зачастую является в большей степени коммуникативом, нежели нарративам. Через символ может быть номинирован смысл, который подразумевается, но не допускается к публичному текстуальному декларированию. А ведь массовая коммуникация представляет собой важнейший инструмент политического управления и обеспечения массовой лояльности к существующей власти.

Поскольку символика во все времена выполняла функцию групповой идентификации, посредством нее осуществлялась маркировка «своих» и «чужих». Без маркировочных символов сохранение идентичности в долгосрочной перспективе невозможно. А без идентичности не существует и общества. Символ – это не только маркировочная, но и управленческая категория. С помощью символа можно даже программировать поведенческие реакции. Череда «оранжевых революций» демонстрирует, что такое управление – не сфера футурологии, а состоявшийся факт. Страны, не владеющие технологиями семиотического манипулирования, обречены на поражение в наступающей эпохе несиловых войн, им уготована роль аутсайдера в новой глобальной модели информационного общества [2, с. 219].

Политическая символика – один из основных компонентов политического имиджа, на основе которого складывается репутация государства, оценка его внутренней и внешней политики. Сегодня проблема формирования положительного имиджа Республики Беларусь занимает важное место в системе приоритетов государства и общества. Следовательно, актуальным является анализ динамики имиджа Беларуси, который на современном этапе представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Для небольшой статистики и наглядного примера следует сделать запрос по ключевому слову в Яндексе. Для сравнения представим запрос по нашей стране и двум граничащем с ней странам. Статистика показывает, как часто пользователи интернет-ресурса делали запросы по ключевому слову:

«Беларусь» – 5 054 891 показа в месяц;

«Россия» – 58 262 528 показа в месяц;

«Украина» – 9 623 764 показа в месяц;

Также можно проанализировать туристическую привлекательность страны:

«Беларусь путешествия» – 1710 показов в месяц;

«Россия путешествия» – 29 510 показов в месяц;

«Украина путешествия» – 856 показов в месяц [7, с. 24].

Если обратиться к альтернативному источнику информации, а именно сделать запрос в Google Trends, то видно, что в мае был пик популярно-

сти запроса «Беларусь», а сверхпопулярные запросы относились к зимним олимпийским играм 2018 г.

Проанализировав данные, можно сделать вывод, что еще предстоит большая работа для создания привлекательного имиджа государства. Ведь имидж становится достаточно динамичным, и нам стоит приложить максимум усилий для его надлежащего формирования.

Следует также отметить, что имидж государства в целом означает совокупность политических аспектов, а вот имидж страны – это в первую очередь цивилизационные характеристики, но мы предпочитаем рассматривать совокупность этих понятий для более точной картины происходящего.

Достаточно часто используют понятие «белорусский бренд», когда речь заходит о таких категориях, как мебель, трикотаж, белье, косметика.

Также есть ряд достаточно перспективных направлений, с помощью которых необходимо развивать белорусский имидж:

- агроэкотуризм;
- выгодное месторасположение, ведь географический элемент и определяет имидж страны как устойчивый и диверсифицированный географический образ, основной чертой которого является стремление к усложнению структуры и усилению степеней взаимосвязанности его основных элементов [8, с. 35];
- высокий уровень РЧП (Индекс человеческого развития);
- «транзитная экономика»;
- нанотехнологии в информационных технологиях.

Это и есть основные категории, с помощью которых Республика Беларусь может выйти на новый уровень и повысить свою узнаваемость, а следовательно, доверие на международной арене, что является немаловажным при формировании имиджа государства в контексте Конституции Республики Беларусь.

Программно-директивная конкретизация конституционных положений об идеологическом выборе стран является развитием ее собственного программного характера. Данная конкретизация направлена на поиск и практическое воплощение таких установленных концептов, которые бы наиболее точно в конституционно заданных пределах выражали особенности Беларуси, стоящие перед ней вызовы и средства оптимального ответа на них.

Таким образом, возрастание имиджа Беларуси как в мире, так и внутри страны зависит от того, насколько удастся создать позитивный имидж, используя необходимые механизмы и технологии, которые будут основаны на реальных успехах в главных сферах жизнедеятельности, культурного и исторического наследия, научного, спортивного, туристического потенциала.

Список использованных источников

1. *Соловьев, А. И.* Политическая идеология / А. И. Соловьев // Политология. Лексикон. – М.: РОССПЭН, 2007. – 360 с.

2. *Багдасарян, В. Э.* Политическая символика: монография / В. Э. Багдасарян. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 221 с.

3. *Василевич, Г. А.* Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г. А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2000. – 484 с.

4. *Корников, А. А.* Основы российской геральдики: курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020700 – История / А. А. Корников; М-во образования и науки Рос. Федерации, Иванов. гос. ун-т. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2004. – 217 с.

5. *Мисюров, Д. А.* Роль государственной символики в моделировании политических процессов в Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д. А. Мисюров. – М., 2005. – 189 с.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. / М-во внутрен. дел. Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 40 с.

7. Статистика ключевых слов на Яндекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wordstat.yandex.ru. – Дата доступа: 29.01.2019.

8. *Замятин, Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. – СПб.: Алетейя, 2003. – 336 с.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

Н. А. Антанович
Белорусский государственный университет, Минск

N. Antanovich
Belarusian State University, Minsk

УДК 321.6+321.7

ГИБРИДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

HYBRID REGIMES IN THE POLITICAL SYSTEMS TYPOLOGY

В статье раскрывается динамика научного дискурса по проблемам классификации политических систем. Рассмотрены социально-политические и внутринаучные предпосылки появления концепта гибридных режимов. Определены особенности гибридных режимов. Выявлены две линии в трактовке гибридных режимов: внешняя близость к демократиям, соответствующим критериям конкуренции элит и свободного демократического участия; принадлежность к так называемым эксклюзивным политическим системам, таким как конкурентный авторитаризм либо «дефектная фасадная демократия» и ее разновидности.

Ключевые слова: гибридный политический режим; политическая система; тоталитаризм; автократия; неоавторитаризм; демократия.

The article discusses modern scientific discourse on the problems of political systems classification. The sociopolitical and intra-scientific prerequisites for the concept of hybrid regimes are considered. Features of the hybrid regimes are determined. Two lines have been identified in hybrid regimes interpretations: external proximity to democracies that meet the

criteria for elite competition and free democratic participation; belonging to exclusive political systems, such as competitive authoritarianism or «defective façade democracy» and its varieties.

Keywords: hybrid political regime; political system; totalitarianism; autocracy; neo-authoritarianism; democracy.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей научного дискурса по проблемам классификации политических систем с акцентом на их смешанные, гибридные разновидности.

Изучение гибридных политических режимов – проблема, которая была поставлена политологами в 1990-е гг. В ряду авторов, которые впервые применили термин «гибридный режим», называют Т. Л. Карла, который изучал политические системы Центральной Америки (Karl, Terry Lynn. The Hybrid Regimes of Central America, 1995). Одной из значимых публикаций также стала работа Д. Коллиера и С. Левитского «Демократия с прилагательными» (1997). Вклад в изучение гибридных политических режимов внесли известные западные политологии: Г. О'Доннел, Ф. Шмиттер, Л. Вэй, Б. Геддес, Л. Даймонд, Ф. Закария, Л. Марлино, В. Меркель, М. Богардс, Т. Бейхелт, М. Шмидт. Среди российских политологов изучением гибридных режимов занимаются В. Я. Гельман, Е. А. Кузьмина, Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов, Г. А. Сатаров, С. Н. Шкель, Л. Ф. Шевцова, Е. М. Шульман и др. По проблематике динамики политических режимов российскими авторами в последние годы защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: «Трансформация институтов судебной власти в процессе консолидации гибридного политического режима (на примере Конституционного суда РФ)» (И. С. Григорьев, 2017), «Особенности модернизации постсоветских политических режимов» (М. М. Маммадов, 2017).

Концепт гибридных политических режимов стал следствием необходимости переосмысления нескольких ключевых исследовательских полей политической науки: 1) сравнительный анализ государств, сущность и типология политических систем; 2) изучение обществ транзита («транзитологическая парадигма»); 3) теория демократии и переосмысление практики демократического политического процесса; 4) исследование авторитарных политических режимов. Специализированная библиография изучения гибридных режимов фокусируется на трех областях: «причины возникновения, условия стабильности и переходы от гибридности» [1].

Проводя типологию политических режимов, многие авторы признавали существование смешанных разновидностей различных режимов. Это умозаключение составило основу трактовки сущности «гибридов» и направленность исследовательского интереса ряда политологов. Изучение гибридных режимов идет как в русле анализа «волн демократизации», так и «волн авторитарных откатов». *Гибридные режимы* объединяют демократические черты (например, регулярные прямые выборы) с автократическими (например, политические репрессии) [1; 2]. Хотя в трактовках гибридных режимов

возникают разночтения, но при этом сложился консенсус в признании, что гибридные режимы получили широкое распространение после окончания холодной войны. Концепция гибридных режимов была разработана, чтобы осмыслить развитие стран, попадавших в «серую зону институциональной неопределенности». Дополнительным фактором распространения применения понятия гибридных режимов стало его использование в ранжировании государств аналитическим центром «Дом свободы» (Freedom House) на консолидированные и частично консолидированные демократии, *переходные* или *гибридные режимы*, частично консолидированные и консолидированные автократии.

Итак, под гибридным понимают политический режим, сочетающий «элементы институциональной демократии и авторитарной практики» [3]. Наряду с понятием гибридных режимов в том же смысловом спектре могут применяться понятия, отражающие суть «дефектных демократий» / «демократий с прилагательными». Л. Марлино, оказывая нечеткость определений (итальянский политолог, который с 2009 по 2012 гг. являлся президентом Международной ассоциации политических наук) ставил вопрос: существуют ли гибридные режимы, это форма переходных политических систем либо лишь «оптическая иллюзия»? (Morlino, Leonardo «Are there hybrid regimes? Or are they just an optical illusion?», 2009).

Как нами было отмечено, концепт гибридных режимов возник в том числе в связи с исследованиями авторитаризма. Российский политолог С. Н. Шкель выявил «волны исследований авторитаризма», связанные с «авторитарными откатами» от демократизации: 1922–1942 гг., 1958–1975 гг. [4]. В рамках «первой авторитарной волны» появилась «парадигма тоталитаризма» – до середины 1960-х гг. доминирующей в объяснении природы политических систем незападных стран была идея тоталитаризма в изложении К. Фридриха, З. Бжезинского (работа «Тоталитарная диктатура и автократия», 1956), Х. Арендт («Истоки тоталитаризма», 1951). К признакам тоталитаризма были отнесены: монопольная идеология, официально закрепленная однопартийность, централизация экономики, милитаризация страны, государственная цензура и монополия на СМИ, государственный террор и массовые репрессии.

Вторая волна в изучении авторитаризма связана с именами таких известных политологов, как Х. Линц, А. Степан, Г. О'Доннелл, Ф. Шмиттер. Указанные авторы сделали свои выводы, в значительной части опираясь на опыт развития стран Латинской Америки, Африки, Азии. Внимание исследователей было сконцентрировано на рассмотрении сущности и отличий авторитаризма от тоталитарных диктатур. Х. Линц и А. Степан подразделяли недемократические режимы на тоталитарные, авторитарные и султанистские [5]. Х. Линц выявил разновидности авторитаризма: дототалитарный, постколониальный, военно-бюрократический, корпоративистский, «расовая демократия» [6].

Г. О'Доннелл разработал объяснительные концепты «авторитарно-бюрократического государства» и «делегативной демократии». «Делегативная демократия» формируется в централизованных государствах, где доминирует исполнительная ветвь власти, не ограниченная другими ветвями власти [7]. Ф. Шмиттер в качестве гибридных режимов выделил демократуру (проводится демократизация без либерализации, когда победа на выборах гарантирована правящим силам при исключении определенных политических групп от участия в выборах) и диктабланду (проводится либерализация без демократизации, а правящие силы не подотчетны гражданам). Ф. Шмиттер указывал, что гибридные режимы формируются в переходный период в силу «прививки» авторитарных методов управления формирующейся политической системе [8].

К третьей волне изучения гибридных режимов можно отнести работы следующих западных политологов: Л. Даймонд, Б. Геддес, С. Левитски, Л. Вэй. Отталкиваясь от реальности «третьей волны демократизации», Л. Даймонд в работе «Размышляя над гибридными режимами» (2002) рассмотрел соревновательные автократии, гегемонистские электоральные автократии, электоральные демократии, спорные режимы в качестве гибридных [2]. Гибридный режим, по Л. Даймонду, является «псевдодемократическим», поскольку «формальное наличие демократических политических институтов (многопартийное электоральное соревнование) маскирует и легитимизирует реальность авторитарного господства» [2, p. 24].

Б. Геддес применила критерий ключевого субъекта принятия политических решений и на этой основе разграничила авторитарные режимы на «персоналистские, военные, однопартийные и *амальгамы* чистых типов» [9, p. 121]. Б. Геддес писала: «Большинство авторитарных режимов устанавливаются либо военным вмешательством, либо устранением конкуренции со стороны партии, которая получает власть в результате выборов… Персоналистские режимы обычно возникают после фактического захвата власти в результате борьбы за власть между соперничающими лидерами» [9, p.122–123].

С. Левитский и Л. Вэй изучали демократические, конкурентные авторитарные и закрытые авторитарные политические режимы (таблица 1).

Конкурентные автократии, согласно Л. Левитскому и Л. Вэю, – новый тип режима, который является гибридным. Конкурентные автократии получили распространение после холодной войны и отличаются тем, что в них проходят регулярные выборы, однако элиты злоупотребляют своим положением [10, с. 4–5]. В гибридных системах наличествуют атрибуты демократии: выборы, защита гражданских свобод, достаточно развитое политическое поле [10, с. 6]. Гибридные режимы зависят от: а) влияния ближайших торговых и финансовых партнеров («leverage»), б) вовлеченности в контакты со внешним миром («linkage»), в) организации институтов с точки зрения закрепления основ демократии [10]. «Там, где связи с Западом были ограничены и внешнее

демократизирующее давление было слабее, страны редко демократизировались. Там, где должностные лица обладали развитыми сплоченными партийными /организационными структурами, они смогли препятствовать вызовам оппозиции и выживать в конкурентных авторитарных режимах. Там, где у должностных лиц не было таких организационных инструментов, режимы были нестабильны, но при этом редко демократизировались» [11].

Таблица 1

Сравнительный анализ демократии, конкурентного авторитаризма и закрытых режимов [10]

Критерий	Демократия	Конкурентный авторитаризм	Закрытый режим
Наличие ядра демократических правил и институтов (выборы, гражданские свободы)	Широко признаны и укоренены как единственный путь к власти	Существуют и являются значимыми, но систематически нарушаются в пользу инкумбента	Не существуют или сводятся к фасадному статусу
Положение оппозиции	Конкурирует на более или менее равных условиях с инкумбентом	Основная часть оппозиции существует легально и в состоянии конкурировать открыто, однако находится в невыгодном положении в силу преследований инкумбентом	Запрещена, действует подпольно
Уровень непредсказуемости	Высокий	Определенная нестабильность в силу напряженности инкумбента в удержании власти	Низкий

М. Шмидт в работе «Политическая эффективность и типы демократии» (2002) наряду с демократиями мажоритарного и немажоритарного типа, а также референдумными демократиями разграничил несколько видов гибридных режимов: частичные демократии (находятся на пути демократизации), эксклюзивные /исключающие демократии (где значительная часть населения исключена из участия в общественно-политической жизни в силу будь-то этнической, религиозной принадлежности или политических убеждений и др.), доменная /анклавная демократия (определенные силы – крупный бизнес, военные, повстанцы – отдаляют демократически избранное руководство от реального управления страной), «нелиберальные демократии» (в которых нарушаются принципы разделения властей и верховенства права, согласно Ф. Закария) [12, p.153].

Итак, гибридный режим имеет как элементы институциональной демократии, так и авторитаризма. С. Н. Шкель указывает, что гибридные режимы рассматриваются как «особые типы политического режима, ха-

рактеризующимися специфическими признаками и логикой функционирования… по своим базовым характеристикам они относятся не к семейству демократических, а к разновидности авторитаризма» [4]. Подчеркнем, что концепт гибридного режима возник как отражение противоречивости процессов транзита «третьей волны демократизации» и откатных движений в сторону формирования консолидированных автократий. Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов акцентируют главный критерий авторитаризма – «моносубъектность власти и принятия решений», отмечая, что субъект принятия решений может быть как персоналитским, так и «выступать в качестве более сложного образования» [13, с. 85–86]. Указанные авторы для описания ряда постсоветских политических систем предложили использовать понятие «неоавторитарных режимов» по следующим признакам: гибкость, позиционирование себя «в качестве сторонников универсальных ценностей прав человека», декларирование ориентации на демократические стандарты [14, с. 171]. Л. В. Слуцкая считает, что «“новый” авторитаризм … основан на госкапитализме, на военных и масс-медийных технологиях, новых методах пропаганды и личностных качествах лидеров» [15, с. 58].

Следует отметить важный момент. В русскоязычной политологии в последнее время отчетливо проявляется тренд критики и даже отторжения не только теории модернизации и транзитологии, но ряда других основ западной политологии. Соответственно, концепт гибридных режимов слабо востребуется (или вовсе игнорируется). Взамен развивается тренд критики демократии с отсылкой к практике ее реализации в западных странах. Приведем пример подобных рассуждений: «Кризис западной демократии, обусловленный распадом многих номинально демократических государств… дискредитирует саму идею демократии в ее классическом понимании… Поп-культура, вытесняя нравственные устои традиционного общества, размыла понятие личной автономности и информационной неприкосновенности, …дав возможность политической элите управлять предпочтениями электората через универсализацию его интересов» [16, с. 99].

Критики демократии традиционно делают акцент на социальной эффективности авторитарных политических режимов в противовес турбулентным процессам демократизации. К примеру, А. Н. Королев ставит под сомнение «теорию о том, что демократические режимы неизменно показывают лучшие социальные результаты» [17, с. 84]. «Безудержная политическая конкуренция фактически препятствует улучшению социальных результатов, тогда как участие способствует их улучшению… возможно, демократизацию нужно начинать с мер, нацеленных на стимулирование различных форм участия, а не на усиление политической конкуренции…» [17, с. 104–103].

В современной политической науке возникли те же вопросы, что и в советском социально-политическом знании конца 1980-х гг.: о разграничении объективности и ангажированности ученых, знании достижений мировой социальной науки, ограниченности мышления ученых штампами и охра-

нительной логикой «здравого смысла». С нашей точки зрения, изучение и понимание особенностей гибридных режимов показывает значимость обращения к теории демократии.

Суммируем особенности гибридных режимов:

• наличие демократических институтов (разделение властей, регулярные выборы, многопартийность), хотя их функционирование ограничено;

• рыночная экономика с государственным вмешательством, что воплощается в государственном капитализме, сближении (вплоть до сращивания) обладания властью и собственностью;

• отсутствие единой обязательной идеологии/идеологическая размытость/«мимикрия»;

• отсутствие механизмов политической преемственности и передачи власти;

• активная коммуникация властных центров с обществом, использование демократической риторики;

• сдвиги в нормативно-ценностных основаниях социума и изменения моделей политической и гражданской идентичности населения;

• высокая адаптивность к меняющейся внутриполитической и внешнеполитической ситуации;

• активное нормотворчество и высокая изменчивость нормативной системы (по выражению Е. Шульман – «легизм, культ писаного права… В гибридных режимах создается масса законов и происходит непрерывное изменение правового поля» [3]).

Таким образом, концепт гибридных режимов возник на основе грандиозного объема научных публикаций по проблемам демократического транзита и изучения недемократических режимов. Ряд исследований в этом пуле основан на принципе: выявим, какая политическая система не является демократической, значит, уточним признаки демократических систем. Недостаточность «парадигмы тоталитаризма» поспособствовала научному интересу к изучению авторитарных режимов, а ограничения «парадигмы демократического транзита» (даже ее «конец», согласно Т. Карозерцу) повлияли на дрейф объяснительных моделей в сторону применения концепта гибридных режимов. Очевидны две амбивалентные линии в трактовках гибридных режимов: а) близость к демократиям, соответствующим критериям конкуренции элит и свободного демократического участия; б) принадлежность к эксклюзивным политическим системам, таким как конкурентный авторитаризм либо «дефектная фасадная демократия».

Список использованных источников

1. Hybrid Regimes [Electronic resource] Oxford Bibliographies. – Mode of access: http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756223/obo-9780199756223-0167.xml. – Date of access: 29.01.2019.

2. *Diamond, L.* Thinking About Hybrid Regimes / L. Diamond // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13, № 2. – P. 21–35.

3. Гибридные политические режимы и коррупция: отчет с научного семинара с Екатериной Шульман [Электронный ресурс] / Нац. ун-т «Высшая школа экономики». – 2016. – Режим доступа: https://lap.hse.ru/news/179341485.html 28.03.2016. – Дата доступа: 21.01.2019.

4. *Шкель, С. Н.* Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки / С. Н. Шкель // PolitBook. – 2013.– № 4. – С. 120–139.

5. *Linz, H.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. / H. Lenz, A. Stepan. – Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996. – 504 c.

6. *Linz, J. J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes / J. J. Linz. – London: Lynne Rienner Publishers, 2000. – 343 p.

7. *O'Donnel, G.* Delegative Democracy? / Guilermo O'Donnel [Electronic resource]. – Kellog Institute Working Paper. – 1993. – № 192. – Mode of access: https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/172.pdf. – Date of access: 29.01.2019.

8. *Шмиттер, Ф.* Угрозы и дилеммы демократии / Ф. Шмиттер // Политнаука [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php. – Дата доступа: 21.01.2019.

9. *Geddes, B.* What do we know about democratization after twenty years? / B. Geddes // Annual review in political science. – 1999. – № 2. – P. 115–144.

10. *Levitsky, S.* Competitive Authoritarianism: The Origins and Dynamics of Hybrid Regimes in the Post-Cold War Era / Steven Levitsky, Lucan Way. [Electronic resource]. – Mode of access: http://homes.ieu.edu.tr/ibagdadi/INT435/Readings/General/Levitsky-Way-Stanford%20-%20Competitive%20Authoritarianism.pdf. – Date of access: 29.01.2019.

11. *Levitsky, S.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War / S. Levitsky, L. Way. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. – 536 p.

12. *Schmidt, M.* Political performance and types of democracy: Findings from comparative studies / M. Schmidt // European Journal of Political Research. – 2002. – № 41. – P. 147–163.

13. *Нисневич, Ю. А.* Постсоветский авторитаризм / Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов // Общественные науки и современность. – 2017. – № 4. – С. 84–97.

14. *Нисневич, Ю. А.* Современный авторитаризм и политическая идеология / Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов // Полис. – 2016. – № 4. – С. 162–181.

15. *Слуцкая, Л. В.* Страх как инструмент возрождения авторитаризма / Л. В. Слуцкая // Политология: государственная политика и управление: сб. науч. тр. Евразийск. собрания политологов. Вып. 1 / редкол.: С. В. Решетников [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2018. – С. 48–59.

16. *Кузьмина, Е. А.* Гибридизация современных политических режимов / Е. А. Кузьмина // Вестн. Поволжск. ин-та управления. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 99–104.

17. *Королёв, А. Н.* Социальная эффективность политических режимов – имеет ли значение демократия?/ А. Н. Королёв // Россия и АТР. – 2016. – № 3(93). – С. 82–105.

(Дата подачи: 20.02.2019 г.)

Г. К. Аргучинцев, Л. В. Старовойтова
Белорусский государственный университет, Минск

H. Arhuchyntsev, L. Starovoitova
Belarusian State University, Minsk

УДК 321(476)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

THE IDEOLOGICAL ASPECTS OF THE POLITICAL SPACE

В статье рассматриваются особенности функционирования идеологической сферы в политическом пространстве, анализируется специфика идеологического производства и идеологического воздействия на властные отношения и политическую практику; определяется своеобразие идеологических аспектов политического поля в условиях сетевых коммуникаций.

Ключевые слова: политическое пространство; идеологическое пространство; идеологическое поле; идеологическое производство; структура идеологического пространства.

In the article discusses the features of the functioning of the ideological sphere in the political space, analyses the specifics of ideological production and the ideological impact on power relations and political practice; the originality of the ideological aspects of the political field in the context of network communications is revealed in the article.

Keywords: political space; ideological space; ideological field; ideological production; structure of ideological space.

Актуальность изучения политического пространства и его идеологической составляющей определяется усложнением мира политики, обострением борьбы за властную доминирование на глобальном, региональном и внутригосударственном уровнях. Идеологическое обеспечение этой геополитической и геоэкономической конкуренции является важнейшим фактором, способствующим реализации экономических и политических интересов государства. Рост научного интереса к идеологической проблематике обусловлен и развитием новых информационных технологий, изменением коммуникационного пространства, в том числе и пространства идеологического. Как отмечают белорусские исследователи, «стабильное функционирование современного общества напрямую зависит от эффективности действующей модели коммуникации в информационном пространстве и конкретном информационном поле» [1, с. 384].

Термин «политическое пространство» первоначально применялся в геополитике как характеристика территориальных размеров и физических границ определенной политической системы, как географические условия функционирования государства. Понятия «политическое пространство» и «территориальное пространство» в концепциях классической геополитики по сути рассматривались как тождественные. Главным для классических

геополитических исследований являлось определение взаимодействий пространства и социума, особое внимание уделялось влиянию географических факторов на функционирование государства. Российский философ А. Г. Дугин отмечал, что именно «пространство определяет смысловые структуры, код социально-политического бытия». «Качественное время (история) и качественное пространство (география) формируют парадигмальный контекст человеческого бытия, координаты онтологии» [2, с. 71, с. 82]. Для шведского ученого Р. Челлена геополитика есть «учение о государстве как географическом организме или явлении, воплощенном в пространстве» [3, с. 94]. В современном обществознании активно и познавательно эффективно используется социологический подход к пониманию пространства. Происходит научное обоснование социального пространства как среды обитания человека, особой реальности, определяемой формированием социальной структуры и социальными взаимодействиями. Политическое пространство является частью социального пространства. Концептуализация политического пространства в политической науке формирует широкое понимание пространственной характеристики политики, сама политика превращается в особое пространство. Сущностью политического пространства являются взаимодействия, связанные с формированием и функционированием властных отношений.

Для политологов важнейшей методологической базой исследования политического пространства стали работы французского социолога П. Бурдьё. Ведущими теоретиками в области изучения политического пространства в современной отечественной науке являются Д. Г. Ротман, А. Н. Данилов, В. В. Правдивец, В. В. Русакевич и др. Представители белорусской лингвистики сформировали научное направление, связанное с применением дискурс-анализа для исследования политического пространства и политического поля Беларуси [4]. В Белорусском государственном университете на кафедре политологии под руководством профессора С. В. Решетникова разрабатывается научная тема «Концептуальные основы и тенденции развития политического пространства в условиях трансформации белорусского общества».

Политическое пространство отличается многомерностью. Это обусловлено структурной сложностью реальной политики. В политике действует институциональная составляющая, т. е. организация власти, политическое институциональное обустройство (политический строй). Политика проявляется как деятельность, как практика принятия и реализации решений. Политика включает и политический курс, направления и программы действий. Политическое сознание также является частью сферы политической жизнедеятельности. Все эти проявления политики взаимосвязаны. Сложность политики как особой сферы социальности позволяет охарактеризовать политическое пространство в его трехмерности: как предпосылки политической организации общества; как цели политических процессов

(геополитика); как среды протекания политических процессов, условия формирования и осуществления политических решений [5].

Близким по смыслу понятию «политическое пространство» является понятие «политическое поле». Для П. Бурдьё политическое поле понимается «одновременно как поле сил и поле борьбы, направленной на изменение соотношения этих сил, которое определяет структуру поля в каждый данный момент…» [6, с. 181–182]. В политическом поле действуют политические агенты, обладающие различным экономическим, социальным, символическим, культурным и собственно политическим капиталом, что определяет их политическую активность и властное влияние. Политическое поле образуется деятельностью политических акторов. Специфика деятельности при формировании политического поля связана с производством определенной продукции, которая обеспечивает социальную поддержку политическому актору. Данная продукция включает в себя программы государственного развития, партийные программы, предвыборные платформы, концепции, комментарии, выделение и обоснование актуальности определенных социальных проблем, формулирование лозунгов; все это «инструменты восприятия и выражения социального мира [6, с. 183]. Политическое поле по своей сути есть поле идеологического производства.

Известный белорусский социолог Д. Б. Ротман отмечает, что «политическое поле» – это «социологическая категория, принятая для обозначения реального пространства, охватывающего территорию определенного государства, в границах которого осуществляется противостояние идеологических концепций, предлагаемых населению отдельными политиками, политическими объединениями, группами или альянсами, стремящимися получить правовыми или, в отдельных случаях, не правовыми методами властные полномочия» [7, с. 5]. В структуре политического поля, предложенной Д. Г. Ротманом, выделяются статусные роли субъектов; конфигурация пространства, спектр поля, характер взаимоотношений противостоящих сил, методы сохранения приоритетов противоборствующих субъектов поля. Следует обратить особое внимание на структурный элемент «спектр поля». Данная категория применяется для определения качественных характеристик политического поля. Такой «качественной определенностью политического спектра является реальное соотношение различных идеологий» [7, с. 5]. Идеологическое поле является частью политического поля. В идеологическом поле политические акторы обладают особыми ресурсами производства идеологической продукции и средствами ее распространения. В идеологическом поле происходит постоянная конкуренция за производство ценностей, за право дифференциации событий, определения их значимости, трактовки конкретных процессов, их оценки, т. е. идет борьба за формирование видения социального мира (право называния). Как отмечал Г. Лассуэлл, «язык политики – это язык власти. Это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вер-

дикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения» [7].

Идеологическое поле отличается высокой степенью напряженности, динамизмом и быстрым изменением идеологического спектра под воздействием объективных и субъективных факторов. Основным содержанием политической продукции (в открытой или завуалированной форме) являются властные отношения, их трактовка, обоснование необходимости и оценки различных политических институтов, представления о наилучшем государственном строе, методах и средствах социальных преобразований; фиксируется отношение к партиям, массовым движениям; устанавливаются ориентиры в сфере международных отношений, внутриполитических и геополитических процессов. В идеологическом производстве формируются общественные идеалы, нормы-принципы существования социума, определяется их значимость для всего общества.

В идеологическом пространстве не просто отражается жизнь общества, но конструируется социальная реальность, так как ценностные ориентиры формируют определенную ориентационно-мотивационную модель миропонимания и миропреобразования, создавая поддержку конкретным политическим лидерам, партиям, режимам, тем самым выполняя функцию легитимации политического господства. Контр-идеологии также выполняют эту функцию, так как проводят курс на делегитимацию правящей политической элиты и легитимируют право на государственную власть оппозиционных сил. Таким образом, различными акторами, создающими идеологическую продукцию, формируется система ценностей, которые транслируются на общество и создают ориентиры для социального действия. Эти ориентиры мобилизуют людей, детерминируют их общественную активностью и определяют ее направленность.

В политико-идеологическом пространстве особую роль играет коммуникация. Как отмечает российский философ Г. В. Пушкарева, «специфика коммуникационных процессов в социуме заключается в том, что с их помощью не только передается информация, но и осуществляется ее эмоциональное и ценностное подкрепление. В сообщениях расставляются акценты, формируются эффектные образы, подбираются символы и вербальные конструкции, способные пробуждать чувства», в результате «…один из видов различений начинает восприниматься как особо значимый, определяющий судьбу и условия достижения жизненно важных целей» [8, с. 176].

Идеологическое пространство, так же как и политическое, интерсубъективно. Интерсубъективность идеологического пространства обусловлена тем, что оно существует в сознании людей. В процессе политической социализации люди усваивают идеологические ценности, властную иерархию ролевых взаимодействий в политике, понимают сущность политико-идеологического противостояния. В результате формируется система ментальных установок, которая «частично оформлена теоретически, концептуаль-

но, а частично существует в «дисперсной» форме внешне разрозненных, несистемных ценностей массового сознании» [10, с. 22–23]. Эти ментальные установки функционируют как нормы-ценности, ориентиры, которые определяют направленность политической социализации индивидов, модели политического поведения. В идеологии фиксируется определенный политико-идеологический императив (политические ориентиры-нормы), с которыми сверяются политические решения и даются оценки политическим действиям. Такими ориентирами-нормами могут быть права человека, принцип разделения властей, социальное государство, демократия и т. п. Возникает своеобразная нормативно-символическая матрица, которая облегчает адаптацию индивида к политике. В период реформ нормативный компонент несет особую нагрузку, так как реформаторы формируют целый спектр таких нормативных ориентиров, несущих долженствование. Эти нормы-ценности должны овладеть массовым сознанием, внедрить в него определенные критерии оценки прошлого, настоящего и будущего развития общества, сформировать позитивный образ предлагаемой или проводимой политической линии и политических сил, которые хотят реализовать данный курс.

Способом функционирования идеологического пространства является коммуникация. Информационный обмен позволяет социальным субъектам получать знания, согласовывать свои действия, понимать свое положение в социальной и политической иерархии. Идеологический язык как знаковая система несет в себе смысловые значения, помогая ориентироваться в политическом пространстве. Политическое пространство глубоко символично. Символические коммуникации, отражают особый тип властвования, раскрывают самую суть политики. В политической коммуникации символы являются формой смыслопостижения и смыслополагания, через которую политические явления наделяются определенными значениями. Символическая коммуникация облегчает людям политическую ориентацию и взаимодействие.

Идеологическое измерение политического поля характеризуется производством идеологической продукции с постоянным уточнением, дополнением идеологической картины мира или формированием принципиально нового видения социальности. Появление неолиберального «новояза» в условиях глобализации отражает процесс идеологического воздействия на глобальное политическое пространства с целью изменения идеологической картины мира. Таким образом, идеологические аспекты политики – это не только идеологическое производство, а осознание социальными субъектами своего социально-политического бытия и тенденций его развития.

Компьютерно-информационные технологии существенно повлияли на идеологическое пространство. Сетевые коммуникации сделали информационное пространство глобальным, как следствие, идеологическое пространство отдельных стран стало открытым, а идеологические границы

более уязвимыми. В идеологическом пространстве существуют ментальные установки, которые являются основой для формирования культурной, политико-идеологической, государственной идентичности. «В ходе сетевого противостояния … ценностно-идеологическая система становится основным объектом сетевого воздействия» [11]. Происходит проникновение идеологической продукции, размывающей фундаментальные ментальные установки, тем самым ослабляется солидарное единство государственно-организованного сообщества. Обладая сетевыми информационными ресурсами, определенные акторы получают возможность широкого влияния на политическое символическое пространство, меняя через новые идеологические конструкты системообразующую идеологическую матрицу. Глобальное развитие информационных технологий в значительной степени определяет формирование нового политического пространства – информационного и возникновение ноополитики.

Список использованных источников

1. Особенности социологической диагностики информационного поля Республики Беларусь / А. Н. Данилов [и др.] // Вестник РУДН. – 2018. – Вып. 18. – № 3. – С. 383–403.

2. *Дугин, А. Г.* Философия Политики / А. Г. Дугин. – М.: Арктогея, 2004. – 616 с.

3. *Челлен, Р.* Государство как форма жизни / Р. Челлен. – М.: РОСПЭН, 2008. – 319 с.

4. Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика / И. Ф. Ухванова [и др.]; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой. – Вып. 6. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – 215 с.

5. *Ермолаева, Е. В.* Пространственно-временной континиум политики (социально-философский анализ): автореф. дис….канд. филос. наук: 09.00.01 [Электронный ресурс] / Е. В. Ермолаева. – Саратов, 2006. – 23 с. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/prostransnvenno-vremennoi-kontinuum-politiki. – Дата доступа:15.02.2019.

6. *Бурдьё, П.* Социология политики / П. Бурдьё. – М.: Socio Logos,1993. – 336 с.

7. Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / Д. Г. Ротман [и др.]; под ред. Д. Г. Ротмана, В. В. Правдивца. – Минск: БГУ, 2007. – 139 с.

8. *Лассуэлл, Г.* Язык власти [Электронный ресурс] / Г. Лассуэлл. – 2006. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/ laboratory/ expertize/ 2006/880. – Дата доступа: 12.03.2013.

9. *Пушкарева, Г. В.* Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации / Г. В. Пушкарева // Полис. – 2012. – № 2. – С. 166–176.

10. *Комлева, Н. А.* Идеологическая граница как предел идеологического пространства: сущность и специфика технологии защиты / Н. А. Комлева // Пространство и время. – 2010. – № 1. – С. 22–26.

11. *Фролова, А. С.* Сетевое общество и идеологическое пространство России: специфика взаимовлияния и протекания сетевых процессов: автореф. дис….канд. филос. наук: 09.00.01 [Электронный ресурс] / А. С. Фролова. – Ростов н/Д, 2015. – 37 с. – Режим доступа: https://www.prlib.ru/item/444216. – Дата доступа: 23.12.2018.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

С. И. Бойко
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

S. Boyko
Russian State University for the Humanities, Moscow

УДК 323.2:378

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

POLITICAL CULTURE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF HIGHER EDUCATION

В статье обоснована необходимость преподавания темы «Политическая культура» с учетом национальных традиций и ценностей. Политическая ориентация будущих специалистов в условиях глобализации высшего образования зависит от критической переоценки содержания данной темы с учетом национальных государственных интересов. Политическая культура является основой стабильности государственного управления, имеет национальные контенты, что объективно приводит к пониманию, что не существует единого эталона демократического политического режима, не имеет перспективы однополярная модель глобального мироустройства.

Ключевые слова: политическая культура; национальные интересы; стабильность государственного управления.

The article substantiates the necessity of teaching the theme "Political culture" taking into account national traditions and values. The political orientation of future specialists in the conditions of globalization of higher education depends on a critical re-evaluation of the content of this topic, taking into account national public interests. Political culture is the basis for the stability of public administration. Political culture has national content, which objectively leads to the understanding that there is no single standard of a democratic political regime, there is no prospect of a unipolar model of the global world order.

Keywords: political culture; national interests; stability of public administration.

В политической науке постулатом, признанным как мыслителями прошлых веков, так и современными учеными, является то, что политические процессы первоначально формируются в сознании человека идеями, ценностями, убеждениями и представлениями об организации социума и государства, желаниями и ожиданиями в сфере взаимоотношений гражданского общества и современного государства как основного института политической системы. Развитие сознания и социальная ориентация человека происходят в процессе его постепенного вхождения в общество, в процессе социализации. Одна из решающих ролей в социализации, политической идентификации и определении отношения к государству принадлежит высшей школе, где профессиональная подготовка сопровождается воспитанием гражданской позиции и ответственности будущего специалиста за благоприятное социально-экономическое и политическое развитие собственной страны.

В значительной степени в современной высшей школе выполнение функции политического воспитания относится к преподаванию политоло-

гии, в первую очередь при изучении темы «Политическая культура». Во всех учебниках по политологии, издаваемых в Союзном государстве, тема «Политическая культура» представлена во второй части курса после глав о политических системах, политических институтах и режимах, партиях и движениях, электоральных системах, политических элитах [1, с. 365; 2, с. 389].

Современные процессы глобализации, начавшиеся в экономической и социальной сферах человеческой жизнедеятельности после Второй мировой войны, охватившие затем политические межгосударственные отношения, естественным образом затронули и национальные системы образования, профессионального обучения в высшей школе, где готовятся кадры будущей национальной научной, технической и политической элиты. На постсоветском пространстве постепенно стала главенствовать западноевропейская система высшего образования. Болонская декларация, принятая в 1999 г., создала единое европейское учебное пространство, объединяет в настоящее время почти 50 стран, предполагает координирование деятельности вузов, мобильное обучение студентов, совершенствование интеллектуального, научно-технического, культурного потенциала участвующих государств. Вместе с тем ускоренное и без учета исторически сложившихся национальных особенностей и достижений, соответствия национальным традициям прямолинейное внедрение болонской системы образования в России постепенно вскрывает достаточно много отрицательных контентов. В России до сих пор представители российского государственного управления предпочитают не акцентировать внимание общественного мнения на паллиативном характере внедряемых образовательных стандартов, на недостатках разделения высшего образования на бакалавриат, магистратуру, оставшийся специалитет по отдельным направлениям обучения в университетах и в технических вузах. Наоборот, в Республике Беларусь высшее государственное лицо – президент А. Г. Лукашенко четко и прямо заявил о реформе высшего образования: «Как не потерять положительное из того, что было, и из вновь приобретенного? Подумайте об этом. Это очень серьезная проблема. В конце концов, от образования зависит все. Но недопустимо копирование зарубежного опыта типа Болонский процесс – и побежали. Ни в коем случае этого делать нельзя» [3]. Здесь и понимание необходимости участия в глобальных процессах, затрагивающих будущую конкурентоспособность, и благополучие государства и граждан, и понимание императивов национальной культуры, в частности культуры политической, развивавшейся не одно столетие.

Критическое осмысление процессов глобализации и целей, которые ставили США и их европейские союзники, приводит к логическому выводу: глобализация системы образования и воспитания может стать инструментом в попытках нарушения суверенитетов национальных государств, инструментом подчинения не только экономических, материальных, но и ин-

теллектуальных, трудовых ресурсов конкретного государства интересам «глобальной демократии» и однополярного доминирования.

Анализ проекта «глобальная демократия», упрямо реализуемого почти тридцать лет под эгидой США, геополитических целей «экспорта» демократии, показывает, что вопросы справедливого мироустройства становятся определяющими при реформах высшей школы. З. Бжезинский, американский государственный деятель и политический аналитик, высказался конкретно и откровенно: «Ни одно государство-нация, вероятно, не сможет сравняться с Америкой в четырех главных аспектах силы (военном, экономическом, техническом и культурном), которые в совокупности и определяют решающее политической влияние в мировом масштабе. В случае сознательного или непреднамеренного отказа Америки от своего статуса единственной реальной альтернативой американскому лидерству в обозримом будущем может быть только анархия в международном масштабе» [4, с. 230]. Все четыре аспекта силы государства обеспечиваются качественной подготовкой профессионалов национальной системой высшего образования и, одновременно, организацией «утечки мозгов», целенаправленным культурным и политическим влиянием на подготовку специалистов, целенаправленной работой в сфере высшего образования других государств.

Политическая культура у каждого народа своя, с национальными особенностями, которые и дают основание считать, что не существует единого, эталонного политического режима или модели государственного управления. Это ставит проблему политической культуры в центр изучения политических глобальных процессов и обеспечивает понимание реальности проекта многополярного и равновесного мироустройства. Во времена советской перестройки и строительства «социализма с человеческим лицом» у М. С. Горбачева была иллюзия, что Запад на самом деле будет для СССР равноправным партнером. В такой вариант развития глобальных процессов поверила значительная часть советской элиты или сделала вид, что поверила, так как ее подлинные личные интересы не соответствовали государственным. Официальной позицией стало убеждение в примате общечеловеческих ценностей в глобальных политических отношениях государств.

Общечеловеческие ценности, объективно действенные между индивидуумами, в государственных делах и международных отношениях вместе с религиозными и культурными ценностями могут использоваться как инструментальные. Служить механизмами решения национальных проблем конкретного государства, а не преследовать общие для человечества цели, цели равноправного и справедливого взаимодействия.

Американский политолог Н. В. Злобин, исследуя ценности американского общества, заметил: «Америка с трудом представляет себя как “часть мирового сообщества”, где у нее есть равные с другими частями права и обязанности … я убежден, что в современном мире Соединенные Штаты ни с кем не способны разговаривать на равных, на условиях паритета … Но

американцы действительно верят, что все народы мира хотят иметь либеральные, демократические правительства» [5, с. 391]. Российский политический мыслитель проф. Ю. В. Ирхин в фундаментальном труде о политической культуре сделал вывод, важный для понимания роли национальной культуры в обеспечении суверенного и устойчивого развития: «В современной России остро стоит вопрос об общенациональной идее – интегральной политико-культурной ценности, необходимой для сплочения общества на путях подлинно демократических преобразований, подъема производства, создания могучей, демократической, гуманистической, просвещенной державы» [6, с. 247]. Иначе говоря, проблема заключается в современных ценностях, политической самоидентификации, формулировании целей существования государства в конкурентном глобальном мироустройстве.

Политическая культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование) – это составная часть общей культуры человечества, развивающаяся и проявляющаяся в политике, в процессах государственного управления и политического менеджмента. Одновременно – это исторически сложившаяся ценностная система политических традиций и норм поведения, навыков, этики, правил массового поведения в отношении государственной власти, всего того, что обеспечивает устойчивое функционирование общества и государства. В современном мире – это также поведение граждан во время выборов в органы государственной власти, культура избирателей, их реакция на события и результаты периодических электоральных кампаний. Во второй половине XX в. американские политологи Г. Алмонд и С. Верба представили анализ взаимозависимости политической культуры и стабильности демократических политических режимов, результаты их трудов решающим образом повлияли на последующие исследования политической культуры, на структуру учебников по политологии [7]. Концепция национального характера как совокупность нравственных, культурных, политических представлений об окружающем мире и качественных черт, присущих определенному этносу и закрепленных в его традициях, нормах, стереотипах мышления, в национальном языке, символах и мифологии, стала фундаментальной для обоснования политической культуры. Политическая культура выполняет в обществе и государстве функции: когнитивную (познавательную, знания о политике), ориентации и оценки (идеалы и ценности личности при оценке политических процессов), эмоциональную (психологическая, чувственная, личностная характеристика политики, чаще субъекта политики или его действий).

Автором термина «политическая культура», как известно, является немецкий философ-просветитель Й. Гердер (1744–1803), исследовавший зависимость политики от культуры в связи с решением практической политической задачи – объединением княжеств Германии в единое государство. Й. Гердер говорил о «национальном духе», о нации (органической этнической группе), которой свойственно единство языка, общая культура, опре-

деленные природно-климатические условия среды обитания. Данные факторы формируют трудовые способности и умения, структуру организации жизни данного этноса [8, с. 339–366].

Основанная на политической психологии концепция национального характера стала сердцевиной трудов политологов США и Европы, разрабатывавших рекомендации по денацификации Германии, по ведению холодной войны с Советским Союзом, по целенаправленной деморализации советской элиты, элиты государств социалистического содружества и государств «третьего мира» в период противоборства двух мировых политических систем в XX веке. Политическая культура и психология поведения в политике в Беларуси являются постоянными темами исследований гродненской школы политической науки и ее создателя – проф. В. Н. Ватыля. Каждые два года в Гродненском государственном университете проходит международная конференция «Белорусская политология: многообразие в единстве». В одной из своих научных работ проф. В. Н. Ватыль обосновал, что западноевропейская разновидность политической культуры – мультикультурализм – это по сути современная форма либеральной идеологии, и «является процессом диалектического взаимодействия множества различных культур каждая из которых обладает своими, только ей присущими традициями, моделями взаимодействия и обычаями. Одним из механизмов упорядочивания выступает мультикультурализм, отрицающий культурные иерархии, деление на центр и периферию, примат вертикальных связей над горизонтальными и поощряющий многообразие культур», сформулировал необходимость учета национальных особенностей политической культуры в исследованиях государственного управления [9, с. 245].

Тема «Политическая культура», у некоторых авторов – «Политическая культура и политическая социализация, у проф. Ю. В. Ирхина – «Ценности политической культуры и генезис политики» [2, с. 389–422] в учебниках для высшей школы изложена подробно, материал тщательно структурирован, студентами воспринимается с интересом и без серьезных затруднений.

Проблемные вопросы и противоположные оценочные суждения возникают, когда применяется метод полисубъектного взаимодействия не только на семинарах, но и на лекциях. Поскольку речь идет об оценках, индивидуальном отношении к политическим процессам и явлениям, в аудитории объективно возникает некоторое социальное напряжение по известному афористическому высказыванию великого британца Томаса Гоббса: «Если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, они бы опровергались». В аудитории находятся студенты с разным опытом социализации, из разных страт социума, по-разному оценивающие и осознающие практику государственного управления. Поэтому при изучении данного раздела политологии главное – обозначение оппонирующих друг другу оценок политики, выявление последствий того или иного позиционирования индивидуума в отношении к государству. В белорусских вузах, в отличие от российских,

развито психологическое сопровождение процесса профессионального образования, которое на практике имеет не только воспитательный контент, но и контент, обеспечивающий национальную, патриотическую, политическую направленность учебного процесса: «Психологическое сопровождение представляет собой целостный процесс изучения, формирования, развития и коррекции становления личности. Главной целью психологического сопровождения является полноценная реализация психологического потенциала личности» [10, с. 224].

Современная практика международного политического противоборства, санкции, введенные против России после событий 2014 г. в Украине, показали дальновидность внутренней политики Беларуси с использованием государственной идеологии и участия государственных институтов в воспитательных процессах подготовки специалистов высшей квалификации. В Беларуси у студентов формируют политические ориентации, которые способны соответствовать ценностям, скрепляющим политическую систему. В учебнике группы американских политологов, один из которых – Г. Алмонд, утверждается, что «важность ориентаций по отношению к политической системе определяется тем, что через них проходят базовые приверженности политической системе и нации. Наглядным образцом данного аспекта политической культуры является чувство национальной гордости» [11, с. 95]. Далее на той же странице в учебнике утверждается, что низкий уровень национальной гордости, этническая принадлежность, язык или история разделяют народ, что может подорвать идентичность и привести к конфликтам и расколу. Следовательно, примат общечеловеческих ценностей в США – для внешнего употребления.

Абсолютно был прав Президент Беларуси А. Г. Лукашенко, когда публично заявил: «Скажу прямо: нет ни одной страны в мире, где бы так бережно относились к великому русскому языку и к великой русской культуре. Я имею в виду в том числе и Россию. Мы сделали русский государственным языком еще в те годы, когда унижения той же России и русских было нормой. Более того. Мы считаем (и я многократно об этом говорил), что русский язык – это общее достояние прежде всего трех братских народов: украинцев, белорусов, россиян, да и других народов, которые жили среди нас, с которыми мы жили в одной стране. Этим самым хочу еще раз подчеркнуть для тех, кто пытается “приватизировать” русский язык: он наш, он ни российский, ни украинский – он наш. Это живое достояние, в том числе и белорусов» [12].

Беларусь – единственное государство СНГ, где два государственных языка полностью равноправны, и именно это – одна из основ Союзного государства Беларуси и России, и именно поэтому, когда хотят привнести хаос в государственное управление и подорвать национальное единство и суверенитет, начинают с атаки на язык, на систему просвещения и высшего образования.

В высшей школе России следует ввести психологическое сопровождение профессиональной подготовки и воспитания патриотической ориентации у будущих специалистов, при изучении темы не ограничиваться рассмотрением трех модельных типов политических культур: приходской, подданнической, партисипаторной, которые на самом деле в реальной политике сосуществуют согласно национальным традициям и сложившимся нормам поведения. Следует переформатировать курс «Политология», тему «Политическая культура» поставить перед темами «Государство – основной институт политической системы» и «Политические режимы», поскольку понимание национальных особенностей политической культуры логически ведет к пониманию отсутствия типовой модели государственного управления, отсутствия эталона политического режима и, следовательно, бесперспективности однополярного глобального мироустройства.

Список использованных источников

1. Политология: учебник / С. В. Решетников [и др.]; под ред. С. В. Решетникова. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 528 с.

2. *Ирхин, Ю. В.* Политология: в 2 ч. / Ю. В. Ирхин. – 2-е изд., пер. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2017. – Ч. 2: Теория политической мысли: учеб. для академ. бакалавриата. – 2017. – 459 с.

3. Обращение Президента к парламентариям пятого и шестого созывов 7 октября 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-deputatami-palaty-predstavitelej-i-chlenami-soveta-respubliki-natsionalnogo-sobranija-belarusi-14586/. – Дата доступа: 11.02.2019.

4. *Бжезинский, З.* Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы: пер. с англ. / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – 702 с.

5. *Злобин, Н. В.* Империя свободы: ценности и фобии американского общества / Н. В. Злобин. – М.: Изд-во «Э», 2016. – 480 с.

6. *Ирхин, Ю. В.* Политическая культура: в 2 ч. / Ю. В. Ирхин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – Ч. 1: Запад и Россия: учеб. пособие для академ. бакалавриата. – 2017. – 286 с.

7. *Almond, G.* The Civic Culture / G. Almond, S. Verba // Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 574 p.

8. *Гердер, Й. Г.* Идеи к философии человечества / Й. Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.

9. *Ватыль, В. Н.* Государство и государственность. История. Теория. Практика: избр. раб. / В. Н. Ватыль. – Гродно: ГрГУ, 2014. – 375 с.

10. *Полещук, Ю. А.* Технологии психологического сопровождения профессионального самоопределения на этапе обучения профессии / Ю. А. Полещук, Н. Н. Поплавский // Феномен человека. Философско-психолого-педагогические аспекты формирования и развития личности современного человека: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – Подольск, 2017. – С. 223–227.

11. Сравнительная политология: Мировой обзор: учеб. пособие / Г. Алмонд [и др.]; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М.: АспектПресс, 2002. – 537 с.

12. *Лукашенко, А. Г.* Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/

view/ aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549/. – Дата доступа: 11.02.2019.

(Дата подачи: 20.02.2019 г.)

М. В. Бубнов
Белорусский государственный университет, Минск

M. Bubnov
Belarusian State University, Minsk

УДК 321

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

DECISION-MAKING PROCESS: FOREIGN AND INTERNAL POLICY OF THE STATE

Статья посвящена теоретико-методологическим основам процесса принятия решений в области внешней и внутренней политики государства.
Ключевые слова: государственное управление; процесс принятия политических решений; внешняя политика государства; внутренняя политика государства.

The article is devoted to the theoretical and methodological bases of the decision-making process in the field of foreign and domestic policy of the state.
Keywords: public administration; political decision-making process; foreign policy of the state; domestic policy.

Принятие политических решений занимает весомое место в процессе формулирования (выработки) и осуществления государственной политики. Под государственной политикой могут пониматься цели и задачи функционирования и развития государства в краткосрочной (до 1 года), среднесрочной (3–5 лет) и долгосрочной (5 лет и выше) перспективе, а также средства и методы реализации этих целей и задач на практике.

В формулировании и реализации государственной политики участвуют органы государственного управления. Органы государственного управления – это организационные структуры, уполномоченные принимать и реализовывать политические решения в виде нормативно-правовых актов – законов, кодексов законов, указов, постановлений, распоряжений и т. д.

В число органов государственного управления входят: органы законодательной власти (парламент и местные советы депутатов), органы исполнительной власти общегосударственного (министерства и ведомства) и местного (местные администрации), а также Конституционный суд государства (уполномочен корректировать или отменять политические решения).

Законодательные органы власти принимают нормативно-правовые акты, устанавливающие права и обязанности органов государственного управле-

ния общегосударственного и местного уровней. Исполнительные органы власти формулируют управленческие указания для осуществления целей и задач функционирования и развития государства к конкретной области (экономике, промышленности и т.д.). Судебные органы власти выявляют нарушения в реализации государственной политики, привлекают виновников нарушений к предусмотренной законодательством ответственности (административной или уголовной).

Государственная политика может подразделяться на внешнюю и внутреннюю. Внутренняя политика может подразделяться по различным отраслям: экономическая, финансово-бюджетная, промышленная, научно-промышленная, образовательная, культурная, информационная (в области средств массовой информации (масс-медиа), в здравоохранения, в области социальной защиты населения, в области внешней и внутренней безопасности государства.

Внешняя политика подразумевает под собой различные виды сотрудничества между государствами на международном уровне. Внешняя политика как система включает в себя цели и задачи, участников, отраслевые направления, методы формулирования и реализации. В качестве целей и задач внешней политики государства можно указать следующие: взаимовыгодное сотрудничество между государствами в различных сферах, урегулирование возникающих юридических споров.

В качестве участника внешней (мировой) политики выступают государства как субъекты международного права – территориальные единицы (формирования), признанные международным сообществом в лице Организации объединенных наций и поддерживающие на своей территории самостоятельность в вопросах принятии и реализации политических решений (суверенитет), верховенство права и нерушимость государственных границ.

К отраслевым направлениям внешней политики могут быть отнесены: международное сотрудничество в области экономики, промышленности, перспективных научно-технических разработок, образования, культуры, здравоохранения, заключение мирных договоров, раздел территорий, международных экономических зон и т. д.

Методы формулирования внешней политики – это методы принятия политических решений в рамках внешней политики как предметной области. К методам формулирования внешней политики могут быть отнесены правотворчество и политические переговоры.

Правотворчество как метод формулирования внешней политики государства включает в себя деятельность по созданию и реализации на практике нормативно-правовых актов, имеющих форму и юридическую силу международного договора или дипломатической ноты. Международные договоры имеют вид соглашения между двумя и более государствами по конкретному вопросу. Дипломатические ноты имеют вид одностороннего уведомления одного государства другим по тому или иному вопросу (объ-

явление войны, возмущение поведением государства в рамках международного сообщества).

Важное место в процессе принятия решений в рамках внешней политики занимает процесс переговоров. Политические переговоры внешнеполитического уровня – это процесс вербальной или невербальной коммуникации между представителями государств, имеющий под собой цель заключить между этими представителями соглашение по конкретному вопросу, имеющее вид международного нормативно-правового акта (договора).

Вербальная коммуникация в процессе политических переговоров предполагает словесное общение представителей государств за столом переговоров и в неофициальном (кулуарном) формате – в зонах отдыха, в рабочих кабинетах места переговоров.

Невербальная коммуникация в процессе политических переговоров предполагает обмен между сторонами договоров письменными документами, отражающими позиции сторон переговоров по рассматриваемому вопросу.

Методами реализации внешней политики государства могут выступать убеждение или принуждение. Убеждение как средство реализации внешней политики государства базируется на добровольной основе, принуждение – на разрешенном Советом Безопасности ООН применении силы – подразделений международных миротворческих подразделений, армии, полиции мировых государств.

Убеждение как средство реализации внешней политики государства подразумевает под собой заключение двусторонних или многосторонних межгосударственных соглашений – международных договоров. Международный договор – это нормативно-правовой акт, закрепляющий результаты соглашения между государствами по поводу международного сотрудничества в конкретной сфере или урегулирования правовых (юридических споров) в конкретной предметной области (например, урегулирование территориального конфликта, мирные договоры, раздел международных экономических зон).

Принуждение как метод реализации внешней политики государства предполагает под собой разрешенный Советом Безопасности ООН ввод международных миротворческих, войсковых (армейских) и полицейских подразделений в зоны международных конфликтов. Введенные силовые подразделения могут пребывать в зоне конфликта определенный или неопределенный срок – пока конфликт не завершится полностью и в присутствии иностранных военных и полиции необходимости не будет. Принуждение следует рассматривать только в качестве крайней меры – метода, пригодного для тех случаев, когда добиться убеждением разрешения международного конфликта невозможно.

Внутренняя политика – это часть государственной политики, действие которой не распространяется (не выходит) за территориальные рамки госу-

дарства. В рамках внутренней политики государства задействованы только те лица и организационные структуры, взаимодействия которых между собой не затрагивают политическую сферу других мировых государств.

В структуре внутренней политики государства как системы можно выделить следующие основные элементы: цели и задачи, субъект и объект, управленческие взаимосвязи, правотворчество, методы реализации.

К целям и задачам внутренней политики государства могут быть отнесены: обеспечение заполнения бюджета прибылью от работы субъектов экономики, самообеспечение государства продуктами питания, промышленными товарами (одежда, обувь), горюче-смазочными материалами, средствами производства, в т. ч. высокотехнологичными, обеспечение должного уровня образования и культурного населения, должного уровня медицинского обслуживания и социальной защиты (выплаты пенсий и пособий), защиты государства от преступности и военной угрозы – поддержание правопорядка и нерушимости государственных границ.

Субъект принятия политического решения – это должностное лицо из числа сотрудников органов государственного управления, в чьи обязанности входит формулирование (организационно-правовое обеспечение) содержания политического решения, а также управленческие указания по реализации политического решения на практике.

К субъектам политического решения могут быть отнесены:

- представители законодательной ветви власти – депутаты партий, партийных фракций, беспартийные;
- представители исполнительной ветви власти – руководящие сотрудники министерств и ведомств общегосударственного и местного уровня;
- граждане государства, участвующие в выборах и референдумах;
- судьи Конституционного суда.

В качестве объекта политического решения рассматривается общество – население государства в составе лиц, на которых распространяется действие политического решения. Указанные лица обязаны должным образом и в установленные временные рамки обеспечить реализацию политического решения в соответствии с закрепленными в нем целями и задачами.

Субъект и объект политического решения объединены управленческими взаимосвязями – каналами информационно-коммуникационного взаимодействия. В число управленческих взаимосвязей входят:

- средства коммуникации между руководителем и подчиненным (телефонная связь, Интернет, вербальное общение) – доводят содержание политического решения до сведения подчиненного, а результаты реализации политического решения – до сведения руководителя;
- средства массовой информации – информируют граждан о принятом политическом решении, а также органы государственного управления о необходимости принятия или эффективности реализации политического решения.

Правотворчество как метод формулирования внутренней политики государства предполагает изложение целей и задач, средств и методов внутренней политики в рамках текста нормативно-правового акта. Правотворчество основывается на выборе таких текстовых формулировок, которые позволили бы обеспечить реализацию внутренней политики в конкретной области деятельности государства и общества.

Аналогично внешней политике методами реализации внутренней политики государства являются убеждение и принуждение. Убеждение как метод реализации внутренней политики государства основывается на силе закона и авторитете руководителя – решения законной власти должны выполняться должным образом и в установленный временной период. Под принуждением понимается подавление военной или криминальной угрозы государственной власти силами личного состава армейских подразделений или органов охраны правопорядка.

Результатом работы органов государственного управления на уровне внешней или внутренней политики является принятие политических решений. Белорусский политолог С. В. Решетников трактует понятие политического решения следующим образом: «Политические решения, являясь видом человеческой деятельности, составляют суть государственного управления» [1, с. 4].

В качестве основных этапов процесса принятия и реализации политического решения можно выделить следующие [1, с. 49–50]:

• определение сущности политической проблемы – определение предметной области, причин, а также текущих и прогнозируемых последствий политической проблемы;

• выдвижение политической проблемы на повестку дня – публикация информации о политической проблеме в масс-медиа, в отчетах государственных аналитических центров с целью привлечь к этой проблеме внимание органов государственного управления;

• принятие политического решения – формулирование вариантов политического решения, выбор из них наиболее приемлемого;

• реализацию политического решения – осуществление политического решения на практике. Реализация политического решения может осуществляться путем управленческих указаний, путем выделения финансовых и материальных ресурсов, а также путем использования силовых ресурсов – сил внешней и внутренней безопасности государства (если существует явная или прогнозируемая угроза государственной безопасности);

• оценку эффективности принятого политического решения – определение эффективности расходования финансовых, материальных, временных ресурсов, выделенных для реализации политического решения.

В процессе принятия политических решений неотъемлемое место занимает аналитическая работа. Аналитика в процессе принятия политических решений нацелена на выявление субъекта и объекта, причин и последствий

политических проблем, выбора должной формулировки политического решения и методов, с помощью которых политические проблемы могут быть урегулированы.

В аналитической работе в рамках принятия политических решений можно выделить три основные методологические составляющие: ситуационный анализ, формулирование и отбор альтернатив, планирование и прогнозирование.

Ситуационный анализ представляет собой совокупность следующих этапов:

• сбор информации (текст, статистические данные) о политической проблеме из публикаций масс-медиа (средств массовой информации), сборников статистической информации, результатов проведения опросов общественного мнения, статистики обращений граждан в органы государственной власти;

• формулирование субъекта политической проблемы: какая социальная группа (часть общества) является участником спорной правовой ситуации, требующей принятия политических решений;

• формулирование объекта политической проблемы: какой материальный, финансовый или культурный объект (помимо его материальной ценности) является предметом спорной ситуации, требующей принятия политических решений;

• изучение генезиса (причин возникновения) проблемной ситуации: кто или что послужил причиной возникновения необходимости принятия политического решения;

• прогноз динамики политической проблемы: стабильность или кризис?

Выделяют два вида ситуационного анализа – проблемный и диагностический.

Проблемный ситуационный анализ жестко связан с определенной проблемой и всегда проявляется в выработке оптимального решения – именно такой тип ситуационного политического анализа рассматривается западной политической наукой.

Диагностический ситуационный анализ не занимается рассмотрением уже появившихся перед актором проблем, но позволяет выявить потенциальные возможности возникновения проблемных ситуаций, а также прозондировать возможность оптимизации деятельности политического субъекта на ряде направлений [2, с. 27].

Формулирование вариантов политического решения предполагает выработку вариантов политического решения на основе следующих критериев:

• максимальная экономическая целесообразность (инвестиционный) – максимум прибыли от реализации политического решения при минимальных расходах;

• повышение уровня жизни граждан (социальный) – создание рабочих мест, объектов дорожно-транспортной, культурно-просветительской, меди-

цинской, образовательной инфраструктуры безотносительно к объему расходов финансовых и материальных средств и прибыльности от их использования – разницы между объемом вложенных в проект средств и объемом средств, полученных от проекта;

• критерий безопасности государства – при глобальной угрозе государству со стороны внешнего противника или криминальной среды не имеет значения ни прибыльность проектов, ни уровень жизни граждан. Задача ставится иначе – удержать безопасность и правопорядок в государстве любой ценой, уберечь государство от разрушения внешними или внутренними силами.

За этапом формулирования и отбора альтернатив политического решения следует этап планирования. Планирование как составная часть аналитической работы в процессе принятия политических решений предполагает составление перечня мероприятий по реализации политического решения. В этот перечень могут входить:

• информирование граждан о принятом политическом решении через средства массовой информации (телевидение, радио, новостные сайты в Интернете);

• назначение должностных лиц, ответственных за реализацию политического решения;

• выделение финансовых, материальных, а при необходимости и силовых ресурсов для реализации политического решения.

Для каждого из этих мероприятий назначается временной промежуток, в течение которого они должны быть реализованы.

Прогнозирование как составная часть процесса принятия политических решений предполагает построение обоснованных предположений следующей тематики:

• Будет ли эффективным принятое политическое решение?

• Будут ли в процессе реализации политического решения наблюдаться негативные факторы (социальная напряженность, необходимость сокращения расходов гражданами и организациями)? И если да, то какие?

Список использованных источников

1. *Решетников, С. В.* Теория принятия политических решений: функциональный подход: пособие для студентов вузов / С. В. Решетников, Т. С. Решетникова. – Минск: Тетра-Системс, 2012. – 240 с.

2. *Симонов, К. В.* Политический анализ: учеб. пособие / К. В. Симонов. – М.: Логос, 2002. – 152 с.

(Дата подачи: 25.02.2019 г.)

С. В. Венидиктов
Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Могилев

S. Venidiktov
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev

УДК 070

МЕДИАКОММУНИКАЦИОННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ АРАБСКОГО МИРА: ФЕНОМЕН AL JAZEERA

MEDIA COMMUNICATION INTEGRATION OF THE ARAB WORLD: AL JAZEERA PHENOMENON

В статье анализируется значение телевизионного вещания как ресурса медиаинформационной интеграции арабского мира. На примере деятельности телекомпании Al Jazeera, прошедшей путь от источника обеспечения плюрализма мнений до инструмента «мягкой силы» в политическом противостоянии, рассматриваются факторы роста влияния массовой информации на социально-политическое развитие региона. В этом контексте выявляется специфика вещательной политики арабских СМИ в мировом медиаландшафте, раскрываются причины их противоречивого влияния на уровень межгосударственной консолидации.

Ключевые слова: Al Jazeera; телевидение; СМИ; медиакоммуникация; интеграция; арабский мир; информационное пространство.

The article analyzes the importance of television broadcasting as a resource for media information integration in the Arab world. Using the Al Jazeera television company experience, which has changed from a source of ensuring pluralism to a tool of «soft power» in a political confrontation, factors of increasing the media influence on the regional socio-political development are considered. In this context, the specificity of the broadcasting policy of the Arab media in the global media landscape is revealed, the reasons for their contradictory influence on the level of interstate consolidation are revealed.

Keywords: Al Jazeera; television; media; media communication; integration; Arab world; information space.

Значение медиаструктур арабского мира возрастает пропорционально росту влияния мусульманской цивилизации: «политическое пробуждение» региона, который за последние десятилетия стал ареной общественно-политических и военных процессов, имеющих серьезные последствия для всей мировой цивилизации, резко повысило ценность массовой информации, произведенной на Ближнем Востоке, предопределило появление новых глобальных игроков в медиасфере, привлекло внимание мировой общественности (и, соответственно, аудитории мировых СМИ). Особенно велико оказалось влияние информационно-коммуникационных технологий в событиях «Арабской весны» (волна протестов начала 2011 г.): «“Арабская весна” продемонстрировала последствия феномена новых массовых форм

социально-политического протеста <…>, его организационные и коммуникационные аспекты» (перевод наш. – *С. В.*) [12].

Мы предлагаем обратить внимание на обратную сторону социально-политических потрясений в арабском мире, которые со всей очевидностью показали, сколь велик потенциал информационно-коммуникационных технологий в демонстрации, организации, управлении и стимулировании различных форм гражданской активности, в коммуникативной интеграции общества. В данном случае была реализована форма протестной коммуникации, которая, тем не менее, подразумевает необходимость в интеграции граждан, формировании информационного фона для совместных действий. Это значит, что в данном регионе информационный канал социально-политической интеграции на первичном гражданском уровне показал свою действенность, а население продемонстрировало высокую степень восприимчивости к медийным посылам и готовность в реальных практиках реагировать на них. В оформившемся новом коммуникационном пространстве возрастает значение и влияние средств массовой коммуникации традиционного формата, которые способны преодолеть фрагментарность интернет-коммуникации. В первую очередь речь следует вести о телевизионном вещании, отметив, что «уровень развития СМИ в арабских странах, их социально-культурное воздействие на общество и государственные институты, а также политические последствия их деятельности по-прежнему плохо изучены» [цит. по: 8, с. 9].

Период достаточно автономного развития медийных систем арабских государств завершился в 1969 г., когда был основан Вещательный союз арабских государств (Arab States Broadcasting Union – ASBU). ASBU оказывает техническую поддержку, участвует в обмене новостями, программировании, содействует приобретению вещательных прав организациями-участниками. ASBU является активным членом Всемирного вещательного союза (World Broadcasting Union – WBU), имея целью «укрепление связей и содействие сотрудничеству между вещателями в арабских государствах для улучшения качества медийной продукции» (перевод наш. – *С. В.*) [10].

В 1976 г. по решению Лиги арабских государств (соглашение было подписано в Каире в 1974 г. министрами 21 страны) была создана Арабская организация спутниковой связи (Arab Satellite – Arabsat). Правда, понадобилось 10 лет для того, чтобы единая спутниковая система начала действовать. Несмотря на ряд политических противоречий между арабскими государствами, сказывающихся на финансировании и организационном взаимодействии, Arabsat и сейчас остается наиболее влиятельной структурой, объединяя более 20 государств. В регионе действуют и иные организации, например, Арабская ассоциация общественных и коммерческих вещателей (Association of Public Service and Commercial Broadcasters) с центром в Тунисе, включающая более 20 действительных участников и столько же наблюдателей. Сам опыт межгосударственного технологического взаимо-

действия в медиасфере является весьма полезным с точки зрения информационной интеграции арабского мира.

Как справедливо отмечают А. С. Пую и А. А. Садыхова, «спутниковое телевидение открыло новую эпоху в истории медиастран Арабского Востока» [8, с. 11], сделав доступным во всем мире вещание арабских каналов и создав новые условия конкурентного взаимодействия. Мы считаем, что появление спутникового телевидения является ключевым фактором и переломным моментом в развитии в регионе журналистики в ее современном понимании. Множественность и потребность в конкуренции (как внутри региона, так и в международном пространстве) заставили СМИ отказаться от архаичного формата протокольной фиксации новостей из государственных структур. В условиях борьбы за аудиторию неизбежным стал рост профессионализма новых медиа.

Количество спутниковых каналов, вещающих на арабском языке, стремительно растет и составляет уже около 400, что является весомым компонентом коммуникативной интеграции. Среди них большая часть представлена государственными медиаструктурами, т. к. национальные правительства используют СМИ как инструменты политического влияния. Функционируют как общеполитические, так и специализированные каналы (экономические (Aliqtisadi), женские (Нıyar TV), музыкальные (Rotana TV), религиозные (Al Resalah), спортивные и др.). В 1991 г. в Лондоне была зарегистрирована первая в арабском мире частная спутниковая телекомпания «Ближневосточный вещательный центр» (Middle East Broadcasting Center – MBC Group), которая с 2002 г. функционирует в Дубае (ОАЭ). В настоящее время MBC Group включает в себя 11 телеканалов и 2 радиостанции, корреспондентские пункты созданы в Каире, Брюсселе, Иерусалиме, Тунисе, Париже, Вашингтоне. Как показывает пример MBC Group и Al Jazeera, крупные арабские СМИ имеют тенденцию приобретать вид сетевой структуры, предусматривающей обращение к различным медиаформатам.

Катарская компания Al Jazeera («арабская BBC») со штаб-квартирой в Дохе вещает с 1996 г. (основана эмиром Катара шейхом Хамадом бен Халифа аль-Тани). После того, как в 1997 г. компания получила доступ к ресурсам спутника Arabsat, ее программы стали доступны в 22 странах региона [2]. Канал был первым из крупных СМИ, решившихся открыть представительство в Кабуле (1999 г.). Годом ранее Al Jazeera привлек внимание мировой общественности новостями о проводимой США операции «Лиса в пустыне» (имела целью установление контроля над воздушным пространством Ирака), показав готовность и способность доносить до аудитории новости о событиях, ранее игнорировавшихся СМИ Запада.

Всемирное значение телекомпания приобрела с началом антитеррористической операции США в Афганистане 2001 г. Al Jazeera стал для мировой общественности эксклюзивным поставщиком медиапродукта с территории, контролируемой талибами, единственным каналом, установившим контакт

с «террористом номер один» бен Ладеном. Трансляция выступления бен Ладена после теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., которую обеспечила Al Jazeera, была воспринята в мире неоднозначно. Телеканал отверг обвинения в пропаганде терроризма, идеализации Бен Ладена и романтизации террора, сославшись на следование принципам свободы и открытости информации и необходимость всестороннего освещения событий («независимый голос в кипящем регионе»). В октябре 2001 г. Al Jazeera транслировал в прямом эфире бомбардировку Кабула, будучи единственным из мировых СМИ свидетелем тех событий.

В мировом информационном пространстве стремительный рост влияния медиа небольшого арабского государства является уникальным явлением. Канал быстро приобрел репутацию профессионального и надежного СМИ, с мнением которого были вынуждены считаться политики и мировые медиа уровня BBC и CNN: «“Аль-Джазира” всегда отрицала какую бы то ни было зависимость ее редакционной политики от основного источника финансирования, – правительства Катара, утверждая, что для нее не существует “красных линий”, которых она не могла бы пересекать. В этом отношении она часто сравнивала себя с британской Би-Би-Си, которая полностью свободна в выражении своей позиции, несмотря на непрямое государственное финансирование» [цит. по: 2, с. 159].

Аудитория Арабского Востока с появлением Al Jazeera получила возможность осознать собственную субъектность в информационном пространстве, голос стран «третьего мира» в эфире зазвучал наравне с голосом Запада. Al Jazeera смогла заинтересовать ведущие мировые медиа новым подходом к освещению событий в ближневосточном регионе (в частности, нарушением негласного запрета на критику политических режимов арабских стран и обсуждение решений их лидеров): в 2001 г. было налажено сотрудничество с CNN, в 2003 г. – с BBC. В 2006 г. было начато вещание на английском языке, что позволило значительно увеличить аудиторию телеканала (в том числе за счет жителей неарабских мусульманских стран). При этом проект оказался не слишком затратным (первоначальное финансирование было ограничено 150 млн долларов в форме кредита на пять лет), что послужило стимулом для организации деятельности в регионе иных вещателей.

Отметим, что вещательная политика Al Jazeera, равно как и политика Euronews и иных влиятельных СМИ, обладает характеристиками глокальности: адаптации глобального медиапродукта к локальному контексту. Сформировав спрос у аудитории стран Запада на новости из арабского мира, предложив альтернативный контент, Al Jazeera смогла вывести локальную информацию на мировой уровень [4]: «Став самым востребованным каналом в арабском мире, “Аль-Джазира” совершил переворот в арабском новостном пространстве, сделав его, по сути, международным благодаря сотрудничеству с новыми акторами меняющего мира» (цит.

по: [7, с. 115]). Такая политика в медиасфере была вскоре названа исследователями «Мак Арабизмом» (по аналогии с деятельностью корпорации «Мак Дональдс», которая адаптирует свою стратегию под запросы местных потребителей в более чем 120 странах мира) [11]. Эксперты обращают внимание также на недоработки в формировании медийной стратегии Al Jazeera, которая «трансляцией речей террористов изначально подвергла себя дискредитации. Из этого следует, что локальный контент также должен не только переводиться, но и адаптироваться для глобальной аудитории» [4, с. 171]. Тем не менее, необходимо отметить, что показ в эфире Al Jazeera личностей, считающихся лидерами террористических формирований, происходит без преувеличения их значимости, позиция СМИ как «стороннего наблюдателя» позволяет террористам высказываться наравне с другими героями сюжетов, что неприемлемо для западных СМИ [3].

Анализ медиаландшафта арабского мира позволяет сделать вывод о противоречивом влиянии ведущих СМИ на уровень межгосударственной консолидации. В частности, медиааналитики отмечают ключевую роль Al Jazeera в создании информационного фона событий «Арабской весны»: являясь инструментом внешней политики Катара на Ближнем Востоке, телеканал способствовал политическому ослаблению Египта, Ливии, Сирии, Саудовской Аравии. Репортажи Al Jazeera, посвященные событиям Арабской весны, имели характер продуманной пиар-компании, направленной на дестабилизацию социально-политической сферы. Характер освещения событий в протестующих регионах усиливал дестабилизирующее воздействие т. н. Facebook-революций, приводил к смене режимов и ослаблению политических конкурентов Катара. Массовые волнения и последовавшая за ними гражданская война в Ливии в репортажах Al Jazeera также привели к формированию у аудитории искаженных представлений (в первую очередь, это касается западных информационных ресурсов, которые часто без должного критического осмысления использовали материалы арабского телеканала).

Агрессивная информационная политика канала привела к потере по различным оценкам до 80 % аудитории. В частности, в Сирии, Ираке, Ливане, Саудовской Аравии, Бахрейне, Алжире и Судане количество зрителей Al Jazeera снизилось на 60–90 % [6]. Телекомпания неоднократно получала замечания со стороны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ – Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, Саудовская Аравия, ОАЭ), обвинения в клевете и оскорблении входящих в него государств, фальсификации фактов, злоупотреблении международными стандартами свободы слова. Обращение к религиозным темам в рамках ток-шоу канала вызвало реакцию протеста не только среди фундаменталистов и радикалов, но и среди представителей умеренной религиозности.

Нельзя не отметить и обратную сторону подобных процессов, которая свидетельствует об огромном интеграционном ресурсе Al Jazeera как замет-

ного игрока в медийном пространстве арабского мира. Та степень влияния на общественные настроения, способность управлять политическими ориентациями огромных масс населения, которую продемонстрировали арабские медиа («медиализм», согласно современным американским трактовкам, т. е. информационная демократия, ведущая к автономии от властей), очевидно, является недостижимой в пространстве европейской интеграции. В этом проявляется и цивилизационная специфика рассматриваемого региона (усиление политики исламизации), и отсутствие устойчивых традиций к межгосударственной политической интеграции, и высокий уровень конфликтности общественной сферы в целом.

На наш взгляд, среди факторов возникновения «феномена Al Jazeera» на первое место необходимо поставить своевременность появления телеканала. Геополитическая обстановка в арабском мире на рубеже XX–XXI вв. складывалась таким образом, что возникла объективная потребность в создании нового коммуникативного пространства, отражающего изменившуюся общественную реальность. Рецепция предоставляемой Al Jazeera информации и последующая на нее реакция являются очевидными свидетельствами коммуникативного единства Ближнего Востока: «“Аль-Джазира”, при всех оговорках, внесла свой вклад в создание и формирование панарабского общественного мнения, аудитория в разных странах нашла точки соприкосновения, обнаружила общие проблемы и смогла наметить пути их решения. Эти достижения представляются консолидирующим эффектом деятельности канала» [9, с. 79]. А неоднозначная оценка деятельности Al Jazeera со стороны мировой общественности лишь подтверждает сложность и противоречивость самой коммуникации в регионе, когда столкновение противоположных позиций в медиапространстве ведет к консолидации сторон по принципу «негативной идентичности» [5]: «“Арабская весна” заставила исследователей и политиков заговорить об “эффекте Аль-Джазиры” с той же серьезностью, с какой двумя десятилетиями ранее они обсуждали “эффект Си-Эн-Эн”. Вне всяких сомнений, ее появление в корне изменило облик арабской тележурналистики и радикально повлияло на многие политические процессы в регионе» [2, с. 161].

Таким образом, деятельность Al Jazeera как влиятельной медиаструктуры арабского мира содействуют сплочению аудитории региона, представляя в медиасфере цельный образ мусульманской цивилизации, выходящий за рамки отдельных национальных его составляющих: «Содержание подавляющего большинства телепрограмм говорит о стремлении стран Арабского Востока положительно влиять на этноконфессиональные отношения в Западной Европе. Панарабские и панисламские СМИ прилагают значительные усилия для того, чтобы создать положительный образ ислама и арабской культуры в целом в глазах западного сообщества и благотворно влиять на этноконфессиональные отношения во всем мире» [8, с. 157]. Международное вещание арабского телевидения также способствует сохранению

культурной идентичности диаспор, рассредоточенных по миру, созданию их положительного имиджа, формированию адекватного информационного образа мусульманской цивилизации.

Можно утверждать, что рассмотренные процессы в медиасфере являются отражением общей социально-политической и религиозной ситуации в арабском мире, весьма стремительно реагируя на изменения в ней. Сами понятия свободы слова, открытости вещания, информационной независимости здесь приобретают совершенное иное, отличное от европейского, звучание: это «свобода для *защиты* прав», а не «свобода для *расширения* прав». Экономические выгоды интеграции имеют далеко не первостепенное значение, как это происходит, например, в ЕС или в ЕАЭС [1], – информационная интеграция становится интеграцией идеологической, основанной на утверждении о растущем влиянии мусульманской цивилизации. И пример эволюции Al Jazeera, прошедшей за непродолжительное время путь от источника обеспечения общественных дебатов и плюрализма мнений до инструмента «мягкой силы» в политическом противостоянии, свидетельствует о необходимости пересмотра традиционного тезиса о демократии как важнейшей предпосылки развития профессиональных и влиятельных СМИ.

Список использованных источников

1. *Венидиктов, С. В.* Медиакоммуникация в развитии евразийского пространства: стратегический ресурс интеграции: монография / С. В. Венидиктов. – Минск: БГУ, 2018. – 263 с.

2. *Виниченко, В. М.* Феномен «Аль-Джазиры» на ближневосточном и глобальном информационных рынках / В. М. Виниченко // Науч. ведом. Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2014. – № 13(184). – С. 156–166.

3. *Волковский, Н. Л.* Информационные бомбы «Аль-Джазиры» / Н. Л. Волковский // Век информации. – 2018. – № 2, т. 2. – С. 210–211.

4. *Гайнуллина, А. Ф.* Глокализация медиапространства: коммуникативные стратегии взаимодействия глобальных и локальных трендов / А. Ф. Гайнуллина // Российская школа связей с общественностью. – 2011. – № 2, т. 2. – С. 169–173.

5. *Гудков, Л. Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Д. Гудков. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 816 с.

6. К вопросу о запрете вещания «Аль-Джазиры» в Ираке [Электронный ресурс] // Военно-политическая аналитика: интернет-журнал. – Режим доступа: http://vpoanalytics.com/2013/05/15/k-voprosu-o-zaprete-veshhaniya-al-dzhaziry-v-irake/. – Дата доступа: 02.09.2018.

7. *Маан, А.* Информационная война в условиях политического кризиса на Ближнем Востоке (на примере спутникового канала «Аль-Джазира») / А. Маан // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. – 2013. – № 1. – С. 113–118.

8. *Пую, А. С.* Арабское телевидение: от регионализации к глобализации / А. С. Пую, А. А. Садыхова // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2012. – № 6. – С. 8–23.

9. *Савельева, Е. А.* Медиатексты «Аль-Джазиры»: факторы консолидации или конфронтации? / Е. А. Савельева, А. В. Чернов // Вестн. Черепов. гос. ун-та. – 2015. – № 5(66). – С. 76–80.

10. Arab States Broadcasting Union [Electronic source] // WorldDAB: online global forum. – Mode of access: http://www.worlddab.org/membership/worlddmb-members/781/arab-states-broadcasting-union. – Date of access: 24.01.2019.

11. *Rinnawi, K.* Instant Nationalism; McArabism, Al Jazeera and Transnational Media in the Arab World / K. Rinnawi. – Oxford: University Press of America Inc., 2006. – 216 p.

12. *Stepanova, E.* The Role of Information Communication Technologies in the «Arab Spring» [Electronic source] / E. Stepanova // Implications Beyond The Region. PONARS Eurasia Policy Memo. – 2011. – № 159. – Mode of access: http://pircenter.org/kosdata/page_doc/p2594_2.pdf. – Date of access: 17.01.2019.

(Дата подачи: 22.02.2019 г.)

К. С. Волнистая
Республиканский институт высшей школы, Минск

K. Volnistaya
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327.7

ПОРТАЛЫ О СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

PORTALS OF THE UNION STATE ON THE INTERNET AND SOCIAL NETWORKS

В статье анализируется деятельность порталов о Союзном государстве Беларуси и России, их представление в социальных сетях и влияние на формирование повестки среди населения.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Российская Федерация; Союзное государство; СМИ; социальные сети; Интернет; союзная интеграция.

This article provides ananalysis of the activities of the portals of the Union State of Belarus and Russia, their presentation in social networks and the impact on the formation of the agenda among the population.

Keywords: Republic of Belarus; Russian Federation; Union State; mass media; social networks; Internet; union integration.

XXI век с уверенностью можно назвать веком информационных войн. Информация в зависимости от способа ее подачи может стать достаточно опасным инструментом манипуляции. Новость, опубликованная в популярных СМИ, может за считанные минуты разрушить не только жизненный уклад человека, но и отношения между государствами. Использование информации в качестве инструмента влияния на принятие решений, управление общественным поведением, проведение информационно-психологических мероприятий может привести как к внутренним, так и внешним трансформациям. Качество предоставления информации, ракурсы освещения событий и предоставления фактов влияют на восприятие окружающего мира, ориентацию граждан в существующей социально-политической ситуации. В этом направлении В. Плэтт выделил базовые критерии оценки

информации: полезность, назначение информации, привлечение внимания к информации [2, с. 50–52].

Данные критерии в плане информационного воздействия сегодня выступают универсальными и являются маркерами работы с ним. Сегодня информацией пытаются управлять именно исходя из них. В западном мире за управлением информацией традиционно закрепилось название «информационно-психологические операции» [1, с. 512]. В советской науке информационно-психологическое воздействие более известно как идеологическое. Согласно исследованиям В. М. Барынькина, в идеологическом (информационном) воздействии наиболее эффективной и результативной информация является тогда, когда населению сообщаются реальные причины и истинные цели событий. Автор отмечает, что это сильно воздействует даже при вооруженных конфликтах [1, с. 457].

Сегодня в эпоху развития информационных технологий и всеобщего доступа к сети Интернет роль информации в поведении, а также в геополитических процессах возрастает многократно. Несмотря на то, что мир уже не биполярен, однако риторика, да и попытки воздействия в стиле информационно-психологического противостоянияна общества и власти, не вписывающиеся в глобальный порядок дня, не только не исчезли, но и приобрели новые формы.

На фоне диалектического противоречия стран евроатлантического блока, стремящихся создать собственный однополярный мир и остальных государств сформировать новую многополярную архитектуру международных отношений, многие страны стремятся объединяться в союзы и коалиции для увеличения значимости своих интересов и позиций в мировом пространстве. Одним из таких примеров является Союзное государство, которое уже двадцать лет объединяет граждан Беларуси и России.

Союзное государство (СГ) представляет собой интеграционное объединение, сложившееся на постсоветском пространстве. Важность объединения изначально определялась необходимостью сохранения производственных цепочек и отлаженных связей между государствами, а также реализации суверенитета двух стран в контексте распада биполярной системы сдерживания. На сегодня СГ стало моделью для дальнейшей интеграции на постсоветском пространстве и образования иных объединений на постсоветском пространстве. Однако на текущий момент растет негативный эффект в вопросах реализации совместных проектов по развитию и реализации договора о СГ, что создает не только имиджевые издержки, но и может поставить под сомнение дальнейшее существование союзного объединения.

Немаловажную роль в этом играет различие в социально-экономических моделях двух стран. Различные хозяйственные споры, особенно по вопросам цен на нефть и газ, привели к тому, что постоянные споры

между ОАО «Газпром» и «Газпромтрансгаз Беларусь» стали постоянными темами-трендами в интернет-пространстве, отражающими динамику белорусско-российских отношений [3, с. 42]. Конфликты проявляются и в иных сферах. Одними из самых громких конфликтов стали: неспособность «Беларуськалия» и «Уралкалия» сойтись по вопросам сбыта продукции, как итог – выход второго из состава Белорусской калийной компании; расторгнут контракт на строительство «Минск-сити», заключенный между Мингорисполкомом и компанией «Итера», сумма по которому составила около 5 миллиардов долларов; аналогичная ситуация с расторжением инвестиционного соглашения на 10 миллионов долларов США, которые российская «Балтика» планировали вложить в «Крыницу». Такие случаи не единичны, и с каждым годом их число растет.

Одна из ключевых проблем интеграции – недостаточное внимание средств массовой информации к новостям российско-белорусского сотрудничества и отсутствие либо недостаточная координация информационной политики Союзного государства. В итоге информация об СГ и ЕАЭС доводится до населения в недостаточных количествах, зачастую фрагментарно, без соответствующего контекста. В результате можно наблюдать низкую информированность населения об интеграционных процессах на постсоветском пространстве.

Итогом этого становится разрушение информационных связей, рост непонимания среди элит, которое имеет риск перерасти в недоверие. Примерами этому могут служить несогласованность решения о возможности пятидневного безвизового пребывания иностранцев на территории Беларуси с российской стороны. Однако стоит отметить, что, несмотря на недостаточное количество рекламной информации, граждане самостоятельно проявляют активность в поиске информации, например, по вопросам аренды жилья, образования, агроэкотуризма и санаторно-курортного лечения в соседней стране, что позволяет формировать позитивный имидж Союзного государства «снизу».

В последнее время имеют место и некоторые информационные провокации для дестабилизации отношений между Беларусью и Россией. Различные скандалы на ток-шоу, статьи, проблемы с санкционными товарами, «страшилки» вокруг учений «Запад-2017» – все эти новости формируют образ состояния отношений у населения. Чаще всего источником дезинформации и нагнетания информационной напряженности становятся ресурсы, связанные с третьими странами, в большинстве со странами Запада. Иногда многочисленные российские или белорусские группы влияния или хозяйствующие субъекты пытаются использовать различные информационные ресурсы Беларуси и России для достижения своих узких эгоистических целей, несмотря на потенциальный вред, наносимый тем самым имиджу СГ, ЕАЭС, а также зачастую дезинформируя граждан двух стран, разжигая недоверие и обиды у населения России и Беларуси.

Мостом между двумя странами являются СМИ Союзного государства, защищающие интересы интеграционного объединения. Однако являются ли они авторитетными для населения? Насколько они популярны и весомы в информационном пространстве?

В данной статье рассматриваются СМИ СГ, а также различные информационные ресурсы, одной из ключевых тематик которых является интеграция России и Беларуси. Конкретно – их представление и активность в наиболее посещаемых социальных сетях ввиду отсутствия открытых данных о посещаемости сайтов у большинства источников.

Сайт	Адрес
Российский совет по международным делам (РСМД)	http://russiancouncil.ru/
Евразийские исследования	http://eurasian-studies.org/
Сонар 2050	https://www.sonar2050.org/
Евразия Поволжья	http://evrazia-povolzhye.ru/
Евразийский мониторинг	http://eurasiamonitor.org/
Евразийский банк развития	https://eabr.org/
Союзное вече	https://www.souzveche.ru/
Союз	http://www.soyuz.by/
БелРос ТВ (бывший телеканал ТРО)	http://belros.tv/
Евразийская экономическая комиссия	http://www.eurasiancommission.org/
Евразия. Эксперт	http://eurasia.expert/

Сайт similarweb.com предоставляет следующую статистику:

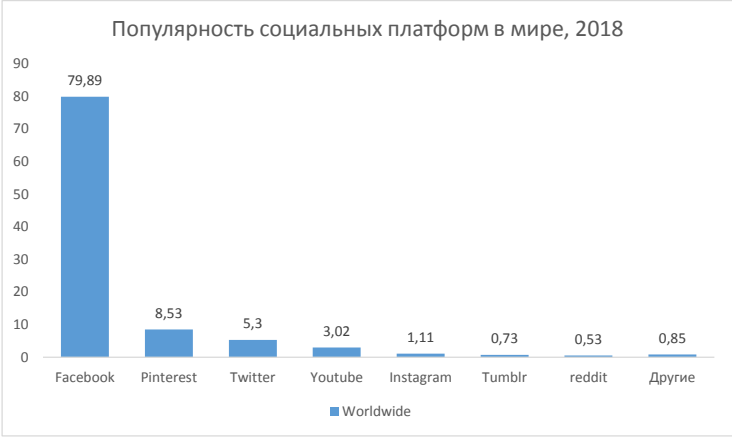
Сайт	Среднее количество просмотров сайта (за месяц)	Среднее количество уникальных посетителей (за месяц)
РСМД	176 209	70 552
Евразийские исследования	10 971	5 198
СОНАР2050	54 577	22 329
Евразия Поволжья	< 5000	< 5000
Евразийский мониторинг	< 5000	< 5000
Евразийский банк развития	12 051	5 730
Союзное вече	51 647	25 016
Союз	20 518	9 443
БелРос ТВ	6 017	< 5000
Евразийская экономическая комиссия	221 646	105 473
Евразия. Эксперт	103 808	47 316

Наиболее посещаемые сайты – Евразийская экономическая комиссия, РСМД и «Евразия. Эксперт». Сайты с наименьшими количествами посе-

щений – Евразийский мониторинг, Евразия Поволжья, а также сайт БелРос ТВ. У большинства сайтов посещаемость находится в промежутке от 10 до 30 тысяч.

Большую часть новостей человек узнает из социальных сетей. Необходимость заходить на каждый сайт отдельно отпадает – различные паблики по интересам предоставят ссылки на интересующие статьи. Именно поэтому так важно иметь качественное представление в популярных социальных сетях, тем самым активно продвигая свою позицию.

Сегодня ситуация в мировом медиа-пространстве складывается следующим образом: беспрекословным лидером является Facebook с почти 80 % от всех посещений. Далее идет Pinterest с 8,53 % и Twitter с 5,3 %. Четвертую строчку занимает видеохостинг YouTube, Instagram и Pinterest.

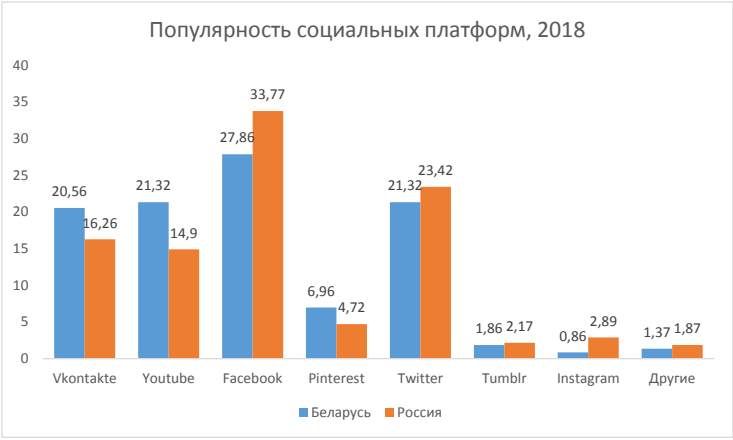


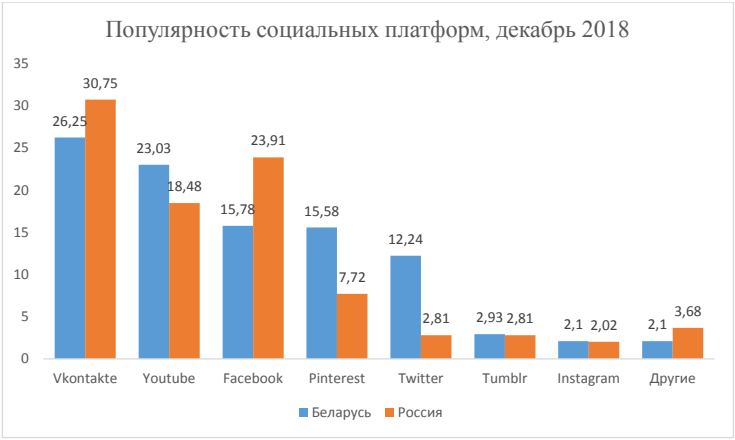
Если взять отдельную выборку по России и Беларуси, можно отметить, что, несмотря на лидирующую позицию все того же Facebook (33,77 % в России и 27,86 % в Беларуси), отрыв от конкурентов значительно меньше, чем на мировой площадке. Второе место за Твиттером, третье место занимает социальная сеть ВКонтакте, которую некоторые называют аналогом Facebook для русскоязычного населения.

Однако если брать во внимание данные за последний месяц, можно отследить динамику падения популярности у жителей стран к Facebook и Twitter и увеличение аудитории ВКонтакте и Youtube.

YouTube является самым крупным в мире видеохостингом, на который можно не только загрузить видео, но и найти материал на интересующую тему, оставить комментарии, пообщаться с другими пользователями сети. Благодаря рекламной политике сети в медиа-сленг активно входит понятие

возросшей активности, видеоблоггинг, а количество видеоблогеров – лидеров мнений, которые получили свою популярность благодаря активным публикациям видео, растет в геометрической прогрессии и для многих становится основным видом деятельности. YouTube является второй по величине рекламной площадкой среди социальных сетей в мире, что делает его прибыльным местом для создателей видео-контента.





На декабрь 2018 г. социальная сеть YouTube занимала второе место в Беларуси и третье место в России по посещаемости. Среди рассматриваемым СМИ большинство имеют свои каналы:

СМИ	Количество подписчиков	Просмотры (ср. посл. 10 видео)	Лайки (ср. посл. 10 видео)	Дизлайки (посл. 10 видео)
РСМД	705	204,4	2,7	0,2
Евр. Исследования	-	-	-	-
СОНАР2050	54748	71000	1621,6	117,3
Евразия Поволжья	-	-	-	-
Евразийский мониторинг	3	17	0	0
Евразийский банк развития	292	24,7	0,9	0
Союзное вече	32	163,25	1	0
Союз	117	11,2	0,1	0
БелРос ТВ	331	5,7	скрыто	скрыто
Евразийская экономическая комиссия	161	68,9	1,3	0,1
Евразия.Эксперт	-	-	-	-

Наиболее посещаемый канал – у «Сонар 2050», статистика просмотров также свидетельствует о популярности канала. Остальные каналы имеют количество подписчиков до 1000.

ВКонтакте (VK, Vkontakte) – это российская социальная сеть, которая является крупнейшейв Европе, особенно популярна среди русскоязычного населения. Изначально ВКонтакте создавалась в качестве социальной сети студентов и выпускников российских вузов, однако быстро завоевала популярность и у других социальных групп. По данным на декабрь 2018 г., среднесуточная аудитория сети составляет более 90 миллионов посетителей, всего в VK зарегистрировано более 465 миллионов пользователей. По данным на начало 2019 г. сеть занимает седьмое место по популярности в мире и первое в России и Беларуси.

Сеть удобна тем, что позволяет донести любую информацию до огромного количества пользователей очень быстро. Именно быстрота обмена информацией – одна из основных причин, по которым свои профили и группы ВКонтакте создают даже крупные компании. Но созданием платформы для общения с пользователями и повышения их лояльности, коммерческая деятельность не ограничивается. Необходимо обращать внимание и на социальную сеть как инструмент коммерческого продвижения. ВКонтакте имеется достаточно удобный сервис демонстрации рекламы, который основан на принципах контекстной рекламы. Благодаря информации в профилях таргетинг очень точен, поскольку он основывается не только на географическом положении целевой аудитории, но и на более точных параметрах, таких как интересы, семейное положение и т. д.

Следует отметить, что несмотря на русскоязычность граждан Союзного государства, не все порталы имеют свои паблики в данной социальной сети:

СМИ	Кол-во подписчиков	Ср. кол-во лайков (посл. 10 постов)	Ср. кол-во просмотров (посл. 10 постов)	Ср. кол-во комментариев (посл. 10 постов)	Ср. кол-во репостов (посл. 10 постов)
РСМД	7994	16,00	1240	0,1	3,4
Евр. Исследования	928	4,2	187	0	0,5
СОНАР2050	1021	2,00	138,1	0,2	0,3
Евразия Поволжья	-	-	-	-	-
Евразийский мониторинг	-	-	-	-	-
Евразийский банк развития	-	-	-	-	-
Союзное вече	204	0,7	28,8	0	0,1
Союз	239	0,9	12,5	0,3	0,4
БелРос ТВ	61	0,4	14,1	0	0
Евразийская экономическая комиссия	1919	11,7	311,7	0	2,5
Евразия.Эксперт	928	0,6	90,5	0	0,2

Самой активной группой является паблик Российского совета по международным делам.

Социальная сеть *Facebook*, основанная молодым бизнесменом Марком Цукербергом, уверенно лидирует среди аналогов, что доказывают цифры – почти 2 миллиарда посетителей в месяц. Такая востребованность у населения планеты обязывает Фейсбук подстраиваться под каждого пользователя. Поэтому на сегодняшний день существует более 60 языковых версий этого веб-ресурса. Сегодня Facebook успешно развивается, привлекая к себе все большее количество подписчиков и рекламодателей.

На декабрь 2018 г. социальная сеть Фейсбук занимала второе место в России и третье место в Беларуси по количеству активных пользователей.

СМИ	«Мне нравится»	Поделились страницей
РСМД	12508	13108
Евр. Исследования	113	124
СОНАР2050	965	1140
Евразия Поволжья	-	-
Евразийский мониторинг	539	558
Евразийский банк развития	950	966
Союзное вече	816	809
Союз	621	624
БелРос ТВ (ТРО)	783	794
Евразийская экономическая комиссия	7942	8678
Евразия эксперт	11290	12079

Уникальность сети *Twitter* – ограничение в количестве символов – сообщение (твит) не может превышать 140 знаков. Изначально интерес к Твиттеру объяснялся простотой использования данного сервиса, а также быстротой отображения сообщений. Твиттер был основан на два года позже, чем Фейсбук, но уже уверенно дышит в спину признанному лидеру. Эта социальная сеть популярна во многих странах мира, не только на просторах постсоветских государств, но и далеко за их пределами. Однако в последние годы наблюдается уменьшение популярности сервиса в Беларуси и России. Среди рассматриваемых СМИ лишь некоторые имеют аккаунты в социальной сети.

СМИ	Подписчики	Количество твитов
РСМД	6782	11600
Евр. Исследования	-	-
СОНАР2050	-	-
Евразия Поволжья	-	-
Евразийский мониторинг	-	-
Евразийский банк развития	168	222
Союзное вече	-	-
Союз	1687	21600
БелРос ТВ (ТРО)	-	-
Евразийская экономическая комиссия	6347	1922
Евразия. Эксперт	-	-

Активными пользователями Твиттера среди представленных порталов можно назвать РСМД и Евразийскую экономическую комиссию, которые имеют более шести тысяч «фолловеров» в данной сети.

Социальная сеть *Instagram*, специализирующаяся на фото и видеоматериалах. Популярность ресурс получил благодаря продуманному менеджменту владельцев Фейсбук, которые выкупили права и вывели его в фавориты. Как итог – более 700 миллионов посетителей ежемесячно. Несмотря на относительно небольшие доли (2,1 и 2,02 для Беларуси и России соответственно), активность данной сети на территории стран растет. Одно из главных преимуществ Инстаграма – в его популярности среди молодежи, что позволяет транслировать им различную информацию.

СМИ	Количество подписчиков
РСМД	833
Евр. Исследования	-
СОНАР2050	75
Евр. Поволжья	-
Евр. мониторинг	-
ЕАБР	-
Союзное вече	94

Союз	-
БелРос ТВ (ТРО)	127
Евразийская экономическая комиссия	-
Российско-белорусский экспертный клуб	-
Евразия. Эксперт	-

Как можно заметить, порталы практически не представлены в данной социальной сети.

Несмотря на определенные успехи некоторых порталов в продвижении через социальные сети, итог не является достаточным для успешного распространения идей интеграции и информации о деятельности Союзного государства. Сейчас порталы в большинстве своем представляют площадки для аналитиков и ученых, а среди населения широкой известности они не имеют.

Тема Союзного государства должна быть интересна жителям двух стран, общая численность которых составляет в сумме более 150 миллионов человек. А для грамотного продвижения и развития сайтов и аккаунтов в социальных сетях необходимо продуманное администрирование, разработка интересного контента для широких масс, а также планомерные пиар и реклама.

Исходя из анализа можно сделать следующие предложения:

1. Информационным ресурсам сделать большую ставку на работу в социальных сетях.

2. Наряду с простыми перерепостами ссылок на собственный ресурс проводить более качественную работу в самих сообществах социальных сетей, сделать их более интерактивными.

3. Использовать больше аудиовизуального контента, который бы доходчиво доводил идеи интеграции, информировал граждан двух стран о процессах в СГ.

4. Увеличить солидарность между редакциями и сообществами ресурсов союзной направленности. Кооперироваться в вопросах продвижения союзного контента.

Список использованных источников

1. *Волковский, Н.* История информационных войн: в 2 ч. / Н. Волковский. – СПб.: ПОЛИГОН, 2003. – Ч. 2.

2. *Плэтт, В.* Информационная работа стратегической разведки / В. Плэтт; пер. с англ. Е. Б. Пескова – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.

3. Российско-белорусские отношения в горизонте до 2020 года: итоги форсайт-сессии / под ред. А. Д. Саулина – М.: ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2017.

4. Медиалогия. Соцмедиа и СМИ: мониторинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://www.mlg.ru/. – Дата доступа: 02.02.2019.

5. Market Intelligence Solutions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.similarweb.com/. – Дата доступа: 02.02.2019.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

А. В. Гаўрыкаў
Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі, Мінск

A. Gavrikov
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 329.05

СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ У ДЫСКУРСЕ ПАЛІТЫЧНАЙ САЦЫЯЛОГІІ

FORMATION OF THE DEVELOPMENT OF RESEARCH OF POLITICAL PARTIES IN THE DISCOURSE OF POLITICAL SOCIOLOGY

У артыкуле разглядаюцца тэарэтыка-метадалагічныя асновы станаўлення і развіцця даследавання палітычных партый у палітычнай сацыялогіі. Паказаны асноўныя тэарэтыка-метадалагічныя падыходы вывучэння палітычнай партыі ад пачатку XVIII ст. да XXI ст. Аналізуюцца новыя тэндэнцыі і перспектывы вывучэння палітычных партый у дыскурсе палітычнай сацыялогіі.

Ключавыя словы: палітычная партыя; палітычная сацыялогія; парталогія.

In an artykulya razgalydayayutstsa tearetyka-metadalagnichnyy asnovy satsyalagnichna stanaŭlennya dasledavannya pal_tychnyh desy at the palitychnaya satsyalogii. Asacons tearetyka-metadalagic padykhody vyvuchennya pitychnyya party hell patchatka 18st. And yes 21st. Analizzyutstsa new tendentsi i prospects of vyvuchennnya pitychnyh desyby u palytichnay satsyyalogii.

Keywords: palytychnaya partyya; palittychnaya satsyalogiya; partylogia

У даследчыкаў, якія вывучаюць пытанне развіцця палітычных партый, існуюць значныя разыходжанні меркаванняў пра тое, калі з'явіўся гэты сацыяльна-палітычны інстытут. Адны лічаць, што правобразы сучасных палітычных партый былі яшчэ ў антычнасці ў выглядзе асобных палітычных груп, якія абаранялі інтарэсы сваіх прыхільнікаў (у радзе старэйшын, Кансулаце, Сенаце і іншых органах прадстаўнічай улады). Іншыя, насупраць, лічаць, што правобразам палітычных партый паслужылі палітычныя групы і аб'яднанні новага часу XVI–XVIII стст., якія з'явіліся ў перыяд буржуазных рэвалюцый, узмацнення ролі парламента і распаўсюджання ўсеагульнага выбарчага права. Палітычныя партыі вывучаюць шмат кірункаў: правазнаўства, філасофію, паліталогію і інш. Адным з навуковых кірункаў, які закранае партыі, з'яўляецца палітычная сацыялогія.

Як новы кірунак сярод грамадскіх навук палітычная сацыялогія з'явілася ў пачатку XX ст. у ЗША і Заходняй Еўропе. Аб'ектам яе вывучэння сталі сацыяльныя механізмы палітычных паводзін індывідаў, сацыяльных слаёў і груп, этнічных і канфесійных супольнасцей, дзейнасць палітычных партый

і грамадскіх рухаў, іншых палітычных структур, іх сацыяльна-палітычных патрэбаў, інтарэсаў, дзеянняў.

Палітычную сацыялогію можна вызначыць як вобласць сацыялогіі, якая вывучае заканамернасці ўзаемадзеяння і іх структур, сацыяльныя аспекты рэгулявання палітычных працэсаў і адносін, сацыяльныя фактары фарміравання і функцыянавання палітычнай сацыялогіі. У палітычнай сацыялогіі ў паліталогіі ў тэрміна «палітычная партыя» няма агульнапрынятага вызначэння, адсутнічае і адзінства падыходаў да разумення яе сутнасці. Па дадзеных расійскага даследчыка З. М. Зотавай, толькі ў рускамоўнай літаратуры налічваецца больш за 200 вызначэнняў палітычнай партыі [1]. Разглядаючы палітычную партыю як сацыяльна-палітычны інстытут, мы паспрабуем даць асабістае вызначэнне палітычнай партыі ў палітычнай сацыялогіі.

Аднымі з першых, хто падняў пытанне палітычнага дзялення грамадства на палітычныя групы, з'яўляюцца старажытнагрэчаскія і рымскія філосафы: Платон, Арыстоцель, Палібій, Цыцэрон, Плаўцій, Солюсцій і інш. Для іх партыяй (лат. *pars* – частка чаго-небудзь) з'яўлялася група людзей, аб'яднаная якой-небудзь мэтай альбо вакол палітычнага лідара [2].

Аднак палітычная партыя сваё значэнне ў сучасным сэнсе гэтага слова, на наш погляд, набыла толькі пасля распаўсюджання ўсеагульнага выбарчага права, станаўлення парламентарызму і буржуазных рэвалюцый XVIII ст. У гэты час даследчыкі звярнулі пільную ўвагу на вывучэнне палітычных партый як сацыяльна-палітычнага інстытута і важны элемент дасягнення грамадзянскай супольнасці.

Першыя працы, якія закранаюць менавіта развіццё палітычных партый, з'явіліся ў XVIII ст. і развіваліся ў галіне палітычнай філасофіі. У Англіі у 1741 г. было апублікавана эсэ «About parties in general» [3] англійскага даследчыка Дэвіда Юма. У ім ён упершыню класіфікаваў палітычныя партыі на асабістыя і рэальныя. Ім быў прадпрыняты псіхалагічны падыход да класіфікацыі, пры якім падтрымка асабістых палітычных партый будавалася на сімпатыі і антыпатыі да яе, а падтрымка рэальных партый засноўвалася на патранажы інтарэсаў і матэрыяльных выгад выбарніка, пры гэтым у яго адбывалася псіхалагічная барацьба аддаць голас упадабанай партыі ці галасаваць рацыянальна свайму матэрыяльнаму становішчу.

Першая спроба даць вызначэнне, што такое палітычная партыя, была прадпрынята французскім грамадска-палітычным дзеячам Бенжамінам Канстантам. Будучы пазафракцыйным дэпутатам у Генеральных Штатах, ён выдзяліў дактрынальнае вызначэнне палітычных партый: «партыя ёсць агульнасць людзей, якія публічна вызнаюць адну і тую ж палітычную дактрыну» [18]. Ім быў вызначаны ідэалагічны падыход да вывучэння палітычных партый (які выкарыстоўваецца і зараз).

Адным з першых, хто звярнуў увагу на дыялектычны характар фарміравання і трансфармацыі партый, з'яўляўся нямецкі філосаф

Іозеф Разенкранц. У працы «Der Ursprung des Konzepts der politischen Partei» 1843 г. [4]. Ён разглядаў палітычную партыю як арганізацыю развіцця пад дзеяннем унутраных супрацьлегласцяў, якія ўяўляюць сабой рознагалоссі паміж групамі і асобнымі чальцамі партыі. Яны дапушчальныя, пакуль не расколваюць партыю, гэта значыць, натуральная мяжа партыйнай дэмакратыі складаецца ў захаванні адзінства шэрагаў партыі. Пры гэтай умове партыйныя дыскусіі выконваюць пазітыўную функцыю, служаць далейшаму развіццю партыйнай ідэалогіі і партыйнай арганізацыі. Ён першым падняў пытанне наконт дзеяння палітычнай партыі ў дэмакратычнам грамадстве.

Палітычныя партыі сучаснага тыпу з'яўляюцца ў XIX–XX стст. (пераважна ў Заходняй Еўропе, ЗША і з прыкметным спазненнем – у Расійскай імперыі). У гэты час пачынае афармляцца і новы кірунак – палітычная сацыялогія, з якой у пачатку XX ст. вылучылася сацыялогія палітычных партый. У 1838 г. з'яўляецца праца «De la démocratie en Amérique» [5] вядомага правазнаўца Алексіса дэ Токвіля, дзе ён разглядаў пытанні сістэмы пакарання ЗША. Даследчык шырока выкарыстаў метад інтэрв'юіравання, размаўляючы з партыйнымі функцыянерамі і лідарамі палітычных партый ЗША. Ён першым класіфікаваў палітычныя партыі на буйныя і малыя. Буйныя партыі (часцей за ўсё ўлады) – гэта партыі, якія могуць быць ва ўладзе і праводзіць (па яго меркаванні) правільную палітыку ў інтарэсах большасці народа. Малыя – гэта партыі, якія выказваюць інтарэсы вузкай групы людзей або аднаго чалавека і перашкаджаюць буйным партыям праводзіць правільную палітыку. Вывучаючы палітыную сістэму краіны, ён закрануў працэс дзейнасці палітычных партый, іх станаўленне і развіццё перш за ўсё з пазіцыі канстытуцыйнага права. Палітычныя партыі даследчыкам разглядаліся як інстытут, спароджаны выбарчым правам і ліберальна-дэмакратычным рэжымам краіны.

У 1903 г. у Парыжы выйшла фундаментальная праца рускага палітолага і сацыёлага, заснавальніка сацыялогіі палітычных партый Міхаіла Якаўлевіча Астрагорскага «Демократия и политические партии» [6]. У цэнтры тэарэтыка-метадалагічных даследаванняў вучонага ўпершыню апынуўся аб'ект – палітычныя партыі. Ім былі закладзены асновы навуковага разумення інстытута «палітычная партыя». Аснову яго працы склаў аналіз станаўлення і развіцця палітычных партый ЗША і Вялікабрытаніі. М. Я. Астрагорскі ўпершыню закрануў пытанні супярэчнасці прынцыпаў дэмакратыі і дзейнасці інстытута партый. На прыкладзе палітычнай барацьбы «айцоў-заснавальнікаў» ім была паказана магчымасць кіруючых эліт маніпуліраваць воляй выбаршчыка. Галоўнай праблемай палітычных партый вучоны лічыў іх бюракратызацыю і фармалізацыю ва ўмовах жорсткай канкурэнцыі ў ходзе барацьбы за ўладу, у выніку чаго з'яўляюцца лабісцкія групы, якія шляхам выкарыстання (часта незаконнага) выбарчых тэхналогій спрабуюць атрымаць дамінуючае становішча ў палітычным полі.

М. Я. Астрагорскім ўпершыню былі выкарыстаны сацыялагічныя метады для аналізу дынамікі развіцця палітычных партый: глыбінныя інтэрв'ю, фокус-групы і кантэнт-аналіз партыйных дакументаў. Ён сустракаўся з вядучымі палітыкамі і дзяржаўнымі дзеячамі, якія дзяліліся з ім сваім вопытам палітычнай барацьбы і пабудовай сваіх праграмных установак для дасягнення палітычных мэтаў.

З'яўляючыся членам англійскай грамадскай юрыдычнай палаты, М. Я. Астрагорскі ўдзельнічаў у абмеркаванні дзяржаўнай палітыкі па адносінах да палітычных партый, ім былі ўзняты пытанні наконт ролі палітычных эліт у палітыцы ў краінах з дэмакратычным рэжымам, у выніку чаго была паказана ангажаванасць многіх палітыкаў, якія знаходзяцца ва ўладзе. З дапамогай кантэнт-аналізу былі вывучаны праграмы вядучых палітычных партый у ЗША і Вялікабрытаніі, дзе вучоны паказаў практычную ідэнтычнасць палітычных мэтаў партый, розніца якіх складалася толькі ў ідэалагічных устаноўках і рэгіянальных асаблівасцях палітыкі партый.

Грунтоўна закранута пытанне з пункту гледжання паліталогіі і палітычнай сацыялогіі (двойчая партыйнасць) у краіне ў працы брытанскага юрыста і палітолага Сіднэя Лоў «Government of England» (1908 г.) [7]. Даследчык адзначыў, што падзел на партыі з'яўляецца істотнай асаблівасцю англійскага канстытуцыйнага механізму. Англійская сістэма кіравання мяркуе наяўнасць толькі дзвюх партый (пры нязначным становішчы астатніх). Усе спробы скапіраваць яе, акрамя ЗША, у іншых краінах са шматпартыйнымі сістэмамі завяршыліся няўдала, тым самым даследчык вылучаў прынцып гістарызму развіцця палітычных партый у англасаксонскіх краінах.

У 1905 г. у перыяд рэвалюцыйных змен і лібералізацыі палітычнага рэжыму ў Расійскай імперыі юрыстам Ю. С. Гамбаравым было закранута пытанне палітычных партый у парламенцкай сістэме. У выніку параўнальнага аналізу замежнага вопыту ўзаемадзеяння палітычных партый у заканадаўчых і прадстаўнічых органах улады ім была выдадзена кніга «Политические партии в их прошлом и настоящем» (1905 г.) [8]. Выкарыстоўваючы інстытуцыянальны метад, Ю. С. Гамбараў разглядаў заканадаўчую інстытуцыяналізацыі палітычных партый і заканадаўчае рэгуляванне іх дзейнасці. У ёй быў закрануты працэс развіцця палітычных партый і іх дзейнасць пры сістэме парламентарызму. Разглядаючы барацьбу палітычных партый у парламенце, аўтар прыйшоў да лагічнай высновы, што чым больш ліберальная палітыка ў адносінах да палітычных партый, тым больш аўтарытарныя палітычныя партыі па сваёй структуры, пры гэтым самі палітычныя партыі з'яўляліся вынікам палітычнай мадэрнізацыі краіны. Ю. С. Гамбараў класіфікаваў палітычныя партый па адносінах да парламента краіны: партыі парламенцкія і пазапарламенцкія. Гэтак жа ім былі выдзелены прававы падыход класіфікацыі партый ў адносінах да ўлады: легальныя (зарэгістраваныя), нелегальныя (незарэгістраваныя) і

паўлегальныя (зарэгістраваныя партыі, але якія выкарыстоўваюць нелегальныя метады палітычнай барацьбы).

Для абгрунтавання паняцці партыі ім было вызначана пяць прыкмет:

- партыя – гэта грамадская група;
- партыя – не юрыдычны, а сацыяльны факт;
- свабодная грамадская арганізацыя;
- сучасныя палітычныя партыі ўтвараюцца толькі ў прававой дзяржаве і не могуць існаваць у бездзяржаўных грамадствах;
- мэтай партыі з'яўляецца заваёва ўлады, адсюль такія яе прыкмета, як сумеснае палітычнае дзеянне;
- членаў партыі аб'ядноўвае агульнасць інтарэсаў, ідэй.

Пытанні функцыянавання і дзейнасці палітычных партый разглядалі заснавальнікі і прыхільнікі марксізму К. Маркс, Ф. Энгельс. Марксізм аказваў значны ўплыў на партыйнае будаўніцтва ў XX ст. У працы «Deutsche Ideologie» (1846) [9] яны вылучылі класавы падыход у сацыялогіі, імі былі вылучаны грамадскія групы прыхільнікаў феадалізму, буржуазіі і рабочых, якія сталі асновай агрэгацыі палітычных інтарэсаў гэтых груп у партыйным будаўніцтве. Імі ў перадумовах стварэння палітычных партый быў вылучаны класавы падыход, пры якім партыя выяўляла інтарэсы перш за ўсё сацыяльна-палітычнага класа і яго эканамічныя і палітычныя інтарэсы, што стала асновай марксісцкага падыходу ў вывучэнні палітычных партый.

Пытанне дзейнасці палітычных партый у Расійскай імперыі разглядаў паслядоўнік марксізму У. І. Ленін у працы «Опыт классификации русских политических партий», дзе ў т. 14 і т. 15 было закранута пытанне канцэпцыі чаргавання партый ва ўладзе ў пераходны рэвалюцыйны перыяд. Праца абапіраецца на марксісцкі падыход, вылучаны заснавальнікамі марксізму К. Марксам, Ф. Энгельсам. У. І. Ленін развіў тэарэтычныя ўяўленні класавага падыходу. Ім былі разгледжаны магчымасці інстытуцыяналізацыі апазіцыйнай партыі Расійскай імперыі на прыкладзе ультралевых палітычных партый. У. І. Ленін зрабіў спробу класіфікацыі партыі Расійскай імперыі 1905–1917 гг. Ён дапоўніў класавы падыход ідэалогіяй (якая, на яго думку, мела ключавое значэнне ў палітычнай барацьбе).

У працы нямецкага сацыёлага М. Вэбера «Politik als Beruf und Berufung» [11] была закранута ўнутраная структура палітычных арганізацый. Ён вызначаў палітычную партыю як сацыяльную арганізацыю, мэта якой – заваёва ўлады для сваіх кіраўнікоў. У сістэме палітычнай арганізацыі ім была выдзелена агрэгацыя палітычных інтарэсаў калектыўнай і асабістай выгады. М. Вэбер вылучыў у грамадстве палітычныя асацыяцыі: часовыя для дасягнення бліжэйшых кароткатэрміновых мэтаў і пастаянныя для дасягнення працяглых мэтаў.

У адрозненне ад сваіх папярэднікаў, М. Вэбер лічыў, што арганізацыі палітычнага тыпу могуць з'явіцца раней за ўсеагульнае выбарчае права. Ім упершыню былі вылучаны групы ідэалагічнай цікавасці і патранажныя:

першыя групы цікавасці выказваюць палітычныя патрабаванні (саслоўя, класа, якога-небудзь рэгіёна), другія – змагаюцца за ўладу для сваіх кіраўнікоў і дамінаванне ў палітычным полі.

Дадзеныя высновы давалі магчымасць разглядаць палітычныя партыі як сацыяльны інстытут з пункту гледжання партый аднаго чалавека – лідара або партыі грамадскіх аб'яднанняў інтарэсаў, якія часта пры дасягненні пастаўленай мэты знікаюць.

Пытанне ўзаемадзеяння супольнасці і палітычных партый у дэмакратычным рэжыме ў працы «Zur Soziologie des Parteiwesens in der der Modernen Demokratie» [12] закранаў Роберт Міхельс. У пачатку XX ст. ён на прыкладзе сацыял-дэмакратычнай партыі Германіі разглядаў пытанне функцыянавання палітычнай партыі ў дэмакратычным рэжыме. Партыі сацыял-дэмакратычнага кірунку ў заходняй Еўропе пачатку XX ст. прэтэндавалі на выраз інтарэсаў самых шырокіх слаёў грамадства і ў першую чаргу рабочага і сялянскага класа. Да пачатку XX ст. большасць даследчыкаў традыцыйна лічылі сацыял-дэмакратычныя партыі найбольш дэмакратычнымі, і Р. Міхельс, будучы прыхільнікам пазітывізму, паспрабаваў эмпірычнымі метадамі (назірання, анкетавання і інтэрв'ю) вызначыць, наколькі гэта адпавядае рэчаіснасці. У выніку сваіх даследаванняў навуковец прыйшоў да высновы, што народныя масы ў сваёй сукупнасці не могуць кіраваць сабой, а палітычныя партыйныя эліты заўсёды дыстанцыіруюцца ад простых членаў палітычных партый. Падставай для гіпотэзы вучонага паслужылі працы па даследаванні палітычных эліт Г. Москі і С. Парэта, якія разглядалі пытанне адкрытых і закрытых палітычных эліт.

Р. Міхельс вызначыў выразную структуру для эфектыўнай дзейнасці партыі – кіраўнічы апарат. Для камунікацыі з электаратам і з іншымі палітычнымі арганізацыямі партыйная эліта павінна валодаць спецыяльнымі ведамі і навыкамі (якімі радавыя члены партыі часцей за ўсё не валодалі), што ўжо падзяляе членаў палітычных партый па службовых абавязках і ролі, якую яны выконваюць у арганізацыі. Р. Міхельс вылучыў партыйную эліту, якая мае навыкі кіраўнічай дзейнасці, лепш інфармаваная і кантралюе арганізацыйную структуру і фінансавыя сродкі партыі.

На яго думку, партыйная эліта імкнулася не столькі дасягнуць палітычных мэтаў, колькі ўтрымаць кіруючае становішча ў партыі і звязаных з гэтым пераваг. На прыкладзе палітычных праграм сацыял-дэмакратаў, мэтай якіх было пераўтварэнне грамадства на прыкладзе сацыяльнай справядлівасці і сацыяльнай роўнасці, як заўважыў Р. Міхельс, «партыйная эліта шмат у чым ужо дамаглася для сябе пастаўленай мэты і фактычна ўжо з'яўлялася палітычнай элітай, якой якія-небудзь сацыяльна-палітычныя змены не былі так ужо і патрэбныя». Р. Міхельс выказаў тэорыю, у адпаведнасці з якой сацыял-дэмакратычная партыя не з'яўляецца той дэмакратычнай арганізацыяй, якой яна пазіцыянавала сябе на палітычнай прасторы. У рэчаіснасці ўлада, на думку вучонага, належала вузкаму колу

алігархічнай партыйнай эліты, якая не імкнулася дзяліцца паўнамоцтвамі і ўладай ўнутры партыйнай структуры. Высновы, якія зрабіў Р. Міхельс, вядомыя як «Жалезны закон алігархіі», які, на думку яе аўтара, ўласцівы ўсім палітычным партыям.

Пытанне станаўлення палітычных партый як сацыяльна-палітычнага інстытута разглядалася французскім палітычным сацыёлагам М. Дзювержэ. Вучоны ў 1951 г. напісаў фундаментальную працу «Formation politique» [13], у якой упершыню разгледзеў і абгрунтаваў класіфікацыю палітычных партый на кадравыя і масавыя, таталітарныя і спецыялізаваныя. Пры разглядзе палітычных партый ім былі вылучаны заканамернасці развіцця палітычных партый (законы М. Дзювержэ), упершыню была выказана думка аб тым, што прымяненне заходнееўрапейскай мадэлі дэмакратыі можа быць праблематычнай у іншых краінах з іншымі сацыякультурнымі асаблівасцямі і палітычнай гісторыяй.

М. Дзювержэ вылучыў тры законы развіцця палітычных партый і выбарчых сістэм:

• «прапарцыйная выбарчая сістэма спрыяе развіццю шматпартыйнай палітычнай сістэмы з дзейнасцю незалежных партый і іх жорсткай унутранай структурай;

• абсалютная мажарытарная выбарчая сістэма спрыяе станаўленню партыйнай сістэмы, у якой партыі лавіруюць і імкнуцца да ўзаемадзеяння адна з адной;

• адносная мажарытарная выбарчая сістэма спрыяе станаўленню двухпартыйнай сістэмы».

Класіфікацыя палітычных партый М. Дзювержэ атрымала назву бінарнай і з'яўляецца найбольш папулярнай у паліталогіі і палітычнай сацыялогіі заходняй Еўропы. У яе аснову пакладзены два крытэрыі падзелу партый на масавыя і кадравыя. Кадравыя партыі – гэта аб'яднанне часцей за ўсё уплывовых і багатых людзей і іх прыхільнікаў, якія не імкнуцца да павелічэння колькасці членаў сваёй партыі. Само ўступленне ў кадравую партыю мае зусім іншы сэнс: гэта акт глыбока індывідуальны, абумоўлены здольнасцямі або асаблівым становішчам чалавека. Масавыя партыі маюць разгалінаваную арганізацыйную структуру, абапіраюцца на шырокую грамадскасць, якая дазваляе выбарчай кампаніі партыі пазбегнуць залежнасці ад грошай палітычнага лідара, атрымлівае палітычнае выхаванне і набывае інструмент для ўдзелу ў дзяржаўным жыцці. Адрозненне кадравых і масавых партый абумоўлена сацыяльнай і палітычнай інфраструктурай. У асноўных рысах яно адпавядае замене абмежаванага выбарчага права ўсеагульным. М. Дзювержэ звязваў станаўленне партыйнай сістэмы з выбарчай сістэмай і юрыдычнай рэгламентацыяй дзейнасці палітычных партый. Навуковец у сваіх даследаваннях звяртаў увагу на апазіцыйныя партыі і іх барацьбу за палітычную ўладу. Адсутнасць легітымнага шляху рэкрутавання ў палітычны працэс партый другога плана, на яго думку,

звычайна прыводзіць да прадуцыравання пазасістэмных партый, нярэдка экстрэмісцкай накіраванасці.

У 1950–1960-я гг. у заходняй Еўропе і ЗША пачынаюць звяртаць больш пільную ўвагу на вывучэнне палітычных партый. Амерыканскімі і англійскімі палітолагамі і сацыёлагамі С. Ліпсатам і З. Рокканом у станаўленні палітычных партый была выдзелена нацыянальная спецыфіка складання нацыянальнай дзяржаўнасці, галоўным фактарам для даследчыкаў сталі наяўнасць супярэчнасцяў у грамадстве і дзяржаве ў цэлым.

Гэтыя канфлікты былі названыя сацыятальнымі (канфлікты найвышэйшай стадыі), якія партыі маглі накіроўваць у легальнае рэчышча палітычнай барацьбы. Даследчыкамі былі вылучаныя прыклады такіх канфліктаў: канфлікт сталіцы і рэгіёнаў; дзяржавы і царквы; горада і вёскі; уласнікаў і рабочых.

Дадзеныя канфлікты падзялялі грамадства на палітычныя групы, што, у сваю чаргу, спрыяла з'яўленню палітычных партый рознай ідэалагічнай арыентацыі, якія шмат у чым агрэгіравалі інтарэсы палітычных груп. У далейшым тэорыя сацыятальных канфліктаў была дапоўнена палітолагам Л. Джандай. На прыкладзе кампаратыўнага аналізу палітычных партый ЗША і заходняй Еўропы ён вылучаў крытэрыі вымярэння палітычных супярэчнасцяў: эканамічны статус дзяржавы; рэлігійнасць насельніцтва; этнічную аднастайнасць або не насельніцтва краіны; узровень урбанізацыі і адукацыі электарату [14].

У 1970-х гг. у сувязі з ростам палітычнай актыўнасці моладзевых палітычных арганізацый і з'яўлення новых палітычных рухаў, якія часта прыводзілі да абвастрэння пазасістэмнай палітычнай барацьбы (пры якой роля палітычных партый паступова памяншалася). Такое змяненне палітычнага поля прымусіла звярнуць увагу даследчыкаў на крызіс палітычных партый як сацыяльна-палітычнага інстытута 1970-х гг.

К. Лоўсан і Р. Далтон надалі асаблівую ўвагу скарачэнню чалавечай базы палітычных партый і памяншэнню іх ролі ў дзяржаўным кіраванні [15; 16]. У крызісным стане знаходзіліся перш за ўсё масавыя і ўсёахопныя партыі сацыял-дэмакратаў, сацыялістаў, камуністаў. Гэта было абумоўлена павелічэннем ролі буйнога бізнесу, палітыкай глабалізму і з'яўленнем новых палітычных рухаў: фемінізму, ЛГБТ, зялёнай палітыкі, пацыфізму і інш., якія не імкнуліся стаць палітычнымі партыямі, але ўсё больш прыцягвалі ўвагу маладых выбаршчыкаў. Да сярэдзіны 1980-х – пачатку 1990-х гг. палітычныя партыі як сацыяльна-палітычны інстытут знаходзіліся ў сістэмным крызісе. Пытанні вывучэння дынамікі развіцця палітычных партый 80–90-х гг. былі сканцэнтраваны на аналізе дадзенага крызісу сацыяльна-палітычнага інстытута.

У вывучэнні палітычных партый у палітычнай сацыялогіі выдзелілася два напрамкі: скептыкі, якія лічылі, што партыя як сацыяльна-палітычны інстытут будзе выцеснена масавымі грамадскімі арганізацыямі і рухамі,

якія будуць менш структураваныя-фармалізаваныя і стануць галоўнымі пасрэднікамі паміж людзьмі і дзяржавай: соцыум – арганізацыя – дзяржава (С. Бергер, К. Лоусон, П. Меркель, А Хайлек), і аптымісты, якія лічылі, што крызіс партый з'яўляецца часовым, і партыі застануцца важным палітычным інстытутам прадстаўнічай дэмакратыі пры істотнай змене іх ролі (К. Байме, А Панеб'янка, П. Майер).

У канцы 80-х – пачатку 90-х гг. увага сацыёлагаў была звернута на вывучэнне і станаўленне палітычных партый у постсавецкіх краінах. Асаблівая ўвага надавалася інстытуту палітычных партый як элементу дэмакратызацыі палітычнага рэжыму. У палітычнай сацыялогіі з'явіўся новый кірунак – транзіталогія. Палітычныя партыі ў постсавецкіх краінах сталі разглядацца з пазіцый дэмакратычнага транзіту як запазычанне з ЗША і краін заходняй Еўропы. Уздзеянне знешніх фактараў і сацыяльных інстытутаў на развіццё палітычных партыі разглядалі Х. Візенталь і В. А. Марозаў. Яны мяркуюць, што парламенцкія сістэмы ўмацоўваюць палітычныя партыі і садзейнічаюць інстытуцыяналізацыі іх як сацыяльна-палітычнага інстытута, а прэзідэнцкія сістэмы, наадварот, вядуць да памяншэння ролі палітычных партый у палітычным полі краіны. У парламенцкіх сістэмах стабільнасць урада залежыць ад узроўню ўзаемадзеяння палітычных партый паміж сабой і ўрадам. У прэзідэнцкіх сістэмах функцыі парламента абмежаваныя заканадаўчай і прадстаўнічай дзейнасцю.

Даследчык Р. Інглхарт разглядае партыі ў сістэме постматэрыяльных каштоўнасцяў. Дзяленне на багатых – кансерватары, ліберальна настроеных – сярэдні клас, сацыяльна-дэмакратычныя і сацыялістычныя нізы. Ён меркаваў, што электарат, які мае невысокія даходы і нізкі ўзровень адукацыі, будзе найбольшы прыхільным да радыкальных і рэвалюцыйных змен палітычнай сістэмы. Высокаадукаваныя людзі з добрым дастаткам і значным сацыяльным статусам складуць электаральную базу партый кансерватыўнага толку ва ўмовах постіндустрыяльнага развіцця, а таксама шматпартыйных сістэм. Партыйная ідэнтыфікацыя, у большасці выпадкаў, успрымаецца выбаршчыкам не проста як псіхалагічная прыхільнасць, а як індывідуальная каштоўнасць, ад якой нялёгка адмовіцца нават тады, калі гэта неабходна для рэалізацыі яго рэальных інтарэсаў [17].

У Беларусі ў цяперашні час палітычная сацыялогія знаходзіцца на стадыі свайго станаўлення, і на вывучэнне палітычных партый як сацыяльна-палітычны інстытут беларускія сацыёлагі толькі пачынаюць звяртаць увагу.

Нешматлікія працы, напісаныя сацыёлагамі, якія закранаюць пытанні станаўлення палітычных партый, не даюць магчымасці сцвярджаць пра станаўленне айчыннай школы вывучэння палітычных партый з пазіцыі палітычнай сацыялогіі.

Такім чынам, агляд абагульняючых прац па палітычнай сацыялогіі паказвае, што сацыёлагі ў сваіх працах звярталі ўвагу на палітычныя партыі як на сацыяльна-палітычны інстытут краіны, які аб'яднаў частку палітычна

актыўнага насельніцтва якой-небудзь ідэалогіяй. Многія працы сацыёлагаў знаходзяцца на скрыжаванні паліталогіі і сацыялогіі, што абумовіла з'яўлення новага кірунку ў навуцы – палітычнай сацыялогіі. Разгледзеўшы гэтыя падыходы, мы робім выснову, што палітычная партыя – гэта сацыяльна-палітычны інстытут, які з'яўляецца структурным кампанентам палітычнай сістэмы і грамадзянскай супольнасці, яднаецца на добраахвотнай аснове палітыка-ідэалагічных аднадумцаў, мае арганізаваную структуру, статут і палітычную праграму, выказвае сацыяльна-палітычныя патрэбы, інтарэсы і памкненні сацыяльных груп, супольнасцяў або класаў і прымае актыўны ўдзел у палітычным і грамадскім жыцці. Некаторыя працы на сённяшні дзень ужо састарэлі, таму неабходна стварыць працы якасна новага ўзроўню, якія па-новаму будуць разглядаць партыі як якасны інстытут грамадзянская супольнасці. Адной з цэнтральных задач сучасных сацыёлагаў з'яўляецца комплекснае вывучэнне сістэмы шматпартыйнасці і сацыяльна-палітычных умоў яе функцыянавання. У гэты ракурс упісваецца вывучэнне гісторыі стварэння партый новай галіны навукі для Беларусі – палітычнай сацыялогіі. Айчыннымі сацыёлагамі толькі робяцца спробы выяўлення заканамернасці і інстытуцыяналізацыі палітычных партый з сацыялагічных пазіцый. Найбольш эфектыўна вядзецца вывучэнне палітычных партый у інтэгральных падыходах сацыялогіі і паліталогіі, філасофіі, псіхалогіі і інш.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Зотова, З. М.* Политические партии в России. Организация и деятельность / З. М. Зотова. – М., 2001 г.

2. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/politics_dict/Политическая_Партия. – Дата доступа: 01.10.2018.

3. *Юм, Д.* Сочинения. Of Parties in General / Д. Юм. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 511–518.

4. Congreso General de los Estados Unidos Mexicanos (23 de mayo de 2014), Ley General de Instituciones y Procedimientos Electorales. México: Diario Oicial de la Federación.

5. Alexis de Tocqueville. De la démocratie en Amérique [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 01.10.2018.

6. *Острогорский, М.* Демократия и политические партии / М. Острогорский. – М.: Рос. полит. энцикл., 1997.

7. *Low, S.* The state system of England / S. Low. – London, 1908.

8. *Гамбаров, Ю. С.* Политические партии в их прошлом и настоящем / Ю. С. Гамбаров. – 2-е изд. – СПб.: Львович, 1904.

9. Karl Marx / Friedrich Engels. Die deutsche Ideologie. – M., 1846.

10. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений Т. 14, 15 «Опыт классификации русских политических партий» [Электронный ресурс] / В. И. Ленин. – Режим доступа: https://leninism.su/works/52-tom-14/2876-opyt-klassifikaczii-russkix-politicheskix-partij.html. – Дата доступа: 01.10.2018.

11. Politik als Beruf und Beruf. Max Weber Gesamtausgabe Bd. 17, hrsg. von Wolfgang J. – Mommsen, 1992.

12. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie by Robert Michels. – Published by Klinkhardt in Leiden, 1911.

13. *Duverger, M.* Les partis politiques / M. Duverger. – Paris, 1951.

14. *Lipset S. M.* Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments / S. M. Lipset, S. Rokkan // The West European Party System. – Oxford, 1990.

15. *Lawson, K.* The Comparative Study of Political Parties / K. Lawson. – N.Y., 1976.

16. *Russell, J.* Dalton, Citizen Politics / J. Russell. – 2nd ed. – P. 118.

17. *Inhart, R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society / R. Inhart. – Princeton University Press, 1990.

18. Vie de Benjamin Constant // Constant B. Adolphe. Le cahier rouge. Cecile. – P., Gallimard, 1979.

(Дата падачы: 07.12.2018 г.)

Т. В. Жмакина
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

T. Zhmakina
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК [321.7:16]

АРГУМЕНТАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИИ

ARGUMENTATION IN THE POLITICAL CONTEXT OF DEMOCRACY

Готовность общества к проведению выборов является важным признаком его демократичности, способности мирными политическими средствами урегулировать политические конфликты и решать назревшие проблемы. Более предпочтительной формой властвования является демократия участия, которая функционирует как институциональная организационная система. Аргументация в политическом контексте демократии с учетом принципов и положений прагма-диалектической теории аргументации направлена на эффективное принятие решений исходя из исходных институциональных условий и дискурсивных механизмов, взаимодействие которых направлено на поиск разрешения конфликта мнений.

Ключевые слова: аргументация; институционализация; политический контекст; демократия; демократия участия; выборы.

Readiness of the society to hold elections indicates its democratic nature and the ability of the population to resolve conflicts and solve current problems by resorting to peaceful political means. Participatory democracy that functions as an institutional organization system is generally thought a more preferable form of rule and governing. Argumentation in the political context of democracy guided by the principles and norms of the pragma-dialectical theory of argumentation is aimed at effective decision-making regarding the institutional preconditions and discursive mechanisms the interaction of which is intended to resolve the difference of opinions.

Keywords: argumentation; institutionalization; political context; democracy; participatory democracy; elections.

Демократия определяется как политический способ и определенная институциональная структура реализации политических – законодатель-

ных и административных – решений. Демократический способ принятия решений – это периодическая конкурентная борьба политических лидеров (элиты) за голоса населения на свободных выборах.

Выборы, являясь способом смены правящих элит через волеизъявление населения и инструментом легитимации и стабилизации власти, выявляют расстановку политических сил и определяют степень доверия населения к властным институтам и их программам. Избирательный процесс способствует политической социализации, усвоению политических ценностей, приобретению политических навыков и опыта.

Избирательная система представляет собой важнейший элемент политической системы государства, регулирование которого осуществляется посредством правовых норм. Характер и структура избирательной системы определяется формой правления и политической культурой страны, и могут меняться в условиях крупных социо-политических перемен. В основу современного избирательного права заложены принципы всеобщих, прямых, тайных и равных выборов, сформулированные философами-просветителями.

Процедура выборов регламентируется избирательным правом страны, отражая на законодательном уровне порядок выдвижения кандидатов, требования к кандидатам, процедуру голосования и подсчета голосов, возможности пользоваться услугами СМИ и источниками финансирования. В Республике Беларусь правовое закрепление избирательная система получила в главе 1 «Избирательная система» раздела III «Избирательная система. Референдум» Конституции Республики Беларусь и Избирательном кодексе, вступившем в силу с 1 января 2000 г.

Выборы в Республике Беларусь проходят на основании мажоритарной избирательной системы и в соответствии со следующими принципами, закрепленными в Конституции Республики Беларусь, соблюдение которых делает их легальными: всеобщность избирательного права граждан (ст. 64 Конституции Республики Беларусь); принцип свободы выборов (ст. 65 Конституции Республики Беларусь); принцип равенства избирательных прав (ст. 66 Конституции); принцип прямого избирательного права (ст. 67 Конституции Республики Беларусь); принцип тайного голосования (ст. 68 Конституции Республики Беларусь) [1]. Наряду с общепринятыми принципами можно назвать принципы, которые обогащают демократическое содержание избирательных норм. К ним можно отнести принцип гласности (ст. 13 Избирательного кодекса), принцип состязательности кандидатов в депутаты, принцип несовместимости статуса депутата со служебным положением (ст. 59 Избирательного кодекса), общественный контроль за соблюдением процедуры выборов, юридическая защищенность избирателя и кандидата в депутаты [2].

Готовность общества к проведению выборов является важным признаком его демократичности, способности мирными политическими

средствами урегулировать политические конфликты и решать назревшие проблемы.

Цель статьи – определить, какую роль играет аргументация в политическом контексте демократии с учетом методологии и положений прагма-диалектической теории аргументации, так как прагма-диалектическая модель аргументации выводит свою обоснованность эффективного способа принятия решений исходя из исходных институциональных условий и дискурсивных механизмов, взаимодействие которых направлено на поиск разрешения конфликта мнений.

Демократия, которая по способам властвования бывает прямая (плебисцитарная), представительная (репрезентативная) и партиципаторная (демократия участия), характеризуется такими признаками, как признание народа высшим источником власти, выборность основных органов государства, равноправие граждан и принятие решений. В современной демократии понятие «политическое равенство» сопряжено с концепцией «один человек – один голос». Демократия участия, функционирующая как институциональная организационная система, является более предпочтительной формой властвования.

Подход Л. Болмэна и Т. Дила [3, с. 11–15] к пониманию и управлению организационной системой определяет четыре измерения, которые для успешной работы организационной система должны быть высоко сбалансированы.

Первое измерение, смысловое, соотносится с формальными или структурными аспектами системы, которые представляют принципы, лежащие в ее основе, и составляют ее институциональный замысел. Данный структурный уровень определяет распределение сфер ответственности, иерархических структур, нормативных и процедурных положений, направленных на координацию видов деятельности.

Второе измерение, социальное, соотносится с человеческими ресурсами и их действиями и взаимодействиями, направленными на функционирование системы. С целью реализации коллективных целей и замыслов в организационной системе должны быть сбалансированы потребности, ценности и навыки людей, институциональные структурные ограничения и функциональные обязанности и взаимодействия.

Третье измерение, политическое, соотносится с аспектом власти. На политическом уровне организационная система представляет собой арену, на которой разворачивается борьба за власть и ее использование. Конфликты являются неотъемлемой частью процесса в силу концептуальных различий в потребностях и взглядах. Деятельность политических лидеров направлена на управление властью, создание коалиций, установление согласия и урегулирование конфликтов.

Четвертое измерение, символическое, соотносится с церемониальными аспектами организационной системы, посредством которых кон-

струируется и поддерживается значимость системы. Этот уровень поддерживается посредством общности ценностей и культуры, а не институциональных и процедурных целей. Проблемы, возникающие на данном уровне, сопряжены с недолжным исполнением акторами своих функций, потерей символами своей значимости, а ритуалами и церемониями своей действенности.

Идеально, когда в демократической организации общества четыре измерения организовываются в целостную значимую систему.

Сравнивая представительную демократию и демократию участия с позиции четырех измерений, становится очевидным, что смысловое измерение доминирует над остальными. В социальном измерении демократия участия имеет более высокие показатели, чем представительная демократия. Политическое измерение представительной демократии характеризуется низким уровнем политической активности граждан, которые, как правило, выступают зрителями политического процесса. Анализ символического измерения показывает, что в представительной демократии в силу удаленности населения от реализации власти смысл демократических ритуалов теряется и смысловое измерение демократической культуры забывается. Подобная ситуация менее типична для демократии участия.

Демократия участия сопряжена с вовлеченностью членов сообщества или общества в целом в непрерывный общественный дискурс по поводу принятия решений и выработки политических стратегий. То есть институциональный посыл демократии участия направлен на разрешение конфликта мнений.

В представительной демократии результат политического процесса достигается посредством достижения согласия между политическими лидерами, а не всеобщего совещательного процесса. Политический дискурс представляет собой не более чем процесс с односторонним движением, в котором политические лидеры формируют идеи, а сторонники им следуют. Выработка решений осуществляется не на основе дискуссий и обсуждений. В этом отношении видится необходимым разграничить дискуссию как управляемый критический диалог, направленный на разрешение различий во мнениях, и квази-дискуссию, которая представляет собой монолог, направленный на завоевание согласия аудитории разделять и поддерживать определенную точку зрения. Дискуссия, представляющая собой однонаправленный процесс убеждения, является риторическим типом. Диалектическим типом дискуссии является методический обмен аргументативными шагами, цель которого – совместно достигнуть того, что является приемлемым или справедливым, выражая готовность принять другую точку зрения под давлением представленных аргументов. Демократия должна быть ориентирована на критическую дискуссию, так как этот способ позволяет увеличить участие и вовлеченность населения в политический процесс и улучшить качество демократического процесса.

Чтобы политический метод страны мог называться демократическим, он должен осуществляться на основе процедурных правил, в роли которых могут выступать диалектические правила аргументативной дискуссии прагма-диалектической теории аргументации, представляющие часть дискурсивной процедуры, которая составляет материальный аспект демократии участия. Диалектический подход к аргументации рассматривает ее как процесс, возникающий в критической дискуссии и направленный на устранение разногласия во мнениях. Аргументация в данном случае является частью регламентированной процедуры (не)одобрения точки зрения критическим судьей [4, с. 520].

Э. Краббе определяет, что разумность процедуры критической дискуссии основывается на двухкомпонентном критерии. Методологическая обоснованность процедуры основана на эффективности ее использования как способа принятия решения. Конвенциональная обоснованность процедуры основана на согласии реальными участниками дискуссии принять различные компоненты, ценности, стандарты и цели как приемлемые, что представляет собой принцип сотрудничества [5, p. 109].

Аргументация возникает в ответ на или предвосхищает несогласие. Структура аргументации, требования доказывания и сама необходимость в аргументации определяются контекстом, в котором выражаются противоречивые точки зрения, возражения, сомнения и контраргументы.

Такой функциональный и диалектический подход к аргументативному дискурсу свидетельствует о том, что справедливость может осуществляться на процедурном уровне.

Процедура диалектической дискуссии и кодекс рационального поведения прагма-диалектической теории аргументации предполагают, что участники дискуссии желают разрешить или устранить разногласие, что составляет условия второго порядка, которые являются предпосылкой условий первого порядка правил рационального поведения. К условиям второго порядка относятся внутреннее состояние коммуникантов – мотивация вовлечения в критическую дискуссию, и диспозициональные характеристики – способность вести критическую дискуссию. Участники критической дискуссии добровольно участвуют в критической дискуссии и распределяют между собой аргументативные роли, определенные диалектической моделью. Диалектический дискурс предполагает, что участники дискуссии имеют право выразить свою точку зрения на основе условий равенства социополитического контекста. Эти предпосылки формируют условия третьего, более высокого порядка, к которым относятся принцип ненасилия, свобода слова и мыслительный плюрализм. Несомненно, перечисленные условия являются необходимым критерием реализации демократических методов, которыми являются гражданские свободы, толерантное отношение к мнениям других, принцип единства и пр. [6, с. 31–34].

Следует принимать во внимание тот факт, что человеческое взаимодействие по своей природе не всегда направлено на установление согласия. Люди, которые участвуют в разрешении конфликта, как правило, привержены определенному исходу разрешения. Участники критической дискуссии взаимодействуют в условиях социального неравенства доступа к власти и ресурсам и ограничений, накладываемых институциональными условиями существования демократической системы. Аргументативные практики формируются на основе данных ограничений, а институты, которые контролируют аргументацию, способствуют преодолению и урегулированию данных ограничений.

Институт выборов, который поддерживается за счет стратификации общества на лидеров и их сторонников, крайне необходим, так как благодаря выборам большинство имеет возможность осуществлять контроль над деятельностью политических лидеров. Посредством института всеобщих выборов реализуются политические права граждан на формирование представительной власти от местных органов до президента.

Демократия участия, превосходящая представительную демократию в плане вовлеченности населения во властные и политические процессы и уровнем политической осведомленности и образованности граждан, реализуется посредством публичного дискурса, осуществляемого в соответствии с требованиями диалектических процедур ведения критической дискуссии между протагонистом и антагонистом, которые имеют противоречивую позицию по существу вопроса. В качестве инструмента достижения более высокого уровня демократического участия выступает диалектический кодекс рационального поведения участников критической дискуссии. Однако разрешение конфликта мнений достигается не только посредством следования правилам ведения критической дискуссии, но также и установок и компетенций, которыми обладают граждане для реализации социальных и политических принципов, что еще раз демонстрирует значимость социального измерения демократической организационной системы в поддержании демократии участия. Классическая концепция демократии заключается в положении, что принятие решений осуществляется разумным, информированным гражданином, имеющим активную социальную и политическую позицию и следующим принципам демократии. Поэтому существенную роль в формировании аргументативной позиции участников критической дискуссии играют их социальное воспитание и образование.

Определяя роль, которую играет аргументация в демократических социальных изменениях, следует помнить, что успех и продолжительность существование демократии зависят от идеологии и институциональной структуры, на которых она основывается, как, в прочем, и от уровня экономического развития.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

2. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 февр. 2000 г., № 370-З: принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г.: одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. *Bolman, Lee G.* Reframing organizations: artistry, choice, and leadership / Lee G. Bolman, Terrence E. Deal. – 3rd Ed. – Jossey-Bass: A Wiley Imprint. – 2003. – 484 p.

4. Handbook of Argumentation Theory / F. H. van Eemeren [et al.]. – Springer Science+Business Media Dordrecht, 2014. – 988.

5. *Krabbe, E. C. W.* The Formalization of Critical Discussion / E. C. W. Krabbe // Argumentation. – 2017. – Vol. 31. – P. 101–119.

6. Reconstructing argumentative discourse / F. H. van Eemeren [et al.]. – Tuscaloosa / London: Alabama University Press, 1993. – 199 p.

(Дата подачи: 04.12.2018 г.)

С. В. Зенченко
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск

S. Zenchenko
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk

УДК 325.1(476)

ОСОБЕННОСТИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL AND REGIONAL POLITICAL AND LEGAL BASES OF MIGRATION POLICY AT THE NATIONAL LEVEL: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Статья посвящена проблеме выявления и анализа особенностей политико-правовых основ реализации миграционной политики на международном уровне, выработке согласованных подходов регулирования незаконной, вынужденной и трудовой миграции в рамках таких региональных объединений, как Союзное государство, ЕАЭС, СНГ. Особое внимание уделяется механизмам имплементации международных стандартов в национальное законодательство Республики Беларусь.

Ключевые слова: государственная миграционная политика; теория и практика реализации согласованной миграционной политики; международные и региональные поли-

тико-правовые основы реализации государственной миграционной политики; незаконная, вынужденная, трудовая миграция; имплементация международных и региональных политико-правовых основ в национальное законодательство.

The article is devoted to the problem of identifying and analyzing the peculiarities of political and legal foundations for the implementation of migration policy at the international level, developing coordinated approaches to regulating illegal, forced and labor migration in the framework of regional associations such as the Belarus and Russia Union State , the EAEU, the CIS. The article focuses on the mechanisms for implementing international standards in the national legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: State migration policy; theory and practice of implementation of a coherent migration policy; international and regional political and legal framework for the implementation of state migration policy; illegal, forced, labor migration; the implementation of international and regional political and legal foundations into national legislation.

Актуальность исследования проблемы теории и практики реализации государственной миграционной политики на международном, региональном и национальном уровнях обусловлена возрастанием роли миграционных процессов в условиях современной глобализации и геополитической трансформации в международной повестке дня. Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) оценивает количество человек, вынужденных покинуть свое местожительство в условиях преследования или вооруженного конфликта в 2015 г. в 63,5 млн человек [1]. По данным Международной организации по миграции (МОМ), в 2015 г. в мире насчитывалось 232 млн мигрантов [2].

«Миграционный кризис» в странах ЕС привел к переосмыслению международных, региональных, национальных политико-правовых основ теории и практики регулирования миграционных процессов. Проблемы вынужденной, трудовой и нелегальной миграции имеют высокую актуальность и для постсоветского пространства, что обусловлено значительным увеличением масштабов миграционных потоков, их качественным разнообразием и усилением их влияния на национальную безопасность. С данной проблемой, кроме всего прочего, тесно связана политизация миграционных процессов и вопросов, связанных с миграцией, рост конфликтогенности миграционного фактора в мире, усиление его влияние на развитие человеческого потенциала, необходимость выработки единых подходов в рамках региональных интеграционных объединений. В связи с этим на повестке дня Союзного государства, ЕАЭС, СНГ стоит задача формирования политико-правовых основ функционирования общего рынка труда, что предполагает выработку концепции согласованной миграционной политики государств-членов.

Цель статьи – выявление политико-правовых основ реализации миграционной политики на международном и региональном уровнях и особенности их имплементации в национальное законодательство Республики Беларусь.

Особенность современного этапа исследований миграционных процессов состоит в значительном увеличении количества научных работ зарубеж-

ных и отечественных экономистов, социологов, демографов, географов по миграционной проблематике, что свидетельствует о повышении значимости регулирования миграций для устойчивого развития социума и государства.

Различным проблемам международного, регионального и национального регулирования миграции посвящены труды Д. К. Бякешева [3], В. А. Волоха [4], Г. С. Гудвина-Гилла [5], Е. В. Киселевой [6], Н. А. Ворониной [7].

Политико-правовые аспекты и социально-экономические факторы включения белорусского государства в международный рынок труда и регулирования трудовой и вынужденной миграции на региональном уровне нашли отражение в работах Е. А. Западнюка [8], В. В. Почекиной [9], Р. М. Супранович [10], Б. В. Сорвирова, О. А. Репьевской [11], И. М. Вашко [12], Е. В. Ванкевич [13].

Сотрудничеству компетентных институтов власти Республики Беларусь с международными организациями и их роли в решении проблем вынужденных и трудовых мигрантов посвящены статьи А. Т. Татура, Т. В. Тумашик [14], А. В. Селиванова [15], в которых отмечается позитивный эффект в деле построения национальной системы законодательства в сфере миграции от взаимодействия государственных органов и Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, а также Международной организации по миграции и Европейской Комиссии. В свою очередь эксперты вышеназванных специализированных международных организаций высоко оценивают законодательную, управленческую и организационную деятельность белорусских государственных органов в реализации внешней миграционной политики [16, с. 3–4].

Российский исследователь А. Ю. Ястребова отмечает, что «универсальные принципы jus cogens, выраженные в суверенном равенстве государств, невмешательстве в дела, входящие в их внутреннюю компетенцию, содействие уважению прав и основных свобод человека, добросовестном исполнении взятых на себя международных обязательств, составляют основу современного международно-правового регулирования миграции» [17, с. 5].

При разработке миграционной политики отдельных государств особое внимание уделяется соответствию принятых законов международным нормативно-правовым актам, направленным на защиту прав человека и регулирующим отношения в сфере миграции, что способствовало внедрению в региональное и национальное законодательство международных законодательных стандартов. Международно-правовую основу миграционной политики составляют «Всеобщая декларация прав человека» от 10 декабря 1948 г., «Конвенция о правах беженцев» 1951 г. и Протокол к ней 1967 г., Конвенция ООН «О сокращении безгражданства» 1961 г., «Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (1 августа 1975 г.), Международная конвенция «О защите всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» 1990 г., Конвенция МОТ «О злоупотреблениях в области миграции и обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей

и обращения» 1975 г., Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г., Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» 2000 г., а также два протокола к ней: Протокол «Против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху» и Протокол «Против торговли людьми, особенно женщинами и детьми». Важную роль в формировании международно-правовых основ миграционной политики играют такие межправительственные организации, как УВКБ ООН, МОМ, МОТ.

Значительную роль в регулировании миграции играют международные правовые обычаи, под которыми понимаются длительно повторяемые в аналогичной ситуации правила поведения субъектов международного права, которые признаются и выполняются субъектами международного права в их международной практике в качестве обычной международно-правовой нормы [3, с. 19].

К источником международного права в миграционной сфере также можно отнести решения международных судебных органов, в том числе Международного суда ООН, Европейского суда по правам человека. Большинство решений, как правило, они принимают по вопросам дополнительной защиты в социальной, экономической, культурной сферах беженцев, вынужденных и трудовых мигрантов.

В современном международном праве отсутствует универсальный договор, регламентирующий регулирование различных типов миграции. В то же время А. Ю. Ястребова обращает внимание на «тесную связь современного миграционного регулирования с международным обеспечением прав человека и международным экономическим правом. Первое включает регламентацию международно-правового статуса различных категорий мигрантов со специальным набором прав, обязанностей и гарантий и определенным режимом пребывания для лиц, ищущих убежище, беженцев, трудовых мигрантов. Для второго отдельным компонентом выступают формы интеграции государств-участников международных экономических организаций, которые могут включать взаимообмен трудовыми ресурсами. Исследователь отмечает, что первый уровень миграционных правоотношений представлен такими субъектами регулирования, как государства и международные межправительственные организации, формирующими определенные нормы и принципы взаимодействия с определенными категориями мигрантов, то второй уровень определяется как взаимодействие принимающего государства и мигрантов, где их взаимные права и обязанности закрепляются в национальном законодательстве. Важнейшими принципами, регламентирующими международное миграционное законодательство в сфере вынужденной и трудовой миграции, выступают невысылка и невыдача лиц, ищущих убежище, недискриминация, равенство обращения, воссоединение членов-семей трудящихся мигрантов и обеспечение возвратности трудовой миграции» [17, с. 5].

Международная основа правового обеспечения гражданских, социально-экономических прав различных категорий мигрантов заложена во Всемирной декларации прав человека 1948 г. Так, в ней прописано «не только право человека покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в нее, но и право на поиск убежища от преследования в других странах и право пользоваться им». В ст. 15 сказано, что каждый человек имеет право изменить свое гражданство [18, с. 9].

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. гарантировал «свободу передвижения и выбор места жительства внутри какого-либо государства и право покидать страну своего происхождения, а также беспрепятственно возвращаться». Кроме того, были обеспеченны права иностранцам, законно находящимся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств, то, что они могут быть высланы только на основании судебного решения [19].

Первые шаги на региональном уровне постсоветского пространства были связаны с необходимостью решения проблем нелегальной, вынужденной миграции, репатриации. Так, скоординированная деятельность стран СНГ при международном участии в рамках Женевской конференции (координатор межправительственная Международная организация по миграции) оказало стабилизирующее воздействие в миграционной сфере, способствовало в значительной мере выработке политико-правовых и институциональных основ государственной миграционной политики Республики Беларусь, актуализировала вопрос урегулирования миграционной ситуации в Западной Европе от степени решения миграционных проблем на постсоветском пространстве.

Решению миграционных проблем способствовало то, что Республика Беларусь активно участвовала в деятельности Консультативного совета по труду, миграции и социальной защите населения стран-участниц СНГ с 1993 г. Главной задачей данного совета является содействие формированию согласованной политики и мер по ее осуществлению в области трудовых отношений, взаимодействия в решении проблем трудовой миграции и занятости. В том числе к его функциям относятся участие в разработке законодательных проектов и рекомендаций в социально-трудовой сфере, и в первую очередь в области трудовой миграции, социальной защиты и занятости населения [20].

Успешно, поступательно, системно развивается сотрудничество в сфере противодействия незаконной миграции в рамках СНГ, направленное на проведение согласованных действий по унификацию правовой базы, пограничное сотрудничество. В январе 2000 г. главы правительств государств – участников СНГ утвердили «Положение об общей базе данных о незаконных мигрантах и лицах, въезд которым в государства-участники Соглашения закрыт в соответствии с их действующим законодательством, и порядке обмена информацией о незаконной миграции». В 2004 г. гла-

вами десяти государств-участников СНГ согласована «Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции». Кроме того, были разработаны и реализованы три «Программы сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией» на 2006–2008, 2009–2011, 2012–2014 гг. [21]. Развитие сотрудничества в институциональной сфере выразилось в создании Совета руководителей миграционных органов, которое подписали восемь государств Содружества [21].

Союзное государство выступило ядром интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Значительные успехи были достигнуты в области политико-правового обеспечения формирующегося общего миграционного пространства в рамках вышеназванного интеграционного объединения. В 2005 г. Советом Министров Союзного государства приняты Основные направления миграционной политики на территориях государств-участников Договора о создании Союзного государства, который представлял собой систему взглядов, принципов и направлений деятельности органов государственной власти обоих государств в области регулирования миграционных процессов [22].

В 2006 г. по итогам заседания Высшего государственного совета в Санкт-Петербурге был подписан ряд важных соглашений в сфере обеспечения равных прав граждан Беларуси и России. В частности, подписаны Договор о сотрудничестве в области социального обеспечения, Соглашение об обеспечении равных прав граждан России и Беларуси на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств-участников Союзного государства. Договор был направлен на обеспечение равных прав и предоставление гарантий гражданам России и Беларуси в области пенсионного обеспечения и социального страхования. В рамках функционирования единого рынка труда белорусы и россияне исключались из перечня иностранных граждан. Были достигнуты договоренности о равных правах в области трудоустройства и оплаты труда, приобретения имущества и владения им, доступа к услугам здравоохранения и образования [22].

Межгосударственное взаимодействие в рамках ЕАЭС в пресечении нелегальной миграции и создании общего миграционного пространства выступают факторами обеспечения национальной безопасности, поддержания стабильности и развития человеческого потенциала на постсоветском пространстве. В 2010 г. на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС Казахстаном, Беларусью и Россией были подписаны два соглашения: «О сотрудничестве по противодействию нелегальной миграции из третьих государств» и «О правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей». Первое направлено на выработку согласованных подходов и принципов по противодействию нелегальной миграции, координацию усилий компетентных органов трех государств по этой проблеме, второе позволяет трудовым мигрантам работать без получения разрешения [23].

Политико-правовое регулирование миграционных процессов регламентируется Конституцией Республики Беларусь, законами «Об иммиграции», «О правовом положении иностранных граждан и лиц без граждан ства в Республике Беларусь», «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь», «О внешней трудовой миграции», а также указами и декретами Президента Республики Беларусь, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь, Министерства внутренних дел и других компетентных государственных органов.

Конституция Республики Беларусь закрепила за гражданами право «свободно перемещаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, выезжать из нее и беспрепятственно возвращаться», встала на защиту соотечественников как на территории Беларуси, так и за рубежом. В соответствии с Основным законом государства «иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси получали равные с гражданами Республики Беларусь права, свободы обязанности, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами» [24, с. 6]. В Конституции прописана возможность государственной власти «предоставлять право убежища лицам, преследуемым в других государствах за политические, религиозные убеждения или национальную принадлежность» [24, с. 6].

Анализ политико-правовых основ миграционной политики белорусского государства на данном этапе свидетельствует о формировании селективный модели ее реализации. Имплементация норм международного миграционного права на региональном уровне выражается в выработке согласованных подходов в регулировании проблем незаконной и трудовой миграции, обеспечении прав беженцев и трудовых мигрантов на национальном уровне в рамках выполнения международных обязательств. Важнейшими направлениями регионального сотрудничества в миграционной сфере выступают выработка согласованных подходов в борьбе с нелегальной миграцией, по работе с вынужденными мигрантами, унификация правил обмена трудовыми мигрантами.

Список использованных источников

1. Global forced displacement hits record high [Electronic resource] // Site unhcr. – Mode of access: http:www.unhcr.org/news/latest/2016/6/5763b65a4/global-forced-displacement-hits-record-high.html. – Date of access: 20.01.2019.

2. Глобальный доклад о миграции, 2015. Миграция и города мира: новые партнерства для управления мобильными процессами [Электронный ресурс] // Демоскоп. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0697/biblio01.php. – Дата доступа: 18.02.2019.

3. Международное публичное право: учебник / под ред. К. А. Бякешева. – М.: Проспект, 1999. – 608 с.

4. *Волох, В. А.* Трудовая миграция: политико-правовые и социально-экономические аспекты привлечения и использования иностранной рабочей силы / В. А. Волох. – М.: Спутник+, 2010. – 251 с.

5. *Гудвин-Гилл, Г. С.* Статус беженца в международном праве / Г. С. Гудвин-Гилл. – М.; Будапешт: ЮНИТИ COLPI, 1967. – 647 с.

6. *Киселева, Е. В.* Международно-правовое регулирование миграции: учеб. пособие / Е. В. Киселева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2015. – 373 с.

7. *Воронина, Н. А.* Международное право и миграционное законодательство стран СНГ: историко-правовой анализ / Н. А. Воронина. – М.: Гос. ун-т упр., 2015. – 303 с.

8. *Западнюк, Е. А.* Трудовая миграция и ее регулирование: монография / Е. А. Западнюк. – Гомель: Центр исслед. ин-тов рынка, 2005. – 205 с.

9. *Почекина, В. В.* Модернизация рынка труда в условиях глобализации мировой экономики: сб. науч. ст. / В. В. Почекина, Р. М. Супранович; под науч. ред. В. Ф. Медведева; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2010. – 312 с.

10. *Супранович, Р. М.* Трудовая миграция в мировой экономике / Р. М. Супранович; под науч. ред. В. Ф. Медведева; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2006. – 198 с.

11. *Сорвиров, Б. В.* Международная трудовая миграция как глобальная проблема современности / Б. В. Сорвиров, О. А. Репьевская. – Брянск: Дельта, 2009. – 141 с.

12. *Вашко, И. М.* Государственная политика регулирования трудовой миграции: зарубежный опыт и возможность его использования в Республике Беларусь / И. М. Вашко // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2012. – № 1. – С. 103–113.

13. *Ванкевич, Е. В.* Перспективы формирования рынка труда Союзного государства / Е. В. Ванкевич. – Витебск: Витеб. гос. технол. ун-т, 2008. – 120 с.

14. *Татура, А. Т.* О международном сотрудничестве Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь в области вынужденной и внешней трудовой миграции / А. Т. Татура, Т. В. Тумашик // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2007. – № 2. – С. 22–26.

15. *Селиванов, А. В.* Сотрудничество Верховного комиссара ООН по делам беженцев и белорусских органов государственной власти / А. В. Селиванов // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2005. – № 3. – С. 28–35.

16. Вынужденная миграция в Республике Беларусь: сб. законодат. актов в сфере убежища, миграции и гражданства / сост.: С. А. Матус, Т. В. Тумашик, А. В. Селиванов. – Минск: Тесей, 2009. – 480 с.

17. *Ястребова, А. Ю.* Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации: автореф. дис. … докт. юрид. наук: 12.00.10. / А. Ю. Ястребова; Дипломат. акад. иностр. дел Рос. Федерации. – М., 2017. – 56 с.

18. Всеобщая декларация прав человека. Декларация прав и свобод человека и гражданина: утв. и провозглашена Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. – М.: Иван, 1993. – 32 с.

19. Международный Пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] // Сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 10.02.2019.

20. Положение о Консультативном Совете по труду, миграции и социальной защите населения государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] / Интернет-портал СНГ // Режим доступа: http://www.e-cis.info/page.php?id=19107. – Дата доступа: 10.02.2019.

21. Состояние сотрудничества между государствами – участниками содружества независимых государств в области миграции и возможные перспективы его развития [Электронный ресурс] / Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: http://cis.minsk.by/page.php?id=18788. – Дата доступа: 10.02.2019.

22. *Котиева, Л.* Мы друг другу – не иностранцы. Как на деле обеспечиваются равные права граждан Союзного государства / Л. Котиева, С. Савостьян // Российская га-

зета [Электронный ресурс]. – М., 2012. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/01/12/integraciya.html. – Дата доступа: 25.05.2012.

23. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств [Электронный ресурс] / Сайт Евразийской экономической комиссии. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/tm/Pages/sogl2.aspx. – Дата доступа: 15.02.2019

24. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2005 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

(Дата подачи: 27.02.2018 г.)

И. Н. Кандричина
Белорусский национальный технический университет, Минск

I. Kandrichina
Belarusian national technical university, Minsk

УДК 316.46:324

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

SOCIAL CAPITAL IN THE ELECTORAL PROCESS

В статье рассматривается роль социального капитала в электоральном процессе. Акцент сделан на анализе связи между объемом социального капитала кандидата, количеством голосов, полученных на политических выборах, и фандрайзингом.

Ключевые слова: электоральный процесс; социальный капитал; социальная сеть; источники социального капитала; социальные связи.

The article considers the role of social capital in the electoral process. Emphasis is made on the analysis of the relationship between the amounts of social capital of the candidate, fundraising and the number of votes received in political elections.

Keywords: electoral process; social capital; social network; sources of social capital; social relations.

Одной из актуальных тем, обсуждаемых современным научным сообществом, является роль социального капитала в электоральном процессе. Особенно важным данное проблемное поле стало в двадцать первом веке.

Родоначальникам теории социального капитала являются П. Бурдье, Дж. Коулман и Р. Патнем. П. Бурдье определял социальный капитал как совокупность существующих или потенциальных ресурсов, связанных с наличием устойчивой сети более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, членства в группе [1].

В рамках политического поля сегодня социальный капитал принято рассматривать как «способность актеров получать определенные преимущества посредствам членства в социальных сетях» [2]. Таким образом, физические

лица наращивают социальный капитал, становясь членами различных социальных сетей для получения каких-либо выгод: информации, ресурсов, социальной поддержки и признания. Социальный капитал выполняет множество социальных функций, однако первостепенное значение среди них занимает именно доступ к совокупным ресурсам, знаниям и способностям членов социальной сети, а также возможность их мобилизации.

В данном аспекте социальная сеть представляет собой совокупность социальных акторов и связей между ними, возникающих на основе определенных социальных (родственных, дружеских, соседских, профессиональных и других) отношений и сопровождающихся, как правило, передачей различного рода ресурсов (материальных и нематериальных) [3]. Сложившиеся отношения в рамках социальной сети существенно влияют на социальный капитал и отражают характер социальных взаимодействий внутри сети и с внешними социальными акторами. Другими словами, то, что человек делает, и что он будет делать, частично определяется отношениями, которые он построил, и социальными сетями, в которые он встроен. Спектр влияния социальных сетей и выгоды, получаемых от членства в них, достаточно широк: возможность быстрого распространение и получения информации [4], преимущества в профессионально-трудовой сфере [5], возможность самообразования, саморазвития и индивидуального творчества [6], получение дополнительных ресурсов в процессе разработки и внедрения инновации [7], оптимизация процессов создания и распространения новых знаний [8].

Социальный капитал обеспечивает основу для становления и развития социальных связей за счет мер, направленных на создание структурных сетей и межличностных отношений, что, в свою очередь, приводит к объединению людей и стимулирует их к взаимовыгодным коллективным действиям. Р. М. Грант утверждает, что социальный капитал способствует развитию интеллектуального капитала, обеспечивая условия, необходимые для обмена и комбинации ресурсов, знаний и способностей [9].

Способен ли социальный капитал превращаться в политический? Влияет ли социальный капитал кандидата на формирование и реализацию электоральной стратегии и на победу в электоральной гонке?

Социальный капитал представляет собой продукт интегрированности индивидов в социальной структуре. Политический капитал инкорпорирован в самих социальных субъектах и представляет собой способности мобилизации коллективных действий и участия в них, делегирования полномочий и представления интересы других субъектов. В то же время политический капитал тесно связан с административным капиталом, который легко отчуждается от носителя, мобилизует вертикальные связи и характеризуется способностью одних социальных субъектов регулировать доступ к ресурсам на основе применения власти и использования авторитета.

Социальный капитал формируется только при наличии индивидуальных отношений. Некоторые ученые расширили определение социального

капитала включением социальных связей, доверительных отношений и ценностных систем, облегчающих действия индивидов [6; 9]. При использовании этого феномена в политическом поле, например, в электоральном процессе, его следует рассматривать как политический капитал ввиду прямого воздействия на процессы создания и обмена сетевыми ресурсами. В данном случае социальный капитал может повлиять на финансирование избирательных кампаний, получение дополнительных ресурсов и голосов на выборах.

Однако, несмотря на тот факт, что вопрос влияния социального капитала на электоральный процесс и его учет при разработке и реализации политической программы и конкурентной стратегии остается актуальным и дискуссионным, до сих пор результаты теоретического анализа и эмпирического исследования данной предметной области широко не представлены в научной литературе. Это объясняется двумя основными причинам. Во-первых, информация об адресантах и объемах финансовых средств и/или пожертвований, выделяемых на проведение избирательных кампаний, является конфиденциальной, а ее использование ограничено различными правовыми и нормативными документами. Во-вторых, сбор статистических данных и проведение учета кандидатов и их избирательных расходов является трудоемким процессом, требующим значительных временных и финансовых затрат.

Попытаемся компенсировать данные недостатки в исследовании социального капитала как важного политического капитала путем систематизации имеющихся теорий и классификации социальные отношений кандидатов в соответствующих избирательных округах на три основные группы: физические лица, организации и фирмы, социальные группы. Ведь изучение взаимодействия этих трех видов сетей, учет предвыборных расходов кандидатов и анализ количества полученных ими голосов на тех или иных выборах могут продемонстрировать характер и интенсивность воздействия, которое физические лица, фирмы и группы оказывают друг на друга.

На положение кандидата оказывает влияние ряд факторов: источники ресурсов, политический имидж, доступность к информационным и коммуникативным средствам, социально-экономический статус кандидата, партийная принадлежность, политическая программа, социальный капитал и многое другое. Объем социального капитала кандидата влияет на уровень доверия электората и доступность к совокупным ресурсам той или иной социальной сети. А чем большим объемом ресурсов и информации располагает кандидат, и чем в большее количество социальных сетях он включен, тем выше вероятность его победы в ходе избирательной кампании. Таким образом, электоральный потенциал кандидата формируется из социальных сетей, в которые он включен, собственных ресурсов и ресурсов, полученных им от политической партии, физических лиц, социальных групп и организаций.

Предыдущие исследования доказали, что существует определенная связь между количеством привлеченных средств, количеством полученных в ходе избирательной кампании голосов и объемом социального капитала кандидата. Следует отметить, что социальный капитал кандидата часто становится решающим фактором победы кандидат на выборах. В любой политической избирательной кампании ресурсы, в основном, поступают к кандидату из четырех источников: от политических партий, которые его выдвигают; от физических лиц; от социальных групп; от организаций.

Политическим партиям принадлежат оригинальные атрибуты, которые являются безотзывными. Три других аспекта зависят от отношений между накопленным потенциалом кандидата и его социальным капиталом. Количество ресурсов, которые он может получить, зависит от размеров, прочности и ширины социальной сети, в которую он включен.

Формирование межличностных сетей облегчает процесс обмена информацией между участниками сети, обеспечивает взаимодополняемость разнородных ресурсов и воспроизводит чувство доверия между членами сети. При разработке политической электоральной стратегии социальный капитал кандидатов, полученный благодаря включенности в социальные сети физических лиц, следует рассматривать как дополнительный ресурс, способствующий сбору средств/взносов на проведение избирательной кампании и получению необходимого количества голосов.

М. А. МакФауен и А. А.Каннелла на основе эмпирических исследований доказали, что интенсивность социальных связей и отношений во многом зависит от времени и частоты социальных взаимодействий, в которые вступает человек. Система же устойчивых взаимозависимостей кандидата с отдельными физическими лицами, группами и организациями формируется в процессе экономической, политической, культурной деятельности, а также реализации акторами социальных статусов и социальных ролей. Чем больше времени и усилий тратит человек на формирование и поддержание социальных связей и отношений, тем выше уровень социального доверия и социальной поддержки, которым он располагает, тем легче ему экспортировать различные виды ресурсы [8]. Следовательно, формирование социальной сети многообразных отношений способствует не только развитию творческого потенциала человека, но и обеспечивает ему доступ к более широким источникам поддержки.

В индивидуальном аспекте формирование связей, как правило, происходит на основе сходства социальных характеристик кандидата и электората. К личностным социальным характеристикам относят: возраст, пол, уровень образования, социальный класс, имущественное положение, род занятий и профессиональную принадлежность. Сходство социальных характеристик отражается на уровне взаимного доверия и поддержки. Аналогичное отношение и поведение, общие взгляды и политические интересы способствуют созданию общей опорной социальной сети.

М. Грановеттер классифицировал все социальные связи по критерию частоты и длительности социальных контактов на сильные, слабые и отсутствующие. Автор полагал, что наиболее полезными являются слабые связи, так как через сильные связи (в силу их информационной избыточности) люди обмениваются ограниченным объемом данных или ресурсов, в то время как обмен действительно важной информацией происходит именно через слабые связи. Физические лица, не входящие в узкий кластер близких друзей и знакомых, предоставляют индивиду ту информацию, которой он не владеет. Слабые связи выступают, по сути, соединением между большими социальными группами. Это объясняется, во-первых, их количеством: у любого человека слабых связей в разы больше, чем сильных, поэтому они охватывают куда более широкий круг территорий и сфер деятельности. Во-вторых, слабыми связями индивид меньше дорожит, а потому не боится к ним прибегать [5].

Социальный капитал кандидата в значительной степени опирается на социальные связи с социальными группами и организациями. Данные виды сетей создаются по четырем основным мотивам: поиск дополнительных ресурсов; уменьшение неопределенности; укрепление политической легитимности; достижение общих целей.

М. У. Пэн и Ю. Луо утверждают, что наличие социальных связей с политиками позволит организациям и корпорациям получить определенные преимущества в виде актуальной рыночной информации, ее правильной интерпретации, заключения дополнительных договоров и контрактов [3].

Для кандидатов в политической избирательной кампании наличие хорошей сети взаимосвязей с физическими лицами, социальными группами и организациями, безусловно, выгодно как для получения больших объемов разнообразных ресурсов и расширения возможностей по их мобилизации, так и для получения большего количества голосов в ходе выборов.

Теория «слабого и сильного галстука» кандидата базируется на постулате, согласно которому основой социального политического капитала выступает система стабильных, прочных социальных отношений с индивидами, социальными группами и социальными организациями. Различия «слабого и сильного галстука» заключаются в частоте, длительности, эмоциональном накале и характере взаимодействия кандидата с членами социальных сетей. В случае выдвижения в депутаты кандидата, который обладает «сильным галстуком», т. е. имеет сильную социальную поддержку со стороны организаций и фирм и способен использовать их ресурсы, обе стороны получают определенные выгоды: высокую степень взаимного доверия и взаимного понимания, высокую степень взаимозависимости и взаимосвязи, согласованность усилий и действия для достижения целей. В случае, если предложенный кандидат имеет только «слабый галстук», т. е. его социальные связи носят преимущественно межличностный характер, они нерегулярны, периодичны и непродолжительны, то взаимодействие и социальный обмен

между сторонами подобной социальной связи ограничены и носят поверхностный характер. Другими словами, слабые связи менее очевидны и эффективны. Следовательно, наиболее эффективный способ связи кандидатом и электората – «структурный мост». При использовании данного типа связи сила и частота взаимодействия между членами социальной сети достаточно высоки, сеть кандидата включает в себя широкие социальные круги, что приводит к появлению большого числа избыточных связей и высокой частоте взаимодействий между сторонами.

Д. Гуо и Ч. Ш. Лью провели анализ различных типов социальных сетей, которые могут быть созданы и использованы в качестве дополнительного стратегического ресурса избирательной кампании. Они продемонстрировали влияние социального капитала на становление и расширение индивидуальных, групповых и организационных отношений, а также выявили потенциальные возможности получения различных материальных ресурсов и социальных блага посредствам активного включения в данные три вида социальных отношений. Они доказали, что включенность в социальные сети способствует получению желаемых ресурсов, повышению доверия друг к другу, приобретению более высокого статуса. В любой избирательной кампании каждая политическая сторона будет использовать все свои ресурсы для поддержки своего кандидата. Но одной поддержки политической партии, как правило, не хватает. Победа кандидата определяется его собственной сетью связей с электоратом [10].

Подведем итоги. Политические акторы могут получить преимущества от социального капитала, когда происходит увеличение личных связей с другими людьми. Именно поэтому кандидаты в ходе избирательных кампаний организуют личные встречи с электоратам. И поэтому кандидаты, неимеющие сильной социальной поддержки или слабо поддерживаемые политической партией на заключительном этапе электоральной кампании, всячески пытаются использовать личные связи для агитации избирателей.

Результаты данного исследования также показывают, что результативность выборов, т. е. количество голосов, которые в конечном итоге получит кандидат, и отношения с физическими лицами лучше анализировать посредством сравнения их с отношениями с социальными организациями и социальными группами.

Избирательная система пропорционального представительства, распространенная в европейских странах, предполагает победу кандидатов, получивших относительно большее число голосов. В данном ключе для кандидатов становится важным организовать более высокий процент явки избирателей. Бесспорно, что наличие крепких социальных связей и отношений выступает дополнительным ресурсом кандидата, обеспечивая ему более высокий уровень социальной поддержки и дополнительные финансовые средства на проведение электоральной кампании. Такие кандидаты могут согласовывать свои политические программы и цели с интересами

социальных групп и организаций для получения максимальной поддержки на выборах.

Не существует четкого мандата-указания для членов политической партии, обязывающего их голосовать за выдвинутых партией кандидатов, но все участники имеют равные условия для расширения личного влияния посредством развития межличностных отношений. Наращивание объема сильных внутрипартийных связей будет способствовать развитию политических программы и стратегий партии, мобилизации партийных ресурсов и голосов, а также более эффективному функционированию самой политической партии.

Проведение электоральной кампании предполагает необходимость привлечения финансовых средств. По сравнению с физическими лицами и социальными группами, наиболее существенная часть средств формируется за счет организаций и фирм. Следовательно, уровень взаимоотношений с ними имеет большое влияние на эффективность сбора средств для проведения выборов. Существует статистическая зависимость между действиями отдельных связей и количеством голосов, которые получил кандидат. Имеется положительная связь между взаимосвязями кандидата с социальными группами и организациями и числом голосов, которые кандидат получает, но она не является статистически значимой.

Систематизация различных теорий и исследований позволила утверждать, что существует связь между объемом социального капитала, фандрайзингом и количеством голосов, полученных на политических выборах. Дискуссионным остается вопрос об оптимальной степени взаимоотношений кандидата с физическими лицами, организациями и социальными группами с точки зрения возможностей по мобилизации средств в политических выборах. Если уровень недостаточный, то общей суммы поступивших средств и количества полученных голосов не хватит для победы в электоральной гонке. Однако формирование и поддержание широкой социальной сети требует больших временных затрат. Это обстоятельство определяет необходимость выбирать соответствующий канал сетевой связи и вид сетевых отношений. В результате оптимальность и последовательность принятия решений зависят от способности личность сделать рациональный выбор, чтобы добиться наибольшей личной эффективности в различных контекстах сетевых связей.

Список использованных источников

1. *Bourdieu, P.* The forms of capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. – Greenwood: New York, 1986. – P. 241–58.

2. *Oorschot, W.* Does the welfare state reduce inequalities in people's social capital? / W. Oorschot, E. Finsveen // International Journal of Sociology and Social Policy. – 2010. – Vol. 30, № 3/4. – P. 182–93.

3. *Peng, M. W.* Managerial ties and firm performance in a transition economy: the nature of a micro-macro link / M. W. Peng, Y. Luo // Academy of Management Journal. – 2000. – Vol. 43. – P. 486–501.

4. *Zaheer, A.* Benefiting from network position: firm capabilities, structural holes, and performance / A. Zaheer, G. G. Bell // Strategic Management Journal. – 2005. – Vol. 26. – P. 809–25.

5. *Granovetter, M. S.* The strength of weak ties: a network theory revisited / M. S. Granovetter // Social Structure and Network Analysis. – 1982. – Vol. 6. – P. 105–130.

6. *Tsai, W.* Social capital and value creation: the role of intra-firm networks / W Tsai, S.Ghoshal // Academy of Management Journal. – 2008. – Vol. 41. – P. 464–76.

7. *Wincent, J.* Does network board capital matter? A study of innovative performance in strategic SME networks / J. Wincent, S. Anokhin, D. Ortqvist // Journal of Business Research. – 2009. – Vol. 63. – P. 265–75.

8. *McFadyen, M. A.* Social capital and knowledge creation: diminishing returns of the number and strength of exchange relationships / M. A. McFadyen, A. A. Cannella // Academy of Management Journal. – 2004. – Vol. 47. – P. 735–46.

9. *Grant, R. M.* Prospering in dynamically-competitive environments: organizational capability as knowledge integration / R. M. Grant // Organisation Science. – 2006. – Vol. 7, № 4. – P. 375–87.

10. *Guo, J.* The perspective of relationships:election strategies and sources of political capital / J. Guo, C. H. Liu // Management Decision. – 2012. – Vol. 50, № 8. – P. 1340–1360.

(Дата подачи: 26.02.2019 г.)

Н. П. Козыренко
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

N. Kozyrenko
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 32.01

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВАХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

FORMATION OF POLITICAL CULTURE IN TRANSITION SOCIETIES: THEORETICAL ASPECTS

В статье раскрыта сущность теоретических аспектов формирования политической культуры восточнославянского мира в переходный период.

Ключевые слова: политическая культура; переходный период; постсоветское пространство; цивилизационная идентичность; этнокультурная близость; политико-культурная среда.

The article reveals the essence of the theoretical aspects of the formation of the political culture of the East Slavic world in the transition period.

Keywords: political culture; transition period; post-Soviet space; civilization identity; ethnocultural proximity; political and cultural environment.

Политическая культура белорусского, российского и украинского обществ есть продукт исторического и социального развития этих народов.

Именно она во многом объясняет истоки, характер и особенности конкретной политической системы, господствующий в обществе политический режим, политическое сознание и поведение общественных групп, динамику и направленность политических процессов. Она выступает подсистемой в глобальной системе общества, поэтому ее нельзя ограничивать лишь сферой субъективных установок и убеждений. За последние два десятилетия Республика Беларусь, Российская Федерация и Украина пережили серьезные изменения политико-культурной среды, которую политологи называют трансформацией, модернизацией, переходным периодом, а страны, прошедшие эти изменения, – транзитными, переходными.

Стоит отметить, что восточнославянский мир сегодня не существует как единая целостность, невзирая на цивилизационную и этнокультурную близость, закрепленную многовековым проживанием в составе единого государства. Перед Республикой Беларусь стал выбор между российским и европейским векторами развития или поиск пути их совмещения, перед Россией стоит вопрос о самоопределении как интегральной части Европы или самостоятельного геополитического и цивилизационного евразийского центра, а Украина последнее время очень явно демонстрирует прозападную, антироссийскую риторику.

Актуальность проблемы выбора общественного развития обусловливает необходимость исследования цивилизационной идентичности восточных славян в геополитической динамике, а также воздействие этого фактора на такие политические процессы, как формирование политической культуры современного белорусского, российского и украинского обществ. В научном плане для решения обозначенных выше проблем плодотворным выглядит сравнительно-политологический подход, а в его границах – бинарный компаративный анализ белорусской, российской и украинской политической культуры.

Доминирующим определением состояния политической системы рассматриваемых обществ можно назвать социальную неопределенность, турбулентность.

Проблемы политико-культурной интеграции и дезинтеграции постсоветского пространства стоят в центре различных теоретических исследований. В современной научной литературе белорусских, российских и украинских авторов есть немало работ, изучающих постсоветскую трансформацию, которые применимы ко всему постсоветскому пространству независимо от конкретной страны. В основном исследователи политической культуры переходного общества в своих трудах изучали механизмы влияния культурных традиций на общественные или общественно-политические процессы. Подобные работы выполнены в рамках сравнительно-исторических, политологических, социально-философских и культурологических предметно-понятийных подходов.

В западной литературе довольно широко изучены процессы трансформации политической культуры общества под влиянием внешней культурной экспансии.

В Республике Беларусь наиболее полно подобные проблемы исследованы в монографии В. В. Шимова «Беларусь, Россия, Украина в цивилизационной и геополитической динамике».

Также в белорусской историографии можно выделить несколько относительно самостоятельных направлений исследований политической культуры: первое посвящено изучению проблемы соотношения понятий «национальный характер» и «менталитет». Весьма распространенной среди белорусских авторов является точка зрения, с позиции которой менталитет трактуется главным образом через специфику национального характера. Примером этого является ряд статей, опубликованных в журнале «Беларуская думка», в частности, статьи А. П. Мельникова. Белорусский ученый Э. С. Дубенецкий в своих исследованиях пришел к выводу, что главное отличие заключается в том, что если ментальность представляет собой способ мышления, мировосприятия конкретной этнической общности, то национальный характер определяется прежде всего в таких психологических феноменах, как темперамент, эмоции, чувства, настроение, способы деятельности, поведение. И. Абдиралович в своем философском эссе «Вечный путь: исследование белорусского мировоззрения», написанного в 1921 г., задолго до публикации книги Н.А. Бердяева «Русская идея» (1946 г.) впервые поставил те же вопросы, что и Бердяев, только относительно Беларуси: есть ли «белорусская идея» ?; в чем состоит историческая миссия белорусского народа?; каков его культурно-национальный тип? Национальный фактор в формировании политической культуры изучали Н. В. Скок, А. П. Мельников, Н. А. Антанович, Я. С. Яскевич.

Второе направление – это работы, в которых была осуществлена концептуализация исходных понятий идентичности, идентификации через изучение национальных особенностей политической культуры белорусов сквозь призму радикальных перемен. Труды Н. М. Бабосова посвящены проблемам культурной трансформации и национальной идентификации. На основе обобщения данных мониторинговых исследований им осуществлена социологическая экспликация статусно-мировоззренческих и социокультурных религиозных, этнонациональных и гражданских идентификаций.

Третье направление – исследование трансформации мировоззрения в современном мире. Ему посвящен ряд работ В. В. Бущика («Социальные и полотологические преобразования в Беларуси в постсоветский период»). Приоритеты и особенности постсоветского пространства в миропорядке XXI века изучали А. Н. Данилов (Переходное общество), В. Ф. Гигин, С. Г. Мусиенко, О. Слука «Национальная идея». Большая часть этих работ затрагивает, в основном, проблему ценностно-мировоззренческой трансформации.

Четвертое направление – применение цивилизационного подхода к изучению политической культуры восточных славян. Это работы белорусских,

российских и украинских авторов: Л. Е. Криштаповича, В. А. Шимова, В. А. Мельника, И. Трещенка, А. С. Панарина, Л. И. Семенниковой, А. И. Молчанова, А. Окары, Н. В. Скок. Политическая культура Беларуси в рамках цивилизационного подхода.

Пятое направление – это ряд узкоспециализированных диссертационных работ по философским, политологическим и социологическим дисциплинам, таких как работы О. Я. Викторчика «Процесс формирования политической культуры будущих офицеров Вооруженных Сил», А. А. Жарикова «Формирование политической культуры студенческой молодежи в современных условиях (на примере учебных заведений искусств и культуры Республики Беларусь)», Е. В. Скакун «Политическое сознание студенческой молодежи в условиях переходного общества», посвященные исследованию определенных аспектов политической культуры Беларуси.

Шестое направление – социологический материал, полученный в процессе исследований мировых и европейских ценностей, проводившихся по сопоставимым методикам в период с 1990 по 2018 г. В рамках проекта «Исследование мировых ценностей» сбор данных осуществлялся Институтом социологии НАН Беларуси и лабораторией НОВАК, Центром социологических и политических исследований БГУ, результаты исследования ЦСПИ БГУ. В Республике Беларусь наиболее полно подобные проблемы исследованы в монографии В. В. Шимова «Беларусь, Россия, Украина в цивилизационной и геополитической динамике». В ней автор через понятие «цивилизационного проекта» как политико-идеологической программы, ориентированной на формирование геополитических союзов на основании историко-культурной близости народов, общности их ценностных установок и геополитических интересов, рассматривает восточнославянский мир как зону конкуренции альтернативных цивилизационных проектов, направленных как на консолидацию, так и дезинтеграцию региона.

Анализ результатов многочисленных сравнительных социологических исследований (как международных, так и национальных) позволил выделить этапы формирования политической культуры изучаемых стран: 1 этап – поисковый, для него характерно формирование государственных структур управления и новых политических институтов, определение путей развития общества, социальные катаклизмы и противостояние политических группировок. В изучаемых политических системах он реализовался в двух последовательных стадиях: стихийной (украинское общество с серией эмоциональных и до конца не спланированных действий) и упорядоченной с эмоционально-рациональными действиями без учета их последствий в достаточно далеком будущем (белорусское и российское общество); 2 этап – стабилизационный, этап усиления власти, для него характерны продуманные действия органов государственного управления, постепенный рост уровня безопасности и спокойствия в обществе; 3 этап – устойчивой стабильности, это этап устойчивого развития общества и го-

сударства. Для него характерны высокие уровень и качество жизни граждан. Приведенные данные исследования показывают, что Беларусь и Россия находятся на стабилизационном этапе своего развития, а Украина остается в поисковой стадии.

Украинские исследователи 1990–2000-х гг. концентрируют внимание на особенностях политического процесса и развития политической культуры в историческом контексте. Здесь целесообразно учитывать различные подходы ученых к политической оценке исторических процессов. В результате анализа можно выделить следующие направления исследуемой литературы по проблемам развития политического процесса и политической культуры украинского государства:

• вопросу формирования политической культуры трансформирующегося украинского общества посвящены труды украинских ученых: М. Згуровского «Украина в глобальных измерениях устойчивого развития», где автор анализирует путь украинской модернизации длинною в полтора десятка лет, указывает объективные и субъективные факторы, которые были заложены в стартовых возможностях Украины. Схожие проблемы рассмотрены в работах Д. Табачника, В. Ткаченко, Н. Томенко, В. Горбатенко. Национальные интересы Украины и альтернативы ее развития в переходный период изучал О. М. Гончаренко в монографии «Национальные интересы Украины и альтернативы стратегии безопасности»;

• региональная неоднородность Украины по этнополитическим, историческим параметрам обозначена украинскими и российскими авторами: О. И. Шаблием, Я. В. Верменичем, В. А. Темненко, М. Днистрянским, А. В. Мальгиным, А. И. Миллером, О. Б. Неменским, С. Барановым. Большинство из них сходятся в том, что сегодняшняя Украина разделена на несколько больших социокультурных зон, которые возникли в результате исторического территориального формирования государства.

Проведенный анализ научных публикаций, относящихся к теме исследования политической культуры в переходных обществах, показал, что остается нерешенной проблема описания динамичных политико-культурных изменений и определяющих эти изменения факторов в переходный период в пределах целостной структуры восточнославянской политической традиции. Поэтому для анализа детерминант политико-культурной динамики общества ученым необходим дополнительный познавательный инструментарий. В целях изучения динамического аспекта политической культуры необходимо соотнести политико-культурную теорию с теориями модернизации, политической трансформации, теориями переходного общества. Теория формирования политической культуры переходных обществах была сформирована в середине 90-х гг. XX в., она еще далека от завершения: не устранены многочисленные методологические противоречия, отсутствует системность и комплексность их изучении. Для Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины проблема изучения тенденций развития фор-

мирующейся политической культуры дополняется необходимостью анализа детерминант, воздействующих на процесс формирования и развития политической культуры переходных обществ, с учетом наиболее значимых объективных связей, определяющих сущность и характер взаимодействия исследуемого феномена.

Список использованных источников

1. *Шимов, В. В.* Белорусская идентичность в контексте белорусско-российской интеграции / В. В. Шимов // Социология. – 2015. – № 4. – С. 67–74.

2. *Голенкова, З.* Парадоксы трансформирующихся обществ в условиях глобализации / З. Голенкова // Власть. – 2012. – № 12. – С. 9–12.

3. *Черняховский, С.* Политическая культура и политическая традиция в политическом процессе России / С. Черняховский // Власть. – 2012. – №4. – С. 16–19.

4. *Титаренко, Л.* Постсоветская трансформация общества сквозь призму оценок российских и украинских социологов / Л. Титаренко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2013. – № 2. – С. 199–209.

5. *Буравой, М.* Транзит без трансформации: российская инволюция в капитализм / М. Буровой // Социология. – 2010. – № 3. – С. 21–32.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

Г. И. Коктыш, М. Г. Коктыш
Гимназия № 192, Минск

G. Koktysh, M. Koktysh
Gymnasium № 192, Minsk

УДК 321.01(476)(082)

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

DEVELOPMENT OF MILITARY-POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC COOPERATION OF BELARUS AND RUSSIA

Военно-политическое сотрудничество в сфере национальной безопасности и обороны обеспечивает суверенитет и независимость белорусского государства, реализует совместную концепцию оборонной политики государств. Социально-политические основы Союзного государства заключаются в проведении согласованной экономической и социальной политики, которая обеспечивает достойную жизнь, социальную защиту граждан и права и свободы человека в Союзном государстве.

Ключевые слова: Союзное государство; военно-политическое сотрудничество; социальная политика; национальная безопасность; стратегическое партнерство.

Military-political cooperation in the field of national security and defense ensures the sovereignty and independence of the Belarusian state, implements the joint concept of the defense

policy of the states. Socio-political foundations of the Union State consist in the implementation of a coherent economic and social policy that ensures a decent life, social protection of citizens and ensures human rights and freedoms in the Union State.

Keywords: Union State; military-political cooperation; social policy; national security; strategic partnership.

Строительство Союзного государства создало условия для проведения согласованной совместной внешней политики, более тесной политической, экономической и военно-технической интеграции Беларуси и России. Основной интерес социально-политического и военно-стратегического сотрудничества Республики Беларусь связан с обеспечением суверенитета и территориальной целостности страны, созданием благоприятных условий для всестороннего международного сотрудничества, где приоритет имеют союзнические отношения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

«Сохранение и укрепление стратегического партнерства с нашим историческим союзником Россией – приоритетная задача нашей внешней политики», – отметил Глава государства в Послание белорусскому народу и Национальному собранию в 2014 г. [1, с. 8].

«Российская Федерация – это наш союзник и стратегический партнер. Поэтому нам следует динамично развивать всестороннее сотрудничество на межгосударственном и региональном уровнях. Наши колоссальные интересы лежат в плоскости Российской Федерации, и мы один народ», – указано в Послании Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию в 2016 г. [2, с. 6].

Значительным шагом в повышении обороноспособности сраны стало принятие в 2016 г. новой Военной доктрины Республики Беларусь, где четко определен миролюбивый характер внешней политики государства. Главная задача всех силовых структур – обеспечить неприкосновенность нашей Родины, ее территориальную целостность и конституционный порядок, постоянно поддерживать спокойную обстановку, необходимую для устойчивого развития страны и мирной жизни нации [2, с. 6].

В 2017 г. президенты России и Беларуси ратифицировали протокол и Соглашение о совместной охране внешней границы Союзного государства в воздушном пространстве и создании Единой региональной системы ПВО России и Беларуси. Статус единых сил ПВО получили пять авиационных, десять зенитно-ракетных, пять радиотехнических частей и одно подразделение радиоэлектронной борьбы.

Государственная программа вооружения России в 2017 г. выполнена и на вооружение российской армии поступило более 3,4 тысяч единиц основных видов новейшего и модернизированного вооружения, в том числе 16 боевых кораблей, 190 современных самолетов и вертолетов, 800 танков и бронемашин, 170 зенитно-ракетных комплексов. Реализация новой государственной программы вооружения во многом определит боеспособность

видов и родов войск на предстоящее десятилетие и долгосрочную перспективу. Президент Российской Федерации отметил: «Если мы хотим быть впереди, если мы хотим побеждать, мы должны быть лучше [3, с. 2].

Россия активно сотрудничает в военной сфере с Беларусью. Продолжается сотрудничество по обновлению белорусской системы ПВО. Ведутся переговоры о поставках современных зенитно-ракетных комплексов С–400, которые еще более эффективно обеспечат безопасность воздушных границ Союзного государства. Две страны успешно провели масштабные учения «Запад – 2017» и разрабатывают новую военную доктрину Союзного государства.

Военно-стратегическое сотрудничество и боевое мастерство стран-союзников постоянно совершенствуется в ходе военных учений на протяжении более десяти лет. В 2003 г. проводились учения «Чистое небо – 2003», где участвовали 8625 военнослужащих; в 2006 г. «Щит Союза – 2006», в котором участвовали 8800 военнослужащих. В октябре 2013 г. на территории Беларуси прошли российско-белорусские учения «Запад – 2013», в которых участвовали 22 000 военнослужащих и которые показали высокий уровень боевой готовности частей и подразделений по успешному решению поставленных задач [4, с. 31].

Министерства обороны Беларуси и России в период с 14 по 20 сентября 2017 г. провели масштабные учения «Запад – 2017», в которых приняли участие 12 700 военнослужащих, 70 самолетов и вертолетов, 250 танков, 200 орудий систем залпового огня и минометов, 10 кораблей [5, с. 3].

Учения «Запад – 2017» носят сугубо оборонительный характер, о чем неоднократно заявляли президенты двух стран. При разработке замысла учений по заявлению заместителя министра обороны России подразумевался условный противник в виде террористически-диверсионных группировок, проникших на территорию Беларуси и Калининградской области, который не имел отношения к конкретному региону. В состав руководства учения вошли представители Генерального штаба Российской федерации и Главного штаба вооруженных сил Республики Беларусь, управления Западного военного округа и Военно-транспортная авиация Вооруженных сил России, командования ВВС и ПВО Вооруженных сил Беларуси, МЧС и с моря прикрывали союзные силы корабли Балтийского флота.

Совместные стратегические учения вооруженных сил приковали к себе внимания в первую очередь стран Запада, которые увидели реальную угрозу их безопасности в контексте проведения антироссийских санкций. Немецкая газета Frankfurter Allgemeine Zeitung утверждала: «Маневры вызывают тревожные воспоминания о временах холодной войны». The New York Tims успокаивала жителей стран Балтии: «Соединенные Штаты примут меры предосторожности, в том числе отправив 600 американских десантников в три балтийские страны на время проведения учений «Запад – 2017». Вместе с тем раздавались и более здравые голоса по поводу учений. Аме-

риканский Newsweek замечал: «Учения “Запад” проводятся каждые четыре года в течение вот уже нескольких десятилетий и ничто не указывает на их исключительность» [6, с. 3].

Высокую оценку учений дал Президент Республики Беларусь: «Все прошло на высоком уровне, без показушности. Это были абсолютно практические учения. Цель учений достигнута, а результат – защита независимости нашего государства, наших национальных интересов и просто защита наших семей. С наших земель не исходили угрозы и войны, мы хотим обычной человеческой безопасности. Это идеологическая составляющая наших учений. Другой нет и быть не должно» [6, с. 2].

Несмотря на плановый характер и оборонительный замысел учений, как отметил С. Шойгу, они сопровождались постоянными информационными выпадами и обвинениями со стороны отдельных наших партнеров за рубежом.

Вместе с тем объективно оценили учения ряд иностранных наблюдателей. М. Фогари, наблюдатель из Италии: «Это были хорошо подготовленные, профессиональные учения. Я увидел в деле белорусских и российских солдат, насколько четко они взаимодействовали. Скажу откровенно: ваши военнослужащие отлично подготовлены. Я сам бригадный генерал и, поверьте, знаю толк в таких учениях» [6, с. 3]. Т. Меллер, представитель вооруженных сил Швеции: «Накануне и в ходе учений звучало немало заявлений экспертов об угрозе этих маневров. Ничего подобного я не заметил. Я бы не сказал, что “Запад – 2017” представляют какую-то угрозу соседям Беларуси. Такие военные учения – нормальная практика. Это то, что делают во многих странах, будь то Швеция, Нидерланды, Беларусь или Россия» [7, с. 3]. Р. Моссинкофф, наблюдатель от ОБСЕ: « Учения « Запад 2017» – образцово-показательный пример транспарентности. Беларусь продемонстрировала, как должны проводиться такие мероприятия. Все наблюдатели имели возможность получить объективную информацию. Вы поступили в полном соответствии с Венским документом 2011 года, что заслуживает уважения» [7, с. 3]. Р. Хустад, норвежский наблюдатель от ОБСЕ: «Мы благодарны белорусской стороне за то, что они пригласили нас в качестве наблюдателей на учения, даже несмотря на то, что количество участников ниже, чем обозначено международными документами. И это является самым главным признаком прозрачности и открытости. Наблюдатели следовали предложенной Министерством обороны Беларуси программе, в рамках которой нам продемонстрировали все элементы активной фазы маневров. Мы убедились, что Беларусь открыта Европе, ОБСЕ и готова показывать, как проходят учения» [7, с. 9].

Представители Латвии провели инспекцию на полигонах Борисова и Лепеля. Инспекционная группа получила полную информацию о маневрах подразделений Северо-западного оперативного командования вооруженных сил Беларуси, ознакомилась с техникой, принимавшей участие в

учениях. В результате латышские военные подтвердили высокий уровень прозрачности и открытости мероприятия [7, с. 9]. За учениями на белорусских полигонах также наблюдали приглашенные представители от Литвы, Норвегии, Польши, Украины, Швеции ,Эстонии.

На полигоне Ленинградского военного округа в России за ходом заключительной фазы учений наблюдали более сотни журналистов со всего мира и 90 военных атташе из 60 стран.

По словам исполнительного секретаря СНГ С. Лебедева, «"Запад – 2017" – плановые учения, которые, как неоднократно было заявлено, не представляют угрозу для соседних и других государств. Главная цель маневров – укрепление обороноспособности Беларуси, России и СНГ в целом, потому что эти два государства – важная составляющая часть обороноспособности всего СНГ. Мы выступаем за мир и готовы к мирному сотрудничеству, в том числе и военной сфере» [7, с. 11].

Министр обороны Российской Федерации С. Шойгу подтвердил, что итоги учения «Запад – 2017» помогут проанализировать результаты проведенных в ходе него исследований по вопросам подготовки, ведения военных действий и их всестороннего обеспечения. Это позволит определить оптимальные варианты дальнейшего развития региональной группировки войск для гарантированного выполнения задач по сдерживанию и отражению возможной агрессии [8, с. 5].

Важное место в развитии военно-стратегического сотрудничества занимает развитие и функционирование региональной группировки войск, которая обеспечивает неприкосновенность границ Союзного государства. В ее состав входят Вооруженные Силы Республики Беларусь и части Западного военного округа Вооруженных Сил Российской Федерации. Создание региональной группировки войск заложило основы военно-технического сотрудничества Союзного государства, что обеспечивает проведение независимой внешней политики государства, показывает мировому сообществу положительную динамику российско-белорусских отношений, их мирный характер.

Правительствами Беларуси и России принимаются меры по повышению эффективности социально-экономического сотрудничества. Бюджет Союзного государства в 2017 г. составил 6,7 миллиарда российских рублей [9, с. 2].

Важным факторам развития Союзного государства является разноуровневая интеграция Беларуси и России, и в первую очередь в рамках СНГ. В 2017 г. наблюдается восстановление экономической активности стран СНГ. На 25 % вырос объем взаимного товарооборота, достигнув 117 миллиардов долларов. «Для устойчивого роста, – отметил Президент России В. В. Путин, – нужно упрощать таможенные процедуры» [10, с. 2].

Актуальное значение в развитии интеграционных процессов занимает ЕАЭС. Совокупный ВВП Евразийского экономического союза в 2017 г. уве-

личился на 1,8 %, а товарооборот – на 30 %. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко предложил ускорить работу над созданием зоны свободной торговли. Нужно продолжать работу по устранению ограничений, мешающих продвижению товаров, рабочей силы, услуг и капитала [10, с. 2].

Проводимая социальная политика Союзного государства направлена на обеспечение достойного уровня жизни граждан Беларуси и России. Трудовая занятость, достойная заработная плата, социальная защита, равный доступ к образованию, услугам здравоохранения, свобода передвижения и право выбора места жительства – эти вопросы всегда являются предметом особого внимания правительств двух государств. Обеспечиваются равные права граждан на получение образования, совершенствуется нормативно-правовая база по взаимной адаптации систем образования. На межправительственном уровне гарантируются права граждан на получение медицинской помощи в учреждениях здравоохранения двух стран [11, с. 13].

За двадцать лет в Союзном государстве разработали и реализовали 52 союзные программы. Сегодня выполняется семь из них, а до 2022 г. планируется закончить еще шесть на общую сумму около 18 миллиардов российских рублей. Единое научно-технологическое пространство является одним из ключевых приоритетов развития Союзного государства. В Беларуси и России накоплены достаточно серьезные научные знания, мы способны создавать прорывные технологии и разработки мирового уровня [12, с. 7].

Президент Российской Федерации определил, что наши страны – действительно стратегические партнеры в полном смысле этого слова и самые близкие союзники. На прочном фундаменте дружбы и добрососедства поступательно развиваются двусторонние отношения практически по всем направлением, и межрегиональные связи являются их важнейшей составляющей. На период 2018–2020 гг. особое внимание будет уделяться обеспечению равных условий для ведения бизнеса на территории России и Беларуси, а также доступа компаний и предприятий на рынки друг друга. Необходимо и дальше реализовывать крупные инфраструктурные проекты, совершенствовать деловой климат, снимать остающиеся между экономиками двух стран торговые и инвестиционные барьеры, а также проводить согласованную экономическую политику.

Важную роль в интеграционных процессах играет региональная политика двух государств. Первый Форум регионов состоялся в Минске в 2014 г. В нем приняли участие 19 регионов России и все регионы Беларуси. Главным являлся вопрос сотрудничества в сельском хозяйстве. Второй Форум состоялся в Сочи с участием 60 регионов России и всех регионов Беларуси. Основным вопросом являлось развитие промышленности; были заключены контракты на сумму 230 миллионов долларов. Третий Форум состоялся в Минске в 2016 г. Тема форума – социальные вопросы развития

Союзного государства. Участвовали 43 региона России и все регионы Беларуси, сумма контрактов составила 300 миллионов долларов. Четвертый Форум регионов России и Беларуси был посвящен расширению сотрудничества в сфере высоких технологий, инноваций, информационного общества [13, с. 2].

Важным шагом в развитии Союзного государства явилось принятие на заседании Высшего государственного совета Союзного государства 24 января 2006 г. четырех международных договоров: Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан России и Беларуси на свободу передвижения, выбор места жительства на территориях государств – участников Союзного государства; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке оказания медицинской помощи гражданам России в учреждениях здравоохранения Беларуси и гражданам Беларуси в учреждениях здравоохранения России; Протокол и Соглашение между Правительством России и Правительством Беларуси об исключении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и имущество от 21 апреля 1995 г., что регулирует равные права граждан Союзного государства [14, с. 4].

Президент Республики Беларусь подчеркнул: «Мы не делим Россию и Беларусь по границам, а пытаемся построить что-то общее – назвали его Союзным государством. Наиболее перспективные векторы сотрудничества: промышленная кооперация, аграрная и строительная сфера, транспорт и инфраструктура, развитие цифровой экономики, ИТ-индустрии, информатизации, военно-техническое сотрудничество» [15, с. 2].

В формировании единого экономического, научного пространства важную роль играют программы Союзного государства: создание космического аппарата 2013–2017; материалы и устройства для космоса 2016–2020; электронные компоненты для машин 2016–2020; наноструктурная микро- и оптоэлектроника 2016–2019; единая система технического покрытия железных дорог региона 2016–2020; система гидрометеорологической безопасности 2017–2021: СКИФ – Недра 2016–2018, что создает условия для развития инновационной экономики знаний [15, с. 12].

Можно сделать вывод, что руководство Беларуси и России продолжает поиск взаимоприемлемой модели развития Союзного государства на основе суверенного равенства. Развиваются отношения двух стран в сферах социально-политического, экономического, военно-стратегического сотрудничества. Союз Беларуси и России рассматривается как первый реальный опыт социально-политической, экономической и военно-стратегической интеграции на постсоветском пространстве.

Список использованных источников

1. Лукашенко, А. Г. Сильная экономика и честная власть – фундамент независимости сраны и процветания нации: Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию / А. Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. Беларусь сегодня. – 2014. – 23 апр. – С. 8

2. *Лукашенко, А. Г.* От уверенного старта – к успеху нового пятилетия нации: Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию / А. Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. Беларусь сегодня. – 2016. – 22 апр. – С. 6

3. *Путин, В. В.* Чтобы быть впереди, мы должны стать лучше / В. В. Путин // Народная газета. Союзное вече. Газета Парламентского Собрание Союза Беларуси и России. – 2017. – № 53. – 24 нояб. – С. 2.

4. *Гусев, А. В.* Национальная безопасность Беларуси и России. Актуальные аспекты в контексте строительства Союзного государства / А. В. Гусев // Беларуская Думка. – 2010. – № 12. – С. 28–33.

5. Учебная тревога // Народная газета. – 2017. – № 37. – 15 верас. – С. 3.

6. Народная газета // Союзное вече. Газета Парламентского Собрание Союза Беларуси и России. – 2017. – № 1. – 13 янв. – С. 10.

7. Приучения к миру // Народная газета. – 2017. – № 38. – 22 верас. – С. 2.

8. Можем спать спокойно // Союзное вече. Газета Парламентского Собрание Союза Беларуси и России. – 2017. – № 52. – 17 нояб. – С. 5.

9. Народная газета // Союзное вече. Газета Парламентского Собрание Союза Беларуси и России. – 2016. – № 58. – 30 дек. – С. 2.

10. Свободная торговля работает на экономику // Народная газета. Союзное вече. Газета Парламентского Собрание Союза Беларуси и России. – 2017. – № 48. – 20 окт. – С. 2.

11. *Рапота, Г. А.* Союзное строительство: взгляд в будущее / Г. А. Рапота // Беларуская Думка. – 2015. – № 9. – С. 11–13.

12. Народная газета // Союзное вече. Газета Парламентского Собрание Союза Беларуси и России. – 2017. – № 26. – 23 июня. – С. 7.

13. Общими усилиями обеспечим научно-технический прорыв // Народная газета. Союзное вече. Газета Парламентского Собрание Союза Беларуси и России. – 2017. – № 28. – 30 июня. – С. 2.

14. Программы Союзного государства // Народная газета. Союзное вече. Газета Парламентского Собрание Союза Беларуси и России. – 2017. – № 57. – 22 дек. – С. 4.

15. *Лукашенко, А. Г.* Не делим наши страны по границам, а строим Союзное государство / А. Г. Лукашенко // Народная газета. Союзное вече. Газета Парламентского Собрание Союза Беларуси и России. – 2017. – № 52. – 17 нояб. – С. 2.

(Дата подачи: 20.02.2019 г.)

О. Н. Корело
Республиканский институт высшей школы, Минск

O. Korelo
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 351(476)

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

YOUTH POLICY AS PRIORITY DIRECTION OF THE COUNTRY'S DEVELOPMENT

В статье рассматриваются мировые тенденции в развитии молодежной политики в контексте формирования инновационного потенциала общества. Анализируется теоретический и практический опыт развития молодежной политики как самостоятельной сферы государственной политики. Особое внимание уделяется моделям молодежной политики, функционирующим в мире, в том числе модели, распространенной на территории Республики Беларусь. Изучаются системообразующие функции, которые берет на себя государство в отношении молодого поколения.

Ключевые слова: молодежная политика; государственная политика; европейская модель; функции государства; проблемы молодежи; человеческий капитал; социализация.

Global trends in development of youth policy in the context of formation of innovative capacity of society are considered in the article. We have analyzed the theoretical and practical experience of development of youth policy as the independent sphere of state policy. Special attention is paid to models of youth policy and the sphere of their distribution in the Republic of Belarus and also to functions which are undertaken by the state concerning the younger generation.

Keywords: youth policy; state policy; European model; functions of the state; youth problems; human capital; socialization.

Осмысленное понимание стратегических преимуществ обществ, готовых накапливать и продуктивно использовать человеческий капитал, в том числе инновационный потенциал, основным носителем которого является молодежь, пришло в систему государственного управления сравнительно недавно. Молодежь как группа общества, которая «вовлечена во все без исключения социальные процессы либо непосредственно, либо через свою семью» [1], в последнее время все чаще становится объектом заботы государства и активным субъектом политических процессов. Это заставляет правительства проводить политику поддержки, защиты и управления молодежными ресурсами. Современная глобализация, создавая новые возможности и обогащая мировое пространство высокоинтеллектуальными молодыми специалистами, порождает новые проблемы, делая молодежь объектом как внутренней, так и внешней политики государств.

Мировая практика формирования молодежной политики имеет сравнительно небольшой опыт. В период до 1920-х гг. появились первые государственные (административные) меры, направленные на защиту прав моло-

дого поколения. Они касались труда несовершеннолетних, в частности, на одной из фабрик в Пруссии в 1839 г. В основе мер правовой защиты лежали вопросы сокращения масштабов юношеского производственного травматизма и предупреждения роста преступности среди несовершеннолетних. Данная мера не имела широкого распространения, а носила характер разовой меры христианской заботы о бедных слоях трудовой молодежи. Но действие имело свое продолжение, и забота о молодежи постепенно стала пониматься как часть государственной системы снятия конфликтов в обществе. Параллельно с социальной поддержкой укреплялась и распространялась система надзора за молодежью. Таким образом, частная инициатива легла в основу молодежной политики по двум основным направлениям: забота о молодежи и надзор за ее деятельностью. В этот же период в ряде стран начинают формироваться специальные составы судов для несовершеннолетних (1908 г. – в Германии, 1910 г. – в России и др.), а в законодательстве появляются положения, направленные на защиту прав молодых граждан [2].

С 1920-х гг. начали выстраиваться две системы государственной молодежной политики, существенно различавшиеся по концепции и механизмам реализации основных функций. Одна из систем начала формироваться в Германии в период Веймарской Республики. В ее основе – идеи социальной педагогики (прежде всего постулат свободы личности ребенка) и правового государства. В 1922 г. там же принимается Закон о молодежном благоденствии – документ, в котором нормативно закрепляются государственные обязанности по обеспечению трудовых и социальных прав молодых граждан. Данный закон был отменен в годы фашистской диктатуры, но практика его применения была восстановлена после завершения Второй мировой войны как ГДР, так и ФРГ: в 1949 г. в ФРГ был восстановлен Закон 1922 г. с корректировкой ряда положений; в 1950 г. в ГДР был принят Закон о молодежи; после объединения ГДР и ФРГ в 1990 г. принят новый Закон о помощи детям и молодежи, в котором закреплены вопросы занятости, социального обеспечения, семейных отношений и ряд других. Необходимо отметить, что сегодня в Германии действует наиболее сбалансированная и развернутая система поддержки молодежи и молодежных инициатив в Европе [3].

В последние 20 лет в целом во всем мире наблюдается рост интереса к молодежной политике со стороны государства и общественных институтов, к изучению механизмов ее реализации, расширению сферы законодательного регулирования.

Первым наиболее значимым программным документом, определяющим статус молодежи в современном мире, стала «Всемирная программа действий», касающаяся молодежи и принятая в системе ООН в 2000 г. Данная программа направлена на устранение препятствий, мешающих развитию молодежи как основного источника человеческих ресурсов и главной движущей силы социального прогресса и экономического развития. Она служит нормативной базой и содержит практические указания для разработки

национальных и международных программ, направленных на улучшение жизни молодого поколения во всех странах мира.

В 2001 г. Европейский союз принял Белую книгу «Новый импульс для европейской молодежи», в 2005 г. – Европейский молодежный пакт, в 2009 г. утверждена новая стратегия молодежной политики «Молодежь – инвестирование и предоставление возможностей».

Стратегия «Молодежь – инвестирование и предоставление возможностей» на ближайшие годы признает молодежь в условиях старения современного общества наиболее ценным ресурсом и в то же время наиболее уязвимой группой общества, подверженной агрессивным последствиям экономического и финансового кризиса. Данная стратегия устанавливает приоритеты европейского рамочного сотрудничества по молодежной политике в сфере образования, трудоустройства, креативности, предпринимательства, социальной включенности, здоровья, спорта, гражданского участия и добровольчества. Своими программными разработками стратегия подчеркивает значимость молодежной работы в Европейском союзе и акцентирует внимание на важности проводимой молодежной политики в мире.

Необходимо отметить, что молодежная политика в Европе имеет динамический характер. Каждые три года Совет Европы утверждает основные приоритетные направления развития молодежи. Одним из важных документов в этом направлении стало утверждение «Повестки 2020». Большое внимание развитию и пересмотру молодежной политики, новым исследованиям в этом направлении также уделяет ООН. Раз в два года организация выпускает Всемирный ответ по молодежи (известный также как Доклад о положении молодежи).

В докладе применяется анализ проблем молодежи в трех связанных между собой аспектах, которые позволяют изменять меры политики и их воздействие, что называется, изменять позиции политики в отношении молодежи.

Первый аспект связан с возможностями помогать молодым людям приобретать, совершенствовать и использовать свои умения и навыки на практике, а также коррелированием мер по реализации этих возможностей правительствами.

Второй аспект позволяет оценить меры по информационному обеспечению молодежи при выборе сферы применения ими своих способностей и также ориентирован на создание государством достаточных стимулов, помогающих молодежи принимать правильные решения.

Третий аспект анализирует меры по корректировке нежелательных результатов, а также предоставлению молодым людям повторных шансов для возвращения на путь созидания (в сферу образования, трудовой деятельности, социальной адаптации, медицинской реабилитации и т. д.).

Данные меры направлены на корреляцию государственных решений, в дальнейшем влияющих на благополучие молодежи, включая возможности

стать эффективным работником, главой семейства, гражданином и общественным лидером.

В Докладе основное внимание уделяется пяти переходным этапам формирования зрелого гражданина: учеба, работа, здоровье, семья и гражданство. Решения, направленные на реализацию этих этапов, обеспечат развитие, сохранение и использование человеческого капитала. Корректировка непродуманных решений потребует от государства дополнительных средств, поскольку прекращение учебы в школе, отсутствие работы, девиантное поведение, сопряженное с повышенным риском для здоровья, могут иметь долгосрочные труднопреодолимые последствия.

В эти непростые для молодого гражданина периоды на помощь, как правило, приходят программы и концепции молодежной политики на национальных уровнях, согласованные с основными министерствами и ведомствами. При условии многопартийных политических систем государственная молодежная политика представляет собой деятельность на основе согласованного консенсуса политических сил в отношении проведения молодежной политики на законодательном уровне с применением парламентских процедур.

В современных условиях развитие концепций государственной молодежной политики находится в прямой зависимости от функций, которые берет на себя государство в обеспечении прав молодежи.

Эти функции находятся в прямой зависимости от целей, которые ставятся перед государственной молодежной политикой. В одних случаях цель государства – достижение определенного нормативного образа молодежи, в других – молодежная политика выступает инструментом смягчения адаптации молодого человека для жизни в социуме. Эти различия принципиальны для конструкций государственной молодежной политики и предопределяют основные способы ее осуществления.

Сегодня в мире существует несколько моделей формирования молодежной политики. По направлению деятельности и содержанию программ можно выделить европейскую и англосаксонскую модели. Европейская модель имеет сбалансированную структуру, систему взаимодействия различных сфер политики с расчетом на конкретный результат. В англосаксонской модели акцент делается на добровольческой деятельности отдельных участников и молодежных организаций без системного влияния государства на формирование молодежной политики.

Наиболее успешным среди стран, проводящих содержательную молодежную политику европейской модели, является опыт таких стран, как Федеративная Республика Германия, Австрийская Республика, Швейцария, Французская Республика, Королевство Дания. В этом списке необходимо упомянуть и Японию, хотя эта восточноазиатская страна не является европейским государством. Европейская модель государственной молодежной политики основывается на особой роли государства, четкой

регламентации законом мер поддержки молодых людей и молодежных организаций.

Значительный опыт среди представителей англосаксонской модели имеют Соединенные Штаты Америки. Концепция, реализованная в США, основывается на минимальном участии государственных структур в социализации молодежи. Социальная поддержка молодежи объявляется, как правило, делом благотворительных частных организаций.

Молодежная политика англосаксонской модели (США) не является сферой деятельности государства, так как воспитание молодежи – составляющая деятельности системы образования. Основной механизм, применяемый в США, – воспитание молодежи (или же ее социализация) путем привлечения к общественной деятельности (Youth Service) и обучение через опыт (Service Learning). В США социальная работа в молодежной среде приобрела статус отдельной профессиональной деятельности, связанной с идеями М. Ричмонд как основательницы профессиональной социальной работы [4]. В частности, это предполагает такой метод работы с молодежью, как «мобильная социальная работа», которая проводится в тесном контакте с социальной средой (на улицах городов, в больницах, социальных приютах, в местах сбора молодежных групп и т. д.).

Сентенция англосаксонской и европейской модели представлена в молодежной политике Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Главной задачей европейской модели является создание условия для мягкого перехода молодого гражданина от юности к взрослой жизни, предполагающего самостоятельность и ответственность. Данный процесс ориентирует государство как субъект молодежной политики на поддержку личных инициатив молодежи через расширение их возможностей, а также выделение ресурсов и формирование мотивации их использования.

Как европейская, так и англосаксонская модели – это типовые модели формирования молодежной политики, но необходимо отметить, что между ними имеется множество переходных вариантов, функционирующих в наших сопредельных государствах.

Концепция государственной молодежной политики, которая утвердилась как европейская, выступает ориентиром для Республики Беларусь прежде всего в части исполнения следующих направлений:

1) облегчение вхождения молодежи в институционализированную общественную жизнь с применением мер социальной защиты молодых людей, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе при решении экономических, бытовых и иных личных проблем (меры социальной поддержки и защиты молодежи);

2) инвестирование в молодежь как в человеческий потенциал общественного развития для проектирования высокого уровня духовного, интеллектуального, трудового, инновационного развития общества.

На данный фактор компенсационных мер формирования социального статуса молодежи со стороны государства в качестве концептуальных основ государственной молодежной политики в постсоветский период обращали внимание известные ученые: Е. С. Бабосов, М. М. Бариев, И. В. Глазунов, Л. Е. Земляков, М. Б. Калинкина, А. В. Кочетков, Г. В. Куприянова, С. Д. Лаптенок, В. В. Лащевский, Г. А. Лукс, В. В. Нехаев, О. А. Рожнов, Е. П. Сапелкин, К. И. Фальковская, Ф. И. Храмцова и др. В настоящее время уровень этих компенсационных инвестиций напрямую зависит от экономического развития государства.

Главная идея, которая лежит в основе концепции молодежной политики в Республике Беларусь, состоит в том, что государство как основной субъект молодежной политики ставит своей целью обеспечить полноценный правовой и социальный статус молодым гражданам республики, защитить их права и свободы. Концепция государственной молодежной политики направлена на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности, развития молодежных объединений, движений и инициатив [5]. Она ориентирована на то, чтобы создать эффективные механизмы по привлечению молодежи и молодежных организаций к разрешению молодежных проблем, формированию новой модели развития белорусского общества.

Сегодня государственная молодежная политика в Республике Беларусь осуществляется по следующим основным направлениям:

- гражданское и патриотическое воспитание молодежи;
- содействие формированию здорового образа жизни молодежи;
- государственная поддержка молодых семей;
- содействие реализации права молодежи на труд;
- государственная поддержка молодежи в получении образования;
- содействие развитию и реализации молодежных общественно значимых инициатив и ряд других [5].

Содержательно модель молодежной политики, функционирующую в Беларуси, можно представить в виде двух направлений (предложенных в трудах ряда российских исследователей [6, с. 22]): системы «социальной помощи» и системы «социального попечительства» («социальная помощь» – безвозмездная (благотворительная) поддержка социально незащищенных групп населения (малообеспеченных, нетрудоспособных граждан, граждан с ограниченными способностями, женщин, молодежи); «социальное попечительство» – уменьшение дифференциации уровня жизни населения и компенсация негативных социальных факторов, возникших вследствие неравномерного социально-экономического развития). В основе их реализации ряд организационных функций, которые берет на себя государство: консервативная (адаптационная); общественно-идеологическая (воспитательная); социально-патерналистская (развивающая); общественного участия и самоуправления (интеграционная) [7, с. 26, 27].

Адаптационная функция ориентирована на сглаживание негативных последствий от поведения молодого поколения, адаптацию их к существующим условиям. В реализации *воспитательной функции* работа с молодежью направлена на формирование морально-этических и нравственных качеств гражданина в соответствии с направлениями государственной идеологии. В *развивающей* – на достижение высокого уровня социализации молодого поколения, при котором обеспечивается соответствующий экономический рост. *Интеграционная функция* способствует расширению сферы реализации молодежной политики и интеграции действий всех ее субъектов как в Беларуси, так и в мире (формирование активной гражданской позиции, устранение дискриминации, создание благоприятных условий для развития, общения, обмена мнениями и опытом и др.).

Согласно законодательству Республики Беларусь, государственная молодежная политика выражает стратегическую линию государства на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития, соблюдение прав и свобод, формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре своей страны и других народов (законодательно молодежная политика поддерживается 9 кодексами, 20 законами, 40 указами Президента Республики Беларусь, более 100 постановлениями правительства).

Фундаментом законодательной базы в области государственной молодежной политики в Республике Беларусь является Конституция Республики Беларусь. В частности, статья 32 Конституции гарантирует молодежи право на духовное, нравственное и физическое развитие, статьи 45,47, 49, 64, 92 – право на охрану здоровья, получение жилья, образование и участие в общественно-политической жизни страны [8].

Молодежная политика Беларуси регулируется Законом об основах государственной молодежной политики [5], что указывает на руководящую роль государства в формировании системы работы с молодежью и обусловливает в некоторой степени низкую активность общественных институтов в реализации молодежных программ. Но необходимо понимать, что как государственный сектор, так и образующие его субъекты (общественные институты) являются элементами общества, структурно принадлежащими государству. Молодежь в качестве субъекта этой системы, всесторонне поддерживаемого государством, носит ярко обозначенную задачу – активное включение в социально значимую деятельность на благо будущего процветания и развития страны.

В целом можно констатировать, что в Беларуси молодежная политика осуществляется по европейской модели, в которой государству принадлежит ключевая роль адаптации, воспитания, развития, интеграции молодого поколения с целью формирования инновационного потенциала общества.

Список использованных источников

1. *Гречнева, Е. Ф.* Социальная политика: теория и современная практика [Электронный ресурс] / Е. Ф. Гречнева. – Режим доступа: docviewer.yandex.by/view. – Дата доступа: 07.12.2018.

2. *Ростовская, Т. К.* Государственная молодежная политика в структуре современного мира / Т. К. Ростовская, Т. Э. Петрова // ЦИТИСЭ. – 2017 [Электронный ресурс]. – № 3(12). – Режим доступа: ma123.ru/wp-content/uploads. – Дата доступа: 17.12.2018.

3. Государственная молодежная политика: международный опыт. Социология молодежи: электронная энциклопедия [Электронный ресурс] / под ред. В. А. Лукова. – Режим доступа: soc-mol.ru/encyclopaedia/policy/45-molodezhnaya-politika-opyt. – Дата доступа: 08.01.2019.

4. *Фирсов, М. В.* Диагностические подходы в теории социальной работы. Диагностическая школа М. Ричмонд / М. В. Фирсов // Теория социальной работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: studme.org/38437/sotsiologiya/diagnosticheskie_podhody. – Дата доступа: 09.01.2019.

5. Об основах государственной молодежной политики: Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – № 65–З. – 2009.

6. *Кибанов, А. Я.* Анализ молодежной политики в европейских и азиатских странах с учетом распределения ответственности государства, бизнеса и некоммерческого сектора / А. Я. Кибанов, М. В. Ловчева, Т. В. Лукьянова // Вестник университета. – М.: Изд. Дом ГУУ, 2011.

7. *Кибанов, А. Я.* Социальная политика государства в отношении молодежи: модели, классификация, актуальные проблемы / А. Я. Кибанов, М. В. Ловчева, Т. В. Лукьянова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2013. – № 6(9).

8. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

О. В. Корзун
Белорусский национальный технический университет, Минск

A. Korzun
Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 355.1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

THE POLITICAL ASPECTS OF MILITARY SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассматриваются политические аспекты развития военной безопасности как основного приоритета национальной безопасности Республики Беларусь.

Ключевые слова: национальная безопасность; военная безопасность; военная доктрина; Вооруженные Силы.

The article examines the political aspects of the development of military security as the main priority of the National Security Organization of the Republic of Belarus.
Keywords: national security; military security; the military doctrine; the Armed Forces.

В настоящее время США и страны НАТО целенаправленно продолжают реализовывать идеи бывшего советника Президента США З. Бжезинского, чьи взгляды все еще оказывают серьезное влияние на внешнеполитический курс Соединенных Штатов Америки.

В своих многочисленных геополитических работах, основываясь на исследованиях представителей классической геополитики морских сил: адмирала Мэхэна, Хальфорда МакКиндера и Николаса Спайкмэна, З. Бжезинский конструирует доктрину нового американского экспансионизма [1].

З. Бжезинский сформулировал фундаментальные принципы планетарного господства США в условиях однополярного мира, а главной целью американской геостратегии назвал «превращение Америки во властелина Евразии», которую предложил своей стране в качестве «главного геополитического приза» [2].

З. Бжезинский нарисовал будущему России, которая является главным союзником Республики Беларусь, мрачную перспективу, назвав ее «черной дырой», и предрек ей территориальный распад: «Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом... России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче...» [3].

В книге «Великая шахматная доска» Бжезинский, по сути, изложил свое видение программы по окончательному развалу России. Он всю жизнь положил на то, чтобы ликвидировать сначала СССР, а затем и Россию (эту «смертельную угрозу»). Сразу после распада Советского Союза в 1991 г. он с удовлетворением заявил, что «произошло крушение исторической российской государственности» [3].

Реализовывая стратегическую политику З. Бжезинского, США постепенно «отрывает» союзников от России и «перетаскивает» их на свою сторону. Большинство стран Центральной и Восточной Европы уже вступили в НАТО, в организацию, где главенствующую позицию занимают США, а оставшиеся, в том числе и Сербия, подали заявки на вступление в Североатлантический альянс.

Три страны бывшего СССР – Латвия, Литва и Эстония – уже являются членами НАТО; Грузия и Украина подали заявки для вступления в Североатлантический союз.

В последнее время обострились отношения между США и НАТО – с одной стороны и Российской Федерацией – с другой. Поводом тому стало то, что Россия, укрепив свои политические, экономические и оборонные позиции, явно продемонстрировала Вашингтону, что не собирается больше мириться с политикой гегемонии США и стран НАТО.

Эти неожиданные для США и НАТО предпринятые Россией шаги стали поводом для объявления информационной войны и, как следствие, экономических санкций против России, а также чтобы начать размещение дополнительного контингента войск и вооружений на территории Польши и стран Балтии. Отметим, что три страны из четырех, где размещены подразделения НАТО, являются непосредственными соседями Республики Беларусь.

Нагнетание информационной войны против России и его союзника Республики Беларусь привело к его пику перед началом, в период проведения и после окончания совместного оперативно-стратегического учения Беларуси и России «Запад – 2017», которое проходило с 14 по 20 сентября 2017 г. на территории Республики Беларусь. И это несмотря на то, что общая численность привлекаемых на учения войск не превышала тех параметров, которые определены Венским документом 2011 г., т. е. не более 13 тысяч военнослужащих (10 175 военнослужащих, в том числе 3100 от России), 49 самолетов и вертолетов, в том числе 27 российских, более 500 единиц боевой техники, в том числе 138 танков, около 150 орудий, реактивных систем залпового огня и минометов, до 10 кораблей) и были приглашены наблюдатели от всех соседних стран [4].

Например, президент Литвы Даля Грибаускайте расценила белорусско-российское военное учение как «демонстративную подготовку к войне с Западом». Спикер Верховной Рады Украины Андрей Парубий заявил, что учение «Запад – 2017» «может обернуться прямой агрессией с территории Беларуси в отношении Украины». А заместитель министра обороны Польши Михал Дворчик опасался, что Россия не выведет свои войска из Беларуси после окончания учения. Схожие опасения высказывали и в Министерстве обороны Эстонии. Как угрозу оккупации Беларуси рассматривали учения «Запад – 2017» представители белорусской оппозиции, которые провели несколько акций протеста [4].

И официальный Минск, и Кремль неоднократно заявляли о надуманности подобных предположений и безосновательности опасений со стороны стран Запада. Идею об оккупации Беларуси глава МИД России С. Лавров назвал бредом [5].

Все это говорит о непростой военно-политической обстановке в регионе. У западных границ Союзного государства в странах Балтии и Польше созданы передовые командные центры НАТО, с 25 до 40 тысяч человек увеличена численность сил первоочередного задействования НАТО, четыре многонациональные батальонные тактические группы блока приведены в полную оперативную готовность. В Польше развернута танковая бригада США.

Общая численность только иностранных воинских контингентов, размещенных в Польше и странах Балтии, составляет около 8 тыс. военнослужащих, 72 танка, около 250 боевых бронированных машин, 16 самоходных и буксируемых гаубиц, а также 17 вертолетов [6].

Активно, практически сменяя одно другим, проводятся учения НАТО, в ходе которых, в том числе, отрабатываются вопросы применения войск в непосредственной близости от государственной границы Республики Беларусь. Фактически происходит освоение возможного «театра военных действий».

Количество учений в регионе за последние восемь лет увеличилось вдвое, а численность привлекаемых к учениям войск за этот же период увеличилась более чем в три раза.

С 2009 по 2014 г. ежегодно в среднем проводилось 41 учение, в 2015 г. – 76, в 2016 г. – 83, а в 2017 г. – 85.

Участвовало в учениях с 2009 по 2013 г. – в среднем около 38 000 человек, в 2014 г. – 52 200, в 2015 г. – 89 410, а в 2016 г. – 121 700 военнослужащих [6].

Таким образом, военно-политическая ситуация в Европе серьезно ухудшается, происходит накачка стран НАТО на восточном фланге вооружениями и техникой под абсолютно надуманным предлогом российской угрозы, а также возможной угрозы со стороны Беларуси или с ее территории.

На этом фоне подходы к национальной безопасности и ее военной составляющей объективно не могут пребывать в застывшем состоянии.

Военная безопасность – военная составляющая государственной безопасности, которая обеспечивается состоянием вооруженных сил и других институтов общества, поддерживающих оборонную мощь государства на необходимом (достаточном) уровне для установления благоприятных взаимоотношений с другими государствами и исключения конфронтации с использованием аргумента применения силы. Военная безопасность определяется готовностью и способностью государства надежно защищать свои интересы и суверенитет, противостоять военной агрессии и любым другим формам внешнего давления и шантажа с позиции силы, а также пресекать попытки развязать гражданскую войну, межнациональные конфликты с применением насилия или террористическую деятельность [7].

В Республике Беларусь основополагающими документами в области военной безопасности являются Конституция, Концепция национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь 09.11.2010 г., и Военная доктрина Республики Беларусь, утвержденная Законом от 20.07.2016 № 412-З «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь».

В соответствии со статьей 59 Конституции Республики Беларусь «государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией. Государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности».

В главе 5 Доктрины Республики Беларусь «Основы военной политики» установлено, что «Республика Беларусь исходит из того, что ни одно из государств не является для нее противником».

Республика Беларусь осуждает любой военный конфликт как средство реализации политики и придерживается принципа мирного урегулирования споров [8].

«Республика Беларусь оставляет за собой право в случае нападения обратиться за помощью, в том числе военной, к государствам – членам Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) и другим государствам в соответствии с международными договорами Республики Беларусь» [8].

Основными приоритетными направлениями в коалиционной военной политике Республика Беларусь считает укрепление системы коллективной безопасности и дальнейшее развитие отношений:

• с Российской Федерацией в рамках Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. – по вопросам поддержания необходимого военного потенциала, принятия совместных мер по предотвращению военных угроз Союзному государству и отражению агрессии на общем оборонном пространстве, обеспечения функционирования региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации;

• с государствами – членами ОДКБ в рамках Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. – по вопросам развития и применения сил коллективной безопасности, создания объединенных военных систем, развития миротворческого потенциала ОДКБ и укрепления статуса ОДКБ на международной арене в целом;

• с государствами – участниками Содружества Независимых Государств – по вопросам обеспечения региональной безопасности, взаимодействия в военной сфере, развития совместных (объединенных) систем;

• с другими государствами, с которыми Республикой Беларусь заключены двусторонние международные договоры о развитии стратегического партнерства [8].

Министр обороны Республики Беларусь А. А. Равков, комментируя документ, среди прочего заявил, что «участия Беларуси в боевых действиях за границей не будет никогда» [9].

По Конституции военнослужащие срочной службы не могут принимать участие в боевых действиях за пределами Беларуси, но для выполнения миротворческих и антитеррористических задач Минск может направлять контрактников при условии, что каждый из них подаст индивидуально рапорт Президенту и получит персональное разрешение. В 2009 г. Республика Беларусь уже дала согласие на выделение 2 тыс. военнослужащих в состав Коллективных сил оперативного реагирования (далее – КСОР) ОДКБ. По мнению официальных лиц Министерства обороны, выделение контингента войск в состав КСОР не является противоречием действующему законода-

тельству Республики Беларусь [10]. Таким образом, белорусские военные могут участвовать в составе КСОР ОДКБ.

В доктрине прописаны и союзнические обязательства Беларуси в плане оказания военной помощи в рамках Союзного государства и ОДКБ, с которыми Беларусь имеет соответствующие договоры, а также участие в миротворческих операциях. В документе подтвержден военно-политический союз с Россией.

Вместе с тем содержание Военной доктрины декларирует о том, что Республика Беларусь, являясь членом ОДКБ, не может одновременно игнорировать международные военные операции в рамках этой организации.

В последнее время ряд государств сняли ограничения на участие своих армий в военных операциях за пределами. В частности, Япония расширила полномочия сил самообороны, став полноценным союзником США, а Германия начала работу над обновленной «Белой книгой Бундесвера», которая позволит ей участвовать в военных конфликтах без согласования с НАТО.

Республика Беларусь рассматривает свое участие в деятельности ООН как основу для совершенствования механизмов обеспечения глобальной безопасности, а значит, принимать участие в миротворческих операциях, проводимых под эгидой ООН.

Являясь членом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Республика Беларусь выступает за развитие системы региональной безопасности на основе принципов доверия и взаимопонимания.

Поддерживая добрососедские и взаимовыгодные связи с Европейским союзом, партнерские отношения с Организацией Североатлантического договора, Республика Беларусь стремится к выстраиванию равноправного диалога, повышению открытости и развитию взаимопонимания в рамках укрепления региональной безопасности [8].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь подчеркивается, что безопасность выступает непременным и необходимым условием самого существования страны, общества, нации.

При этом важно осознавать, что обладания мощной армией, развитой наукой и значительным жизненным пространством явно недостаточно для сохранения государства. История дает тому массу примеров. Для обеспечения безопасности в современных условиях нужна совокупность политических, экономических, социальных и идеологических условий, наличие надежной экономической базы, законодательства, выверенной социальной политики, соответствующего реальным потребностям, грамотных информационных действий. Прошедшие со времени разрушения СССР десятилетия только подтвердили незыблемость указанного постулата.

Поэтому еще на этапе становления независимого белорусского государства был избран фундаментальный подход – обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь как безопасности личности, общества и государства. Впервые он нашел отражение в Концепции национальной

безопасности, утвержденной в 1995 г., а в дальнейшем уточнен путем корректировки настоящей Концепции в 2010 г. В целом она достаточно полно определила направления государственной политики в этой сфере, создала методологическую основу формирования, становления и укрепления национальной безопасности.

На основе принятых концептуальных положений в Беларуси была сформирована достаточно эффективная система защиты от внутренних и внешних угроз, что позволило государству уверенно следовать основным принципам поступательного развития – многовекторности внешней политики и социальной направленности экономического курса.

Военная составляющая обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь приведена в состояние, адекватное изменившимся сущности и содержанию современной войны и вооруженной борьбы. Вырос авторитет защитника Отечества.

В результате проведенных преобразований Вооруженные Силы стали важнейшим средством сдерживания, предотвращения военных действий на территории Республики Беларусь. На аналогичной основе укреплены пограничная служба, общественная безопасность, защита населения от чрезвычайных ситуаций. Как следствие, независимая Беларусь, где сильная власть опирается на истинную, а не декларируемую поддержку общества, занимает достойное место среди других государств мира, является всеми признанным субъектом европейской политики, с которым необходимо считаться.

В ходе поздравления с Днем защитника отечества Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко заявил: «Убежден, что военная организация государства надежно обеспечит его безопасность в условиях новых глобальных вызовов и угроз, а мир и спокойствие на белорусской земле будут гарантированы и впредь, ведь защита Отчизны у нас носит всенародный характер» [11].

Таким образом, военная составляющая национальной безопасности поддерживается на достойном уровне. Однако нельзя останавливаться на достигнутом. Чтобы не просто выживать в современном мире, а развиваться и процветать, необходимо смело смотреть в лицо проблемам, проявлять политическую волю и здоровый прагматизм. Представляется, что в Концепции национальной безопасности следует усилить военный аспект. Особенно в условиях, когда некоторые страны по-прежнему ставят принцип силы во главу угла своей политики.

Список использованных источников

1. *Манекин, Р. В.* Збигнев Бжезинский: Who Is Who / Р. В. Манекин, Д. В. Корнилов. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 205 с.

2. *Кобелева, Е.* Геополитические взгляды З. Бжезинского / Е. Кобелева // Журнал Геополитика. 2012. – № 8. – С. 22–31.

3. *Бжезинский, З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы = The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives /

З. Бжезинский; пер. с англ. О. Ю. Уральской. – New York: Basic books, October 1997. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 256 с.

4. «Запад – 2017». Дневник белорусско-российских военных учений / Военно-информационный портал Министерства обороны Республики Беларусь // Белорусские новости, 20.09.2017.

5. mid.ru: Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова белорусским СМИ по случаю 25-летия установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, Москва, 23 июня 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2796130. – Дата доступа: 23.06.2017 г.

6. mil.by: «Запад – 2017» – учение оборонительного характера //[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mil.by/ru/news/66967/. – Дата доступа: 29.08.2017 г.

7. *Рогозин, Д. О.* Война и мир в терминах и определениях / Д. О. Рогозин // Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. О. Рогозина. – М.: Ozon, 2013. – 893 с.

8. Военная доктрина Республики Беларусь: утв. Законом Респ. Беларусь от 20.07.2016 № 412-З «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь» / Военно-информационный портал Министерства обороны Республики Беларусь. Раздел «Военная политика».

9. news.tut.by: Новая военная доктрина разработана в ответ на цветные революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.tut.by/society/491061.html. – Дата доступа: 04.04.2014 г.

10. *Андреева, Д.* Несоюзная Белоруссия / Д. Андреева // Общество. – Апрель 2016. – № 4. – С. 10.

11. Поздравление Президента Республики Беларусь // Белорусская военная газета. – 23.02.2019. – № 22.

(Дата подачи: 27.02.2019 г.)

А. О. Куратёва
Белорусский государственный университет, Минск

N. Kuratsiova
Belarusian State University, Minsk

УДК 321(476):930+323(476):930

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В 1994–2000 ГГ.

INSTITUTE OF PRESIDENCY IN THE REPUBLIC OF BELARUS: EVOLUTION OF AUTHORITIES IN THE SPHERE OF FOREIGN POLICY IN 1994–2000

В статье рассмотрено изменение полномочий Президента Республики Беларусь с момента появления данной должности в 1994 г. до 2000 г. Проанализировано взаимодействие между Президентом и иными органами высшей власти Республики Беларусь. Рассматриваемый период разделен на два этапа, рубежным событием которых является референдум, проведенный в 1996 г. Делается вывод о том, что расширение полномочий Президента было целесообразно в сложившихся политических условиях.

Ключевые слова: институт президентства; Президент Республики Беларусь; высшие органы власти Республики Беларусь; референдум.

This article examines the change in the powers of the President of the Republic of Belarus from the moment this position appeared in 1994 until 2000. The interaction between the President and other higher authorities of the Republic of Belarus is analyzed. The period under consideration is divided into two stages, the landmark event of which is the referendum held in 1996. The article concludes that the expansion of the powers of the President was expedient under the prevailing political conditions.

Keywords: presidency institution; President of the Republic of Belarus; supreme authorities of the Republic of Belarus; referendum.

Начало существования независимой Республики Беларусь было ознаменовано необходимостью выбора дальнейшего пути развития, в том числе необходимостью выбора формы правления. Целью данной работы является анализ событий, предшествовавших зарождению в Республике Беларусь института президентства, кроме того, важное место в исследовании занимает характеристика условий, в которых зарождался данный институт власти, и взаимодействие на первом этапе существования с другими органами государственной власти, такими как Парламент и Правительство. Поскольку существующая сегодня форма государственного правления была определена и сформирована непосредственно в изучаемый период, данная тема является актуальной и необходима для более глубокого понимания происходящих на сегодняшний день процессов.

Идеи о необходимости создания президентской формы правления были озвучены еще в 1990 г. Так, 17 февраля 1990 г. Президиум Верховного Совета БССР постановил, что президентская форма правления станет «гарантией ускорения реформ на всех перестроечных участках, упрочения связи законодательной и исполнительной властей, реального обеспечения стабильности общества.

Демократия, на наш взгляд, требует не только коллегиального принятия решений, но и строгой персональной ответственности за их реализацию. В связи с этим, думаем, что институт президентской власти станет эффективным средством укрепления законности, правопорядка и дисциплины, позволит незамедлительно и решительно реагировать в чрезвычайных ситуациях. Его значение может быть неоценимым для консолидации общества в условиях поляризации интересов различных слоев и групп, плюрализма мнений и действий в преодолении дезорганизации и бесхозяйственности в сфере экономики» [1].

Несмотря на эти появившиеся в 1990 г. идеи введения института президентства, единого мнения по данному вопросу сформировано не было. Существовали сторонники парламентской республики, которые отказывались от необходимости введения должности президента; вторая точка зрения заключалась в необходимости введения института президентства; сторонники третьей точки зрения считали, что должность президента должна

быть введена, однако при этом главенствующую роль должен по-прежнему играть парламент.

Как отмечает Т. С. Масловская, должность Президента является арбитражной, то есть предполагает «беспристрастность, нейтральность и дистанцированность от государственных органов», что обеспечивается приостановлением членства Президента в политических партиях и общественных организациях [2].

Согласно принятой 15 марта 1994 г. Конституции, Беларусь становилась президентской республикой. Статья 79 Конституции гласила: «Президент Республики Беларусь является Главой государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина. Президент олицетворяет единство народа, гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, представляет Республику Беларусь в отношениях с другими государствами и международными организациями» [3]. В связи с положениями Конституции были осуществлены изменения в области руководства внешней политикой государства.

Существовали сомнения в том, что Президент и Верховный Совет смогут сосуществовать вместе. Так, в своем выступлении по вопросу формирования правительства на 15 сессии Верховного Совета 21 июля 1994 г. А. Г. Лукашенко заявил следующее: «В нашем обществе всегда существовала такая точка зрения: ну вот придет этот Лукашенко, но посмотри вот с Верховным Советом не сработается. Вот тут будет конфронтация. Прошу вас не потерять в этом зале политическое чутье за определенными предложениями и конъюнктурой» [4].

Основной проблемой в 1994 г. являлось слабое понимание роли президента в государстве. Не был разработан механизм взаимодействия Президента с другими ветвями власти. Для совершенствования системы взаимодействия исполнительной и законодательной власти были разработаны законы «О Верховном Совете», «О Президенте», «О Кабинете министров» [5].

Согласно Конституции Республики Беларусь 1994 г., Президент обеспечивает суверенитет, национальную безопасность и территориальную целостность государства. Необходимо также отметить полномочия Президента по назначению высших должностных лиц, в том числе министров [3].

В этот период Президент возглавил Совет Безопасности, имел полномочия для проведения переговоров и подписания международных договоров, а также полномочия для введения чрезвычайного положения. При этом разработка основных направлений внутренней и внешней политики сохранялась за Верховным Советом Республики Беларусь, который Президент информировал о реализации внутренней и внешней политики Республики Беларусь [3].

В 1994–1996 гг. основными направлениями продолжают оставаться стремление к безъядерной и нейтральной территории, добрососедства, а также переход на позиции многовекторности. Это подтверждается сло-

вами А. Г. Лукашенко на Первом Всебелорусском съезде: «Я считаю, что внешняя политика государства должна проводиться в интересах людей, помогать им решать жизненные проблемы. И я никогда не пойду на такие внешнеполитические шаги, которые могут ущемить интересы людей, поставить под угрозу их жизнь и здоровье.

Убежден, что внешняя политика Беларуси не должна быть заложницей ни национально-экстремистской, ни правой, ни левой, ни любой другой крайней идеи.

С учетом нашего геополитического положения единственно эффективной может быть только многовекторная, сбалансированная внешняя политика» [6, с. 81–82].

Выборы первого президента Республики Беларусь дали толчок к развитию более тесных взаимоотношений с Россией, а также привели к дальнейшему развитию внешней политики Беларуси.

Полномочия Президента Республики Беларусь определялись Конституцией Республики Беларусь и Законом Республики Беларусь от 21 февраля 1995 года «О Президенте Республики Беларусь».

19 октября 1996 г. на Всебелорусском собрании впервые официально А. Г. Лукашенко озвучил принцип многовекторной сбалансированной политики, который в дальнейшем лег в основу внешнеполитического курса государства [7, с. 23]. В своем выступлении на I Сессии Верховного Совета Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко сформулировал по сути основные направления внешней политики следующим образом: «Мы исходим из того, что наша внешняя политика должна быть многовекторной. Беларусь стремится динамично развивать отношения со всеми государствами, где в республике есть собственные интересы…. Союз с Россией обусловлен исторически. Как бы кому было не приятно об этом слышать, но мы обречены жить вместе в теснейшем союзе. Этого хочет наш народ и с этого пути мы не свернем», кроме того, была отмечена деятельность Республики Беларусь в международных организациях, в первую очередь ООН, и необходимость углубления отношений с Европейским союзом и Содружеством независимых государств. Про важность развития отношений с СНГ было заявлено следующее: «Сегодня – это единственный орган многостороннего сотрудничества, позволяющий согласовывать интересы республик, возникших на месте Советского Союза, и поддерживать интеграционные процессы» [8]. Свое отношение к проведению внешней политики Беларуси глава государства выразил так: «Для меня же главное во внешней политике – не абстрактная идея, не конъюнктура, не желание угодить Западу или Востоку, а интересы граждан Беларуси, независимо от того, на каком языке они говорят и какому богу молятся» [9].

26 ноября 1996 г. в Республике Беларусь прошел референдум, в результате которого в Конституцию были внесены изменения. Новая редакция Конституции позволила урегулировать взаимодействие между законода-

тельной и исполнительной ветвями власти. По новой редакции Конституции повышался статус исполнительной власти. В результате этих изменений Президент Республики Беларусь «занимает центральное место в белорусской системе власти, […] несет ответственность перед гражданами Республики Беларусь за правильность и полноту реализации законов» [5].

Президент представлял Республику Беларусь на международной арене, во взаимоотношениях с зарубежными государствами и международными организациями. Президент как глава государства назначал и отзывал дипломатических представителей Республики Беларусь. Также именно Президент принимал верительные и отзывные грамоты аккредитованных дипломатических представителей иностранных государств [10, с. 103–105]. Президент осуществлял руководство внешней политикой, подписывал международные договоры и вел переговоры [11]. В должности Президента совмещались пост Главы государства, пост Главнокомандующего Вооруженными Силами и пост Председателя Совета Безопасности.

В статье 84 Конституции Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями закреплено следующее: с 1996 г. Президент сохраняет за собой права и полномочия в организации деятельности, касающейся внешней политики страны. В Конституцию Республики Беларусь включены вопросы, связанные с представительством государства на международной арене, а также вопросы, связанные с дипломатическими отношениями, касающимися как представителей белорусских дипломатов в зарубежных государствах, так и представителей иных государств, принятых в Республике Беларусь. Национальное собрание имело в области внешней политики полномочия, связанные с законодательной властью: рассмотрение проектов и принятие законов, в том числе основных направлений внешней политики, военной доктрины, а также законов, непосредственно касающихся изменений во внешней политике или изменений в структуре и полномочиях органов государственной власти в области внешней политики. Совет Министров до настоящего времени разрабатывает основные направления внешней политики, предоставляет отчеты о проделанной работе в сфере внешней политики и осуществляет внешнюю политику через работу Министерства иностранных дел [11].

По сравнению с предыдущим периодом были расширены полномочия Президента в рамках взаимодействия с законодательной властью. Что же касается внешней политики, то с 1996 г. Президент по сути начинает определять основные векторы развития внешней политики [2].

В Послании Президента Республики Беларусь Национальному собранию Республики Беларусь 1998 г. было уделено внимание взаимоотношениям властей, подчеркивалось, что это взаимодействие после референдума 1996 г. стало более плодотворным и грамотным. Высшие органы всех ветвей власти – Президент, Парламент, Правительство, суды – работали для осуществления одной цели, используя возможные для каждой ветви

власти формы и методы. Главным итогом в этой области в 1997 г. А. Г. Лукашенко назвал результативность решения задач всеми государственными органами [12].

Как было отмечено в послании Президента Республики Беларусь, в 1997 г. Беларусь успешно вошла в мировое сообщество, установив двусторонние отношения с большинством государств (Беларусь к 1997 г. получила признание 120 стран, установила дипломатические отношение со 110 государствами, заключила около 600 двусторонних межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений) [13].

В 2001 г. в отчете Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу было отмечено три периода развития государства:

1991–1995 гг. – период кризиса, спада экономики, проблем в социально-политической сфере;

1995–1996 гг. – период борьбы между ветвями власти, приведший к необходимости проведения референдума;

1996–2000 гг. – период подъема экономики и устойчивого развития страны [14].

Так, А. Г. Лукашенко в основу периодизации развития Республики Беларусь в 1990-е гг. положил и экономический, и социально-политический факторы. По мнению автора, данная периодизация может быть применима и к распределению полномочий в сфере внешней политики. В первый обозначенный период не были установлены границы полномочий, а также не были выработаны общие подходы к проведению внешней политики. Второй период характеризовался перераспределением полномочий и сложностями формирования взаимодействия между высшими органами власти, что также оказывало влияние на проведение внешней политики. И наконец, на третьем этапе произошло окончательное, наиболее оптимальное перераспределение полномочий, в том числе и в сфере внешней политики.

Таким образом, необходимость введения должности президента была обусловлена сложным переходным этапом в развитии белорусского государства. Вопросы введения института президентства начали подниматься сразу после получения Республикой Беларусь независимости. Выборы первого Президента Республики Беларусь успешно прошли в 1994 г., после чего последовало перераспределение функций и полномочий между высшими органами власти, в том числе полномочий в сфере внешней политики. Президент становился гарантом исполнения принятых направлений внешней политики, а также представлял Беларусь на международной арене (ранее эту функцию исполнял Председатель Верховного Совета). Также важной составляющей полномочий Президента в сфере внешней политики являлось назначение министров, в том числе и министра иностранных дел. Именно первым Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко был введен принцип многовекторности внешней политики Республики Беларусь, что оказало влияние на проводимую внешнюю политику.

Список использованных источников

1. О вопросе созыва внеочередного Съезда народных депутатов СССР и президентской форме правления в стране: Постановление Президиума Верховного Совета БССР // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 2381.

2. *Масловская, Т. С.* Президент Республики Беларусь: эволюция конституционно-правового статуса / Т. С. Масловская // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь: сб. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 105–118.

3. Конституция Республики Беларусь // Ведамасці Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1994. – № 9. – Ст. 144.

4. Выступление А. Г. Лукашенко // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 3335. – Л. 58.

5. *Козак, М. А.* Становление института президентства в Беларуси и за рубежом / М. А. Козак // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы / Белорус. гос. ун-т, Юрид. фак. – Минск, 2008. – Т. 2: Проблемы унификации законодательства в Содружестве Независимых Государств и Европейском Союзе / [редкол.: С. А. Балашенко и др.]. – С. 94–99.

6. Вытрымка з выступлення прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі на І Усебеларускім сходзе // Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 8 (1996–2000 г.) / склад.: У. Е. Снапкоўскі [і інш]; рэдкал.: С. М. Мартынаў [і інш]. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2008. – С. 81–85.

7. *Самосейко, Н. Л.* Правовое обеспечение внешнеполитической деятельности Республики Беларусь / Н. Л. Самосейко // Проблемы управления. – 2013. – № 2(47). – С. 23–26.

8. Выступление Президента Республики Беларусь на I Сессии Верховного Совета XIII созыва // Народная газета. – 1996. – 10 студз. – С. 1.

9. Зварот Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка да беларускага народа // Народная газета. – 1996. – 2 крас. – С. 1.

10. *Василевич, Г. А.* Органы государственной власти Республики Беларусь. Конституционно-правовой статус / Г. А. Василевич. – Минск: Бип-С, 1999. – 248 с.

11. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 24.11.1996) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/10.

12. Послание Президента Республики Беларусь Национальному собранию Республики Беларусь. – Минск, 1998. – 46, [2] с.

13. Мы все в ответе за нашу Беларусь: ежегод. послание Президента Респ. Беларусь А. Г. Лукашенко Нац. собранию Респ. Беларусь / А. Г. Лукашенко. – Минск, 1997. – 46 с.

14. Материалы по отчету Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу, 4 сентября 2001 г. / редкол.: М. В. Мясникович [и др.]. – Минск, 2001. – 95 с.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

Л. Ч. Курбанова
Белорусский государственный университет, Минск

L. Kurbanova
Belarusian State University, Minsk

УДК 327(575.4)

УЧАСТИЕ НЕЙТРАЛЬНОГО ТУРКМЕНИСТАНА В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

PARTICIPATION OF NEUTRAL TURKMENISTAN IN INTERNATIONAL COOPERATION

Нейтралитет – комплексный международно-правовой институт, вошедший в практику межгосударственных отношений как один из способов защиты государств от разрушительного воздействия войн. Это не только международно-правовой статус, но и выбор государства следовать определенному пути, соблюдая определенные условия. Статья освещает процесс политической трансформации независимого, нейтрального Туркменистана, который стал существенным фактором для предпосылок и условий становления партнерских отношений между Туркменистаном и рядом других государств.

Ключевые слова: нейтралитет; институт нейтралитета; постоянный нейтралитет; Туркменистан; нейтральные государства; международные организации; признание; коллективная безопасность.

Neutrality is a complex international legal institution that has become part of the practice of interstate relations as one of the ways to protect states from the destructive impact of wars. This is not only the international legal status, but also the choice of the state to follow a certain path, observing certain conditions. The article covers the process of political transformation of independent, Neutral Turkmenistan, which has become an essential factor for the prerequisites and conditions for the development of partnership relations between Turkmenistan and of other states.

Keywords: neutrality; institute of neutrality; permanent neutrality; Turkmenistan; neutral states; international organizations; the recognition; collective security.

Влияние статуса нейтралитета на внешнюю и внутреннюю политику государства, признанного нейтральным, а также особое его влияние на участие государства в миротворческих процессах на международной арене является значительным.

Нейтралитет до настоящего момента не исчерпал свой потенциал, о чем свидетельствует принятие данного статуса Туркменистаном в конце XX века и результаты, которых достигло данное государство благодаря принятию статуса нейтралитета, став центром стабильности и безопасности в своем регионе [1, с. 153].

В Конституционном законе Туркменистана «О постоянном нейтралитете Туркменистана» 1995 года закреплены нормы, выражающие именно сущность статуса постоянного нейтралитета Туркменистана «Туркменистан добровольно объявляет о своем постоянном нейтралитете и будет

его поддерживать и последовательно проводить в жизнь» (абзац 1 ст. 1); «Туркменистан признает приоритет Организации Объединенных Наций и ее решений» (абзац 2 ст. 2); Туркменистан не принимает участия не только в военных блоках и союзах, но и в других «межгосударственных объединениях с жесткими обязательствами или предполагающими коллективную ответственность участников…» (абзац 1 ст. 4); «Туркменистан обязуется не начинать войн и военных конфликтов, не участвовать в них (кроме реализации права на самооборону…)», а в случае вооруженной агрессии против себя «он вправе обратиться за помощью к другим государствам или Организации Объединенных Наций» (ст. 5); «Туркменистан не будет иметь, производить и распространять ядерное, химическое, бактериологическое и иные виды оружия массового поражения, размещать на своей территории военные базы иностранных государств» (ст. 6); Туркменистан в рамках своего статуса «обеспечивает открытость своего финансово-экономического пространства, сотрудничает со всеми государствами, международными экономическими и финансовыми организациями» и «считает неприемлемым экономическое давление одних государств на другие как средство достижения политических целей и не участвует в объявляемых ими экономических блокадах» (ст. 8); во исполнение Конституционного закона Туркменистан «признает и уважает основные… права и свободы человека и гражданина» [2].

15 марта 1995 г. на третьей встрече глав государств – членов Организации экономического сотрудничества в г. Исламабад Президент Туркменистана выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что Туркменистан конституционно берет на себя все обязательства по статусу постоянно нейтрального государства и о готовности выступить в качестве миротворческого центра в регионе при соответствующих международных гарантиях.

Туркменистан в 1992 г. стал членом ООН и ОБСЕ и других международных организаций. В реализации обязательств относительно своего правового статуса Туркменистан максимально эффективно использует свое членство в таких международных организациях, как Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), ВОЗ, МОТ и др. Он не присоединился ни к одному военному или военно-политическому союзу или альянсу, другим организациям с жестко регламентированными функциями. В частности, будучи членом СНГ, Туркменистан не входит в Совет коллективной безопасности Содружества [3, с. 42–46].

Туркменская модель нейтралитета коренным образом меняет существовавшие до сих пор представления о нейтралитете и прежде всего исходит из того, что современное международное право есть право мира. Она может стать основой новой концепции сотрудничества и достижения регионального мира.

Туркменистан до сих пор ограничивается в СНГ статусом наблюдателя. Речь идет о правовой оценке возможностей совмещения статуса нейтрали-

тета с участием в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, например, в рамках таких развивающихся организаций, как ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество), ОДКБ, ШОС, а также в международных силах по обеспечению безопасности на Каспии «Касфор», совместных оперативно-розыскных мероприятиях, взаимодействии спецслужб и подготовке кадров [4, с. 175].

В 1992 г. Туркменистан вошел в Европейскую организацию безопасности и сотрудничества.

Необходимо отметить такую особенность постоянного нейтралитета Туркменистана, как его четко выраженную региональную направленность, которая согласно принятой народным советом Туркменистана декларации о внешнеполитическом курсе Туркменистана в XXI веке в формате постоянного нейтралитета, принципов миролюбия, добрососедства и демократии от 27 декабря 1999 г. «стала существенным фактором обеспечения региональной стабильности…» [5, с. 95].

В статье 1 Конституция была дополнена тем, что Туркменистан на основе закона владеет статусом постоянного нейтралитета в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. Признанный мировым сообществом нейтралитет Туркменистана является основой его внутренней и внешней политики. В статью 6 Конституции также были внесены изменения: «Туркменистан является полноправным субъектом мирового сообщества, признает приоритет общепризнанных норм международного права, придерживается во внешней политике принципов постоянного позитивного нейтралитета, невмешательства во внутренние дела других государств, отказа использования силы и участия в военных блоках и союзах, способствования развитию мирных, дружественных и взаимовыгодных отношений со странами региона и государствами всего мира» [6].

В ряде документов ООН подчеркивается, что столица Туркменистана – Ашхабад – на деле стала одним из центров миротворчества, местом проведения мирных переговоров, крупных международных форумов. В этом проявляется конструктивная черта нейтралитета Туркменистана, которая состоит в его нацеленности на обеспечение не только внутренней, но и внешней стабильности, готовности способствовать любым миротворческим процессам, диалогу во имя мира и согласия [1, ст. 138–139; 7].

Кроме того, в Законе о постоянном нейтралитете Туркменистана от 27 декабря 1995 г. закреплено, что Туркменистан не будет иметь, производить и распространять ядерное, химическое, бактериологическое и иные виды оружия массового поражения, способствовать созданию новых видов и технологий их производства. В этой связи Туркменистан присоединяется ко всем основным международно-правовым актам, обеспечивающим гарантии создания системы коллективной безопасности.

Включение подобных норм свидетельствует об осознании нейтральным Туркменистаном факта несовместимости наличия ядерного оружия и

статуса постоянного нейтралитета как одной из формы обеспечения и поддержания международного мира и безопасности. Неизменная приверженность строгому соблюдению режима нераспространения оружия массового уничтожения и четкому выполнению в этом контексте положений Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, была вновь подтверждена в ходе туркмено-кыргызских переговоров в нашей столице, когда лидеры двух государств выразили готовность совместно работать над осуществлением практических шагов в разоруженческой сфере в рамках ООН и ОБСЕ [5, с. 93].

Туркменистан будучи нейтральным государством активно участвует в развитии международного сотрудничества. Об этом убедительно свидетельствуют выдвинутые на 69-й сессии Генассамблеи ООН международные инициативы страны по защите и укреплению всеобщего мира и безопасности, сотрудничеству в энергетическом секторе и транспортной сфере, гуманитарным вопросам и правам человека, экологии и охране окружающей среды. Это, в частности, идеи создания Субрегионального центра ООН по разоружению в Азии и проведения Форума по безопасности и миру вЦентральноазиатском регионе [8, с. 23].

Ряд конструктивных идей и предложений был озвучен Президентом Туркменистана на саммитах в Душанбе и Астрахани. Так, целый комплекс инициатив Президента Гурбангулы Бердымухамедова на Астраханском саммите глав Прикаспийских государств нацелен на то, чтобы сделать Каспий зоной мира, важным компонентом международной стратегической стабильности и безопасности, примером решения всех вопросов исключительно политико-дипломатическими средствами, на основе уважения суверенитета и территориальной целостности государств [9, с. 34].

Инициативы, касающиеся создания международных транспортных коридоров регионального и континентального уровней, выдвинутое Туркменистаном предложение о разработке Специальной межрегиональной программы ООН по развитию транспорта были озвучены главой Туркменского государства и на саммите ШОС. Одним из главных аспектов взаимодействия Туркменистана с ШОС является урегулирование ситуации в Афганистане, и в этом вопросе Туркменистан в очередной раз подтвердил свою готовность поставить миротворческий потенциал своего нейтралитета на службу региональному миру и безопасности. Считая, что для утверждения в соседней стране долгосрочного мира, стабильности и предсказуемости необходимо налаживание широкого межафганского политического диалога, Туркменистан как нейтральное государство предложил свое политическое пространство для организации переговорного процесса под эгидой Организации Объединенных Наций. Туркменистан выступает за более акцентированное и предметное взаимодействие с различными государствами мира, международными структурами, вовлеченными в региональную проблематику, для выработки согласованных под-

ходов к решению таких актуальных вопросов, как борьба с терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков. [5, с. 97].

Международное сообщество в 2007 г. подтвердило решение об открытии Регионального центра по превентивной дипломатии в Центральной Азии в столице Туркменистана Ашхабаде. Нейтралитет не является помехой для того, чтобы уровень безопасности и сотрудничества оказался недостаточно высоким. Наоборот, нейтральные государства обладают некоторыми преимуществами в области прогрессивного сотрудничества и разрешения международных конфликтов мирными путями.

Рассмотрение модели постоянного нейтралитета Туркменистана позволило обозначить преимущества статуса нейтралитета субъектов мирового сообщества в процессе глобализации и сотрудничества в установлении всеобщего мира и безопасности. Туркменистан, выполняя все свои права и обязанности, вытекающие из его статуса, является удачным примером государства, активно участвующего в развитии системы коллективной безопасности, в основном на региональном уровне.

Таким образом, в современных условиях сотрудничество государств во всевозможных сферах является необходимым для их полноценного существования. В основном такое сотрудничество возникает при вступлении государств в международные межправительственные организации. В ходе исследования выявлено, что членство Туркменистана в ООН и в других международных организациях никак не повлияло на нейтральный статус. Наоборот, государство обладает доверием со стороны международных организаций в выполнении определенных поставленных перед ним задач. Сегодняшняя тенденция использования коллективных подходов к разрешению вопросов касательно всеобщего мира и благосостояния приводит к тому, что государства, обладающие нейтральным статусом, могут принять участие почти во всех структурах деятельности таких организаций, как ОБСЕ, ШОС, ООН, СНГ и т. д. Однако выявленные возможности не предусматривают правомерность участия нейтральных государств в каких-либо военных операциях.

Туркменистан является молодым и признанным 185 государствами – членами ООН постоянно нейтральным государством. Не только нововведенный способ установления его статуса выделяет Туркменистан из остальных обладателей такого же статуса, но также его активное участие в вопросах урегулирования конфликтных ситуаций на территории Центральной Азии. Туркменистан может быть рассмотрен как один из удачных примеров постоянно нейтрального государства, добросовестно выполняющего все вытекающие права и обязанности из его статуса, при этом успешно поддерживающего сотрудничество с остальными государствами в сфере коллективной безопасности.

Список использованных источников

1. *Умеренко, Ю. А.* Институт нейтралитета в международном праве: вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Ю. А. Умеренко. – М., 2011. – 192 л.

2. Конституционный Закон Туркменистана «О постоянном нейтралитете Туркменистана» от 27 декабря 1995 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aarhus.ngo-tm.org/tm_law/hr/tm_hr/003.htm. – Дата доступа: 28.01.2019.

3. *Кепбанов, Е. А.* Нейтральный Туркменистан: подходы к региональной безопасности / Е. А. Кепбанов // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1. – С. 104–118.

4. *Кружков, В. А.* Как Австрия стала нейтральной / В. А. Кружков // Международная жизнь. – 2008. – № 8–9. – С. 173–175.

5. *Аманжолов, Ж. М.* Туркменистан и его постоянный нейтралитет: международно-правовой статус современного государства / Ж. М. Аманжолов // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 90–98.

6. Конституция Туркменистана с изм. и дополнениями 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://turkmenistanembassy.am/index.php?option=com_content&task=view&id=3 1&Itemid=48 - Дата доступа: 30.12.2018.

7. Декларация о внешнеполитическом курсе Туркменистана в XXI веке, основанном на постоянном нейтралитете, принципах миролюбия, добрососедства и демократии от 27 декабря 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitutions.ru/?tag=turkmenistan. – Дата доступа: 30.12.2018.

8. *Хаитов, М.* Туркменистан – субъект международного права. / М. Хаитов // Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – № 1. – С. 18–26.

9. *Агамамедова, З.* Холодно – о горячем. Нейтралитет Туркменистана / З. Агамамедова // Международные процессы. – Сент.-дек. 2003. – Т. 1. – № 3. – С. 34–36.

(Дата подачи: 19.02.2019 г.)

О. А. Кучинский
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

O. Kuchinsky
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 327:620.91

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА

IMPACT OF RENEWABLE ENERGY DEVELOPMENT ON NATIONAL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: EXPERIENCE OF COMPLEX ANALYSIS

Статья посвящена комплексному анализу влияния возобновляемой энергетики на национальную безопасность Республики Беларусь. Развитие возобновляемых источников

энергии в той или иной степени оказывает влияние на все составляющие национальной безопасности (экономическую, научно-технологическую, социальную, демографическую, информационную, военную и экологическую). Указанный фактор необходимо учитывать при проведении государственной политики и международном сотрудничестве в данной области.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика; национальная безопасность; Республика Беларусь; геополитика.

The article is dedicated to a comprehensive analysis of the impact of renewable energy on the national security of the Republic of Belarus. The development of renewable energy affects all components of national security (economic, scientific and technological, social, demographic, informational, military and environmental). This fac0tor should be taken into account when conducting public policy and international cooperation in this field.

Keywords: renewable energy; energy transition; national security; Republic of Belarus; geopolitics.

В настоящее время мировая энергетика находится в процессе долговременных структурных изменений, связанных с постепенным переходом от энергетических систем, основанных на использовании углеводородного топлива, к энергосистемам на основе возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ). Данные изменения получили в англоязычной литературе название «энергетический переход» (англ. *energy transition*) либо «энергетическая трансформация» (англ. *energy transformation*).

Как отмечается в докладе «Новый мир. Геополитика энергетической трансформации», опубликованном в рамках 9-й Ассамблеи Международного агентства по возобновляемой энергетике (IRENA) (11–13 января 2019 г., Абу-Даби, ОАЭ), «этот продолжающийся переход к возобновляемым источникам энергии является не просто заменой одних видов топлива другими. Он включает в себя гораздо более глубокую трансформацию мировых энергетических систем, которая будет иметь серьезные социальные, экономические и политические последствия, далеко выходящие за рамки энергетического сектора» [1].

Ключевыми элементами, «столпами» данного процесса являются: (1) переход на возобновляемые источники энергии и (2) повышение энергоэффективности, которое включает в себя, в том числе, переход на электротранспорт, повышение энергоэффективности зданий и сооружений и т. д.

К движущим силам указанной «трансформации» большинство авторов относят энергетическую безопасность, исчерпание ресурсов, изменение климата, развитие новых технологий, а также позицию экологически сознательных потребителей [2]. Дополнительный импульс развитию ВИЭ придало подписание в 2015 г. Парижского соглашения по климату, ставящего целью недопущение роста глобальной средней температуры более чем на 2°C по сравнению с периодом, предшествующим промышленной революции.

Безусловно, данная трансформация произойдет не одномоментно. Так, например, В. Смил считает, что существующую энергетическую систе-

му невозможно заместить за одно-два или пять десятилетий [3]. Поэтому возобновляемая и традиционная энергетика будут сосуществовать еще длительное время.

На долю энергетического сектора приходится около 68 % совокупных общемировых выбросов парниковых газов [4], главным образом окиси углерода CO_2. В связи с этим экологически дружественным технологиям возобновляемой энергетики, большинство из которых не предполагает прямых выбросов парниковых газов в атмосферу, отводится ключевая роль в процессе преодоления роста глобальной средней температуры и изменения климата.

По данным Глобального отчета секретариата Всемирной сети по энергетической политике 21-го века REN21 в 2016 г. доля ВИЭ в общемировом потреблении конечной энергии составила 18,2 %, из которых 7,8 % приходилось на традиционное использование биомассы и 10,4 % – на современные виды ВИЭ, в том числе солнечную, геотермальную энергию и энергию биомассы для производства тепловой энергии – 4,1 %; гидроэлектроэнергию – 3,7 %; ветровую, солнечную, геотермальную электроэнергию, электроэнергию из биомассы и океана – 1,7 %; и биотопливо – 0,9 %. Суммарный объем инвестиций в данную отрасль составил 279,8 млрд долл. США, при этом 179 стран установили целевые показатели в данной области [5].

Понимание важности и неизбежности данных процессов имеется и в Беларуси на самом высоком уровне государственного управления. Как отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на совещании по вопросу совершенствования системы управления белорусской энергетикой 16.11.2018, «…впереди эра чистой энергетики. Уголь, природный газ и нефть уходят. Все ориентируются, к примеру, не на дизель и бензин, а на электромобили. Поэтому нужно не просто понимание, а четкий план действий, исходя из баланса производства электроэнергии и потребления» [6].

Отмечая позитивное воздействие ВИЭ в целях устойчивого социально-экономического развития политики, ученые и практики указывают также на то, что внедрение новых источников энергии несет в себе не только новые возможности, но и потенциальные риски и угрозы. Известный шведский специалист в области безопасности Б. Юханссон рассматривает энергетическую систему как объект, который может подвергаться воздействию угроз энергетической безопасности, и одновременно как субъект, создающий или усиливающий такую опасность. Анализируя ВИЭ как фактор, порождающий или усиливающий опасность, он выделил три вида потенциальных рисков: экономико-политические, технологические и экологические [7]. Несмотря на значительное количество публикаций по вопросам энергетической безопасности в целом, аспекты безопасности ВИЭ анализируются немногими авторами (С. В. Валентайн, С. Ольц, Д. Тэнцлер, Ю. Аугутис)

[8–11]. Французский ученый Э. Аш отмечает, что «массовое внедрение ВИЭ в мировой энергетический баланс может также привести к новым неожиданным взаимозависимостям, таким как зависимость от критических материалов, новая геополитика патентов и появление возобновляемой энергетической дипломатии» [12].

Следует отметить, что актуальность развития ВИЭ отмечается в ряде важнейших нормативных документах Республики Беларусь по вопросам безопасности. Так, в Директиве Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства» [13] содержится блок вопросов, направленных на повышение уровня энергетической безопасности страны. В данном документе отмечается необходимость максимально возможного вовлечения в топливный баланс страны собственных топливно-энергетических ресурсов (ТЭР), в том числе возобновляемых источников энергии, достижения доли производства (добычи) первичной энергии из ВИЭ в валовом потреблении ТЭР не менее 6 %. Согласно Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь [14], в перечень национальных интересов в топливно-энергетической сфере входит, в том числе, развитие собственной энергосырьевой базы на основе экономически обоснованного использования местных видов топлива, прежде всего ВИЭ.

Производство энергии из ВИЭ оказывает непосредственное влияние на значения ряда индикаторов, указанных в Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь. Во-первых, это индикаторы, относящиеся к блоку «Энергетическая самостоятельность», в том числе индикатор № 1 «Отношение объема производства (добычи) первичной энергии к валовому потреблению ТЭР» (15,4 % в 2017 г., планируемое значение к 2035 г. – 20 %), а также индикатор № 2 «Отношение объема производства (добычи) первичной энергии из ВИЭ к валовому потреблению ТЭР (6,2 % в 2017 г., планируемое значение к 2035 г. – 9 %)) [8]. Кроме этого, развитие ВИЭ может потенциально снизить значения таких индикаторов, как индикатор № 4 «Доля доминирующего вида топлива в валовом потреблении ТЭР» и индикатор № 11 «Отношение стоимости импорта энергетических товаров к ВВП». Примечательно, что в упомянутом выше докладе IRENA Республика Беларусь была отмечена в числе стран, в наибольшей степени зависящих от импорта углеводородных ресурсов. Так, по данным Всемирного банка за 2007–2016 гг., наша страна занимает 3-е место (после Бахрейна и Индии) по доле ТЭР в суммарном объеме импорта (около 34 %) [1, 17].

С целью более объективной оценки достигнутых нашей страной результатов в обеспечении энергетической самостоятельности проведем сравнение ряда показателей энергетического развития Беларуси и ее географических стран-соседей, а также некоторых стран, являющихся крупными производителями и потребителями ТЭР (таблица).

Таблица

Показатели энергетического развития

Страна	Валовое потребление ТЭР, млн т н.э.		Соотношение валового потребления ТЭР в 2016 и 1990 гг.	Энергоемкость ВВП (в ценах 2010 г.), т. н. э. / 1000 долл. США		Энергетическая самостоятельность, %		Доля ТЭР в импорте (2007–2016 гг.), %	Доля ВИЭ в производстве электроэнергии, %		Доля ВИЭ в валовом потреблении ТЭР, %
Год (период)	1990	2016	2016/1990	1990	2016	1990	2016	2007–2016	1990	2016	2015
Беларусь	45,55	25,04	0,55	1,441	0,424	7,4	14,6	34,07	0,05	1,17	5,5
Украина	252,04	94,38	0,37	1,225	0,761	53,9	70,3	28,86	3,52	7,68	3,0
Польша	103,12	99,31	0,96	0,455	0,173	100,7	61,6	10,45	1,10	13,73	9,5
Латвия	7,89	4,25	0,54	–	0,157	14,7	57,6	14,04	67,63	54,18	36,1
Литва	16,06	7,24	0,45	0,595	0,159	30,7	25,5	26,24	1,46	56,8	19,6
Эстония	9,59	5,52	0,58	0,641	0,232	54,5	84,7	15,04	–	12,43	16,7
Россия	879,33	732,36	0,83	0,622	0,450	147,1	187,6	1,51	15,34	17,05	2,5
Европейский Союз	1646,44	1598,59	0,97	0,139	0,087	57,8	47,5	13,69	12,0	29,47	13,0
Китай	882,26	2972,53	3,37	0,945	0,304	99,8	79,4	15,05	19,5	24,74	8,4
США	1915,02	2166,62	1,13	0,211	0,128	86,3	88,4	16,48	11,53	14,82	6,7
Индия	305,74	862,39	2,82	0.655	0.350	91,7	64,6	36,66	24,49	16,2	25,0
Япония	438,22	429,12	0,98	0,093	0,070	17,0	8,3	29,02	11,48	14,75	5,3
Мир	8773,72	13761,45	1,57	0,231	0,178	100,4	100,0	15,54	19,40	23,78	13,4

Источник: IEA World Energy Balances, 2018 [15], IEA Renewables Information 2017 [16],The World Bank [17], расчеты автора на их основе.

Как видно из таблицы, за период с 1990 по 2016 г. общемировое потребление ТЭР увеличилось в 1,57 раза, при этом для Китая это увеличение составило 3,37 раза, для Индии – 2,82 раза. Напротив, во многих постсоветских странах потребление ТЭР сократилось главным образом ввиду значительного сокращения масштабов промышленного производства. В Беларуси, имевшей на момент распада СССР исключительно высокую энергоемкость ВВП, сокращение потребления ТЭР удалось добиться в значительной степени благодаря проводимой в стране государственной политике, направленной на экономию и бережливость, в том числе, в энергетическом секторе. Указанные выше меры, а также вовлечение в энергетический баланс местных, в том числе возобновляемых энергетических ресурсов, позволили повысить степень энергетической самостоятельности страны с 7,4 % в 1990 г. до 14,6 % в 2016 г. Вместе с тем данный показатель у Беларуси существенно ниже, чем у всех географических соседей, что является источником потенциальных геополитических рисков. Используемые возобновляемые энергетические ресурсы по состоянию на 2016 г. только на 5,5–5,7 % (по разным оценкам) покрывали потребности страны в ТЭР (в 2017 г. – на 6,2 %), при этом доля ВИЭ в производстве электроэнергии была чуть более 1 %. Данные показатели значительно уступают как среднемировым значениям, так и показателям многих географических стран-соседей.

Поскольку возобновляемая энергетика является сложным многоаспектным явлением, выходящим за рамки технико-экономических проблем, для анализа последствий масштабного внедрения ВИЭ в стране автор считает целесообразным выбрать более широкий исследовательский подход, в качестве которой может выступать анализ на основе Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [18], в соответствии с которой выделяются такие ее составляющие, как экономическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная и экологическая безопасность.

Наиболее сложным является изучение влияния ВИЭ на *экономическую безопасность*. Важнейшей ее составляющей является энергетическая безопасность. В соответствии с действующей Концепцией энергетической безопасности Республики Беларусь под энергетической безопасностью понимается максимально высокий уровень надежности обеспечения топливно-энергетическими ресурсами для устойчивого социально-экономического развития, достижение всей совокупности критериев экономической независимости и политической самостоятельности и минимизация ущерба в чрезвычайных ситуациях [14].

Для Республики Беларусь, вынужденной импортировать более 80 % необходимых ТЭР, вопросы их рационального использования, энергосбережения, повышения доли использования местных видов топлива, в т. ч. возобновляемых источников энергии, имеют стратегическое значение, так

как эти факторы имеют непосредственное отношение и к энергетической независимости, и к возможности проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. С другой стороны, действующая в настоящее время в стране система стимулирования развития ВИЭ требует совершенствования. Например, система оплаты электроэнергии производителям из ВИЭ по повышенным тарифам призвана стимулировать привлечение инвестиций в данный сектор экономики. При этом данные выплаты осуществляются за счет прибыли ГПО «Белэнерго» как системообразующей компании, что не способствует укреплению энергетической безопасности, так как потенциально снижает возможности последней инвестировать дополнительные средства в развитие отрасли. На это обстоятельство было обращено внимание в недавней публикации в официальном печатном издании Комитета государственного контроля Республики Беларусь, в которой прозвучала точка зрения о необходимости упорядочения вопросов развития в стране энергоисточников на возобновляемых видах энергии. По прогнозам энергетиков, к 2020 г. расходы ГПО «Белэнерго» по покупке возобновляемой электроэнергии составят 254 млн долл. Такая электроэнергия приобретается у владельцев установок по повышенному тарифу с применением соответствующих коэффициентов к нему. По мнению КГК, это влечет искусственный рост затрат энергосистемы и тарифов для реального сектора экономики [19]. Таким образом, можно сказать, что развитие ВИЭ рассматривается специалистами данного государственного органа как потенциально влияющее на экономическую безопасность страны. Используя терминологию представителей Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузана и О. Вейвера, можно говорить о секьюритизации данной проблемы, т. е. повышения ее важности до уровня национальной безопасности.

Анализируя потенциальный вклад ВИЭ в повышение уровня *научно-технологической безопасности,* отметим, что энергетика определена в числе приоритетных направлений научных исследований в Республике Беларусь. В настоящее время в республике реализуется Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., целью которой является обеспечение качественного роста и конкурентоспособности национальной экономики с концентрацией ресурсов на формировании ее высокотехнологичных секторов, базирующихся на производствах V и VI технологических укладов. В определенном Программой перечне из 75 проектов по созданию новых производств, имеющих определяющее значение для инновационного развития Беларуси, есть и проекты, связанные с ВИЭ, в том числе строительство ветроэнергетического парка в районе н. п. Грабники Новогрудского района (РУП «Гродноэнерго», 2013–2016 гг.) и биогазового комплекса по переработке полимерных и органических отходов производства и очистке сточных вод с получением биогаза и выработкой электрической энергии (СП «Санта-Бремор» ООО, 2016–2019 гг.). Ввиду того, что при реализации подобных проектов используются, как правило,

зарубежные технологии и оборудование (например, китайские ветроагрегаты HEAG в Грабниках), инновационный характер подобных проектов определяется скорее адаптацией данных технологий к условиям Республики Беларусь, производством специфических строительно-монтажных работ, ранее не проводившихся в стране, получения опыта эксплуатации подобного оборудования, но не разработкой новых прорывных технологий, которые можно было использовать внутри страны и за рубежом.

В области *социальной безопасности* одним из преимуществ ВИЭ традиционно называют создание новых рабочих мест. Согласно отчету Ren21, в 2016 г. в мире насчитывалось 10,3 млн рабочих мест, прямо или косвенно связанных с ВИЭ [5]. Лидерами по данному показателю являются Китай, Бразилия и США. По данным IRENA, развитие технологий ВИЭ приводят к созданию большего количества рабочих мест, чем традиционная энергетика.

Специальных исследований в Беларуси по данному вопросу не проводилось, однако следует отметить, что, по данным Государственного кадастра ВИЭ, по состоянию на январь 2019 г. в стране действовали 384 установки по использованию ВИЭ. Безусловно, функционирование этого оборудования невозможно без квалифицированного персонала, который обслуживает его на постоянной или временной основе. Анализ республиканских СМИ позволяет выяснить численность работающих на некоторых крупных объектах ВИЭ. Так, на Витебской ГЭС (40 МВт) трудится 30 человек, Полоцкой ГЭС (21,66 МВт) – 18, на Гродненской ГЭС (17 МВт) – 16 человек. Однако рабочие места в данном секторе связаны не только с эксплуатацией энергоустановок, но и проектированием, строительством, монтажными работами, производством оборудования, древесного и моторного топлива, научными исследованиями, подготовкой кадров. Исходя из текущей численности работающих в ГПО «Белэнерго» (свыше 65 тыс. чел.), можно оценить потенциал создания рабочих мест в сфере альтернативной энергетики порядка 10 % от данного количества, т. е. 6–6,5 тыс. чел., при этом речь идет именно о квалифицированной рабочей силе.

Обратной стороной «энергетической трансформации» является снижение численности занятых в добывающих отраслях и традиционной энергетике. Так, в США за последние 30 лет количество занятых в угольной промышленности сократилось с 174 тыс. до 55 тыс. человек. Впрочем, данные сокращения связаны не столько с ВИЭ, сколько с другими факторами: развитием технологий, замещением угля природным газом, наличием избыточных мощностей. В Республике Беларусь, согласно данным Белстата, количество занятых таким видом экономической деятельности, как производство и распределение электроэнергии, газа и воды, сократилось с 131,8 тыс. чел. в 2000 г. до 115,3 тыс. чел. в 2015 г. Очевидно, что это сокращение произошло скорее в результате повышения эффективности производственных процессов (например, за счет нормирования труда), в не под воздействием развития альтернативных энергетических технологий.

В области *экологической безопасности* увеличение доли ВИЭ в энергобалансе страны приведет к снижению выбросов парниковых газов из-за сокращения использования углеводородного топлива на предприятиях ТЭК. Данное обстоятельство поможет выполнению международных обязательств Республики Беларусь по сокращению выбросов парниковых газов и способствует международному сотрудничеству в данной области. В частности, применение биогазовых технологий приводит к сокращению выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов в атмосферный воздух, в том числе от иловых площадок и навозных лагун за счет внедрения новой системы уборки, хранения и использования навоза. Внесение сброженной биомассы предотвращает эрозию и деградацию почв и повышает урожайность возделываемых площадей. В то же время следует иметь в виду, что строительство гидроэлектростанций приводит к затоплению значительных территорий, эвтрофикации водоемов, нарушению миграции рыбы и т. д., а широкое вовлечение в энергобаланс древесного топлива ведет к повышению выбросов твердых частиц, органических компонентов, CO_2 и других газов, не относящихся к парниковым.

В области *военной безопасности* потенциальной проблемой является внедрение ветроэнергетических установок, затрудняющих работу радаров систем ПВО. В силу этого не было реализовано строительство ветропарка установленной мощностью 160 МВт в районе д. Волма Дзержинского района, предусмотренное первой редакцией Национальной программы развития местных и возобновляемых энергоисточников на 2011–2015 гг. В настоящее время при строительстве ветроэлектрических установок (ВЭУ) в Республике Беларусь обязательным является наличие согласований Министерства обороны, Министерства связи и информатизации, Департамента по авиации Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь.

Вместе с тем ВИЭ могут рассматриваться и как средство укрепления военной безопасности. В частности, использование ВИЭ нашло отражение в принятой в 2015 г. Стратегии энергетической безопасности и устойчивого развития армии США, в которой отмечается переход от рассмотрения ресурсов как ограничивающего фактора для осуществления военных операций к перспективы, которая учитывает важнейшую роль энергетических, водных и земельных ресурсов в качестве средств для осуществления военных миссий [20].

Безусловно, следует учитывать и то, что локальное использование ВИЭ на объектах военной инфраструктуры (там, где это целесообразно) позволяет исключить вмешательство в их деятельность, нарушив поставку электроэнергии из внешних источников.

Изучение влияния ВИЭ на *информационную безопасность* имеет особую важность, так как энергетические предприятия являются объектами критически важной инфраструктуры, от стабильной работы которых зависит жизнь простых граждан и нормальное функционирование пред-

приятий. Инцидент со взломом информационной сети «Прикарпатьеоблэнерго» (Украина) в декабре 2015 г., в результате которого потребители остались без энергоснабжения на несколько часов, показал, насколько уязвимой может оказаться энергетическая инфраструктура. Постепенное проникновение «умных сетей», призванных улучшить интеграцию ВИЭ, поднимают новые вопросы, связанные с информационной безопасностью. В силу небольшого проникновения технологий ВИЭ в энергосистему Беларуси данные угрозы в настоящее время носят скорее потенциальный, чем реальный характер, однако с учетом динамики развития информационных технологий к появлению подобных проблем нужно готовиться уже сейчас.

В области *демографической безопасности* потенциальное влияние ВИЭ можно проанализировать с точки зрения их влияние на здоровье людей и состояние системы здравоохранения. Согласно оценкам Всемирной организации, преждевременная смертность от загрязнения атмосферного воздуха в 2012 г. находилась на уровне 6,5 млн чел., или 11,6 % от общего количества смертей [21]. Поэтому улучшение качества атмосферного воздуха за счет замещения ВИЭ ископаемого топлива может потенциально снизить смертность по данной причине. С учетом невысокого уровня проникновения ВИЭ их влияние на демографическую безопасность в Республике Беларусь в настоящее время можно считать незначительной.

Таким образом, исследование потенциального влияния возобновляемой энергетики на национальную безопасность позволяет сделать следующие выводы:

• переход мировой энергетики к ВИЭ представляет собой длительный процесс, который может занять несколько десятилетий, в ходе которого будет иметь место сосуществование возобновляемой и традиционной энергетики;

• возобновляемая энергетика способствует решению таких глобальных проблем, как истощение ресурсов, загрязнение окружающей среды и изменение климата;

• преимуществами, которые дают ВИЭ, в первую очередь пользуются страны, способные проводить последовательную политику по развитию возобновляемой энергетики и использованию ее потенциала, создавать собственные производства и технологии;

• использование ВИЭ снижает зависимость стран от импорта ископаемого топлива, позволяет диверсифицировать энергетический баланс, снизить уязвимость экономики перед волатильностью цен на энергетических рынках;

• с учетом высокой зависимости Республики Беларусь от экспорта традиционных энергоресурсов развитие ВИЭ будет способствовать повышению энергетической безопасности как составляющей национальной безопасности;

• влияние развития ВИЭ на научно-технологическую и социальную безопасность является положительным, при этом масштабы этого влияния будут увеличиваться по мере развития новых производств и создания новых рабочих мест;

• влияние ВИЭ на экономическую, военную и экологическую безопасность может быть как положительным, так и отрицательным. Для минимизации негативных эффектов необходимо пересмотреть существующие подходы к возмещению стоимости производителям энергии из ВИЭ, а также осуществлять реализацию проектов в строгом соответствии с действующими нормативными правовыми актами;-

• влияние ВИЭ на демографическую и информационную безопасность страны в настоящее время незначительное, что не исключает усиления этого влияния в будущем.

Указанное влияние необходимо учитывать при проведении государственной политики и международном сотрудничестве в данной области.

Список использованных источников

1. A New World. Geopolitics of Energy Transformation [Electronic resource] // Global Commission on the Geopolitics of Energy Transformation, International Renewable Energy Agency, 2019. – Mode of access: http://www.geopoliticsofrenewables.org/assets/geopolitics/Reports/wp-content/uploads/2019/01/Global_commission_renewable_energy_2019.pdf. – Date of access: 14.01.2019.

2. *Sadorsky, P.* Some future scenarios for renewable energy / P. Sadorsky // Futures. – 2011. – Vol. 43, Iss. 10. – P. 1091–1104.

3. *Smil, V.* A skeptic looks at alternative energy / V. Smil // IEEE Spectrum. – 2012. – Vol. 49, № 7. – P. 46–52.

4. CO_2 emissions from fuel combustion. Highlights [Electronic resource]/ International Energy Agency, 2017. – Mode of access: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/CO2EmissionsfromFuelCombustionHighlights2017.pdf. – Date of access: 27.02.2019.

5. Renewables 2018. Global Status Report [Electronic resource] / Renewable Energy Policy Network for the 21st Century. – Paris: REN21 Secretariat. – Mode of access: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2018/06/17-8652_GSR2018_FullReport_web_final_.pdf. – Date of access: 01.02.2019.

6. Совещание по вопросу совершенствования системы управления белорусской энергетикой 16 ноября 2018 г. [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/pda/ru/news_ru/soveschanie-po-voprosu-sovershenstvovanija-sistemy-upravlenija-belorusskoj-energetikoj-19880. – Дата доступа: 01.12.2018.

7. *Johansson, B.* Security aspects of future renewable energy systems – A short overview / B. Johansson // Energy. – 2013. – Vol. 61. – P. 598–605.

8. *Valentine, S. V.* Emerging symbiosis: Renewable energy and energy security / S. V. Valentine // Renewable and Sustainable Energy Reviews. – 2011. – Vol. 15, Iss. 9, P. 4572–4578.

9. *Ölz, S.* Contribution of renewables to energy security: IEA information paper [Electronic resource] / S. Ölz, R. Sims, N. Kirchner. – Paris: OECD/IEA; 2007. Mode of access: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/so_contribution.pdf. – Date of access: 01.02.2014.

10. Die Sicherheitspolitische Bedeutung Erneubarer Energien [Electronic resource / D. Tänzler [et. al.]. – Berlin: Adelphi Consult & Wuppertal Institut, 2007. – Mode of access: https://www.adelphi.de/de/system/files/mediathek/bilder/studie_ee_sicherheit.pdf. – Date of access: 01.02.2018.

11. Impact of the Renewable Energy Sources on the Energy Security / J. Augutis [et. al.] // Energy Procedia. – 2014. – Vol. 61. – P. 945–948.

12. *Hache, E.* Do renewable energies improve energy security in the long run? / E. Hache. – International Economics. – 2018. – Vol. 156. – P. 127–135.

13. О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства [Электронный ресурс]: Директива Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г., № 3: с изм. и доп., внесенными Указом Президента Республики Беларусь от 26 янв. 2016 г., № 26 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 28.01.2016. – 1/16252.

14. Об утверждении Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 2015 г. № 1084 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 01.01.2016. – 5/41477.

15. World Energy Balances 2018 // International Energy Agency, 2018. – 762 p.

16. Renewables Information 2017 // International Energy Agency, 2017. – 488 p.

17. Fuel imports (% of merchandise imports) [Electronic resource] // The World Bank. – Mode of access: https://data.worldbank.org/indicator/tm.val.fuel.zs.un. – Date of access: 27.02.2019.

18. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575: с изм. и доп., внесенными Указом Президента Республики Беларусь от 24 января 2014 г. № 49 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 30.01.2014. – 1/14788.

19. *Кудин, В.* Энергия резервов / В. Кудин, Е. Прус // Государственный контроль: анализ, практика, комментарии. – 2018. – № 4 (30). – С. 8–11.

20. Energy Security & Sustainability (ES2) Strategy [Electronic resource] // U.S. Army, 2015. – Mode of access: https://www.army.mil/e2/c/downloads/394128.pdf. – Date of access: 22.02.2018.

21. World Health Statistics 2016: Monitoring health for the SDGs / World Health Organization, 2016. – 136 p.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

А. В. Лазуткин
Белорусский государственный университет, Минск

A. Lazutkin
Belarusian State University, Minsk

УДК 329(476)

СУБСТИТУТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ

POLITICAL PARTY SUBSTITUTES AS A DYSFUNCTIONAL ELEMENT OF THE PARTY SYSTEM

В статье рассмотрен генезис т. н. «субститутов» политических партий в партийной системе. Субституты активно используются для выхолащивания и дискредитации традиционных политических институтов, действующих в республике (парламента, системы местного самоуправления). Их деятельность несет элемент политической борьбы, имеет целью институционально делегитимировать существующую политическую систему, а не институционально укрепить ее.

Ключевые слова: политические партии; партийная система; субституты политических партий; трансформация политических партий.

The article describes the genesis of the so-called "substitutes" of political parties in the party system. Substitutes are actively used to emasculate and discredit the traditional political institutions operating in the republic (parliament, local government). Their activity has an element of political struggle; their goal is to delegitimize the existing political system, not to institutionalize it.

Keywords: political parties; party system; political party substitutes; transformation of political parties.

На начальном этапе становления ряда постсоветских партийных систем для них был характерен генезис партий, связанный с финансово-промышленными группами либо элитарными группировками, что впоследствии обусловило слабые институциональные позиции партий и низкое институциональное доверие общества к партийной системе в целом.

В Республике Беларусь при формировании партийной системы в начале 1990-х гг. наблюдался ряд тенденций, общих для бывших постсоветских стран.

Первая тенденция – потеря позиций правящей компартии, которая (по классификации Дюверже – массовая; по классификации А. Панебьянко – массово-бюрократическая) не сохранила массовой партийной организации. В результате изменения конституционных норм, демонтажа механизмов индоктринирования и национализации имущества Коммунистическая партия Беларуси, выступающая правопреемником КПБ-КПСС, трансформировалась в кадровую партию с сегментированной социальной базой.

Вторая тенденция – образование альтернативных партий «сверху», т. е. на базе парламентских фракций в Верховном Совете (в терминологии Дюверже – через группы т. н. «нотаблей», первоначально имевших формат парламентских объединений; в классификации А. Панебьянко данные объединения названы электорально-профессиональными). Характерно, что объединения не имели массовой поддержки электората, что проявилось в период конституционного кризиса 1994–1996 гг. [1].

Чтобы отследить современные закономерности функционирования политических партий, мы обратились к опыту Европейского союза, в частности, к примеру массовых социал-демократических организаций ЕС [2–5]. В ходе анализа зарубежных публикаций был сделан вывод о том, что ряд современный европейских тенденций в той или иной степени может быть характерен для политических партий Республики Беларусь, несмотря на их общую организационную слабость.

1. *Функцию индоктринации выполняют преимущественно СМИ.* От системы партийной учебы и иных традиционных форм идеологической работы партии ЕС отказываются ввиду их сложности, низкой эффективности, недостатка теоретических знаний, отсутствия выраженной идеологии. Партии функционируют в первую очередь в качестве избирательного штаба, решают электоральные задачи в период политической кампании. В то же время в идеологической работе происходит «специализация» – общеевропейской тенденцией стало формирование аффилированных с партиями экспертных сообществ и фабрик мысли, которые ведут теоретическую и аналитическую работу.

2. *Изменение общих механизмов индоктринации.* В Республики Беларусь с момента обретения суверенитета и конституционного закрепления политического плюрализма значительно развилась медиасфера. Фактически можно говорить о том, что на современном этапе действуют СМИ выраженной либеральной, патриотической, националистической и другой направленности, выступающие неформальными проводниками соответствующих идеологий. При этом подавляющее большинство СМИ напрямую не аффилированы с конкретными партиями. Закономерно, что функции партий в такой ситуации сводятся к решению прикладных, электоральных задач: выдвижение кандидатов, формулирование программ, полемика и пр.

3. *Профессионализация политики, коммерциализация внутрипартийных отношений.* Труд активистов частично оплачивается, зарплату может получать и руководящее звено партии. Данные факты частично характерны и для белорусских политических организаций, получавших нелегальное финансирование.

4. *Политические идеологии замещаются политическими технологиями.* Как отмечают западные политологи [2], ввиду недостатков идеологической работы, а также стирающихся идеологических различий участники

избирательного процесса становятся менее «надежными», в т. ч. избиратели, члены и сторонники партий, а также их представители во власти.

Ненадежность политических акторов (например, нестабильность оппозиционных электоральных коалиций) также может объясняться ограниченной кадровой базой партий и личными мотивами вне связи с недостатками идеологической работы. Труд партийных активистов зачастую мотивирован материальной выгодой. Между тем структуры не всегда имеют явные идеологические различия, а блоки формируются исходя из соображений конкурентной борьбы.

5. Общеевропейским следствием доминирования неолиберальных программ является *падение популярности центристских партий;* на их электорат претендуют левые и правые радикал-популисты.

В целом для Республики Беларусь данная тенденция не представляется актуальной. Радикальные идеи не находят поддержки среди электората, причиной тому выступает как позитивный опыт нациестроительства в советский период, так и ряд кризисных явлений после обретения независимости. Фактически в настоящий момент (2019 г.) ни одна из зарегистрированных в Республике Беларусь партий не позиционировали себя в качестве радикальной, революционной и пр.

Помимо общеевропейских тенденций, в Республике Беларусь также сложились определенные особенности функционирования партийной системы, связанные с субъективными факторами. На наш взгляд, данная ситуация обусловлена двумя основными проблемами: архаичностью партийных структур и архаичностью политических программ.

Архаичность партийных структур. Ввиду низкой численности преобладающей организационной моделью в Республике Беларусь является модель кадровой партии («электорально-профессиональной» в терминологии А. Панебьянко). Характерной чертой кадровой партии выступает значительная персонифицированность структуры; основная активность таких организаций наблюдается в период выборов.

Являясь фактически кадровыми, белорусские партии ставят своей задачей приращение численности, т. е. возврат к модели массовой партии, от модели которой в Европейском союзе в настоящее время отказываются, делая акцент на сохранении идеологического ядра вместо уличных акций и активизма [5]. Исчезновение массовых партий можно связать и с тем, что функцию индоктринации сравнительно эффективно выполняют СМИ либеральной, социалистической, консервативной и др. направленностей, а также аналитические центры и экспертные сообщества; система партийной учебы теряет актуальность ввиду слабого охвата, а система индивидуальных членских взносов заменяется внешним финансированием либо финансированием со стороны финансово-промышленных групп.

Кроме того, очевидно, что количественный рост кадровой базы партий в Республике Беларусь не представляется достижимым без разработки обо-

снованных политических и экономических программ. В свою очередь разработка программ требует привлечения аналитических ресурсов, которые у партий зачастую отсутствуют, поскольку партия, как правило, в основном представлена политическими активистами, работающими в период выборов на полевых мероприятиях.

Вторая проблема – *архаичность партийных программ*. В частности, в ряде правых структур доминирует установка этнического национализма, фетишизация белорусского языка и элементов белорусской символики, антикоммунистические (антироссийские) установки. В Западной Европе аналогичные доктрины этнического национализма активно применялись до Второй мировой войны, а впоследствии были маргинализированы. Закономерно, что возникает вопрос о релевантности программ, построенных на этническом национализме (акцентирования языковых, культурных, этнических и других факторов) на фоне практически полного отсутствия проработанных экономических программ. Данные особенности крайне усложняют функционирований партий в качестве агентов избирателей и не способствуют повышению доверия к ним.

Что касается внутрипартийных отношений, то, по нашему мнению, устойчивая партийная идентичность не формируется вследствие: а) одновременного членствах в нескольких структурах с разнородным правовым статусом; б) неявной идеологической ориентации последних; в) значительной персонифицироанности структур и ряда межличностных конфликтов внутри организаций.

При этом, по данным Института социологии НАН РБ, узнаваемость конкретных политических партий составляет 3 % и менее [6], а по данным ИАЦ, измерявшего уровень доверия к социальным институтам, оппозиционным партиям и общественным объединениям доверяют до 10 % опрошенных, негативное отношение выразили 76,5 % респондентов [7, с. 17].

Т. е. наблюдается парадокс, когда деятельность партий малоизвестна, но при этом к ней сохраняется негативное отношение большинства населения.

При этом в отношении политических партий эмпирические методики исследования сводятся преимущественно к составлению рейтингов методом социологического опроса.

К примеру, Институт социологии НАН обнародовал рейтинги политических партий на протяжении всего периода независимости. В частности, в 1990–1996 гг. рейтинг поддержки составлялся по 33 партийным структурам и достигал 10 % по отдельным организациям [8].

Далее политический вес партий падал; Институт социологии НАН фиксировал последовательное падение рейтингов, вплоть до значений 1 % и менее (2016, 2017 гг.). Очевидно, что по ряду объективных и субъективных причин, в том числе реформы законодательства о политических партиях, происходила делегализация и маргинализация партийных

структур и легализация иных условно неполитических организационных форм, что, однако, мало отражено в белорусских политологических исследованиях.

В то же время очевидно, что традиционные партийно-политические организации пытаются моделировать новые формы политических структур. К ним могут быть отнесены движения непартийного типа, политизированные (деформированные) общественные объединения, а также радикальные политизированные группировки.

В целом организационная неоднородность партийно-политических структур является спецификой Республики Беларусь и обусловлена их различным правовым положением. По нашему мнению, следствием этого является появление т. н. «субститутов» политических партий.

Специфической чертой белорусской партийной системы является наличие субститутов, которые частично замещают собой нормально функционирующие институты.

Субституты могут быть определены в качестве квазифункциональных аналогов политических партий, реальное наполнение функций которых не соответствует формальному.

Так, как было упомянуто выше, роль субститутов политических партий могут выполнять политизированные общественные объединения, непартийные движения, а также активистские структуры, действующие вне правового поля.

С легальной точки зрения отдельные субституты могут быть рассмотрены в качестве переходной фазы становления политических институтов (партий и партийной системы в целом). Однако, внедряясь искусственно под видом структур гражданского общества, а также имея признаки внешней организации, субституты приобретают дисфункциональные черты и не приобретают легитимности.

В частности, субституты, в отличие от институтов, не выражают интереса некой социальной группы, а, скорее, отражают латентные корпоративные интересы. Более того, субституты активно используются для выхолащивания и дискредитации традиционных политических институтов, действующих в республике (парламента, системы местного самоуправления). Их деятельность несет элемент политической борьбы, имеет целью институционально делегитимировать существующую политическую систему, а не институционально укрепить ее.

Несмотря на номинальное многообразие, они слабо дифференцированы по идеологическому спектру и, как правило, ориентированы на достаточно узкие политтехнологические задачи. Помимо зарегистрированных партий, которые, скорее, выполняют узкую функцию электоральных штабов либо используются для упрощенного порядка выдвижения кандидатов, они включают в себя медиаструктуры, аналитические и политтехнологические центры, структуры уличного активизма и иные.

Отметим, что в ряде постсоветских государств иностранные контрагенты последовательно действуют через расширение системы субститутов, ее внешнее моделирование путем обучения, финансирования, организационной, дипломатической и информационной поддержки активистов. Внешнее финансирование субститутов может осуществляться как по легальным (гранты донорских НКО), так и нелегальным каналам [9].

Несмотря на внешнее моделирование и финансирование, субституты потенциально могут служить механизмом выявления очагов социальной напряженности. Но при этом большая часть субститутов, как правило, не способна к конструктивной работе, т.к. изначально не ориентирована на легальное общественное представительство, не имеет соответствующих механизмов, кадров и ресурсов.

Таким образом, низкий уровень социальной поддержки обуславливает сложность конвертирования субститутов в институты.

Отметим также, что параллельно с механизмами внешнего влияния и низким институциональным доверием к политическим партиям в Беларуси наблюдаются внутренние процессы, в целом характерные для стран Запада: уменьшение ядрового электората традиционных партий и увелич ение волатильного электората как следствие размывания социальных страт, а также модернизация политической коммуникации. Последняя осуществляется через СМИ и сетевые медиаструктуры, а не через традиционные партийные каналы. Партии, в свою очередь, в большей мере выполняют функции электорального штаба.

Еще одной причиной наличия субститутов может служить специфический ценностный консенсус в белорусском обществе, связанный с сильным харизматическим лидерством Президента.

В контексте исследования ценностных ориентаций и запросов значительный интерес представляет работа коллектива БГУ под руководством Д. Г. Ротмана «Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский Союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей». На основе анализа стран Восточного партнерства авторами сделан вывод о том, что имитация (внедрение) внешней формы политических ценностей при внутреннем функционировании исторически сложившихся традиционных принципов и механизмов функционирования социума приводит к дестабилизации и открытому противостоянию. При этом подчеркивается, что в шести постсоветских странах исторически не сложились традиции парламентаризма. Авторами выделены три модели, определяющие восприятие политики (демократическая, традиционная и персонифицированная). В группе стран, к которой отнесена Беларусь, выявлена значимая корреляция между традиционной и персоналистской моделями политики, а также низкий протестный потенциал общества [10, с. 135–151].

Авторами отмечается также негативная корреляция между сильным харизматичным лидерством и уровнем доверия к социальным институтам

(в нашем случае – институтом политических партий и партийной системой), что обуславливает их недостаточную институциализацию.

Наконец, значимая черта субститутов в том, что они неустойчивы, зависят от источников финансирования и при их отсутствии полностью прекращают деятельность. Одновременно следствием длительного существования полулегальной системы субститутов стал рост контроля со стороны государства, направленный на ограничение внешнего влияния.

В качестве альтернативы внешнему субсидированию необходимы стабильные механизмы внутреннего финансирования. В то же время в Республике Беларусь частный капитал пока не выступает спонсором политических партий и отсутствует их государственное финансирование, единственной легальной возможностью эффективного самофинансирования партий является массовое членство и сбор членских взносов.

Однако в постсоветской практике вместо осуществления коллективного представительства в партийных системах зачастую преобладают механизмы лоббирования узких корпоративных интересов. Так, в отличие от Республики Беларусь, в Российской Федерации и Украине генезис партийной системы проходил одновременно с появлением финансово-промышленных групп в ходе массовой приватизации. Это позволило сформировать политехнологический и информационный рынок, обслуживающий внутренний капитал в избирательных кампаниях, что, однако, не означает автоматический рост качества общественного представительства, несмотря на институциональное оформление партийной системы. Так, к примеру, в 2016 г. в Российской Федерации доля членских и вступительных взносов в доходах четырех парламентских партий составляет всего 2,5 % [11], что подтверждает неспособность партий к самофинансированию через массовые членские взносы и косвенно свидетельствует об их низком общественном представительстве. Одновременно сохраняются такие механизмы теневого финансирования, как использование фиктивных НКО-доноров, связанных или учрежденных самой партией, обход запрета на финансирование компаниями с долей иностранного капитала и др.

Таким образом, в постсоветских государствах с институционально не оформленной партийной системой достаточно остро стоит проблема превращения партий в лоббистские структуры и достижения прозрачности финансирования политической деятельности. Данный опыт следует учитывать при анализе процесса становления партийной системы в Республике Беларусь и учитывать негативную роль субститутов политических партий, замещающих нормально функционирующие партии.

Список использованных источников

1. Эволюция организационных моделей современных политических партий / А. В. Лазуткин // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 85–93.

2. *Bielskis, A.* The Challenges for the Left in the 21st Century: Lessons from Marxism / A. Bielskis // Next Left Research Programme [Electronic resource]. – Foundation for European Progressive Studies, 2014. – Mode of access: https://www.feps-europe.eu/Assets/Publications/PostFiles/551.pdf. – Date of access: 12.02.2019.

3. *Diamond, P.* Welfare States after the Crisis: Changing Public Attitudes / P. Diamond // Next Left Research Programme [Electronic resource]. – Foundation for European Progressive Studies, 2014. – Mode of access: https://www.feps-europe.eu/Assets/Publications/PostFiles/551.pdf. – Date of access: 12.02.2019.

4. *Gusenbauer, A.* For a New Social Deal. Believing in the Hopes that Social Democracy Aspires to be Entrusted with / A. Gusenbauer // Next Left Research Programme [Electronic resource]. – Foundation for European Progressive Studies, 2014. – https://www.feps-europe.eu/Assets/Publications/PostFiles/551.pdf. – Date of access: 12.02.2019.

5. *Skrzypek, A.* The New Social Contract: A New Vision for European Society / A. Skrzypek // Next Left Research Programme [Electronic resource]. – Foundation for European Progressive Studies, 2014. – Mode of access: https://www.feps-europe.eu/Assets/Publications/PostFiles/551.pdf. – Date of access: 12.02.2019.

6. *Котляров, И.* Политический лидер должен быть знаковой личностью и иметь интересную предвыборную программу / И. Котляров // Белорусское телеграфное агентство [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://www.belta.by/politics/view/vybory-2015.-kotljarov-politicheskij-lider-dolzhen-byt-znakovoj-lichnostjju-i-imet-interesnuju-153449-2015. – Дата доступа: 07.06.2016.

7. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2016 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск: ИАЦ при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2017. – 204, [1] с.

8. *Котляров, И. В.* Политические партии Беларуси: анализ, проблемы, прогнозы / И. В. Котляров. – Минск: Белинформпрогноз, 1997. – 100 с.

9. *Лазуткин, А. В.* Деформация функций общественных объединений как негативный фактор становления партийной системы / А. В. Лазуткин // Проблемы управления: научно-практический журнал. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2018. – № 3(69). – С. 132–138.

10. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский Союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / [Д. Г. Ротман и др.] – Минск: БГУ, 2016. – 216, [3] с.

11. Деньги на выборах: проблемы обеспечения прозрачности финансирования политических партий и избирательных кампаний в российской федерации / С. Андрейчук // Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси интернешнл. – Россия» [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: Https://transparency.org.ru/special/dengi-na-viborah/money-to-elect.pdf. – Дата доступа: 12.02.2019.

(Дата подачи: 13.02.2019 г.)

Т. В. Лемешова
Республиканский институт высшей школы, Минск

T. Lemiashova
National Institute of Higher School, Minsk

УДК 32:329

ВЛИЯНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ЛОГОТИПА НА ВОСПРИЯТИЕ БРЕНДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИЗБИРАТЕЛЯМИ

THE EFFECT OF GRAPHIC COMPONENTS OF THE LOGO ON THE BRAND PERCEPTION OF THE POLITICAL PARTY THE VOTERS

В статье рассматривается логотип политической партии как компонент брендинговой стратегии, облегчающий распознавание и транслирующий основные идеологические ценности партии. Анализируются основные графические компоненты логотипа: цвет, форма и линии, шрифты как смыслообразующие элементы логотипа. Отмечается актуальность политического дизайна для белорусских политических партий.

Ключевые слова: логотип; политическая партия; политический дизайн; шрифт; цвет; форма; линии.

The article deals with the logo of a political party as a component of branding strategy that facilitates recognition and translates the basic ideological values of the party. The main graphic components of the logo are analyzed: color, shape and lines, fonts as meaning-forming elements of the logo. Notes the relevance of the political design of the Belarusian political parties.

Keywords: logo; political party; political design; font; color; shape; lines.

Понимание политических партий как брендов в настоящее время является обычным явлением и частью общего «рассеивания» понятия брендинга от его оригинальных маркетинговых истоков. Сегодня обязательным внешним атрибутом бренда политической партии выступает логотип, основное предназначение которого – узнаваемость, идентификация и отображение идеологических ценностей. Фактически при помощи графических средств логотип формулирует идеологию и философию той или иной партии.

В Беларуси практика политического дизайна – явление новое и находится на этапе поиска своих выразительных форм.

Объектом данной статьи является логотип политической партии как основа создания и развития бренда. Предмет исследования – графические компоненты логотипа политической партии: цвет, форма и линии, шрифт.

«Рекламный логотип – специально разработанное, оригинальное начертание полного или сокращенного наименования фирмы или группы товаров данной фирмы» [1, с. 310].

Логотип оказывает влияние на эмоциональный уровень восприятия, способствует повышению узнаваемости и запоминаемости партии. В пе-

риод избирательной кампании в рамках многопартийности политическим партиям необходимо предложить избирателям некий уникальный политический продукт, а сделать это зачастую очень сложно. Оригинальный логотип, лаконично и визуально выражающий ценности, задачи и цели политической партии, в значительной степени облегчает идентификацию и процесс выбора. Например, в политических логотипах с помощью визуальных средств легко сообщить информацию о стране, которой принадлежит партия, через использование государственного флага, цветов государственного флага, контура страны (рис. 1) или культурных символов, которые позволяют однозначно идентифицировать страну. Например, кленовый лист, который присутствует в логотипах политических партий Канады (рис. 2).

Рис. 1. **Союз крестьян и зеленых Литвы**

Рис. 2. **Либеральная партия Канады**

Б. Эльбрюнн в книге «Логотип» выделяет следующие типы построения логотипа: лингвистический, иконический, смешанный [2, с. 87].

Логотипы лингвистического типа состоят только из буквенно-цифровых знаков. Это может быть полное название, аббревиатура, одна буква, сочетание цифр и букв. Иконический логотип – это логотип, который состоит из картинки, которая может являться абстрактным символом, персонажем и т. п. Смешанный тип логотипа является наиболее распространенным и предполагает соединение лингвистического логотипа и иконического [2].

Данная работа содержит результаты исследования, в котором автор статьи проанализировал 150 логотипов политических партий в соответствии с классификацией Б. Эльбрюнна и основными тенденциями в их создании: предпочтения цветовых решений, шрифтов и форм.

Наиболее часто встречаемым типом среди политических логотипов является смешанный тип – 127 логотипов (85 %). Лингвистические логотипы – 18 логотипов (12 %), а иконические – 5 логотипов (3 %) (рис. 3).

В ходе проведенного анализа лингвистического компонента лингвистических и смешанных логотипов (145 логотипов) выяснилось, что 64 % политических логотипов содержат в себе полное название политической партии. Аббревиатуры содержат 32 % логотипов. 18 % логотипов содержат и аббревиатуру, и полное название политической партии. Логотипы в виде одной буквы составляют 4 % (рис. 4).

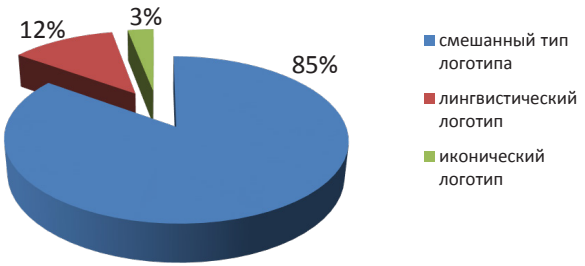


Рис. 3. **Типы политических логотипов**

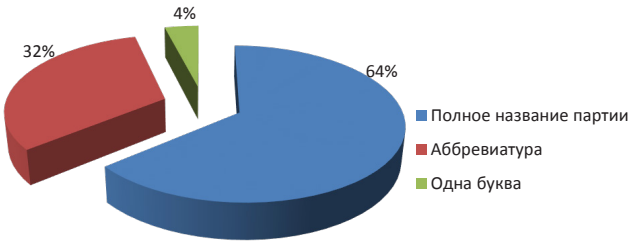


Рис. 4. **Лингвистический компонент в политических логотипах**

Редкое использование иконического знака: 3 % связано с возможными проблемами понимания и интерпретации знака. Однако это не помешало Республиканской партии США создать сильный логотип (рис. 5).

Рис. 5. **Республиканская партия, США**

Слон как символ Республиканской партии имеет общенациональный смысл. Данный икотип достиг такой степени известности, что не нуждается в лингвистическом компоненте.

Логотипы наделяются смыслом и способны «рассказывать истории», содержать в себе определенное послание. Показателен в этом отношении пример логотипа Б. Обамы на выборах 2008 г., который рассказывает историю об американской мечте, переменах и надежде на новый день. С одной стороны, очень удачно обыгрывается первая буква фамилии кандидата, с другой – цвет: «Американцы знают, что красный – цвет республиканцев,

а синий – цвет демократов. Использование этих цветов вместе с белым составляет самый узнаваемый символ – флаг США, и это уже история о национальном единстве» [3, с. 30]. Логотип Обамы уникален еще и тем, что в него удалось интегрировать и другие логотипы: политические, культурные, гендерные. Например, символ республиканцев (рис. 6), символ одной из современных имиджевых субкультур – борода (рис. 7).

Рис. 6. **Республиканцы за Обаму**

Рис. 7. **Бородачи за Обаму**

Логотип политической партии, как и коммерческий логотип, включает следующие компоненты: цвета, форма и линии, шрифт [4, с. 14].

Цвет оказывает мощное психологическое воздействие на поведение и решения людей. Цвет имеет значение за пределами эстетической привлекательности. Эта особенность активно используется в маркетинговой психологии дизайнерами и маркетологами.

Цвет тесно связан с архетипическим, доисторическим опытом человечества. Одновременно «на восприятие и применение цвета влияют врожденная физиологическая и психологическая предрасположенность, личный опыт, возраст, пол, личность, доход, этнографический и демографический контекст» [5, с. 199].

Выбор цвета логотипа политической партии должен определяться психологией цвета, маркетинговыми возможностями того или иного цвета, культурной и исторической традицией восприятия данного цвета. Необходимо отметить, что и в коммерческом, и в политическом маркетинге существует колоссальный пробел в исследовании роли цвета. Практикующие маркетологи отмечают, что им не хватает обновленных теоретических знаний, на основе которых они могут принимать решения относительно цветовой гаммы логотипов.

Хоть цветовые предпочтения и являются субъективными, во многих случаях маркетинговые усилия могут формировать цветовые ассоциации потребителей. Например, маркетологи используют цвета, чтобы сформировать вкусовые ожидания в еде: добавление коричневого цвета в цветные напитки с ароматом колы, добавление зеленого цвета в продукты с ароматом мяты, добавление синего цвета в охлаждающие напитки.

В контексте политических логотипов также представляется возможным формирование цветовых ассоциаций избирателей. Наиболее успешными в этом отношении являются экологические партии, которые эффективно используют, как правило, зеленый цвет и символы животных и растений (рис. 8).

Рис. 8. **Экологическая зеленая партия Мехико**

Но прежде чем разрабатывать логотип, маркетологи должны учитывать цветовые стереотипы людей. Плохой выбор цвета, бросающий вызов ассоциациям потребителей, может оттолкнуть от бренда.

Например, эксперимент цветовых ассоциаций, проведенный в 1941 г. с участниками, проживающими в Иерусалиме, показал, что 86 % выборки имели сильную отрицательную связь с желтым цветом, который использовался немецкими нацистами в качестве обязательного идентификатора для еврейского народа. Повторение того же эксперимента всего 20 лет спустя с новым поколением еврейских участников показало, что отрицательная ассоциация была уменьшена до 41 % выборки [6].

Анализ цветовых предпочтений в логотипах политических партий дал следующие результаты. Большинство логотипов используют синий цвет как основной – 49 логотипов (33 %). Красный как основной цвет присутствует в 36 логотипах (24 %), зеленый – в 12 (8 %), оранжевый – в 9 (6 %), желтый – в 4 (3 %). Позиция «иное» включает 39 логотипов (26 %), куда входят другие цвета и оттенки, логотипы лингвистического типа, использующие для шрифта как основной черный цвет.

Для коммерческих логотипов характерна практически такая же расстановка сил. Синему цвету отдают предпочтение 37 % логотипов, красному – 27 %, желтому – 16 %, зеленому – 7 %, оранжевому – 5 % [7]. Единственное разночтение связано с желтым цветом. Желтый в меньшей степени используется в политических логотипах, и связано это скорее всего с теми ассоциациями счастья, веселья, легкости, который он вызывает. Сравнительный анализ коммерческих и политических логотипов представлен на рис. 9.

Существенное значение на формирование логотипа и в целом бренда политической партии имеет не только цвет, но и форма: «Форма, так же как и цвет, обладает своей “чувственно-нравственной” выразительной ценностью» [8, с. 38].

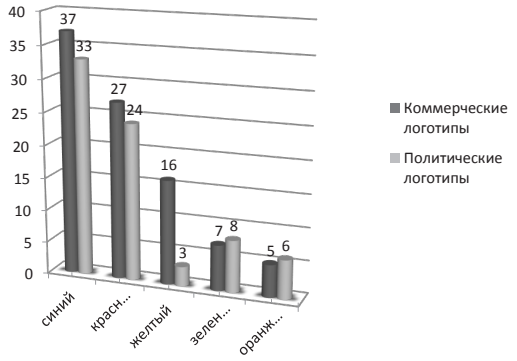


Рис. 9. **Сравнительный анализ использования цветов в коммерческих и политических логотипах**

При создании логотипов политических партий активно используются простые фигуры: круг (овал), квадрат (прямоугольник), треугольник.

Логотип, вписанный в круг или имеющий в своем составе круг, создает впечатление единства, целостности. Округлость выражает общность, защиту и совершенство. «Круг – это геометрическая форма, которая возникает при движении на постоянном расстоянии от определенной точки, расположенной на какой-нибудь поверхности. В противоположность тяжелому, напряженному чувству движения, которое вызывает квадрат, движение для круга естественно, постоянно и создает чувство отдыха и ослабления напряжения» [8, с. 38].

Квадраты и прямоугольники вызывают ощущение прочности, стабильности, долговечности, безопасности, доверия. Они имеют прямые углы и представляют собой порядок, математику, рациональность и формальность. Из-за их геометрического баланса квадраты и прямоугольники указывают на равенство, баланс и надежность. «Квадрат, основной характер которого определяется двумя горизонтальными и двумя вертикальными пересекающимися линиями одинаковой длины, символизирует материю, тяжесть и строгое ограничение» [8, с. 38].

Треугольник создает ассоциацию историчности, стабильности, прогрессии, направления и цели. Треугольник достаточно редко используется в политических логотипах, что, скорее всего, связано с тем, что острый угол, согласно исследованиям американских психологов [9], вызывает чувство опасности: «Форма треугольника возникает из трех пересекающихся диагоналей. Его острые углы кажутся боевыми и агрессивными. Треугольник – символ мысли и его невесомый характер позволяет сравнивать его в области цвета со светло-желтым» [8, с. 38].

Анализ предпочтения геометрических форм в политических логотипах выявил следующую тенденцию: из 150 логотипов 45 (30 %) используют ква-

драт или его производные, 25 логотипов (17 %) представляют пластику круга и его производных, 4 логотипа (3 %) в своем теле содержат треугольники.

Линии логотипов следует рассмотреть по направлениям: вертикаль, горизонталь, диагональ, кривые. Задача вертикальных линий – это выражение силы, баланса и стабильности. Однако эти линии могут ассоциироваться с агрессией и господством. Следует отметить, что их применение в политических логотипах весьма ограничено.

Подавляющее большинство политических логотипов строится на горизонтальных линиях, которые производят впечатление стабильности, порядка, равновесия. Диагональные линии, если и появляются, то в рамках устойчивых фигур: квадрата, прямоугольника, реже круга.

Задача кривых в логотипе – выражение позитивных эмоций: дружбы, заботы, внимания. Важным моментом в использовании кривых является направление их движения: всегда вверх (рис. 10, 11). Перевернутая изогнутая линия создаст отрицательную эмоцию печали, горя [9, с. 411].

Рис. 10. **Левое зеленое движение, Исландия**

Рис. 11. **Хорватская социал-либеральная партия, Хорватия**

Использование шрифтов в логотипах необходимо для того, чтобы «говорить» с потребителями в тех случаях, когда произнести слово невозможно. Визуальные характеристики вербального материала обладают семантическими характеристиками.

Во-первых, шрифты следует рассматривать как нечто большее, чем просто дизайн. Шрифты не просто передают вербальный материал, они передают уникальные ассоциации независимо от слов, которые они представляют. Во-вторых, смысловые ассоциации являются устойчивыми, а не случайными или временными. В-третьих, ассоциации имеют связь с реальными объектами. В-четвертых, семантические подсказки шрифтов влияют на субъектов как с высоким, так и низким уровнем вовлеченности. В-пятых, семантика шрифта существенно влияет на запоминаемость бренда [10].

Дизайн шрифта является важным визуальным инструментом для достижения целей коммуникации [10, с. 93]. Первоначальные исследования

показывают, что дизайн шрифта влияет на восприятие рекламируемого бренда, читабельность и запоминаемость рекламы и создает стратегически важные впечатления о бренде. Американские маркетологи Т. Чайлдерс и Дж. Джасс в ходе эксперимента установили влияние шрифта на формирование представления о бренде. Было отмечено, что простой прагматичный шрифт способствовал пониманию бренда как обычного, доступного. Лакшери-шрифт повышал статус бренда, переводя его в сегмент предметов роскоши [10, с. 93].

Шрифты, как и люди, обладают индивидуальными чертами: они могут быть модными, старомодными, выразительными, скромными, общительными, обманчивыми, взрывными и могут быстро раскрыть сущность организации. Арт-директор предвыборной кампании Барака Обамы 2008 г. Скотт Томас утверждает, что «шрифт Gotham, который был выбран основным шрифтом, является универсальным и смелым, простым, но элегантным, и выглядит исторически и стилистически американским» [3, с. 99]. «Значительное место в кампании уделяется типографике, тип языка становится видимым. Сенатор Обама был известен своим красноречием, и сила типографики в том, чтобы передать это красноречие не только содержанием письменного послания, но и его формой. Шрифт Gotham имеет необычные взаимоисключающие качества: при всей своей холодной геометрической простоте, которая придает аналитичность, он также излучает тепло. Но это не шрифт конкретно под Обаму, это просто очень хороший шрифт. Поместите речь в шрифт Comic Sans – и озвученные в ней идеи будут выглядеть легковесно и глупо, в Times New Roman – он будет смотреться чересчур напыщенным, а в Gotham – в самый раз» [3, с. 20].

В рамках исследования все шрифты были разделены на две большие группы: шрифты с засечками и шрифты без засечек. При анализе логотипов политических партий было установлено, что более 90 % политических партий в своих логотипах используют шрифты без засечек. Представляется, что выбор шрифта связан в первую очередь с тем, что логотип должен масштабироваться: увеличиваться и уменьшаться без потери качества. При печати логотипа маленького размера, например, на сувенирах возможна потеря мелких деталей, в частности засечек шрифтов, что приведет к искажению самого логотипа.

Замысловатые лигатуры, необычные пунктуационные знаки, дизайнерский нюанс могут использоваться в логотипах политических партий для привлечения внимания (рис. 12, 13).

Рис. 12. **Хорватское демократическое содружество, Хорватия**

Рис. 13. **Партия Маори, Новая Зеландия**

Наиболее точно передать смысл сообщения можно тогда, когда все части целого работают вместе. В логотипе это означает, что цвета, формы, символы, шрифты и сам текст должны гармонично соотноситься друг с другом.

Цель политических логотипов – привлечь внимание потенциальных избирателей, пропагандировать определенные ценности, делать сильные заявления, символизировать борьбу за права избирателей, справедливость. Как показывает данное исследование, наиболее популярными элементами, используемыми в политических логотипах, являются фигуры, цвета и шрифты, которые вызывают ассоциации стабильности, устойчивости, связи с культурным и историческим наследием страны.

Список использованных источников

1. Большой экономический словарь: 19000 / под ред. А. Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1997. – 864 с.

2. Эльбрюнн, Б. Логотип / Б. Эльбрюнн. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. – 127 с.

3. Thomas, S. Designing Obama / S. Thomas. – Post Press, 2010. – 350 p.

4. Эвами, М. LOGO. Создание логотипов. Самые современные разработки / М. Эвами. – СПб.: Питер, 2009. – 352 с.

5. Singh, N. Impact of colors on the psychology of marketing-A comprehensive overview / N. Singh, S.K. Srivastava // Management and Labour Studies. – 2011. – № 36(2). – P. 199 – 209.

6. Kreitler, H. Psychology of the arts / H. Kreitler, S. Kreitler // Durham. – NC: Duke Univ. Press, 1972.

7. https://blog.marketo.com/2018/05/brand-colors-can-reveal-business.html)/.

8. Иттен, И. Искусство цвета / И. Иттен. – М.: Издатель Д. Аронов, 2004. – 95 с.

9. Larson, Ch. Simple geometric shapes are implicitly associated with affective value / Ch. L. Larson, J. Aronoff, E. L. Steuer // Springer Science+Business Media. – 2011. – № 36. – P. 406–414.

10. Childers, Terry L. All Dressed Up With Something to Say: Effects of Typeface Semantic Associations on Brand Perceptions and Consumer Memory / Terry L. Childers, Jeffrey Jass // Journal of consumer psychology. – 2002. – № 12(2). – P. 92 – 106).

(Дата подачи: 18.01.2019 г.)

И. А. Лещеня
Белорусский государственный университет, Минск

I. Leshchenya
Belarusian State University, Minsk

УДК 327.56

ПРОБЛЕМЫ МИРНОГО ПРОЦЕССА 2009–2010 ГГ. КАК ПРЕДПОСЫЛКИ КАМПАНИИ ПО ПРИНЯТИЮ ГОСУДАРСТВА ПАЛЕСТИНА В ООН

PROBLEMS OF THE PEACE PROCESS IN 2009–2010 AS PREREQUISITES FOR THE STATE OF PALESTINE ADMISSION TO THE UN CAMPAIGN

Статья посвящена проблемам возобновления прямых палестино-израильских переговоров по ключевым вопросам конфликта в 2009–2010 гг. Изучены различные уровни влияния на мирный процесс: позиции сторон конфликта и глобальных посредников, роль региональных игроков. Выделено воздействие договоренностей эпохи актуальности «Дорожной карты» на подходы палестинцев, израильтян и американских посредников. Выявлены принципиальные различия в позициях сторон конфликта, которые предопределили поиск рычагов воздействия на Израиль как единственное ненасильственное направление деятельности палестинского руководства.

Ключевые слова: палестино-израильский конфликт; возобновление прямых переговоров; замораживание строительства в поселениях; Дорожная карта; Арабская мирная инициатива; Государство Палестина.

The article focuses on the problems of resumption of direct talks between Israel and Palestinians to resolve all final status issues in 2009-2010. Different levels of influence on the peace process were studied: the positions of the parties to the conflict and global mediators, the role of regional players. The author evaluates the impact of the mutual understandings of the period of relevance of the Road Map for the peaceful settlement on the approaches of Palestinans, Israelis and the American mediators to the conflict. Disagreements on a matter of principle between the parties to the conflict, which predetermined the search for levers of influence on Israel as the only non-violent activity of the Palestinian leadership, are revealed.

Key words: Palestinian-Israeli conflict; resumption of direct talks; settlement freeze; Road Map; Arab peace initiative; State of Palestine.

29 ноября 2012 г. находящееся в процессе создания Государство Палестина получило статус государства – наблюдателя не члена ООН. С января 2013 г. официальная Рамалла вместо названия «Палестинская национальная администрация» (ПНА) стала использовать название «Государство Палестина».

Однако данные решения не могли привести к реальному созданию палестинского государства, которое может состояться только как признанный международным сообществом результат переговоров с израильтянами. В контексте перспектив возобновления переговорного процесса получение Государством Палестина статуса государства – наблюдателя не члена ООН

следует рассматривать как элемент организации международного давления на израильскую сторону конфликта.

Вместе с тем развитие событий свидетельствует, что с момента подачи в сентябре 2011 г. заявки на принятие Государства Палестина в состав ООН именно действия на международной арене и, в частности, в рамках международных организаций продолжают оставаться основным направлением активности палестинской стороны по разрешению конфликта. Почему так произошло?

Представляется, что ключ к ответу необходимо искать в событиях, непосредственно предшествовавших этому шагу и, в частности, в попытках возобновления прямых палестино-израильских переговоров в 2009–2010 гг. В сентябре 2010 г. состоялось последнее на данный момент обсуждение ключевых вопросов конфликта в рамках встреч премьер-министра Израиля и палестинского лидера.

Исторически ход палестино-израильских переговоров определяется позициями и мотивами действий не только сторон конфликта, но также и вовлеченных в урегулирование глобальных посредников и региональных игроков. И целостная картина может сложиться только при комплексном анализе воздействия на мирный процесс на трех упомянутых уровнях.

Под таким углом мирный процесс 2009–2010 гг. в научной литературе не рассматривался. Многочисленные исследования были посвящены взаимоотношениям США и Израиля (наиболее серьезные – монографии Т. А. Карасовой [1] и Д.Эпштейна [2]), а также миротворческим усилиям администрации Б. Обамы, из которых следует выделить работу коллектива авторов во главе с Д. Курцером [3].

Таким образом, цель исследования состоит в том, чтобы выявить характер воздействия на мирный процесс сторон конфликта, а также глобальных и региональных акторов, в результате которого были созданы предпосылки для инициирования кампании по принятию Государства Палестина в ООН.

Начиная с подписания «соглашений Осло», все попытки возобновления переговорного процесса были инициированы *глобальными игроками*, и в основном США. Несмотря на формирование в октябре 2001г. «квартета» международных посредников (США, Россия, Евросоюз, ООН), в Израиле в качестве посредников де-факто воспринимались именно американцы.

После прихода в январе 2009 г. в Белый дом первой администрации Б. Обамы усилия по урегулированию палестино-израильского конфликта стали рассматриваться в качестве составной части задачи по исправлению того негативного имиджа США в исламском мире, который был создан во времена Дж. Буша-мл. действиями в Афганистане и в Ираке. 4 июня 2009 г. своей программной речью в Каирском университете новый хозяин Белого дома создал впечатление тесного единения с мусульманами в целом и с палестинцами в частности. При этом в части палестино-израильского кон-

фликта единственной новацией речи стали жесткие акценты о необходимости прекращения строительства на территориях, которые отошли к Израилю в ходе шестидневной войны 1967 г. [4].

Настоящей новостью стало реальное намерение новой администрации добиться прекращения строительства в поселениях – Б. Обама стал первым и пока единственным президентом США, который в этом вопросе попытался перейти от слов к делу.

Как известно, под давлением со стороны США 25 ноября 2009 г. израильтяне в качестве жеста доброй воли объявили 10-месячный мораторий на новое строительство в поселениях на Западном берегу реки Иордан. Мораторий не распространялся на уже одобренные жилые проекты, общественные здания и на любое строительство в Восточном Иерусалиме. В марте 2010г. начались непрямые, а 2 сентября 2010 г. – прямые переговоры, которые вскоре были прерваны по завершении моратория.

Эти события часто трактуются как продолжение реализации «Дорожной карты» палестино-израильского урегулирования с элементами Арабской мирной инициативы (АМИ).

План «Дорожная карта» разработан «квартетом» международных посредников. Старт его реализации был дан на саммите в Акабе 4 июня 2003 г. АМИ была одобрена саммитом Лиги арабских государств (ЛАГ) в 2002 г. и повторно возобновлена в 2007 г.

Каирская речь Б. Обамы содержит упоминание об АМИ и тезис об обязательствах сторон конфликта в соответствии с начальным этапом «Дорожной карты». Однако этот тезис в большей степени был связан с личностью Дж. Митчелла, назначенного в январе 2009 г. специальным представителем США на Ближнем Востоке.

По замыслу Митчелла возобновлению прямых палестино-израильских переговоров мог содействовать следующий обмен шагами доброй воли:

1. Палестинцы предпринимают решительные меры по борьбе с террором и антиизраильскими подстрекательскими действиями; израильтяне полностью, без каких-либо исключений, замораживают все строительные работы в поселениях на палестинских территориях. Эти обязательства действительно содержатся в «Дорожной карте». Однако впервые они были сформулированы в опубликованном еще в 2001 г. докладе Дж. Митчелла как руководителя созданной президентом Клинтоном комиссии по установлению причин второй интифады (восстание палестинцев). А требование о замораживании Израилем «любой поселенческой деятельности (в т. ч. естественный рост поселений)» прописано в «Дорожной карте» со ссылкой на этот доклад [5].

2. Арабские государства в соответствии с духом АМИ выдают разрешения на пролет израильских коммерческих рейсов над своей территорией, возобновляют работу торговых миссий, устанавливают почтовую связь [6, с. 315].

Таким образом, цена замораживания строительства в поселениях должна была стать более привлекательной для израильтян: спад террористических актов и обстрелов дополнялся первыми односторонними шагами арабских государств по нормализации отношений. Активизация палестино-израильского переговорного трека означала бы и создание предпосылок для урегулирования всего арабо-израильского конфликта.

Однако в соответствии с АМИ нормализация отношений могла произойти только после согласия Израиля на создание палестинского государства на оккупированных в 1967г. территориях со столицей в Восточном Иерусалиме и согласованное решение проблемы палестинских беженцев на основе резолюции 194 ГА ООН [7].

В последующем словосочетания «Дорожная карта» и «Арабская мирная инициатива» исчезли из лексикона представителей США. «Дорожная карта» не упоминалась даже в заявлении «квартета» по случаю возобновления прямых переговоров [8].

Таким образом, первая администрация Б. Обамы предпочла возобновить переговоры «с чистого листа», воздержавшись от поддержки порой противоречивых договоренностей и обещаний предшественника, которые были важны для каждой из сторон конфликта.

Не было подтверждено письмо Дж. Буша-мл. от 14 апреля 2004г. с принципиальными для израильтян позициями по поселениям и беженцам. В то же время Белый дом не стал оказывать давление на главу нового правоцентристского израильского правительства Б. Нетаньяху в связи с его отказом признать достигнутые в рамках процесса Аннаполиса договоренности в качестве исходного пункта для возобновления переговоров.

Стремление Б. Обамы использовать миротворчество в палестино-израильском конфликте для укрепления позиций США в исламском мире слабо учитывало реальную готовность сторон конфликта к переговорам.

Как у палестинцев, так и у израильтян, но по различным причинам, осталось достаточно гнетущее впечатление от переговоров по ключевым вопросам конфликта в Кэмп-Дэвиде в 2000 г. и в рамках процесса Аннаполиса в 2006–2008 гг. Считается, что именно тогда стороны конфликта ближе всего приблизились к неким контурам взаимопонимания.

В Израиле неготовность согласиться на немыслимые по местным меркам уступки, предложенные премьер-министрами Э. Бараком и Э. Ольмертом, воспринималась как свидетельство недоговороспособности палестинцев.

Был скомпрометирован сам принцип «земля в обмен на мир»: ушли из Ливана – получили обстрелы, ушли из Сектора Газа – получили обстрелы. При этом как подсознательно, так и благодаря умелой пропаганде последствия односторонних действий ассоциировались и с последствиями ухода с оккупированных территорий, который мог бы быть результатом соглашения.

С другой стороны, М. Аббас уже не мог, как некогда Я. Арафат в Кэмп-Дэвиде, представлять на переговорах все палестинские территории. С 2007 г. де-факто как два самостоятельных образования существовали подконтрольные Палестинской национальной администрации территории на Западном берегу р. Иордан и управляемый Исламским движением сопротивления (ХАМАС) Сектор Газа. М. Аббасу приходилось все в большей степени рассматривать переговорные опции в контексте внутриполитического противостояния с ХАМАС. После Аннаполиса и особенно Кэмп-Дэвида (провал переговоров привел ко второй интифаде) руководство ПНА было вынуждено все более щепетильно подходить к каждой новой попытке переговорного процесса, опасаясь последствий его провала.

Ответом на каирскую речь Б. Обамы стало выступление Б. Нетаньяху 14 июня 2009 г. в Бар-Иланском университете, где он впервые заговорил о палестинском государстве. Однако урегулирование с палестинцами после противостояния иранской угрозе и глобальному экономическому кризису заняло лишь третью позицию в его шкале приоритетов.

Заявленная в Бар-Илане готовность начать переговоры «незамедлительно без предварительных условий» основывалась на необходимости принятия палестинцами следующих принципов будущего мирного соглашения: признание еврейского характера Государства Израиль, что означает отказ от возвращения на его территорию палестинских беженцев; демилитаризованный характер будущего палестинского государства; признание права израильтян на обеспечивающие защиту их государства границы (означает, что линия перемирия по состоянию до войны 1967 г. не воспринимается как базовая для определения границ); признание объединенного Иерусалима как столицы Израиля [9].

В озвученных в Бар-Илане принципах нашли свое отражение те подходы израильтян к палестино-израильскому урегулированию, которые были одобрены администрацией Дж. Буша-мл. как ключевым коспонсором мирного процесса.

В частности, положение об исключающем прием палестинских беженцев еврейском характере Государства Израиль содержалось в оговорках, которыми правительство А. Шарона обусловила принятие плана «Дорожная карта» [10]. И американцы согласились учесть такие озабоченности [11]. С определенной дипломатической модальностью это же положение о еврейском характере Израиля применительно к проблеме палестинских беженцев содержалось и в письме Дж.Буша-мл. на имя А. Шарона от 14 апреля 2004 г. [12]. Кстати, закрепленные именно в этом письме формулировки о новой реальности на земле расценивались правыми как основание для того, чтобы по итогам окончательного урегулирования под юрисдикцией Израиля осталось бы намного больше территории Западного берега р. Иордан, чем при ориентации на довоенную линию перемирия.

Отношение к наработкам, сделанным в ходе встреч М. Аббаса в 2006–2008 гг. с возглавлявшим в тот период правительство Израиля Э. Ольмертом, стало основным камнем преткновения в позициях сторон конфликта по возобновлению переговоров.

Палестинцы настаивали на возобновлении переговоров с того момента, когда они были прерваны в 2008 г. Выполнение данного требования означало не только возможности для возвращения на территорию Израиля определенного количества палестинских беженцев, пусть и очень ограниченного, но и обсуждение границ будущего палестинского на основе линии перемирия до войны 1967 г. с взаимно согласованными обменами участков территории. А требование Б. Нетаньяху о переговорах «без предварительных условий», соответственно, означало отказ учесть договоренности его предшественника с палестинским лидером.

По сути, каждая из сторон конфликта – и палестинцы, и израильтяне (в случае Б. Нетаньяху это называлось принципами) – выдвигали условия, которые предопределяли устраивающие их инициатора контуры будущего возможного соглашения. И основывались эти условия на наиболее выгодных для каждой стороны договоренностях эпохи актуальности «Дорожной карты», т. е. 2003–2008 гг. [13].

Палестинцы долго не соглашались на возобновление переговоров, настаивая на полном моратории на строительство в поселениях, как это изначально и предусматривалось американцами. Они требовали более значительных гарантий успешных переговоров, опасаясь последствий очередной неудачи [14, с. 43–44].

В итоге палестинской стороной были сформулированы условия для возобновления не только прямых, но и непрямых переговоров (proximity talks) [3, с. 255]. Все они основывались на отмеченных выше подходах к наследию переговорного процесса 2006–2008 гг. При этом возобновить прямые переговоры палестинцы соглашались и в случае продления моратория на строительство в поселениях [14, с. 43–44].

Международные посредники не только не сблизили подходы палестинцев и израильтян по вопросу о возобновлении прямых переговоров, но, более того, запутали ситуацию. Каждая из сторон конфликта согласилась принять участие в прямых переговорах в сентябре 2010 г. на основе соответствующего ее видению документа: палестинцы – на основе согласованного с ними заявления «квартета», израильтяне – на основе заявления госсекретаря США Х. Клинтон, в котором говорилось о переговорах без предварительных условий. [15].

Причем основным стимулом для участия палестинцев в переговорах стало полученное М. Аббасом гарантийное *конфиденциальное* письмо Б. Обамы с заверениями, что США как посредник будут рассматривать линию разграничения до войны 1967 г. как основу для переговоров по территориальному вопросу. Устно гарантировалось продление моратория на

новое строительство в поселениях еще на 60–90 дней [14, с. 45]. И здесь сказалась самоуверенность американцев, которые даже пытались «купить» у израильтян это продление [6, с. 327–329].

На региональном уровне усилия 2009–2010 гг. по возобновлению прямых переговоров, на первый взгляд, предопределили достаточно активную роль таких традиционных партнеров Белого дома, как Египет и Иордания. Их лидеры присутствовали в Вашингтоне на церемонии начала переговоров. По призыву США они убеждали М. Аббаса вступить в прямые переговоры и одновременно по просьбе самого главы ПНА пытались подтолкнуть остальных участников «квартета» к подготовке удобного палестинцам соответствующего заявления.

Однако в контексте интерпретации АМИ в упомянутых ранее планах Дж. Митчелла арабские государства региона выступали не столько как субъект мирного процесса, сколько как объект воздействия американцев. Американо-израильская дипломатическая дуэль по вопросу о замораживании строительства в поселениях не предусматривала региональных участников. М. Аббасу не удалось сослаться на очередное решение ЛАГ как на препятствие для вступления в прямые переговоры: не без воздействия со стороны США министры иностранных дел фактически предоставили палестинскому лидеру право самому принимать решение [16].

Вместе с тем развитие ситуации в арабо-израильском конфликте в 2006–2009 гг. привело к возникновению в регионе устойчивого тренда на популярность и усиление влияния радикальных сил и подходов по вопросам ближневосточного урегулирования. Серьезно возрос вес неарабских региональных игроков, которые либо в силу идеологических причин, либо в качестве инструментария укрепления своего лидерства успешно использовали этот тренд [17].

Срыв прямых переговоров показал, что активизация действий на международной арене и, в частности, в международных организациях уже была продумана палестинской стороной в качестве альтернативного плана действий.

В октябре 2010 г. Государство Палестина было принято в состав ЮНЕСКО. С декабря 2010 г. началась полоса его признания странами Латинской Америки.

Коспонсоры мирного процесса рассчитывали завершить начавшиеся 2 сентября 2010 г. прямые переговоры через год. Тогда же должна была быть реализована инициированная главой палестинского правительства С. Файядом программа «строительства палестинского государства снизу». Для поощрения этих параллельных процессов на различных уровнях звучал целый ряд заявлений о сентябре 2011 г. как о сроке реальной готовности палестинцев к своей государственности и даже возможного принятия такого государства в состав ООН *по итогам успешного переговорного процесса*.

Провал попыток проведения в 2009–2010 гг. полноценных прямых палестино-израильских переговоров стал результатом всестороннего кризиса мирного процесса, который проявлялся:

• на национальных уровнях – в принципиальном несовпадении подходов сторон конфликта к его возможному решению, что привело к выдвижению каждой из них условий начала и проведения переговоров, которые предопределяли устраивающие инициатора контуры возможного соглашения;

• на глобальном уровне – в подтверждении ограниченности возможностей США как ключевого коспонсора мирного процесса влиять на стороны конфликта и неспособности «квартета» международных посредников выработать единые исходные условия начала переговоров;

• на региональном уровне – в неиспользованных возможностях АМИ, которая привлекала внимание в Вашингтоне и в Тель-Авиве преимущественно в контексте появления гипотетического антииранского альянса умеренных арабских государств и Израиля; усилении влияния радикальных сил и подходов.

Логика действий палестинской стороны и в 2009–2010 гг., и при инициировании вопроса о принятии Государства Палестина в состав ООН и специализированных международных организаций имеет одну и ту же природу.

При отсутствии перспектив договориться и принципиальном отказе использовать немирные средства для достижения цели единственным возможным маневром палестинского руководства как более слабой стороны конфликта является задействование авторитетной третьей силы для давления на Израиль. Твердое намерение Б. Обамы добиться прекращения строительства в поселениях обусловило попытку использовать в качестве такой силы США. Принятие в состав ООН и признание этой организацией Государства Палестина в границах 1967 г. могло бы стать следующим и практически единственным оставшимся инструментом такого давления.

Список использованных источников

1. *Карасова, Т. А.* Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014) / Т. А. Карасова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 464 с.

2. *Эпштейн, А. Д.* Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Том 2. Эпоха дипломатии: сорок лет «борьбы за мир», 1974–2014 / А. Д. Эпштейн – М.: Институт Ближнего Востока; Гешарим – Мосты культуры, 2014. – 328 с.

3. The Peace Puzzle: America's Quest for Arab-Israeli Peace, 1989–2011 / D. Kurtzer [et al.] – New York: Cornell University Press, 2013. – 336 p.

4. Remarks by the President on a new beginning. June 4, 2009. [Electronic resource] // The White House. Office of the Press Secretary. Mode of access: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09. Date of access: 29.12.2018.

5. Дорожная карта» продвижения к постоянному урегулированию палестино-израильского конфликта в соответствии с принципом сосуществования двух государств на основе оценки выполнения сторонами своих обязательств [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций / Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/road_map.shtml. – Дата доступа: 01.12.2018.

6. *Clinton, H. R.* Hard choices / H. R. Clinton. – New York: Simon&Schuster, 2014. – 635 p.

7. Beirut Declaration on Saudi Peace Initiative. March 28, 2002 [Electronic resource] // Israeli Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: http://www.mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Peace/Guide/Pages/Beirut%20Declaration%20on%20Saudi%20Peace%20Initiative%20-%2028-.aspx. – Date of access: 30.10. 2018.

8. Quartet statement/Launch of direct negotiations between Israelis and Palestinians (20 August 2010) – Press release // UNISPAL documents collection. – Mode of access:https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/1ce874ab1832a53e852570bb006dfaf6/bbb35fba3cd4d0ed85257785005ba8b0?OpenDocument. – Date of access: 29.10. 2018.

9. Address by PM Netanyahu at Bar-Ilan University (June 14, 2009). [Electronic resource] // Israeli Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: http://www.mfa.gov.il/MFA/Government/Speeches+by+Israeli+leaders/2009/Address_PM_Netanyahu_Bar-Ilan_University_14-Jun-2009.htm?DisplayMode=print. – Date of access: 29.10. 2018.

10. Israel s Response to the Poadmap (May 25, 2003) [Electronic resource] // Israeli Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: http://mfa.gov.il/ForeignPolicy/Peace/MFADocuments/Pages/Israel%20Response%20to%20the%20Roadmap%2025-May-2003.aspx. – Date of access: 25.11.2018.

11. Statement by Secretary of State Colin L. Powell and National Security Advisor Condoleezza (May 23, 2003) [Electronic resource] // The White House. – Mode of access: http://georgewbushwhitehouse.archives.gov/news/releases/2003/05/20030523.html. – Date of access: 29.10.2018.

12 . Exchange of letters between PM Sharon and US President Bush (April 14, 2004) [Electronic resource] // Israeli Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: http://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Peace/MFADocuments/Pages/Exchange%20of%20letters%20Sharon-Bush%2014-Apr-2004.aspx. – Date of access: 29.10.2017.

13. *Лещеня, И. А.* Деятельность «ближневосточного квартета» по урегулированию палестино-израильского конфликта в рамках проекта «Дорожная карта» (2003–2008) / И. А. Лещеня // Вестн. МГИМО-Ун-та. – 2016. – № 2. – С. 168–181.

14. *Serry, R.* The endless quest for Israeli – Palestinian peace: a reflection from no man's land / R. Serry. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 221 p.

15. US Secretary Clinton invites Israel and Palestinians to direct negotiations. August 20, 2010. [Electronic resource] // Israeli Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Peace/MFADocuments/Pages/Secy_Clinton_invites_Israel_Palestinians_direct_negotiations_20-Aug-2010.aspx. – Date of access: 30.10.2018.

16. Arab leaders give OK for direct Palestinian talks with Israel. July 30, 2010 [Electronic resource] // CNN. – Mode of access: http://edition.cnn.com/2010/WORLD/meast/07/29/israel.palestinians.talks/index.html. – Date of access: 30.10.2018.

17. *Лещеня, И. А.* Воздействие регионального фактора на палестино-израильское урегулирование (2002–2010 гг.) / И. А. Лещеня // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. ст. – Минск, 2018. – Вып. 6. – С. 89–111.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

Н. В. Ляхович-Петракова
Белорусский государственный университет, Минск

N. Liachovitch-Petrakova
Belorussian State University, Minsk

УДК 316.468

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОТ ПОИСКА ПАТОЛОГИЙ К АНАЛИЗУ ЛИЧНЫХ ИСТОРИЙ И ПОНИМАНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ

BIOGRAPHICAL STUDIES IN POLITICAL SCIENCE: FROM THE SEARCH FOR PATHOLOGIES TO THE SELF STORIES ANALISIS AND UNDERSTANDING OF IDENTITY

Статья посвящена рассмотрению развития методологии биографических исследований в западной политической науке. На основании рассмотрения работ авторов различных периодов раскрывается их вклад в становление биографических исследований, показаны перспективы использования методов биографических исследований.

Ключевые слова: биографические исследования; политическое лидерство; психоанализ; персонология; нарративный подход; методология; биография.

The article is devoted to the consideration of the development of the methodology of biographical research in Western political science. Based on the review of works by authors of different periods, their contribution to the development of biographical research is disclosed. Prospects for the use of biographical research methods.

Keywords: biographical research; political leadership; psychoanalysis; personology; narrative approach; methodology; biography.

Одной из важных задач политической психологии является исследование личности политика, выявление мотивов поведения, факторов, предопределяющих выбираемые стратегии и характер действий. Эти знания позволяют лучше понимать и прогнозировать специфику развития политических процессов. На постсоветском пространстве феномен политического лидерства изучается либо в рамках публицистических исследований, без опоры на методы психологии, либо в достаточно общем плане, не затрагивая исследований отдельных личностей. Объектом исследования в статье являются биографические исследования в современной политической психологии, предметом – возникновение и развитие биографических исследований, динамика методологии исследования. Цель работы – на основании рассмотрения развития биографических исследований в западной психологии и политической психологии в частности выявить возможные перспективы использования биографических исследований в отечественной политической науке.

Интерес к биографии личности как предмету исследований восходит к работам Плутарха, Вазари, Транквилла.

В развитии психологических биографических исследований принято выделять три этапа, для каждого из которых характерна своя методология и задачи. Соответственно, можно обозначить различия в методологии исследования биографий политиков, созданных на каждом из обозначенных этапов.

1. *Первый этап – психоаналитический* (20–40-е гг. XX в.).

Первым психологическим биографическим исследованием можно считать биографию Леонардо да Винчи [1], написанную З. Фрейдом. Фрейд изучал бессознательное, специфику детского опыта художника, его сформировавшую, как фактор, повлиявший на творчество. Впоследствии этот метод активно применялся для исследования людей искусства. Возможность анализа продуктов деятельности и выявления их связи с биографическими событиями способствовали развитию методологии биографических исследований.

Биографические исследования сильно повлияли на развитие литературной критики и других сфер. Одной из них была политическая наука. В соавторстве с У. Буллитом З. Фрейд написал книгу «Вудро Вильсон» [2]. Книга не раз подвергалась критике и редко упоминается при рассмотрении политико-биографических исследований.

Применительно к политике первым политико-психологическим исследованием, где использовался биографический метод, считают работу Г. Лассуэла «Психопатология и политика» [3]. В этой работе Лассуэл приводит биографические исследования нескольких политиков, имена которых обозначены буквами.

В начале XX в. в центре внимания политологов были политические интересы. Лассуэл впервые обращает внимание на мотивы политического поведения, которые в соответствии с принципами психоанализа обусловливаются особенностями личности.

В основе работы лежит направление так называемой «психопатографии» – метода, взявшего начало из медицины, акцентировавшего внимание на патологических с точки зрения психиатрии особенностях личности. «Книга охватывает “больных” и “здоровых” людей», «интересных» с политической точки зрения, «которые при жизни изучались специалистами, находившимися с ними в тесном контакте» [3, с. 6]. Источником материала были клинические записи историй болезней.

Для Лассуэла патологическое (и как результат – психологическое) «вторично по сравнению с проблемой выявления развивающегося контура различных типов общественных характеров» [3, с. 33]. Он показал, как «связанные с развитием опыты являются важными для политических черт и интересов взрослых» [3, с. 34]. На этом основании Лассуэл выделил различные типы политиков. Именно выделение различных типов политиков стало впоследствии причиной популярности работы.

Методологическим стандартом метода психобиографии в рамках психоаналитического подхода стала книга А. и Дж. Джордж «Вудро Вильсон

и полковник Хаус» [4]. Авторы, исследуя биографию В. Вильсона, отмечают, что загадка Вильсона в его противоречивости. Талантливый и амбициозный в одних ситуациях, он проявлял себя ригидным и настойчивым в других, демонстрировал стремление зацикливаться на противнике, ставил себя в невыгодное положение, впадая в гнев, и проявлял, казалось бы, неспособность идти на компромисс. Но именно он успешно реализовал амбициозные программы реформ в разных сферах, был гибким, демонстрируя себя как перспективного и красноречивого кандидата. Проанализировав биографию, авторы делают вывод, что «динамика политического поведения Вильсона основывается на том, что это компенсация, средство восстановления само-оценки, поврежденной в детстве [его требовательным и перфекционистским отцом]» [4, p. 96]. Лидерство было для политика сферой власти, в которой он мыслил в категориях компенсаторного удовлетворения и терял гибкость.

Таким образом, для этого периода важным является сам факт обращения к психологии (психоанализу) для исследования личности политика. Методологически ценным для политической психологии является детальное изучение и использование методики глубинного интервью как метода изучения личности. На несколько десятилетий объяснение специфики поведения политических лидеров глубинными мотивами, иногда связанными с психологической патологией, становятся отличительной чертой политических биографий. Особенности действий в политике рассматриваются как предопределенные детским опытом, как модели поведения, направленные на разрешение внутренних конфликтов, основа которых заложена еще в семье.

2. *Второй этап – влияние персонологии* (1940–1950 гг.).

После Второй мировой войны количество биографических исследований существенно снижается. На первое место выходит так называемый номотетический подход, занимавшийся поиском общих закономерностей социальных процессов. Однако в это же время как альтернатива номотетическому подходу формируется так называемая персонологическая традиция.

Персонология получила распространение в США благодаря работам Г. Оллпорта и Г. Мюррея и предполагала всестороннее изучение личности, которая рассматривалась как имеющая социальную и биологическую природу, проявляющая себя в определенном социокультурном контексте [5, с. 625].

В рамках персонологии увеличивается внимание к методике сбора фактов, систематизации источников, которые служат основой для биографических исследований. В работе «Использование личных документов в психологической науке» Г. Оллпорт выделяет следующие источники, которые могут быть использованы при изучении жизни: автобиографии, дневники, письма, нестандартные, открытые опросники, устные интервью, литературные произведения. Оллпорт называет их «документы от первого лица». Он отмечает, что можно использовать отчеты, полученные от третьего лица,

тематические исследования, биографии. В документах от первого лица важны не только факты, но и мотивы автора, побуждающие к созданию текста (защита, литературные потребности, катарсис и др.) [6, p. 356].

Внимание к фактам обусловило смещение фокуса исследования биографий на междисциплинарные исследования, в частности, историю: культурный опыт, опыт раннего детства влияет на формирование личности, но, в свою очередь, как аффекты влияют на политически значимые мысли чувства и действия масс и их лидеров.

К знаковым работам этого периода относят работу «Мышление Адольфа Гитлера: секретный отчет военного времени» [7]. Она была опубликована в 1972 г. и основана на отчете психоаналитика В. Лангера, официальное название – «Психологический анализ Адольфа Гитлера. Его жизнь и легенда»». Включает три части: 1) Гитлер – каким он считает себя сам; 2) Гитлер – каким его знает немецкий народ; 3) Гитлер – каким его знают соратники. Раскрывая несоответствие в особенностях восприятия Гитлера разными группами, автор делает вывод, что имеется несоответствие между тем, каким Гитлера воспринимает его окружение, как его видит немецкий народ и каким он воспринимает себя сам. Однако, несмотря на противоречия, «коллеги забывают о противоречивых чертах его характера» [7, с. 55]. Большинство из них верны ему, прощая его недостатки и игнорируя черты характера. «Гитлер по-прежнему фюрер в те моменты, когда он фактически играет эту роль» [7, с. 55].

Значительный вклад в исследование личности в целом и в биографические исследования политиков в частности внес Э. Эриксон. Он применил свою схему жизненного цикла к изучению известных исторических личностей. Его работа «Истина Ганди», где раскрываются истоки идеи Ганди о непротивлении злу насилием, получила Пулитцеровскую премию и Национальную книжную премию в области философии и религии [8].

В книге «Детство и общество» [9] Эриксон рассматривает опыт Гитлера как производный от исторического опыта немецкого народа. «В истории часто случается, когда экстремальный и даже атипичный личный опыт настолько хорошо соответствует универсальному конфликту, что кризис поднимает его до положения типичного представителя» [9, с. 356]. Эриксон отмечает, что в основе интереса немецких мужчин к Гитлеру лежит универсальный образ (паттерн) детства, который был воспроизведен в его биографии [9, с. 378]. «Гитлер – это тот юноша, что отказался стать отцом в любом дополнительном значении этого слова … кайзером или президентом» [9, с. 405]. «Гитлер был фюрером: возвеличенным старшим братом, взявшим на себя прерогативы отцов, но не допускавшим сверхидентификации с ними…». Эриксон характеризует политика как «безжалостного эксплуататора родительских неудач» [9, с. 234]. Выявляя связи между психологическими особенностями Гитлера и психологической спецификой немцев того периода, Эриксон показывает, как, выступая в своем личном опыте

представителем психологических проблем и паттернов, распространенных среди немцев, Гитлер сумел завоевать власть.

Эриксон также отмечает значимость фактической составляющей: «психоаналитический метод по сути исторический метод» [9]. Анализ жизненных историй позволяет уловить взаимодействие индивидуальной личности и исторической среды.

Как и Оллпорт, Эриксон указывает на значимость позиции исследователя при создании биографии. Биография может вызвать неосознанные контрпереносные реакции у читателя. Даже самый опытный историк не может защитить себя от этих эмоциональных воздействий. Поэтому важно, интерпретируя жизнь, искать исторические аналогии, сравнивая личностей в контексте их исторического и социального окружения. Так, в работе «Молодой Лютер» с этой целью он проводил параллель между Лютером и Фрейдом [10].

Важной чертой этого периода является попытка сочетать психологический анализ и анализ социального окружения. Примером такого подхода является «идиодинамика» С. Розенцвейга [6]. Идиодинамика «фокусируется на динамике истории жизни, изучая смешивание биогенной и культурной среды в матрице идиоверс (индивидуальный мир событий) с особым акцентом на творческий процесс» [6].

Примером исторического психологического исследования, психоистории могут служить работы Б. Мазлиша, который в 1962 г. опубликовал собрание эссе – психоисторических портретов, а в книге «В поисках Никсона. Психологическое исследование» [11] показал связь личностных характеристик Р. Никсона с условиями и процессом их формирования, что в условиях «холодной войны», корейской войны, которые питались страхом, когда процветал антикоммунизм, Никсон был «типичным» американцем» [11, p. 167]. Позже в соавторстве с Э. Дайамондом Мазлиш написал книгу о Дж. Картере «Джимми Картер. Портрет характера» [12].

Таким образом, характерной чертой этого этапа является, с одной стороны, внимание к историческим деталям, социальному контексту биографий, которые отражаются на психологии исследуемых, с другой – авторы все больше обращают внимание на исследователя как самостоятельную фигуру, психологические реакции которого дают ключ к пониманию мотивов политика.

3. *Третий этап – нарративный подход* (1980–1990-е гг.).

Середина XX в. знаменовалась уменьшением интереса к политическим биографиями. На эту тему начинают обращать внимание в 1980–1990-е гг. – период так называемого нарративного поворота, который сделал истории жизни снова востребованными. С одной стороны, в этот период авторы вынуждены были прояснить свои интеллектуальные отношения с классическим психоанализом, с другой – приходилось создавать новые теории и методы, которые можно было использовать для понимания личности политика.

В плане поиска новых направлений достаточно показательной является работа Андерсона, в которой рассматривается, как психобиография может быть использована с учетом достижений психологии этого периода, а также работы Д. Винникота, О. Кернберга, Х. Кохута, в которых личность рассматривается через семью и структуры объектных отношений, сформировавшиеся в ранний период [13].

В противовес предыдущим периодам важной становится не оценка внешних проявлений, а то, через какие истории (нарративы) личность раскрывает себя, интернализирует и развивает историю своей самости. Андерсон отмечает: «Через то, что авторы рассматривают как нарратив идентичности, конституируются слои самой личности» [14, p. 34]. Если Лассуэлл интересовался вопросом патологии, то исследователи в рамках нарративного похода ищут личные истории, смыслы, которые вкладывают сами политики, через которые можно лучше понять мотивы их поведения. Так, М. Адамс пишет: «Если вы хотите знать меня, то вы должны знать мою историю, потому что моя история определяет, кто я. И если я хочу узнать себя, понять смысл своей собственной жизни, то я тоже должен узнать свою собственную историю» [15].

М. Адамс разработал структурную модель идентичности/истории жизни, на основе которой может проводиться психобиографический анализ. В этой модели жизненные истории, которые формируют идентичность, определяются четырьмя компонентами первого порядка (центральными эпизодами, имаго, идеологическими условиями, сценариями генеративности) и двумя – второго порядка (тематические линии, сложность повествования) [16].

На примере Дж. Буша младшего М. Адамс показывает, как военное вторжение в Ирак коррелирует с личной историей политика. Ключевые события жизни Дж. Буша: смерть сестры в возрасте 7 лет, алкоголизм в среднем возрасте, обращение в евангелистскую религию. М. Адамс делает вывод, что «операция «Буря в пустыне» – это «своеобразное отражение внутренней психологической бури – слияния мировых событий и глубоких личностных черт и семейных целей. Искупительная история его собственной жизни, внутренний рассказ, который он спроецировал на мир в дни после 11 сентября» [17].

Много внимания исследованию истории метода психобиографии и осмыслению методологии нарративного подхода к психобиографии уделял Элмс, рассматривавший психобиографию как разновидность метода исследования кейсов [18], и Раниан, рефлексировавший над историей психобиографии [19].

Исследователи этого периода все больше исследуют особенности политиков на основании того, как они себя проявляют, их речей и выступлений. В работах Р. Донли и Д. Винтера, изучавших мотивы поведения американских президентов, проводится исследование их первого инаугурационного обращения к нации [20].

Таким образом, метод психобиографии возник как метод оценки качеств и поиска мотивов политиков с помощью методологии психоанализа. Психоаналитическая методология позволяет увидеть глубинные основания мотивов политической деятельности, связать особенности политической деятельности со спецификой развития личности, показывает, как детский опыт отражается на политическом поведении, делает мотивы политика более понятными и предсказуемыми. Исследования второго этапа обогатили методологию биографических исследований базированностью в фактическом материале, сделали исследователя значимой фигурой, на основании психических реакций которого можно понять мотивы политика. История и социум, с одной стороны, отражаются в политических действиях лидера, с другой стороны, предопределяют их. Методы третьего этапа позволяют увидеть политического лидера как субъекта, который, проживая историю своей жизни, оказывает влияние на политические события страны или да-же мира в целом.

Нельзя сказать, что какой-то из рассмотренных подходов позволяет получить исчерпывающее представление о политическом лидере. Но динамика биографических исследований отражает основные важные аспекты, которые на современном этапе позволяют понять сущность деятельности политика. Таких аспектов три: 1) внутренние проблемы и конфликты, обусловленные спецификой личностного развития, – раскрыть их позволяют методы психоанализа; 2) взаимодействие лидера с другими, обществом, окружением, его восприятие исследователем – на этом акцентирует внимание персонологическая традиция; 3) лидер как его личная история, отраженная в истории страны и социальной группы, которую он представляет, – ответы на это дает нарративный подход.

Список использованных источников

1. *Фрейд, З.* Леонардо да Винчи: воспоминание детства / З. Фрейд. – М.: Рудомино, 1991. – 64 с.

2. *Фрейд, З.* Вудро Вильсон. 28-й Президент США / З. Фрейд, У. Буллит. – М.: Прогресс, 1999. – 288 с.

3. *Лассуэлл, Г.* Психопатология и политика / Г. Лассуэлл. – М.: Издательство РАГС, 2005. – 352 с.

4. *George, A.* Woodrow Wilson and Colonel House / A. George, J. George. – NY: Dover Publications, 1964. – 160 p.

5. *Фрейджер, Р.* Теории личности и личностный рост / Р. Фрейджер, Дж. Фейдимен. – М.: ОЛМА ПРЕСС, 2004. – 657 с.

6. *Kővári, Z.* Psychobiography as a method. The revival of studying lives: New perspectives in personality and creativity research / Z. Kővári // Europe's Journal of Psychology. – № 7(4). – P. 739–777.

7. *Лангер, В.* Мышление Адольфа Гитлера: секретный отчет военного времени / В. Лангер. – М.: Библиотека офицера разведки, 2006. – 69 с.

8. *Erikson, E.* Gandhi's truth / E. Erikson. – New York: Norton, 1969. – 474 p.

9. *Эриксон, Э.* Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб.: Ленато: АСТ, 1996. – 592 с.

10. *Эриксон, Э.* Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование / Э. Эриксон. – М.: МЕДИУМ; Моск. филос. фонд, 1996. – 508 с.

11. *Mazlish, B.* In Search of Nixon: A Psychohistorical Inquiry / B. Mazlish. – London: New York; Routledge, 2016. – 212 p.

12. *Mazlish, B.* Jimmy Carter. A Character Portrait: An Interpretive Biography / B. Mazlish, E. Diamond. – New York: Simon Schuster. – 1980.

13. *Anderson, J. W.* Recent psychoanalytic theorists and their relevance to psychobiography: Winnicott, Kernberg, and Kohut / J. W. Anderson // The Annual of Psychoanalys. – 2003. – Vol. 31. – P. 79–94.

14. *McAdams, D. P.* Exploring psychological themes through life narrative accounts Introduction / D. P. McAdams // Varieties of narrative analysis. – London: Sage, 2012. – P. 15–32.

15. *McAdams, D.* Biography, Narrative, and Lives: An Introduction / D. McAdams // Journal of personality. – 1988. – Vol. 56. – P. 1–18.

16. *McAdams, D.* Power, Intimacy, and the Life Story: Personological Inquiries Into Identity / D. McAdams. – New York; London: Guilford Press, 1988. – 336 p.

17. *McAdams, D. P.* Inner lives. George W. Bush and the redemptive dream: A psychological portrait / D. P. McAdams. – NewYork: Oxford University Press, 2011. – 288 p.

18. *Elms, A. C.* Psychobiography and case study methods / A. Elms // Handbook of research methods in personality psychology. – New York, NY, US: Guilford Press, 2007. – P. 97–113.

19. *Runyan, W. M.* Psychobiography and the Psychology of Science / W. M Runyan // Review of General Psychology. – 2006. – Vol. 10. – P. 147–162.

20. *Winter, D. G.* Measuring the motives of southern Africa political leaders at a distance / D. G. Winter // Political Psychology. – 1980. – Vol. 2. – P. 75–85.

(Дата подачи: 27.02.2019 г.)

Ю. И. Малевич, Э. Э. Румянцев
Белорусский государственный университет, Минск

Y. Malevich, E. Ruhmiantcev
Belarus State University, Minsk

УДК 327(8)

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР КАК НОВАЯ ФОРМА ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

CHINESE-PAKISTAN ECONOMIC CORRIDOR AS A NEW FORM OF BILATERAL COOPERATION

Статья посвящена обоснованию осуществления проекта КПЭК в качестве успешного применения новой внешнеполитической стратегии КНР «Экономический пояс Шелкового пути». Рассмотрены положительные и отрицательные элементы взаимного сотрудничества и определены перспективы в региональном и глобальном измерениях.

Ключевые слова: КНР; Пакистан; ЭПШП; КПЭК; внешнеполитические стратегии; развитие Китая.

The article is devoted to the rationale for the implementation of the KPEC project as a successful application of the PRC's foreign policy strategy, the Silk Road Economic Belt. The

positive and negative elements of mutual cooperation are considered and the perspectives in the regional and global dimensions are determined.

Keywords: PRC; Pakistan; SREB; KPEC; foreign policy strategies; development of China.

Объявив в 2013 году в Астане о начале осуществления новой внешнеэкономической и внешнеполитической инициативы «Один пояс – один путь», Председатель КНР Си Цзиньпин определил данную стратегию как Азиатско-Тихоокеанский экономический круг с Востоком и Азиатский экономический круг с Западом, считая ее «самым длинным и наиболее перспективным экономическим коридором в мире».

Существование определенных противоречий между странами не помешало Китаю и Пакистану еще более сблизиться. Меняющаяся региональная геополитика и последующая перегруппировка сил являются движущими факторами укрепления отношений. Охлаждение отношений с Соединенными Штатами и растущая напряженность в соперничестве с Индией дали новый импульс китайско-пакистанским отношениям. Китай определил растущую поддержку Пакистану как лучший ответ на стратегическое сближение США и Индии. В значительной степени предложенный проект КПЭК является продуктом этих существенных геополитических тенденций.

Во время своего визита в Пакистан в мае 2013 года премьер Госсовета Ли Кэцян заявил о необходимости усиления стратегического и долгосрочного планирования, необходимости разработать перспективный план Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) и неуклонно содействовать его строительству. В совместном заявлении Китая и Пакистана экономический коридор стал ключевым пунктом. Обе стороны договорились совместно изучить и сформулировать долгосрочный план развития КПЭК на основе полного обоснования, стимулировать транспортно-коммуникационную взаимосвязь между Китаем и Пакистаном и содействовать более активному развитию и торговому сотрудничеству. На этом этапе обе стороны официально предложили двустороннюю стратегию Китайско-пакистанского экономического коридора.

Новый экономический пояс Шелкового пути, который соединяет Азиатско-Тихоокеанский экономический круг с Востоком и Азиатский экономический круг с Западом, считается «самым длинным и наиболее перспективным экономическим коридором в мире».

«Это будет мой первый визит в Пакистан, но мне кажется, что я собираюсь посетить дом своего брата», – сказал Си Цзиньпин 19 апреля 2015 года накануне своего первого государственного визита в Исламабад [2]. На следующий день обе страны официально заключили историческое соглашение о начале работы над рекордным проектом стоимостью 46 млрд долл. США, который был назван Китайско-пакистанским экономическим коридором. В рамках этой мега-инициативы Китай начал инвестировать в различные проекты в области транспортной инфраструктуры и развития энергетики, которые считаются критическими для стимулирования транспортного про-

никновения и экономического роста Пакистана. В конечном итоге проект предоставит Китаю наземный маршрут, соединяющий западную провинцию Синьцзян с Индийским океаном через пакистанский порт Гвадар, имеющей доступ в Персидский залив.

Как отметили в 2016 году американские эксперты Даниэль Марке и Джеймс Уэст, эта многомиллиардная инвестиционная программа подчеркивает «усиление и расширение двустороннего сотрудничества в период роста китайской геополитической амбиции и постоянных опасений Китая по поводу безопасности и развития Пакистана» [3, с. 1]. Действительно, КПЭК не следует рассматривать изолированно, поскольку это важная часть новейшей китайской внешнеполитической стратегии «Один пояс – один путь», теперь переименованной в инициативу «Пояса и пути». Данная концепция, инициированная президентом Си Цзиньпином в 2013 году, предлагает стимулирование экономической интеграции и соединение трех континентов Азии, Африки и Европы путем строительства новой наземной и морской транспортной инфраструктуры, развития трубопроводов и информационных сетей. Это видение предусматривает сухопутный «экономический пояс Шелкового пути» по всему Евразийскому континенту и «морской шелковый путь» по Юго-Восточной Азии и Индийскому океану. Учитывая его геостратегическое положение, Пакистан идеально вписывается между двумя маршрутами, что является причиной того, что китайское руководство определяет КПЭК в качестве «флагманского проекта» во всей схеме «Пояса и пути» [3, с. 3].

Премьер-министр Наваз Шарифа охарактеризовал КПЭК как ключевой фактор для экономического развития и безопасности страны, как новое измерение во «всепогодной» дружбе между Пакистаном и Китаем [4, с. 1]. Благодаря чисто стратегическому сотрудничеству и сотрудничеству в области безопасности, длящемуся более пяти десятилетий, нынешний уровень диверсифицировался в динамичное экономическое и коммерческое партнерство.

Геополитически Пакистан является связующим звеном между КНР и Центральной, Западной и Южной Азией. В рамках КПЭК (с севера от Кашгара в Синьцзяне до Индийского океана в порту Гвадар) планируется построить автомобильную, железную дорогу, нефте- и газопровод, волоконно-оптическую магистраль. Таким образом, КПЭК логически станет системообразующей частью новой внешнеполитической концепции ЭПШП, провозглашенной Председателем КНР Си Цзиньпинем.

Президент Пакистана Хусейн неоднократно заявлял, что экономический коридор принесет пользу не только Пакистану и Китаю, но и всему региону. Посол Пакистана в Китае Махмуд Халид отмечал, что развитие КПЭК станет ключевым фактором в изменении регионального ландшафта в будущем. Как только коридор станет эффективным, Пакистан станет центральной осью приближения Ближнего Востока, Европы и Африки к Китаю.

Создание КПЭК имеет глубокий международный, региональный и внутренний контекст. Во-первых, с точки зрения международной и региональной ситуации, поскольку Соединенные Штаты выводят свои силы из Афганистана и усиливают свою стратегию в АТР, мировые и региональные державы стоят перед необходимостью выбора новых стратегий в Центральной и Южной Азии.

Во-вторых, усиливается влияние КНР, США и РФ на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Учитывая китайскую концепцию экономического пояса «Шелкового пути для новой эры» и стратегию «открытия на запад», США предложили стратегию «Новый шелковый путь» (The New Silk Road), Россия предложила проект «Евразийский союз» (Eurasian Union), Индия – «северо-южный транспортный коридор», что отчетливо отражает тенденцию к концептуальному и стратегическому соперничеству.

В-третьих, в результате глобальных тенденций произошли диверсификационные изменения в международной структуре поставок энергии и ресурсов, приведшие к всеобъемлющей конкуренции основных стран-потребителей.

Углубление реформ Си Цзиньпиня, стимулирование развития запада страны, необходимость в перемещении и открытии на западе большого количества предприятий, ускорение транспортно-коммуникационной взаимосвязанности и расширение сотрудничества с Западом может создать «второе чудо» экономического развития Китая, а сотрудничеству в рамках КПЭК в данном процессе отводится ведущая роль.

Поскольку стратегия США переформатируется на АТР, усиливается китайско-американско-российское соперничество в Центральной, Западной и Южной Азии, что свидетельствует о корректировке региональной модели, а открытию Китая на запад было отведено неоспоримое значение. Нынешнее поколение руководства КНР продолжает продвигать свою концепцию коллективной дипломатии. В ее рамках «открытие запада» является важной альтернативой для Китая, базируясь на создании «экономического пояса Шелкового пути» со странами Азии, Европы и Африки и осуществлении плана строительства «Пояса и Пути» в двух коридорах.

Объективная ситуация в области безопасности и стабильности западных регионов КНР способствовала расширению сотрудничества с соседними странами для создания системы коллективной безопасности. В данном субрегионе ничтожно мало конфронтационных факторов, что в рамках геополитической и геоэкономической конкуренции и сотрудничества ставит Китай в относительно благоприятное положение. Такая внешняя среда позволяет постепенно строить мирную социальную среду с соседними странами под влиянием экономического превосходства и служить стратегии открытия западного Китая.

С момента окончания «холодной войны» развитие экономики, улучшение жизни народа и достижение мечты «Азиатского тигра» (Asian Tiger Dream) были целью усилий пакистанского правительства, позволившей

сплотить людей и укрепить авторитет власти. Среднегодовые темпы роста ВВП за последние пять лет составляют лишь 2,9 %, поэтому решение проблемы нехватки энергии и стимулирование экономики являются главными приоритетами нового правительства Пакистана.

Строительство КПЭК является признаком высокой степени стратегического сотрудничества между Китаем и Пакистаном и ключевым звеном в процессе выхода КНР на Запад. После создания китайско-пакистанского экономического коридора нефть с Ближнего Востока может быть отправлена из Гвадара через племенные районы Пакистана и хребет Каракорум в китайский Синьцзян. Импорт сырой нефти в КНР больше не будет полностью ограничен Малаккским проливом, что откроет жизненно важный канал для импорта и экспорта сырья и других продуктов.

Этот проект не только поможет КНР открыть новый маршрут импорта энергоресурсов с Ближнего Востока, но и ускорит экономическое развитие Синьцзяна. Поскольку строительство коридора также связано с военными и политическими намерениями, реализация проекта позволит преодолеть двусторонним отношениям региональные рамки и достигнуть глобального уровня.

В соответствии с консенсусом, достигнутым двумя странами, КПЭК придерживается модели «1 + 4» экономического сотрудничества, которая касается четырех ключевых областей, включая строительство порта Гвадар, энергетику, транспортную инфраструктуру и промышленное сотрудничество. Руководство проектом осуществляется Объединенным комитетом сотрудничества (ОКС), созданным двумя странами и состоящим из пяти совместных рабочих групп, ответственных за планирование и реализацию проектов в своей области.

Обладая площадью 79,6 млн квадратных километров и населением более 200 млн человек, Пакистан предоставляет странам Центральной, Западной Азии и западного Китая удобный доступ к морю. Также он имеет особый статус в мусульманском мире, что может усилить коммуникацию между Китаем и арабским миром. Новейшие стратегические коммуникации (нефтепровод Иран-Пакистан-Индия, газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия, нефтепровод Катар-Пакистан-Индия) проходят через Пакистан, что открывает Китаю свободный доступ к ним.

Кроме того, КПЭК призван содействовать проектам развития инфраструктуры и электростанций, необходимых для ускорения экономического роста в Пакистане. Конечной целью КПЭК является открытие торгового и энергетического маршрута протяженностью 3200 км между китайским городом Кашгар в Синьцзяне и пакистанским портом Гвадар в Южном Белуджистане, что напрямую связывает Западный Китай с Аравийским морем. Региональная коммуникативность является приоритетом в политике развития Пакистана, поскольку ее геостратегическое местоположение предоставляет такую уникальную возможность.

В течение десятилетий поддержание уровня регионального сотрудничество стояло в повестке дня китайско-пакистанских отношений. Хотя соглашение КПЭК было официально подписано во время визита в Исламабад президента Китая Си Цзиньпина в 2015 году, дискуссия по проекту длилась многие годы.

Строительство автомобильной дороги Каракорум протяженностью более 1100 километров еще в 1960-х годах стало важной вехой в укреплении связи между двумя странами. Ее эксплуатация сформировала концепцию, явившуюся в итоге фундаментом КПЭК. Аналогичным образом в начале 2000-х гг. был построен глубоководный порт Гвадар, являющийся основным ядром, вокруг которого строится весь проект.

По мнению китайского руководства, во многих проектах КПЭК наблюдается быстрый прогресс. В течение двух лет после подписания соглашения китайское правительство и компании потратили около 14 млрд долларов на проекты в области энергетики и транспортной инфраструктуры в Пакистане. Но у Пакистана, тем не менее, есть вопросы по преференциям и стоимости китайских инвестиций. Закрытый процесс торгов и тендеров, общее отсутствие информации, связанное с финансированием проектов КПЭК, способ их осуществления вызвали публичные дебаты об издержках, которые несет инициатива. Поскольку Исламабад не рассчитывал риски экономической жизнеспособности проектов, основная проблема, порождающая эти публичные дебаты, заключается в том, что многие сделки, заключенные с Китаем, в конечном итоге будут в значительной степени зависеть от национального бюджета и, следовательно, от благосостояния населения.

Началась дискуссия о высокой стоимости инфраструктурных проектов, заключенных с китайскими компаниями. Поднимаются вопросы по поводу соглашения, которое, якобы, обязывает пакистанское правительство отдавать все проекты, связанные с КПЭК, китайским подрядчикам по любой цене, которую они указывают в своих предложениях, без учета того, входят ли китайцы в партнерские отношения с местными компаниями или нет, будут ли они приобретать материалы у местных поставщиков или нет. Пакистанские бизнесмены и строительные фирмы жалуются, что инициатива КПЭК на многие миллиарды долларов, по-видимому, является благом для Пекина, поскольку контракты на проекты отдаются китайским подрядчикам, а часть инвестиций КПЭК возвращается в Китай для покупки оборудования, машин, материалов и даже привлечения трудовых ресурсов [5]. Все больше появляется заявлений деловых кругов, согласно которым инвестиции в конечном итоге принесут большие дивидендов для Китая, чем для Пакистана [6].

Более того, Пакистан предоставил значительные налоговые льготы китайским компаниям, управляющим портом Гвадар и специальной экономической зоной, а также китайским подрядчикам, занимающимся строительством крупных транспортных инфраструктурных проектов, таких как метро

в Лахоре, различных участков автомагистрали Карачи – Пешавар и шоссе Каракорум. Налоговые льготы предоставлены китайским компаниям, ведущим деятельность в десятках промышленных зон, созданных вдоль КПЭК. Пакистанские бизнесмены и промышленники, в частности, должностные лица Пакистанского делового совета (PBC) и Торгово-промышленной палаты Лахора (LCCI), требуют, чтобы им были предоставлены те же преференции. Они также требуют, чтобы пакистанским компаниям было разрешено участвовать в тендерах за контракты КПЭК.

МВФ также акцентировал внимание на вопросах, поднятых Пакистаном. Хотя он рассматривал проект КПЭК как перспективную возможность для развития Пакистана, все же Фонд предупредил о его ближайшем и долгосрочном воздействии на экономику, особенно на хрупкую позицию платежного баланса страны. «Во время инвестиционной фазы Пакистан увидит всплеск ПИИ и других внешних притоков финансов. Сопутствующее увеличение импорта машин и оборудования, промышленного сырья и услуг, скорее всего, компенсирует значительную долю этих притоков, так что дефицит текущего баланса страны будет расширяться» [7, с. 25].

Фонд также предупредил, что как только китайские энергогенерирующие компании начнут функционировать, далее начнется рост возврата инвестиций, прибыли и процентов. Обязательства по погашению государственных займов, связанных с КПЭК, включая амортизацию и процентные платежи, после 2020–2021 гг. будут повышаться из-за окончания сроков льготного режима этих кредитов. В совокупности задолженность может достичь 0,4 % ВВП в год в долгосрочной перспективе. МВФ также отметил, что КПЭК имеет потенциал для увеличения частных инвестиций и экспорта, но он также предупредил, что «получение всех потенциальных преимуществ КПЭК потребует решительных реформ в области стимулирования и поддержки экспорта. К ним особенно относятся улучшение делового климата и укрепление безопасности в стране» [5].

Ожидается, что после того, как коридор будет полностью функционировать, Пакистан будет получать только 3 млрд долларов в виде сборов за транзит. Но некоторые эксперты опасаются, что эта сумма будет ничтожна по сравнению с суммой задолженности Китаю.

Растущее число оппонентов утверждает, что чтобы воспользоваться проектом КПЭК, Исламабад должен пересмотреть сделки, заключенные с китайскими инвесторами и подрядчиками. Законодатель от оппозиции сенатор Тахир Машхади, председатель Постоянного комитета по планированию и развитию Сената, даже предупредил в октябре 2016 года, что КПЭК может оказаться новой «Ост-Индской компанией», если специальные льготы, предоставленные китайским фирмам, не будут отозваны [8]. Это провокационное заявление отражает мнение о том, что Пакистан не сможет в полной мере воспользоваться преимуществами КПЭК, если его местным предприятиям и инвесторам не будут предоставлены равные возможности.

Серьезной проблемой для полной реализации стратегии КПЭК является обеспечение безопасности. Если проекты будут широко распространены по всей стране, потребуются дополнительные военные формирования, поскольку некоторые из дорожных сетей планируется запустить через территории северо-западного Пакистана, где активны боевые террористические группы. Основным проблемным местом является западная провинция Белуджистан, где находится ряд важных проектов, в том числе ключевой проект – порт Гвадар. Там китайские рабочие неоднократно подвергались нападениям. В целях их защиты Пакистан пообещал развернуть Отдел специальной безопасности в размере 15 000 человек, в который войдут 9000 солдат регулярной армии в дополнение к 6000 сотрудникам полувоенных структур.

Растущая геополитическая настойчивость Китая и масштабные инвестиции в Пакистан вызвали огромный негативный резонанс в Индии. Одна из проблем заключается в том, что Китай может использовать Гвадар в качестве военно-морской базы для своего военно-морского флота и осуществления оперативной деятельности на всей территории Индийского океана. Нью-Дели возражает против того, чтобы КПЭК проходил через спорную территорию Гилгита Балтистана, являющейся частью кашмирского спора. В свою очередь Исламабад часто обвиняет Индию в совершении тайных операций и помощи сепаратистским группировкам пакистанских талибов и белуджей с целью препятствовать осуществлению проектов КПЭК. Существует риск, что КПЭК может стать еще одним спором между двумя ядерными державами Южной Азии.

У Вашингтона есть свои опасения по поводу того, что КПЭК будет способствовать расширению влияния КНР в Евразии. США обеспокоены усилением геополитической связи Пакистана и Китая, т. е. потерей рычага воздействия на своего давнего союзника. Растущая геостратегическая близость Пакистана и Китая может стимулировать Вашингтон к новому витку борьбы за Исламабад [1, с. 4], что создаст проблему для пакистанских политиков в поиске баланса между КНР и США. Исламабад обеспокоен тем, чтобы не расстроить отношения с Вашингтоном, но надеется получить больше преференций у Пекина.

Таким образом, помимо положительных и многообещающих аспектов для регионального развития, КПЭК порождает массу проблем. Тем не менее КПЭК является неоспоримым примером нового парадигмального обеспечения глобальных инициатив КНР.

Список использованных источников

1. *Muhammad, P.* Pakistan Has Failed When It Comes to Trade with China / The Express Tribune, 26 June 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpps://tribune.com.pk/story/1130268/free-trade-agreement-pakistan-failed-comes-trade-china/. – Дата доступа: 24.03.2018.

2. *H.E.* Xi Jinping, President of the People's Republic of China, «Pak-China Dosti Zindabad» / Daily Times, 19 April 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://issi.org.pk/

wp-content/uploads/2015/12/Important-document-2_3435_SS_41_20142015.pdf/. – Дата доступа: 23.12.2018.

3. *Markey, D. S.* Behind China's Gambit in Pakistan, Council on Foreign Relations, 12 May 2016 [Электронный ресурс] / D. S. Markey, J. West. – Режим доступа: https://www.cfr.org/expert-brief/behind-chinas-gambit-pakistan. – Дата доступа: 29.11.2018.

4. CPEC «Game-Changer» for Pakistan, «Fate-Changer» for Region: PM» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpp://www.app.com.pk/cpec-game-changer-for-pakistan-entire-region-pm/. – Дата доступа: 3.04.2018.

5. *Jamal, N.* «The Cost of CPEC», Dawn, March 12, 2017 / N. Jamal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dawn.com/news/1320028/. – Дата доступа: 26.03.2018.

6. Shahbaz Rana. «Govt Green-Lights Three CPEC Projects at 23 % Higher Cost» / The Express Tribune, December 15, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tribune.com.pk/story/1010145/cleared-in-haste-govt-green-lights-three-cpec-projects-at-23-higher-cost/. – Дата доступа: 30.11.2018.

7. International Monetary Fund, Pakistan, IMF Country Report No. 16/325, October 2016/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2016/cr16325.pdf/. – Дата доступа: 21.04.2018.

8. Irfan Raza, S. «CPEC Could Become Another East India Company» / Dawn, 18 October 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dawn.com/news/1290677. – Дата доступа: 30.11.2018.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

В. С. Михайловский
Белорусский государственный университет, Минск

V. Mikhailouski
Belarusian State University, Minsk

УДК 303.02+32

ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЛИТОЛОГИИ

FORMS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE INTEGRATION AND THEIR IMPACT ON POLITICAL SCIENCE

В статье выявлено, что наибольшее значение на политологию оказала междисциплинарная форма интеграции знания. Она поспособствовала внедрению в политическую науку эмпирических методов и формированию политологических субдисциплин. Сделан вывод, что междисциплинарность выступает эвристическим подходом интеграции знания для политологии, так как учитывает прежний опыт становления и развития политической науки, а также возможные ограничения коллективных исследовательских практик.

Ключевые слова: междисциплинарность; трансдисциплинарность; сложность; развитие политологии; субдисциплины политологии.

The article reveals that the interdisciplinary form of knowledge integration has had the greatest importance on political science. It contributed to the introduction of empirical methods in political science and the formation of political science sub-disciplines. It is concluded that interdisciplinarity is a heuristic approach to the integration of knowledge for political science,

as it takes into account the previous experience of the formation and development of political science, as well as possible limitations of research collective practices.

Kewwords: interdisciplinary; transdisciplinarity; complexity; development of political science; political science disciplines.

Научное знание в эпоху постнеклассической парадигмы своего развития характеризуется все большей спецификацией исследований. Президент Международного центра трансдисциплинарных исследований (CIRET) Б. Николеску оценил историческую тенденцию увеличения научных дисциплин (с 7 в XIII веке до 54 в середине XX века и к 8000 к началу XXI века) как «в определенном смысле катастрофу для знания» [1, с. 77]. Подчеркивалось отсутствие прямой зависимости между множеством дисциплин и познаваемостью мира, что препятствует реализации эвристического потенциала науки.

Противоречия науки не остаются в стороне от научного сообщества. Еще в середине XX века «такие слова, как “мультидисциплинарность” и “междисциплинарность” стали актуальными, выражая потребность … интеграции знания» [1, с. 77]. На постнеклассическом этапе развития науки стало понятно, что одно и то же явление можно описать с помощью разных наук или разных научных подходов. В социальных науках это воплотилось в идеях триангуляции истины: к одним и тем же выводам можно и нужно прийти несколькими способами.

Интеграция науки стала актуальным предметом специальных исследований как отдельных авторов, так и целых институтов: Центр трансдисциплинарных исследований Швейцарской академии наук и искусств, Национальный научный фонд США, Центр образовательных исследований и инноваций (CERI), Институт трандисциплинарных технологий (Россия) и др. В структуре Института философии Национальной академии наук Беларуси действует Центр философско-методологических и междисциплинарных исследований. Список авторов, раскрывающих проблемы интеграции науки, обширен. Наиболее известные представители – Ж. Пиаже, Б. Николеску (Франция), В. С. Степин, Л. П. Киященко, В. И. Моисеев (Россия).

Проблема интеграция науки рассматривается в диапазоне ее возможных вариаций: *мультидисциплинарность, междисциплинарность, интердисциплинарность, трансдисциплинарность*. Такая широта исходного понятийно-категориального аппарата не идет на пользу исследованиям в этой области. Обстоятельный анализ литературных источников, посвященных сущности и особенностям интеграции дисциплин, выявил отсутствие единого подхода к этому предмету исследований. Несмотря на множество публикаций по теме интеграции социогуманитарного знания, отсутствуют отдельные исследования, посвященные значению различных форм интеграции науки для политологии. Цель данной статьи – выявить возможные формы интеграции знания и их эвристическое значение для политологии.

Среди множества форм интеграции науки междисциплинарный подход обозначен в большинстве областей современного знания[1]. Даже обзорного ознакомления с публикациями, посвященными этому вопросу, достаточно для формирования представления о широте актуализации междисциплинарности: биология, история, лингвистика, социология, педагогика, политология, экология, экономика и др. По этой причине междисциплинарность рассматривается нами как исходный концепт в анализе интегративной тенденции современной науки.

Научный дискурс междисциплинарности нашел свое программное закрепление в следующих документах: Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры (ЮНЕСКО, 1998) [2]; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (2016) [3, с. 13]. Глобальные изменения в организации научной, научно-технической и инновационной деятельности учитываются и в Республике Беларусь. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040», разработанная НАН Беларуси, уделяет особое внимание междисциплинарным исследованиям. Они заявлены как приоритетные направления научной деятельности на всех этапах реализации программы: этап актуализации заделов (2018–2020), этап создания точек роста (2021–2030), этап поддержания лидерства (2031–2040) [4].

Междисциплинарность стала предметом исследования философии и методологии науки. В этой области исследований отношение к междисциплинарности не лишено определенного научного пафоса: междисциплинарность обозначается как «одно из самых значимых открытий XX века», как «тотальный феномен познания XXI века» [5, с. 114]; как ««стройка века» в социогуманитарной науке» [6, с. 22]. Однако анализ различных подходов к определению междисциплинарности показал, что междисциплинарность относится к сущностно оспариваемым категориям. Необходимо разграничить понятие междисциплинарности с категориями «дисциплинарность» (дисциплинарный подход), «мультидисциплинарность», «интердисциплинарность» и «трансдисциплинарность».

Научную дисциплину определяют по-разному. Среди ее существенных характеристик называют следующие: единство предмета, методов, способов оценки, традиций исследования. Дисциплинарный подход имел конструктивное значение для становления науки как специфической познавательной деятельности и социального института. Однако в рамках дисциплинарного подхода возникли тенденции, которые в итоге привели к его ограниченности. Обстоятельный анализ литературы, посвященной генезису междисци-

[1] Вывод сделан на основе поискового запроса по слову «междисциплинарность» в Научной электронной библиотеке «Elibrary.ru», по слову «interdisciplinary» в глобальной поисковой системе «Google Scholar», а также на основе анализа материалов трех ежегодных Всероссийских научных конференций «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании» (г. Ростов-на-Дону, 2016–2018 гг.).

плинарности, позволил нам выделить три основных фактора, приведших к оспариванию дисциплинарного подхода. Во-первых, «естественное для науки стремление применять оправдавшие себя методы за границами исходной сферы применения» [7, с. 15]. Во-вторых, стремление ученых продуцировать новое знание, отталкиваясь от конкретных научных задач, а не следовать институциональному требованию совершенствовать содержание конкретной дисциплины [8, с. 92]. В-третьих, структурная «сложность» новых предметов научного познания.

В литературе встречается представление о междисциплинарности как о поворотном моменте в развитии науки или как о радикальной альтернативе дисциплинарному подходу [9, с. 3]. Желание радикально противопоставить дисциплинарность и междисциплинарность обусловлено в теории американского философа науки Т. Куна. По Т. Куну, для «нормальной науки» характерно нежелание ученых создавать что-либо выходящее за рамки их устоявшихся представлений: «исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает» [10, с. 50–51]. С точки зрения российского исследователя И. Т. Касавина, в куновской «нормальной науке» нет места междисциплинарности, т. к. «каждый занимается своим делом». Междисциплинарное взаимодействие свидетельствует о «постпарадигмальном, экстраординарном или революционном» периоде науки. И. Т. Касавин делает вывод, что если придерживаться положений Т. Куна, то «складывается картина, в которой периоды “нормальной науки” и “власти парадигмы” в гуманитарном знании по сравнению с естественно-научным уменьшены, а периоды экстрапарадигмальной науки существенно удлинены». Учитывая «динамизм» социально-гуманитарного знания, «постоянное рассогласование различных пластов (теоретического и эмпирического, концептуального и социального, фундаментального и прикладного)» социально-гуманитарных наук, И. Т. Касавин постулирует «парадокс»: «сегодня междисциплинарность применительно к социально-гуманитарным наукам оказывается нормой жизни, а знание в рамках дисциплины – аномалией» [11, с. 20]. И. Т. Касавин призывает исследователей обращаться не к Т. Куну, а к американскому методологу науки П. Фейерабенду [11, с. 20]. П. Фейерабенд отстаивал плюралистическую методологию. Его базовый тезис: существует «лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития – *допустимо все*», а познавательный «анархизм помогает достигнуть прогресса в любом смысле» [12, с. 158–159].

Более взвешенный подход к феномену междисциплинарности, исключающий крайние позиции, обосновывает российский исследователь В. Л. Васюков. С его точки зрения, научная дисциплина представляет собой *систему в системе*: теории «группируются в научные дисциплины», «превращаются в системное образование» и «одновременно это приводит и к внешнему, междисциплинарному взаимодействию». Наука представляет

собой «не просто совокупность, некий бесформенный конгломерат дисциплин», а «стройную систему с многочисленными и разносторонними внутренними и внешними связями» [13, с. 55]. Подобная точка зрения высказывалась еще в советской литературе. Так, Л. Е. Венцковский подчеркивал, что дифференциация и специфика дисциплин не исключает их синтеза; и что «чем сложнее структура» объекта исследования, «тем острее ощущается необходимость … междисциплинарного синтеза» [14, с. 6].

Междисциплинарная интенция органична научному сознанию и есть, в том числе, реакция науки на свои собственные достижения. Одним из таких достижений является осознание «сложности» (нередуцируемости) познаваемой действительности. По мнению белорусского исследователя В. В. Демирова, сложность «недооценивается» дисциплинарно организованной наукой и становится «новым горизонтом» для современных интегрированных исследований [15, с. 54]. Постнеклассическое внимание к сложным системам в методологии научного познания влияет на частоту появления междисциплинарных исследовательских проектов.

Многообразие трактовок междисциплинарности затрудняет выработку общих критериев проведения междисциплинарных исследований. Несмотря на это, имеющийся опыт определений и классификаций междисциплинарности характеризуется одной общей чертой: они формулируются в результате аналитической рефлексии по отношению к опыту осуществленных междисциплинарных исследований. В этой связи важным является вывод, сделанный исследователями Института философии РАН России Л. П. Киященко и В. И. Моисеевым: «сложность» современной науки, выходящей «за границы своей классической самоидентификации», связана «не только с нередуцируемой многомерностью исследуемой проблемы», но, «в первую очередь», с тем, что «предмет и метод» междисциплинарных исследований «сами оказываются в среде становления» [16, с. 11].

Базовым положением для понимания междисциплинарности выступает воззрение В. С. Степина о «*парадигмальных прививках*». «Парадигмальные прививки» – это «перенос представлений специальной научной картины мира, а также идеалов и норм исследования из одной научной дисциплины в другую» [17, с. 579]. Подобное понимание междисциплинарности транслируется также Л. П. Киященко и В. И. Моисеевым: «междисциплинарность методологически дополнительно обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений» [16, с. 23].

В современной философии и методологии науки изучается такая форма интеграции знания, как *трансдисциплинарность* (Л. П. Киященко, В. И. Моисеев, В. С. Мокий, Э. М. Сороко и другие). Тогда как цели междисциплинарного переноса знания являются внутридисциплинарными, то трансдисциплинарность «касается того, что может лежать между дисциплинами, “поперек” дисциплинарных делений или за границами каждой отдельной дисциплины» [16, с. 23]. Трансдисциплинарность в самом ши-

роком смысле отражает постнеклассическое стремление к метатеоретическому единству науки. Трансдисциплинарность трактуют как «генерацию новых “сверхдисциплин”» [8, с. 93].

Важным признаком, позволяющим разграничить междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, является *субъектный состав*. Трансдисциплинарные исследования имеют коллективный характер. В них принимают участие представители разных дисциплин. Кроме того, рабочий коллектив «включает в себя представителей самых разных областей культуры – ученых, политиков, представителей общественности и т. д.» [16, с. 25].

Политология как часть социальной науки не может оставаться в стороне от междисциплинарных интенций. Политология с момента своего дисциплинарного оформления на рубеже XIX–XX веков находилась под сильным влиянием междисциплинарности. Как отмечал М. Доган, «как бы то ни было, политическая наука всегда брала гораздо больше, чем давала». Французский исследователь называет почти 90 понятий и категорий «перенесенных» в политологию из социологии, психологии, экономики, философии, антропологии, теологии, журналистской и политической лексики [18, с. 118–119].

Американский политолог Г. Алмонд в своей хрестоматийной статье «Политическая наука: история дисциплины» обозначил три «пика» в развитии политологии. Все они связаны с привнесением в политологию новых методов исследований: эмпирические методы, поведенческий подход, логико-математические методы [19, с. 69]. Анализ теоретико-методологических заимствований в политологии позволил сделать вывод, что наибольшее значение для развития политологии имела интеграция со следующими дисциплинами: биология/психология, математика/экономика, география, социология, антропология. Это, в свою очередь, объясняет междисциплинарную структуру политической науки, деление на субдисциплины. Значение междисциплинарности для политологии не ограничивается проектированием субдисциплин. Междисциплинарность оказывает как положительное, так и отрицательное влияние и на проведение «рядовых» политических исследований.

С одной стороны, междисциплинарность является наиболее доступной формой интегративного исследования. Коллективный характер исследований, будь-то в рамках трансдисциплинарности, или мультидисциплинарности (когда «участники работают независимо друг от друга, решают общую задачу, опираясь на собственную дисциплинарную базу»), или интердисциплинарности (когда участники работают вместе, но «в рамках своих дисциплинарных баз»), является возможным для политологии, но не обязательным [20, с. 27–28]. Невозможность собрать коллектив для проведения транс-, мульти- или интерисследования не должна выступать препятствием для решения задач политических исследований.

С другой стороны, тенденция интеграции научного потенциала различных дисциплин стала настолько актуальной, что в настоящее время в

литературе уже можно встретить критические замечания в отношении междисциплинарных исследований. По мнению российского исследователя А. Н. Книгина, многочисленные научные публикации, «претендующие» на междисциплинарность, свидетельствует о «моде» на эту исследовательскую практику. Популярность междисциплинарности оборачивается против научного познания и против нее самой. Обширное и не всегда обоснованное внимание междисциплинарности приводит в итоге к «бессодержательности и расплывчатости» ее смыслового содержания и, что более важно, к «созданию иллюзии новизны» в науке [7, с. 14].

Междисциплинарная стратегия политических исследований должна учитывать эвристический потенциал синтеза знания и исходить из задач исследования. Междисциплинарность – это один из вариантов реализации политического исследования, а не догма. Необоснованное обращение к междисциплинарности может привести к излишней эклектичности и умозрительности политических исследований. Методологически обоснованно будет применение междисциплинарной стратегии в случае эвристической ограниченности смежных подходов: комплексного анализа, системного подхода. В этом случае междисциплинарность в политологии будет отражать поиск нового эффективного инструментария познания, а не усложненной формы предоставления знания о политике.

Все четыре формы интеграция науки (мультидисциплинарность, междисциплинарность, интердисциплинарность, трансдисциплинарность) могут применяться в политологии в зависимости от субъектного состава участников политического исследования. Наибольшее значение на политологию оказала междисциплинарная интенция, поспособствовав внедрению эмпирических методов и формированию политических субдисциплин (политическая психология, теория политических систем, геополитика и политическая экология, политическая социология, политическая антропология). Междисциплинарность выступает эвристическим подходом интеграции знания для политологии, так как учитывает прежний опыт становления и развития политической науки, а также возможные ограничения исследовательских коллективных практик исходя из форм предоставления научной работы и условий национального и международного научного дискурса.

Список использованных источников

1. *Nicolescu, B.* Transdisciplinarity: Basarab Nicolescutalks with Russ Volckmann / B. Nicolescu, R. Volckmann // Integral Rev. – 2007. – Iss. 4. – P. 73–90.

2. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры (от 9 окт. 1998 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. ТехЭксперт [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901839539. – Дата доступа: 06.02.2019

3. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации, 1 дек. 2016 г., № 642 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2019.

4. Стратегия «Наука и технологии: 2018-2040» / разработ. НАН Беларуси. – Минск: НАН Беларуси, 2017. – 40 с.

5. *Позднева, С. П.* Междисциплинарность как тотальный феномен познания XXI века: становление междисциплинарного словаря науки / С. П. Позднева // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Т. 9, № 2. – С. 114–123.

6. *Клейнер, Г. Б.* Междисциплинарность в социально-гуманитарных исследованиях: новые парадигмы / Г. Б. Клейнер// Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании: материалы Всерос. науч. конф., Ростов н/Д, 22–23 июня 2016 г. / Юж. федер. ун-т; отв. ред. Е. Ю. Баженова. – Ростов н/Д: Изд-воЮж. федер. ун-та, 2016. – Ч. 1: Пленарные доклады. – С. 20–34.

7. *Книгин, А. Н.* Междисциплинарность: основная проблема / А. Н. Книгин // Вестн. Том.гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 3(4). – С. 14–21.

8. Павловский, В. В. Форма и содержание современных концепций дисциплинарности / В. В. Павловский // Гуманитар. исслед. Вост. Сибири и на Дал. Востоке. – 2016. – № 2(36). – С. 91–95.

9. *Lattuca, L. R.* Creating interdisciplinary: interdisciplinary research and teaching among college and university faculty / L. R. Lattuca. – Nashville: Vanderbilt Univ. Press, 2001. – 312 p.

10. *Кун, Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

11. *Касавин, И. Т.* Интеграционность и междисциплинарность в социогуманитарном пространстве / И. Т. Касавин // Труд и соц. отношения. – 2008. – № 5. – С. 19–26.

12. *Фейерабенд, П.* Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд; пер. с англ. и нем.; общ. ред. И. С. Нарский. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.

13. *Васюков, В. Л.* Междисциплинарность: логический анализ / В. Л. Васюков // Эпистемология и философия науки. – 2014. – № 3. – Т. 41. – С. 53–71.

14. *Венцковский, Л. Е.* Междисциплинарные исследования и единство научного знания: вступительная статья / Л. Е. Венцковский // Методологические проблемы междисциплинарных исследований (по материалам советской литературы): сб. обзоров / Акад. наук СССР, Ин-т науч. информ. по обществ.наукам; ред.-сост. Л. Э. Венцковский. – М., 1989. – С. 5–29.

15. *Демиров, В. В.* Трансдисциплинарность как специфическая форма синтеза научного знания / В. В. Демиров // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания: материалы Третьей междунар. науч. конф., Минск, 15–16 нояб.2018 г.: в 3 т. / НАН Беларуси, Ин-т философии; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Т. 1. – С. 52–55.

16. *Киященко, Л. П.* К истории трансдисциплинарного подхода / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев // Философия трансдисциплинарности / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев; Рос.акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 16–37.

17. *Степин, В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

18. *Доган, М.* Политическая наука и другие социальные науки / Г. А. Алмонд // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. – М., 1999. – С. 113–145.

19. *Алмонд, Г. А.* Политическая наука: история дисциплины / Г. А. Алмонд // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. – М., 1999. – С. 69–112.

20. *Репина, Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

(Дата подачи: 12.02.2019 г.)

А. И. Мицкевич
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

N. Mitskevich
Academy of Public Administration under the aegis of the President of Republic of Belarus, Minsk

УДК 303.01

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАМЕТРИЯ: УПРАВЛЕНЧЕСКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

POLITICAL MEDIAMETRY: MANAGERIAL AND APPLICATION-ORIENTED ASPECTS

В статье рассмотрены особенности организации информационно-аналитической деятельности и мониторинга информационных угроз при помощи информационно-аналитических систем с блоком политической медиаметрии. Автор выделяет три научных центра прикладных политических исследований, которые активно используют политическую медиаметрию для мониторингов и последующего анализа параметров формируемых информационных волн.

Ключевые слова: информационно-аналитическая система; информационная безопасность; информационная обстановка; политическая медиаметрия; прикладные аспекты; управленческие аспекты

The article deals with the peculiarities of data analytics and monitoring of information threats with the help of data analytical systems with a block of political mediametry. The author singles out three scientific centers of applied political research, which actively use political mediametry for monitoring and further analyses of the parameters of information waves formed.

Key words: data analytical system; information security; information background; political mediametry; application-oriented aspects; managerial aspects

Различные аспекты информационной безопасности, организации информационно-аналитической деятельности и непосредственно мониторинга информационных угроз, оказываемых в том числе и на наше государство, чрезвычайно актуальны. Они обсуждаются не только в рамках научных исследований представителями различных отраслей науки, но и на совещаниях на уровне Государственного секретариата Совета безопасности Республики Беларусь и Главы государства. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на одном из совещаний отметил, что «…любая холодная или тем более горячая война никогда не начинается без информационного давления и противоборства…», поэтому «…информационная безопасность в контексте СМИ, особенно интернета, – это основной вопрос…» [1].

Более того, на нынешнем этапе развития информационного общества и информационно-коммуникационных технологий уже не требуется доказательств того, что как зарубежные СМИ, так и СМИ внутри страны посредством распространения информации и навязывания повестки дня могут формировать определенное общественное мнение в отношении той или

иной проблемы, явления, политического лидера, партии или пытаться оказывать информационное давление непосредственно на политическую элиту страны-жертвы. В этой связи «… важнейшим вопросом является анализ информационных потоков, информационного поля, для чего необходимо создание или структурирование институтов, которые могли бы выявлять и противостоять таким угрозам» [1].

Безусловно, спектр проблем, с которыми столкнулись политические элиты во всем мире, в силу комплексных глобализационных процессов приобрел настолько сложный характер, что классическая наука просто не в состоянии дать ответ на ряд запросов руководства той или иной страны. И поскольку как сами проблемы, так и причины их возникновения имеют комплексный характер, простого сбора информации о них недостаточно. А учитывая, что с точки зрения кибернетики информация является универсальным свойством любой системы и все, что происходит, влечет за собой изменение информации, и управленческая система в этом отношении не исключение [2, с. 640], то получается, что необходим не просто сбор, а постоянный мониторинг и качественный анализ поступающей по разным каналам информации.

Как отмечает И. А. Николайчук, «острота проблемы объективной интерпретации состояний медийного поля в контексте решения проблемы обеспечения информационной безопасности … может быть снята, если организовать слежение и периодический анализ количественных и качественных характеристик информационной обстановки» [3, с. 41]. На сегодняшний день справиться с такого рода задачей в состоянии крупные исследовательские центры или институты стратегических исследований, в которых круглосуточно в режиме онлайн осуществляется мониторинг информационных волн и создаваемой ежедневно информационной повестки дня. В процессе такого мониторинга информационной обстановки задействованы специально разработанные информационно-аналитические системы (ИАС). При помощи имеющихся в системах инструментов возможно определять характер создаваемой информационной волны, а также выявлять наличие проведения разовых, краткосрочных или долгосрочных информационных операций в отношении страны или непосредственно против представителей ее управленческой элиты.

Эффективным инструментом осуществления информационно-аналитической работы в современной политической науке является политическая медиаметрия. За счет использования как количественных, так и качественных методик обработки больших данных она позволяет извлекать качественно новое знание для решения целого спектра политико-управленческих задач. Она зародилась благодаря появившимся техническим возможностям масштабных исследований массмедиа, переосмыслению теории и модели коммуникации, а также развитию политических прикладных исследований с активизацией использования стратегий междисциплинарных и эмпириче-

ских исследований. Отметим, что предпосылки к появлению политической медиаметрии в политической науке сформировались постепенно и были вызваны изменениями как в политических процессах, так и в спектре использования политических технологий.

Становление медиаметрических исследований и затем непосредственно политической медиаметрии происходило на протяжении XX в., однако активное ее использование на постсоветском пространстве началось только в XXI в., что в первую очередь связано с исследованиями Российского института стратегических исследований (г. Москва), а позднее исследованиями на базе Санкт-Петербургского государственного университета. В Беларуси, как и в России, именно 2010-е годы можно отметить как поворотный этап, поскольку, с одной стороны, наблюдается активное использование политической медиаметрии как политологами, так и журналистами при исследовании материалов СМИ и информационной повестки дня в отношении конфликта в Украине. С другой стороны, наметился рост заинтересованности различных государственных органов и структур в приобретении или создании и последующей имплементации информационно-аналитических систем и, по возможности, с блоком политической медиаметрии с целью отслеживания информационной обстановки по тому или иному вопросу или в отношении какого-либо непосредственно касающегося их события.

На данный момент четко выделись три научные центра (Московский, Санкт-Петербургский и Белорусский центры прикладных политических исследований), которые активно используют политическую медиаметрию для мониторингов и последующего анализа параметров формируемых информационных волн.

Примером информационно-аналитической системы с блоком политической медиаметрии является система, которая была разработана Российским институтом стратегических исследований. Данная система производит автоматизированные расчеты постоянно изменяющихся параметров для определения характеристик текущей медийной ситуации и формируемых информационных волн. Результаты таких расчетов представляются в виде «непрерывно обновляемой карты мира с отображением сведений об интенсивности информационных потоков с разрезом по странам, а также круговых диаграмм, формирующих представление о том, каков индекс агрессивности, а именно соотношение материалов различных тональностей (позитивные, негативные и нейтральные) на данный момент времени или за выбранный период» [3, с. 45].

Будучи весьма дорогостоящими, на сегодняшний день они, как правило, являются собственностью частных ИТ-компаний и по этой причине зачастую используются в интересах бизнеса, а не с целью мониторинга информационной обстановки в отношении конкретной страны или ее управленческой и политической элиты. Государственные органы и ведомства при наличии достаточного финансирования могут позволить себе купить по-

добного рода ИАС и, кроме того, поручить разработчикам подстроить их под требования заказчика. Так, например, поступило управление пресс-службы и информации президента России, которое в 2016 г. приобрело систему под названием «Катюша», с целью ведения мониторинга характера и масштаба информации, распространяемой по широкому спектру тематик. ИАС «Катюша», изначально заявленная как анализирующая информацию из социальных сетей, оснащена базой, включающей более 32 тыс. источников СМИ, и интерфейсом, который можно точно подстроить под задачи пользователя [4]. Разработанная при участии 150 ИТ-специалистов, система выполняет широкий спектр задач, связанных с медиа-аналитикой и различными медиа-исследованиями [5].

В 2018 г. российское руководство взяло на вооружение ИАС, разработанную ООО «Медиалогия», о которой известно, что объектом для мониторинга является самая популярная виртуальная социальная сеть в России – ВКонтакте, а также Facebook, Instagram, Twitter и Одноклассники. Принцип мониторинга (по ключевым словам) нацелен на выявление негативных сообщений, которые сортируются по темам и степени важности реагирования на них. Данная система способна генерировать так называемую «карту горячих точек», на которые нужно реагировать наиболее оперативно [6].

Следует отметить, что значительная стоимость – это не единственная проблема, связанная с современными системами мониторинга информационной обстановки. Если говорить об использовании таких систем непосредственно для реализации политических исследований, то нам видится целый спектр проблем:

- инструментарий предлагающихся ИАС непосредственно для политических исследований зачастую развит крайне слабо;
- функционал системы может быть настолько ограничен, что заказчик будет получать только отчеты без непосредственного доступа к хранилищам данных для дальнейшего подробного анализа и верификации (при необходимости) получаемых данных;
- компьютерные программы хорошо работают с числами, но не со смыслами;
- субъективный характер результатов мониторинга, анализа и их интерпретации в случае осуществления таких исследований недостаточно компетентными специалистами;
- анализирующий получаемые результаты специалист может быть необъективен в силу своей принадлежности к той или иной стороне происходящих политических процессов;
- вся получаемая заказчиком информация и результаты могут попасть к третьим лица или даже быть заведомо искажены.

В связи с этим многие исследования (особенно в научной среде) до сих пор ведутся в полуавтоматизированном режиме, так как сбор и обработка данных в значительной степени осуществляются вручную. И хотя в дан-

ном случае процесс исследования являлся весьма трудоемким, продолжительным и не мог охватывать значительный объем информации, результаты подобных исследований в значительной степени отражают существующие тенденции и обстановку.

Ручной поиск и анализ информации предпочтительнее, если речь идет о качественном, а не о количественном результате и если анализ ведется на уровне смыслов. В таком случае речь идет о решении краткосрочных задач, решение которых возможно на основе анализа небольшого объема информации. Даже небольшое количество источников при их правильном подборе может отразить ситуацию и привести к конкретным выводам.

В этой связи И. А. Николайчук показывает, что для эффективного исследования, будь то ручного или автоматизированного, необходимо в полной мере задействовать инструментарий политической медиаметрии, которая может быть использована не только в качестве метода исследования, но и в практике ведения стратегической информационной операции [3, с. 82]. Причем такого рода операции, как правило, начинаются задолго до непосредственных протестных выступлений. Они как будто мостят дорогу для недовольства, которое со временем перерастает в открытое силовое противостояние властям.

В отношении прикладной стороны ведения информационного противоборства, а именно использования политической медиаметрии для определения ведения информационных операций, следует подчеркнуть, что ее осознают далеко не все исследователи. Отчасти это происходит от того, что в настоящее время большинство аналитиков опирается на идеи теории рефлексивного управления [7], в которой речь идет о конечной фазе формирования воздействия, заставляющего получателя информации принимать решения, заранее подготовленные управляющей стороной. Такой подход не позволяет уяснить место информационного противоборства в государственном управлении, установить принципиальные особенности влияния на сетевые политические процессы, выявить потенциальные возможности, критерии эффективности и направления совершенствования его структуры и параметров, а также роль специальных информационно аналитических систем с блоком политической медиаметрии, позволяющие вести мониторинги информационной обстановки в непрерывном режиме. Не удается найти работы, где были бы четко определены сущность и место самой политической медиаметрии, а также ее отличия и функциональные особенности в сравнении с иными медиаметрическими исследованиями.

На современном этапе особенно актуально проводить политические медиаметрические мониторинги именно электронных СМИ и виртуальных социальных сетей, которые могут оперативно распространить и внедрить в сознание максимальной аудитории новые ценностные установки, символы и модели мировосприятия.

Список использованных источников

1. Информационная безопасность Беларуси и работа крупнейших СМИ обсуждены на совещании у Лукашенко [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: https://www.belta.by/president/view/informatsionnaja-bezopasnost-belarusi-i-rabota-krupnejshih-smi-obsuzhdeny-na-soveschanii-u-lukashenko-334845-2019/. – Дата доступа: 05.02.2019.

2. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М.: Мысль, 1997. – Т. 2. – С. 629–642 .

3. Николайчук, И. А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России / И. А. Николайчук. – М.: РИСИ, 2015. – 230 с.

4. Кремль разъяснил переход на новую систему мониторинга СМИ «Катюша» [Электронный ресурс] // РИА Катюша. – Режим доступа: http://katyusha.org/view?id=1840. – Дата доступа: 28.07.2018.

5. У администрации президента появилась новая система мониторинга СМИ – «Катюша» [Электронный ресурс] // Ведомости. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/09/16/657188-u-administratsii-novaya-sistema. – Дата доступа: 28.07.2018.

6. Как Кремль будет реагировать на жалобы в соцсетях [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/23/07/2018/5b50d1579a7947c62c195e8b. – Дата доступа: 28.07.2018.

7. Смолян, Г. Л. Рефлексивное управление – технология принятия манипулятивных решений // Труды ИСА РАН. – 2/2013. – Т. 63. – С. 54−61. – Режим доступа: www.isa.ru/proceedings/images/documents/2013-63-2/t-2-13. – Дата доступа: 27.02.2019.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

А. В. Осипов
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. Osipov
Academy of Public Administration under the aegis of the President of Republic of Belarus, Minsk

УДК 323(476)

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В СИСТЕМЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: МОДЕЛЬ, ПРИНЦИПЫ И ЭЛЕМЕНТЫ

MODERN OPPORTUNITIES FOR THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC DEMOCRACY IN THE ELECTRON GOVERNMENT SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS: MODEL, PRINCIPLES AND ELEMENTS

В статье представлен авторский взгляд на возможности развития электронной демократии в условиях Республики Беларусь. Предложена первичная модель ее реализации, принципы и элементы. Описаны основные возможности системы «электронная демокра-

тия», связанные с трансформацией деятельности правительства Республики Беларусь, государственных служащих, бизнес-структур и социальных обществ, а также отдельных граждан.

Ключевые слова: государственное управление; органы государственного управления; политика; электронная демократия; электронное правительство; Республика Беларусь.

The article presents the author's view on the development of e-mail in the Republic of Belarus. A primary model for its implementation, principles and elements is proposed. The main features of the e-democracy system are related to the transformation of the activities of the Government of the Republic of Belarus, state structural and social structures, as well as individual citizens.

Keywords: state administration; government bodies; politics; e-democracy; e-government; Republic of Belarus.

Одним из элементов, характеризующих внутреннюю безопасность гражданского общества, является стабильная экономическая среда, свободные средства массовой информации, а также уровень доверия граждан к работе органов государственного управления. В данном ключе и в контексте всеобщего развития информационно-комуникационных технологий (далее – ИКТ) многие развитые страны активно внедряют инструменты «электронной демократии».

Учеными и специалистами в области электронной демократии и системы электронного правительства изучены важные вопросы, касающиеся успеха проекта «Электронная демократия». Как показывает опыт США, Канады и Германии, «электронная демократия» позволяет разрешить технологические, социальные и политические проблемы общества [1; 3]. Как отмечает А. Л. Миночкин, «государство и общество в процессе управления информационно-политическими рисками играют достаточно разные роли. Государственная власть, стремясь через механизм электронной демократии повысить свою легитимность, предлагает свои правила игры, закрепляя их законодательно. Для населения электронная демократия – это инструмент, позволяющий быть реальным участником процесса принятия политических решений» [4, с. 8].

Л. К. Гроссман исследовал политическую систему США и утверждал, что «крупные фракции общества мобилизованы возможностями, созданными старшими и более новыми методами интерактивного общения и как следствие возросшей неудовлетворенности стилем профессиональных политиков, чиновников и выборных представителей, ищут возможности контролировать политику. Они хотят снизить ответственность политиков, ограничивая срок полномочий, внося поправки в бюджет и проводя референдумы» [5, с. 287–289].

Современное развитие ИКТ и поступательный переход общества к все большей информатизации и вынужденной необходимости экономии времени и ресурсов определяют концептуальность и перспективность реализации проекта «электронная демократия» в систему органов государственного управления.

Таким образом, сам механизм внедрения «электронной демократии» в работу государственных органов управления должен быть четко адаптирован под административную и законодательную систему Республики Беларусь. Это позволит устранить в будущем проблемы в понимании и применении принципов, форм и инструментов взаимодействия общества и органов государственного управления.

Для обоснования необходимости трансформации принципов, элементов и методов государственного управления и политического строя Республики Беларусь следует обратить внимание на исследование Economist Intelligence Unit. Индекс демократии в «Economist Intelligence Unit» дает представление о состоянии демократии по всему миру для 165 независимых государств. Это охватывает почти все мировое население и подавляющее большинство государств мира (микросостояния исключены). Индекс демократии основывается на пяти категориях: избирательный процесс и плюрализм; гражданские свободы; функционирование правительства; политическое участие; политическая культура. На основании его оценок по ряду показателей в рамках этих категорий каждая страна сама классифицируется как один из четырех типов режима: «полная демократия», «недостаточная демократия», «гибридный режим» и «авторитарный режим» [6].

По результатам исследования Республика Беларусь отнесена к странам с авторитарным режимом управления, впрочем страны экономические союзницы Республики Беларусь также отнесены к данному типу государственного управления (рисунок 1).

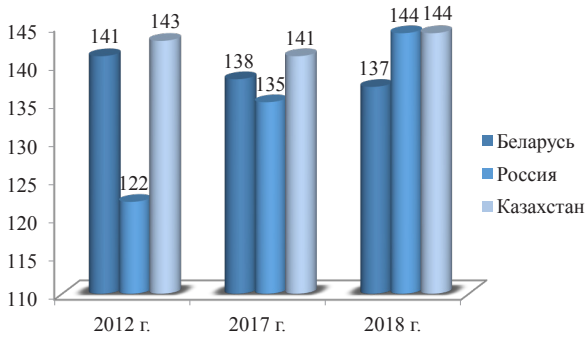


Рис. 1. **Динамика позиций Беларуси, Казахстана и России по индексу демократии (Economist Intelligence Unit)**
Примечание: разработка автора на основе [6; 7].

В 2018 г. по индексу демократии Республика Беларусь заняла только 137 позицию (3,13) между африканскими странами Гвинеей и Того из 167 стран, представленных в рейтинге. Для сравнения по странам соседям:

Россия – 144 место (2,94), Украина – 84 место (5,69), Литва – 36 место (7,5), Латвия – 37 место (7,28), Польша – 54 место (6,67).

Показатели развитых стран в 2018 г.: США – 25 место (7,96), Япония – 22 место (7,99), Германия – 13 место (8,69). Лидер рейтинга демократии – Норвегия с показателем в 9,98 [6].

В данном контексте опыт развитых стран, которые начали активно внедрять принципы «электронной демократии» в работе государственных структур еще с начала 1980-х гг., видится перспективным.

Наиболее распространенным понятием, которое описывает текущие изменения в современной демократии (которые являются следствием применения Интернета и других инструментов ИКТ), является понятие электронной демократии. По мнению тех, кто поддерживает внедрение новых технологий, современная цивилизация сейчас стоит перед эпохой электронных форм управления [8]. Стоит добавить, что электронная демократия ошибочно отождествляется только с интернет-демократией. В литературе отсутствует единый подход к дифференциации этих двух типов демократии. Как уже упоминалось выше, мы можем перечислить электронную демократию и интернет-демократию. Электронная демократия – это понятие более широкого значения, и мы можем рассматривать е-демократию как один из ее элементов. Практическое измерение электронной демократии основано на применении каждого из инструментов ИКТ, а именно цифрового телевидения, телекоммуникаций, Интернета. Интернет-демократия – это форма управления, в которой основную роль играет Интернет.

Википедия дает следующее определение электронной демократии*:* «это форма демократии, характеризующаяся использованием информационно-коммуникационных технологий как основного средства для коллективных мыслительных (краудсорсинг) и административных процессов (информирования, принятия совместных решений – электронное голосование, контролирование исполнения решений и т. д.) на всех уровнях – начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным» [2].

Цель электронной демократии – повышение общественно-политической активности граждан за счет расширения возможностей для эффективного взаимодействия граждан, органов власти, общественных организаций, бизнес-структур и других субъектов в процессе осуществления общественно-политической и хозяйственной деятельности.

Электронная демократия подразумевает интеграцию сразу нескольких информационных подсистем (таблица 1):

- е-системы обращения граждан;
- системы электронного правительства (ЭП);
- е-инициативы;
- е-голосования;
- е-обсуждения нормативных правовых актов (НПА);
- е-системы управления административным центром и т. д.

Таблица 1

Модель системы «Электронная демократия»

Элементы	Структура
Открытый бюджет	Прозрачная структура бюджета, механизмов формирования и изменений е-Мониторинг исполнения бюджета с привязкой к задачам государственных программ е-Контроль в сфере государственных закупок Публичная аналитика и отчетность по закупкам
Удобные государственные услуги	Услуги в сфере налогообложения Услуги в сфере здравоохранения Услуги в сфере лицензирования и регистрации Услуги в сфере образования и культуры Услуги в сфере учета и обращения недвижимого имущества Услуги в сфере социальной защиты населения
Электронный документооборот	е-Обращения граждан, документы Личный кабинет гражданина Государственная почта
Кадровая эффективность	Открытые и обсуждаемые критерии эффективности работы государственных служащих Участие населения в оценке работы государственных служащих Единый портал кадров

Примечание: разработка автора на основе [1; 3].

Принципы работы системы «Электронная демократия»:

• обеспечение высокого уровня прозрачности деятельности местных властей и свободный обмен информацией между ними и обществом на основе стандарта информационной открытости;

• обеспечение активного участия общества в подготовке, реализации решений и оценки эффективности работы органов власти;

• повышение качества и доступности государственных услуг;

• развитие гражданской ответственности, эффективного взаимодействия и контроля общества.

Результат внедрения – оптимизация механизма государственного управления и сокращение бюджетных расходов (рисунок 2).

Назначение электронной демократии – эффективный диалог государства и общества.

При этом эффективными инструментами взаимодействия в данном контексте будут:

• сетевая коммуникация граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений (электронное голосование) и гражданский контроль за деятельностью органов власти

• планирование и реализации гражданских инициатив, коллективное обсуждение в режиме on-line.

Рис. 2. **Возможности системы «электронная демократия» для ее участников**
Примечание: разработка автора на основе [3].

Внедрение системы «Электронная демократия» позволит сформировать:

1) новый механизм реализации общественно-политических технологий;

2) новый механизм администрирования обращений граждан (открытая деятельность).

Электронное правительство использует информационные технологии, чтобы сделать правительство более эффективным. Электронная демократия использует информационные технологии, чтобы сделать выборы должностных лиц более подотчетными общественности. В сознании не избранных должностных лиц поощрение электронного правительства является беспроигрышным предложением. Внедрение «электронной демократии» менее желательно для уже избранных должностных лиц. При этом большая часть того, что они делают, находясь на посту, – это попытаться увеличить свои шансы на переизбрание.

Общественность стремится сокращать потери, улучшая обслуживание, а политики смогут показать, что платежи налогоплательщиков расходуются

более эффективно. При этом обеспечение успеха в реализации электронной демократии требует согласования технологических, экономических, политических, правовых, культурных вопросов, связанных с электронной демократией.

Потенциал электронного правительства в Республике Беларусь еще не полностью открыт. В ближайшие годы появятся новые способы использования ИКТ, которые повысят эффективность электронного правительства. Особое поле связи между различными государственными органами может повысить эффективность электронного правительства, если разработчикам удастся согласиться на общие стандарты коммуникации и обмена информацией. Кроме того, поле безопасной и подотчетной идентификации пользователя имеет большой потенциал для повышения эффективности работы всей системы [1, с. 184].

При успешном развитии одного из них можно будет разработать широкий спектр форм, требующих безопасной идентификации пользователя, и в результате сдвинуть большую часть работы государственных служащих в государственной администрации на отдельного пользователя публичного сервиса. В то же время подотчетная идентификация пользователя позволит государственному органу предоставить гражданам доступ к информации о них и следить за их собственными делами. Делая это, можно будет иметь гораздо более открытое администрирование социально-политических процессов в Республике Беларусь.

Несмотря на то, что органам правительства Республики Беларусь все еще не хватает результатов общего исследования, которое доказывает, что «электронная демократия» в системе электронного правительства является более эффективным способом осуществления государственного управления и устанавливает, сколько денег было сэкономлено, некоторые тематические исследования показали, что государственная администрация, использующая ИКТ, по крайней мере в этих случаях может выполнять больше задач с тем же количеством сотрудников, обслуживающих большее население, чем государственное управление без использования ИКТ.

Дальнейший успех развития «электронной демократии» в системе электронного правительства Республики Беларусь также зависит от отношения граждан. Если у них нет доступа к технологии, если они не знают, как использовать современные ИКТ, если они не принимают публичные услуги электронным способом или если они не доверяют электронным службам, но боятся злоупотребления, то будет невозможно реализовать потенциал в области электронного правительства. Таким образом, государственным органам ставится задача не допускать цифрового разрыва среди граждан.

Развитие электронного правительства может служить возможностью для политиков для целей оптимизации процесса управления. То, каким образом государственные органы в настоящее время координируют использование ИКТ, будет определять электронную инфраструктуру, которую эти

власти должны использовать внутри страны и с внешними участниками на многие годы вперед. Соответственно, электронное правительство может быть настроено таким образом, чтобы поддерживать политиков. Использование ИКТ может облегчить политикам общение с внешними участниками и тем самым сделать рамки сотрудничества видимыми, поскольку они могут использовать технологию для дискуссий, которые важны в их усилиях по созданию общего понимания и смысла. Но это развитие не произойдет само по себе. Политики должны воспринимать «электронную демократию» в системе электронного правительства как измерение институциональной основы сетевого регулирования, а также в их работе по строительству и поддержке различной сетевой политики. В то же время участие политиков в процессе разработки электронного правительства могло бы, вероятно, привести к дальнейшему развитию электронной демократии, где демократическое использование ИКТ получит больший акцент.

Таким образом, электронная демократия является неотъемлемой частью цифровой трансформации нации. Это означает разумное использование цифровых инструментов для обогащения и преобразования существующих моделей и практик управления. ИКТ могут значительно повысить прозрачность, отзывчивость и подотчетность правительства и предоставить гражданам Республики Беларусь дополнительную возможность участвовать в политических процессах, что приведет к лучшим политическим результатам для общества в целом.

Пока неясно, что произойдет с развитием электронной демократии в Республике Беларусь. Сегодня, как представляется, маловероятно, что электронная демократия будет развиваться как единая часть электронного правительства Республики Беларусь. С другой стороны, многие небольшие эксперименты с различными формами электронной демократии указывают на независимое развитие, в котором опробованы демократические потенциалы ИКТ и разрабатываются новые приложения. Эта ситуация еще более вероятна, если политики пересмотрят свое значение в системе государственного управления и начнут интерпретировать развитие электронного правительства как часть их роли.

Список использованных источников

1. *Батура, В. В.* Предпосылки и условия внедрения системы электронной демократии в Республике Беларусь / В. В. Батура // Управление в социальных и экономических системах: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2013 г. / Минск. ин-т упр.; редкол.: Н. В. Суша [и др.]. – Минск, 2013. – С. 183–184.

2. Википеция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki. – Дата обращения: 12.01.2019.

3. *Голычев, А. А.* Электронная демократия как фактор повышения политического участия граждан современной России: автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / А. А. Голычев; РАГС при прте РФ. – М., 2006. – 24 с.

4. *Миночкин, А. Л.* Информационно-политические риски электронной демократии: концептуальный аспект: дис. ... канд. полит. наук / А. Л. Миночкин. – Саратов, 2013. – 189 с.

5. Grossman, L. K. Republika elektroniczna / L. K. Grossman // Wtadza i spoleczenstwo 2. Antologia tekstow z socjologii polityki, ed. by J. Szczupaczynski. – Warszawa, 1998.

6. Democracy Index 2018: Me too? Political participation, protest and democracy [Electronic resource]. – Mode of access: https://nonews.co/wp-content/uploads/2019/01/DI2018.pdf. – Date of access: 11.01.2019.

7. Democracy Index 2017 Free speech under attack. [Electronic resource]. – Mode of access: https://nonews.co/wp-content/uploads/2014/10/Democracy_ Index_2017.pdf. – Date of access: 11.01.2019.

8. *London, S.* Teledemocracy vs. Deliberative Democracy: A Comparative Look at Two Models of Public Talk / S. London // J. of Interpersonal Computing and Technology. – 1995. – Vol. 3. – P. 33–55.

(Дата подачи: 22.02.2019 г.)

А. В. Панченко
Белорусский национальный технический университет, Минск,

A. Panchenko
Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 32.01

ПОЛИТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

POLITICAL SCIENCE IN THE CONTEXT OF THE MODERN WORLD POLITICAL PROCESS

В статье анализируются результаты зарубежной и постсоветской политологии. Обосновывается мысль о недостаточности вклада политологии в утверждение ценностей демократического правового социального государства, верховенства прав человека, следствием чего все ощутимее становится разрыв между политической теорией и политической практикой. В статье показана необходимость нового прочтения прежних теорий и концепций и более глубокого осмысления имеющихся, а также формирования новых парадигм политологии.

Ключевые слова: зарубежная политология; постсоветская политология; парадоксы политической практики; новые парадигмы политологии.

The article analyzes the results of the foreign and post-Soviet political science. The author substantiates the idea of the insufficient contribution of the political science to the establishment of the values of a democratic legal social state, the rule of human rights, as a result an increasingly noticeable gap between the political theory and the political practice. The article suggests the need for a new reading of previous theories and concepts and a deeper understanding of existing ones, as well as the formation of new paradigms of the political science.

Keywords: the foreign political science; the post-Soviet political science; paradoxes of the political practice; new paradigms of the political science.

В статье проводится анализ школ политологии, сформировавшихся в разных частях мира (американской, европейской, азиатской, латиноамериканской, африканской, постсоветской) в их соотношении с проблемами по-

литической практики. Политология имеет громадное влияние на характер развертывания мирового политического процесса, но оказалась с неоднозначными результатами на исходе XX – начала XXI в. Почему так случилось? Как воспринимает политические теории политическая практика? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Считается, что наиболее влиятельной в современном мире остается ***американская политология,*** у истоков которой стояли американские федералисты Т. Джефферсон, Д. Мэдисон, Б. Франклин, Т. Пейн, А. Гамильтон и др., некоторые из них стали отцами-основателями США. Но институализация самой науки произошла значительно позже. В 1886 г. при Колумбийском колледже в Нью-Йорке впервые создается Школа политической науки, а затем политология начинает преподаваться в университете Дж. Гопкинса и друних вузах США. В конце XIX – начале XX в. появляются работы Д. Вулси «Политическая наука, или государство, рассматриваемое с теоретической и практической точек зрения» (1878 г.), В. Вильсон «Государство» (1889 г.), Д. Берджес «Политическая наука и сравнительное конституционное право» (1890 г.), У. Уиллоуби «Исследование природы государства» (1896 г.), У. Даннинг «История политических теорий, древность и средние века» (1902 г.), «История политических теорий: от Лютера до Монтескье» (1905 г.), «История политических теорий: от Руссо до Спенсера» (1920 г.) и др.

В этот период под влиянием революционных событий в России зарождаются исследования проблем политического процесса с точки зрения влияния социальных факторов. А. Бентли издает книгу «Процесс управления, изучения социального влияния» (1908 г.), в которой пришел к выводу о том, что все явления государственного управления – это результат действия групп интересов, давящих друг на друга и на политическую элиту. Такие группы становятся генераторами социальной активности людей. В 1922 г. У. Липпман публикует книгу «Общественное мнение», которое автор рассматривал как «основание политической жизни».

Постепенно в американской политологии широкое распространение получает опыт сотрудничества политологов с политическими лидерами в качестве помощников, консультантов, советников с целью апробации своих теорий на практике. Эта традиция не прерывается и в наши дни. Такие крупные политологи, как Г. Киссинджер, З. Бжезинский, К. Райс и др., занимали ведущие позиции в американских администрациях, а после окончания срока своей службы в правительственных учреждениях США вновь возвращались к научной политологической деятельности или преподаванию политологии в университетах.

С начала XX в. и до 1950-х гг. американские политологи проводили исследования на основе т.н. «поведенческого (бихевиорального) подхода», суть которого состояла «…не в тех или иных конкретных выводах или предложениях, а в общей ориентации на превращении политологии в «точную»

науку» путем изучения политического поведения избирателей и способах влияния на него. Позднее большинство политологов пришли к убеждению, что специфика американской политологии не в особенностях ее метода, а в определении предмета исследований и возможностей сосуществования бихевиорализма и функционализма, психологических и институциональных концепций [1, с. 61]. Но пока же Г. Лассуэл, специалист по массовой пропаганде и коммуникации, публикует книгу «Техника пропаганды во время мировой войны» (1927 г.), ставшую классическим трудом по массовым коммуникациям.

После окончания Второй мировой войны обострилось политико-идеологическое противоборство двух мировых социально-политических систем, олицетворяемых ведущими государствами – США и СССР, которое потребовало от американских политологов разработки новых приемов коммуникативного (читай: манипулятивного) воздействия на общественное мнение. Стали исследоваться технологии зондажа общественного мнения и практиковаться панельные (повторяющиеся) опросы избирателей. Американские политологи Б. Берельсон и П. Лазарсфельд издают работу «Выбор народа» (1948 г.), а чуть позже выпускают книгу «Голосование» (1954 г.). Со второй половины 1940–1950-х гг. американские политологи оказались перед глобальным вызовом: крушение системы колониализма и расширение пространства и влияния мировой системы социализма; появление новых независимых государств и выбор ими социалистических моделей ориентации в социально-политическом и экономическом развитии. Все это бросало вызов американской политологии, требуя от нее новых и переосмысления прежних политических теорий. Возникают ставшие классическими теории политической системы, политической культуры, политической модернизации таких авторов, как Д. Истон, Г. Алмонд, С. Верба, У. Ростоу и др. Продолжением этих исследований стали труды Р. Даля, А. Лейпхарта, С. Хантингтона, Л. Пая и др., посвященные проблемам демократии и перехода к ней («демократический транзит»). Одновременно в 1960–1970-е гг. на фоне развернувшейся информационно-технологической революции в США и др. западных государствах большую популярность приобретает системный подход в исследованиях политики. В этот период в США полным ходом идут разработки и внедрение компьютерных, информационных и иных коммуникационных технологий, Интернета вначале в рамках военных структур и оборонных проектов американского правительства, а затем и в гражданские сферы.

Чуть позже в американской политологии возникает и бурно развивается междисциплинарное направление исследований – «советология» и «кремленология» с целью более глубокого изучения государственного строя, политики, экономики, культуры своего оппонента – СССР. По причине практического отсутствия в арсенале американских советологов эмпирической, построенной на достоверных фактах информации об СССР, в «советоло-

гии» и «кремленологии» основными каналами получения информации стали журналистика и разведка, а в научном плане – использование методов «включенного наблюдения», «экспертных оценок». В «кремленологии», к примеру, исследовались принципы и методы принятия политических решений высшими советскими руководителями на основе тщательного анализа видео- и фотосъемок государственных мероприятий, очередность выстраивания советских лидеров на трибунах и их рассаживания на заседаниях, нюансы стиля одежды, речи, поведения и т. п. Крупнейшими американскими советологами становятся У. Буллит, А. Безансон, З. Бжезинский, М. Геллер, Д. Кеннан, Р. Конквест, С. Коэн, К. Райс.

Однако с 1970–1980-х гг. в американской политологии стал ощущаться парадигмальный кризис, связанный с провалами теорий политической модернизации, политической культуры, «демократического транзита» в постколониальных государствах и др., что побудило ученых сосредоточить основные усилия на политико-идеологическом противостоянии с СССР, государствами мировой системы социализма и стран социалистической ориентации. Появляются многочисленные работы, наиболее значимые из которых написаны такими мэтрами американской политологии, как З. Бжезинский и Р. Пайпс: З. Бжезинский «Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники» (1970 г.); Р. Пайпс «Россия при старом режиме» (1974 г.); З. Бжезинский «План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР» (1986 г.); «Большой провал: рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке» (1989 г.) и др., поставившие целью разрыхление, дискредитацию и окончательный подрыв СССР и России, политики, культуры и идеологии государства.

В 1990–2000-е гг. в американской политологии продолжается тренд не столько на «стремление избежать анализа острых политических проблем страны» и «поиск ценностных оснований» [1, с. 135], сколько на теоретическое обоснование превосходства американской модели политического развития и геополитической гегемонии США. Появляются работы таких авторов, как: Ф. Фукуяма «Конец истории и последний человек» (1992 г.), где провозглашается тезис о распаде СССР и распространении либеральных демократий во всем мире как конечной точке социокультурной эволюции человеческого общества и появление окончательной формы человеческого правительства, но уже в более поздней работе «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» (2004 г.) Ф. Фукуяма оспорил выдвинутый им ранее тезис как поспешный; С. Хантингтон «Третья волна. Демократизация в конце XX века» (1991 г.); «Столкновение цивилизаций» (1993 г.); З. Бжезинский «Великая шахматная доска: американское господство и его геостратегические императивы» (1997 г.), «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» (2004 г.) и др.

В начале XXI в. в американской политологии происходят качественные изменения, переоценке подвергаются ранее выдвинутые концепции. В этот

период условия мирового расклада сил существенно изменяются. Это связано с убеждением исследователей о том, что «мировое доминирование одной единственной державы в мире больше невозможно, вне зависимости от того, насколько она сильна или слаба. Особенно это касается ситуации, когда на мировую арену вышли новые региональные державы» [2, с. 200]. Другой причиной называется «нарастание системного кризиса в самих США», сравнимого с тем, который погубил СССР. Этот анализ проводится в последних работах З. Бжезинского «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис» (2010 г.), «Америка и мир: беседы о будущем американской внешней политики» (2013 г.), в которых автор предупреждает США о «неуклонной и в конечном итоге роковой утрате способности играть ведущую роль на мировой арене вследствие нерешенных внутренних и затягивающихся внешних проблем, которые выжимают из нее все соки, постепенно деморализуя общество, подрывая социальный престиж и сокращая кредит мирового доверия». «В результате, прогнозирует ученый, где-то к 2025 году на фоне международной нестабильности Америка де-факто лишится триумфально провозглашенного владычества над XXI веком» [2, с. 119].

Парадигмальный кризис американской политологии стимулирует продолжение научных споров в политологическом сообществе. Организацией, объединяющей научные изыскания американских политологов, является Американская ассоциация политической науки (APSA), образованная в 1903 г. и состоящая из исследовательских комитетов, самыми популярными из которых являются: сравнительная политика; социальная политика; выборы, общественное мнение и избирательное поведение и др.

Европейская политология подлежит, пожалуй, более глубокой дифференциации по причине наличия в ней разновеликих научных центров: западноевропейской, центрально- и восточноевропейской школ политологии. К крупным *западноевропейским* школам политологии относят французскую, британскую, немецкую, итальянскую. У истоков западноевропейской политологии стоят Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Э. Берк, Ж.-Ж. Руссо, А. Токвилль, Т. Мор, К.-А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн, К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Вебер и др.

Во Франции политология была институализирована в 1871 г. с открытием Свободной школы политических наук; в Италии – в 1875 г. с основанием Школы социальных наук «Чезаре Альфиери»; в Великобритании – в 1895 г. с созданием Лондонской школы экономики и политических наук; в Германии – в 1920 г. с образованием Высшей политической школы. Основной метод исследований европейских политологов – институционализм, акцент на изучении институтов государства и гражданского общества. Среди работ европейских институционалистов выделяют следующие труды: англичанин Д. Брайс «Американская республика» (1888 г.), «Современные демократии» (1921 г.); С. Лоу «Государственный строй в Англии» (1910 г.); французов М. Ориу «Теория института и ее основание» (1906 г.), Л. Дюги «Конститу-

ционное право» (1908 г.) и «Государство, объективное право и положительный закон» (1901 г.); немцев Ф. Оппенгеймера «Государство» (1908 г.);,Р. Михельса «Социология политической партии в условиях современной демократии» (1911 г.) и др.

Во второй половине XX в. продолжилось изучение политических институтов. Французский политолог М. Дюверже посвящает изучению институтов специальные работы: «Политические партии» (1951 г.), «Политические институты и конституционное право» (1970 г.) и др. Основной упор на политические институты в западноевропейских исследованиях сохраняется и в наши дни. Большое внимание политическим институтам уделяют такие политологи, как итальянец Дж. Сартори, французы Р. Арон, М. Дюверже, М. Доган, Ж. Блондель, голландцы Х. Даальдер, П. Мэр, норвежцы С. Роккан, Й. Ольсен, Э. Ойен, немец К. фон Бейме и др.

Очень сильное влияние на западноевропейскую политологию оказали взгляды К. Маркса. Новая интерпретация взглядов К. Маркса со стороны неомарксистов – Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе – привела к широким исследованиям по проблеме «отчуждения», которая была положена в центр современных политических институтов, превратившихся из средства защиты общества в орудие подавления личности и общества. Итальянский коммунист А. Грамши одним из первых пришел к выводу, что жизнеспособность буржуазной системы основана не только на материальных, но и идеологических (культурных, интеллектуальных) факторах. Господство класса буржуазии основано как на принуждении, так и на идеологическом лидерстве (гегемонии). Гегемония осуществляется посредством институтов гражданского общества – партиями, профсоюзами, образовательными и культурными учреждениями, церковью, СМИ и т. д. А. Грамши утверждал, что гражданское общество и составляет идеологическую надстройку, за которую должны вести борьбу рабочий класс и коммунистическая партия, т. е. борьбу за гегемонию.

Политологи Европы объединены в национальные политологические ассоциации. Приоритетными направлениями их исследований являются: политическая система собственной страны и ЕС; международные отношения; политический анализ и государственное управление; политическая социология; политическая теория и история политических идей. Вместе с тем европейским политологам трудно развести анализ политических институтов в собственных государствах и исследование политической системы ЕС.

Центрально- и восточноевропейская политология обладает особой спецификой, поскольку государства региона в течение 1940–1980-х гг. находились в условиях развития марксистско-ленинской парадигмы в системе общественных наук. Падение коммунистических режимов по результатам «бархатных революций» привело к официальному отказу от марксистско-ленинского наследия в общественных науках. Широко распространенной темой исследований политологов стала проблема «демократического тран-

зита» – перехода от коммунистической диктатуры к демократии. С этой целью ученые в государствах Центральной и Восточной Европы прилагают усилия к разработке концепций о применимости разработанных на Западе теорий к политическим реалиям собственных государств. В этом направлении работают такие ученые как: в Болгарии – Д. Канев, Г. Карасимеонова, Р. Колорова, Ф. Дмитрова; в Венгрии – А. Бозоки, Х. Энеди, М. Шукошд; в Польше – Я. Василевский, В. Рошковский, Я. Станишкис, А. Пшеворски; в Румынии – В. Тисмэняну, В. Пасти, М. Миррою, С. Брукан; в Чехии – В. Чермак, Я. Шкалоуда и др. В целом в политологии Центральной и Восточной Европы большое внимание уделяется анализу собственной национальной идентичности и развитию собственных политических систем. Координирующую роль в европейских исследованиях выполняет Европейский консорциум политических исследований (ECPR).

К ***азиатской политологии*** можно отнести школы политологии в Японии, Южной Корее, Индии, Китае. Специфика каждой из этих школ обусловливается особенностями демократизации этих государств и степенью влияния на них американской политологии. В этом смысле почву для развития *японской политологии* «подготовила ее безоговорочная сдача союзным войскам во главе с США» [3, с. 134] сразу после окончания Второй мировой войны и американской оккупации Японии. Японский политолог, профессор Токийского университета Такаси Иногучи отмечает, что главными темами японских политологов стали два вопроса: 1) что происходило с «богатой», обладающей «сильной армией» и неуклонно продвигающейся по пути «просвещения и предпринимательства» Японии в 1930–1940-е гг.; 2) в чем секрет западной демократии? Поиск ответов на эти вопросы приводит к выделению в японской политологии исследователей современной политической истории и специалистов по западному миру. После распада СССР японские политологи стали больше внимания уделять изучению своей политической системы. Возрос интерес к государствам постсоветского пространства, в частности, к России в связи с появлением проблесков надежд в разрешении заскорузлой проблемы т.н. «северных территорий». В 1948 г. была создана Ассоциация политической науки Японии, насчитывающая как индивидуальных, так и коллективных участников, которыми выступают десятки кафедр политологии по всей стране.

В 2015 г. японский политолог Каору Иокибэ сформулировал такие проблемы современной японской политики: 1) в чем причина сильного влияния бюрократии на политическую жизнь страны; 2) почему сохраняется партийная система с одной доминантной партией; 3) чем объясняется крайне слабая партийная идентификация граждан; 4) как в процессе принятия политических решений и электоральном поведении переплетаются политика и экономика? Ответом на растущие противоречия политического развития Японии стало проведение 9–13 июля 2006 г. в г. Фукуока XX Всемирного конгресса политологов под названием «Работает ли демократия?», обсуж-

давшим такие темы, как проблемы глобализации, модели демократии, нового мирового порядка, перспективы всемирной демократизации.

Южно-корейская политология оформилась в 1953 г. после окончания корейской войны и образования Корейской ассоциации политических наук (KPSA), но была сильно заторможена в годы правления диктаторских режимов. Активизация южнокорейской политологии начинается с 1989 г. после объявления военным диктатором Южной Кореи Ро Де У о демократизации режима. С этого периода главной темой южнокорейских политологов стала проблема «третьей волны демократического транзита», которая разрабатывается такими политологами, как Дж. К.-Ч. О. Сунхюк Ким, Д. Ч. Шин, М. Ву-Кьюмингс и др. [3, с. 136–137]. Своеобразным признанием заслуг южнокорейской политологии стало проведение 17–21 августа 1997 г. XVII Всемирного конгресса политологов в Сеуле.

Китайская политология стала развиваться после реформ Дэн Сяопина и начала политики либерализации в 1980-х гг. В этот период китайские политологи проводили исследования и опубликовали работы: академик Ян Цзияки «Политическое лидерство», «Власть и правда»; Хэнин Ванн «Сравнительный политический анализ», «Китайская политическая культура в деревнях и семье». Несмотря на импортирование из США политологической терминологии, из выходящих в Китае книг отнюдь не следует, что страна должна отказаться от Коммунистической партии и коммунистического правления. Политология используется либо для критики западной модели демократии, либо для обоснования необходимости тщательного и взвешенного осмысления западных практик применительно к специфическим условиям Китая [3, с. 138]. Китайские политологи не являются участниками Международной ассоциации политических наук, протестуя против членства в ней Тайваня, который не признается Китаем суверенным государством.

Индийская политология играет уникальную роль в современной политической науке и практике, поскольку в Индии демократические политические институты и ценности соседствуют с пережитками кастового строя, а экономические успехи – с невысоким уровнем жизни основной массы населения. Основоположниками индийской политологии являются М. Ганди и Дж. Неру – политические мыслители и борцы за независимость Индии. Современная проблематика индийских политологов состоит в поиске путей разрешения главного противоречия – потребности в обеспечении целостности и единства индийской нации и сохранении и развитии ее культурно-религиозного многообразия. Кризис прежних политических теорий формирует запрос на качественно новые идеи, которые оказались бы способны, по словам индийского политолога Бипана Чандры, «примирить конфликтующие интересы и соединить «расходящиеся перспективы». Б. Чандра в своей книге «Становление современной Индии: от Маркса до Ганди» (2000 г.) отмечает, что сегодня нет важнее задачи, чем открытие шлюзов для полноводных потоков, способных смыть «накопившуюся грязь столетий». К числу

известных индийских политологов относят П. Шарана, Л. Венкатешварана, С. Ранганатана. Координационную функцию в работе индийских политологов, кафедр и факультетов политологии осуществляет Индийская ассоциация политической науки.

Латиноамериканская политология сохраняет видение проблем развития региона с точки зрения соотношения стран «третьего мира» с теориями отсталости и зависимости. Такие исследователи, как А. Агиляр, Р. Пребиш, С. Фуртаду, Э. Кардозу, Э. Фалетто, Т. Душ-Сантуш и др., пришли к заключению, что такое положение латиноамериканских государств выгодно прежде всего странам Запада.

Иначе к проблемам Латинской Америки подходят исследователи в Аргентине. Известный аргентинский политолог Гильермо О'Доннел сосредоточил свое внимание на проблемах и формах перехода к демократии. В мировой политологии имя ученого известно как основоположника термина «делегативная демократия», или первой стадии демократизации – перехода от авторитаризма к демократии. На основе обобщения политического опыта Аргентины, Бразилии, Перу, Эквадора, Боливии и др. государств О'Доннел пришел к выводу, что «делегативная демократия» (в другой интерпретации – «полномочная демократия») – это не настоящая демократия. В них процесс принятия политических решений, формирование воли большинства населения с помощью справедливых выборов, равный доступ к власти не институциализированы, отсутствуют устойчивые формы взаимодействия субъектов политики в соответствии с правилами и нормами. Но, несмотря на это, «делегативные демократии» являются довольно устойчивыми и опираются на официальные институты: суд, парламент, партии, президент. Но в силу слабости политических институтов и сложности социально-экономических проблем, доставшихся от предыдущих правительств, доминирующим в системе власти становится институт президентства, которому делегируются значительные, чтобы не сказать неограниченные властные полномочия. В «делегативных демократиях», по О'Доннелу, президент рассматривается как воплощение единства нации, главный хранитель и знаток национальных интересов. Победа на выборах предоставляет ему право самостоятельно вырабатывать политический курс, не опасаясь противодействия иных институтов власти [4, с. 185–198]. Современные политологи из государств Латинской Америки объединены в Латиноамериканскую ассоциацию политической науки (ALAPS), крупнейшими участниками которой являются Аргентинская и Бразильская ассоциации. Всемирные конгрессы политологов трижды в XX в. проводились в Латинской Америке: XII – в г. Рио-де-Жанейро, Бразилия, в 1982 г.; XV – в г. Буэнос-Айрес, Аргентина, в 1991 г.; XXI – в г. Сантьяго, Чили, в 2009 г.

Африканская политология представлена довольно слабо в мировой политологии, тем не менее, политологические исследования проводятся в Сенегале, ЮАР. В Африканском институте ООН по экономическому раз-

витию и планированию в г. Дакаре критически переосмысливают развитие глобального капитализма, где государства «первого мира» – США, ЕС, Япония – подвергают эксплуатации государства «третьего мира», используя монополию на передовые технологии, оружие массового поражения, СМИ и т. д. Сенегальский политолог Самир Амин рекомендует государствам Африки добиваться автономии от мирового «центра». В качестве примера он приводит опыт бывшего СССР, отгородившегося от капитализма «железным занавесом», и опыт Южной Кореи, где отсутствовало подавляющее влияние государственной собственности, но крупные корпорации играли ту же роль, что и государство в СССР. Крупнейшим объединением африканских политологов является Южноафриканская ассоциация политических исследований, образованная в 2001 г. В целях установления постоянных контактов с африканскими политологами и попытке остановить маргинализацию Африки в глобализирующемся мире 29 июня – 4 июля 2003 г. в г. Дурбан (ЮАР) проходил XIX Всемирный конгресс политологов. Его тема – «Демократия, толерантность, справедливость: вызовы для политических изменений».

Постсоветская политология возникла после предписания ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 марта 1988 г. Госкомитету СССР по науке и технике «пересмотреть и утвердить номенклатуру специальностей с учетом развития новейших направлений развития науки и техники». Госкомитет, в свою очередь, 4 ноября 1988 г. издает Постановление № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников», согласно которому впервые в стране официально утверждалась номенклатура специальностей по политическим наукам [5, с. 316]. Его можно считать официальным днем рождения политологии на постсоветском пространстве. Но отправным пунктом сложного процесса становления политологии в постсоветских государствах следует считать период после кончины И. Сталина, проведения XX съезда партии, разоблачившего культ личности и начала регулярных контактов советских ученых с Международной ассоциацией политических наук (МАПН) в рамках созданной в 1960 г. Советской ассоциации политических (государствоведческих) наук. Эти контакты не прерывались все последующие десятилетия. В 1979 г. созрели предпосылки для проведения в Москве XI Всемирного конгресса политологов под девизом «Мир, развитие, знание: вклад политической науки». Этот Конгресс помог теоретическому оформлению политики «перестройки» и «гласности» и легализации самой политологии во второй половине 1980-х гг. В 1990-е гг. проводится институциализация политологии, формируются политологические сообщества и происходит их идеологическое размежевание. В 1991 г. была образована Российская ассоциация политической науки (РАПН), по инициативе которой стали созываться Всероссийские конгрессы политологов. В 1993 г. была зарегистрирована Белорусская ассоциация политических наук (БАПН), объединившая специалистов в сфере социально-гуманитарного знания и практиков. 25 октября 2018 г. БАПН провела Международную научную

конференцию «Беларусь в условиях глобализации и интеграции», в работе которой участвовали белорусские и зарубежные ученые, общественные деятели, главы дипмиссий Германии и Швейцарии [6]. Наряду с действующей Российской ассоциацией политической науки в 2013 г. было создано Российское общество политологов (РОП). 10 сентября 2018 г. в Москве состоялся очередной Съезд РОП, на котором делегаты обсуждали вопросы развития политологического образования, а также приняли участие в торжествах по случаю 10-летия образования ф-та политологии МГУ им. М. В. Ломоносова. По мнению российских исследователей М. Е. Корякина и А. Ю. Сунгурова, в РОП институционально оформилась «почвенническая» часть политологического сообщества, ориентирующаяся более на обслуживание задач государства» [7, с. 18].

В начале XXI в. постсоветская политология продолжает оставаться неустойчивым явлением в политической практике. Вклад постсоветской политологии оказался недостаточным в утверждение ценностей демократического правового социального государства, укрепление институтов гражданского общества и верховенства прав человека. Как следствие, все ощутимее становится разрыв между политической теорией и политической практикой. В государствах Балтии, например, с начала 1990-х гг. действует законодательство, определяющее как угрозу национальной безопасности вступление в любые интеграционные проекты с Россией и другими государствами СНГ. При этом декларируемая приверженность демократическим идеалам и ценностям уживается с сохраняющимся массовым институтом «неграждан» (Латвия) и «лиц с неопределенным гражданством» (Эстония). Русскоязычные жители документированы паспортами «неграждан» и «лиц с неопределенным гражданством». Процедура «натурализации» для русскоязычных жителей государств Балтии, волею судьбы оказавшихся в этих республиках после 1940 г., является обязательной. Доказательством лояльности служит совершенное владение государственными языками, признание официальной идеологической концепции, принесение клятвы верности.

Несогласные столкнулись с дискриминацией и поражением в правах. Например, в законодательстве Латвии закреплено 70 различий между гражданами и «негражданами». В частности, для «неграждан» законодательством установлены запреты на профессию, занятие определенных должностей в системе государственного управления; ограничено право личной собственности; установлены запреты на занятия предпринимательской деятельностью, установлены иные ограничения. Политическая дискриминация проявляется в запрете для «неграждан» участвовать в избирательном процессе – выборах в Сейм, муниципалитеты. В Эстонии «лица с неопределенным гражданством» подвержены дискриминации по целому ряду политических и социально-экономических прав. В частности, им запрещено занимать государственные должности, действует запрет на свободу распоряжаться своей собственностью и быть правомочными субъектами привати-

зации, состоять в политических партиях и создавать их, участвовать в политической жизни – голосовании на выборах; избираться и быть избранными на политические должности и др. Международные организации настойчиво призывают власти Латвии и Эстонии ускорить процесс сокращения безгражданства. Безотлагательность решения этой проблемы продиктована тем, что многие люди так и умирают, не дождавшись гражданства, некоторые отчаялись и попросили российское гражданство, а кто-то просто уехал.

«Советская оккупация» – другая насущная проблема политической практики Литвы, Латвии, Эстонии. Требование к России о выплате денежной компенсации за ущерб, связанный с периодом «советской оккупации», включая «демографические, экономические и экологические потери», не снимается с политической повестки. В 2010 г. Эстония подсчитала, что ее ущерб от «оккупации Советским Союзом» составил около «49 млрд долларов». В апреле 2016 г. специальная комиссия в Латвии оценила ущерб от «оккупации» в «300 млрд евро, если не больше». В сентябре 2016 г. потребовать от России выплату ущерба от «советской оккупации» решили власти Литвы по латвийскому методу – поднять архивные документы и вычислить баланс финансовых потоков между Вильнюсом и Москвой за советские десятилетия. Россия закономерно отвергает подобные претензии, называя их бессмысленными и бесперспективными с точки зрения международного права, а лиц, озвучивающих требования к России о выплате многомиллиардной компенсации за советское прошлое относит к «больным людям с уже неисправимой психикой» [8].

За истекшие десятилетия сформировались и другие парадоксальные явления. В постсоветской политологии сих пор не удалось преодолеть противопоставление сторонников западных идеалов и государственников; демократов и коммунистов; «соборности» и авторитаризма; сочетания государственных и религиозных институтов и антиклерикалов и др., что формирует основания ценностного раскола в базовых политических ценностях. Углубление раскола очевидно на фоне обострения социальной несправедливости в обществе, что ставит под сомнение способность демократических ценностей купировать кризисные явления. По данным российских политологов, для большинства простых россиян «демократические ценности вообще не имеют первостепенного значения» и «не являются ключевыми стимулами политической активности». Также налицо «низкая роль политических партий и парламента» [9, с. 31–32] как ведущих институтов политической деятельности.

Продвижение демократических ценностей постсоветской политологией сталкивается с серьезнейшим препятствием в виде угрожающего роста социального расслоения в мире в целом, углубления неравенства, появления невиданных масштабов бедности, нищеты и зависимости. Великие идеалы прежних поколений людей, которые заставляли их сражаться на баррикадах, подвержены глубокому размыванию. Это право на труд, который сво-

бодно выбирается, 8-часовой рабочий день, достойное вознаграждение по результатам своего труда; право на образование, право на здравоохранение, право на пользование достижениями науки, культуры и искусства, а в целом, общемировым наследием человеческой цивилизпции.

Ученые давно бьют тревогу: «положение людей остается фундаментально неравным во всех странах мира, включая и самые развитые постиндустриальные государства. Сегодня только в США 1 % населения владеет 42 % национального богатства, как это было в 1900-х гг. Более 73 % прироста национального богатства в США в 2000–2007 гг. пришлось на долю 1 % американцев. В Великобритании 1 % граждан стал владеть 25 % национального богатства, а 50 % населения – всего лишь 6 %. При этом из 60 млн населения этой процветающей страны 11 млн живут в бедности и нищете.

В России 1 % самых состоятельных граждан получает 40 % всех доходов страны…» [10, с. 7, 26]. «Согласно официальным критериям оценки нищеты, в России за чертой бедности живут ровно 50 % населения страны. Бедность становится хронической, консервируется и передается следующему поколению" [11, с. 89–90]. В этих условиях повышение пенсионного возраста в России в 2018 г. для женщин до 60 лет и для мужчин до 65 лет при недостаточно высокой продолжительности жизни, уровня доходов и др. резко обостряет проблему социальной несправедливости, усиление которой, по данным ВЦИОМ, ощутили «более трети россиян – 32 %» [12].

Другая проблема – востребованность специалистов-политологов. В рамках современной системы образования выпускники-политологи получают такие специальности: в России – «исследователь политики, преподаватель политических наук»; «политический лидер», «сотрудник международной организации, дипломат»; «политический аналитик, консультант»; «PR-менеджер в сфере политики»; «государственный служащий»; «политический журналист»; «политтехнолог, менеджер избирательной кампании»; «GR-менеджер» и др.; в Беларуси – «политолог-юрист», «политолог-менеджер», «историк-политолог». Но в течение длительного времени не решается «главная проблема – турбулентность и кризисность рынка политических профессий» [13, с. 71. 75], сложность трудоустройства политологов, особенно в Беларуси.

Эти и другие факторы порождают потребность в переосмыслении современной политологии, в которой всё большую роль играют культурологические, этнонациональные, цивилизационные особенности. Новые явления в современной политической практике нуждаются в новых понятиях и вкладывании нового смысла в старые определения. Необходимо новое прочтение прежних теорий и подходов и более глубокое осмысление имеющихся. Необходимы новые парадигмы политологии, которые бы адекватно интерпретировали новые явления. Очевидно, что в жизни современной политологии наблюдается определенная остановка. Но это такая пауза, которая готовит принципиально новое измерение политической науки.

Список использованных источников

1. Актуальные проблемы современной политической науки США // Зарубежная политическая наука: история и современность. – М.: ИНИОН, 1990. – Вып. 2. – 272 с.

2. *Бжезинский, З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2015. – 285 с.

3. *Иногучи, Т.* Политическая наука в трех демократиях: «нелояльной» (Япония), демократии «третьей волны» (Южная Корея) и «зарождающейся» (Китай) / Т. Иногучи // ПОЛИС. – 2004. – № 5. – С. 131–140.

4. *О'Доннел, Г.* Делегативная демократия / Г. О'Доннел // Век XX и мир. – 1994. – № 7–8. – С. 185–198.

5. *Панченко, А. В.* Совершенствование механизмов отбора и подготовки кадров высшей квалификации в области политической науки / А. В. Панченко // Инновации и подготовка кадров высшей квалификации в Республике Беларусь и за рубежом / под ред. И. В. Войтова. – Минск: ГУ «БелИСА». 2008. – С. 316.

6. Беларусь в условиях глобализации и интеграции: материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 25 окт. 2018 г. – Минск: БНТУ, 2018. – 206 с.

7. *Карягин, М. Е.* Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу / М. Е. Карягин, А. Ю. Сунгуров // ПОЛИС. – 2016. – № 2. – С. 8–20.

8. *Лавров, С. В.* Компенсацию за прошлое Латвии требуют больные люди / С. В. Лавров // Известия. – 2016. – 28 апр.

9. *Селезнева, А. В.* Демократические ценности в современном российском обществе / А. В. Селезнева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. – 2016. – № 6. – С. 20–33.

10. *Шкаратан, О. И.* Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России / О. И. Шкаратан // Мир России. – 2018. – Т. 27, № 2. – С. 6–35.

11. *Карадже, Т. В.* Формирование субкультуры бедности в России: миф или реальность / Т. В. Карадже // Вестн. РУДН. Сер. Политология. – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 89–95.

12. Социальная справедливость в России / ВЦИОМ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http: http: // www.wciom.ru /. – Дата доступа: 23.11.2018.

13. *Чихарев, И. А.* Политические профессии и образовательные стандарты: российский опыт / И. А. Чихарев, О. В. Столетов // Вестн. Моск. ун-та. Сер.12. Политические науки. – 2017. – № 1. – С. 66–76.

(Дата подачи: 18.01.2019 г.)

М. И. Радкевич
Республиканский институт высшей школы, Минск

M. Radkevich
National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 32.019(476)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

IDEOLOGICAL ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF SOCIAL ASSOCIATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Предметом статьи является анализ идеологических аспектов функционирования общественных объединений Республики Беларусь на примере деятельности профессиональных союзов, объединений частного бизнеса, РОО «Белая Русь» и религиозных организаций Римско-католической и Белорусской православной церквей.

Ключевые слова: идеологическая сфера; идеологическое поле; общества современности; общественные объединения; трипартизм; профсоюзы; социальные учения.

The subject of the article is the analysis of the ideological aspects of the functioning of public associations of the Republic of Belarus on the example of the activities of trade unions, private business associations, the ROO Belaya Rus and religious organizations of the Roman Catholic and Belarusian Orthodox churches.

Keywords: Ideological sphere; ideological field; modern societies; public associations; tripartism; unions; social teachings.

Общественные объединения – это группы людей, добровольно организовавшиеся в какой-либо форме для совместной деятельности с целью реализации определенных социальных потребностей и интересов, кроме извлечения коммерческой прибыли и участия в осуществлении государственной власти [1, с. 151]. В обществах современности такого рода объединения граждан действуют практически во всех сферах жизнедеятельности людей – политике, экономике, образовании, науке, культуре, здравоохранении, религии, управлении, спорте, туризме, экологии и т. д. По состоянию на 01.01.2018 г. в Республике Беларусь зарегистрировано 29 профессиональных союзов (23 республиканских профсоюза, 1 территориальный профсоюз и 5 профсоюзов в организациях) и 23 837 профсоюзных организаций; 2 856 общественных объединений, из них 223 международных, 762 республиканских и 1871 местных. В стране действует также 39 союзов (ассоциаций) общественных объединений, 7 республиканских государственно-общественных объединений, 3 488 религиозных организаций, 195 фондов (16 международных, 7 республиканских, 172 местных) [2; 3]. В своей совокупности они образуют значительную часть институтов гражданского общества Республики Беларусь.

Общественные объединения, которые не ставят своей целью участие в осуществлении государственной власти, обычно не считают необходимым разрабатывать собственную идейно-политическую доктрину. Тем не менее, поскольку деятельность каждого из них имеет в своей основе определенный интерес, позиционируемый ими как ценность общественной значимости, то этот интерес и составляет, в сущности, идеологический аспект их функционирования. Это означает, что основными проводниками социально-политической активности становятся не партии, а общественные объединения (или движения), добивающиеся реализации определенных групповых интересов. Проиллюстрируем данное положение на примере деятельности некоторых общественных объединений нашей страны, поскольку обратиться к основной массе из них не представляется возможным.

Важнейшими институтами обществ современности, выражающими и отстаивающими интересы людей наемного труда, являются профессиональные союзы. Историческое значение такого рода объединений заключалось в том, что, защищая интересы и права наемных работников, они стали основой развития рабочего движения, а затем и социал-демократических партий. С переходом индустриально развитых обществ от либерально-рыночной к социально ориентированной рыночной экономике наблюдается существенное изменение роли профсоюзов в сфере социально-экономических и политических отношений: из инструмента классовой борьбы они превратились в инструмент обеспечения конструктивного взаимодействия между трудящимися, структурами бизнеса и государством. Соответственно, изменилась и позиция объединений нанимателей и институтов государства: ими также были восприняты принципы конструктивного взаимодействия друг с другом и профсоюзами в вопросах обеспечения общественного прогресса и социальной справедливости. Другими словами, профсоюзы не отвергают такие базовые ценности социально-демократического общественного устройства, как свобода, равноправие, справедливость, солидарность, сотрудничество и ответственность социальных субъектов [4, с. 410–411].

В Республике Беларусь в настоящее время членами профсоюзных организаций являются более 4 млн работников наемного труда, или 96,5 % экономически активного населения страны [5]. Основой деятельности этих организаций является положение статьи 41 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «граждане имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы, заключение коллективных договоров (соглашений) и право на забастовку» [6, с. 11]. Закон Республики Беларусь «О профессиональных союзах» определяет профсоюз как общественную организацию, объединяющую граждан для защиты трудовых, социально-экономических прав и интересов. Закон устанавливает также, что профсоюзы участвуют в разработке и реализации социально-экономической политики государства и политики в области занятости населения [7]. В Трудовом кодексе, Декретах

и Указах Президента, актах Правительства республики конкретизируются и существенно дополняются указанные права профсоюзов.

На таких подходах и развивается в настоящее время взаимодействие органов государственной власти и управления Республики Беларусь и объединения профсоюзов – Федерации Профсоюзов Беларуси. Центральное место в работе профсоюзов занимают важнейшие направления экономических отношений, связанные с использованием труда человека: занятость, рабочее место, оплата труда, условия труда и др. Особое внимание профсоюзы уделяют контролю за выполнением законодательства о труде, разработке и осуществлению мероприятий по защите социально-экономических прав и интересов трудящихся, участию в совершенствовании правовых норм и социальных нормативов.

Еще одним важным структурным элементом экономической составляющей идеологической сферы современного белорусского общества являются объединения частного бизнеса, которые выражают интересы предпринимателей. В их деятельности явно просматриваются, как минимум, два аспекта – аналитический и практический.

Первый из них выражается в том, что структуры частного бизнеса акцентируют внимание на ряде существенных проблем и рисков: неравные условия хозяйствования частного и государственного секторов экономики, слабые механизмы антимонопольного контроля, дорогие кредитные ресурсы и неразвитый финансовый рынок, высокие регуляторные, арендные и налоговые издержки ведения бизнеса, низкая платежная дисциплина, в первую очередь государственных организаций, растущий дефицит высокопрофессиональных менеджеров и работников, отстранение частного бизнеса от процесса реструктуризации, приватизации и субконтрактации (способ организации производства с опорой на кооперационное взаимодействие малого, среднего и крупного бизнеса) и пр. Кстати, вопрос стоимости кредитных ресурсов и доступа к финансам становится сегодня одним из наиболее чувствительных для бизнеса, о чем свидетельствуют данные опросов предпринимателей.

Второй аспект – практический – выражается, в частности, в том, что координационным советом Республиканской конфедерации предпринимательства, к примеру, разработана очередная Национальная платформа бизнеса Беларуси – 2018 «От возможностей к реальности», состоящая из конструктивных предложений частного бизнеса, призванных помочь государству справиться с основными современными вызовами, такими, как: модернизация экономики и проведение структурных реформ, отток квалифицированных трудовых ресурсов, создание новых высокопродуктивных рабочих мест, создание институтов конкурентной экономики, сбалансированное развитие регионов и столицы, дороговизна кредитных ресурсов и неразвитость финансового рынка, диверсификация внутреннего производства и экспорта [8]. Представители структур частного бизнеса хотят таким образом показать, что они задумываются не только о собственных интересах.

Как видно, можно говорить о компонентах экономического характера негосударственной идеологии в идеологической сфере белорусского общества, о наличии в ней негосударственных идеологических по своему характеру институтов – союзов предпринимателей, выражающих интересы и устремления данной социальной группы, а также о соответствующих идеологических процессах.

Социально-экономическая сфера есть та область общественной жизни, в которой наиболее часто и зачастую весьма остро проявляются интересы различных категорий граждан. Для обеспечения согласованности позиций и учета во многом не совпадающих интересов сторон коллективно-трудовых отношений мировая практика выработала форму разрешения неизбежно возникающих конфликтов интересов сторон мирными средствами, которая получила название социального партнерства или трипартизма (от греч. *tri* – три и англ. *participation* – участие). Социальное партнерство представляет принцип и практику регулирования трехсторонних отношений между правительством, предпринимательскими кругами и профсоюзами, призванные обеспечить многосторонний процесс взаимного консультирования и принятия участниками определенных обязательств. Договоренности, достигнутые сторонами, оформляются соответствующими соглашениями.

В Республике Беларусь принцип социального партнерства закреплен в статье 14 Конституции Республики Беларусь: «Отношения в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзами осуществляется на принципах социального партнерства и взаимодействия сторон» [6, с. 6]. Утверждение отношений социального партнерства в нашей стране происходит на разных уровнях: общенациональном, отраслевом, местном и на уровне предприятий (организаций). Очевидно, что существуют три основных субъекта коллективно-трудовых отношений: организации, представляющие интересы наемных работников, объединения работодателей и государство. Объектами таких отношений обычно являются условия труда, уровень доходов, социальное положение субъектов, их место, роль и права в создании и распределении произведенного продукта. Главной же целью отношений социального партнерства можно считать учет и сбалансированность интересов основных его субъектов.

Формой закрепления договоренностей между участниками трехсторонних отношений по вопросам труда, занятости, медицинского обслуживания, социального страхования, а также по другим вопросам уровня и качества жизни работников, учащихся и пенсионеров является Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзами. Очередное Генеральное соглашение заключено на 2019–2021 гг. [9]. Соглашение является важным правовым актом, устанавливающим общие принципы регулирования социально-трудовых отношений на республиканском уровне. Фактически оно

представляет собой основу гражданского согласия в белорусском обществе, призвано содействовать развитию коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений, конструктивному взаимодействию и социальному партнерству. Три ключевых субъекта социально-трудовых отношений – наемные работники, объединения работодателей и государство – являются выразителями и носителями элементов экономического характера идеологической сферы современного белорусского общества.

Таким образом, важнейшей составляющей идеологической сферы современного белорусского общества являются элементы экономического характера. Собственно идеологический компонент здесь представлен спектром идей, выражающих интересы различных категорий граждан и социальных групп в деятельности по производству и распределению социальных благ. В этой сфере функционирует система государственных и негосударственных институтов, занятых производством и обеспечением реализации идей экономического характера. В ней также происходят весьма сложные и интенсивные процессы взаимодействия и взаимовлияния различных идей и институтов. Вся совокупность идей, институтов и процессов, составляющих экономическую составляющую идеологической сферы современного белорусского общества, легитимируется государством непосредственным образом связана с его деятельностью исходя из того, что государственная власть на территории страны выступает как высшая власть, а в мировом сообществе – как самостоятельная, независимая власть.

За последние 10 лет на идеологическом поле страны серьезные позиции заняло Республиканское общественное объединение «Белая Русь». По состоянию на февраль 2019 г. в нем состоит более 177 тыс. членов. Хотя РОО «Белая Русь» пока не позиционирует себя в качестве партии, его программа представляет собой не что иное, как партийную идейно-политическую платформу. В программе объединения, принятой на II съезде 3 ноября 2012 г., специально оговаривается, что его идейная платформа «базируется на идеологии белорусского государства» [10]. Объединение безоговорочно разделяет основы конституционного строя Республики Беларусь, поддерживает внутри- и внешнеполитический курс страны, осуществляемый под руководством Президента А. Г. Лукашенко. Это дает основания квалифицировать его идейно-политическую доктрину как социально-либеральную.

В своей программе объединение «Белая Русь» заявляет, что в качестве стратегической задачи белорусского народа оно рассматривает построение независимой, сильной и процветающей Беларуси, способной обеспечить достойную жизнь всем гражданам страны. Оно считает, что условием достижения этой цели является консолидация белорусского общества, активное участие каждого человека в созидательных усилиях нации. В программе подчеркивается, что «необходимость адекватных ответов на вызовы современности требует от народа и власти, наряду с сохранением и приумножением лучшего опыта, накопленного за годы сложного пути создания

независимого государства, обобщения достижений в этой области наиболее экономически и социально развитых стран; поиска новых, эффективных путей и механизмов достижения перспективных целей развития страны» [10]. В программе содержится также перечень задач в политической, экономической, социальной, духовной сферах в области молодежной политики, во внешнеполитической деятельности, решению которых объединение будет уделять приоритетное внимание.

На данном этапе объединение «Белая Русь» стремится обеспечить себе известность и положительный имидж в глазах граждан путем осуществления позитивных социальных инициатив – содействие решению коммунальных проблем, благоустройство городов и сельских поселений, оказание помощи ветеранам, многодетным семьям, людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, и т. п. РОО «Белая Русь» вносит серьезный вклад в консолидацию общества, укрепление идеи народного единства, развитие процессов демократизации на принципах социальной справедливости и с опорой на традиции и ценности белорусского народа. Весьма вероятно, что в недалеком будущем объединение преобразуется в политическую партию.

Непременным компонентом идеологического поля обществ современности, в том числе белорусского общества, являются разрабатываемые служителями культа и религиозными философами представления относительно наиболее важных вопросов политических, экономических, социальных, правовых, духовно-культурных, нравственно-этических и международных отношений. В интерпретации такого рода вопросов обычно используются ссылки на положения книг Священного Писания, которые служат обоснованию от имени церкви определенных установок на взгляды и поведение верующих в реальных жизненных ситуациях. Выражаемые при этом идеи обычно закрепляются в форме определенных концепций, называемых также учениями, отвечающих более или менее требованиям последовательности и непротиворечивости. В идеологическом поле белорусского общества определенные диспозиции занимают социальные учения Римской католической церкви и Русской православной церкви. Основное содержание первого из них изложено в двух энцикликах[1] римских первосвященников Льва XIII (1810–1903) «Rerum Novarum» (1891; «О новых вещах») и Иоанна Павла II (1920–2005) «Centesimus Annus» (1991; «Сотый год») [11]. Соответствующее учение Русской православной церкви изложено в документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятом

[1] Энциклика (от позднелат. *encyclicus* – окружной, общий) – первоначально окружное послание епископа. В современной католической церкви – послание папы Римского, обращенное ко всем католикам либо «ко всем людям доброй воли» и посвященное вопросам веры, морали, социально-политическим проблемам. Пишется, как правило, на латинском языке и получает название по первым словам текста. Энциклика не подлежит обсуждению и обязательна к исполнению.

Архиерейским Собором в 2000 г. [12]. Положения одной и второй концепций используются в обращениях представителей высшего христианского духовенства к верующим по случаям важнейших событий церковной жизни, в официальных документах церкви, в богословских сочинениях, в проповедях священнослужителей во время службы и т. д.

Таким образом, идейные компоненты деятельности более 2,8 тысяч общественных и государственно-общественных объединений страны, включая социальные концепции, которыми руководствуются действующие в стране религиозные общины Белорусской православной церкви и Римско-католической церкви, являются важным структурным элементом идеологической сферы современного белорусского общества. Идеологические аспекты функционирования указанных субъектов представлены спектром идей, выражающих актуальные интересы различных категорий граждан и социальных групп в сфере производства и распределения общественных благ. Идеологическая составляющая деятельности белорусских общественных объединений и религиозных организаций обусловлена постоянно меняющейся общественной ситуацией и практически не противоречит базовым положениям идеологии белорусского государства.

Список использованных источников

1. *Мельник, В. А.* Политология: пособие / В. А. Мельник. – Минск: Выш. шк. – 2014. – 367 с.

2. Политические партии, общественные объединения и другие некоммерческие организации [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Беларусь [Официальный Интернет-портал]. – 2019. – Режим доступа: https://minjust.gov.by/directions/compare_coverage/. – Дата доступа: 19.02.2019.

3. Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религий и национальностей [Официальный сайт]. – 2019. – Режим доступа: http://belarus21.by/Articles/1439296790. – Дата доступа: 19.02.2019.

4. *Мельник, В. А.* Основы идеологии белорусского государства: пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Мельник. – Минск: Выш. шк., 2009. – 416 с.

5. Официальная информация [Электронный ресурс] // Федерация Профсоюзов Беларуси [Официальный сайт]. – 2007–2019. – Режим доступа: https://1prof.by/about/off//. – Дата доступа: 10.02.2019.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. и 17 окт. 2004 г. – 2-е изд. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. – 64 с.

7. Закон Республики Беларусь «О профессиональных союзах» [Электронный ресурс] // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Официальный сайт]. – 2003–2019. – Режим доступа: http://pravo.by/document/?guid=3961&p0= V19201605/. – Дата доступа: 10.02.2019.

8. Национальная платформа бизнеса Беларуси – 2018. От возможностей к реальности / Координационный совет по развитию и продвижению «Национальной платформы бизнеса Беларуси». – Минск: Колорград, 2018. – 224 с.

9. Социальное партнерство / Генеральное соглашение [Электронный ресурс] // Федерация Профсоюзов Беларуси [Официальный сайт]. – 2007–2019. – Режим доступа: https://1prof.by/about/off//. – Дата доступа: 10.02.2019.

10. Программа Республиканского общественного объединения «Белая Русь» [Электронный ресурс] // Республиканское общественное объединение «Белая Русь» [Официальный сайт]. – 2007–2019. – Режим доступа: https://belayarus.by/docs/informatsionnyy-tsentr/programma/. – Дата доступа: 10.02.2019.

11. 100 лет христианского социального учения. – М.: Изд-во «Останкино», 1991. – 64 с.

12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата [Официальный сайт]. – 2005–2019. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html. – Дата доступа: 10.02.2019.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

А. М. Разумовский
Военная академия Республики Беларусь, Минск

A. Razumovsky
Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 372

УКРАИНА: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОБЫТИЙ

UKRAINE: COMPLEX APPROACH TO ANALYSIS OF EVENTS

Статья посвящена нынешней общественно-политической ситуации в Украине, которая объясняется наложением целого ряда конфликтов: геополитического, цивилизационного и олигархического. Названы субъекты этих конфликтов. Показаны проблемы разрешения конфликтов и даются некоторые прогнозы развития ситуации.

Ключевые слова: геополитический конфликт; цивилизационный конфликт; олигархический конфликт; субъекты конфликта; цели сторон.

The article is devoted to the current socio-political situation in Ukraine, which is explained by the imposition of a number of conflicts: geopolitical, civilizational and oligarchic. Named the subjects of these conflicts. The problems of conflict resolution are shown and some forecasts of the development of the situation are given.

Keywords: geopolitical conflict; civilizational conflict; oligarchic conflict; subjects of the conflict; goals of the parties.

В настоящее время на территории Украины проявляется ряд различных по предыстории, существующим противоречиям и участникам, но взаимосвязанных конфликтов, наложение которых синтезирует общенациональный кризис.

Геополитический конфликт по линии Россия – Запад Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко назвал в качестве одной из главных причин дестабилизации общественно-политической ситуации в Украине и государственного переворота в Киеве.

Еще в XIX веке германский канцлер О. фон Бисмарк сформулировал мысль, что без Украины Россия просто большая страна, а с Украиной – великая Россия. В двух мировых войнах колонизация Украины рассматривалась одной из главных целей Германской и Австро-Венгерской империй, а затем и нацистской Германии, причем не только с точки зрения расширения жизненного пространства на восток, но и с точки зрения значительного ослабления России.

Именно «сдерживание» России актуализировало в очередной раз «украинский вопрос». В начале XXI века Москва стремилась вовлечь Киев в Евразийский экономический союз, что обеспечило бы ему по международным меркам достаточно внушительный экспортный потенциал и емкий внутренний рынок [1]. Брюссель и Вашингтон видели в такой интеграции угрозы усиления России и обострения глобальной экономической конкуренции. Об этом неоднократно и откровенно говорили представители западного политического истеблишмента. Внешняя политика Запада после распада СССР в отношении России имела достаточно четкое проявление и в сути сводилась к следующему:

• препятствовать любым инициируемым Россией интеграционным процессам на постсоветском пространстве с целью не допустить усиление геополитического конкурента и сохранить глобальное доминирование;

• всячески замедлять инновационный рост российской экономики и модернизацию оборонного потенциала с целью достижения военно-стратегического превосходства, достаточного для «сдерживания» Москвы (в том числе посредством реализации стратегии «передового базирования», развертывания глобальной системы ПРО, милитаризации космоса);

• создать «пояс нестабильности» вокруг России или обеспечить контроль над внешней политикой сопредельных стран с целью препятствования внешнеторговому обмену и в целом экономическому развитию;

• всемерно способствовать ослаблению центральной власти, созданию предпосылок «управляемого хаоса» и распада федерации, чтобы исключить риск возрождения России как мировой державы и получить свободный доступ к российской ресурсно-сырьевой базе [2].

Украина фактически оказалась инструментом этой антироссийской политики. При этом сама она с многочисленными внутренними проблемами вряд ли всерьез рассматривалась западными геополитическими игроками с точки зрения получения значительных экономических дивидендов. Еще в 1997 г. «Уолл-Стрит джорнал» называл эту страну потенциальным банкротом и непривлекательной с точки зрения инвестиционных проектов [3].

Следует признать, что на сегодняшний день в деле решения «украинского вопроса» США добились определенных успехов:

• сорвана попытка масштабной евразийской интеграции;

• американские политические партнеры консолидированы вокруг антироссийской политики вопреки своим частным экономическим интересам;

• обеспечен внешний контроль над государственной властью Украины и задан ее антироссийский внешнеполитический курс;

• нанесен существенный ущерб российской экономике (через политику санкций, затруднение транзита, разрыв технологических связей, дополнительные бюджетные расходы и т. д.);

• расширено американское политическое и военное присутствие в Европе.

Ответными действиями Кремлю удалось на время консолидировать российское общество и повысить рейтинг власти, улучшить военно-стратегическое положение в черноморском регионе и отсрочить политическую интеграцию Украины в НАТО. Однако в глобальном масштабе это скорее тактические, чем стратегические успехи.

Попытка договориться в «нормандском формате», оставив за скобками США, хотя и снизила интенсивность вооруженного конфликта на Донбассе, однако:

• подтвердила статус Донбасса как украинской территории, временно неподконтрольной Киеву, что идейно ослабило сопротивление киевскому режиму;

• способствовала передышке от военных неудач, формированию с американской помощью силовых структур, лояльных режиму, усилению русофобских настроений в украинском обществе;

• не привела к принципиальным противоречиям между США и их европейскими партнерами, изменению отношения ЕС к официальному Киеву, выходу европейцев из антироссийских санкций, признанию нового статуса Крыма и др.

Для Украины действия субъектов геополитического конфликта обернулись внутренним расколом украинского общества по векторам внешнеполитической ориентации и вооруженным конфликтом на Донбассе, отделением Крыма, укреплением олигархического диктаторского режима, обострением экономических и социальных проблем при явно недостаточной компенсации со стороны США и ЕС.

В ходе продолжающегося геополитического конфликта Россия – Запад США в дальнейшем будут стремиться:

• не допустить отхода основных государств-членов ЕС от политики антироссийских санкций (одним из поводов останется «украинский вопрос);

• сохранить свой контроль над Киевом, обеспечить устойчивость диктаторского режима и неизменность его антироссийский внешней политики;

• расширить свое военное присутствие в Украине;

• переложить на Брюссель основное бремя решения социально-экономических проблем Украины как ассоциированного члена ЕС.

В силу объективных причин, кроме геополитического противоборства, Украина оказалась втянутой в цивилизационный конфликт.

Историческая конфронтация западно-христианской (иудейско-христианской) и православно-славянской цивилизаций вновь обострилась в начале 1990-х гг., после распада мировой социалистической системы и прекращения глобального идеологического противостояния. По словам З. Бжезинского, после крушения коммунизма главным врагом сионизированного Запада становится православие, то есть одна из системообразующих цивилизационных составляющих. Эта мысль нашла подтверждение в событиях на Балканах, где субъекты конфликта имели четко выраженную цивилизационную принадлежность, а в ходе противоборства прибегали к этно-конфессиональным и историко-культурным «чисткам». Например, только в Хорватии было уничтожено около двухсот православных монастырей и храмов, в Словении снесено около трехсот сербских сел.

Если геополитический конфликт вокруг Украины получил достаточно широкое освещение и обсуждение в глобальном информационном пространстве, включая российское, то существование цивилизационного конфликта как-то предпочитают замалчивать или вовсе ставить под сомнение.

Между тем Украина, находясь на «разломе» (по С. Хантингтону) православно-славянской и западно-христианской цивилизаций, неоднократно становилась ареной масштабных конфликтов по оси «восток – запад». Этнографические и этноконфессиональные группы украинского народа, как и другие этносы на территории нынешней Украины, длительные исторические периоды формировались и развивались под влиянием различных цивилизаций. Если считать некорректным (хотя и спорным) вопрос о существовании единого украинского этноса, то, по крайней мере, следует признать наличие цивилизационных отличий внутри его. В противостоянии православно-славянской и западно-христианской цивилизаций глубинные отличия между группами украинского общества всегда играли немаловажную роль, усиливая противоречия и побуждая к противоборству на той или иной стороне [3].

Не коррупция или тяжелое социально-экономическое положение населения, не интересы геополитических субъектов или украинских олигархов, даже не отсрочка ассоциации с ЕС, а именно цивилизационный фактор стал катализатором массового противостояния и внутреннего вооруженного конфликта.

Субъектами цивилизационного конфликта в Украине выступают сторонники и противники в вопросах государственного устройства, языка и идеологии, внешнеполитической и экономической ориентации, образования и отношения к историческому прошлому, конфессиональной принадлежности и др. Агрессивные сторонники западно-христианской цивилизации навязывают всему населению страны свои цивилизационные ценности и претендуют на элитарное положение в украинском обществе. Об этом,

в частности, свидетельствует юридически оформленное вытеснение с территории Украины православной церкви Московского патриархата.

Нынешняя киевская власть, проводя с одобрения Запада политику тотальной «украинизации», пытается ускоренными темпами формировать украинскую нацию именно как часть западно-христианской цивилизации. Лозунг майдана «Украина – это Европа» следовало изначально понимать как «Украина – часть западного мира», а желание интегрировать Украину в структуры ЕС и НАТО – как нетерпение оформить и закрепить эту принадлежность.

На рубеже XX–XXI вв. ослабить негативное влияние цивилизационного фактора на украинское общество могла бы федерализация государственного устройства с предоставлением широких полномочий регионам в социально-культурной сфере при внешней нейтральности и внутренней толерантности официального Киева. Этот сценарий имел сторонников не только на юге и востоке, но и на западе страны. Он хоть и вызывал сомнения относительно будущего Украины, но в какой-то мере гарантировал «цивилизованный развод» в случае общенационального кризиса [3]. Дальнейшие события показали, что такой сценарий не устраивал ни Запад, ни украинских олигархов.

Решить искусственным путем цивилизационный конфликт невозможно. На формирование устойчивой цивилизационной принадлежности уходят сотни лет. Находящиеся у власти украинские прозападные радикалы не могут мгновенно стереть в глубинах сознания людей то, что закладывалось веками, даже если тотальной пропагандой на некоторое время склонят общественное мнение в свою пользу. Ограничить цивилизационный конфликт при продолжении политики тотальной «украинизации» возможно только в условиях диктатуры, подавляющей одну часть общества с опорой на другую (соответственно противопоставляющей одну другой). Формы принуждения могут быть различными. В свое время лидеры ОУН в целях нациостроительства были готовы, если потребуется, уничтожить большую часть украинского населения, а их современные последователи писали в своих листовках «Крым будет украинским, или безлюдным» [4].

Для государственных и негосударственных структур западно-христианского мира украинский цивилизационный конфликт был и остается частью большого цивилизационного конфликта, в рамках которого следует ожидать продолжение всесторонней поддержки диктаторского режима и его сторонников, в том числе:

• через формирование в глазах мировой общественности образа «демократического» режима, «героически» противостоящего российской агрессии;

• оправдание любых мер режима и его активных сторонников, направленных на ускоренное нациостроительство и подавление сопротивления политике тотальной «украинизации» (в том числе российской угрозой суверенитету);

• нивелирование в рамках западно-христианской цивилизации отдельных проявлений общественного недовольства событиями в Украине, связанными с нарушением прав и свобод, преследованиями, героизацией и проявлениями нацизма, политическими убийствами, погромами, захватами и т. п. (например, в Польше, Венгрии, Израиле и др.);

• игнорирование заявлений международных организаций, пытающихся привлечь внимание к событиям в Украине, и др.

В борьбе за раздел советского наследия в Украине сформировались группы (кланы) представителей крупного финансово-промышленного капитала. За время суверенитета экономическая мощь кланов трансформировалась в политическую власть и, наоборот, контроль над властью стал необходимым условием получения прибылей, конкурентных преимуществ, гарантий безопасности и т. п. В результате в Украине сложилась олигархия, установившая политическое, экономическое и информационное господство в стране [4].

Украинский олигархический конфликт имеет два аспекта.

Во-первых, это перманентный межклановый конфликт. Он проявляется через череду скандалов, связанных с борьбой за власть, лоббированием экономических интересов, переделами собственности, рейдерскими захватами, коррупцией, арестами активов и нейтрализацией оппонентов.

Во-вторых, это внешний конфликт украинской олигархии в отстаивании своих интересов, определенным образом связанный с геополитическим и цивилизационным конфликтом Россия – Запад.

Практически все, что производилось или реализовывалось украинскими кланами и пользовалось спросом на внешних (особенно привлекательных западных) рынках, имело российские аналоги. Российская олигархия и крупные компании стали основными конкурентами украинских кланов на внешних и внутренних рынках в металлургии, добывающей промышленности, военном производстве и торговле оружием, аграрном секторе, пищевой промышленности, транспорте и т. п. Кроме того, более мощные и мобильные российские компании пытались составить серьезную конкуренцию местным олигархическим кланам при приватизации и переделе собственности в Украине.

При таких обстоятельствах политика официального Киева за годы суверенитета была вполне логична. Это лояльность к странам Запада, где обеспечивались экспортные и финансовые интересы украинской олигархии, и противостояние России как экономическому конкуренту. По мере того, как для украинского экспорта снижалась значимость российского рынка на фоне роста отрицательного сальдо внешней торговли, это противостояние только усиливалось. Украинские олигархи были одними из главных сторонников подписания соглашения об ассоциации с ЕС.

Не менее значимой для проводимого политического курса Киева была и цивилизационная ориентация украинской олигархии. Считается, что

крупный капитал космополитичен по своей сути. Однако если посмотреть на две сотни богатейших людей Украины, то более 80% из них по ряду признаков никак нельзя считать представителями православно-христианской цивилизации. Их ориентация в конфликтах Россия – Запад и внутри украинского общества вполне совпадает с цивилизационной принадлежностью, а практическая деятельность координируется из США и Израиля. В частности, эти страны прилагают усилия по ограничению внутреннего конфликта между кланами и их консолидации в рамках внешнего конфликта.

Таким образом, распространенной ошибкой при анализе событий в Украине следует считать их объяснение исключительно проявлением геополитического противостояния Россия – Запад или внутреннего социально-экономического протеста, в то время как имеет место ряд различных, но взаимосвязанных конфликтов. Каждый из конфликтов уникален, имеет свою историю, своих субъектов с объективно существующими ценностями и противоречиями в политической, экономической, социальной и духовной сферах. Они не изолированы, а связаны между собой – субъекты одного конфликта одновременно могут быть участниками других конфликтов. В реально складывающейся ситуации ни один из конфликтов не может быть разрешен, а лишь временно ограничен. Однако искусственное снижение напряженности одного из конфликтов не влечет безусловной деэскалации других, оставленных за скобками.

Наложение конфликтов порождает общенациональный кризис, вследствие которого Украина в обозримой перспективе останется «зоной нестабильности». Данное обстоятельство не предполагает заключения с этой страной долгосрочных международных договоров, повышает риски инвестиций и совместных коммерческих проектов, создает опасность «экспорта нестабильности» и требует от сопредельных государств (в том числе и на западе) принятия дополнительных мер по обеспечению безопасности в различных сферах.

Список использованных источников

1. *Вассерман, А. А.* Острая стратегическая недостаточность / А. А. Вассерман, Н. Н. Латыпов. – М.: АСТ: Астрель, 2012.

2. *Энгдаль, У.* Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в Новом мировом порядке. – СПб.: Геликон Плюс, 2010.

3. Управление: государство, политика, безопасность: монография / М. В. Ильин [и др.]. – М.: ИСПИ РАН, 2006.

4. *Дудчак, А. В.* Третья мировая: «демократическая» война, как механизм ненасильственного передела мировых ресурсов / А. В. Дудчак, А. Я. Маначинский. – Киев: ЧП «Золотые ворота», 2011.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

С. В. Решетников
Белорусский государственный университет, Минск

S. Reshetnikov
Belarusian State University, Minsk

УДК 32.009

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА КАФЕДРЕ ПОЛИТОЛОГИИ БГУ

PRIORITIES OF POLITICAL RESEARCH DEVELOPMENT IN THE DEPARTMENT OF POLITICAL SCIENCE OF BSU

В статье обоснованы и классифицированы основные тенденции в развитии национальной политической науки. Исследуется процесс становления статусного самоопределения и развития предметных полей политической науки БГУ. Актуальность представленных в статье материалов обусловлена необходимостью разработки отечественной методологии политической науки. Без серьезной научной проработки целей публичной политики, средств ее реализации и оценки невозможно формирование государственных программ социально-экономического и культурного развития Республики Беларусь. Материалы статьи имеют значение как в плане научном (разработка фундаментальных направлений белорусской политической науки), так и в практическом (разработка социальных технологий формирования и реализации государственной политики в важнейших сферах жизни белорусского общества).

Ключевые слова: политическая наука; теория и методология политической науки; политические процессы и институты; политическая культура и идеологии; международные политические отношения; политическая регионалистика и этнополитика.

The aim of the article is to substantiate and classify the main trends in the development of national political science. The object of research is the process of status self-determination and development of subject fields in political science, developing in the BSU. The relevance of the materials presented in the article is due to the need to develop a domestic methodology for political science. Without a serious scientific study of the objectives of public policy, the means for its implementation and evaluation, it is impossible to formulate state programs for the social, economic and cultural development of the Republic of Belarus. The materials of the article are important both in terms of the scientific (the development of the fundamental directions of the Belarusian political science) and in the practical (the development of social technologies for the formation and implementation of state policy in the most important spheres of life of the Belarusian society).

Keywords: Political science; Theory and methodology of political science; Political processes and institutions; Political culture and ideology; International political relations; Political regionalism and ethnopolitics.

Политология как наука сейчас представляет собой важнейшую и престижную научную и учебную дисциплину, занимает важное место в системе социальных наук. В Беларуси основную роль в разработке ключевых проблем политической науки и подготовке кадров высшей квалификации политологов играют университеты. Важнейшим центром подготовки научных кадров в области политической науки является Белорусский го-

сударственный университет. С 1992 г. на специальности «Политология» юридического факультета БГУ ведется подготовка специалистов с высшим образованием с квалификацией «политолог-юрист». На базе кафедры политологии функционируют магистратура, аспирантура, докторантура. Совет по защите докторских диссертаций при БГУ с 1992 г. осуществляет подготовку кадров высшей квалификации по трем специальностям: «Теория политики, история и методология политической науки» (подготовлено 12 кандидатов наук и 3 доктора наук), «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» (подготовлено 17 кандидатов наук и 4 доктора наук), «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» (подготовлено 3 кандидата наук и 3 доктора наук). Всего за последние 20 лет в Республике Беларусь подготовлено около ста кандидатов политических наук и 11 докторов политический наук. Две докторские диссертации защищены за пределами Беларуси.

В Беларуси пока нет научных учреждений республиканского уровня, которые проводили бы фундаментальные исследования в сфере политических наук, государственной политики и государственного строительства. Конечно, есть академические институты – Институт философии, Институт экономики, Институт социологии, решающие свои, специфические проблемы. Но нет той основы, на которой бы подобные учреждения могли концентрироваться вокруг междисциплинарного исследовательского центра, ибо государственная политика складывается из множества частей: экономической, политологической, производственной, образовательной и др. Некоторые разработки ведутся на кафедре политологии БГУ. Но это лишь эксперименты – на большее учебное заведение просто не способно.

Исследования предметных полей политических исследований на кафедре политологии юридического факультета и в рамках Совета по защите докторских диссертаций по политическим наукам при БГУ (Д 02.01.18) ведутся с начала 1990-х гг.

Одним из важнейших предметных полей научных исследований на кафедре политологии стало направление «Теория и философия политики, история и методология политической науки». В рамках этого направления кафедрой и Советом по защите подготовлены значительные исследования в плане формирования белорусской национальной школы по политическим наукам. В их числе докторские диссертации, к примеру «Концепция правового государства в либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в.» В. Н. Ватыля. Им также был подготовлен ряд фундаментальных монографий, в том числе «Государство как гарант человеческой свободы (Интерпретация русской формы раннего политического либерализма)» [1], «Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса» [2], «Сильное и эффективное государство: историко-персонологический дискурс» [3].

В. Н. Николаевич явился организатором 7 международных конференций в Гродно: «Белорусская политология: многообразие в единстве».

Важным событием в научной жизни Республики Беларусь стала защита докторской диссертации В. А. Мельника «Государственная идеология Республика Беларусь: теоретико-методологические аспекты». В. А. Мельник проводит научные исследования в области теории и методологии государственной политики в Республике Беларусь: «Республика Беларусь: власть, политика, идеология: практическая политология» [4], «Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы» [5]. На базе научных изысканий профессора В. А. Мельника сформировалось целое поколение учебников и учебных пособий по предмету «Политология» с грифом Министерства образования Республики Беларусь. В их числе: «Современный словарь по политологии», «Введение в политическую теорию».

Знаковым явлением в научной жизни Беларуси стала докторская диссертация Н. А. Антанович «Теория и методы анализа государственного управления в политической науке» (июнь 2018 г.). Актуальность диссертации в свете вышесказанного не вызывает сомнений. В мире господствуют высокие технологии. Доминирующими технологиями, определяющими экономическое могущество государства и уровень благосостояния его граждан, являются высокие технологии в области государственного управления. Однако в основе технологий государственного управления заложены феномены более фундаментального порядка, т. е. лежат в сфере фундаментальной области управленческих наук в области теории и методологии государственного управления.

Согласно приказу Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 315 от 28.12.2018 г. «Об итогах ежегодного конкурса на лучшую докторскую и кандидатскую диссертации», диссертация Н. А. Антонович стала победителем ежегодного конкурса на лучшую докторскую диссертацию с вручением диплома лауреата конкурса в номинации «гуманитарные науки».

В рамках предметного поля «Философия политики, теория и история политической науки» (по шифру 23.00.01) в БГУ сформировалась научная школа, базирующаяся на диссертационных исследованиях ряда авторов: Горелик Александр Викторович (1992 г.); Малевич Юлиана Игоревна (1995 г.); Курбыка Тамара Ивановна (1995 г.); Антанович Нина Арсеньевна (1998 г.); Скок Наталья Владимировна (1995 г.); Паречина Светлана Геннадьевна (2001 г.); Подкопаев Владимир Викторович (2001 г.); Дорошенко Александр Валерьевич (2001 г.); Екадумова Ирина Ивановна (2003 г.); Белявцева Дина Владимировна (2004 г.); Давыденко Светлана Семеновна (2005 г.); Суздалева Ирина Владимировна (2005 г.); Стром Александра Викторовна (2009 г.); Шимов Всеволод Владимирович (2009 г.); Симановский Иван Сергеевич (2010 г.); Решетникова Татьяна Сергеевна (2011 г.); Ватыль

Николай Викторович (2013 г.); Осмоналиев Айдай Таалайбековна (2014 г.); Михайловский Вадим Сергеевич (2015 г.) (в соответствии с приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь в 2015 г. «Об итогах ежегодного конкурса на лучшую докторскую и кандидатскую диссертации» кандидатская диссертация В. С. Михайловского стала победителем ежегодного конкурса на лучшую кандидатскую диссертацию с вручением диплома лауреата конкурса в номинации «гуманитарные науки»); Побережная Ольга Евгеньевна (2015 г.); Северин Эдуард Николаевич (2016 г.);

В рамках научного направления «Политические институты, процессы и технологии» (23.00.02) кафедрой политологии и Советом по защите подготовлены значительные исследования в плане формирования белорусской национальной школы по политическим наукам. В их числе докторские диссертации: Решетников Сергей Васильевич «Анализ процесса принятия политических решений в политической науке США (функционально- динамический аспект)» (1995 г.); Земляков Леонид Евгеньевич «Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь» (2000 г.); Бущик Василий Васильевич «Социальные и политические преобразования в Беларуси в постсоветский период: социолого-политолог. анализ» (2000 г.); Махмадов Абдурахман Наврузович «Процесс межнационального общения как социальный политический феномен (опыт Таджикистана)» (1993 г.); Храмцова Флюра Ибрагимовна (переаттестация, докторская) «Политическая социализация молодёжи в Республике Беларусь: гендерное измерение» (2014 г.)

Подготовлены также кандидатские диссертации по исследованиям политических институтов, процессов и технологий: Баранова Елена Владимировна (1992 г.); Белостечник Алла Ивановна (1992 г.); Ясев Владимир Викторович (1993 г.); Тхай Нгок Танг (1994 г.); Котиков Александр Филиппович (1995 г.); Викторчик Олег Яковлевич (1995 г.); Агеев Вячеслав Васильевич (1995 г.); Белобродская Яна Алексеевна (1995 г.); Белобродский Дмитрий Георгиевич (1997 г.); Скакун Евгений Всеволодович (1999 г.); Кузнецова Инна Александровна (2000 г.).

В период действия Совета в 2001–2006 гг. подготовлены следующие диссертации: Ляхович-Петракова Наталья Викторовна (2001 г.); Вожгурова Оксана Владимировна (2003 г.); Ковалева Ирина Валерьевна (2003 г.); Роговцов Дмитрий Александрович (2003 г.); Лапа Ольга Владимировна (2006 г.); Карпухина Ирина Алексеевна (2007 г.); Ильина Елена Михайловна (2007 г.); Слижева Олеся Викторовна (2009 г.).

В рамках шифра 23.00.02 с 2010 г. подготовлены следующие диссертации: Абраменко Елена Геннадьевна (2010 г.); Тишкевич Михаил Яковлевич (2011 г.); Филиппов Александр Анатольевич (2011 г.); Клинова Екатерина Викторовна (2013 г.); Самер З. Абдул Разак (2013 г.); Зенченко Сергей Валентинович (2013 г.); Пяташова Екатерина Михайловна (2015 г.); Волина Лилия Георгиевна (2016 г.); Сорокин Александр Алексеевич (2016 г.).

В рамках научного направления «Политическая культура и идеология» (23.00.03) кафедрой и Советом по защите подготовлены значительные исследования в плане формирования белорусской национальной школы по политическим наукам. В их числе кандидатские диссертаций: Допкюнас Андрей Вадимович (1992 г.); Нгуен Ван Тхань (1992 г.); Жарикова Алла Андреевна (1993 г.); Цзян Е. (1993 г.); Добряев Павел Анатольевич (1993 г.).

В рамках научного направления «Политические проблемы международных отношений глобального и регионального развития» (23.00.04) кафедрой и Советом по защите подготовлены значительные исследования в плане формирования белорусской национальной школы по политическим наукам. В их числе докторские диссертаций, такие как: Агеев Вячеслав Васильевич «Немецкий федерализм и европейская интеграция» (2002 г.); Малевич Юлиана Игоревна «Эволюция концептуальных подходов к правам человека в условиях глобализации» (2005 г.); Матусевич Евгений Вячеславович «Национально-государственные интересы Республики Беларусь в контексте процесса глобализации» (2005 г.); Кизима Сергей Анатольевич «Развитие национального государства в условиях глобализации: геополитический аспект» (2009 г.); Есин Руслан Олегович «Политика трансграничного сотрудничества Республики Беларусь в европейской перспективе: региональное измерение» (2012 г.).

Подготовлены также кандидатские диссертации по данному направлению: Достанко Елена Анатольевна (1998 г.); Шевченко Александр Владимирович (2001 г.); Сакович Василий Андреевич (2002 г.); Малевич Юлиана Игоревна (1995 г.); Гринева Ольга Николаевна (2008 г.); Ломов Сергей Александрович (2009 г.); Пузырев Дмитрий Александрович (2009 г.); Веремеев Николай Юрьевич (2009 г.); Свиридов Артем Васильевич (2015 г.).

Политические исследования в БГУ ведутся по трем фундаментальным измерениям: формальному, содержательному и процессуальному.

Формальное измерение политики воплощено в политическом строе общества, закрепленном конституционным образом. Формальное измерение политики концентрируется в понятии «конституционный строй».

Содержательное измерение политики – это политический курс, который связан с конкретными общественными интересами, ценностными ориентациями, с технологиями принятия политических решений. Содержательное измерение политики связано с деятельностью государства и социальных групп по решению значимых социальных проблем (например, экономическая политика, политика в области образования, здравоохранения и т. д.). Содержательное измерение отражает сферу политического управления, подконтрольную общественности, связано с реализацией политического курса. На этом уровне политические решения облекаются в нормативно-правовую форму и концентрируются в правовых актах, подчиненных конституции и законам страны. Реализация политического курса обеспечивается нормами административного права. Два первых уровня по-

литики (формальный и содержательный) в большей степени несут в себе элементы стабильности, чем изменчивости.

Процессуальное измерение отражает конкретные политические процессы, которые имеют волевые, интеллектуальные, социально-психологические формы. Политический процесс зачастую сравнивают с «борьбой за власть». Процессуальное измерение политики, в отличие от двух первых, собственно и связано со «стихией борьбы за власть». На этом уровне реализации политики ключевое значение имеют нормы избирательного права, конституционно закрепленные и разъясненные в соответствующих нормативных актах политические права. Хотя процессуальное измерение политики не является жестко формализованным, оно создает почву для институционализации тех или иных социальных практик в виде правовых норм [8].

В соответствии с Положением о порядке открытия подготовки по специальностям для получения послевузовского образования в учреждениях образования и организациях, реализующих образовательные программы послевузовского образования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 июля 2011 г. № 1016 «О регулировании некоторых вопросов в сфере подготовки научных работников высшей квалификации», по согласованию с Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь (решение коллегии Высшей аттестационной комиссии от 18 ноября 2016 г. №17/10) постановили: открыть в Белорусском государственном университете подготовку по специальности 23.00.05 «Политическая регионалистика. Этнополитика» политической отрасли науки для реализации образовательной программы аспирантуры, обеспечивающей получение научной квалификации «Исследователь», и образовательной программы докторантуры.

Миссия кафедры и специальности «Политология» на юридическом факультете БГУ заключается в учебном, организационно-методическом и научном обеспечении профиля образования «Государственная политика и управление» в соответствии с программным Законом Республики Беларусь «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (в редакции от 12.12.2013 № 83-З). Главной целью политологического образования в БГУ является формирование системы гражданственности, что предполагает овладение студентами определенными способностями, такими как критическое мышление, коммуникационные навыки, толерантность по отношению к окружающим, сознательное стремление анализировать события с позиции других людей, инициативность, самостоятельность [9].

Более подробный историографический обзор вопросов становления и развития политической науки в БГУ содержится в монографии «Политическая наука в БГУ: теоретико-методологические и прикладные аспекты» С. В. Решетникова [10].

Список использованных источников

1. *Ватыль, В. Н.* Государство как гарант человеческой свободы (интерпретация русской формы раннего политического либерализма) / В. Н. Ватыль. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 298 с.

2. *Ватыль, В. Н.* Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса / В. Н. Ватыль. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 279 с.

3. *Ватыль, В. Н.* Сильное и эффективное государство: историко-персонологический дискурс / В. Н. Ватыль. – Гродно: ЮрСаПринт, 2016. – 280 с.

4. *Мельник, В. А.* Республика Беларусь: власть, политика, идеология: Практическая политология / В. А. Мельник. – Минск: Тесей, 2000. – 2-е изд., исправ. и доп. – 240 с.

5. Мельник, В. А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В. А. Мельник; науч. ред. П. Г. Никитенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2003. – 240 с.

6. *Мельник, В. А.* Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. – Минск: Книж. дом, 2004. – 640 с.

7. *Мельник, В. А.* Введение в политическую теорию: пособие / А. Мельник. – Минск: Выш. шк., 2012. – 511 с.

8. *Решетников, С. В.* О содержании социально-гуманитарного образования в части изучения политико-правовой сферы общества / С. В. Решетников, М. Ф. Чудаков, Н. А. Антанович // Вышэйшая школа. – 2012. – № 1. – С. 36–40.

9. *Решетников, С. В.* Научные и прикладные школы в области политологии: политико-правовой подход / С. В. Решетников, Н. А. Антанович, О. Е. Побережная // Вышэйшая школа. – № 1. – 2017. – С. 36–41.

10. Решетников, С. В. Политическая наука в БГУ: теоретико-методологические и прикладные аспекты [Электронный ресурс] / С. В. Решетников. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: БГУ, 2016. – 135 с.

(Дата подачи: 27.02.2019 г.)

В. Н. Семёнова
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

V. Semenova
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 504.75

ГЛУБИННАЯ ЭКОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАДИКАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЗМА[1]

DEEP ECOLOGY WITHIN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY RADICAL ECOLOGISM

В статье рассматривается место глубинной экологии в контексте формирования идей радикального экологизма. Характеризуются идейные предшественники глубинной

[1] Статья выполнена при поддержке гранта БРФФИ в рамках темы «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур» (№ Г18Р-211 от 30.05.2018 г.).

экологии, предпосылки ее формирования как идейного течения, основополагающие принципы. Анализируются спорные тезисы глубинной экологии, обосновывается связь течения с идеологиями трансгуманизма и феминизма; рассматриваются перспективы развития идей глубинной экологии.

Ключевые слова: экологизм; либерализм; анархизм; социализм; консерватизм; глубинная экология; Нью Эйдж; феминизм; биоцентрическое равенство; человеческая популяция.

The article deals with the place of Deep Ecology within the context of the formation of ideas of radical ecologism. Attention is drawn to the ideological predecessors of Deep Ecology and background to its development as an ideological movement, its basic principles. It gives a detailed analysis of controversies of Deep Ecology and shows its connections with the ideologies of transhumanism and feminism; further perspectives on development of the ideas of Deep Ecology are considered.

Keywords: ecologism; liberalism; anarchism; socialism; conservatism; Deep Ecology; New Age; feminism; biocentric equality; human population.

Сегодня полноправной, если не доминирующей, составляющей западной цивилизации стало экологическое сознание. Его выражением является экологизм, причисляемый к альтернативным политическим идеологиям. Тем не менее, как показывает пример политических партий «зеленых», экологизм близок к радикальным левым политическим идеологиям, сочетая в себе элементы классического либерализма, социал-либерализма и социал-демократии, анархизма и пацифизма. Некоторые авторы [7] связывают общественный идеал экологизма с консервативными представлениями о «золотом веке» человечества, в духовном и физическом единстве с природным окружением. Представляется, однако, что общественный идеал экологизма все-таки ближе версиям классического анархизма, где идеализируется догосударственное и доклассовое состояние человечества.

Политические требования экологизма связаны с правами человека, демократией участия, парламентаризмом, мораторием на смертную казнь, неагрессивной внешней политикой. В мировоззренческом плане экологизм призывает по возможности причинять наименьший вред окружающей среде во всех смыслах, видя человека составной частью природного окружения.

Экологизм не является цельным и однородным идейно-политическим течением. Более того, своего собственного идейного фундамента в качестве самостоятельной и оригинальной политической идеологии у экологизма нет. Он сформировался на основе заимствованных идей из традиционных политических идеологий как левого, так и правого толка, представляя собой гибридную идеологию.

С классическим либерализмом экологизм роднят идеи прав человека, эгалитаризма и прямой демократии, пацифизма и отказа от насилия. Сторонники экологизма, как и классические либералы, верят в благую природу человека и этику разумного эгоизма, позволяющие человечеству самостоятельно справиться с экологическими, экономическими и социальными

проблемами без вмешательства государственных институтов и религиозных и конфессиональных факторов.

Анархистские черты экологизма связаны с его верой в «благую природу» человека, способного ради выживания планеты и самого человеческого вида отказаться от эгоистического неограниченного потребления, и с убеждением в том, что государство и другие социальные институты не в состоянии решить современные глобальные, в том числе экологические, проблемы человечества. Борьбу с ними должны вести новые независимые социальные движения, сформированные по принципу самодеятельных солидарных анархистских общин.

С социалистической идеологией экологизм сближает критика ничем не сдерживаемого экономического роста и индивидуального потребления, а также признание экологических «пределов роста» (экосоциализм). Однако для социализма экологизм представляет собой идеологию среднего класса или «мелкобуржуазную идеологию»: «социалисты сомневаются, что пропагандируемые «зелеными» изменения индивидуальных ценностей, образа жизни и потребления на микроуровне повлекут за собой изменения на глобальном» [7, с. 150].

Консервативные и ультраконсервативные идеологии и экологизм сближаются по следующим характеристикам: критика парадигмы Просвещения, недоверие к рациональности и прогрессу; критическое отношение к радикальному техническому и социальному экспериментированию; критика либерального индивидуализма [7].

Таким образом, современный экологизм представляет собой нетрадиционную гибридную политическую идеологию. Возникнув как самостоятельное течение в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в., экологизм за этот короткий период разделился на несколько зачастую противоборствующих направлений, примером которых является противостояние ультралевых экоанархизма и экофеминизма и ультраправого экофашизма. В теоретическом плане современный экологизм представлен следующими идейными течениями: энвайроментализм, глубинная экология, социальная экология, экоанархизм, экофеминизм, экосоциализм, зеленый синдикализм, экофашизм.

Одним из самых модных и широко распространенных сегодня течений в радикальном экологизме является глубинная экология. Сам термин впервые был введен в научный оборот в 1972 г. норвежским философом и экологом Арне Нессом. Глубинная экология является фундаментальной, поскольку обращается к основам экологических проблем, и принципиально отличается от традиционной «поверхностной» экологии, связанной с анализом и «лечением» лишь симптомов и последствий глобального экологического кризиса. В духе идеологии Нью Эйдж глубинная экология предполагает смену мировоззренческой парадигмы западной цивилизации, а также радикальную трансформацию индивидуального сознания, поэтому, без сомнения, может быть отнесена именно к радикальному направлению в экологизме.

Утверждая равноценность человеческой и нечеловеческой жизни, Несс в духе восточной философии утверждает, что ценностью обладает любая форма жизни независимо от того, приносит она пользу человеку или нет. Не только каждое живое существо имеет собственную ценность. Такую же собственную ценность имеет и неживая природа, и все биологическое разнообразие. Соответственно, человек не имеет права на уничтожение каких-либо видов жизни.

С 70-х гг. XX в. Несс полностью посвящает себя экологической проблематике; в 1998 г. выходит книга «Философия жизни», написанная в соавторстве с британцем Дж. Сешеном, в которой авторы формулируют восемь принципов глубинной экологии:

«1. Каждое живое существо имеет собственную ценность.

2. Многообразие и богатство форм жизни являются ценностями сами по себе.

3. Люди не имеют права сокращать это многообразие и богатство, если только этого не требуется для удовлетворения жизненно важных потребностей.

4. Для людей было бы лучше, если бы их было меньше, т.е. процветание человеческой жизни и культуры совместимо с существенным сокращением народонаселения. Это было бы значительно лучше для других живых существ.

5. На сегодня масштабы и сущность вмешательства человечества в экосистему таковы, что она их не выдерживает, и запас прочности экосистемы уменьшается.

6. Поэтому для улучшения ситуации требуются значительные изменения: экономические, технологические и идеологические.

7. Изменение в идеологии будет в значительной степени состоять, скорее, в поиске лучшего качества жизни, а не более высоких жизненных стандартов.

8. Те, кто принимает изложенные положения, ответственны за то, чтобы прямо или косвенно содействовать осуществлению необходимых перемен» (цит. по [4, с. 70]).

В рамках критического анализа бросается в глаза предельно общий, абстрактный и формальный характер данных принципов. Ряд ключевых понятий используются как само собой разумеющиеся, хотя требуется их четкое определение. Например, в 3-м принципе идет речь о «жизненно важных потребностях», что подразумевает объяснение того, что же рассматривать в качестве таковых и ответ на вопрос, кто будет принимать решение, считать ту или иную потребность «жизненно важной» или нет и на каком основании.

Есть и логическое противоречие между 2-м и 4-м принципами. Если все многообразие форм жизни на Земле является ценностью самой по себе и люди не вправе это богатство сокращать, то точно так же они не вправе

сокращать и свою собственную популяцию. В этом смысле различные человеческие сообщества призваны защищать человека, в том числе от самого человека.

Еще одно положение глубинной экологии, принимаемое на веру, без доказательства, заключается в том, что якобы все человечество ответственно за хищническое отношение к окружающей среде и наступивший экологический кризис. Один из критиков данного положения, представитель экоанархизма и основатель социальной экологии, Мюррей Букчин отмечает: «Создается мифическое "человечество" – включающее в себя и угнетаемые этнические меньшинства, и женщин, и граждан стран третьего мира, и население старого света, в котором все соучастны с правящей элитой в создании экологического дисбаланса. Таким образом, хитро маскируются социальные корни экологических проблем. Создается новый биологический "первородный грех": неопределенная группа живых существ "человечество" рассматривается как деструктивная сила, которая угрожает выживанию всего живого мира» [1].

Лейтмотив принципов глубинной экологии заключается в том, что человек не должен эгоистически относиться к живому и делать лучше только самому себе. Одновременно 4-й принцип требует сокращения населения Земли, что, по мнению Несса, «было бы значительно лучше для других живых существ». Данное положение очевидно выстраивает иерархию живых существ, в которой, правда, человек занимает едва ли не самое последнее место. В одной из своих последних работ Несс отмечает, что ««сегодня homo sapiens заслуживает сравнения с паразитами» (цит. по [4, с. 73]). Вопрос о сокращении численности населения, поставленный так явно и радикально, требует ответа на ряд важнейших нравственных, юридических и политических вопросов: какое количество населения Земли должно быть сокращено и по какому критерию? Кого именно надлежит «сократить»: бедных и больных представителей стран бедного Юга или сытых и богатых представителей богатого Севера? Надо ли в дальнейшем устанавливать контроль за рождаемостью? И какие структуры или политические институты за все это готовы взять всю полноту ответственности? И наконец, почему мы уверены, что для «процветания человечества и культуры» это было бы действительно лучше? И что вообще понимать под процветанием? Ведь экономические и технологические изменения, подразумевающие лучшее качество жизни (принципы 6-й и 7-й), связаны не с откатом назад в идиллическую природную гармонию, а как раз с активным вмешательством в природную и биологическую среду (генная инженерия, клонирование, ГМО и т. п.), подразумевающим вовсе не сохранение природной среды обитания, а, напротив, ее активное изменение и переформатирование.

Принципы глубинной экологии представляются спорными, противоречивыми и необоснованными вне мировоззренческого и идеологического контекста, в котором они создавались, а именно из идеологии Нью Эйдж.

Фундаментом глубинной экологии является новый взгляд на мир, природу, человека, ведущий к новой эпохе человечества (New Age – англ. «новая эра»). Новая эпоха должна ознаменоваться «великим преобразованием», прежде всего духовным и мировоззренческим, коллективного и индивидуального сознания человечества, и привести к качественному прорыву в духовном, социальном и технологическом развитии. Только в рамках «новой эры» человечества становится понятным смысл принципов глубинной экологии: гармония всего живого; анимизм, одушевление всего существующего; преодоление человеческого как «слишком человеческого» и выход на новый уровень сверхчеловеческого сознания. В интервью Несса в 1982 г. норвежский эколог фактически называет глубинную экологию новой теософией: «Экософия, или глубинная экология, предполагает, таким образом, сдвиг от науки в сторону мудрости» (цит. по [2]). Последователи Несса, авторы работы «Глубинная экология» Билл Деволл и Джордж Сешен, отмечают, что «основами глубинной экологии являются наша глубокая интуиция и познание на опыте самих себя и Природы, сопереживание…» [2].

В работе Деволла и Сешена выделяются два принципа глубинной экологии, еще более явно подчеркивающих связь последней с идеологией Нью Эйдж: самореализация и биоцентрическое равенство: «Духовный рост, или расцвет, раскрытие, начинается, когда мы перестаем понимать или рассматривать себя как изолированных, ограниченных, конкурирующих эго и начинаем идентифицировать себя с другими людьми – своей семьей, друзьями, и, в конечном счете, со всем нашим видом. Однако в глубинной экологии чувство собственного “я” требует дальнейшего роста и зрелости, оно предполагает идентификацию себя не только со всем человечеством, но и со всем остальным миром, не принадлежащим к человеческому роду. Мы должны видеть дальше наших узких современных культурных представлений и ценностей, общепринятого понимания нашего времени и места, а это лучше всего достигается посредством медитативного процесса глубинной постановки вопросов. Только таким путем можем мы надеяться стать полностью зрелой, уникальной индивидуальностью» [2].

Все это достигается в рамках изменения сознания, «расширение сознания» за счет психоделических экспериментов (психоделической и трансовой музыки, медитаций, экспериментов с наркотическими веществами). Замкнутый характер движения, эзотерическая и мистическая направленность некоторых духовных практик позволяет ряду исследователей [например: 2; 6] причислять движение Нью Эйдж к разряду неокультов и даже тоталитарных сект. Вполне вероятно, что практики расширения сознания активно использовались и в глубинной экологии (см. [9]).

В 60-е гг. XX в. ряд радикальных экологов также переходят на позиции глубинной экологии, в частности, Ф. Эглер, Д. Ливингстон, Д. Эренфельд, П. Эрлих и др. В своих работах «Одно космическое мгновение» (1973) и «Заблуждения охраны дикой природы» (1981) канадский натуралист Д. Ли-

вингстон утверждает, что без радикального изменения человеческого сознания и, как следствие, кардинальной трансформации человеческого отношения к миру и природе преодолеть современный экологический кризис невозможно. Д. Эренфельд в работе «Самомнение гуманизма» (1978) в духе глубинной экологии возлагает всю ответственность за разрушение природного мира на человеческую деятельность. Американский биолог и демограф П. Эрлих в работе «Популяционная бомба» (1968) утверждает, что популяция человечества слишком велика и выступает прямой угрозой выживанию человечества как биологического вида и планеты в целом.

22 марта 2018 г. в интервью газете «The Gardian» профессор П. Эрлих подтвердил свою приверженность позиции сокращения населения Земли: «Рост населения Земли растет с одновременным ростом чрезмерного потребления на душу населения, что ведет цивилизацию к краю пропасти: миллиарды людей страдают от голода или недоедания и нехватки необходимых микроэлементов, а климатические изменения убивают людей» [8]. «Постоянный рост – это кредо раковой клетки», – отмечает Эрлих, убежденный в том, что оптимальное количество населения, которое может прокормить планета без ущерба для природного окружения и разнообразия, – 1,5–2 млрд человек, не больше [8].

Многие представители современных версий феминизма также поддерживают идеи глубинной экологии: «Глубинная экология – это интеллектуальное выражение понятий и взглядов, известных большинству женщин в течение многих столетий» [2]. Образ жизни, мировоззрение и деятельность эко-феминистки Д. Лешапель с ее верой в силу «священных ритуалов» полностью укладываются в эзотерическую версию Нью Эйдж. В работах «Мудрость Земли» (1978) и «Священная земля, священный пол: восхищение бездны» (1988) Лешапель видит спасение от противоречий современной техногенной цивилизации в открытии заново «дикой природы», осознании ее как священного пространства и единении с ней посредством «священных ритуалов». Известный американский историк науки К. Мерчант в работе «Смерть природы» рассматривает Ф. Бэкона в качестве одного из родоначальников манипулятивной природы современной науки. Американский физик Ф. Капра отмечает в своем анализе работы Мерчант: «Бэкон писал, что природу следует “преследовать в ее блужданиях”, “поставить на службы” и сделать “рабом”. Ее следует “заточить в темницу” и задача ученого состоит в том, чтобы “выпытать у нее ее секреты”». Поэтому «античное сопоставление женщины и природы связывает историю женщины и историю природы и роднит феминизм с экологией» [5]. Капра отмечает большую роль теоретика феминизма Ш. Спретнак для развития интегральных идей феминизма и экологизма. Анализируя такой феномен, как «женская духовность», Спретнак обосновывает ее близость к экологии, даосизму и другим природоцентричным духовным традициям. Поэтому, полагает Капра, «следует признать женское мышление проявлением целостного мышления,

а женское экспериментальное знание – важнейшим источником формирования экологической парадигмы» [5].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Глубинная экология относится к одному из направлений современного радикального экологизма, предполагая кардинальное изменение общечеловеческого и индивидуального сознания в отношении к миру, природе и самому человеку. Эта фундаментальная трансформация затрагивает саму сущность человека, предполагая практики изменения, или «расширения» сознания. Радикализм также связан с глубоким, хотя и обычно не афишируемым, анархистским пафосом: многие представители глубинной экологии являются сторонниками «опрощения», минимализма как образа жизни, практикуемого также движением хиппи, экоанархизмом, анархо-примитивизмом и др.

2. Глубинная экология выступает с резкой критикой новоевропейского гуманизма, европоцентризма и логоцентризма, стремясь к преодолению ограниченности западноевропейской рациональности, обретению нового взгляда на мир, а в перспективе и к отказу от «достижений» западной цивилизации для установления «новой эры» мировой и космической гармонии. Многие принципы глубинной экологии раскрывают свой философский смысл только в связи с идеологией Нью Эйдж.

3. Глубинная экология сознательно дистанцируется от социально-политической проблематики, полагая, что все политические и социальные проблемы являются следствием неправильного отношения человека к миру и природному окружению, а не наоборот. Поэтому логика рассуждения глубинной экологии сводится к тезису «сначала измени себя, свое сознание, а затем изменится и мир». Данное обстоятельство дает повод к резкой критике основных положений глубинной экологии как со стороны традиционной «поверхностной» экологии, так и со стороны социальной экологии и экоанархизма, для которых все положения глубинной экологии представляются наивными, утопичными и даже сектантскими. Основными объектами критики становятся: универсальный биоцентризм, который вообще не позволяет провести различие между живым и неживым; отсутствие иерархии в природе, что лишает человека его привилегий, как минимум, в виде рацио; контроль над человеческой популяцией и сокращение рождаемости, которые практически все критики расценивают в качестве расистских положений.

4. Самым нетривиальным и спорным положением глубинной экологии является тезис о необходимости сокращения численности человеческой популяции в качестве необходимой составляющей «для процветания человеческой жизни и культуры». Одновременно, несмотря на прорывной характер своего посыла, который выбивается из традиционного новоевропейского гуманизма, глубинная экология не верит в силу трансгуманистических идей и прорывных инновационных технологий, способных разре-

шить глобальные проблемы современности. Идея сокращения населения Земли в духе «лучше меньше, да лучше» не связана с традиционным гуманизмом и носит именно трансгуманистичный характер. Трансгуманизм как идейное течение сегодня увеличивает число своих приверженцев, что выводит и трансгуманизм, и глубинную экологию на передовые рубежи современных идеологических тенденций. Однако неприятие представителями глубинной экологии революционных технологических изменений формирует у последних «катакомбное» мышление и препятствует развитию движения.

5. Еще одним слабым и наивным тезисом глубинной экологии является критика потребительского общества, бесконечного экономического роста и тех принципов материального существования, которые могут быть выражены термином «буддистская экономика». Согласно буддистской экономике, сущность человеческой жизни заключается не в увеличении и удовлетворении своих потребностей, а в очищении и конечном освобождении человека. Сомнительно, чтобы современная западная цивилизация серьезно восприняла бы советы экофилософии и экомудрости. Идеология опрощения и дауншифтинг, пользующиеся сегодня популярностью в определенных кругах, не в состоянии конкурировать с современной экономикой потребления.

Несмотря на вышеобозначенные противоречия и слабые места, глубинная экология остается влиятельным направлением в ряду нетрадиционных левых идейных течений.

Список использованных источников

1. *Букчин, М.* Реконструкция общества [Электронный ресурс] / М. Букчин. – Режим доступа: http://aitrus.info/node/160. – Дата доступа: 12.01.2019.

2. *Дворкин, А. Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты / А. Л. Дворкин. – 3-е изд., пер. и доп. – Н. Новгород: Христианская библиотека, 2008.

3. *Девелл, Б.* Глубинная экология [Электронный ресурс] / Б. Девелл, Дж. Сешен. – Режим доступа: https://ecocrisis.wordpress.com/deep-ecology/devel-sessions. – Дата доступа: 12.01.2019.

4. *Зубов, М. Г.* Философские идеи Арне Несса в гуманитарной дипломатии Норвегии / М. Г. Зубов // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – С. 68–75.

5. *Капра, Ф.* Уроки мудрости [Электронный ресурс] / Ф. Капра. – Режим доступа: http://dl.lux.booksee.org/genesis/295000/ce72f1b8ff38513d6e9d9688f9dceeac/_as/[Fritof_Kapra]_Uroki_mudrosti.(BookSee.org).pdf. – Дата доступа: 12.01.2019.

6. *Косорукова, Ю.* Идеология и современная культура Нью Эйдж как кризис постхристианской цивилизации / Ю. Косорукова, Г. Бедненко // Журнал практического психолога. – 2013. – № 2. – С. 131–161.

7. *Милякова, А. А.* Влияние традиционных политических идеологий на экологические движения в Западной Европе / А. А. Милякова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2008. – № 4. – С. 148–152.

8. *Ehrlich, P.* Collapse of civilisation is a near certainty within decades / P. Ehrlich // The Gardian 22.03.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.theguardian.com/cities/2018/mar/22/collapse-civilisation-near-certain-decades-population-bomb-paul-ehrlich. – Дата доступа: 12.01.2019.

9. Psychedelics and the Deep Ecology Movement: A Conversation with Arne Naess by Mark A.Schroll, Ph.D. and Donald Rothenberg // Map Bulletin / Volume XIX, number 1. – P. 41–43.

(Дата подачи: 14.01.2019 г.)

О. Г. Слука
Белорусский государственный университет, Минск

O. Sluka
Belarusian State University, Minsk

УДК 32.019.5

ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

IDEOLOGY OF SOCIAL TENSION IN THE MODERN WORLD

В статье раскрывается механизм постоянного наращивания капитала в процессе усиливающейся эксплуатации населения и объективный рост социального напряжения в современном обществе.

Ключевые слова: идеология; справедливость управление; интеллект; технологии; капитал; гуманизм; политика; экономика.

The article reveals the mechanism of constant capital increase in the process of increasing exploitation of the population and the objective growth of social tension in modern society.

Keywords: ideology; justice management; intellect; technologies; capital; humanism; politics; economy.

В современном мире возникло почти непреодолимое социальное напряжение на основе распространившейся в глобальном масштабе вопиющей несправедливости. В системе мирового управления сложился сильный, устойчивый, бескомпромиссный и безжалостный корпоративизм во всех сферах человеческого существования. Человечеством не управляют, а правят нефте-газо-золото-оружие-корпорации, кино-шоу-сопорт-бизнес, интернет, политические и общественные структуры, торговые и банковские организаци и т. д. Все они существуют как саморазвивающиеся системы, накопившие достаточные капиталы для воспроизводства и дальнейшего роста финансовых дивидентов.

Эти самодостаточные, преуспевающие финансовые системы существуют сами по себе, подобно тому, как существует смехопанорама по телевидению, которая сама производит юмористические сюжеты, а в студии сидят квакеры и неистово хлопают независимо от качества представленных сценических миниатюр. Зрители выступают только плательщиками теленалога. Финансовые управленческие компании функционируют параллельно с обществом, а точнее – с населением, потому что эти структу-

ры на самом высоком уровне самоопределения считают себя настоящим обществом. По закону, по управлению, по неисчислимым капиталам, интеллекту, функциям влияния на все структуры в обществе и государстве. Поэтому они вправе считать себя обществом, а остальная часть людей – это не более чем население, хотя оно (население) и занято в реальном секторе экономики, обслуживает все сферы жизни, в том числе и в первую очередь высшие слои управления миром, трудовым, финансовым и интеллектуальным капиталом.

В гуманитарной науке все чаще декларируется концепция формирования элитарной части общества управления, т. е. сверхбогатой группы, которая руководит миром только с одной позиции – безудержного увеличения личного каптала, т. е. накопления через эксплуатацию всего населения. Таким образом, как говорят, втихую, постепенно общество приучается к своему существующему бедственному положению. Перед Давосским экономическим форумом, который, кстати, и является одной из форм поиска эффективных форм и методов эксплуатации населения, были представлены компрометирующие современную элиту данные: 26 миллиардеров мира владеют состоянием, превосходящим доходы 3,8 млрд человек земного шара. Получается, что финансовые доходы населения, занятого в реальном секторе экономики планеты, принадлежат мизерной группе людей, которые вряд ли знают о существовании тех, кто пополняет их банковские счета.

Созданные населением материальные стредства изымаются, и они, деньги, начинают функционировать только в интересах элиты. Жилые дома, дороги и так называемые общественные здания, постройки и объекты планируются и строятся по государственному плану и лишь иногда – по согласованию с общественностью. А подземные города, "сохранительные" дворцы и личные убежища строятся по желанию их владельцев и поселенцев. Такие строения возникли в разных странах мира. И строят их те, кто стремится сохранить «себя любимого» во время любой, и даже ядерной, катастрофы. Недавно в инфосфере прошло сообщение, что российские капиталисты построили такое укрытие под землей где-то в горах Алтая. Сказано, что ядерный взрыв такому подземному дворцу не грозит. Не указано только, сколько семей – одна или две – там могут укрыться. Удивительные фантазии за деньги населения!

Мы упомянули о строительстве крайне нужных общественных спортивных (ледовых, водных, лыжных, биатлонных, плавательных, фристайловых, стрелковых и др.) красивых арен. На их строительство тратятся народные бюджетные деньги, затем на их содержание и функционирование уже тратятся прямые инвестиции граждан. Проехать до Чижовка-арены, заплатить за входной билет – деньги вроде небольшие. Но вспомним поговорку: «С миру по нитке – и копейка рубль соберет!» Собираются солидные финансовые средства. Кстати, о цене входных билетов: в Москве на концерт известного артиста самые дорогие билеты стоят … 4 тыс. долларов!

Один финансист высказался образно и конкретно: «Происходит двойное и тройное высасывание денег с населения». Мы добавим, что финансирование населением общественых зданий и организаций становится постоянным с момента их появления и создания, и таким образом происходит мощнейшая финансовая подпитка и формирование новой элиты. Какова стоимость билета в 4 тыс. долларов! Таким же образом население платит постоянную цену за все свое имущество: дороги, обучение в университете, лечение в больнице, проезд в общественном траспорте и т. д. Ведь все это имущество находится в нашей собственности (даже если имущество приватизировано), потому что построено на бюджетные (народные) деньги, оплачено и оплачивается нашими налогами.

Теория элитарности недалеко ушла от модифицированной рассовой теории, с той только разницей, что фашисты умертвляли неугодные им нации и народы. Заметим, что белорусы также были в этом кровавом плане. Современные же правители выстраивают идеологию элитарности для приспособления людей, по их определению, низшего сословия для генерации из этой массы выдающихся талантов для своей интеллектуальной подпитки. Остальное население будет представлять прекариат – сообщество людей, отстраненных от результатов своего труда и от общества и подверженных жесткой эксплуатации, опять же для накопления капитала для современной элиты. Мы разделяем обоснованность и объективность суждения, что на смену пролетариата пришел прекариат – бесправное население. Эта идея подчеркивает и основную составляющую прекариата – это работники, которые своим трудом создают материальный капитал современного мира [1].

Искусство манипулирования человеком предоставляет возможность создать из населения компетентную и производительную массу работников. Это некоторое приближение к зомбированию системы управления человеком и механического его действия: дом, работа, семья, работа, т. е. труд, нацеленный на получение прибыли корпораций с минимумом социальных затрат. Пэтому и возникла концепция создания бесчисленной армии роботов за счет освоения искусственного интеллекта как дешевый и выгодный заменитель убыточного содержания человека.

В жизни мы наблюдаем различные проявления и подтверждения данным принципам. Искусственный интеллект все больше занимает производственную сферу. Бесчеловечные роботы-станки, автомобили, беспилотники и даже самолеты скоро полетят под управлением автопилота. Но вот парадокс. Сокращения трудового дня, рабочей недели или еще одного выходного дня или продления отпуска для занятых в производстве мы пока не утвердили. Так же и в большинстве стран мира улучшение уровня и качества жизни людей идет, скажем деликатно, медленно, а во многих из них даже находится ниже прожиточного минимума, если точнее, то почти на нищенской отметке.

В Венесуэле, например, которая попала в экономический и политический кризис, заработная плата рабочих не превышает (15!) долларов. США и их союзники готовят контрреволюцию и военную агрессию против этого государства. И они могут выиграть эту антивенесуэльскую милитаристскую кампанию. В Венесуэле имеется значительная часть буржуазии, которая потеряла свое имущество и часть капиталов от добычи и продажи полезных ископаемых, когда промышленность и нефтедобыча были национализированы. В стране также есть большая часть населения, которая надеется, что американцы спасут их от кризиса и улучшат материальное существование.

Если американцы вернут себе богатства недр Венесуэлы, они, конечно, начнут вкладывать инвестиции в развитие производственного сектора, а это значит, что увеличится количество рабочих мест, вырастут зарплаты, социальная жизнь придет в движение и будут ощущаться перемены в обеспечении населения. Т. е. видимые изменения в социальной жизни могут быть оправданы населением как гуманитарная помощь со стороны, но основные национальные капиталы, как это было до Уго Чавеса, потекут снова в США. И Венесуэла превратится в сырьевой колониальный придаток. Это современная неоколониальная агрессия, которая в новом веке стала типичной практикой соподчинения стран и народов политическим и экономическим интересам сильных государств. Это и есть не что иное, как преступная и агрессивная политика ограничения жизненных интересов народов, находящихся не в той плоскости развития и не вписывающихся в процесс услужения интересам США.

В настоящее время активизировались и действуют «честные способы» отъема денег у населения, как говорил киногерой Остап Бендер. Например, всего лишь за двадцать-двадцать пять лет произошло всеобщее мировое мобильно-телефонное снабжение населения, глобальным стал Интернет. Эти открытия принесли неописуемое удовлетворение миру, вернее, населению. Но кто пробовал выразить формулу счастья от этих совершенств?! Да, накопление капитала интернет-корпорациями также стало невообразимым. Крупнейшими богатеями мира стали создатели сетевых империй. А откуда средства? Это сбор пожертвований с работников всего мира.

Ежемесячно нужно вкладывать деньги за пользование Интернетом, ежедневно необходимо заряжать мобильный телефон и оплачивать электроэнергию, часто менять телефоны, потому что китайцы и иные производители смартфонов делают их фактически для разового или краткосрочного использования. Чтобы обновлять технологии и накапливать или увеличивать капиталы владельцев компаний мобильной связи, нужна частая смена аппаратов. Кроме того, мобильное поколение требует «крутых» телефонов-аппаратов, и родители раскошеливаются… Ручейки денег сливаются в реки, реки наполняют миллиардные океаны. Но повлияли ли смартфоны на уровень и качество жизни? Противоречивость общества в разноголосии этих оценок успокоить не могут специалисты всех областей человеческих отношений [2].

Насильственное обогащение мизерной части людей вызывает отторжение и ненависть в обществе работников, которые являются подневольным элементом и кубышкой накопления капитала для своих эксплуататоров. Психологическая аккумуляция неприязни выливается в отторжение своей нищенской жизни. Моральность человека превращается в аморальное поведение: низменность в общении, воровство, разнузданность, продажность, взяточничество, подкуп, обман, подлог, наркотики, пьянство и т. п. – все, что делает человека похожим на дикую особь, все проявилось в нашем обществе страшно уродливым букетом.

Психология работников наполнена постоянным чувством унижения. Угнетенность образованием, материальной убогостью, ограниченность вниманием властей, которым делегирована обязанность создавать условия для комфортной жизни людей, создает огромное социальное напряжение, которое граничит с революционным взрывом. Мы не будем анализировать кризисное положение в Украине, которое также связано с социальной несправедливостью.

Обратим внимание на благополучную и зазнавшуюся Европу: Францию, Германию, Англию и другие страны. Во Франции идет показательный социальный революционный эксперимент, и теперь, думается, типичный, потому что подобное движение происходит во многих европейских странах. Управляющая французская элита настолько удалилась от своего народа, что теперь уже более трех месяцев не найдет решения вопроса, потому что правительство и президент со своей строны принимают жесткие меры по ограничению выступлений «желтых жилетов», а общественное движение на каждом этапе выдвигает возникающие новые претензии. Т. е. общественно-политическая ситуация стала критической и грозит непредсказуемыми последствиями.

В Англии нынешние правители стремились фактически выгадать свое положение в европейской сфере за счет всей Европы или за счет всех других стран Евросоюза. Первый и наиболее громкий скандал вызвал посыл Евросоюза чуть ли не в 120 млрд долларов – это иск Евросоюза к Англии за бывшее членство и за использованные ресурсы. Но Англии эта цена показалась преувеличенной и поэтому начался нелицеприятный торг, который привел к кризису власти в Англии. Как показывает действительность, растет всеобщий протест английской общественной массы против брексита.

Показателем социальной несправедливости является исход народов Африки, стран Азии и Латинской Америки, похожий на новое современное массовое переселение народов. Это переселение, которое становится питательной кризисной средой, угрожает современной цивилизации непредсказуемыми потрясениями. Основная масса переселенцев или искателей лучшей доли таковыми и являются. Но значительная часть мигрантов представляет собой опасный и взрывной преступный элемент. Многие мигранты специально устроены в эту огромную массу для «подогрева» преступной среды, организации противостояния в принимающих странах.

Кроме того, резкий поворот, например, германской политики от гостеприимного приема мингратов, а затем к обратной высылке их на свою родину даже за немецкие деньги вызвал сильные протестные настроения в их среде. Равно как и отношение США к мигрантам из Латинской Америки и постройка стены на мексиканской границе, чтобы остановить их проникновение. Это волнует весь мир и грозит разрушить полностью иллюзии западной демократии. Показательно и то, что конфликт между законодательной властью и американским президентом по поводу строительства стены вызвал кризис правительственных органов и прекращение выплаты зарплаты чиновникам.

Элита управления миром успешно разрабатывает коррупционные схемы «добровольного» отъема денег у государства, т. е. снова у граждан этого государства. Уровень коррупции и воровства не зашкаливает, как говорят сейчас, а стал глобальным грабежом, угрожающей преступной проблемой. Опасно то, что даже среди высшего чиновничества на государственных уровнях стали утверждаться «оправдательные идеи» теневой экономики, вывоза ворованного капитала за границы государств, или, что еще хуже, предложения организовать, например, миллиардный российский банк наворованных денег в Лондоне, обогащая за счет российских граждан туманный остров, постоянно обвиняющий, унижающий и оскорбляющий великую Россию. Выступая на Мюнхенском семинаре 16 февраля этого года, английский министр иностраннных дел эмоционально и откровенно нагло призывал «наказать Россию».

Предпринимаемые российским правительством меры уговоров и увещеваний не доходят до адресата с огромными капиталами, которые покоятся в закромах заграничных оффшоров, в сейфах швейцарских, английских и даже прибалтийских банков. Мы говорим о России, потому что там очень громко звучат эти ворованные преступные поползновения национального грабежа. Например, совсем недавно скандальный случай произошел в Совете Федерации России. Прямо во время заседания был арестован депутат, попавший в Совет Федерации по подложным документам, оказавшийся на самом деле организатором преступной группировки, суперкрупным вором, грабителем и организатором убийств. Сколько материальных средств уворовала эта преступная группа – под силу освоить небольшому государству. По сообщениям прессы, в заграничных банках размещено более трехсот миллиардов долларов, украденных у российских граждан [3].

В белорусской прессе также иногда проскальзывают тревожные сообщения, что за неведением общественности подворовывают по-крупному местные чиновники. В массовом деле «взяточников-медиков» не только звучали запредельные для Беларуси суммы взяток, но и в выступлении руководства Комитета безопасности «прошелестели» опасные аккорды, что врачи-рвачи прятали свои ворованные деньги и за границей. В системе государственного воровства есть одна классическая для всех причина – случайный подбор чи-

новников на руководящие должности и их безответственность. Кумовство, закрытость от общества и вотчинность в своей организации или на заводе приводят к вседозволенности и потере чувства ответственности перед обществом и государством. Это позиция неустойчивочти и законодательной слабости государственного управления, о чем свидетельствует последняя смена белорусского провительства в полном составе в 2018 г .

Сингапур – маленький пример даже по масштабам Беларуси. Но зато какой блестящий повод для определения меры высшей ответственности государственных служащих. В борьбе с коррупцией премьер-министр Сингапура привлек к ответственности и своих родственников. Принцип один: зло наказуемо! Практика общественного и государственного управления Сингапура в высшей степени показательна. Она организована и функционирует эффективно. Поэтому и страна из отсталой азиатской провинции превратилась в высокоразвитый анклав с высоким уровнем и качеством жизни граждан. Интересно, что урокам Сингапура учились многие государства. Знаменитый премьер-министр этой страны читал лекции во многих столицах и в Москве. Но такой опыт, как оказалось, для многих трудно реализуем. В чем причина? В слабости человеческого материала – лучше украсть в бесчестии, чем трудиться на славу и в душевной чистоте.

Здесь необходимо вспомнить социологический термин «прокатинг», который означает, что из поведения человека исчезли ответственность, чувство долга, чести и достоинства. На скользкой дороге большинство балансирующих на грани бесчестия руководствуется предательским принципом – а вдруг прокатит! И воруют. Ведь попадаются только те, кто перешел черту и попался в поле зрения правоохранительных органов. А остальные? Мы пишем, а они воруют, и это не образ для содержания статьи. Только написал фразу «воруют», а в Интернете размещено сообщение, что в Жодино арестован мэр города, в Пуховичах – председатель районного исполкома, в Минске – директор механического завода. Злодейство одно – брали взятки! Обратимся к Господу Богу, чтобы это был последний эпизод в белорусской действительности.

В общественное сознание современного населения внедрена пораженческая идея, согласно которой все мы находимся в положении морального и материального выживания, хотя в мире накоплены огромные финансовые средства. Из этого вытекает объективный вывод – необходимо ограничить элиту в финансовом управлении, присвоении и использовании материальных стредств и направить капиталы на обустройство жизни трудового населения, тех, кому они принадлежат. Но это самая жестокая, жертвенная война. Всесильный мировой капитал, как свидетельствует история, планетарное трудовое сообщество своим партнером не считает.

Список использованных источников

1. *Терещенко, А. П.* От пролетариата к протоклассу / А. П. Терещенко. – Минск, 2018. – С. 216.

2. *Калашников, М. О.* Цифровое образование / М. О. Калашников // Однако жизнь. – 2019. – № 2. – С. 2.
3. Аргументы и факты в Беларуси. – 2019. – № 6. – С. 4.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

В. В. Старичёнок
Белорусский государственный экономический университет, Минск

V. Starichenok
Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 323:316.75(476)

ЦЕННОСТИ БЕЛОРУСОВ В РАЗРЕЗЕ ИДЕОЛОГИИ

VALUES OF BELARUSIANS IN TERMS OF IDEOLOGY

В статье определены ценностные и мировоззренческие установки белорусов, раскрыта специфика отношения белорусов к носителям других взглядов. Жители Беларуси выражают приверженность традиционным ценностям и у них развита коллективная идентичность. Соответствующее мировоззрение способствует формированию социал-консервативных настроений в белорусском обществе. Данный аспект необходимо учитывать в идеологической работе и при реализации публичной политики исполнительной властью.

Ключевые слова: белорусское общественное мнение; ценности; идеология; социал-консерватизм; толерантность; солидарность; политическая нация.

Values and perceptions of the world by Belarusians are analysed in the given article and the peculiarities of attitudes of Belarusians to people of different views are revealed. Traditional values and a strong collective identity are characteristic of the Republic of Belarus citizens. This worldview contributes to the development of social conservative beliefs in the Belarusian society. This aspect should be taken into consideration when ideological work is carried out and public policy is realized by executive authority.

Keywords: Belarusian public opinion; values; ideology; social conservatism; tolerance; solidarity; political nation.

Благодаря социологическим опросам мы узнаем, где люди чувствуют себя наиболее уютно, где ощущают дискомфорт, что им нравится или не нравится, чего они ждут от других и как относятся к окружающему миру, какие ценностные и идейные предпочтения доминируют в стране, насколько они отличаются от аналогичных показателей в других государствах. В последние годы интерес научных кругов к ценностям белорусов существенно вырос. В 2017 г. вышла в свет коллективная монография «Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода», подготовленная Институтом социологии НАН Беларуси [1]. В мае – июне 2018 г. в рамках проекта «Кастрычніцкі эканамічны форум» («КЭФ») исследовательская кампания MIA Research провела опрос «Изучение ценностей белорусского общества» [2]. В декабре этого года в Республиканском общественном объ-

единении «Белая Русь» состоялась презентация исследования, сделанного Институтом социально-гуманитарного образования БГЭУ в октябре 2018 г. В нем мировоззренческие установки белорусов анализировались сквозь призму гуманитарной составляющей Союзного государства [3]. Ценности белорусов стали объектом исследования и российских ученых. В 2018 г. была издана монография российских социологов С. Борисова и Ю. Юшковой-Борисовой «Понять Беларусь: записки странствующих социологов», в которой авторы попытались создать мировоззренческий портрет белорусов, раскрыть сущностные черты белорусского народа [4].

Полученные социологами результаты являются важным подспорьем для других наук, прежде всего экономики и политологии. Сквозь призму экономики ценности белорусов проанализированы в монографии «Потому что так решили мы», подготовленной под научной редакцией доктора экономических наук К. Рудого [5]. Учёный попробовал выявить «код», определяющий «экономическое поведение» белорусов, и наметил возможности раскодировать такое поведение. К. Рудый считает необходимым приблизить ценностную систему координат белорусов к неким «универсальным международным ценностям» [5, с. 15]. В этой связи возникает ряд вопросов: так ли уж плох имеющийся у белорусского народа «код»? Какие риски обществу и государству несет «раскодирование» белорусов? Не влечет ли за собой разрушение имеющейся культурной матрицы утрату жизненно важных функций, которые она выполняет в обществе? Не выхолостится ли в результате самобытность белорусского народа, который утратит собственный ценностный фундамент и будет обречен на слепое копирование чужого? В данной статье культурная матрица белорусов проанализирована с точки зрения идеологии.

В рамках исследовательского проекта «Всемирный обзор ценностей» (ВОЦ) разработана методология, позволяющая разместить государства на карте ценностей [6]. В Беларуси замеры осуществлялись в 2011 г. (шестая волна измерений), результаты седьмой волны еще не опубликованы. Социологи использовали две шкалы. Крайними точками первой являются традиционные ценности – с одной стороны и секулярно-рациональные – с другой. Носители традиционных ценностей уважают власть, религию, традиционную семью, категорически осуждают разводы, аборты, эвтаназию и самоубийства. К секулярно-рациональным ценностям, которые находятся на противоположном полюсе, относят рациональное поведение, стремление к успеху, предпочтение светского государства религиозному. Крайними точками второй шкалы являются ценности выживания и ценности самовыражения. Для первых характерны приоритет экономической и физической безопасности, этноцентризм, низкая степень доверия и терпимости. Вторым, наоборот, присущи стремление к активному участию в экономической и политической жизни, толерантность к иностранцам и меньшинствам, озабоченность проблемами окружающей среды и т. д.

Беларусь сочетает в себе ценности выживания с секулярно-рациональными ценностями. В числе стран с близким белорусам мировоззрением находятся Болгария, Китай, Латвия, Литва, Россия и Украина. Характерное для них сочетание ценностей можно назвать весьма эгоистическим и замкнутым на самом себе, где этноцентризм либо низкая степень доверия и терпимости ограничивают возможности сближения с «другими». При этом белорусы больше, чем жители многих других стран, опасаются разрушения традиционных ценностей. Согласно опросу, проведенному весной 2018 г. в рамках проекта «Восточное соседство ЕС», лишь 34 % опрошенных белорусов выразили уверенность в способности Евросоюза содействовать сохранению традиционных ценностей (еще 15 % затруднились ответить). Такая конфигурация общественного мнения разительно отличается от других стран «Восточного партнерства» (ВП). Уровень оптимизма по этому вопросу в Армении составил 48 %, в Азербайджане – 50 %, в Грузии – 59 %, в Молдове – 55 %, в Украине – 64 %. По всем шести странам ВП в среднем этот показатель составил 56 %, что почти в два раза выше, чем в Беларуси [7, с. 13].

Теперь посмотрим, как сочетается эгоизм с традиционным славянским коллективизмом. В Беларуси, России и Украине ярко выражены коллективистские устремления, которые противоположны индивидуалистским. Это хорошо видно при сравнении указанных стран со странами Запада – Германией и США. Самой коллективистской оказалась Беларусь, где рейтинг антииндивидуализма составил почти 70 %. Наиболее колеблющейся стала Россия, так как 18 % затруднились ответить на поставленный вопрос. А самой индивидуалистской была Украина, где больше всего респондентов (более 37 %) назвали себя автономными индивидами. Хотя и это не так уж и много в сравнении с Германией, в которой показатель индивидуализма превысил 80 % (таблица 1) [8].

Таблица 1

Вопрос: «Люди по-разному думают о себе и своем отношении к стране и миру. Укажите, насколько вы согласны или не согласны со следующим утверждением о вас: я считаю себя автономным индивидом»

Варианты ответа	Беларусь	Россия	Украина	США	Германия
Полностью согласен	10,6 %	8,0 %	14,9 %	19,0 %	38,8 %
Согласен	18,1 %	14,4 %	22,4 %	45,2 %	41,3 %
Не согласен	35,0 %	24,1 %	28,6 %	24,3 %	12,2 %
Полностью не согласен	34,3 %	34,5 %	34,1 %	6,5 %	4,6 %
Затрудняюсь ответить	2,0 %	17,8 %	-	5,1 %	3,1 %

Источник: I see myself as an autonomous individual // World Values Survey Wave 6: 2010–2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp. – Date of access: 21.01.2018.

Следовательно, для Беларуси, России и Украины характерен «эгоизм» не индивидуальный, а групповой (коллективный). Здесь сильна солидарность внутри больших сообществ. В качестве таких сообществ могут выступать и государства. Однако артикулировать солидарность в государстве можно поразному. В Беларуси и России народ объединяется в рамках политической нации, в сегодняшней Украине – в рамках этноса. Во взаимодействии на международной арене «замкнутость» сообщества преодолевается посредством политики, что прекрасно видно на примере сближения Беларуси и России – с одной стороны и Литвы и Украины – с другой. В результате страны с одинаковыми ценностями из-за политики разошлись по разные стороны баррикад [9].

Внутри одного общества подобный ценностный расклад чреват формированием групп, которые будут непримиримо относиться к оппонентам. Если эта непримиримость вылезет наружу, то «толерантное» гражданское общество может разорвать в клочья [10, с. 21–22]. Сошлемся в этой связи на результаты опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в середине 2016 г. Отвечая на вопрос «В какой степени вы доверяете людям других политических взглядов?», 1,8 % и 21,2 % респондентов ответили, что полностью им доверяют либо скорее доверяют. 32,7 % опрошенных белорусов сказали, что скорее им не доверяют, а 17,8 % – совсем не доверяют [11, с. 31–32].

Итак, почти пятая часть общества абсолютно не доверяет людям, у которых иные политические взгляды. Если так, то публично артикулированная политическая позиция может обернуться утратой человеческого доверия, – доверия к личности, доверия коллег по работе, доверия в семье и т. д. Белорусы прекрасно чувствуют это свойство национального характера и укоренили в себе механизм купирования «внутренних демонов». При общении на работе с малознакомыми людьми и т. д. они воздерживаются от политических оценок и суждений, часто поддакивают оппоненту, предпочитают не ввязываться в споры. Отсюда архетип пресловутой белорусской «памяркоўнасці», которая одновременно означает и покладистость, и сговорчивость, и снисходительность, и рассудительность, и терпимость, и которую есть соблазн назвать толерантностью.

«Памяркоўнасць» порождает желание абстрагироваться от политики. Как показал опрос, проведенный Институтом социологии НАН в 2016 г., белорусы прежде всего хотят обычного человеческого счастья и считают базовыми ценности, которые создают ощущение комфорта и уюта в повседневной жизни. В иерархии ценностей «власть» и «общественное признание, известность, репутация» оказались в последней тройке. Их назвали значимыми лишь 4,5 % и 3,8 % респондентов соответственно. Менее значимым для белорусов было лишь «творчество» (3,6 %) [12, с. 131].

Теперь разберем вопрос с толерантностью. Не похоже, чтобы она была приоритетна там, где доминируют ценности выживания и рационализм, со-

четание которых делает общество сплоченным, организованным и прагматичным [13]. И ряд опросов это доказывает. Хороший способ узнать ценности того или иного сообщества – спросить респондентов, какие качества они бы воспитали у детей. Существует три опроса, в которых этот вопрос задавали. Один был проведен в рамках ВОЦ (2011 г.), второй – Институтом социологии НАН Беларуси (2016 г.), третий – в рамках проекта «КЭФ» (2018 г.). Результаты опросов ВОЦ и «КЭФ» похожи. Воспитание терпимости и уважения к другим людям заняло третье место в приоритетах жителей Беларуси и в 2011, и в 2018 гг. Различие наблюдалось лишь в одном пункте. Если в опросах ВОЦ на пятом месте была «независимость», то в опросах «КЭФ» на нем оказалась «решительность, настойчивость» (таблица 2) [2; 14].

Таблица 2

Вопрос: «Вот список качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Как вы считаете, какие из них особенно важные?»

Варианты ответа	Доля респондентов, которые отметили соответствующие качества	
	Опрос ВОЦ	Опрос «КЭФ»
Трудолюбие	87,6 %	82,2 %
Ответственность	80,6 %	71,8 %
Терпимость и уважение к другим людям	60,7 %	48,9 %
Бережливость (бережливое отношение к деньгам и вещам)	55,0%	45,8 %
Независимость	38,6 %	37,8 %
Решительность, настойчивость	35,1 %	44,4 %

Источники: Опрос. Изучение ценностей белорусского общества / Кастрычніцкі эканамічны форум; MIA Research [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kef.by/publications/research/opros-izuchenie-tsennostey-belorusskogo-obshchestva/. – Дата доступа: 19.01.2019; Important child qualities // World Values Survey Wave 6: 2010–2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp. – Date of access: 21.01.2018.

Однако в вопросах, где должна проявляться терпимость, белорусы оказались не такими уж и толерантными. К примеру, в опросе «КЭФ» 2018 г. 73,3 % опрошенных белорусов сказали, что гомосексуализм заслуживает общественного порицания. По степени неприятия этого явления в республике оно находится на том же уровне, на каком находятся расизм (72,3 %) и проституция (73,7 %) [2]. Тогда как 80 % опрошенных в 2015 г. по заказу американского исследовательского центра «Пью» белорусов сказали, что проституция аморальна, 85 % выразили такое мнение в отношении гомосексуального поведения [15, с. 118]. Судя по ряду других параметров, россияне и украинцы (не говоря уже о немцах или американцах) толерантнее белорусов (таблица 3) [16].

Лишь по одному параметру белорусы оказались терпимее других. Подавляющее большинство (93,1 %) не имело ничего против того, чтобы жить по

соседству с неженатыми парами. В этом жители «Синеокой» едва не догнали американцев (93,4 %) [16]. Однако спокойное отношение к сожительству вне брака лишь подтверждает приверженность жителей Беларуси к секулярно-рациональной ценностной модели.

Таблица 3

Вопрос: «Назовите группы, с представителями которых вы бы не хотели жить по соседству»

Варианты ответа	Беларусь	Россия	Украина	Германия	США
Наркоманы	95,3 %	93,2 %	91,5 %	66,3 %	88,3 %
Алкоголики	87,7 %	84,3 %	83,6 %	70,2 %	68,9 %
Гомосексуалисты	72,1 %	66,2 %	61,7%	22,4 %	20,4%
Люди, больные СПИДом	60,9 %	54,3 %	52,3 %	24,0 %	13,4 %
Иммигранты / иностранные рабочие	33,4 %	32,2 %	19,3 %	21,4 %	13,6 %
Люди другой расы	23,1 %	17,2 %	16,9 %	14,8 %	5,6 %
Люди другой религии	18,0 %	14,3 %	15,0 %	14,1 %	3,4 %
Люди, говорящие на другом языке	17,6 %	13,4 %	18,9 %	11,6 %	12,9 %
Неженатые пары	6,9 %	7,8 %	8,4 %	9,3 %	6,6 %

Источник: Would not like to have as neighbors // World Values Survey Wave 6: 2010–2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp. – Date of access: 21.01.2018.

Существует разрыв в общественном мнении между тем, какими должны быть белорусы (какими их следует воспитывать), и тем, какие они есть. Разумеется, респонденту трудно признаться, что он не будет воспитывать детей терпимыми к окружающим. Однако ничто не мешает ему высказать личную позицию, пусть даже она и будет не такой толерантной, как, например, у немца. Любопытные результаты содержит опрос Института социологии НАН Беларуси, проведенный в сентябре 2016 г. Здесь терпимость оказалась на последнем месте, разделив его с религиозностью (11,8 %) [17, с. 13].

Разница результатов опросов ВОЦ и «КЭФ» с результатами, полученными Институтом социологии, определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, в опросах ВОЦ использовалась формулировка «терпимость и уважение к другим людям», а в опросах Института социологии – «толерантность, терпимость к другим людям». Следовательно, первые оперировали двумя категориями (терпимость и уважение), а вторые – одной (толерантность, что переводится как терпимость), чем сузили вероятность выбора этого варианта. Во-вторых, НАН Беларуси предложила более широкий спектр ответов (18 позиций), чем ВОЦ и «КЭФ» (11 позиций). Те, кто назвал бы «толерантность и уважение», если бы их опрашивали в рамках ВОЦ и «КЭФ», в опросе Института социологии предпочли выбрать такие качества, как «любовь и уважение к родителям, к старшим» (76,6 %), «доброта,

душевность, отзывчивость» (65,5 %) и «порядочность, честность» (53,8 %), отправив толерантность на последнее место [17, с. 13].

В июне 2016 г. по заказу некоммерческой организации «Пакт» в Беларуси был проведен опрос, подтвердивший результаты опросов НАН. Респондентов попросили назвать отдельно присущие белорусам ценности и ценности, наиболее важные лично для респондента. 32 % опрошенных полагали, что толерантность присуща белорусам, но лишь 5,9 % сказали, что она свойственна им лично. Для этого качества был характерен самый большой разрыв во мнении в сравнении с другими качествами (26 пунктов) [18, с. 8]. На наш взгляд, именно «памяркоўнасць» белорусов и нежелание выпячивать собственное мнение порождают разрывы, выражающиеся в ошибочном представлении о мнении окружающих.

Таким образом, результаты социологических опросов позволяют привести ту или иную идеологическую модель в соответствие с чаяниями народа и доминирующими в обществе умонастроениями. Наложение материалов опросов на политическую реальность позволило установить, что ценностным и мировоззренческим установкам белорусов подходит социально-консервативная идеологическая модель. Но в белорусской общественно-политической жизни социал-консервативное направление просматривается слабо, хотя соответствующая риторика и широко представлена в политическом дискурсе Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / редкол.: И.В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 392 с.

2. Опрос. Изучение ценностей белорусского общества / Кастрычніцкі эканамічны форум; MIA Research [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kef.by/publications/research/opros-izuchenie-tsennostey-belorusskogo-obshchestva/. – Дата доступа: 19.01.2019.

3. *Лаптёнок, А. С.* Восприятие гуманитарной составляющей Союзного государства в массовом сознании жителей Беларуси / А. С. Лаптёнок, И. В. Лашук, Е. В. Мартищенкова; Белорус. гос. экон. ун-т; Центр изучения перспектив интеграции. – М.: ЦИПИ, 2018. – 80 с.

4. *Борисов, С. В.* Понять Беларусь: записки странствующих социологов / С. В. Борисов, Ю. Г. Юшкова-Борисова. – М.: Изд. решения, 2018. – 214 с.

5. «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск: Звязда, 2017. – 368 с.

6. *Welzel, C.* Findings and Insights // C. Welzel, R. Inglehart; World Values Survey [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp. – Date of access: 21.11.2018.

7. EU Neighbours: East. Annual Survey Report: Regional Overview. – 3rd Wave (Spring 2018) / Open Neighbourhood; ACT LLC. – Brussels: ECORYS, 2018. – 50 p.

8. I see myself as an autonomous individual // World Values Survey Wave 6: 2010–2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp. – Date of access: 21.01.2018.

9. *Старичёнок, В. В.* Белорусские и российские ценности: точки соприкосновения и различия [Электронный ресурс] / В. В. Старичёнок // Евразия. Эксперт. – 2018. – 7 фев. – Ре-

жим доступа: http://eurasia.expert/belorusskie-i-rossiyskie-tsennosti-tochki-soprikosnoveniya-i-razlichiya/. – Дата доступа: 30.11.2018.

10. *Шаблыко, Т.* Опираясь на многовековую историю… / Т. Шаблыко // Беларуская думка. – 2018. – № 8. – С. 11–23.

11. *Харитонов, И. Н.* Культурный код белорусского общества: аксиологический анализ / И. Н. Харитонов // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2017. – № 3. – С. 25–33.

12. *Лашук, И. В.* Структура ценностных ориентаций как показатель социокультурного кода белорусского общества / И. В. Лашук // Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2017. – С. 130–139.

13. *Старичёнок, В. В.* Партизан и рабочий: белорусский национальный характер [Электронный ресурс] / В. В. Стариченок // Евразия. Эксперт. – 2017. – 10 авг. – Режим доступа: http://eurasia.expert/partizan-i-rabochiy-belorusskiy-natsionalnyy-kharakter/. – Дата доступа: 10.06.2017.

14. Important child qualities // World Values Survey Wave 6: 2010–2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp. – Date of access: 21.01.2018.

15. *Cooperman, A.* Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe [Electronic resource] / A. Cooperman, N. Sahgal, A. Schiller // Pew Research Center. – 2017. – May 10. – 175 p. – Mode of access: http://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-FULL-REPORT.pdf. – Date of access: 21.01.2019.

16. Would not like to have as neighbors // World Values Survey Wave 6: 2010–2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp. – Date of access: 21.01.2018.

17. *Котляров, И. В.* Патриотизм как социальная реальность белорусского общества (социологическое измерение) / И. В. Котляров // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2017. – № 4. – С. 7–15.

18. Белорусское общество: тест на гражданственность: результаты национального социологического опроса (февраль 2017 г.) / Pact; ООО «ЦСБТ САТИО». – 12 с.

(Дата подачи: 19.02.2019 г.)

С. А. Уставицкий
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

S. Ustavitski
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КАК СПОСОБ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ

EDUCATIONAL CLUSTER AS A METHOD OF TRAINING SPECIALISTS IN THE FIELD OF MANAGEMENT

С учетом востребованности профессиональных управленческих кадров в социально-экономической и политической сферах современного интенсивно изменяющегося обще-

ства автор обосновывает необходимость разработки модели подготовки квалифицированных управленцев в условиях образовательного кластера.

Ключевые слова: государственное управление; кластер; кластерный подход; воспроизводство кадров в управлении; инновационное развитие; образовательный кластер вуза; управленческие компетенции; формирование компетенций; интеллектуальный потенциал; профессиональное образование; учреждение образования.

Due to the demand for professional managerial personnel in the socio-economic and political spheres of the modern intensively changing society, the author substantiates the need of developing a model for training qualified managers in an educational cluster.

Keywords: public administration; cluster; cluster approach; reproduction of personnel in management; innovative development; university education cluster; managerial competencies; formation of competencies; intellectual potential; professional education; educational institution.

Одной из характеристик современного общества, наблюдаемой в последнее время во многих областях социального бытия, является тенденция к консолидации, особенно ярко заметная в сфере высокотехнологичного производства и экономики инноваций. В ходе эволюционного развития все чаще отмечается усложнение структурных взаимосвязей, отвечающих за совместное функционирование отдельных систем, а также рост количества уровней взаимодействия отдельных социальных институтов. Управление со стороны государства и бизнеса такими сложными многоуровневыми системами, как корпорация, технопарк, холдинг, промышленный кластер и т. п., требует от специалиста и управленца особого уровня подготовки и специализированных компетенций. В соответствии с современным подходом к подготовке и переподготовке специалистов, изложенным в том числе в Кодексе Республики Беларусь об образовании [1], главным критерием эффективности подготовки и переподготовки является приобретение ими компетенций, необходимых для эффективной деятельности. В связи с этим особую актуальность приобретает изменение ключевых установок и подходов к современной системе образования, которое рассматривается в русле доминирующего компетентностного подхода как основной источник формирования необходимых современному специалисту знаний, умений и навыков, а также их практическое закрепление в ходе всего процесса обучения.

Сам подход к подготовке специалистов как в областях государственного и корпоративного управления, так и в других сферах подготовки и переподготовки взрослых в последнее десятилетие существенно изменился. Анализ содержания современной литературы, посвященной проблематике формирования компетенций у специалистов, позволяет выделить новое направление – кластерный подход, который предполагает комплексное формирование и системное освоение обучающимися необходимых компетенций. Российский исследователь П. Г. Кравцов [2] отмечает, что обучение в контексте кластерной парадигмы следует понимать как относительно новое направление в современной педагогике, внедрение которого в процесс подготовки высококвалифицированных кадров требует определения

новых организационных условий формирования компетентного специалиста и экспериментальной проверки их результативности. Подразумевается, что процесс подготовки специалиста в рамках образовательного кластера будет включать не только усвоение последним определенных знаний, но и практическое закрепление приобретаемых компетенций в ходе процесса профессиональной подготовки.

Кластерный подход используется в различных отраслях современного научного знания достаточно продолжительное время, и в его рамках учеными подразумевается необходимость учета множественности взаимосвязей между объединенными в одну систему элементами. В этом общем понимании сути кластерного подхода сходятся такие исследователи, как С. Я. Боброва, Е. А. Корчагин, Т. В. Цихан и др. [3–5].

Термин «кластер» впервые был введен в научный оборот американским экономистом, профессором Гарвардской школы бизнеса Майклом Юджином Портером. Согласно Портеру, кластер представляет собой сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений), в определенных областях конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу [6, с. 205].

Обобщенное определение термина «кластер», используемое в данный момент в рамках экономических дисциплин, встречается в исследовании, посвященном управлению конкурентоспособностью региона у Н. А. Ларионовой [7]. В русле системного подхода кластер рассматривается как совокупность субъектов хозяйственной деятельности, объединенных в единую организационную структуру, составные части которой находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, осуществляют совместное функционирование с заданной целью. В рамках кластера формирование эффективных технологических цепочек из нескольких самостоятельных хозяйствующих субъектов является стратегическим мероприятием, требующим определенных долгосрочных инвестиций в их реализацию, и возможно только посредством их самоорганизации в результате взаимодействия факторов как внутренней, так и внешней среды функционирования таких систем. Подразумевается, что такое взаимодействие должно приводить к дополнительным выгодам для каждого из субъектов, создавать определенный стимул к формированию единой системы функционирования, обеспечению целостной системы. В исследовании Н. А. Ларионовой кластер рассматривается преимущественно в контексте регионального экономического развития и повышения конкурентоспособности региона, но при этом автором отмечается, что кластер – это социальное понятие, что находит свое подтверждение в ряде дальнейших исследований, затрагивающих вопросы кластерного подхода в других областях общественного бытия.

Термин «кластер», использовавшийся изначально в областях информационных технологий и экономики, стал в последнее время активно встречаться в исследованиях, посвященных таким отраслям гуманитарной науки, как педагогика, социология и психология. Современная отечественная и зарубежная литература [2; 8; 9] в контексте разработки кластерного подхода активно использует такие категории, как «педагогический кластер», «научно-образовательный кластер», «интеллектуальный кластер» и т. д.

П. Г. Кравцов рассматривает образовательный кластер как совокупность отдельных, но при этом связанных между собой учреждений профессионального образования различного уровня, которые объединяются друг с другом по определенному отраслевому признаку [2, с. 99–100]. Помимо этого, фиксируется взаимосвязь этой совокупности учреждений образования с предприятиями какой-либо отрасли. В основу функционирования такого кластера закладываются принципы единства учебного, научного и инновационного процесса; взаимосвязи с экономикой и социальной сферой; непрерывности процесса профессиональной подготовки обучающихся и внутренней взаимосвязи образовательных программ различных уровней; научного, информационного, организационного и учебно-методического взаимодействия между всеми элементами кластера.

В ходе теоретического исследования академической мобильности студентов высших учебных заведений в Республике Беларусь и Российской Федерации белорусский исследователь Ф. И. Храмцова рассматривает систему генерации будущей научной элиты, задачу формирования которой выполняет особый вид социального института – «образовательный кластер вуза». Под образовательным кластером вуза исследователем понимается «динамичный организационно-технологический комплекс, направленный на обеспечение профессиональной подготовки кадров инновационного типа как фактора социально-экономической и социокультурной модернизации средствами интеграции стратегических целей учреждений науки, высшего, общего среднего образования, направленный на развитие интеллектуального потенциала и социальной мобильности молодежи в контексте национальных интересов государства» [9, с. 35]. Раскрывая далее специфику образовательного кластера, автором обращается внимание, что суть такого кластера – в качественно новом способе и подходе, новом принципе социального партнерства учреждений образования различного типа, научных организаций как интегрированного объединения межотраслевой, межрегиональной, научно-квалификационной, образовательной направленности. Образовательный кластер как особую форму интеграции отличает тесное взаимодействие со сферой «индустрии знаний»: научными организациями, ведущими университетами в условиях возрастания фактора конкуренции. При этом центром такого кластера является университет как основной генератор инновационных технологий профессиональной подготовки специалистов нового поколения, обладающих соответствующими компетенциями.

Дальнейший анализ теоретических разработок, осуществляемых в контексте кластерной методологии, позволяет выявить недостаточную степень исследованности вопросов подготовки специалистов, обладающих специализированными компетенциями в области управления. При этом актуальность разработки данной темы в последнее время постоянно возрастает.

В ряде исследований, посвященных кластерному подходу в подготовке специалистов-управленцев и формировании у обучающихся соответствующих профессиональных компетенций, наиболее близкое к рассматриваемой теме исследование проводится С. В. Кривых и А. В. Кирпичниковой [8]. В монографии образовательный кластер рассматривается как сложно организованная социальная образовательная система, в которой присутствует иерархически выстроенная совокупность отдельных элементов. Такими элементами являются научные, образовательные, инновационные, социокультурные, производственные учреждения и предприятия и управленческие структуры отдельно взятого региона, которые функционируют совместно и представляют собой единство сфер производства, образования и науки.

В ходе исследования авторами аргументируется переход от квалификационного подхода в образовании к компетентностному, который в большей степени позволяет сформировать комплексную систему формирования, закрепления и оценивания приобретаемых в ходе подготовки знаний. Образовательный кластер, осуществляющий подготовку специалистов в области местного управления и самоуправления, рассматривается исследователями как совокупность следующих взаимосвязанных компонентов, каждый из которых подразумевает овладение общекультурными и профессиональными компетенциями: когнитивного; нормативно-этического; информационно-коммуникативного; командно-деятельностного; рефлексивно-оценочного.

В исследовании С. В. Кривых и А. В. Кирпичниковой на примере Санкт-Петербургского государственного политехнического университета происходит теоретическое обоснование и практическая реализация образовательного кластера развития компетенций в сфере местного самоуправления у студентов вуза, что может быть рассмотрено в качестве закрепления нового кластерного подхода к подготовке специалистов в области управления.

Примером необходимости нового взгляда на процесс подготовки управленцев в Республике Беларусь является обращение Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко к студентам гродненских вузов в октябре 2018 г. В ходе встречи особое внимание в процессе подготовки управленческой элиты было уделено роли Академии управления при Президенте Республики Беларусь: «Если вы будете ориентированы и на государственную службу, я буду это только приветствовать. Управленческие навыки надо развивать. Для этого у нас существует Академия управления при Президенте. Сейчас мы формируем там целостную систему отбора претендентов на получение второго высшего образования» [10].

Озвученный особый статус Академии управления при Президенте Республики Беларусь в подготовке управленческих кадров позволяет рассматривать ее как центральный компонент особого типа образовательного кластера, ключевой задачей которого является подготовка управленческих кадров из числа одаренных абитуриентов, которые в ходе профильного обучения получат и закрепят необходимые управленческие компетенции. При этом Президентом особое внимание было обращено на то, что приоритетом является не количество, а качество будущих специалистов, которых должна готовить Академия управления: «Подавляющее количество наших успехов зависит от того, какое управление. Поэтому буду очень рад, если у вас появится десяток-другой будущих госслужащих, управленцев. Мы готовы их принять в Академию управления, потому что это будет совершенно новое учебное заведение» [11].

Образовательный кластер в сфере управления представляет собой систему учреждений образования (школа, вуз и т. д.), а также научно-исследовательских институтов, инновационных площадок и лабораторий, органов государственной власти республиканского и регионального уровней и бизнес-структур, обеспечивающих комплексную подготовку и переподготовку специалистов-управленцев на основе компетентностного подхода. При этом ядро кластера должно быть сформировано образовательными, научно-исследовательскими учреждениями, а также государственными органами, заинтересованными в реализации кооперации в сфере подготовки компетентных специалистов в сфере управления.

Таким образом, разработка модели образовательного кластера подготовки специалистов в области управления видится логичным следующим шагом в решении значимой для белорусского государства и общества проблемы воспроизводства управленческого ресурса, формирования резерва профессиональных кадров в области управления в контексте кластерного подхода. Ведь последующее инновационное развитие страны в условиях стремительно изменяющегося мира невозможно без эффективной национальной системы непрерывного генерирования резерва профессиональных кадров в сфере управления.

Данная модель позволит объединить в себе в качестве ключевых компонентов органы государственной власти на республиканском и местном уровнях, учреждения среднего и высшего образования, научные и производственные организации и инновационные площадки, в рамках деятельности которых будет формироваться новое поколение компетентных и высококвалифицированных специалистов в области управления, необходимых современному белорусскому государству.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13.01.2011 г. № 243-З [Электронный ресурс] // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243. – Дата доступа: 20.02.2019.

2. *Кравцов, П. Г.* Организационно-методические основы функционально-ориентированной подготовки специалистов в структуре регионального образовательного кластера / П. Г. Кравцов, В. Н. Михелькевич // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 2(26). – С. 99–107.

3. *Боброва, С. Я.* Актуальные вопросы формирования кластеров как инструмента повышения конкурентоспособности региона / С. Я. Боброва, Н. В. Жукова, В. В. Яровова // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 12. – С. 508–509.

4. *Корчагин, Е. А.* Образовательный кластер: взаимодействие вуза и предприятия / Е. А. Корчагин, Р. С. Сафин. – Казань: КГАСУ, 2012. – 164 с.

5. *Цихан, Т. В.* Кластерная теория экономического развития / Т. В. Цихан // Теория и практика управления. – 2003. – № 5. – С. 48-56.

6. *Портер, М. Э.* Конкуренция: пер. с англ. / М. Э. Портер. – М.: Вильямс, 2003. – 608 с.

7. *Ларионова, Н. А.* Кластерный подход в управлении конкурентоспособностью региона [Электронный документ] / Н. А. Ларионова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/klasternyy-podhod-v-upravlenii-konkurentosposobnostyu-regiona. – Дата доступа: 22.02.2019.

8. Кривых, С.В. Кластерный подход в профессиональном образовании: монография / С.В. Кривых, А.В. Кирпичникова. – СПб.: ИНОВ, 2015. – 140 с.

9. Кластерный подход в формировании академической мобильности студенческой молодежи в Республике Беларусь / Ф. И. Храмцова [и др.] – Минск: Бестпринт, 2017. – 173 с.

10. Лукашенко: управленческие навыки надо развивать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sptnkne.ws/kPCD. – Дата доступа: 20.02.2019.

11. Лукашенко ждет от вузов подготовки «специалистов новой формации с развитыми предпринимательскими навыками» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.by/news/belarus/1249381. – Дата доступа: 20.02.2019.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

А. В. Филиппович
Белорусская государственная академия искусств, Минск

A. Filippovich
Belorussian State Academy of Arts, Minsk

УДК 329.3.29

«ЗАГОВОР ВОДОЛЕЯ»: НЬЮ ЭЙДЖ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

«THE AQUARIAN CONSPIRACY»: NEW AGE AS A POLITICAL IDEOLOGY

В статье исследуется политическая идеология Нью Эйдж, раскрываются ее предпосылки, сущность и основные принципы, отношение к другим идейным течениям. Анализируется проект создания нового общества и трансформации человека в идеологии Нью Эйдж.

Ключевые слова: Нью Эйдж; западный эзотеризм; либерализм; марксизм; анархизм; глобализация; М. Сатин; М. Фергюсон.

The article deals with New Age political ideology, examines its essence, basic principles and relation to other ideologies. It gives a detailed analysis of the project of new society and personal transformation in New Age ideology.

Keywords: New Age; Western esotericism; liberalism; Marxism; anarchism; globalization; M. Satin; M. Ferguson.

Кризис трех важнейших политических идеологий XX века – либерализма, коммунизма и фашизма [1, с. 11] – придал импульс формированию новых идейных течений. Одним из них стало движение Нью Эйдж (от англ. *New Age* – «новая эра»), которое возникло во второй половине 1970-х гг. и достигло полного развития в 1980-е гг. [2, p. 12].

Актуальность исследования определяется тем, что на сегодняшний день идеи Нью Эйдж в различных формах стали частью культуры, политики, философии, науки и религии. В 1980-е гг. от 10 до 20 миллионов жителей США идентифицировали себя с движением Нью Эйдж [3, p. 198]. В странах бывшего СССР с 1990-х гг. сначала распространились популярные формы Нью Эйдж в виде астрологии, магии и экстрасенсов, а затем – в виде психологических теорий и тренингов (глубинная, трансперсональная и гештальт психология), сложных западных и восточных эзотерических доктрин, новых религиозных движений.

Научные исследования идеологии Нью Эйдж в основном посвящены ее религиозным аспектам. Хотя некоторых представителей Нью Эйдж и причисляют к сторонникам экологизма, который рассматривается как политическая идеология [4, p. 217–218], политические аспекты Нью Эйдж не получили достаточного внимания.

Цель статьи – исследовать предпосылки, сущность и основные принципы Нью Эйдж в качестве политической идеологии. Это предполагает решение следующих задач: 1) раскрыть предпосылки идеологии Нью Эйдж; 2) проанализировать сущность этого течения на основе программных текстов его главных представителей; 3) выявить основные принципы политического проекта Нью Эйдж.

Предпосылки идеологии Нью Эйдж связаны с течениями западного эзотеризма. Это понятие включает в себя такие отвергнутые эпохой Просвещения учения, как спиритизм, оккультизм, теософия, антропософия, месмеризм, «новое мышление», астрология, магия, каббала и герметизм [5, p. 3]. Классические политические идеологии также были связаны с концепциями западного эзотеризма – через масонство, теософские, оккультные и некоторые философские течения. Наиболее показательным примером является национал-социализм [6, p. 17–31]. В идеологии Нью Эйдж идеи западного эзотеризма интерпретируются на основе новейших теорий физики и химии, которые ставят под сомнение или отрицают принципы ньютоновской картины мира, провозглашая многомерность пространства и времени, их зависимость от человеческого сознания. Кроме того, комплекс представлений Нью Эйдж включает в себя концепции современной западной философии,

политической теории, экономики и психологии 1960-х гг. Непосредственный политический импульс формированию идеологии Нью Эйдж придала идеология «новых левых» и протесты 1960-х гг., которые, несмотря на неудачу, оставили свой след в виде контркультуры, новой волны феминизма, экологизма, увлечения восточными учениями и критического отношения к современной политике.

Название Нью Эйдж происходит от заимствованной из западного эзотеризма астрологической идеи завершения эры Рыб и наступления новой эры Водолея. Эра Рыб, в которой господствовало христианство, продолжалась чуть более 2100 лет: со смещением точки весеннего равноденствия в знак Водолея начинается новая эра [7, p. 108]. Сторонники Нью Эйдж придают большое значение тому, что раннее христианство использовало рыбу в качестве символа Христа [2, p. 102]. В рамках идеологии Нью Эйдж предлагаются различные варианты начала эры Водолея – 1967, 1987, 2000, 2075 и 2376 гг. [2, p. 335–336]. Наступление эры Водолея предполагает разрушение всех старых форм общественной организации и открытие новых возможностей человека – подобно идеологическим проектам «царства разума и свободы» либерализма, бесклассового общества коммунизма или «тысячелетнего рейха» фашизма.

Показательно, что формирование новой идеологии началось с политических проектов. Марк Сатин (p. 1946) в книге «Политика новой эры» (1976) выдвинул идею «новой политики», которая отвергает как либерализм, так и марксизм. Позже он охарактеризовал такую политику, как пост-либеральную и пост-социалистическую [8, p. 29]. «Новая политика» предполагает проект политической идеологии, которая характеризуется как разновидность «третьего пути» между капитализмом и социализмом, правыми и левыми. Идея «третьего пути», которая была известна с XIX в., в Нью Эйдж получила новую интерпретацию. Как бывший активист «новых левых», Сатин предсказуемо предъявляет основные претензии марксизму, обвиняя его в распространении радикализма, разделении людей на враждующие группы и игнорировании глубинных эмоциональных психологических и духовных потребностей [9, p. 7–8]. Критике основных концепций марксизма посвящена целая глава [9, p. 269–285]. Антимарксистские диссиденты – от Бердяева до Солженицына – зачисляются Сатиным в предшественники «политики новой эры» [9, p. 12–13, 15]. Вместе с марксизмом как его крайне левая альтернатива отвергается анархизм – за материализм, использование насилия и чрезмерно оптимистическую трактовку человеческой природы [9, p. 20]. Критика адресована и либерализму, но более мягкая, поскольку позиция самого Сатина гораздо ближе к либеральным представлениям, чем к марксизму. Предлагаемая им экономическая модель новой эры – капиталистическая, хотя и предполагающая «человеческий масштаб», ограничение технологий, конкуренции и погони за прибылью. Столь же либеральны идеи Сатина о развитии «гражданского общества», ненасилии и реформах.

«Политика новой эры» является ненасильственной, признавая, в духе либерализма, необходимость ускорения эволюции [9, p. 20–21]. В этом смысле социальный блок «политики новой эры» не отличается особой оригинальностью, обобщая идеи экологических, феминистских и леволиберальных течений 1960–1970-х годов. Основная новация заключена в концепции трансформации сознания, которая призвана стать движущей силой изменений по созданию нового общества.

С точки зрения Сатина, для политики новой эры двумя главными препятствиями являются «тюрьма» и «монолитные» институты. «Тюрьма» – комплекс культурных ценностей и установок, способ видения мира, ментальная конструкция (как сказали бы социологи) или иллюзия (как сказали бы восточные философы), которую индивид заново создает каждый день в своем сознании [9, p. 24]. Сознание современного человека напоминает «тюрьму с шестью стенами», включающими в себя:

1) патриархальные установки, которые ставят в подчиненное положение женщин и создают искаженный образ мужчины как лишенной эмоций и нацеленной на достижение успеха машины [9, p. 25–27];

2) эгоцентризм, предполагающий рассмотрение индивида в качестве чего-то неизменного, изолированного от других, ограниченного телом, социальной ролью и материалистическим восприятием мира [9, p. 27–30];

3) единую научную картину мира, следствия которой – аналитический метод, господство над природой, потеря контакта человека с внутренним миром и собственным телом, исключение нефизических измерений реальности, поклонение технике, превращение прогресса в разрушение, пренебрежение моралью и ценностями, создание общества, состоящего из несвязанных между собой специалистов [9, p. 30–32];

4) бюрократическую ментальность, предполагающую статусное сознание (разделение людей на стоящих «выше» или «ниже», сильных и слабых), деперсонализацию (восприятие себя и окружающих в качестве объекта и числа), предсказуемость, стандартизацию, произвол, эффективность и дисциплину [9, p. 32–34].

5) национализм, требующий приспособления к установкам господствующей культурной группы, пренебрегающий правами меньшинств, заставляющий рассматривать другие государства как более «слабые», «бедные», несущие «угрозу» [9, p. 42], замещающий жизнь человека жизнью абстракции под названием государство-нация, ведущий к войне, шовинизму и выступающий в виде иллюзорной компенсации чувства неполноценности [9, p. 36];

6) мировоззрение «большого города» (более 500 000 человек), среди черт которого – анонимность, отчуждение, одиночество, нехватка приватности, потеря связи с природой и духовными состояниями сознания, консьюмеризм, избыток информации и впечатлений, чрезмерная плотность населения, стресс, психические заболевания, спешка, преступность, высокий уровень смертности [9, p. 37–39].

Такое «заключенное в тюрьму» сознание возникло задолго до появления капитализма или социализма и, следовательно, не может быть освобождено в битве правых и левых идеологий. «Тюремное сознание» поддерживает существование «монолитных» институтов, которые характерны как для капитализма, так и для социализма [9, p. 20]. По аналогии с марксизмом Сатин использует понятие «монолитный способ производства» [9, p. 55], который уже дважды господствовал в истории – в древнем Египте и древнем Риме [9, p. 57]. Основные «монолитные» институты – транспорт, медицина, жилищное строительство, образование, церковь, нуклеарная семья и атомная энергетика. Монолитность – это монополия на производимые ими товары и услуги, исключающая альтернативы [9, p. 55]. Так, например, транспортная индустрия построена вокруг частного автомобиля (и других скоростных средств передвижения), который определяет инфраструктуру городов, задает уровень потребления и культурные ценности, заставляя индивида без автомобиля ощущать себя неполноценным членом общества [9, p. 58]. Другие монолитные институты – централизованное государство-нация, корпорации, правящие элиты и социальные роли [9, p. 65–68]. Монолитные институты должны быть заменены «биолитными» – предоставляющими возможность выбора из различных альтернатив в области товаров, услуг, информации и технологий [9, p. 124].

Значительная часть книги посвящена обоснованию нового типа общества, политики, экономики и человека, которые должны появиться с наступлением новой эры. Для этого необходимо разрушение шести стен «тюремного сознания» и замена их альтернативами. Метод – трансформация сознания, которая должна предшествовать любым формам традиционной политической деятельности. Поэтому метафизической основой общества новой эры должно стать «транс-материалистическое» мировоззрение, которое преодолевает ограниченность материализма и идеализма [9, p. 91].

В представлении Сатина Нью Эйдж – это глобальная идеология, которая должна получить распространение в масштабах планеты. Политика новой эры включает в себя формирование «планетарного сознания», предполагающего применение этики и политических ценностей Нью Эйдж к мировым проблемам и развитие системы «планетарного управления», которая, однако, не должна превращаться в занимающееся контролем и организацией мировое правительство [9, p. 150].

Политический характер носит и работа Мэрилин Фергюсон (1938–2008) «Заговор Водолея» (1980), принесшая автору славу главного идеолога Нью Эйдж. Согласно Фергюсон, новая эра призвана положить конец темной и наполненной насилием эры Рыб, а Водолей символизирует текучесть и утоление жажды [10, p. 19]. «Заговор Водолея», который «шире реформ и глубже революций», созрел как сеть организаций без лидеров, политической доктрины и манифеста [10, p. 23]. Его участники – это представители самых различных слоев общества – от водителей такси, офисных работников

и школьных учителей до знаменитых ученых, правительственных чиновников, миллионеров и звезд [10, p. 23–24]. Среди предвестников «заговора Водолея» – течения западного эзотеризма: алхимия, гностицизм, Каббала, герметизм [10, p. 46]. Подчеркивается роль масонства как «мистического братства» в Американской революции, которая рассматривается как важнейший шаг на пути к эре Водолея [10, p. 121]. Среди современных влияний выделяются Т. де Шарден, О. Хаксли, К-Г. Юнг и А. Маслоу [10, p. 50]. Значительная часть рассуждений Фергюсон посвящена одной из главных тем Нью Эйдж – трансформации сознания, которая призвана развить самосознание и преодолеть характерный для западной ментальности разрыв левого (вербального и аналитического) и правого (образного и синтетического) полушарий головного мозга [10, p. 77–79].

Неизбежность наступления новой эры Фергюсон объясняет на основе развития естествознания и концепции смены парадигм Т. Куна. Современная физика открыла текучий мир, напоминающий плавящиеся часы с картины С. Дали. Материя обладает только тенденцией к существованию, вещей нет, есть только связи и отношения. Вместо реального и твердого мира теоретическая физика предлагает картину мерцающей сети событий, отношений и возможностей. Элементарные частицы совершают резкие переходы, «квантовые скачки», представая то как корпускулы, то как волны. Вселенная предстает как калейдоскоп жизни и смерти, напоминающий танец Шивы в индуизме [10, p. 170–171]. Такая научная картина мира меняет представление о человеке и обществе, открывая возможности для радикальных перемен. Теория диссипативных структур И. Пригожина позволяет утверждать, что даже поведение небольшой группы людей способно вызвать флюктуации, которые приведут к масштабным социальным переменам [10, p. 166].

В новой парадигме власти и политики, предлагаемой Фергюсон, нетрудно узнать ряд типичных положений либерализма. Вместо перемен, осуществляемых властью – перемены, основанные на консенсусе и вдохновляемые лидерством. Вместо свободы от ограничений – свобода для творческой деятельности, самовыражения и самопознания. Вместо внешних реформ сверху – трансформация самих индивидов. Вместо сильного централизованного правительства как монолитного института – децентрализованное правительство и горизонтальное распределение власти. Вместо выполнения дисциплинарных и патерналистских функций правительство должно содействовать развитию, творчеству, сотрудничеству, трансформации, синергии. Вместо господства над природой – партнерство человечества с природой [10, p. 210–212].

Основная идеологическая установка Фергюсон продолжает идею М. Сатина о создании идеологии «третьего пути». Вместо противопоставления правых и левых – «радикальный центр» как синтез консервативных и либеральных традиций, преодолевающий старые противоречия. Вместо политики построенной на механистической и атомистической модели вселенной

Ньютона – политика, находящаяся в постоянном движении и изменении по образцу модели мира современной физики. Рациональная мужская и линейная ориентация должна смениться совмещением рационального и интуитивного подходов, нелинейным взаимодействием, моделью динамических систем [10, p. 210–212].

Отличительной особенностью рассуждений Фергюсон, которая сблизила ее политическую программу с американским неоконсерватизмом, является акцент на особой роли США в предстоящей радикальной трансформации. Восхвалению «американского эксперимента», «величайшей истории успеха в современной истории» [10, p. 119], посвящена целая глава. «Американская исключительность» предполагает, что центром мировой революции Нью Эйдж должны стать США, а точнее – наиболее «прогрессивный» американский штат Калифорния, где сложилась совершенно особая политическая и культурная ситуация [10, p. 119].

Помимо программных работ М. Сатина и М. Фергюсон, которые открыто претендуют на создание новой политической идеологии «третьего пути», в работах других представителей Нью Эйдж присутствует ряд сквозных тем, имеющих политический и идеологический характер. Важнейшие из таких тем – признание кризисного состояния мира, описание эры Водолея и способов перехода к ней. Среди идеологов Нью-Эйдж – физики Д. Бом и Ф. Капра, философ К. Уилбер, психолог С. Гроф, а также целый ряд других фигур, использующих язык религии, – Дж. Тревельян, М. Фокс, П. Рассел, Д. Спэнглер, М. Симос, Ш. Гавэйн.

К началу 1980-х гг. во многом наивная изначальная политическая программа Нью Эйдж ушла в тень под давлением неоконсервативной идеологии. Само понятие Нью Эйдж с начала 2000-х гг. используется все реже, хотя и предпринимаются попытки вернуть ему утраченный смысл общественно-политического движения [11, p. 231]. Тем не менее многочисленные течения Нью Эйдж превратились в один из весомых идеологических факторов глобализации и формирования «единого мира». Как это нередко было в прошлом с другими идеологиями, возможности Нью Эйдж сегодня используют различные политические силы – от либералов и зеленых партий до консерваторов и неонацистов. Так, идеи Нью Эйдж широко представлены в докладе Римского клуба 2017 г., который прямо ссылается на работы Ф. Капры [12, p. 87, 95].

Таким образом, Нью Эйдж – это не просто проявление новой религиозности, а политическая идеология, включающая в себя следующие принципы: 1) использование идей западного эзотеризма и восточной метафизики для обоснования политической программы ускорения эволюции, трансформации человека и общества; 2) идея нового исторического этапа, призванного полностью сменить находящуюся в кризисе современную цивилизацию; 3) идея нового человека с «трансформированным сознанием», свободным от предрассудков, ограничений и искаженного восприятия мира и обладаю-

щим новыми творческими возможностями; 4) новые концепции общества, власти, политики и экономики, построенные на принципах децентрализации, экологизма, феминизма, ограничения технологий; 5) идея создания системы мирового управления и упразднения классических государств-наций; 6) идея «радикального центра», «третьего пути» между правыми и левыми, позволяющая использовать элементы различных идеологий.

Список использованных источников

1. *Бенуа, А. де.* Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / А. де Бенуа. – СПб.: Амфора, 2009. – 476 с.

2. *Hanegraaf, W.* New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought / W. Hanegraaf. – Leiden: Brill, 1996. – 594 p.

3. *Satin, M.* New Options for America / M. Satin. – Fresno: California State University Press, 1991. – 251 p.

4. *Vincent, A*. Modern Political Ideologies / A. Vincent. – London: Wiley-Blackwell, 2010. – 382 p.

5. *Goodrick-Clarke, N.* The Western Esoteric Traditions. A Historical Introduction / N. Goodrick-Clarke. – New York: Oxford University Press, 2008. – 286 p.

6. *Goodrick-Clarke, N.* The Occult Roots of Nazism / N. Goodrick-Clarke. – London: Tauris Parke Paperbacks, 2004. – 293 p.

7. *Spangler, D.* Revelation: The Birth of a New Age / D. Spangler. – San Francisco: Rainbow Bridge, 1978. – 256 p.

8. *Satin, M.* Radical Middle: The Politics We Need Now / M. Satin. – Colorado: Westview Press, 2004. – 220 p.

9. *Satin, M.* New Age Politics: Healing Self and Society / M. Satin. – New York: Dell, 1979. – 349 p.

10. *Ferguson, M.* The Aquarian Conspiracy: Personal and Social Transformation in the 1980s / M. Ferguson. – London: Routledge, 1981. – 448 p.

11. *Booth, T.* Unfinished Evolution: How a New Age Revival Can Change Your Life and Save the World / T. Booth. – Phoenix: Scotalyn Press, 2010. – 334 p.

12. *Weizsäcker, E.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet A Report to the Club of Rome / E. Weizsäcker, A. Wijkman. – New York: Springer, 2018. – 220 p.

(Дата подачи: 14.01.2019 г.)

Д. В. Харьковский
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

D. Kharkovsky
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 328.185

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИИ

HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CORRUPTION

В статье рассматриваются вопросы противодействия коррупции. Дается краткое описание данного явления в разные эпохи становления современного мира. Проводится анализ ключевых аспектов изучения коррупции, что является основой для комплексного подхода к исследованию проблемы коррупции.
Ключевые слова: коррупция; борьба с коррупцией; противодействие коррупции.

The article discusses the issues of combating corruption. A brief description of this phenomenon in different epochs of the formation of the modern world. Analyses the key aspects of the study of corruption, which is the basis for an integrated approach to the study of the problem of corruption.
Keywords: corruption; combating corruption; drive to combat corruption.

Борьба с коррупцией является принципиальной последовательной линией всей системы власти. Данная работа проводится системно и охватывает все сферы – от социальной сферы до государственного управления. Данное негативное явление, к сожалению, присуще всем странам без исключения. Как правило, коррупция создает почву для роста теневой экономики и подрывает доверие людей к государству.

Коррупция в историческом и социальном контексте не утратила своей логической основы, хотя претерпела некоторые изменения в связи с развитием современного общества и изменением подходов к борьбе с данным явлением.

Во второй половине XX века коррупция стала международной проблемой. Глобализация в мире привела к тому, что коррупция в одной стране стала негативно сказываться на развитии многих других государств.

Впервые о коррупции власти заговорили в 1990 году, когда президент Пакистана отправил правительство Беназир Бхутто в отставку в связи с обвинениями в коррупции.

В 1992 году в Италии в ходе проведения операции «Чистые руки» были вскрыты многочисленные факты коррупции в высших эшелонах власти страны.

В 1997 году исследования в Японии показали, что исключительно высокий уровень коррупции сложился в японской деловой среде. 1850 обследо-

ванных компаний в 90-е годы в том или ином виде были замешаны в скандалах, связанных с коррупцией.

В Германии за период 1997–1999 годов в получении взяток было уличено более 2 тысяч государственных чиновников. По оценкам специалистов, ежегодные потери страны от заключения различных контрактов за взятки оценивались в 10 миллиардов немецких марок.

В Соединенных Штатах Америки, по заявлению заместителя государственного секретаря США С. Айзенстата, за период с 1994 по 1998 год американские компании потеряли при заключении международных контрактов около 24 миллиардов долларов по причинам, связанным с коррупцией [1, с. 28].

Не исключением стала и Украина, где коррупция явилась одной из главных причин экономического и политического кризисов, что в конечном итоге и привело к дестабилизации общества, государственному перевороту и неспособности новой власти урегулировать конфликт на востоке страны мирным путем.

Как показывает объективная реальность, сегодня все страны СНГ в значительной степени поражены коррупцией. Пока что ни одному государству не удалось полностью решить эту проблему.

Таким образом, сложившееся лояльное отношение власти к мздоимству в XIX веке к концу XX века становится уже одной из глобальных проблем. Сегодня она существует во всех странах мира. Коррупция является угрозой национальной безопасности государства как явление, способное нанести ущерб личности, обществу и государству.

Некоторые считают, что коррупция – юридическое понятие и к исследованию данного явления подходят сугубо с точки зрения права. Однако данную проблему необходимо рассматривать с различных сторон. К исследованию феномена коррупции необходимо подходить системно и рассматривать также в других аспектах. Например, в историческом – изучение в контексте прошлого, настоящего и будущего; социологическом – изучение влияния на общественную жизнь и отношения.

Что касается исторического аспекта, то, проводя анализ различных периодов общественных отношений и имеющихся сведений о коррупции, стоит полагать, что коррупция – сложный социальный феномен, исторические корни которого уходят в глубокую древность и связаны прежде всего с обычаем делать подарки вождям или жрецам, чтобы добиться их расположения и впоследствии поддержки в решении возникающих проблем в своих корыстных интересах. Дорогой подарок выделял человека среди других просителей и способствовал тому, чтобы его просьба была выполнена. Поэтому в первобытных обществах плата жрецу или вождю была нормой. По мере усложнения государственного аппарата и усиления власти центрального правительства появились профессиональные чиновники, которые, по замыслу правителей, должны были довольствоваться только

фиксированным жалованием. На практике чиновники стремились воспользоваться своим положением для тайного увеличения своих доходов.

Коррупция начала расцветать в эпоху Античности, когда появились такие государственные чиновники, о которых говорили: «Он приехал бедным в богатую провинцию, а уехал богатым из бедной провинции» [2, с. 123].

В это время в римском праве появился специальный термин «corrumpire», который был синонимом слов «портить», «подкупать» и служил для обозначения любых должностных злоупотреблений.

Как социально-негативное явление в обществе коррупция уже в те времена получила законодательное закрепление, однако ее содержание толковалось по-разному.

Первым правителем, о котором сохранилось упоминание как о борце с коррупцией, был Урукагина – шумерский царь города-государства Лагаша во второй половине XXIV века до н. э. Несмотря на показательные и часто жестокие наказания за коррупцию, борьба с ней не приводила к желаемым результатам. В лучшем случае удавалось предотвратить наиболее опасные преступления, однако на уровне мелкой растраты и взяток коррупция носила массовый характер. Первый трактат с обсуждением коррупции – «Артхашастра» – опубликовал под псевдонимом Каутилья один из министров Бхараты (Индии) в IV веке до н. э. В нем он сделал пессимистичный вывод, что «имущество царя не может быть, хотя бы в малости, не присвоено ведающими этим имуществом».

Особую озабоченность вызывала продажность судей, поскольку она приводила к незаконному перераспределению собственности и желанию решить спор вне правового поля. Не случайно ведущие религии из всех видов коррупции осуждают в первую очередь подкуп судей: «Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых», «Не присваивайте незаконно имущества друг друга и не подкупайте судей, чтобы намеренно присвоить часть собственности других людей».

В древние времена основным коррупционным злом определялось также и воровство из казны (казнокрадство), борьба с которым считалась важнейшей задачей правителей.

Там, где власть центрального правительства была слабой (например, в Европе в эпоху Раннего Средневековья), использование служебного положения для личных поборов с населения часто становилось общепринятой нормой. Так, в средневековой России «кормления» воевод и присвоение ими платы за разрешение конфликтов считались обычным доходом служивых людей наряду с жалованием из казны или получением поместий.

Часто возникала парадоксальная ситуация, когда одно и то же лицо одновременно занимало важные посты и в государственном, и в коммерческом секторах экономики. В результате многие чиновники злоупотребляли своим положением, даже не принимая взяток, а непосредственно защищая свои личные коммерческие интересы.

Первоначально коррупция была больше нравственной проблемой. В частности, в книге «Коррупция. Этика и власть во Флоренции в 1600–1770 гг.» ее автор Жан-Клод Ваке писал, что в рассматриваемый период дискурс о коррупции был не о государстве, а о человеческой природе.

По мере развития человеческого общества и смены общественно-экономических формаций коррупция перестает быть только нравственной проблемой. Она начинает проникать во все сферы общественного бытия, в органы управления государством, в том числе политику. Поэтому коррупцию стали рассматривать как «порчу» и разложение власти.

Данное явление начинает всесторонне и глубоко изучаться. Появляются попытки описать суть его содержания и систематизировать виды проявления, в результате чего коррупция получила доктринальное определение.

Например, согласно определению Николло Макиавелли, коррупция – это использование публичных возможностей в личных интересах. В работе «Государь», давая исчерпывающие характеристики советникам государей, он, в частности, подчеркивал: «Есть один безошибочный способ узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться» [3, с. 75].

По мнению Томаса Гоббса, «коррупция есть корень, из которого вытекает во все времена и при всяких соблазнах презрение ко всем законам» [4, с. 87].

В древнеиндийском трактате по искусству управления государством «Артхашастра» (IV в. до н. э.) подчеркивается, что важнейшей задачей, стоящей перед царем, является борьба с казнокрадством, и перечисляются 40 способов хищения казенного имущества, которым необходимо противостоять. В нем же указывается на сложность и скрытость (латентность) данного явления: «Легче угадать путь птиц в небесах, чем уловки хитроумных чиновников. Как нельзя распознать, пьют ли воду плавающие в ней рыбы, нельзя определить, присваивают ли имущество чиновники, приставленные к делам».

На Руси коррупция процветала во все времена. Она различалась только по тому, происходило ли получение взятки за совершение законных действий (мздоимство) или незаконных (лихоимство).

Мздоимство упоминается в русских летописях XIII века. Первое законодательное ограничение коррупционной деятельности в России было осуществлено в царствование Ивана III, а его внук Иван IV (Грозный) впервые ввел смертную казнь в качестве наказания за чрезмерность во взятках.

Самым скандальным коррупционным делом в XVIII веке было дело князя А. Д. Меньшикова – одного из приближенных императора Петра I. Он воровством, взятками и шантажом в России и на завоеванных территориях Польши и Украины сколотил умопомрачительное по тем временам состояние. Согласно имеющимся историческим сведениям, после смерти Петра I

у опального князя было изъято 4 миллиона наличной монетой, 9 миллионов рублей, вложенных в банки Голландии и Англии, бриллиантов и драгоценностей на 1 миллион рублей и 1,5 тонны золотой посуды. Кроме того, у него было конфисковано 90 тысяч крестьянских душ и отобрано 8 городов [5, с. 56–59].

Смена государственного устройства и формы правления в октябре 1917 года не устранила коррупцию как явление и необходимость борьбы с ней. Декретом СНК РСФСР «О взяточничестве» от 8 мая 1918 года предусматривалась уголовная ответственность за взяточничество (лишение свободы на срок не менее 5 лет, соединенное с принудительными работами на тот же срок) [6].

В дальнейшем ответственность за взяточничество устанавливалась Уголовным кодексом РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов. В этих документах регламентировалась ответственность за получение взятки, дачу взятки, посредничество во взяточничестве и провокацию взятки.

Во времена перестройки проблема коррупции в России стала очевидной как для власти, так и для общества. При этом возможные последствия данного явления начали пугать исследователей, аналитиков и государственных деятелей. В связи с этим был предпринят ряд мер, направленный на борьбу с причинами коррупции.

Первым серьезным шагом на пути противодействия коррупции можно считать подписание Конвенции ООН против коррупции, которое произошло 9 декабря 2003 года. И несмотря на то, что ратифицирован данный документ только 8 марта 2006 года, работа по изучению антикоррупционных механизмов и понимание необходимости их внедрения началась уже тогда. 1 февраля 2007 года Россия вступает в ГРЕКО – группу государств по борьбе с коррупцией. После многочисленных консультаций как с зарубежными партнерами, так и с экспертами внутри страны был разработан и принят основной закон Российской Федерации, обеспечивающий противодействие коррупции – Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». На тот момент он носил больше программный характер, почти не имея четкой конкретики. Впоследствии он множество раз дорабатывался и дополнялся. Данный закон стал системной основой для урегулирования назревших проблем и существенно усилил правовой аспект противодействия коррупции как в части борьбы с коррупционными правонарушениями, так и в части профилактики коррупции.

В нашей стране на сегодняшний день защита конституционного строя, обеспечение мира и согласия в обществе, реализация принципов социальной справедливости, создание необходимых условий для поступательного экономического развития – важнейшие приоритеты белорусского государства.

Под руководством Главы государства в Республике Беларусь ведется широкомасштабная и бескомпромиссная борьба с коррупцией, последова-

тельно и настойчиво предпринимаются необходимые меры по дальнейшему укреплению законности и правопорядка, недопущению проникновения криминала в органы государственного управления, в политическую и экономическую сферы.

Создана прочная законодательная база, определяющая систему мер и принципы борьбы с коррупцией, конкретные организационные, предупредительно-профилактические мероприятия и механизмы борьбы с коррупцией, устранение последствий коррупционных правонарушений, а также предусматривающая жесточайшую уголовную ответственность за коррупционные преступления.

Базовым документом, на основе которого организуется антикоррупционная деятельность в нашей стране, является Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», принятый 15 июля 2015 года. Это четвертый по счету антикоррупционный Закон с момента образования нашего суверенного государства (первый был принят 15 июня 1993 г., второй – 26 июня 1997 г., третий – 20 июля 2006 г.).

Необходимо отметить, что данный законопроект проходил общественное обсуждение в течение нескольких месяцев. Документ был размещен на интернет-сайтах Генпрокуратуры, газеты «Советская Белоруссия» и Национальном правовом портале.

Граждане, госорганы и другие организации отправили более 300 предложений по совершенствованию антикоррупционного законодательства. Значительная часть рекомендаций касалась усиления ответственности за совершение коррупционных правонарушений, обеспечения информационной открытости в деятельности государственных органов и иных организаций, повышения эффективности контроля за доходами государственных должностных лиц. Также поднимались вопросы морального состояния общества, роли государственной идеологии в предупреждении коррупции, предоставления должностным лицам дополнительных гарантий и компенсаций для усиления их социальной защищенности. Люди позитивно восприняли включенные в проект закона до его общественного обсуждения положения, направленные на усиление борьбы с коррупцией. Речь идет о запрете на повторный прием на госслужбу и об ограничении права на пенсионное обеспечение лиц, совершивших преступления определенных категорий; о взыскании стоимости имущества и расходов, явно превышающих подтвержденные доходы должностных лиц, и иные.

Таким образом, мы видим, что в республике создана прочная законодательная база, определяющая систему мер и принципы борьбы с коррупцией, конкретные организационные, предупредительно-профилактические мероприятия и механизмы борьбы с коррупцией, устранение последствий коррупционных правонарушений, а также предусматривающая жесточайшую уголовную ответственность за коррупционные преступления.

Что касается социологического аспекта, а именно изучения влияния на общественную жизнь и отношения, то тут необходимо исходить из самого определения коррупции.

Коррупция (лат. *corruptio*) означает подкуп; подкупность и продажность общественных и политических деятелей, государственных чиновников и должностных лиц.

Коррумпировать (лат. *corrumpere*) – подкупать кого-либо деньгами или иными материальными благами.

В научной, учебной, общественно-публицистической литературе, в некоторых нормативно-правовых и политических документах существуют различные определения коррупции.

Данное понятие нашло свое отражение в разных словарях и энциклопедиях. В частности, в «Словаре русского языка» коррупция определяется «как подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей». В «Политическом словаре» коррупция – это «разложение экономической и политической систем в государстве, выражающееся в продажности должностных лиц и общественных деятелей».

Коррупция во все времена оставалась и будет оставаться социальным явлением, которое является серьезной проблемой для общества. Корни коррупции скрываются в самом механизме осуществления государственной власти, поскольку в государственном устройстве есть определенные отношения, которые предполагают под собой извлечение выгоды для всех субъектов власти.

В последнее время мы наблюдаем, насколько проблема коррупции проникла во все сферы деятельности в нашей стране.

Среди наиболее коррумпированных можно выделить: таможенные органы, налоговые органы, медицинские учреждения и организации, правоохранительные органы, образовательные учреждения, органы исполнительной и законодательной власти, кредитно-банковскую систему, лицензирование и регистрацию предпринимательской деятельности. И это далеко не полный перечень.

Это негативное явление создает реальную угрозу безопасности государства, его развитию, а также самому обществу и конституционному строю. Следовательно, на первый взгляд незаметно, но подрывает авторитет страны на международной арене, нарушает принципы верховенства права, ограничивает права и свободы граждан, нарушает установленный порядок управления государственной власти и частного сектора, разрушает моральные и общественные ценности.

Практика показывает, что на сегодняшний день коррупция проявляется в различных формах. Среди них: взяточничество, вымогательство, протекционизм, лоббизм, непотизм, незаконное распределение общественных ресурсов, незаконная приватизация, необоснованное предоставление льготных кредитов и заказов, незаконное финансирование политических партий и общественных организаций и др.

Коррупция всегда активно развивается, когда страна находится в стадии реформ и особенно при переходе от жестко централизованной к рыночной экономике.

Так было и во времена перестройки, в ходе которой проходила не просто модернизация, а коренная ломка общественных, государственных и экономических устоев, сопровождающаяся разложением морально-нравственных ценностей общества, что составляло питательную среду для коррупции.

Социальная природа коррупции заключена в таком организационно-функциональном состоянии полномочий власти, когда государственные служащие и иные лица, осуществляющие властные функции в государственных и частных организациях, имеют возможность неограниченно и (или) скрыто использовать свое служебное положение в личных целях без четких стандартов контроля и ответственности перед обществом. Причем последний фактор является не менее существенным [7, с. 13].

По мнению профессора М. М. Решетникова, проблема коррупции является одной из самых острых социальных проблем, размеры коррупции в высших эшелонах власти на сегодняшний день представляют собой угрозу не только нормальному функционированию, но и существованию государства и общества [8].

Действительность такова, что с коррупцией сегодня можно столкнуться на любом уровне взаимодействия с государством. Таким образом, можно говорить о системе отношений, препятствующей социально-экономическому развитию общества.

Необходимо учитывать, что основным мотивом в коррупционном преступлении является личный интерес, при этом, как правило, участвует несколько заинтересованных сторон. Поэтому воздействие на коррупционную систему должно быть комплексным, помимо нормативных актов, направленных на борьбу с коррупцией, должен существовать общественный запрос на иной вид отношений с государством. Среди причин наличия коррупции можно выделить низкую мораль, недостаточную заинтересованность государственных служащих и руководителей в результатах своего труда, низкий уровень общественного контроля и др.

Помимо прямого негативного влияния на экономические процессы коррупция воздействует на социально-политический аспект.

Препятствие коррупции экономическому развитию выражается в следующем:

• средства, аккумулируемые с помощью взяток, как правило, оседают в форме недвижимости, сбережений (в большинстве случаев – в иностранных банках);

• предприниматели вынуждены тратить значительное количество времени на диалог с придирчивыми чиновниками;

• выбираются неэффективные подрядчики, поддерживаются неэффективные проекты, финансируются раздуваемые сметы;

• коррупция стимулирует создание чрезмерного числа инструкций, чтобы затем за дополнительную плату «помогать» их соблюдать;

• происходит отток с государственной службы квалифицированных кадров, морально не приемлющих системы взяток;

• возникают препятствия для реализации макроэкономической политики государства, поскольку коррумпированные низшие и средние звенья системы управления, с одной стороны, искажают передаваемую правительству информацию, а с другой – подчиняют реализацию намеченных целей собственным интересам;

• коррупция деформирует структуру государственных расходов, так как коррумпированные политики и чиновники склонны направлять государственные ресурсы в сферы деятельности, где невозможен строгий контроль, выше возможность вымогать взятки и получать так называемый откат;

• увеличиваются затраты для предпринимателей (в особенности для мелких фирм, более беззащитных перед вымогателями) вследствие того, что взятки превращаются в своего рода дополнительное налогообложение;

• коррупция и бюрократическая волокита при оформлении деловых документов тормозят инвестиции (особенно зарубежные).

Негативное влияние коррупции на социально-политические процессы заключается в том, что:

• усиливается социальная несправедливость в виде нечестной конкуренции фирм и неоправданного перераспределения доходов граждан, ведь дать более крупную взятку может как не самая доходная фирма, так и преступная организация. В результате растут доходы взяткодателей, взяткополучателей при снижении доходов законопослушных граждан;

• коррупция в системе сбора налогов позволяет более состоятельным людям уклоняться от них и перекладывает налоговое бремя на плечи более бедных граждан;

• коррупция в высших эшелонах власти, становясь достоянием гласности, подрывает доверие к ним граждан и ставит под сомнение их легитимность;

• коррумпированный управленческий персонал психологически не готов поступаться личными интересами ради общественных целей;

• коррупция дискредитирует правосудие, поскольку правым оказывается тот, у кого больше денег, влиятельных знакомств и меньше нравственных самозапретов;

• коррупция создает угрозу демократии, поскольку лишает население нравственных стимулов к участию в выборах и других важных общественно-политических мероприятиях в жизни страны;

• коррупция в аппаратах, отвечающих за правоприменение (армия, органы внутренних дел, суды и др.), позволяет организованной преступности расширять свою деятельность в частном секторе и даже создавать симбиоз организованной преступности в этих организациях;

• коррумпированные режимы не пользуются поддержкой в обществе, а потому они политически неустойчивы и неперспективны.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (с изменениями и дополнениями в 2011, 2014 гг.), указываются основные национальные интересы в различных сферах. В политической сфере одним из основных является эффективное противодействие коррупции. В числе потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности – рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, коррупционные проявления.

В политической сфере нейтрализация внутренних источников угроз национальной безопасности обеспечивается путем принятия своевременных и действенных мер по устранению условий и предпосылок формирования политической и социально-экономической напряженности в обществе, практического воплощения принципов демократического социального правового государства, взаимной ответственности личности, общества и государства по обеспечению национальной безопасности.

Важнейшим направлением выступает комплексное совершенствование процессов предупреждения и борьбы с преступностью, в первую очередь с коррупцией, во всех ее проявлениях.

Делая вывод, можно с уверенностью сказать, что коррупция серьезно влияет на все сферы жизнедеятельности человека. Поэтому изучение и всесторонний анализ проблемы коррупции в Республике Беларусь, выработка эффективных методов противодействия и профилактики коррупционных правонарушений являются основными задачами обеспечения национальной безопасности нашего государства.

Таким образом, коррупцию нельзя рассматривать только с точки зрения правового поля как преступное деяние. Необходимо подойти к ее исследованию системно и комплексно, начиная от изучения самого феномена в контексте прошлого, опираясь на имеющиеся факты и определенные знания ученых в данной сфере, также необходимо четко представлять ее влияние на общественную жизнь и отношения в обществе.

Список использованных источников

1. *Кабанов, П. А.* Борьба с взяточничеством и иными формами коррупции в условиях реформирования государственного аппарата и перехода к рынку: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / П. А. Кабанов. – Н. Новгород, 1994.

2. *Цицерон, М. Т.* Диалоги / М. Т. Цицерон. – М.: Наука, 1966. – 224 с.

3. *Макиавелли, Н.* Государь / Н. Макиавелли. – М., 1999.

4. *Гоббс, Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Соцэкгиз: «Образцовая» тип., 1936. – 503 с.

5. *Аксенов, Ю. М.* Коррупция: проблемы и условия, ее порождающие / Ю. М. Аксенов // Материалы науч.-практ. конф. «Социология коррупции», Москва, 20 марта 2003 г. – М., 2003. – С. 182–187.

6. О взяточничестве: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР, 8 мая 1918 г. [Электронный ресурс] // Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; Историч. фак-т. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-08.htm. – Дата доступа: 22.06.2018.

7. *Решетников, М. М.* Психология коррупции: утопия и антиутопия / М. М. Решетников. – СПб.: Вост.-европ. ин-т психоанализа, 2008. – 128 с.

8. *Ванновская, О. В.* Методологические проблемы исследования антикоррупционной устойчивости госслужащих / О. В. Ванновская // Акмеология-2005: теоретические и прикладные проблемы. сб. ст. / сост. Ю. А. Шаранов. – СПб.: СПбАА, 2005.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

Ф. И. Храмцова
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

F. Khramtsova
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 327(510:4)

МЕТОДОЛОГИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

METHODOLOGY OF IMPROVING THE INSTITUTIONAL MECHANISM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Раскрыт экономический, политический, социальный фактор преодоления структурных дисбалансов развития регионов в Республике Беларусь. Актуализированы угрозы межрегиональных расслоений в уровне жизни граждан. Сформулированы задачи разработки метаинтегративной концепции трансформации институтов на основе гипотез о перспективах эндогенных изменений. Раскрыта характеристика институционализма как ведущего понятия экономической теории. Изложены факторы, этапы становления и развития институционализма. Впервые выделен новейший этап институционализма (1990 гг. – настоящее время). Определены направления, методы совершенствования институционального механизма устойчивого развития регионов.

Ключевые слова: институциональная политика; регион; устойчивое развитие; инновационная экономика; акторы; обмен; триангуляция.

The economic, political, social factor of overcoming the structural imbalances of regional development in the Republic of Belarus is disclosed. The threats of interregional divisions in the standard of living of citizens are updated. The tasks, methods for developing a meta-integrative concept of institutional transformation based on hypotheses about the prospects for endogenous changes are substantiated. The characteristic of institutionalism as the leading notion of economic theory is revealed. The factors, stages of formation and development of institutionalism are described. For the first time, the newest stage of institutionalism is highlighted (1990 – present). The directions and methods for improving the institutional mechanism for the sustainable development of regions are determined.

Keywords: institutional policy; region; sustainable development; innovative economy; actors; exchange; triangulation.

Стратегия устойчивого экономического роста в контексте стратегического документа Саммита ООН «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» предполагает преодоление структурных дисбалансов развития регионов в Республике Беларусь.

Достижение стратегических результатов экономического развития невозможно без институциональной и региональной политики как базиса инновационной экономики. Главным фактором экономического роста и качества жизни является качество государственного управления, местного управления и органов самоуправления по решению текущих, тактических, стратегических задач социально-экономического развития регионов, преодоления существующих межрегиональных дифференциаций уровня жизни. Показательна позиция Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, согласно которой межрегиональное расслоение является устойчивым <…>. Любая серьезная дифференциация приводит к точкам раскола в обществе и масштабным проблемам. Глава белорусского государства уточняет, что и правительству, и облисполкомам поставлена задача: «Жизнь наших людей должна быть одинаково комфортной в любом городе и районе. Основа этого – это создание новых предприятий» (совещание при Президенте Республики Беларусь, 02.03.2018).

Современная практика государственного управления региональным развитием требует совершенствования институционального механизма в условиях рыночной среды. Необходим научно обоснованный подход в разработке стратегий регионального развития с учетом динамики социумов, потребностей, социальных стандартов. Предлагаемые в работе подходы, инструменты управления позволяют не только вносить корректирующие действия в ход реализации Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2030 года, но и реально снижать межрегиональные диспропорции. Главными инструментами системы государственного управления становятся точечные инвестиции, наукоемкие производства, кластерный подход в региональном развитии, расширение межрегионального, международного, транснационального сотрудничества, нормотворческого потенциала местного управления и самоуправления.

Вместе с тем вызовы глобализации, рост конкуренции требуют исследования методологических основ институционализации регионального развития как фактора экономического роста, процветания общества. В основу главных выводов о корреляции ключевых факторов институционализации сбалансированного регионального развития и показателей устойчивого развития общества (2016–2018 гг.) положены результаты двух исследований НИР по экономике и социологии (в рамках государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие общества»

на 2016–2020 гг.) в Республике Беларусь. Разработка методик региональных стратегий в рамках НИР предпринята с опорой на международную и национальную методологию стратегического планирования регионального развития. Такой подход предопределяет методы экономической диагностики, прогнозирования, стратегического планирования, регулирования деятельности регионов. Актуальна разработка рабочими группами региональных подзаконных актов, нормативных правовых документов в сфере развития человеческого потенциала, «зеленой экономики», конкурентоспособности регионов с учетом специализации производств, субкультуры поселений, ресурсов в целях преодоления диспропорций.

Существующие различия в уровне национальных экономик детерминированы влиянием институтов как главного фактора перемен, роста или стагнаций и кризисов. Исходя из такой постановки проблемы, целью работы является исследование как общепризнанных в науке направлений институционального анализа, так и альтернативных в понимании эндогенных форм социально-экономического устройства как методологического базиса регионализации сбалансированного развития регионов. Применение с этой целью эклектики и синтеза различных школ, парадигм, теорий, концепций позволяет разработать инструментарий анализа трансформаций, взаимоотношений акторов благосостояния, что позволит обосновать метаинтегративную концепцию трансформаций институтов на основе гипотез о перспективах эндогенных изменений.

Итак, под термином «институционализм» понимается направление экономической теории, сформировавшееся в 20-е гг. XX в. в США, предметом которого являются институты, факторы определенного этапа общественно-исторического развития для выявления возможностей социального контроля над экономической сферой [1, с. 163]. Как известно, термин введен В. Гамильтоном на сессии Американской экономической ассоциации (1918). Факторами возникновения теории институционализма являются процессы: 1) высокая степень централизации производства и концентрации капитала; 2) рост социальных проблем, усугубление классовых противоречий, связанных с переходом капитализма в стадию монополизма; 3) рост общественно-политической борьбы рабочих за трудовые права, социальные гарантии в условиях роста профсоюзного движения. В ходе развития институционализма сформировались концептуальные положения возрастающей роли институтов в сфере регулирования социально-экономических процессов. Принято выделять три этапа. Первый (1920-е гг.) – классический этап концептуальных оснований институционализма, теории рынка, концепции обмена. Представителями выступают Г. Веблен, Д. Коммонс, У. Митчелл и др. Второй (1930-е гг.) – неоклассический этап становления теории трансформации капитализма, концепции демографического фактора противоречий, теории профсоюзного движения. Представителями являются А. Берли, Дж. М. Кларк, Г. Минз и др. Третий (1960–1970-е гг.) – этап развития

неоинституционализма – состоял в обосновании роли, структуры технократического фактора экономической системы, источников социальных противоречий. Представителями направления являются Дж. Гелбрейт, Н. Ноув, Р. Коуз, Ф. Перу и др.

Проведенный анализ проблематики позволяет выделить новейший этап институционализма (1990-е гг. – настоящее время), суть которого заключается в применении интегрально-рефлексивных парадигм междисциплинарного подхода в познании *социальной системы* в трех аспектах: экономическом, политическом, культурном; *институтов,* мотивов, ценностей *экономических агентов, акторов* модернизации. Представителями новейшего этапа институционализма являются Дж. Коулмен, О. Уильянсон, А. Грейф и др. В целом трактовки периодизации институционализма позволяют рассматривать его этапы как логические переходы от классического этапа к неклассическому и далее от него – к постнеклассическому, которые соотносятся с общепринятой в науке периодизацией. При этом признаком новейшего институционализма является трансформация классической теории рынка, суть которой во взаимосвязи принципов: междисциплинарного подхода к учету связей экономической теории с дисциплинами: социологией, политологией, психологией, историей, теорией динамических систем; диалектического подхода в изучении противоречивых явлений в системе общественных отношений с учетом исторического фактора экономической формации, единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество; социокультурного подхода в анализе, оценке экономических процессов путем учета этических, правовых, духовных, идеологических элементов социальной организации в историческом развитии. Исходя из этой посылки, объектом анализа выступает количественное/качественное описание социодинамики, интерпретация экономических процессов, уровень антимонопольной политики. Предметом институционального анализа является эволюция социальной психологии, качественные сдвиги общественного сознания в контексте теорий обмена и рационального выбора. Главные субъекты, носители институциональных отношений с функцией регулирования экономической деятельности в обществе призваны обеспечить устойчивость экономического развития, определить образцы нормативного поведения агентов.

Итак, в качестве таковых субъектов выступают базовые институты:

• *семья* как ключевая единица социально-экономической организации, трансмиссии ценностей, норм, принципов, идеалов, мотивации экономической активности индивидов как механизма выживания;

• *государство* как верховный институт защиты, охраны собственности, свободы, законности конкуренции; регулирования экономики, согласования интересов всех агентов экономической деятельности;

• *право* как регулятивно-легитимный институт юридической силы, экономических отношений агентов взаимодействия в контексте прав и от-

ветственности через систему национального и регионального законодательства, подзаконных актов, инструктивных правил.

• *идеология* государства как институт особой формы общественного сознания и мировоззрения, в основе которого лежат ценности, принципы жизнедеятельности данного государства, регулирующие экономические отношения на нормах справедливости, честности, достоинства, уважения, культуры, традиционных верований.

В частности, классические работы Д. Норта, С. Нока, Р. Кифера, О. Уильямсона, Н. Розенберга и других выявили зависимости между институциональными особенностями и темпами экономического роста, фактором которого являются установленные правила игры в целях минимизации издержек. В своих работах Дж. Коммонс, О. Уильянсон, А. Грейф и др., развивая неоинституциональный подход, рассматривают рациональное поведение, осознанный выбор как приоритет взаимодействия агентов, главный механизм товарного обмена, отношений на уровне трансакции как единицы институционального анализа, при соблюдении равноправия акторов, с учетом эмерджентных рисков. Трансакция в таком контексте имеет значение «действия, предпринимаемого, когда нечто, например, товар, социальное отношение или информация, передается между индивидами или другими социальными единицами и обладает внешним действием на реципиента» [2, с.11].

Таким образом, теоретики новейшего институционализма в центр своих исследований ставят вопросы о взаимосвязях коррелятов: 1) культурных особенностей общества; 2) роли институтов в мотивировании стимулов экономической активности; 3) экономических результатов; 4) агентов региональных комплексов; 5) акторов национального, межрегионального, транснационального уровней.

Такой подход в отборе инструментария анализа институциональных процессов позволяет устранить барьеры для углубленного понимания характера взаимосвязей усложняющейся реальности на основе синтеза как классической, неклассической, так и постнеклассической научной методологии, применения интерпретативных парадигм, аккумулирующих идеи синергетики, динамических систем, теории относительности, эволюционных парадигм. Спецификой интегрально-рефлексивных парадигм является междисциплинарность аппарата познания динамики общества в культурном, экономическом и политическом измерениях, институтов, сознания и мотивов агентов. Исходя из данной посылки, следует уточнить дефиницию «институт» в ракурсе различных школ. Так, социологический подход основывается на структурном анализе влияния институтов на экономические взаимодействия агентов средствами конституирования социальных, этических, культурных норм. Институты рассматриваются как фактор эндогенных ограничений, что облегчает рациональный выбор в ситуациях неопределенностей, хаотизации, экономических процессов. При этом возрастает

фундаментальная роль институтов как в структурировании, так и в направленном влиянии на ориентации, мотивы индивидов. Методологической базой указанного подхода является концепция рационального выбора, основанная на теориях коллективного поведения акторов, ассиметричного общества, факторного анализа уровня доверия во взаимодействии (Дж. Коулмен, теоретик математической и индустриальной социологии, основатель социентальной науки).

Перспективными для разработки проблемы институционального механизма государственной политики регионализации являются выводы Дж. Коулмена, который обосновал возрастающую роль социологии в трансформирующемся обществе, задачи которой – решение социально значимых проблем: 1) «добывание знаний ради реконструкции общества» в целях предотвращения институциональных структур ограничения рационального выбора акторов; 2) определение социальной системы как единицы анализа путем сбора количественных методов для объяснительно-причинной базы; 3) развитие теории норм, статусного перераспределения и конфликта (от микроуровня действия до макроуровня); 4) интеграция социологии с отраслями экономики, психологии, политологии для разработки «информационно обоснованной социальной политики».

В качестве заключения обобщим. Институциональный фактор устойчивого регионального развития предполагает учет экономического, социологического, информационно-технологического, политологического аспектов модернизации. *Первая* детерминанта включает интерпретацию социентальных явлений сквозь призму выявления характера действий акторов на микроуровне суждений о макропроцессах, учет эффектов влияний микрореалий на динамику макрореалий. *Вторая* детерминанта институционализации регионального развития связана с определением сути «выбора как оптимизационного процесса», рационального в своей основе, имеющего границы рациональности и риски непредвиденных последствий как ограничения информации, ее валидности. Оптимизация состоит в экономическом обмене с целью получения прибыли, учете взаимосвязи эгоистических и альтруистических факторов принятия решений относительно существующих альтернатив, типов поведения как оптимизационной составляющей. Результат рационального выбора может быть позитивным и негативным в виде потерь, санкций. Оптимизация имеет место закономерности, если действия акторов целерациональны, совершаются в контексте норм, ценностей. *Третья* детерминанта совершенствования институционального механизма предполагает наличие потенциального конфликта между отдельным актором и коллективной рациональностью других акторов, который выражается в дилеммах социального, экономического, информационного обмена, их разрешении.

Анализ сути потенциального конфликта должен опираться на структуру рационального выбора, который включает 1) набор акторов как игроков

социальной сети; 2) наличие альтернативных выборов акторов; 3) вероятные последствия альтернативных выборов; 4) предпочтения акторов в отношении сценарий вероятностных последствий; 5) ожидания акторов, которые отражают характеристики социальной сети. Социальные дилеммы при этом следует разрешать с учетом трех факторов: конкуренции, доверия, уровня регулирования. Наконец, *четвертая* детерминанта отражает влияние социально-симуляционных игр для моделирования экономических сред и моделей поведения коллективных и индивидуальных акторов [2, с. 534]. Так, экономисты придерживаются функционально-индивидуалистской позиции. Центр институционального анализа сосредоточен на индивидах как акторах, принимающих решения, осуществляющих осознанный выбор. Здесь институты отражают цели и потребности индивидов, более того, вследствие изменений условий игры институты призваны трансформироваться или замениться на актуальные. Отличие этой экономической трактовки состоит в потенциальной возможности общества, индивидов влиять на мотивы деятельности самих институтов. Правомерность данной трактовки институционального фактора экономической трансформации доказана в рамках классического закона К. Маркса о власти, интересах, ресурсах общества как главной детерминанты политики государства, верховного института власти. В частности, в работе «Критика Готской программы» (1875) К. Маркс обосновал диалектику государства и общества, раскрыл политическую ценность последнего как средства преодоления отчуждения индивидов от интересов государства. Институциональный аспект теории К. Маркса отражает фундаментальный вывод о государственной воле, детерминируемой изменяющимися потребностями эмансипированного общества, главным признаком которого является «способность диктовать волю государству» [3, с. 310]. Применение в институциональном анализе данного постулата экономической теории политического социолога К. Маркса позволяет определить главный базис концепции эффективного государства как актора институционального развития общества, гаранта контрактов, прав собственности, главного института распределения благ и роста благосостояния за счет мотивации поведения индивидов как социальных, так и экономических агентов. В русле функционально-индивидуалистского подхода сформирована теория теоретико-игровых конструктов (Д. Норт) как инструмента институционального анализа в условиях экзогенно-заданных стратегий, институциональных ограничений индивидуальных выборов. Развивая подход Д. Норта, А. Грейф синтезировал и структурное, и функционалистское направления, гибко применил аппарат игровых конструктов в институциональном анализе когнитивных, информационных, идеологических, субкультурных ролей для модернизации существующих правил.

Таким образом, междисциплинарная специфика интегрально-рефлексивных парадигм как методологии институционального механизма социально-экономической модернизации актуализирует использование ре-

сурсов информационного общества на основе метода триангуляции, суть которого в синтезе культурного, экономического, политического анализа социодинамики как институтов, так и результатов их влияний на уровне целей-когниций, сознания, мотивов агентов взаимодействий. Такой подход в государственном управлении региональным развитием позволит обеспечить устойчивость экономического роста, преодоление межрегиональных диспропорций, повышение благосостояния нации.

Список использованных источников

1. *Румянцева, Е. Е.* Новая экономическая энциклопедия / Е. Е. Румянцева. – М.: ИНФРА-М, 2005. – VI, 724 с.

2. *Грейф, А.* Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли [Текст] / А. Грейф; пер. с англ. И. Кушнаровой; вступ. ст. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М.: Изд. дом высш. шк. экономики, 2018. – 536 с.

3. *Маркс, К.* Критика Готской программы / К. Маркс // Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1940. – Т. 21.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

А. В. Худяков
Министерство юстиции Республики Беларусь, Минск

A. Khudyakov
Ministry of justice of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 32.001

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В БЕЛАРУСИ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

POLITICAL MANAGEMENT IN BELARUS: FROM THE PAST TO THE PRESENT

Анализируется процесс становления и развития отечественной системы политического управления. Выявлены основные факторы, оказавшие влияние на процесс формирования системы в Белорусской ССР и Республики Беларусь. Исследована степень влияния различных групп интересов на выработку политических решений, причины проблем в процессе совершенствования системы политического управления.

Ключевые слова: политическое управление; политическое решение; группы интересов; политические кризисы.

The process of formation and development of the national system of political management is analyzed. The main factors that influenced the process of formation of the system in the Belarusian SSR and the Republic of Belarus are revealed. The degree of influence of different interest groups on the development of political solutions, the causes of problems in the process of improving the system of political governance.

Keywords: political management; political decision; groups of interests; political crises.

На протяжении двух десятилетий в Республике Беларусь идет процесс формирования демократической политической системы с ее важным атрибутом – политическим управлением, в рамках которого принятие властных решений является результатом диалога и консенсуса власти и разнообразных групп социально-политических интересов. Одних, располагающих значительными и разнообразными ресурсами, быстро включают в политический процесс, других ограничивают.

Значимость проблемы выработки политических решений на основе учета и организации взаимодействия различных интересов обусловлена возрастанием их влияния на эффективность решения общественно значимых проблем в рамках политического управления. Необходимость повышения эффективности предполагает рассмотрения ее не в плане описания политических институтов, а с позиции реального функционирования при выработке политических решений.

В этой связи представляет интерес исследование преемственности систем политического управления в Белорусской ССР и Республике Беларусь, анализ влияния различных групп интересов на выработку и принятие политических решений, причин проблем в процессе совершенствования указанной системы. Таким образом, наличие проблемы и необходимость ее решения, актуализирует данное исследование, посвященное эволюции и становлению системы политического управления в Республике Беларусь.

На основе анализа трудов отечественных ученых (В. В. Гермечук [1], А. П. Мельников [2], А. В. Панченко [3], С. В. Решетников [4]) можно сделать вывод об отсутствии в белорусской науке исследований проблем эволюции и становления современной системы политического управления, что требует дальнейших исследований данной проблематики.

После Октябрьской революции усилилась роль большевиков в социальных и экономических процессах, чему способствовали национализация средств производства, переход от рыночной экономики к распределительной системе, уничтожение традиционной социальной структуры общества, гонения в отношении представителей других политических партий.

Политическую систему также затронули изменения, в результате которых начался процесс объединения партии и государства на кадровом уровне при сохранении их автономии на организационном уровне. Партия отвечала за общее руководство и выработку политических решений, а государство через систему общественных и государственных учреждений обеспечивало текущее управление и воплощение в жизнь решений партии.

Политические и экономические реалии первой половины 1920-х гг. нивелировали роль Советов в жизни общества и продемонстрировали низкую эффективность съезда Советов как высшего органа власти. Вся полнота власти перешла сначала к ЦК партии, затем к его исполнительным органам – Секретариату и Бюро. Именно они являлись стержнем системы политического управления в Белорусской ССР.

Бюро ЦК определяло развитие республики, принимало наиболее важные политические решения. Фактически оно являлось высшим органом власти, а Секретариат ЦК посредством аппарата ЦК обеспечивал текущее руководство всей партийно-государственной системы. Дальнейший процесс сращивания партии, государства и общественных объединений сформировал систему, обеспечившую проникновение партии в различные сферы жизни общества.

Политическое управление представляет собой систему, состоящую из процедур и механизмов по выработке, принятию, реализации и контролю выполнения политических решений, что позволяет упреждать возникновение и регулировать возникающие проблемы в обществе [5, с. 61–62]. В республике помимо Бюро ЦК еще ряд государственных органов в различной степени были вовлечены в процесс выработки политических решений:

• Верховный Совет, Президиум Верховного Совета, съезды, конференции – находились на второстепенных ролях, их предназначение заключалось в оформлении решений, принятых высшими органами партии;

• Совет Министров, министерства, государственные комитеты – были относительно самостоятельными в процессе выработки политических решений, что было обусловлено хозяйственной окраской значительной части из них, а также необходимостью воплощения их в жизнь;

• профсоюз, ЛКСМБ, другие общественные объединения – практически не принимали участие в данном процессе, как правило, принимали участие в политической мобилизации населения;

• первичные партийные организации – от процесса выработки политических решений были отстранены;

• бюро, секретариаты горкомов, райкомов, обкомов партии – обладали незначительным весом в процессе выработки политических решений на уровне республики, но именно они являлись центрами региональных (местных) систем политического управления.

В Белорусской ССР в процесс выработки политических решений были вовлечены группы интересов, статус которых определялся степенью близости к ведущим партийно-государственными и хозяйственным органам.

Интересы населения, которые формально представляли многочисленные институты, во внимание не принимались. Попытки граждан отстоять свои права при помощи самодеятельных организаций жестоко пресекались властью. Преграды ставились и неформальным группам из числа высших должностных лиц, чьи попытки реформирования управленческой системы шли вразрез с интересами ключевых партийных структур и групп интересов.

Степень участия белорусских государственных органов позволяет выделить две модели выработки политических решений. В рамках первой высшие партийные инстанции осуществляют процесс в закрытом режиме, без допуска и учета интересов иных субъектов управления и групп интересов.

Вторая модель предполагает проведение консультаций и согласование позиций всех заинтересованных сторон.

В Белорусской ССР не только были ликвидированы антогонизмы, присущие дореволюционной социальной структуре общества, но и порождены новые между субъектами партийно-государственной системы управления и образовавшимися вокруг них группами интересов.

Линия напряженности происходила не только по разлому «самодеятельная организация – власть», но и «группа интересов – группа интересов», «группа интересов – ведомство». Последние два не имели деструктивных признаков, а затрагивали вопросы распределения и требовали медиатора со стороны партийных органов.

Разрешение конфликтов происходило не через расширение участия групп интересов в процессе принятия решений, а через выработку партийно-государственными органами неформальных правил, обеспечивающих им эффективное взаимодействие и не оказывавших негативное влияние на систему представления интересов.

Конфликты хотя и сплачивали государственно-партийный механизм, но часто носили жесткий характер, оказывая серьезное влияние на жизнь общества и единство в рядах руководства партии. Основной источник конфликтов заключался в несоответствии амбиций партийной элиты и реальных возможностей советской экономики, готовностью общества принять перемены. Стремление преодолеть конфликты или либеральными, или авторитарными методами, но без кардинальных изменений в политической системе и включения граждан в политическую жизнь неизменно порождало кризисы политического управления.

Так, политика «военного коммунизма» позволила большевикам изгнать интервентов, удержать власть, снизить роль политических оппонентов в принятии политических решений. Однако недовольство крестьян проводимым курсом поставило под угрозу власть большевиков и потребовало от них его корректировки [6, с. 5].

Новая экономическая политика не только восстановила экономику и нивелировала конфликт с крестьянством, но и помогла большевикам увеличить свою численность и расширить социальную базу [7, с. 11–12]. Экономическая либерализация способствовала активизации деятельности групп и фракций внутри партии [8, с. 26–28], что не всегда положительно влияло на экономику и единство в рядах партии. Однако либерализация в политической сфере способствовала расцвету национальной культуры и языка.

В годы индустриализации экономика получила дальнейшее развитие. Большевикам удалось добиться единства в рядах партии. В республике вся система власти была сведена к единовластию [9].

В середине 1950–1960-х гг. «оттепель» снизила влияние на выработку политического курса со стороны партийного руководства. Возросла роль групп интересов, сформированных внутри управленческого аппара-

та, в первую очередь из числа бывших партизан. Частичная политическая либерализация способствовала расцвету национальной культуры и общественной жизни, возрождению демократии в партийных рядах. Однако «оттепель» не привела к появлению альтернативных политических институтов, что снизило степень управляемости различными сферами жизни общества.

В середине 1960–1980-х гг. в Белорусской ССР не удавалось создать механизм, включавший новые подходы для разрешения накопившихся противоречий. Усилилось влияние групп, продвигавших интересы отдельных министерств и отраслей. Маневрирование между «либерализацией» и «неосталинизмом» привело к появлению локальных кризисов политического управления, переросших во второй половине 1980-х гг. в системный кризис.

Таким образом, в 1920–1980-х гг. в Белорусской ССР сформировалась система политического управления, где стержнем являлись исполнительные органы ЦК Коммунистической партии Белоруссии, а выработка политических решений происходила в рамках установленных неформальных правил и предполагала сопряжение интересов партийно-государственных органов и статусных групп интересов, включенных в данную систему. Отторгались любые инициативы, не совпадавшие с интересами партийно-государственных органов по сохранению сложившейся монополии на власть, что приводило к снижению эффективности системы политического управления.

XIX партийная конференция КПСС (1988 год) и III съезд народных депутатов СССР (1990 г.) повлекли серьезные изменения в политической жизни республики: выборы в Советы различных уровней на альтернативной основе, расширение полномочий местных органов власти, ликвидация монополии коммунистической партии, появление политической оппозиции, формирование нескольких политических центров.

В республике их сложилось три: консервативный – поддерживаемый республиканским и областным партийным аппаратом, имевший половину мест в новом составе парламента; умеренные реформаторы – директоратом, руководством исполкомов и партийных аппаратов районного уровня, хозяйственной номенклатурой, частью депутатов парламента; оппозиция – депутатами парламента из числа беспартийных и коммунистов. В начале 1990-х гг. именно эти группировки влияли на конфигурацию отношений в парламенте [10, с. 90], парламента и правительства [11, с. 140]. Имевшие место трения являлись не просто столкновением интересов политических центров, а борьбой «старой» и «новой» элиты.

Представители «старой» элиты в лице консерваторов не смогли пойти на трансформацию партии, предложить обществу не «железную руку», а новую идеологию. Это и предопределило будущее коммунистической партии.

«Новая» элита в лице оппозиции была неоднородна по составу, что, с одной стороны, способствовало ее идейному размежеванию и появлению

новых политических партий и движений [12, с. 15], а с другой – порождало трения, обусловленные не только вопросами политики [10, с. 85]. «Новая» элита не пожелала делить власть со «старой» элитой из числа умеренных реформаторов, интегрироваться с ней, а предложить проект для мобилизации всей элиты не смогла. В результате этого оппозиция не смогла формализовать свою победу.

Снижение влияния КПСС на процессы в обществе придали руководству исполнительных органов власти, хозяйственной номенклатуре, директорскому корпусу больше независимости и возможности самостоятельно распоряжаться материальными ресурсами.

Началась трансформация системы представительства интересов, сложившейся в Белорусской ССР: изменился статус ранее существовавших групп интересов, связанных с государственным аппаратом, промышленными и сельскохозяйственными группами; появились новые группы, продвигавшие интересы политиков, общественных объединений, бизнеса; образовывались политические партии, в том числе для которых вопросы идеологии не были основными. Появление новых привилегированных групп интересов и рост их влияния на политическую жизнь определялось неспособностью государства законодательно закрепить обязательные для всех нормы поведения и обеспечить контроль их исполнения, слабостью институтов гражданского общества, нежеланием граждан отстаивать свои интересы.

Таким образом, в Республике Беларусь в начале 1990-х гг. на фоне слабой государственной власти и недостаточно развитого гражданского общества сформировалась система политического управления, где в механизм принятия политических решений интегрировались группы, представлявшие интересы новой экономической и политической элиты, часть государственного аппарата, контролировавшего административный и материальный ресурс. Привилегированные группы интересов, стремясь монополизировать свое влияние на государственный аппарат, оттесняли от процесса принятия политических решений иные группы интересов.

В марте 1994 г. с принятием Конституции Республики Беларусь были законодательно закреплены основы современной системы политического управления: ликвидация монополии одной партии, признание основных принципов разделения властей, введен институт президентства.

Пост главы государства изначально предназначался для председателя правительства с целью легитимизации его статуса. Это обусловило слабую проработку вопроса о взаимодействии президента с другими ветвями власти, «ибо в номенклатурной системе действовали особые механизмы, позволявшие государственной машине работать без осложнений» [13, с. 61]. Кроме того, «соотношение полномочий властей было недостаточно сбалансированным, не было создано противоречий между ними» [14].

Траектория конфликта между двумя ветвями власти определялась как изначально неудачной конфигурацией белорусской политической системы,

препятствовавшей поиску компромисса в решении политических проблем, так и неготовностью и нежеланием ведущих политических сил в парламенте к проведению преобразований на демократических принципах, поиска консенсуса. Выходом из кризиса явился референдум ноября 1996 г., закрепивший в Конституции Республики Беларусь сочетание относительно слабого парламента и сильного президента.

Изменения, внесенные в конфигурацию системы политического управления, сложившейся в первой половине 1990-х гг., усилили автономию государства, но ослабили роль отдельных влиятельных экономических и административных групп, политических партий и общественных объединений. Так, переход на мажоритарную избирательную систему, изменения в законодательстве, регламентирующие деятельность политических партий на фоне усиления восприятия государства как силы, организующие и направляющие развитие общества, снизили интерес к ним граждан.

В целом привнесенные изменения не затронули основы системы политического управления. Произошла ее рационализация через отдаление отдельных политических сил от процесса выработки политических решений и консолидацию значимых групп интересов посредством разработки нового механизма взаимодействия, что снизило влияние партикулярных интересов на государственный аппарат и повысило эффективность системы с позиции достижения общественно значимых целей. При этом осталась неизменной ведущая роль привилегированных экономических и административных групп в выработке политических решений.

Функционирование системы политического управления Республики Беларусь построено на взаимодействии ключевых политических институтов, организованной части государственного аппарата, привилегированных групп интересов в механизме выработки и принятия политических решений.

Указанная система отличается от системы политического управления Белорусской ССР. Для нее характерны четкое распределение государственной власти и реальная политическая борьба между различными группами интересов и центрами влияния. На фоне дальнейшего развития гражданского общества наиболее организованные группы интересов и часть государственного аппарата, контролирующего важнейшие ресурсы, занимая доминантное положение в системе политического взаимодействия, получили первоочередной доступ к механизму выработки политических решений.

Таким образом, в Республике Беларусь процесс выработки политических решений представляет собой результирующую влияний наиболее значимых экономических и административных групп интересов в рамках партнерского или конкурентного взаимодействия.

На современном этапе построение в Республике Беларусь эффективной системы политического управления представляет собой одну из важных

задач политического развития. Решение задачи предполагает минимизирование со стороны групп интересов влияния на государство и освоение гражданами основ политического участия. Именно развитие системы политического управления, способствующей эффективному разрешению значимых для общества проблем, позволяет укрепить в стране основы демократии.

Список использованных источников

1. Политическое управление: курс лекций / В. В. Гермечук [и др.]; под ред. В. И. Малиновского; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2006. – 214 с.

2. *Мельников, А. П.* К вопросу о сущности политического управления / А. П. Мельников // Проблемы упр. – 2002. – № 4. – С. 33–40.

3. Панченко, А. В. Политическое управление в переходном обществе: специфика, назначение, уровни анализа / А. В. Панченко // Проблемы упр. – 2005. – № 1. – С. 38–44.

4. *Решетников, С. В.* Политическое управление в структуре государственной власти / С. В. Решетников, Н. А. Антонович // Проблемы упр. – 2007. – № 2. – С. 59–64.

5. *Худяков, А. В.* Политическое управление: генезис и проблемы становления / А. В. Худяков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Эканоміка. Права. – 2010. – № 3 – С. 59–62.

6. *Ивашненко, И. Е.* Коммунисты Белоруссии в борьбе за ленинскую платформу о профсоюзах в период профсоюзной дискуссии 1920–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Е. Ивашненко; М-во высш. сред. спец. и проф. образования БССР. Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Кафедра истории КПСС. – Минск, 1959. – 17 с.

7. *Дайнеко, В. А.* Ленинский призыв в коммунистическую партию (на примере Компартии Белоруссии): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / В. А. Дайнеко; Ин-т истории партии при ЦК КПБ – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск, 1974. – 24 с.

8. *Ковалев, И. А.* Идеологическая работа по Компартии Белоруссии в период создания фундамента социализма в СССР (1926–1932 гг.): автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.570 / И. А. Ковалев; М-во высш. и сред. спец. образования СССР, Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносове. – М., 1971. – 70 с.

9. *Иоффе, И.* Его называли наместником Сталина / И. Иоффе // СБ. Беларусь сегодня. – 2015. – 21 авг. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/ego-nazyvali-namestnikom-stalina.html. – Дата доступа: 13.12.2018.

10. *Федута, А. И.* Власть на троих: белорусская номенклатура в год великой трансформации / А. И. Федута // Новое литературное обозрение. – 2007. − № 1. – С. 94–121.

11. *Кебич, В. Ф.* Искушение властью. Из жизни премьер-министра / В. Ф. Кебич. – Минск: Парадокс, 2008. – 480 с.

12. *Ясев, В. В.* Национальная политика партий и общественных движений Республики Беларусь. Беларусь: автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / В. В. Ясев; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1993. – 21 с.

13. *Василевич, Г. А.* Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г. А. Василевич. – Минск: Книжный дом; Интерпрессервис, 2003. – 831 с.

14. *Казак, М.* Становление института президентства в Беларуси и за рубежом / М. Казак. – Режим доступа: доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/33380/1/036.pdf. – Дата доступа: 13.12.2018.

(Дата подачи: 29.12.2018 г.)

М. Б. Шамкин
Белорусский государственный университет, Минск

M. Shamkin
Belarusian State University, Minsk

УДК 323(476)

«ДИПЛОМАТИЯ ГОРОДОВ» В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

«CITY DIPLOMACY» IN CONSTRUCTION THE INTERNATIONAL IMAGE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассматривается концепция «дипломатия городов» с точки зрения осуществления городами посреднических функций в международных отношениях, заключения новых соглашений, установления сотрудничества, институционального строительства и углубления региональной интеграции. Основная цель исследования – изучение потенциала дипломатии белорусских городов как перспективного инструмента внешней политики Беларуси, а именно их конкретных возможностей в конструировании позитивного образа государства на международной арене.

Ключевые слова: дипломатия; международный имидж; устойчивое развитие; сотрудничество; интеграция; Европейский союз; посредничество.

The article discusses the concept of «city diplomacy» from the point of view of mediation function of cities in international relations, their capabilities to conclude new agreements, establish cooperation, as well as institution-building and deepening regional integration. The main goal of the research is to study the potential of the Belarusian cities as a promising instrument in the foreign policy of Belarus, their specific capabilities in constructing a positive image of the state in the international arena.

Keywords: diplomacy; international image; sustainable development; cooperation; integration; European Union; mediation.

Процессы трансформации международных отношений последних десятилетий оказывают заметное влияние на изменение функций дипломатии, среды их осуществления, а главное – самих участников дипломатической деятельности. В современном арсенале внешней политики государства стали достаточно широко применяться такие инструменты, как «публичная», «неофициальная», «секторальная» и другие виды дипломатии.

С этой точки зрения актуальность концепции «дипломатия городов» может быть отображена в одном из ключевых утверждений известного нидерландского ученого Яна Мелиссена о том, что «современная дипломатия как такова есть не только диалог сугубо между государствами, но и механизм представительства, коммуникации и переговоров посредством которых государства и другие акторы международных отношений могут упорядочивать свои дела» [1, с. xvii].

Обращаясь к трактовке понятия «дипломатия городов», можно отметить ее широкий спектр в работах разных исследователей. Согласно определению польской ученой Беаты Сурмач, «дипломатия городов – это процесс представительства и коммуникации, посредством которого города устанавливают и укрепляют свои взаимоотношения, продвигают свои собственные интересы, пытаются влиять на поведение других международных субъектов (государств, международных организаций, других городов и негосударственных субъектов), искать возможности для решения проблем международного характера» [2, с. 451].

В рамках данной статьи «дипломатия городов» рассматривается автором как осуществление неправительственными акторами (непосредственно городами) своеобразных посреднических функций в международных отношениях, которые направлены на заключение новых соглашений, установление сотрудничества, институционального строительства и углубление интеграции на уровне разного рода (правительственных и неправительственных) участников. При этом основной целью нашего исследования является изучение потенциала дипломатии белорусских городов как перспективного инструмента внешней политики Беларуси, а именно их конкретных возможностей в конструировании позитивного образа государства на международной арене.

Актуальность обращения внимания на дипломатическую активность субнациональных акторов сегодня обусловлена рядом факторов. Одним из них выступает дилемма соотношения традиционных и новаторских подходов в понимании роли государственного суверенитета. Сегодня суверенитет государств является тем фактором, который часто затрудняет конструктивное сотрудничество, тогда как субнациональные субъекты (города), не являясь суверенными единицами, не действуют в категориях национальных интересов и способны создавать такие сети сотрудничества, которые не соперничают между собой. Мэры городов также гораздо менее идеологичны, чем лидеры государств, и больше готовы идти на компромисс, потому как их главная задача – хорошее управление и практическое решение бытовых проблем. Их прагматический взгляд на реальность обычно дает им значительный мандат социального доверия, они, как правило, работают более эффективно и им доверяют больше, чем государственным органам [3].

В этом смысле прагматизм, гражданское доверие, участие, независимость от категорий государственных границ и суверенитета, стремление к созданию контактных сетей, креативность, инновация и сотрудничество – видимое преимущество современных городов не только с точки зрения сугубо дипломатической активности, но и результативности формирования позитивного образа, привлечения к себе интереса других участников международных отношений.

Другой вопрос состоит в определении спектра функций, которые могут выполнять субнациональные единицы на международном уровне. В этом

плане наиболее признанными сегодня считаются такие функции, как экономическая, культурная, туристическая, функция развития, функция формирования социальных и гражданских сетей, а также функция безопасности [4]. С нашей точки зрения, наиболее актуальными являются четыре функциональных направления в рамках развития белорусской «дипломатии городов» и перспективными в контексте повышения привлекательности Беларуси на европейской и международной арене.

Первое направление – *расширение информационно-коммуникативного поля и, как следствие, туристического потенциала белорусских городов.* Здесь основную проблему представляет создание и продвижение успешного не только городского и регионального, но и общенационального бренда Республики Беларусь. Одним из первых белорусских городов, который занялся вопросом создания бренда, стал Минск. В 2012 г. информационно-туристский центр «Минск» подписал договор о создании бренда города с британской компанией INSTID [5]. В основу логотипа была положена концепция «умного города» (Минск – город науки, образования, современной промышленности), поэтому на логотипе присутствуют слова «Think Minsk». Проект компании INSTID был критично оценен общественностью города и до настоящего времени не используется [6, с. 70]. В качестве альтернативы белорусские специалисты в области маркетинга и рекламы, учитывая специфику истории и развития Минска, предложили свои варианты логотипов для города (например, «Минск – город-герой»).

Другими известными вариантами столичного бренда можно назвать 1) «Nice to Minsk you» – строится на идее гостеприимства минчан; 2) «In Minsk» – строится на принципах, примененных при разработке брендов Амстердама и Копенгагена; 3) «Minsk. The heart of Europe» – строится на географических особенностях Минска, легко внедряется как в городскую среду, так и в производство сувенирной продукции [7, с. 188].

Международная активность белорусских городов могла бы успешно развиваться и в рамках европейских проектов, например, программы ЕС «Культурная столица Европы». Данный проект призван способствовать развитию не только и не столько высокой европейской культуры, сколько поддерживать культурное многообразие и новые творческие возможности [8, с. 11]. Сегодня проект «Культурная столица Европы» является составной частью более широкой программы «Креативная Европа» на 2014–2020 гг., направленной на продвижение европейского культурного разнообразия и культурного наследия, а также на усиление компетентности культурного и креативного секторов европейской экономики. По этому поводу европейский комиссар по вопросам образования, культуры, молодежи и спорта Тибор Навраксикс отметил, что проект «Культурная столица Европы» призван, в первую очередь, «способствовать расширению возможностей европейцев в приобщении к культурному богатству и разнообразию континента, а также усиливать взаимопонимание и межкультурный диалог европейцев» [8, с. 1].

С другой стороны, некоторые туристические территории Беларуси уже активно продвигают свои бренды, разработанные по проекту ЕС «Поддержка устойчивого развития туризма в Беларуси». В проекте принимают участие пять регионов: Полоцк, Каменецкая и Пружанская дестинации с Беловежской пущей, Мядельский район с озером Нарочь, Мстиславль, Августовский канал. Проект направлен на поддержку местных и областных органов в разработке и реализации стратегии развития отрасли путем внедрения передовых европейских практик и опыта в менеджменте туризма, на расширение спектра и повышение качества туруслуг [9].

Результатом такого вовлечения стало некоторое улучшение туристических позиций Беларуси. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат), за 2017 год Республику организованно посетили 282,7 тыс. туристов, из которых граждан Росси – около 191,5 тыс. В тройку лидеров также вошли западные соседи белорусов – литовцы (26,2 тыс.) и поляки (22,7 тыс.). На четвертом и пятом местах расположились соответственно жители Латвии (6,5 тыс.) и Украины (4,3 тыс.). В топ-10 также попали представители Китая, Германии, Эстонии, Великобритании и Израиля. Всего в 2017 г. Беларусь посетили туристы из 105 стран мира [10].

Вторым перспективным направлением видится *сфера устойчивого развития и налаживание международных экономических связей.* Установление и развитие международных связей городов, районов, областей Беларуси с городами разных европейских стран полезно с точки зрения обмена опытом городского самоуправления, улучшения работы коммунального хозяйства и, как результат, – жизни населения на той или иной территории. Доступ к финансированию и опыту необходим для реализации инфраструктурных проектов и институциональных реформ.

Сегодня города активно занимаются привлечением инвестиций. Довольно успешным в этом плане можно назвать уровень контактов и сотрудничества между немецкими и белорусскими городами. В частности, показательным примером служит финансово-инфраструктурный проект немецкого города Фридрихассе, представители бизнеса которого инвестировали средства в строительство системы нового водозабора в Полоцке [11]. Взаимодействие на местном уровне уже в течение длительного времени является одной из наиболее успешных форм двустороннего сотрудничества Беларуси и Германии. Здесь побратимское и партнерское движение отражает стремление местных властей и народов двух государств укреплять взаимодоверие через долгосрочное секторальное сотрудничество. Среди актуальных и перспективных направлений можно выделить: 1) опыт работы предприятий жилищно-коммунального хозяйства; 2) благоустройство города, ландшафтный дизайн, ремонт и содержание дорог; 3) внедрение альтернативной энергетики; 4) создание технопарков как инновационной площадки для поддержки малого и среднего бизнеса. Сегодня можно отметить наличие

порядка 20 пар породненных городов, которые сотрудничают в этом направлении [12, с. 18].

Еще одним примером городской активности могут служить коллективные проекты устойчивого развития. Так, в рамках проекта «Обучающиеся города и креативная экономика» реализуется обучение инициативных групп, разработка креативных стартапов, налаживание диалога с местными властями для дальнейшего сотрудничества. Данный проект реализуется при поддержке Германии, ЕС и ЮНЕСКО (начиная с 2017 г.) в двух пилотных городах – Витебске и Гомеле. Программа направлена на содействие реализации областных стратегий устойчивого развития на 2016–2025 гг. посредством развития межсекторного сотрудничества, а также продвижения идей креативной экономики и концепции «обучающийся город» среди представителей местной власти, учреждений образования, бизнеса и гражданского общества [13].

Смежным можно считать и *евроинтеграционное направление белорусской «дипломатии городов».* Полезным видится активизация участия белорусских городов в различных социально-экономических проектах и программах ЕС. Примером могут служить проект «Соглашение мэров Восток – Этап II», а также «Мэры за экономический рост». Последние предлагают грантовую поддержку местным органам власти, которые наиболее активно участвуют в принятии мер по повышению энергоэффективности и созданию рабочих мест, что усиливает роль местных органов власти в экономическом развитии. В Беларуси к инициативе присоединились уже 48 городских и районных администраций, которые планируют развиваться на принципах устойчивой энергетики и смягчать свое воздействие на климат [14].

Проекты представляют собой специально разработанные дорожные карты, чтобы помочь городам снизить их зависимость от ископаемого топлива, повысить безопасность энергоснабжения и позволить им более активно содействовать смягчению последствий изменения климата. Проект также объединяет местные органы власти в регионе и поощряет создание сетей и обмен передовым опытом.

Четвертым перспективным направлением является функция города как *дипломатической площадки переговорного процесса и посредничества между Республикой Беларусь и странами Европы.* В этом плане необходимо выделить особую посредническую роль Беларуси в разрешении российско-украинского конфликта, где ее столица – Минск выступает в качестве переговорной дипломатической площадки для заседаний Трехсторонней контактной группы ОБСЕ по Украине.

Активность политики Минска быть провайдером «добрых услуг» или даже посредником в кризисном урегулировании диктуется самим положением страны в системе международных отношений. В таких структурных условиях главная задача государства – сохранить суверенитет и не стать

объектом противостояния других государств. Одним из способов достижения этой цели является поиск нейтральной или посреднической ниши, что, в конечном счете, должно минимизировать риски неопределенности и непредсказуемости действий внешних акторов, расширить поле внешнеполитического маневра и тем самым укрепить суверенитет [15].

Не меньшее значение имеет сугубо информационно-имиджевая составляющая миротворческой или посреднической роли Минска на международной арене. Достижение соглашения о прекращении огня в Донбассе, а также ряд принципиальных договоренностей по урегулированию конфликта на востоке Украины, которые позже получили название «Минские соглашения», основательно вошли в лексикон европейских политологов, журналистов-международников и политиков [15]. Так, белорусские политологи О. Е. Побережная и Л. В. Слуцкая отмечают, что «организация и участие в переговорах в Минске по конфликту в Украине, где Беларусь выступила в роли инициатора переговоров и обеспечила их дипломатическое и организационное сопровождение, сделало страну не только более узнаваемой, но и способствовало повышению авторитета, в первую очередь на европейском континенте» [16, с. 44].

Отстояв статус нейтральной переговорной площадки по украинскому кризису, Беларусь продолжила генерировать новые миротворческие инициативы. Наиболее амбициозной из них является озвученная белорусским президентом А. Лукашенко инициатива по запуску «минского процесса» для урегулирования отношений между Востоком и Западом по аналогии с Хельсинкским процессом 1975 г. Идея состояла в рассмотрении возможности проводить встречи ключевых международных экспертов в белорусской столице для обмена мнениями по поводу урегулирования отношений между Востоком и Западом. Развивая эту идею, глава белорусского МИД Владимир Макей заявил о необходимости встречи лидеров России, США, ЕС, Китая для откровенного обмена мнениями о причинах кризиса в международных отношениях, чтобы положить начало осмыслению новых правил формирующейся многополярности при безусловном уважении интересов друг друга [18]. Такой подход указывает, что Беларусь пытается выступать не просто техническим распорядителем переговоров на Минской площадке, но и активно генерировать идеи и инициативы, направленные на преодоление кризиса в его региональных и глобальных масштабах.

Минская переговорная площадка стала безусловным успехом белорусской дипломатии, она «принесла положительные изменения в имидж страны, превратив Беларусь в страну “миротворца” и предоставив выгодные стратегические перспективы, среди которых особенно следует отметить представление Беларуси как актора миротворческой деятельности» [19, с. 180].

Следует отметить, что конфликт в Украине уже превратился в затяжной, и дальнейшие переговоры в рамках нынешнего формата дают лишь

скромные результаты. Для закрепления и расширения статуса Минска в качестве донора стабильности и безопасности, а также утверждения своего нейтрального положения необходимо искать новые возможности в рамках сложившейся геополитической среды. В этом плане актуально инициирование и проведение новых переговорных площадок, которые бы отличались более глубоким экспертным уровнем, расширенным дипломатическим инструментарием и форматом участников переговорного и миротворческого процессов. С этой точки зрения, несмотря на имеющиеся трудности, «дипломатия городов» (минская площадка) как платформа посредничества, урегулирования разного рода конфликтов и укрепления имиджа государства смотрится вполне перспективным инструментом для Республики Беларусь.

Можно утверждать, что развитие обозначенных нами функциональных направлений белорусской «дипломатии городов» несет в себе комплексный характер, результаты которого, с одной стороны, открывают перед Республикой Беларусь перспективу конструировать и проектировать собственный международный имидж одновременно в трех проекциях: социально-культурной (гражданское общество), экономической (бизнес-структуры) и политико-дипломатической (межгосударственные отношения). С другой стороны, обозначенные направления характеризуются пока разным уровнем своей проработанности, а также высокой степенью автономности, что в итоге не дает возможности достичь требуемого в нашем случае синергетического эффекта.

Список использованных источников

1. *Melissen, J.* Innovation in Diplomatic Practice. Studies in Diplomacy / J. Melissen. – New York: St. Martin's Press, 1999. – 267 p.

2. *Surmacz, B.* Ewolucja współczesnej dyplomacji. Aktorzy, struktury, funkcje / B. Surmacz. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015. – 534 s.

3. *Barber, B. R.* If Mayors Ruled the World. Dysfunctional Nations, Rising Cities / B. R. Barber. – New Haven – London: Yale University Press, 2013. – 472 p.

4. *Van der Pluijm, R.* City Diplomacy. The Expanding Role of Cities in International Politics. Clingendael Diplomacy Papers / R. Van der Pluijm, J. Melissen. – The Hague: Netherlands Institute of International Relations "Clingendael", 2007. – 43 p.

5. *Иващенко, М.* Бренд подкрался незаметно: INSTID отстаивает концепцию «Минск – умный город» [Электронный ресурс] / М. Иващенко, Е. Васильева. – Минск, 2012. – Режим доступа: http://marketing.by/mnenie. – Дата доступа: 20.02.2019.

6. *Акантинов, А.* Территориальный маркетинг: отечественный и зарубежный опыт / А. Акантинов. – Минск, 2015. – 100 с.

7. *Герко, Т. В.* Бренд города как инструмент формирования инвестиционной привлекательности / Т. В. Герко, М. А. Зеленовский // Сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов БГУ. Вып. 16 / под общ. ред. В. Г. Шадурского. — Минск, 2016. – С. 186–188.

8. 30 Years European Capitals of Culture / European Commission. Directorate–General for Education andCulture. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. – 42 p.

9. Пять туристических территорий Беларуси активно продвигают разработанные по проекту ЕС бренды. Сайт Министерства спорта и туризма Республики Беларусь. – 29 сент. 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mst.by/ru/actual-ru/

view/pjat-turisticheskix-territorij-belarusi-aktivno-prodvigajut-razrabotannye-po-proektu-es-brendy-13095-2017/. – Дата доступа: 20.02.2019.

10. Белстат раскрыл, откуда в Беларусь приезжает больше всего туристов. – Евразия Эксперт. – 26 сент. 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurasia.expert/belstat-raskryl-otkuda-v-belarus-priezzhaet-bolshe-vsego-turistov/. – Дата доступа: 20.02.2019.

11. Борис Батура о целях и эффективности движения городов-побратимов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sputnik.by/radio/20170329/1028065047/boris-batura-o-tselyah-i-effektivnosti-dvizheniya-gorodov-pobratimov.html. – Дата доступа: 20.02.2019.

12. *Залесский, Б. Л.* Беларусь – Германия: цель – активизация сотрудничества регионов / Б. Л. Залесский // Беларусь – Европа: потенциал партнерства. Политика многовекторности в условиях глобальных вызовов. – LAP LAMBERT Academic Publishing: Saarbrucken, Deutschland / Германия, 2016. – С. 15–28.

13. Витебск и Гомель могут вступить в Глобальную сеть обучающихся городов ЮНЕСКО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:mNzF123sIn4J:https://www.belta.by/regions/view/vitebsk-i-gomel-mogut-vstupit-v-globalnuju-set-obuchajuschihsja-gorodov-junesko-269612-2017/+&cd=11&hl=uk&ct=clnk&gl=ua.

14. Что может сделать город – участник соглашения мэров по климату и энергии. 04.12.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belta.by/comments/view/chto-mozhet-sdelat-gorod-uchastnik-soglashenija-merov-po-klimatu-i-energii-6575/. – Дата доступа: 20.02.2019.

15. *Прейгерман, Е.* Минская переговорная площадка: перенести нельзя оставить / Е. Прейгерман. – Комментарий № 9 / 20.01.2018. – Минский диалог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minskdialogue.by/research/opinions/minskaia-peregovornaia-ploshchadka-perenesti-nelzia-ostavit /. – Дата доступа: 20.02.2019.

16. *Побережная, О. Е.* «Мягкая сила» во внешней политике Республики Беларусь на современном этапе / О. Е. Побережная, Л. В. Слуцкая // Дипломатия Беларуси: прошлое и настоящее: сб. материалов науч. семинара, Минск, 6 марта 2015 г. / под ред. А. В. Русаковича. – Минск, 2015. – С. 41–47.

17. Об участии Министра иностранных дел Беларуси В.Макея в 23-й встрече СМИД ОБСЕ. – Сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/fbd511d648051360.html. – Дата доступа: 20.02.2019.

18. *Слуцкая, Л. В.* Имидж государства «миротворца» (посреднические миссии Республики Беларусь) / Л. В. Слуцкая, М. Б. Шамкин // Научные труды РИВШ. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 16. – С. 175–181.

(Дата подачи: 27.02.2019 г.)

В. И. Яковчук
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

V. Yakauchuk
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 323/351

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

INFORMATIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS: CONDITION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

В статье рассматриваются вопросы использования информационных технологий в системе государственного управления. Анализируется состояние информатизации государственного управления в Республике Беларусь. Дана авторская оценка внедрения электронного правительства в Республике Беларусь, показаны направления его дальнейшего развития, выявлены проблемы, сдерживающие темпы его применения в системе государственного управления страны.

Ключевые слова: государство; информатизация; управление; электронное правительство.

The article deals with the use of information technology in the public administration system. The state of informatization of public administration in the Republic of Belarus is analyzed. The author's assessment of the implementation of e-government in the Republic of Belarus is given, the directions of its further development are shown, and the problems constraining the pace of its use in the country's government system are revealed.

Keywords: state; informatization; control; e-government.

Государство является основным институтом политической системы общества, оно – главный стержень и олицетворение политической власти. Поэтому история человечества пронизана поиском наилучшей формы организации государственной власти и управления. Известный американский ученый Питер Друккер, он же «мистер Управление», утверждал, что в современном мире нет бедных и богатых стран, а есть плохо или хорошо управляемые государства [1].

В современных условиях развития национальных государств важнейшим показателем уровня научного развития, экономической, политической и оборонной мощи государства является информатизация. Именно поэтому все государства мира, правда, с разным успехом, стремятся интенсифицировать информатизацию различных сфер, определяющих воздействие на развитие человеческого общества. Республика Беларусь не является исключением. Обретя независимость, наша страна активно и целеустремленно строит национальное государство, постоянно совершенствует систему

государственного управления, проводит эффективную государственную политику, постоянно совершенствует законодательство, создает оптимальные условия для более глубокой информатизации всех общественных процессов. При этом, как известно, конечной целью информатизации является трансформация традиционного общества в общество информационное, основным стратегическим ресурсом которого становятся информация и знания. Важная роль в становлении информационного общества и реализации целей устойчивого социально-экономического развития Беларуси отводится состоянию и перспективам развития электронного правительства, что и является главной целью исследования данной статьи.

В соответствии с Модельным законом «Об электронном правительстве», принятым постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 25 ноября 2016 г. № 45-14, под электронным правительством понимается новая форма организации деятельности национального правительства, других органов государственной власти и органов местного самоуправления, основанная на использовании информационно-коммуникационных технологий с целью непрерывной оптимизации процесса предоставления услуг юридическим и физическим лицам, обеспечения вовлеченности граждан в вопросы государственного управления, повышения уровня открытости деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также совершенствования процессов государственного управления [2].

Сегодня электронное правительство является молодой динамично развивающейся областью научного исследования, находящейся на стыке государственного и местного управления, стратегического и инновационного менеджмента, а также политологии и информационных технологий. Ведь само понятие «электронного правительства» на Западе появилось в начале 1990-х гг., реализовываться же практически оно начало только в конце 1990-х. Первым в мире идею правительственного портала реализовал Сингапур. В феврале 1997 г. американская администрация выступила с инициативой «Совершенствование правительственной деятельности через новые технологии», а в 2000 г. стартовал проект FirstGov, объединивший около 20 000 сайтов государственных органов различных уровней. К 2005 г. был создан единый сайт электронного правительства, позволивший американцам общаться в Интернете как с представителями федерального правительства, так и с органами управления штатов и городов.

В Европе долгое время лидировала Великобритания – с 2000 г. реализуется программа «E-citizen, e-business, e-government» («Электронный гражданин, электронный бизнес, электронное правительство») в рамках проекта «Стратегической структуры для обслуживания общества в информационном веке». Программа предусматривает развитие и использование всех электронных видов государственных услуг – они могут предоставляться через Интернет, мобильную связь, цифровое телевидение, центры

обслуживания вызовов (call-центры). Граждане могут получать в Интернете справки и документы, подавать жалобы и заявления, заполнять налоговые декларации, получать реакцию на свои запросы в режиме онлайн.

Западный вариант электронного правительства включает три основных модуля: G2G – правительство правительству; G2B – правительство бизнесу; G2C – правительство гражданам. Он включает в себя многочисленные прикладные элементы: свободу доступа граждан к государственной информации; перевод государственных органов на безбумажное делопроизводство; установление для всех государственных органов показателей эффективности работы на год и регулярный их контроль, который проводится как парламентом, так и гражданами; перенесение в сеть большинства стандартных трансакций между государством и гражданами или бизнесом и т. п. [3].

Разные авторы выделяют разное количество уровней развития электронного правительства (от трех до пяти). В основу пятиступенчатой пирамиды эволюции электронного правительства, разработанной Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН, легла модель К. Лэйна и Дж. Ли:

На первом этапе («Возникновение электронного правительства») создаются веб-ресурсы государственных органов, содержащие информацию об их миссии и направления деятельности.

На втором этапе («Повышенный») появляются первые элементы интерактивности (например, отправки вопросов и получения ответов граждан посредством электронной почты, публикуются новости о деятельности государственных органов).

Третий этап («Интерактивный») характеризует появление полноценной интерактивности – возможности совершать сделки (сервисы) в режиме онлайн (например, уплатить штраф, заказать паспорт, продлить действие некоторых лицензий и патентов и т. д.).

Четвертый этап («Транзакционный») – создание объединенных порталов различных ведомств и служб, через которые можно осуществлять любые виды сделок в режиме 24/7/365 (24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней в году).

На пятом этапе («Сетевое государство») происходит создание электронной системы государственного управления на основе единых стандартов, а также правительственного портала, построенного на комплексной вертикальной и горизонтальной интеграции как единой точки доступа ко всем услугам – и для граждан, и для бизнеса; внедрение электронной системы волеизъявления (электронного голосования) и т. п. [4].

К системному формированию электронного правительства в Беларуси на общегосударственном уровне приступили в 2003 г., когда была утверждена государственная программа информатизации «Электронная Беларусь». Более конкретные мероприятия по развитию электронного правительства позже были определены в Национальной программе ускоренного развития

услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг., Стратегии развития информатизации в Беларуси на 2016–2022 гг., Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. и др. [5].

В Республике Беларусь создана и постоянно совершенствуется нормативная правовая база, регламентирующая электронное управление, включающая в себя законы, указы Президента, постановления Правительства. Прогрессивным был назван общественностью и управленцами Декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики», которым максимально упрощена деятельность резидентов Парка высоких технологий, созданы условия для развития продуктовых IT-компаний, осуществлена легализация криптовалют и смарт-контрактов.

Одновременно с правовым обеспечением функционирования электронного правительства определялась структура государственных органов и организаций-операторов, задействованных в его дальнейшем развитии. Государственным регулятором в сфере ИКТ определено Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, которое осуществляет координацию деятельности госорганов в части формирования и предоставления электронных услуг из государственных информационных ресурсов. Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь осуществляет регулирование криптографической защиты информации, функционирование государственной системы управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи, межведомственного информационного взаимодействия госорганов, создания и развития единой инфраструктуры и нормативного обеспечения системы оказания государственных электронных услуг и т. д. РУП «Национальный центр электронных услуг», созданный в 2012 г., является оператором межведомственных информационных систем и выступает инфраструктурным оператором базовых компонентов электронного правительства в стране – важнейших межведомственных информационных систем, а также систем и сервисов идентификации: общегосударственной автоматизированной информационной системы (ОАИС); системы межведомственного электронного документооборота (СМДО); интегрированной информационной системы ЕАЭС; единой информационной системы контроля за выполнением поручений Президента; системы защищенной электронной почты Mailgov и др. [6].

Сегодня белорусам доступны более 90 электронных услуг для юридических и физических лиц, а также ряд административных процедур (149 процедур в отношении граждан). Все услуги и процедуры осуществляются в технологии дистанционного заказа и получения результатов их выполнения в режиме реального времени (единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним; государственный реестр плательщиков; торговый реестр; реестр бытовых услуг;

единый государственный банк данных о правонарушениях; банк данных социальных выплат; банк данных по учету и движению безработных и др.). В 2016 г. пользователям предложена новая услуга – электронная цифровая подпись (ЭЦП) на SIM-карте или мобильная ЭЦП, которая позволяет работать с документами дистанционно – согласовывать, подписывать, совершать иные операции. Ближайшее будущее в развитии белорусской ЭЦП – это появление на рынке технологий облачной электронной цифровой подписи в широком доступе для пользователей.

Реализация целенаправленной государственной политики в сфере электронного правительства дает определенные результаты. Очевидно, что переход к информационному обществу – это процесс, требующий больших материальных затрат на формирование и развитие информационной среды, индустрии информационных услуг и «доведения» их до каждого гражданина страны. К сожалению, Беларусь не обладает большими ресурсами, по сравнению с передовыми государствами мира, поэтому реализация политики информатизации осуществляется поэтапно, шаг за шагом. Так, если в 2012 г. в рейтинге стран мира по уровню развития электронного правительства Беларусь занимала 61 место, то в 2014 г. – 55, 2016 г. – 49, 2018 г. – 38. По данным экспертов Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, электронное правительство в Беларуси обеспечивает: обратную связь – на 55 %, электронные услуги – на 22 %, транзакционность и онлайн-платежи – на 25 %, информацию о государственной политике и законах – на 100 % [7].

В отчете Международного союза электросвязи «Измерение информационного общества» за 2017 г. Беларусь занимает 32 место с индексом 7,55 балла (в 2016 г. – 32 и 7,26) Беларусь обошла Литву (41/39 место), Латвию (35/40), Россию (45/43), Польшу (49/50), Казахстан (52/51), Украину (79/76). Среднемировой индекс при этом составляет 4,92 балла из 10. Наша страна добилась продвижения в рейтинге за счет: количества подключений к скоростному Интернету – 6,2 (5,5); количества подключений к стационарным высокоскоростным линиям связи с глобальными компьютерными сетями – 5,2 (4,8); вспомогательного индекса грамотности пользователей – 8,96 (длительность обучения – 11,98, охват высшим образованием – 88,86); вспомогательного индекса доступа к телекоммуникационным технологиям – 7,80 (проводные линии телефонной связи на 100 чел. – 49,04; абоненты сотовой мобильной связи на 100 чел. – 123,64; домохозяйства с персональными компьютерами – 63,08, домохозяйства с интернет-доступом – 59,12) [7].

В современных условиях развития белорусского государства и общества по всем важнейшим аспектам организации и функционирования государственного управления требуется разработка и освоение новых инновационных технологий управления, способных обеспечить продвижение нашего общества вперед за счет инноватирования знаний, использования ноу-хау,

наукоемких технологий. Инновационные технологии в государственном управлении Республики Беларусь должны обеспечить: комплексную оценку возникающих проблемных ситуаций; выявление всех ресурсных возможностей развития государства и общества; выявление приоритетов; непрерывный поиск организационных структур и механизмов государственного управления.

Перспективными направлениями развития ИКТ в Беларуси должны стать: технологии больших данных (Big Data) – системы сбора, обработки и применения больших массивов данных; технологии «Интернет вещей» («умный дом», «умный город», роботы в промышленности и др.); внедрение ID-карт; технологии «точного земледелия» в АПК; технологии «персонализированная медицина» в здравоохранении; технологии «интеллектуальное здание» в строительстве; технологии коммуникации и навигации, новые технологии и системы проводной и беспроводной связи, а также типы геоинформационных и навигационных систем; строительство и развитие имеющихся дата-центров с запасом мощности; развитие системы электронного государства, максимально приближающей каждого гражданина к процессу принятия управленческих решений, и оптимизация взаимодействий на основе Интернета госорганов, общества, бизнеса; участие в реализации цифрового Великого шелкового пути; формирование единого цифрового рынка ЕАЭС и др.

Несмотря на очевидные успехи в информатизации государственного управления, Республика Беларусь все же отстает не только от мировых лидеров, но и от наших ближайших соседей, например, прибалтийских государств, особенно Эстонии. В 2018 г. в рейтинге стран мира по уровню развития электронного правительства Эстония заняла 16 место.

Очевидно, что реализация стратегии формирования электронного правительства в нашей стране сталкивается с рядом проблем. Их можно классифицировать следующим образом: методологические, информационные, технологические и финансовые.

Методологические проблемы охватывают вопросы разработки научных основ и исследование проблем управления процессом развития электронного правительства; разработки и развития методов и средств контроля, планирования, оценки состояния и прогнозирования хода и перспектив развития электронного правительства; организации и проведения научных исследований и разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий и т. д. В стране отсутствует отдельная научно-исследовательская организация, занимающаяся изучением проблем внедрения электронного правительства (на практике эти функции в условиях ограничения финансовых и кадровых ресурсов выполняет РУП «Национальный центр электронных услуг»).

Информационные проблемы связаны прежде всего с государственной регистрацией информационных ресурсов, форматом и функциями госу-

дарственного регистра. Оценка сайтов госорганов показала недостаточный уровень качества этого информационного ресурса, что также требует усиления информационного и методического обеспечения. В республике отсутствуют масштабные социальные программы, направленные на повышение грамотности и популяризацию технологий электронного правительства среди молодежи, в особенности населения среднего и старшего возраста.

Технологические проблемы связаны со слабой документированностью технологий, отсутствием описания типовых и групповых технологических процессов и операций, слабой проработкой технологических переходов. Практическое отсутствие специалистов-технологов приводит к непониманию сути информационных технологий, подмене этого понятия, что приводит к рассогласованности информационных систем, отсутствию информационной, временной, технологической и других видов совместимости.

Финансовые проблемы прежде всего связаны со структурой затрат на информатизацию, необходимостью целевого бюджетирования и совершенствования в этом направлении бюджетной классификации, ведь основным источником финансирования внедрения электронного правительства является государственный бюджет. В современных условиях дефицита белорусского бюджета необходимо изыскивать дополнительное финансирование, которое может поступать от отечественного и транснационального бизнеса, неправительственных учреждений и организаций, международных структур. Наиболее эффективным, выгодным и безопасным является использование программного обеспечения, компьютерной техники и сетевого оборудования отечественного производства. Кадровый вопрос также может решаться за счет отечественных специалистов. Эти меры позволят совершенствовать и развивать электронное правительство в Республике Беларусь.

Таким образом, следует понимать, что информатизация системы государственного управления – это требование времени, технологизации современных управленческих процессов, а электронное правительство – масштабный и долгосрочный проект. Развитие информационной сетевой структуры государства должно сопровождаться «реинжинирингом» всей системы управленческих процессов, их дебюрократизацией, преодолением стереотипов бюрократической культуры. Вся система органов государственного управления должна рассматриваться как единая сервисная организация, предназначенная для оказания услуг населению, а их деятельность должна быть открытой и информационно прозрачной для граждан. В совокупности все это призвано повысить как качество оказания услуг населению, так и эффективность функционирования системы государственного управления Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. *Друкер, П.* Эффективный руководитель / П. Друкер. – М.: Вильямс, 2007. – 224 с.

2. Об электронном правительстве [Электронный ресурс]: Модельный Закон: принят 25.11.2016 постановлением № 45–14 Межпарлам. Ассамблеи государств-участников СНГ; г. Санкт-Петербург // Консультант Плюс. Беларусь / Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. *Яковчук, В. И.* Государственно-административное управление: учеб. пособие / В. И. Яковчук. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2017. – 316 с.

4. *Дьякова, Е. Д.* Основные этапы эволюции моделей электронного правительства / Е. Д. Дьякова // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2013. – № 11. – С. 5–12.

5. Сайт Министерства связи и информатизации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.oac.gov.by. – Дата доступа: 16.02.2019.

6. Сайт Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www. mpt.gov.by. – Дата доступа: 18.02.2019.

7. Измерение информационного общества: отчет Международного союза электросвязи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.itu.int / ru / mediacentre / Pages / 2018-PR12. aspx. – Дата доступа: 19.02.2019.

(Дата подачи: 22.02.2019 г.)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ю. Л. Баньковская
Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск

Yu. Bankouskaya
Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 101.8:316.3

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ: СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛЕМЕНТОВ

NETWORK STRUCTURES: THE NATURE AND SPECIFICITY OF THE ELEMENTS INTERACTION

В работе исследуется сущность сетевых структур, выявляются особенности взаимодействия акторов. Динамика развертывания сетевых структур приводит к необходимости изучения их качественных характеристик. Взаимодействию сетевых акторов присуща различная степень их взаимосвязанности, которая дифференцирует их в зависимости от степени сплоченности, структурного положения и личностных характеристик.

Ключевые слова: сетевые структуры; сети; взаимодействие; взаимосвязь; актор; узел.

The paper investigates the essence of network structures, reveals the features of the actors interaction. The dynamics of network structures deployment leads to the need to study their quality characteristics. The interaction of network actors is characterized by a different degree of their interconnectedness, which differentiates them on the degree of cohesion, structural position and personal characteristics.

Keywords: network structures; networks; interaction; relationship; actor; node.

Динамика развития сетевых структур становится одним из наиболее значимых факторов развития современного общества. Одной из основных тенденций, характеризующих его существование и динамику, является распространение сетевых структур, их внедрение во все сферы социальной жизнедеятельности. Трансформация информационно-коммуникационных технологий приводит к изменению модуса бытия человека. Следовательно, необходимо переосмысление сущностных характеристик функционирования социальной реальности. Сетевые структуры влияют на специфику существования системы, формируя новые виды социальных взаимосвязей, изменяя ценности субъектных взаимодействий.

Актуальность исследования феномена «сетевые структуры» обусловлена их внедрением во все сферы жизнедеятельности человека. В 30-е гг. XX в. было положено начало проведению сетевых исследований межличностных взаимодействий в сфере гуманитарного знания. Дж. Морено по-

средством графического отображения социальных позиций и выстроенных на данном основании взаимосвязей попытался выявить структуру взаимоотношений субъектов, исследовать ее влияние на их ценности, убеждения и модель поведения. С. Милграм впервые сконцентрировал внимание на наличии сетевых аспектов в развитии глобализации. Изучение Дж. Коламаном межличностных взаимосвязей в небольших социальных группах посредством применения сетевых диаграмм для их представления в малых группах сформировало условия для их дальнейшего исследования посредством коммуникации.

Существуют различные интерпретации понятия «сетевые структуры». Ряд исследователей, в частности М. Г. А. Ньюман, Дж. Краузе, Р. Джеймс, трактовали сетевые структуры предельно широко, рассматривая их в качестве основания, присущего любому системному образованию, которое характеризуется наличием множества узлов. Все принадлежащие им элементы объединены между собой. Другие исследователи, такие как С. Боргатти, П. Фостер, М. Кастельс, предложили более узкую интерпретацию данного феномена, трактуя их в качестве структур, для функционирования которых характерно наличие кооперативного взаимодействия между элементами при одновременном отсутствии единого центра управления, возможности существования нескольких лидеров, ограниченно влияющих на систему.

Сетевая структура является многоуровневым образованием, основанным на поливариативном, многофункциональном, коммуникативном взаимодействии акторов. По мнению Р. Хаггинса, под сетевой структурой следует понимать «структуру, которая содержит две или более компании, которые преследуют общие цели или работают над решением общих проблем, взаимодействуя на протяжении длительного периода времени» [1, с. 112]. Исходя из сказанного можно определить сетевую структуру в качестве сложного многокомпонентного полифункционального образования, функционирующего на основании наличия взаимосвязи, взаимозависимости и кооперативного взаимодействия равнозначных акторов, содействующего решению общих задач.

Отличительными признаками сетевых структур по сравнению с другими формами взаимодействия являются, во-первых, наличие ее разграничения с окружающей реальностью. Сеть представляет собой открытое образование. Она обладает возможностью неограниченно расширяться в социальном пространстве посредством включения в ее состав новых элементов, использующих установленные коммуникационные коды. Знание о данных кодах может быть доступно только определенной социальной группе. Отсутствие о них информации приводит к их неконтролируемости со стороны социальных регуляторов. Кроме того, дополнение сетевой структуры за счет вхождения в нее новых элементов осуществляется посредством присоединения, которому присуща пропорциональность между возможностью добавления наибольшего количества акторов и количеством имеющихся

связей. Такое ее увеличение содействует формированию глобальных узлов, проникающих во все сферы жизнедеятельности.

Во-вторых, внутрисетевое взаимодействие акторов, их взаимосвязь с окружающей средой осуществляется посредством коммуникации, выстраивающей особую сферу символической культуры. В ходе данного процесса происходит формирование системы новых ценностей и социальных предпочтений.

В-третьих, сетевые взаимодействия акторов в большинстве случаев имеют опосредованный и удаленный характер. Отсутствие информации друг о друге задает анонимность их контактов. Кроме того, сетевые структуры не являются статичным образованием, они постоянно изменяются и эволюционируют.

В-четвертых, равноценность и равнозначность сетевых элементов и узлов. Процессу их взаимодействия присуще наличие взаимосвязи между всеми элементами. Данные связи могут быть как актуальными для сети вследствие необходимости решения некоторых задач, значимых для функционирования системы, так и потенциальными при отсутствии потребности во взаимодействии элементов. Гибкость и изменчивость сетевой структуры позволяет ей легко адаптироваться к новым условиям, находить возможности для выстраивания ранее не существовавших связей. Данное качество сетевой структуры является следствием отсутствия в ней четко обозначенного единого центра, что дает ей возможность создания новых конфигураций, вариантов развития и существования. В отличие от иерархических структур, расширение сетевых границ которых приводит к их разрушению, сетевые структуры могут раздвигать либо сужать свои пространственные границы посредством включения или исчезновения новых элементов и узлов.

В-пятых, сетевым структурам присуще отсутствие единого четко обозначенного центра управления или жесткой иерархии. Данный признак в наибольшей степени касается открытых сетевых структур, сформированных на основании принципа многоцентричности, взаимопересечения ресурсов и интересов всех акторов, доминирования неформальных отношений между ними. Сетевые структуры в противоположность иерархическим структурам являются гибким образованием, легко адаптируемым к изменяющимся условиям существования. Несмотря на то, что сети выстраиваются в основном на основании горизонтальных связей, для них характерно наличие центров влияния, ибо некоторые из акторов обладают большей степенью центральности и управляющим воздействием на другие узлы. Сетевое взаимодействие основано на активном взаимодействии субъектов, при котором отдельно взятый человек может выступать как в качестве управляемого элемента, так и руководителя. Его специфика обусловливается тем, что их функции и позиции предопределяются наличием разноуровневых задач, в решении которых они принимают участие, различной эффективностью. «Сетевая структура – набор априори равноправных агентов, в котором мо-

гут возникать временные иерархические и другие структуры, определяемые решаемыми системой задачами» [2, с. 6].

В-шестых, изменение восприятия пространства и времени. Реальные временные характеристики утрачивают свое значение, возможна трансформация их последовательности или одновременность. М. Кастельс полагает, что «отношение ко времени определяется использованием информации и коммуникационных технологий в неослабевающей попытке упразднить время, отрицая последовательность: с одной стороны, сжимая время (как в мгновенных глобальных финансовых трансакциях или обобщенной деятельности многозадачности, вмещая больше деятельности в данное время); с другой стороны, смешивая в случайном порядке последовательность социальных практик, включая прошлое, настоящее и будущее» [3, с. 53]. Пространственно-временные границы сетевых структур предопределяются только текущим расположением узлов. Пространство сети может расширяться вследствие присоединения новых элементов или сжиматься по причине распада узлов или отсоединения некоторых акторов.

Сетевые структуры могут оказывать как негативное, так и позитивное влияние на функционирование системы, способствовать как разрешению проблемных ситуаций, урегулированию или смягчению остроты противоречий, обмену информацией или ресурсами, так и эскалации насилия и конфликтов. Среди негативных аспектов существования сетевых структур можно обозначить утрату индивидуальности, традиционных ценностей социальных групп, повышение роли сетевых символов. «Мы из обычных людей, из людей иерархических, со своим отношением к насилию, праву, к возможному и невозможному, к морали и нравственности, превращаемся в сегменты глобальной паутины» [4, с. 34].

Элементами сетевой структуры являются отдельные люди или акторы. Нередко они объединяются между собой в клики. В рамках одной сетевой структуры может возникнуть множество кликов. «Это крепко спаянные небольшие группки друзей, которые могут поручиться друг за друга. В клике каждая точка (человек) связан с каждой другой точкой» [5, с. 161]. Они создаются на основании наличия общих признаков, таких как единые социальные нормы и ценности, образование и ряд других факторов, приводящих к возникновению тесных личных контактов. Клики воздействуют на формирование внутреннего мира человека, его убеждения и потребности, содействуют поддержанию социальных связей между отдельными представителями разных кликов. С одной стороны, они могут стать определенным социальным механизмом, оказывающим давление на своих членов, вырабатывая у них единое видение ситуации. С другой стороны, клики создают условия для поддержания целостности сетевой структуры.

Взаимосвязанные между собой акторы объединяются в узлы и влияют друг на друга и на систему в целом. А. Мартин и Б. Веллман рассматривают сеть как «ряд социально релевантных узлов, связанных одним или более

типом отношений. Узлы, или участники сети, являются единицами, которые связаны отношениями, патерны которых мы изучаем. Эти единицы – обычно люди или организации, но и в принципе любые единицы, которые могут быть связаны с другими единицами» [6, с. 11].

Э. Лауманн, П. Марсден и другие исследователи полагают, что можно выделить следующие подходы к исследованию узлов. Во-первых, позиционный, сконцентрированный на рассмотрении акторов, являющихся элементами сети в соответствии с формально занимаемой ими позицией в рамках данного объединения. Сети в данном случае являются устойчиво функционирующим образованием. Во-вторых, событийный, включающий акторов, которые непосредственно связаны со значимыми или актуализирующимися событиями, происходящими в сети. В-третьих, подход, основанный на отношении элементов. Он базируется первоначально на создании сети посредством включения незначительного количества узлов, дальнейшем ее расширении вследствие присоединения новых узлов, взаимосвязанных с первоначальными и взаимодействующими с вновь добавленными [7, с. 241–247].

Связи между акторами уникальны. Они отличаются интенсивностью, длительностью, направленностью. Можно их рассматривать с различных сторон: силы связей акторов, их прочности и устойчивости. Одной из доминирующих концепций, рассматривающих сетевые связи, является теория М. Грановеттера. Силу связей можно охарактеризовать как «континуум, в котором на одном конце находятся слабые связи, а на другом – сильные. Движение вдоль данного континуума является функцией суммы времени, взаимодействия, эмоциональной глубины и взаимности, имеющих место между двумя индивидами» [8, с. 1361]. Наиболее сильные связи присущи узлам, тесно и часто взаимодействующим друг с другом на основании единых интересов, потребностей и ценностей. Узлы с более слабой связью характеризуются низким уровнем частоты взаимодействий и не оказывают значительного воздействия на социальный обмен. Однако они являются важным компонентом функционирования сети, выполняя роль структурного моста, содействующего поддержанию взаимосвязи между всеми элементами сети. Узлы с сильными связями не способны к осуществлению данной функции, ибо их взаимодействие основывается на знании друг друга.

Посредством понятия «центральность» характеризуется позиция, занимаемая актором в сети, наличие власти. Существуют различные показатели, характеризующие центральность узла: количество имеющихся связей, его положение в соотношении с другими узлами, возможность присоединения новых элементов, наличие доступа к информации.

Личностные характеристики акторов, такие как коммуникабельность, стремление принадлежать к определенной группе и ряд иных черт, их социальные роли оказывают непосредственное воздействие на специфику выстраиваемых ими сетей. Выявление данных качеств значимо для изуче-

ния их проявления в сети, осуществления прогнозов их воздействия на сетевую систему.

Исходя из сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Сетевые структуры трансформируют социальную реальность, задавая новые формы социального взаимодействия людей в обществе. Они представляют собой многокомпонентное, полифункциональное образование, основанное на кооперативном, многовариативном, горизонтальном взаимодействии элементов.

2. Выделяют следующие характеристики сетевых структур. Во-первых, они представляют собой способ интеграции различных элементов, взаимодействие которых основано на ценностях сети, к которой они принадлежат, зависят от интенсивности и частоты трансакций, объемов передаваемых ресурсов, направленности их перемещений между периферией и центром. Во-вторых, они являются гибким, неустойчивым, постоянно изменяющимся и динамичным образованием. В-третьих, взаимосвязь элементов основывается на определенных кооперационных формальных и неформальных взаимосвязях. В-четвертых, отсутствие единого управленческого органа.

3. В процессе взаимодействия акторы объединяются в клики или узлы, характеризующие основные признаки их взаимосвязи. Основными параметрами, описывающими данные связи в границах функционирования ценностей, способа деятельности, границ распространения сетевых структур, являются их сплоченность, занимаемое положение и личностные характеристики.

Список использованных источников

1. *Haggins, R.* The Success and Failure of Policy-Implanted Iner Firm. Network Initiatives: Motivations, Processes and Structure / R. Haggins // Entrepreneurship & Regional Development. – 2000. – № 12. – P. 111–135.

2. *Новиков, Д. А.* Сетевые структуры и организационные системы / Д. А. Новиков. – М.: ИПУ РАН, 2003. – 102 с.

3. *Кастельс, М.* Власть коммуникаций / М. Кастельс. – М.: ГУ-ВШЭ, 2017. – 592 с.

4. *Дугин, А.* Сетевое общество и его враги / А. Дугин // Профиль. – 28.01.2008. – № 3(559). – С. 34.

5. *Сейджман, М.* Сетевые структуры терроризма / М. Сейджман. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 216 с.

6. *Martin, A.* Social Network Analysis: An Introduction / A. Martin, B. Wellman // Handbook of Social Network Analysis / ed. by P. Carrington, J. Scott. – London: Sage, 2011. – P. 11–25.

7. *Laumann, E.* The Boundary Specification Problem in Network Analysis / E. Laumann, P. Marsdeen, D. Prensky // Applied Network Analysis. – Beverly Hills: Sage, 1983. – P. 234–267.

8. Granovetter, M. The Strength of Weak Ties / M. Granovetter. / The American Journal of Sociology. – May, 1973. – Vol. 78. – Issue 6. – P. 1360–1380.

(Дата подачи: 19.02.2019 г.)

В. Ф. Берков
Республиканский институт высшей школы, Минск

V. Berkov
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 001.6

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

PRACTICAL NATURE AND SOCIAL FUNCTIONS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Практическая деятельность – главный источник и стимул становления и развития научного знания. В XX в. оно функционирует не только в роли непосредственной, но и главной производительной силы общества, существенно влияя на сферу отношений собственности. Эта функция дополняется мировоззренческой и образовательной функциями.

Ключевые слова: истина; практическая природа научного знания; наука как производительная сила; наука и сфера производственных отношений; мировоззренческая функция научного знания; образовательная функция научного знания.

Practical activity is the main source and stimulus of the formation and development of scientific knowledge. In the XX century it functions not just as direct but also as the main productive force of society, significantly influencing the sphere of property relations. This function is complemented by worldview and educational functions.

Keywords: truth; practical nature of scientific knowledge; science as a productive power; science and production relations; worldview function of scientific knowledge; educational function of scientific knowledge.

Рассмотрение природы научного знания и его социальных функций связано с решением по крайней мере следующих вопросов: почему существует наука? Зачем человечеству новое знание? Какова его роль в жизни общества?

Генезис и развитие науки предполагает осознание особой роли истины в человеческой жизнедеятельности. Уже древние философы не сомневались в том, что истина является благом для людей, приносит пользу, служит опорой и ориентиром в их практических делах. По определению древних стоиков (III – II вв. до н. э.), «всякая наука есть система сопряженных положений, направленных к какой-нибудь цели, полезной для жизни» [1, с. 124], то есть для практического применения.

На практическую природу научного знания неоднократно обращали внимание многие мыслители материалистической ориентации. Намечая очертания и историческую последовательность отдельных отраслей естествознания, Ф. Энгельс писал: «Сперва *астрономия,* которая уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов. Астрономия может развиваться только при помощи *математики.*

Следовательно, приходилось заниматься и математикой. – Далее, на известной ступени развития земледелия и в известных странах (поднимание воды для орошения в Египте), а в особенности вместе с возникновением городов, крупных построек и развитием ремесла развилась и *механика.* Вскоре она становится необходимой также для *судоходства* и *военного дела.* – Она тоже нуждается в помощи математики и таким образом способствует ее развитию. Итак, уже с самого начала возникновение и развитие наук обусловлено производством» [2, с. 500–501].

Как видим, Ф. Энгельс ставит перед собой задачу проследить, каким образом начиная с древних времен материальная жизнь общества наполняется интеллектуальным потенциалом, или, иными словами, как наука, уже тогда будучи способом теоретического освоения мира, становится производительной силой общества.

Историю науки можно рассматривать исключительно как историю идей, понятий, переходящих от одного ученого к другому, который их далее развивает. Но такой подход будет односторонним, хотя и не ошибочным, ибо он дает возможность выявить важные этапы в истории науки. Однако при этом будет упущена тесная связь между наукой и социокультурными устремлениями эпохи.

Любое научное исследование, как и любой иной целесообразный акт деятельности, имеет социокультурную предопределенность. Идеалы, надежды, моральные нормы, традиции, образцы культуры незримо, но органично вплетаются в исследовательский процесс.

Социальная практика – важнейший стимул научного творчества. Поскольку каждая эпоха имеет свою шкалу ценностей, постольку на разных этапах развития человеческого общества или его отдельных фрагментов научное творчество стимулировалось по-разному. Потребности в совершенствовании политического красноречия в условиях ожесточенных дискуссий по вопросам власти, в развитии основанной на состязательности мнений судебной системы, в организации межполисных отношений явились толчком к разработке теоретической риторики и логики в трудах Аристотеля и других мыслителей Древней Греции. Животрепещущие проблемы античности, связанные со строительством зданий, кораблестроением и пр., породили статику и гидростатику Архимеда, которые, в свою очередь, незамедлительно дали практические результаты: были изобретены «архимедов винт», механический редуктор, военные метательные машины, небесные сферы, прибор для измерения видимого диаметра Солнца, сделаны другие открытия и изобретения, свидетельствующие о фактически революционном перевороте в производительных силах общества.

Древний Рим оказался неспособным продолжить и развить научные и культурные традиции эллинизма. «Нам нужно отказаться от мнения, – писал И. Гердер, немецкий философ эпохи Просвещения, – будто римский век нужен в последовательности эпох для того, чтобы, словно на картинке, на-

рисованной человеком, составить более совершенное звено в цепи культуры, звено, поднимавшееся над греками <...> Ни в одном полезном искусстве, ни в одной отрасли хозяйства, питающей человеческий род, ни один римлянин не придумал и не изобрел ровно ничего» [3, с. 412–413]. Здесь, как и в области философии, римляне, по выражению И. Канта, «всегда оставались лишь *учениками*» [4, с. 338].

Возможно, что эти оценки слишком резки и категоричны. Действительность же такова, что застойная экономика Древнего Рима, основанная на дешевом труде рабов, в которых, в отличие от греческих полисов, Римская империя не знала недостатка, имела своим следствием деградацию духовной жизни и вместе с тем вызвала угасание интереса к научным новшествам и научно-техническим знаниям. Многие достижения древних греков были забыты на века. Социальная практика, таким образом, лишила науку импульсов к развитию.

Интерес к науке проявился лишь в эпоху Возрождения, когда предметно-практическая деятельность достигла уровня, на котором многие технические задачи не поддавались решению без применения научных методов. Техническое творчество снова стало опираться на естественнонаучный и математический методологический базис.

Возникновение капиталистического общества дало огромный толчок росту и разработке научных знаний о природе. В XVII и XVIII веках экономические интересы буржуазии усилили внимание к многим техническим проблемам, которые стимулировали все более усиливающийся практический подход к познанию природных явлений со стороны интеллектуальных представителей этого класса. «Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени (в эпоху Средневековья. – *В. Б.*) наука была смиренной служанкой церкви и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой; по этой причине она была чем угодно, только не наукой» [5, с. 307].

Вместе с тем в марксизме отмечается и другая сторона процесса внедрения науки в капиталистическое производство. Для буржуазии наука с необходимостью превращается в один из источников эксплуатации, заметно способствует, особенно в сфере промышленного производства, «дегуманизации человека». Объективное, научное знание все чаще используется для создания экономических и административных технологий, что резко ограничивает действия и инициативы, доступные для их «операторов», рабочих.

В XX в. связи науки и производства приобретают новые черты. Очевидно ее превращение не только в *непосредственную,* но и в *главную* производительную силу. Процесс соединения науки и производства достигает такой степени, что развитие последнего становится немыслимым без внедрения в него научных достижений. Возникают такие отрасли производства, которые неразрывно связаны с новейшими научными открытиями: радиоэлектрони-

ка, биотехнология, информационная технология и др. Управление производством как сложной системой, какой оно стало в настоящее время, также требует научного подхода. Наука, таким образом, становится сферой духовного производства, которая вырабатывает и предлагает практике надежно обоснованные идеальные планы и программы деятельности, выраженные в форме теоретических конструкций или инженерно-конструктивных схем.

Как важнейший элемент производительных сил общества наука существенно влияет на сферу производственных отношений, в частности на сферу отношений собственности. Частная собственность, означающая абсолютное, защищенное законом право гражданина или юридического лица на конкретное имущество (землю, другое движимое и недвижимое имущество), постепенно вытесняется с ее прежних ролей интеллектуальной собственностью. Основа интеллектуальной собственности – знания и информация. Специфическая черта знаний и информации в том, что они, как заметил известный американский футуролог Э.Тоффлер, содержат неучтённый, бесплатный продукт, который каждый из людей производит, даже не замечая этого. «Экономисты не могут просчитать ценность подобных вещей и потому считают, что не стоит придавать им особого значения, – пишет Э.Тоффлер. – Но мы утверждаем, что это и есть самое важное» [6, с. 12].

Существенная характеристика содержания интеллектуальной собственности – его принципиальная неотчуждаемость, сохраняемость и даже рост в процессе потребления. Оно остается у первоначального владельца или производителя, даже если включается в предмет продажи. «Если у вас есть яблоко, – говорил Б. Шоу, – и у меня есть яблоко, и если мы обмениваемся этими яблоками, то у вас и у меня остается по одному яблоку; а если у вас есть идея и у меня есть идея и мы обмениваемся этими идеями, то у каждого из нас будет по две идеи».

Наука, искусство, культура в целом создаются «всеобщим трудом» (К. Маркс) и в силу этого принадлежат всему обществу. Поэтому продукты духовной деятельности активно сопротивляются тому, чтобы стать частной собственностью кого-либо. Можно, разумеется, «спрятать» научное открытие, превратив его в производственный секрет и выиграв тем самым в конкурентной борьбе, но оно при этом не будет работать так, как могло бы, не сделает общественное производство более эффективным. Переходя в собственность кого-то и оказываясь вследствие этого сокрытыми от других, научные знания и информация ограничиваются в своем творческом потенциале, функционируют в культуре человечества менее плодотворно, чем в неотчужденной, общественной форме. Они просто деградируют в своей ценности.

Таким образом, мы являемся свидетелями нового этапа социализации в мире. Научное знание, внедряясь в производственный процесс, приводит к стихийному, часто неосознаваемому рождению элементов общественной собственности, придает производству более обобществленный характер.

Переход к общественной собственности оказывается следствием не насильственного ниспровержения частной собственности, а развитием производства на основе всеобщего научного труда. Знания, таким образом, создают основы социальной организации, не предполагающей возможности воспроизводства прежних форм неравенства и угнетения.

Развивая последний тезис, один из всемирно известных экспертов в сфере анализа хозяйственных проблем Л. Туроу дает следующий комментарий: «В прошлом, когда капиталисты говорили о своем богатстве, они имели в виду собственность на заводы, оборудование и материальные ресурсы. В будущем, когда они заговорят о богатстве, будут иметь в виду возможность контролировать знания. Изменяется даже сам язык, описывающий процесс создания богатства. Если можно говорить о "собственности" на капитальные блага или материальные ресурсы.. то нельзя определить подобным же образом "собственность" на знания... Люди, владеющие знаниями, не могут более быть превращены в рабов. Именно вопрос о том, каким образом человек обладает знаниями, является центральной проблемой экономики, основанной на знаниях» [7, с. 98].

Еще одна функция научного знания – *мировоззренческая*. Эта функция особенно отчетливо стала проявляться в эпоху Возрождения и раннего Просвещения, когда науке пришлось отстаивать себе право на участие в становлении мировоззрения в борьбе с религией. До этого религиозное мировоззрение было господствующим. Религия представлялась носительницей единственной и всеобъемлющей истины. Каждое научное утверждение должно было проходить испытание на соответствие религиозным текстам. В этой связи можно вспомнить оценку учения Коперника Лютером: «Дурак хочет перевернуть вверх дном все искусство астрономии. Но, как указывает Священное писание, Иисус Навин велел остановиться Солнцу, а не Земле».

Гонения на науку (запрет коперниканства в течение двух столетий, сожжение инквизиторами Сервета и Бруно, суд над Галилеем и т.д.) составляют позорную страницу в церковной истории и олицетворяют собой борьбу религиозного догматизма против передовых идей.

После Ньютона наука стала задавать тон в формировании мировоззренческих установок. С очередным крупным открытием ослаблялись связи научного сообщества с религией, наука отвоевывала у нее все новые и новые пространства.

Близка мировоззренческой *образовательная* функция научного знания. Задача образования – приобщение человека к ценностям культуры и развитие его как личности. Наука не исчерпывает собой всей культуры, она составляет одну из ее сфер наряду с моралью, религией, философией, искусством и т. д. В учебном процессе ценности науки занимают доминирующее положение. В наше время нельзя стать образованным человеком без знания основ фундаментальных наук. Любая профессиональная деятельность связана с освоением и преобразованием соответствующих научных

знаний. В свою очередь научные знания оказывают благотворное влияние на человека. У него формируется особый стиль мышления, отличающийся четкостью и упорядоченностью действий. Стало быть, создание объективных предпосылок для формирования всесторонне развитой, гармоничной, творческой и свободной личности не может быть достигнуто без внедрения в жизнь достижений науки.

В современную эпоху наука внедряется в различные сферы социальной жизни, регулируя самые разнообразные виды человеческой деятельности. В связи с глобальными кризисами возникает проблема поиска новых мировоззренческих ориентаций человечества. Бурно развивается «индустрия знаний», осуществляется компьютеризация самых разнообразных сфер человеческой жизни, растут и совершенствуются разветвленные информационные системы (Internet). Информация, знание, культура становятся ведущими факторами производственной деятельности. Начинается постиндустриальная стадия развития общества. В этой связи переосмысливаются и функции науки.

Список использованных источников

1. *Секст Эмпирик.* Соч. в 2 т. / Секст Эмпирик. – М., 1976. – Т. 2.
2. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1961. – Т. 20.
3. *Гердер, И.* Идеи к философии истории человечества. / И. Гердер. – М., 1977.
4. *Кант, И.* Трактаты и письма / И. Кант. – М., 1980.
5. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф.Энгельс. – М., 1962. – Т. 22.
6. Цит. по: *Худолей, П.* На волне перемен / П. Худолей // В мире науки. – 2008. – № 2.
7. Цит. по: *Русаков, А. Ю.* Социальные конфликты постиндустриального общества / А. Ю. Русаков // Свободная мысль. – 2008. – № 5(1588).

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

О. В. Беркова
Белорусский национальный технический университет, Минск

O. Berkova
Belarusian State Technical University, Minsk

УДК 316.422+330.342

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И МЕТАМОРФОЗЫ РЫНКА

MODERN ECONOMIC SYSTEMS AND MARKET METAMORPHOSES

В статье находит обоснование положение о том, что все современные экономические системы являются смешанными и имеющими разное происхождение. Более того, системы, имеющие своим происхождением рыночный тип организации, в настоящее время характеризуются такими чертами, как планомерность в развитии, долгосрочное

планирование деятельности, формирование потребительского спроса производством, централизация управления.

Ключевые слова: экономические системы; рынок; обобществление производства; кластеризация; глобализация.

The article finds the rationale for the position that all modern economic systems are mixed, but have different origins. Moreover, the systems with their origin market type of organization are currently characterized by such features as planned development, long-term planning of activities, the formation of consumer demand by production, centralization of management.

Keywords: economic systems; market; socialization of production; clustering; globalization.

В настоящий момент установлено и не вызывает сомнений среди специалистов в области обществоведения то, что большинство существующих экономических систем являются смешанными, то есть в них присутствуют признаки как редистрибутивных, так и рыночных систем. Возникает вопрос, насколько правомерен декларируемый в учебной и научной литературе последние двадцать лет ориентир общественного развития, представляющий собой движение к «подлинным рыночным отношениям».

Экономика СССР, вопреки господствующему мнению о том, что она была всецело командно-административной, также была смешанной. Более того, в советской политэкономии имелись теоретические доказательства того, что в СССР имели место рыночные отношения, хотя и «особого рода». Ярким примером этого могут служить теоретические разработки С. Е. Янченко, который показал в своем очерке «Налог с оборота», что процесс обобществления производства даже на стадии развитого социализма не исключает товарно-денежных отношений. По сути, теория С. Е. Янченко представляла собой попытку развития теории товарного производства в экономических категориях стоимости и потребительной стоимости, абстрактного и конкретного труда, общественного труда и частного применительно к социально-экономической системе СССР.

Наличие рынка «особого рода» в советской экономике является одной из иллюстраций того, что современные общественные системы, несмотря на то, что имеют принципиально разное происхождение, являются смешанными. Это качество представляет собой результат того, что каждый из типов общественных систем по-своему испытал за последние сто лет существенные метаморфозы.

Для более результативного анализа этого явления целесообразно рассмотреть само понятие «рынок». Анализ определений рынка, данных такими значимыми личностями мировой экономической науки, как А. Смит, Й. Шумпетер, Ф. А. Хайек, Дж. Ходжсон, позволяет сделать вывод о том, что основным содержанием рынка является товарообмен (меновые отношения) – в той или иной его форме при определенной степени регулярности.

Источниками, причинами обмена являются развивавшаяся в течение всей истории человечества система общественного разделения труда и

возможность экономического обособления товаропроизводителей. Как известно, товар – продукт производства, предназначенный для обмена, отчуждаемый другому лицу в порядке купли-продажи, в результате которой происходит смена собственников. *Рынок* же есть *форма организации товарного хозяйства*, которая в процессе своей многовековой истории претерпела определенные и весьма существенные метаморфозы.

В этой связи следует обратить внимание на отношение к понятию «рыночная экономика» Карла Поланьи, которое он отразил в одной из своих статей: «В XIX веке на основе машинного производства возникла беспрецедентная форма социальной организации – рыночная экономика, которая оказалась не более чем эпизодом» [1, с. 23].

Согласно марксистской теории, основным результатом развития противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью товара является то, что действие закона стоимости как основного закона функционирования простого товарного производства приводит к ликвидации, или отрицанию, этого производства, «…отрицанию его, так сказать, “в себе” в связи с усилением обобществления производства» [2, с. 41].

Данное противоречие развивалось следующим образом. При возникновении капиталистического способа производства имело место превращение индивидуального производства самостоятельных производителей в кооперативное, при котором абстрактный труд, как специфическая форма общественного труда, подвергался определенным изменениям. Так, при кооперации индивидуальные различия между работниками нивелировались, поэтому капиталист использовал труд не отдельного работника, а кооперацию труда наемных рабочих. Одновременное потребление их труда в одном и том же процессе образовывал исходный пункт капиталистического производства и начинался со средней на данный момент величины. В силу этого у капиталиста производство и сбыт товаров были менее подвержены действию случайных факторов, чем у ремесленника, а внутри отдельного предприятия или группы предприятий имело место безусловное единоначалие капиталиста и его беспрекословная авторитарная власть в деле осуществления процесса труда.

Однако из этого еще не следует, что при капитализме абстрактный труд превращался в непосредственно общественный: капитализм – это товарное производство, где все производится как товар (стоимость), который должен обязательно пройти через обмен. Следовательно, факт соответствия затраченного труда среднему, общественно необходимому, все равно определялся рынком, из чего товаропроизводитель получал необходимые ориентиры для своей дальнейшей деятельности.

Отсутствие рыночных связей внутри *капиталистического предприятия* привело к укреплению обобществления процесса производства на его машинной стадии и, особенно, под влиянием научно-технического прогресса.

Гигантская концентрация и централизация капиталов, развивавшаяся далее посредством *акционерной формы*, привела к дальнейшему обобществлению производства и явилась одной из важнейших предпосылок возникновения *монополий*.

Объединение под единым финансовым контролем разнородных производств, превращение крупных монополий в многоотраслевые конгломератные комплексы выражало монополистическую централизацию производства, при которой определять основную специализацию той или иной производственной монополии стало зачастую невозможно. Если до монополистической стадии капитализма это расчленение развивалось в условиях раздробленности капиталистической собственности, и существовала свобода перелива капитала из одной отрасли производства в другую, то с ростом обобществления расчлененное производство оказывается объединенным под руководством единого центра, и таким образом рамки его внутренней организации раздвигаются до пределов принадлежащих монополиям комплексов предприятий.

Дальнейшим этапом обобществления можно обозначить подключение к процессу концентрации и централизации производства *банковского капитала*. Это очень хорошо было проиллюстрировано В. И. Лениным: «Горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность … сначала точно узнавать состояние дел у отдельных капиталистов, затем контролировать их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и, наконец, всецело определять их судьбу…» [3, с. 330–331].

Подобное положение позволяло говорить о качественно новом образовании в капиталистическом хозяйстве, которое получило название *«финансовый капитал»*. Господство финансового капитала олицетворялось во всевластии верхушечной прослойки своего класса, или в финансовой олигархии, что явилось необходимым условием возникновения на монополистической стадии капитализма и своей формы движения всеобщего, непосредственно общественного труда – планомерности, которая имела тенденцию подниматься до общегосударственного регулирования в связи с превращением монополистического капитала в государственно-монополистический.

На *государственно-монополистической стадии* капитализма главное состояло в возникновении качественно нового явления – прямого вмешательства государства в процессы производства, обращения и распределения и участия в них. Таким образом государственно-монополистический капитализм по своей сущности становился высшей формой монополизации рыночных систем.

Однако, несмотря на его возникновение, дальнейшее обобществление производства продолжалось, и выражалось оно в том, что, не находя до-

статочного простора для высокоприбыльного применения внутри данной страны, «избыток» капитала устремлялся в другие страны.

Далее, так как научно-техническая революция способствует увеличению номенклатуры промышленной продукции даже в самых крупных капиталистических странах, а многие виды продукции даже при массовом производстве необходимы в относительно небольших количествах, выпуск всей номенклатуры продукции в массовых масштабах был возможен лишь в условиях углубления международной специализации и кооперирования. Углубление разделения труда в сфере производства сопровождалось разделением труда и в области научных исследований, а научная специализация той или иной страны была связана с ее производственной специализацией. При этом мировая транспортная система, а также система связи была приведена в соответствие сформировавшимся направлениям международных хозяйственных связей. Зарубежные и отечественные предприятия были связаны единой технологической, финансовой и кадровой политикой, жесткой централизацией принятия решений. Необходимо отметить, что опять же внутри подобных интернационализированных образований продукция предприятий лишь формально приобретала форму цены. Даже конечный продукт всей монополии чаще всего мог производиться по предварительному заказу, т. е. миновать свободный рыночный обмен.

При соглашениях о промышленном и научно-техническом кооперировании часто встречаются такие, когда дочерним предприятиям, полностью контролируемым инвестором, предоставляется полный «набор» основных ресурсов (капитал, технология) и права производить, сбывать и разрабатывать продукты материнский компании. При этом международные монополии ставят себе на службу научно-технические достижения в области математической формализации, моделирования и системного анализа. Это позволяет им вести учет товарных рынков, прогнозировать ожидаемые изменения в технологии и конъюнктуре, а значит, и оперативно решать вопросы внутрифирменного воспроизводственного процесса, рассчитывать свою деятельность на многие годы вперед.

Одной из наиболее популярных в ходе обсуждения перспектив развития экономических систем, в том числе в русле дальнейшего развития обобществления материального производства, является *кластеризация*. На сегодняшний день целесообразно выделить три мировых «центра» кластерного развития, а именно – Североамериканский регион (США, Канада); Азиатский регион (Япония, Индия); Западноевропейский регион (страны ЕС). Причем роль и функции государства в этих центрах заметно различаются, исходя из специфики их институциональных матриц.

Так, для первого региона характерна исторически сложившаяся ориентация на политику малого вмешательства федерального правительства в процесс кластерного развития. Ярким примером одного из наиболее успешных кластеров в мировой практике является Силиконовая долина

в США. Государственные органы в странах азиатского региона считают своим долгом активно и целенаправленно вмешиваться в процессы, происходящие в экономике своих стран, стараясь обеспечить их защитой от опасной конкуренции со стороны иностранных товаропроизводителей и помочь в экспансии на внешних рынках. Характер взаимоотношений «государство – промышленный бизнес» в Западной Европе основан на том, что государство здесь может создавать свой сильный промышленный или инфраструктурный (финансы, транспорт, связь) секторы, но не строит свою политику на внедрении в бизнес «по широкому фронту», что отличает ее от азиатской модели.

Отличительной чертой процессов обобществления при кластерной форме кооперации является повышение конкурентоспособности производства за счет активизации инновационной деятельности, которая включает сотрудничество разноотраслевых фирм с научно-исследовательскими и информационными организациями, быструю диффузию инноваций внутри локальных инновационных систем, создание «новых» комбинаций знаний и навыков. Во многом это происходит за счет развития сетевого уклада и сетевых взаимодействий на всех уровнях организации общества и экономики, повышая значимость горизонтальных связей. «Незыблемость достаточных для неоклассического и неоинституционального анализа форм рыночной координации – иерархической модели, базирующейся на административных методах управления, и модели традиционного рынка, регулируемого через ценовой механизм, – существенно поколеблена возможностями интерактивных коммуникаций» [4, с. 147].

Все это, в свою очередь, способствует реализации многочисленных предпосылок глобализации – производственных, организационных, экономических, информационных, социальных и культурных.

Исследования показывают, что процесс глобализации и формирование модели глобального управления в ближайшие десятилетия выйдет на новую ступень: национальные хозяйства во все большей мере будут превращаться в составные элементы всемирного хозяйственного организма, функционирование которого будет в решающей степени влиять на ход экономической жизни в отдельных странах и на реализацию их суверенитета [5, с. 141].

Основными доминантами современного периода глобализации рынков выступает создание единого информационного пространства, унифицированной нормативной правовой базы, появление надгосударственной формы управления, виртуализация бизнеса, интеграция рынков, инновационно-инвестиционное развитие экономики, быстрое обновление технологий и оборудования, ориентация на создание унифицированных и стандартизированных продуктов и услуг, возникновение международной бизнес-инфраструктуры.

В настоящее время формируется глобальная среда постиндустриальной информационной цивилизации, в которой роль основного производствен-

ного фактора играет информация, а решающего фактора – новые знания, которые, непрерывно накапливаясь, выливаются в принципиально новые производственные возможности, создание новых продуктов, путей и рынков сбыта, в активизацию инновационной деятельности, изменение ее направлений. Благодаря бурному развитию транснациональных корпораций (ТНК), контролирующих в настоящее время около половины мирового промышленного производства, свыше половины международной торговли, около 4/5 мирового банка патентов и лицензий, в настоящий момент происходит стремительное сближение национальных экономик, что еще больше усиливает (или даже доводит до предела) процессы обобществления в современном социуме.

Он показывает, что теоретическое оформление понятий «частная собственность» и «рыночная экономика» утрачивают конкретность в виду недостаточной определенности понятия «субъект собственности». «Если товаропроизводитель теряет возможность самостоятельно распоряжаться и пользоваться своей продукцией и это право гласно или негласно передается некоторым связанным с предприятием социально-экономическим системам, то понятие «субъект собственности» практически разрушается» [6, с. 61].

Также необходимо отметить, что тем самым не находит подтверждения одно из положений современной неоклассического подхода в экономической теории – тезис о важнейшей роли защиты («безопасности») прав собственности в создании предпосылок эффективной предпринимательской деятельности и функционировании рыночной экономики.

Таким образом, рынок или товарообмен, изначально обусловленный общественным разделением труда и экономической обособленностью товаропроизводителей, пройдя длительный путь своего развития, испытал метаморфозы, которые можно назвать его перерождением. Пройдя в своем развитии несколько стадий, изначально регулируя хозяйственную деятельность стихийно, через ценовой механизм, в современных условиях в связи с усилением обобществления производства рынок все более приобретает (причем в мировых масштабах) такие черты как планомерность в развитии, долгосрочное планирование деятельности, формирование потребительского спроса производством, централизация управления и т. д.

Все различия современных экономических систем сводятся к различию в их происхождении, а декларируемая ориентация на переход вчерашних административно-командных структур к «подлинно рыночным отношениям» теряет смысл.

Список использованных источников

1. *Поланьи, К.* Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2010. – 198 с.

2. *Янченко, С. Е.* Налог с оборота / С. Е. Янченко. – Минск: БГУ, 1983. – 146 с.

3. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Политиздат. – Т. 27. – 643 с.

4. *Дерябина, М.* К новой организации жизни общества и экономики (О книге Н. В. Смородинской «Глобализированная экономика: от иерархии к сетевому укладу») / М. Дерябина // Вопросы экономики. – 2017. – № 3. – С. 146–158.

5. Социально-экономическая модель: становление и развитие: теория, методология, практика: в 2 кн. / под общ. ред. В. Г. Гусакова. – Минск: Беларуская навука, 2015. – Кн. 1 / В. Г. Гусаков [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 554 с.

6. *Клейнер, Г.* От экономики «физических лиц» к системной экономике / Г. Клейнер // Вопросы экономики. – 2017. – № 8. – С. 56–72.

(Дата подачи: 27.02.2019 г.)

А. А. Бородуля
Белорусский государственный экономический университет, Минск

A. Baradulia
Belorusian state University of Economics, Minsk

УДК 316.42:130.123

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

THE ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIAL CRISES

В статье рассматриваются онтологические основания социальных кризисов. Анализируются факты и критерии, основные философские подходы, определяющие социальный кризис. Показывается, что онтологическую основу социальных кризисов составляют глобализация экономики, демографические проблемы, национальные и международные конфликты, проблема войны и терроризма, антропологические проблемы. Раскрываются основные составляющие экономического, финансового, демографического, антропологического, политического, правового кризисов.

Ключевые слова: социальный кризис; полипарадигмальный подход в социальной философии; глобализация экономики.

The article deals with the ontological foundations of social crises. The facts and criteria, the basic philosophical approaches defining social crisis are analyzed. It is shown that the ontological basis of social crises is the globalization of the economy, demographic problems, national and international conflicts, the problem of war and terrorism, anthropological problems. The main components of economic, financial, demographic, anthropological, political, legal crises are revealed.

Key words: social crisis; polyparadigmatic approach in social philosophy; globalization of economy.

Современное состояние мирового сообщества многими учеными характеризуется как социальный, антропологический кризис. Это означает, в частности, происходящую переоценку ценностных и познавательных систем высокой степени сложности. Очевидным образцом является активное изучение причин, последствий социальных кризисов.

Вступление человечества в новое тысячелетие отмечено кардинальными изменениями, происходящими в обществе, одним из которых является

ухудшение мировой ситуации в сфере социальных, экономических, финансовых кризисов. Социальные кризисы носят устойчивый и закономерный характер. Поэтому не случайно в гуманитарном знании первой четверти XXI века отмечается огромный интерес к истокам, сущности, перспективам социальных кризисов. Одна из задач для ученого состоит в выработке конкретных предложений по минимизации негативного влияния социальных на мировое сообщество, осуществлении реальных социальных прогнозов.

Развитию любого общества сопутствует множество социальных процессов, которые иногда трудно предсказать. В цепочке общественных явлений следует особо выделить социальные кризисы.

Что же собой представляет социальный кризис и какова его онтологическая основа? К каким последствиям может привести мировой социальный кризис? Как можно прогнозировать социальное будущее, насколько адекватны такие прогнозы?

Многообразие подходов и позиций обусловило появление социально-философских исследований кризисов как широкой междисциплинарной парадигмы.

В первую очередь отметим полипарадигмальный подход в изучении социальных кризисов. Использование данного подхода в изучении социальных кризисов позволяет рассматривать их с точки зрения многообразных школ, течений, направлений. Тема кризисов не является самой главной для каждого их них, но этой теме отводится особое место, что позволяет выявить различные философские характеристики и оценки. Можно выделить следующие подходы к раскрытию понятия «социальный кризис»:

1. Циклический подход (Аристотель, Н. Д. Кондратьев, П. А. Сорокин, А. А. Богданов, Н. Я. Данилевский и др.), согласно которому кризис – это один из этапов в развитии общества. Исследование научных представлений о кризисах позволяет выявить следующие их особенности: препятствие в процессе развития; распад или разрушение какого-либо явления или процесса; неконтролируемость, неуправляемость какого-либо явления, процесса; высшая ступень развития, за которой может последовать хаос, распад общества; потеря перспектив развития системы.

Аристотель писал: «Всем элементам свойственно от природы изменяться друг в друга, ведь возникновение есть переход в противоположное и из противоположного. Все изменяется из чего-нибудь во что-нибудь: из субстрата в субстрат, из субстрата в несубстрат и из несубстрата в субстрат. Изменение происходит из противоположностей или в противоположные стадии» [2, с. 162–163]. Античный философ выделял в обществе три состояния: устойчивость, изменчивость, переходные состояния (кризисы). Кризисы он понимал как способы существования всего сущего.

2. Модернизационнонно-трансформационный подход (В. Н. Кудрявцев, А. Г. Здравомыслов, Т. И. Заславская, Н. И. Лапина, Ю. В. Яковец и др.),

согласно которому социальный кризис – это переломный пункт, резкое изменение в развитии общества или какой-то отдельной его области. С точки зрения российских исследователей, кризис российского социума стал логическим следствием сложного перехода от тоталитарных отношений к демократическим

3. Конфликтологический подход (К. Маркс, Р. Дарендорф, Л. Козер, Р. Миллс, К. Болдин и др.), согласно которому кризис – это универсальный и утвердительный фактор, который ускоряет социальный прогресс и поддается рациональному управлению.

4. Функционалистский подход (О. Конт, Р. Мертон, Т. Парсонс, Р. Нисбет и др.) рассматривает социальные кризисы сквозь призму выявления условий видов поведения, которые мешают реализации целей общества, препятствуют его жизнедеятельности, приводят общество в неустойчивое, неконтролируемое состояние. Центральное место в этом подходе занимает понятие дисфункции как следствие какой-либо социально-экономической деятельности, которая идет вразрез с требованиями общественной системы и может разрушить институциональные связи.

5. Диалектический подход (Г. Гегель, К. Маркс) использует законы диалектики (закон отрицания отрицания, закон взаимного перехода количественных и качественных явлений, закон единства и борьбы противоположностей) для толкования кризиса как перехода в новое качественное состояние или новое качественное состояние системы. В работе «Феноменология духа» Г. Гегель говорит о том, что «на первых порах сознание есть только непосредственное единство неизменного, в качестве сущности; другое же, сложное переменчивое как несущественное» [3, с. 9]. Согласно Г. Гегелю, все сущее есть субстанциальная неизменность мирового целого, а с другой стороны – существует мировое целое в виде его многообразных форм проявления.

Следовательно, социальный кризис – сложнейшее общественное явление, и совершенно не случайно, что существует много дефиниций социального кризиса», в которых учитывается позиции направления, в рамках которого оно рассматривается. Анализ различных подходов показывает, что кризис – это процесс изменений, разрыва социальных связей, результат обострения противоречий.

Социальный кризис – нарушение стабильного развития, определенное выражение общественных, культурных и экономических конфликтов; процесс быстрого обострения противоречий в обществе, увеличение критической массы конфликтов до такого предела, за которым следует разрыв социальных связей. В обществе происходит утеря способности общественными образованиями выполнять свои функции. Наблюдается дестабилизация общества как целостной системы. Социальные кризисы обладают следующими признаками: наличие препятствия в процессе развития; разрушение или распад какого-то явления или процесса; неуправляемость, неконтроли-

руемость функционирования какого-то процесса. Социальные кризисы обладают также таким свойством, как дисфункция – появление в социальной системе разных элементов, которые стремятся к рассогласованию ее функционирования как целого, к отклонению ее поведения от первоначально заданных параметров.

Социальный кризис представляет собой сложный процесс во времени и в пространстве. Он может накапливаться во времени по различным линиям. Совпадение этих линий дает наиболее острые и критически ситуации. Он может «стягивается» из разных мест социального пространства к одному центру и затем расходиться от центра к периферии, при этом могут усиливаться и доводиться до крайности ранее наметившиеся кризисные явления. Наступление кризиса есть результат совокупного действия многочисленных причин и условий. Причем эти причины и условия действуют не обязательно одновременно и согласованно

Социальные кризисы могут также рассматриваться на различных уровнях. Мегауровневые глобальные кризисы раскрыл С. Хантингтон [4]. Он предположил, что наступит кризис цивилизаций, который связан с тем, что доминирующие цивилизации исчерпывают свои ресурсы, которые необходимы для поддержания главенствующего положения в мире. Американский социолог Ф. Фукуяма [5] рассматривал конец 60-х и начало 90-х гг. как время резкого ухудшения условий в постиндустриальном обществе, роста социальной дезорганизации.

Российский философ В. С. Семенов, анализируя современный кризисный мир и перспективы его развития в XXI в., выделил три основных типа современных мировых кризисных состояний: «Первый тип – кризис системы мироздания, выражающийся в острейших противоречиях и противоположностях между развитием природы, общества и человека, что особенно наглядно и ощутимо проявилось в последние десятилетия XX века. Второй тип современных мировых кризисных состояний – в устарении и в существенной исчерпанности применявшихся в XX веке конкретных линий и моделей общественного развития и цивилизационного развития. Третий тип современных кризисных состояний – существенный и опаснейший разрыв между богатым и разжиревшим Севером развитых капиталистических стран и беднейшим Югом развивающихся стран» [6, с. 178]. По его мнению, все эти три типа кризисности мирового развития глубоко взаимосвязаны и активно влияют, воздействуют друг на друга. Разрешать и устранять их необходимо не поодиночке, а совместно, во взаимосвязанном виде. Только тогда это будет действительно эффективно и результативно.

Очевидно, что наш мир стал более сложным. Вопрос об онтологических основаниях социальных кризисов является новым, не изученным. Это вопрос не просто умозрения, это жизненный вопрос всего человечества, а в еще более широком плане – и всего мирового бытия. Онтологические основания социальных кризисов, на наш взгляд, состоят из острых противо-

речий в основных сферах взаимодействия общества и природы, а именно: глобализация экономики; демографические проблемы; нерациональное отношение к природе и ее ресурсам; конфронтация технологичных стран по отношению к неразвитым; национальные и международные конфликты; проблема войны и терроризма; информационные войны, проблема коммуникации; антропологические проблемы (торговля людьми, эпидемии, повышение преступности и др.).

Онтологические основания социальных кризисов предполагают системное изучение тенденций и проблем в социуме, где общество признается как целостная взаимосвязанная и взаимообусловленная система, они присутствуют во всех сферах социального бытия.

Вышеперечисленные основания социальных кризисов представляются нам в виде отдельных видов кризисов, например, таких как экономический кризис, финансовый кризис, демографический кризис, антропологический кризис, политический кризис, правовой кризис (проблема бесконфликтного развития мирового сообщества). Эти виды кризисов являются составляющими любого общества. Обратимся подробней к каждому виду кризиса.

Экономический кризис представляет собой противоречие между производством и потреблением. Как правило, современное производство в целом происходит ради прибыли и создается видимость, что производство развивается независимо от потребления. В конечном итоге производство связано с потреблением и зависит от него, так как собственники, предприниматели не получат прибыли, если не будут воспроизводить рабочую силу. Производство растет с огромной быстротой, конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как личное потребление, растет крайне слабо.

Чтобы все произведенные товары могли быть реализованы, нужны строгие пропорции между производством и потреблением, между производством средств производства и производством предметов потребления.

Первые признаки экономического кризиса обнаруживаются в обмене. Растут запасы нереализованной продукции. Сокращаются заказы на оборудование и строительство. Перепроизводство постепенно охватывает все отрасли экономики. Затем наблюдается массовое банкротство торговых и промышленных фирм. Предприниматели, не продавшие свой товар, не могут купить средства производства, сырье, выплатить заработную плату. Они идут в банк за кредитами. Спрос на деньги растет, падает курс акций и других ценных бумаг. Сокращение производства вызывает рост безработицы и падение покупательской способности. Экономическая жизнь общества дезорганизуется. Примерно так происходит экономический кризис. Экономическая сфера является важнейшей для любого общества, всего мирового сообщества. Присутствие или отсутствие устойчивого дохода индивида неизбежно сказывается на уровень благосостояния населения.

Экономический кризис является первостепенным по сравнению с другими видами кризисов, так как экономика являются определяющим звеном в любом социуме.

Финансовый кризис представляет собой резкое изменение стоимости каких-либо финансовых инструментов, расстройство кредитно-финансовых систем. Внутри финансового кризисы можно выделить следующие составляющие. Деньги. Сегодня они превратились из объективного регулятора в экономике в некие волюнтаристские инструменты, которые существуют сами по себе. За деньгами должно стоять золото или всеобщее регулирование государства. В реальности деньги – уже просто квитанции. То же самое произошло с акциями. Акции были сильным инструментом прогрессивного развития. А сейчас произошел захват акционерного капитала небольшими группами олигархов. То же произошло и с кредитами. Кредит был мощнейшим инструментом экономического развития. Сегодня он стал многозвенным и превратился в сложную цепочку передач. Еще одна проблема – налоги. Налогообложение – система, при которой независимые граждане обеспечивают ресурсами государство и благодаря этому сохраняют контроль над ним. Но сейчас она утратила указанный смысл. Налог платит государству человек, который сам получает зарплату от него за счет своих же выплат. В целом современной финансовой жизнью руководит не рынок, а корпорация людей, которые желают спокойно наживаться, не боясь быть пойманными за руку.

Финансовые кризисы показали необходимость перестройки мировой финансовой системы, введение большей открытости, улучшения отчетности, укрепления национальной экономической политики.

Демографический кризис представляет коренное изменение в структуре демографических процессов в связи с ускорением депопуляции и ростом уровня смертности, падением рождаемости. В конце 90-х гг. после распада СССР на постсоветстском пространстве кризисные явления приобрели устойчивый характер. Кризисное состояние экономики российской, в том числе и белорусской, крайне болезненно отразилось на социально-демографической сфере. Больше всего подверглись изменению основные демографические показатели: уровень рождаемости, смертности, коэффициент фертильности, коэффициент воспроизводства населения, что в целом служит залогом геополитической и демографической безопасности государства. Во многом это было обусловлено изменениями в стратегиях репродуктивного поведения населения, которые, в свою очередь, были предопределены социально-экономическими и политическим реформами.

Антропологический кризис – система отрицательных направлений современного общества, которые приводят к отрицательным явлениям в природе человека, снижают уровень его духовности и личностный потенциал. Часто мы слышим, что человек теряет свое лицо, человеческий образ. Современный человек вынужден встраиваться в техногенные ритмы, тех-

нологические процессы. Мы сами порой не замечаем, как меняется наша жизнь и мы сами, наши желания и потребности формируются не нами, а техносферой, техногенно трансформируемым окружением. Сегодня технический прогресс открыл человеку небывалые возможности материальной обеспеченности и безопасности. И как следствие, растет бездуховность человека, число людей с девиантным поведением. Большинство философов (М. Фуко, Ж. Делез, Р. Барт, Ф. Гваттари, А. Тойнби) признают, что научно-техническая революция, которая началась во второй половине XX в., привела не столько к улучшению жизни людей, сколько к антропологическому кризису. Можно ли и нужно ли противостоять этому кризису и в чем причины того, что рост могущества человека привел его на край пропасти? Философы ищут ответы.

Огромную роль в современном мире играют информация, коммуникации, информационные кризисы. Информационные проблемы и трудности, информационные войны включены, на наш взгляд, в онтологические основания социальных кризисов.

Сегодня информационное общество кардинально изменяет традиционные сложившиеся пространственно-временные границы [7, с. 6]. Можно отметить, что сеть Интернет, социальные сети, новые виды коммуникации породили совершенно новую культуру, мышление, поведение, где обезличивается индивидуальность человека, происходит его отчуждение. Человек утрачивает свою природу, свою самость, свою гуманность, свою свободу. Эта особенность была замечена еще в 20-х и 30-х гг. XX в. П. Сорокиным, О. Шпенглером, Э. Фроммом, Г. Маркузе, и все они предупредили сограждан о возможных негативных последствиях научно-технического прогресса [8, с. 245].

Политический кризис – результат нестабильного развития политической системы или тупикового состояния политических отношений, наивысшее проявление политических противоречий. Последствиями политического кризиса могут быть развал всей системы управления и социальная катастрофа. Проблема урегулирования и успешного разрешения политических кризисов может считаться одной из самых актуальных проблем на сегодняшний день, потому что с помощью механизмов и технологий урегулирования политических кризисов можно обращать кризис из деструктивного процесса в конструктивный и стабилизировать социальную систему.

Анализ политических кризисов невозможно представить без осмысления социальных процессов, происходящих в обществе. Особый вклад в их интерпретацию внесли социологи Э. Дюркгейм, Н. Смелзер, которые определяли социальный кризис как фактор имманентного развития общества.

Правовой кризис – результат нестабильного развития правовой системы или тупикового состояния правовых отношений. В условиях глобализации можно наблюдать проявления правового кризиса по всех значимых областях общества: разрушение и несоблюдение исторически сложив-

шейся системы международного права, растущие конфликты на арене международного права. Можно ли реализовать правовое обеспечение бесконфликтного развития мирового сообщества? Это вопрос, на который еще предстоит ответить философам и юристам. Международное право в нашем сознании всегда ассоциировалось с идеями мира, добра, порядка, справедливости. К сожалению, современная правовая ситуация свидетельствует об обратном.

Становление социальной философии и социально-гуманитарных наук первой четверти XXI в. сопровождается сложными качественными нововведениями в содержании и структуре философского мышления по сравнению с его предыдущими формами. Тем не менее, переход на новую ступень развития в социальном, духовном, культурном отношениях на сегодняшнее время есть действительная возможность вывода социальной философии из глобального кризиса, которое еще не реализовалось в полной мере [9]. Человечеству необходимо овладеть в полном объеме результатами многовекового роста духовной культуры, наукой разумного управления и регулирования мировыми процессами.

Современный мир изменяется очень быстро и стремительно. В условиях социальных кризисов современные философы должны не только наращивать духовный и интеллектуальный потенциал для будущего человечества, но и оперативно отвечать на вызовы времени, направлять свои навыки и знания на решение проблем, обращенных к настоящему и будущему человечества, быстро осуществлять философскую рефлексию по поводу социально кризиса и вариантов минимизации и преодоления его последствий.

Список использованных источников

1. *Бородуля, А. А.* Социально-философские основания феномена гендерной идентичности / А. А. Бородуля – Минск: РИВШ, 2010. – 124 с.

2. *Аристотель*. Метафизика / Аристотель // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – 613 с.

3. *Гегель, Г. В. Ф.* Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Эксмо, 2007. – 880 с.

4. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хангтингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

5. *Фукуяма, Ф.* Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: Ермак, 2004. – 474 с.

6. *Семенов, В. С.* Уроки XX века и путь в XXI век (социально-философский анализ и прогноз) / В. С. Семенов. – М.: ЦОП Института философии РАН. 2009. – 198 с.

7. *Медведев, Н. В.* Философия в информационном обществе / Н. В. Медведев, А. А. Бородуля // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2018. – Т. 4, № 14. – С. 5–11.

8. *Адуло, Т. И.* В поисках сущности бытия: философия на рубеже XX–XXI веков / Т. И. Адуло. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 447 с.

9. *Яскевич, Я. С.* Время кризиса-время надежды и диалога / Я. С. Яскевич. – Минск: Право и экономика, 2011. – 189 с.

10. Современный социум в мире глобальных перемен: к 85-летию академика Е. М. Бабосова / Нац. акад. наук Беларуси, Отд-ние гуманитар. наук и искусств; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2016. – 509 с.

11. *Вильданов, И. Э.* Социальные кризисы: сущность и типология / И. Э. Вильданов // Казанская наука. – 2012. – № 4. – С. 378–380.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

Е. В. Гришкевич
Республиканский институт высшей школы, Минск

Y. Hryshkevich
National Institute of Higher Education, Minsk

В. П. Старжинский
Белорусский национальный технический университет, Минск

V. Starzhynsky
Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 101.1:316

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ «УНИВЕРСИТЕТ 3.0»

METHODOLOGY AND PRINCIPLES FOR THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE ENTREPRENEURIAL UNIVERSITY

С целью инновационной трансформации современной системы высшего образования Беларуси необходимо создавать инновационную инфраструктуру, трансформировать существующую, использовать международный опыт в сфере организации предпринимательского университета.

Ключевые слова: онструктивная методология; инновационное развитие; инновация; структурная модель; реструктуризация; образование; предпринимательство; наука; треки и приоритеты инновационного развития.

For the purpose of innovative transformation of modern higher education in Belarus, it is necessary to create an innovative infrastructure, transform the exiting one, harness international experience in the field of organization of the entrepreneurial university.

Keywords: constructive methodology; innovative development; innovation, structural model; restructuring; education; entrepreneurship; science; tracks and priorities of innovative development.

В современном инновационном обществе образование становится главнейшим фактором воспроизводства интеллектуального ресурса. Одной из актуальнейших проблем в связи с этим является развитие практико-ориентированных образовательных систем, предполагающих реструктуризацию классического университета в направлении коммерциализации и экономи-

ческой состоятельности. Это утверждение справедливо и для системы образования Беларуси, в которой сегодня начинают осуществляться системные преобразования с целью организации более эффективного обучения, сочетающего науку, производство и бизнес. Проектирование систем различной онтологии основывается прежде всего на разработке методологии.

Методология науки и культуротворчества. Проектирование и конструирование как совокупность методов создания искусственных объектов наиболее полно разработано в рамках инженерных наук. Экстраполяция этих методов на другие сферы человеческой деятельности – бизнес, образование, медицину – привела к идентификации конструктивной методологии (КМ) и осознанию ее философского статуса. Нами была предложена идея провести подобное различение прежде всего в методологии: методологию проектирования и конструирования, в отличие от когнитивной, обозначить как конструктивную [1]. В самом деле, КМ регламентирует не только когнитивные процессы, но и проектно-конструктивную деятельность в различных сферах культуры, культуротворчество – созидательный процесс, где рождаются материальные и духовные ценности-артефакты, составляющие суть культуры. Заметим, что дифференциация методологий относительна. Аналогия – естественное и искусственное, познание и проектирование.

Структура конструктивной методологии. КМ строится на основе моделирования. Модель понимается в расширительном смысле – это схема, репрезентация и материального, и ментального мира. КМ предусматривает построение двух видов моделей – концептуальной и инструментальной. Концептуальная модель отвечает на вопрос: что собой представляет проблема как объект проектирования – созидания и какова основная идея как способ разрешения проблемной ситуации? Проблемное поле моделируется по бинарному принципу; выражает два модуса существования – сущее (то, что есть в наличной реальности) и должное – то, что должно быть по замыслу проектанта. Как правило, зазор между сущим и должным описывается в виде недостатков.

Вторая модель, инструментальная, – совокупность инструментов, методов и ресурсов, позволяющих перейти от сущего к должному. При этом концептуальная и инструментальная модели – взаимодополнительные. Одна не может существовать без другой, ибо теряют смысл – функцию в регламентации деятельности

Зачем нужно вводить КМ? Практическая ориентированность науки и ее антропоцентризм. Отрефлексируем ситуацию. Зачем нам две спаренные модели – концептуальная и инструментальная? Чтобы отсечь в науке описание «вечных двигателей» и прочий информационный шум. Чтобы прекратить в науке бесплодные призывы типа «следует обратить особое внимание на…, необходимо приступить к…», ибо они не конструктивны. Данные рекомендации оставляют без ответа вопросы, кому они адресованы, кто это будет осуществлять, какие финансовые, материально-вещественные, чело-

веческие и другие ресурсы будут использоваться? С введением КМ у нас появляется критерий конструктивности. Если нельзя создать инструментальную модель (в принципе, как, например, с «вечным» двигателем) или ее создание не предусматривается, то концептуальные изыски – это зачастую имитация науки, симулякры, бесплодный анализ понятий (за исключением дидактических целей), схоластическое теоретизирование и прочие ареалы вненаучной рациональности. С введением КМ наука становится направленной на удовлетворение потребностей человека и общества.

Концептуальная и инструментальная модели системы инновационного образования. Концептуальная модель строится посредством описания понятий «инновация», «инновационное развитие», «культуротворчество», «система», «структура», «реструктуризация» и др., с помощью которых осуществляется постановка проблемы. Взаимодополнительная инструментальная модель представляет собой систему процедур деятельности по решению этой проблемы, включая ресурсы и условия осуществления. Рассмотрим понятие «инновация», которое в последнее время используется чрезвычайно часто как теоретиками, так и практиками. Это не просто новое решение в науке и технике; инновационное развитие основывается на внедрении новой техники и передовых технологий в экономику. Сущность инновации не исчерпывается смыслом нововведения, она (сущность) имеет культуротворческую природу. А это означает, что инновационное развитие экономики следует рассматривать как социокультурное явление.

Инновационная деятельность – это комплексная деятельность в сфере экономики, которая включает в себя совокупность научных, технологических, образовательных, организационных, финансовых и других мероприятий, которые в своей совокупности приводят к коммерческому успеху. Инновационный процесс представляет собой синергию науки и техники, с одной стороны, и государства, образования и предпринимательства – с другой. Именно поэтому в строгом, собственном смысле слова инновация представляет собой основу интеллектуального ресурса, направленного на достижение экономического успеха. Система образования должна быть релевантна инновационному развитию как основа воспроизводства интеллектуального ресурса. Именно эта идея и содержится в концепции «Университет 3.0».

Инновация по своей природе является социокультурным феноменом, поскольку принадлежит не только сфере науки или техники. Чтобы понять смысл этого феномена, следует двигаться в русле логики перехода науки из классической, фундаментальной в постнеклассическую. Культурологический подход к понятию «новация» позволяет определить ее бинарную оппозицию. В качестве таковой выступает традиция, а основным противоречием развития культуры будет «традиция – новация». И данное обстоятельство является принципиальным: понятие «новация» принадлежит не просто науке, а культуре в целом.

Именно поэтому аналогично истине в классической науке новация играет фундаментальную роль в хозяйственно-экономической деятельности человека, рассматриваемой как культуротворчество. Это означает, что модернизация экономики на инновационном пути развития будет успешной лишь тогда, когда будет учитывать не только знаниевую, интеллектуально-технологическую компоненту, но и гуманитарную, связанную с организационно-управленческой деятельностью субъекта: инвестиционной привлекательностью, отлаженным правовым и налоговым механизмом, отсутствием коррупции и патронажем бизнеса со стороны государства. Если хотя бы один из инновационных механизмов будет давать сбой, то инновационная система не заработает в полную силу [2].

Инновационное образование. Рассмотрим ситуацию экстраполяции инновационного подхода на другие сферы культуры, в частности на образовательную онтологию. При проектировании, например, инновационной технологии в сфере образования объектом развития является субъект культуротворчества, его личностное развитие. В этом случае также сохраняется требование технологичности – гарантированность результата. Методологический принцип инновационности трансформируется в несколько иное требование, сохраняя при этом основную функцию – приращение в развитии, которое возможно только по завершении цикла развития.

Для решения задачи проектирования инновационной структуры следует рассмотреть процесс создания и организации системы. Поэтому для построения системы в первую очередь следует учитывать состав ее элементов, структуру, а также выполнение системой и ее элементами определенных функций. Отличительное свойство элемента – необходимое прямое участие в функционировании системы. Система не сможет существовать, а значит, функционировать и развиваться, если у нее будет отсутствовать хотя бы один элемент. Элементы – это относительно неделимые части целого, объекты или операции, которые имеют минимальную структуру для выполнения соответствующих функций. Элемент считается неделимым в пределах сохранения определенного качества системы.

Структура – это закономерные устойчивые связи между элементами системы, отражающие пространственное и временное расположение элементов и характер их взаимодействия. Структура является важнейшей характеристикой системы, так как при одном и том же составе элементов, но при различном взаимодействии между ними меняется и назначение системы, и ее возможности. Функция характеризует поведение системы в определенной среде. Как правило, функции проявляются в форме действий и воспроизводят возможности системы.

С точки зрения конструктивной методологии при проектировании системы процесс идет в следующей последовательности: проблемная ситуация – цель – функция – состав и структура – внешние условия. В конструктивной системе цель задается человеком, и она определена для выполнения

полезной функции. Выявление цели – результат понимания потребности. Возникновение потребности, осознание цели и формулирование функции – процессы, происходящие внутри человека. Выделяют также внешний план деятельности, который осуществляется во внешней среде – методы и средства, помогающие реализовать представленную цель.

Структурная модель инновационного образования. Университет как социально-культурная институция сегодня сталкивается с серьезными политическими и экономическими вызовами: необходимость облегчения доступа к высшему образованию, непосредственное участие в социально-экономическом развитии страны, соответствие принципам функционирования рыночной экономики и т. д. Университет больше не может рассматриваться только как государственно-образовательная система вне рыночной экономики и инновационного развития. В условиях реальной конкуренции образовательные учреждения вынуждены бороться за студентов, финансирование, развивать исследования и научно-технологические разработки, уделять особое внимание развитию отношений с внешними заинтересованными сторонами народно-хозяйственной сферы. А это требует полного изменения существующей структуры управления, финансирования, организации и т. д. В новых условиях образовательным учреждениям необходимо сблизиться с обществом, включиться в решение социальных проблем, трансформировать свою структуру таким образом, чтобы быть готовыми приспосабливаться к развитию современных технологий, появлению альтернативных форм высшего образования (виртуальные университеты) и др.

Появление концепции «Университет 3.0» – следствие как внутреннего развития образовательных элементов (внутренней структуры), так и внешнего на них воздействия, в том числе повышения ценности знаний в обществе и потребности в инновациях (внешней среды). Сегодня, чтобы удовлетворять потребности собственного окружения, а также способствовать региональному и национальному экономическому развитию, постепенно улучшать свое финансовое положение и положение своих работников, университет вынужден стать «предпринимательским». Важно отметить, что некоторыми учеными концепция такого университета воспринимается как угроза его традиционной целостности, однако нужно понимать, что концепция «Университет 3.0» предполагает не снижение роли исследований в образовательном процессе, а некоторое их преобразование в сторону практической, коммерческой ориентированности.

Согласно схеме, основными компонентами системы являются:

1. Предпринимательское ядро университета, представляющее собой элементы, выполняющие основные образовательные и исследовательские функции, и надорганизационную структуру интегрированного университета.

2. Развитая университетская периферия предполагает наличие междисциплинарного университета, практико-ориентированных исследователь-

ских центров, работающих над адаптацией интеллектуальных ресурсов университета к потребностям бизнес-сообщества (прикладные исследования) и осуществляющих контроль над ней, обеспечивающих помощь в сборе средств, развитие контактов с выпускниками, развитие карьеры студентов, организацию сотрудничества с другими подразделениями университета.

3. Коллегиальное лидерство, играющее существенную роль в процессе трансформации структуры университета. Наличие сильного руководства напрямую связано с созданием новой структуры управления, поощряющей, в том числе, инициативность, достижение целей команды впереди реализации личных целей.

4. Диверсифицированное финансирование предполагает создание университета, в той или иной степени независимого от государственных источников финансирования, что соответствует положениям концепции «Университет 3.0». Финансовая независимость позволяет университету запускать и внедрять проекты и исследования, соответствующие сфере его собственных интересов, его приоритетам, предотвращает нежелательную коммерциализацию университетских услуг, формируя чувство контроля над своим развитием.

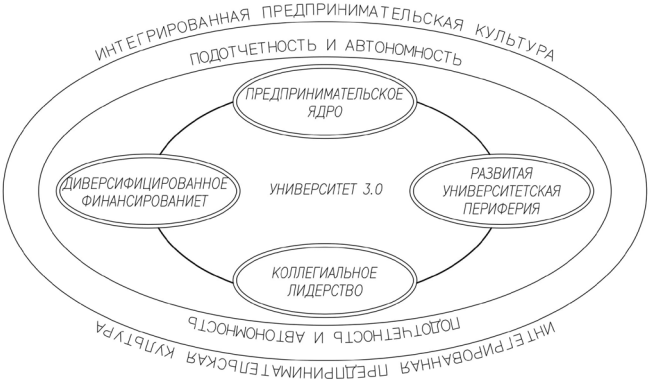


Рис. 1. **Структурная модель концепции «Университет 3.0»**

Важными принципами концепции «Университет 3.0» также являются:

1. Подотчетность и автономность. Благодаря ответственному отношению к окружающей действительности университет получает право на самостоятельность при осуществлении своей деятельности, стараясь при этом привести свои исследования в соответствие с нуждами среды. Таким образом, окружение «принимает» университет в качестве партнера, вовлекает его в реализацию своих проектов и решение возможных проблем, способствует увеличению доходов университета и, как следствие, его независимости.

2. Интегрированная предпринимательская культура. Для правильного функционирования концепции «Университет 3.0» необходимо, чтобы перечисленные выше компоненты системы были способны к предпринимательскому поведению, под которым подразумевается активная деятельность в среде, прогнозирование спроса, возможных тенденций и соответствие им, постоянное исследование инновационных продуктов, процессов, методов обучения и т. п., способность быстро принимать решения в неопределенных условиях.

Инновационная реструктуризация научно-образовательных учреждений. Для внедрения и функционирования концепции «Университет 3.0» в систему образования Беларуси важно создать инновационную инфраструктуру, призванную стать основным способом поддержки инновационного развития университета. Классическая наука и образование для успешного развития и функционирования в форме производства знаний, научных разработок, а также специалистов создало соответствующую инфраструктуру. Создание постнеклассического интеллектуального ресурса – инновационной, практико-ориентированной науки и образования – для коммерциализации научных разработок и исследований, подготовки креативных специалистов требует дополнения существующей инфраструктуры новыми элементами инновационной инфраструктуры [3]. К базовым элементам инновационной инфраструктуры относятся: бизнес-инкубатор, бизнес-акселератор, венчурный фонд, стартап-движение, коворкинг и др. Проектирование образовательных и консалтинговых ресурсов поддержки и сопровождения инновационной деятельности содержит так называемые треки развития инновации, которые составляют инновационный цикл. В том числе:

1. Интеллектуально-образовательный трек инновационного развития (ИР) 1.1 Pre-startup стадия. Творчество – изобретение – инновация. Инновационный цикл. 1.2. Определение проблемы и зарождение идеи. Теория решения изобретательских задач (ТРИЗ). Бизнес-план. 1.3. Проведение научных исследований и разработок. НОВАЦИЯ.

2. Хозяйственно-правовой трек ИР 2.1. Создание интеллектуальной собственности 2.2. Основы патентоведения. Формула изобретения. ПАТЕНТ.

3. Инженерный трек ИР 3.1. Проектирование и конструирование. 3.2. Лабораторное и промышленное прототипирование. ПРОТОТИП.

4. Промышленный трек ИР 4.1. (Поиск изготовителя) (fabless-модель бизнес-производства). 4.2. Испытания и сертификация. ОПЫТНАЯ ПАРТИЯ.

5. Экономический трек ИР 5.1. Экономическая и управленческая модель бизнеса. 5.2. Бизнес-идея, основные бизнес-процессы. 5.3. Бизнес-планирование. БИНЕСС-ПРОЦЕСС, БИЗНЕС-ПЛАН (структура).

6. Финансово-инвестиционный трек инновационного развития 6.1. Инвестиционное финансирование. (Презентация. Слайды). 6.2. Инвестор, венчурное финансирование. 6.3. Краудфандинг. ИНВЕСТИЦИЯ.

7. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ВЫПУСК.
8. МАСШТАБИРОВАНИЕ БИЗНЕСА.

В целом специфика применения инструментов инновационного образования заключается в достижении симбиоза современной науки, образования и бизнеса. Основная форма реализации этих инструментов – осуществление совместных образовательных проектов, позволяющих студентам получить не только высокотехнологичные знания, но и навыки порождения и предпринимательской реализации инноваций. Нужно внимательно изучить также международный опыт внедрения описываемой концепции [4]. Так, существует значительная разница в определении «предпринимательского» университета в разных частях мира: процесс преобразования университета в США – восходящий, в Европе – нисходящий, т. е. инициатива для преобразования начинается с правительства, увеличивая тем самым его влияние. Такая разница является примером того, как система реагирует на окружающие факторы, выбирая для себя наиболее приемлемый путь преобразований. Очевидно, трансформация системы образования Беларуси требует адаптации международного опыта, принятия взвешенных решений и выбора адекватного существующей ситуации пути преобразования.

Список использованных источников

1. *Старжинский В. П.* Гуманизация инженерного образования: философско-конструктивный подход / В. П. Старжинский. – Минск: Ремика, 1997. – 195 с.

2. *Старжинский В. П.* На пути к обществу инноваций / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – 2-е изд. – Минск: РИВШ, 2017. – 454 с.

3. Oberman Peterka, PhD, Velimir Salihovic, mag. oec. «What is entrepreneurial university and why we need it?»

4. *Старжинский В. П.* Механизмы рыночной интеграции научно-технологической и образовательной деятельности вуза / В. П. Старжинский // Беларусь в условиях глобализации и интеграции: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 25 окт. 2018 г. – Минск, 2018. – С. 160–166.

(Дата подачи: 27.02.2019 г.)

Е. Н. Зуева
Республиканский институт высшей школы, Минск

E. Zuyeva
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 37.014.3

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

EDUCATIONAL MODELS IN THE MODERN WORLD

В статье изучаются основные подходы к классификации и характеристики моделей образования в условиях постнеклассической рациональности. Анализируются тенденции

развития мирового образовательного пространства. Рассматриваются направления в становлении новой парадигмы национальной системы образования Республики Беларусь.
Ключевые слова: образование; модель; система образования; модель образования; парадигма образования.

The article studies the main approaches to the classification and characteristics of education models in the context of post-non-classical rationality. Analyzes trends in the global educational space. Consideres directions in the formation of a new paradigm of the national education system of the Republic of Belarus.
Keywords: education; model; education system; model of education; paradigm of education.

В условиях постнеклассической рациональности образование рассматривается с позиции ведущего фактора социально-экономического прогресса, что связано с переосмыслением ценности знаний, капитала и труда в связи с осознанием личностью ответственности за будущее, необходимостью быстрого реагирования на вызовы и угрозы, а также укреплением конкурентоспособности на рынке труда. Данному процессу предшествовали:

- гонка вооружений, которая требовала особого подхода в сфере науки и техники, что послужило стимулом для реформ в образовании в 60–70-е годы XX века;
- очевидность факта взаимосвязи культурного и интеллектуального развития человека в контексте будущего человечества в 80-е годы XX века.

Поэтому сегодня вопросам сущности и содержания образования придается все большее значение. Инновационные процессы прочно входят в обиход: пути реформирования, поиск нового и креативного становится актуальным на всех уровнях, а государственно-общественный характер управления в сфере образования Республики Беларусь предполагает обсуждение вносимых нововведений. Вместе с тем возникает вопрос: действительно ли необходимы изменения и не возникают ли инновации ради инноваций?

В своем выступлении на Республиканском педагогическом совете Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Образование – настолько сложный процесс, что взять и через колено что-то сломать, особенно в целом систему образования, и выстроить новую не получится» [1].

Исходя из вышеизложенного, актуальным представляется вопрос анализа сущностных характеристик современных образовательных моделей для определения возможностей реформирования образования в соответствии с требованиями времени.

В соответствии с действующим Кодексом Республики Беларусь «Об образовании» под образованием понимается «обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на усвоение знаний, учений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося» [2].

В литературе можно встретить такие термины (зачастую выступающие синонимами), как система образования (в том числе национальная система образования), парадигма образования, модель образования или образова-

тельная модель, а также модель обучения, используемая для определения организации учебного процесса. Однако многообразие их толкований и ситуаций использования позволяет сделать вывод о том, что в настоящий момент не существует единого подхода, в том числе методологического, к их определению.

Согласно ст. 11 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании», под системой образования понимается «совокупность взаимодействующих компонентов, направленных на достижение целей образования (формирование знаний, умений, навыков и интеллектуальное, нравственное, творческое и физическое развитие личности обучающегося), включающая в себя систему дошкольного образования, систему общего среднего образования, систему профессионально-технического образования, систему среднего специального образования, систему высшего образования, систему послевузовского образования, систему дополнительного образования детей и молодежи, систему дополнительного образования взрослых, систему специального образования» [2].

В педагогическом словаре под парадигмой образования понимается совокупность теоретических, методологических и иных установок, принятых научным педагогическим сообществом на каждом этапе развития педагогики, которыми руководствуются в качестве образца (модели, стандарта) при решении педагогических проблем или определенный набор предписаний (регулятивов) [3].

Под моделью понимается система элементов, воспроизводящая определенные стороны, связи, функции предмета исследования (оригинала), соответственно, модель образования нами понимается как система знаний об обучении, воспитании и развитии в интересах общества и государства, направленная на формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося. Также возможно рассмотрение модели образования с точки зрения научного подхода или научной школы.

Рассмотрим основные подходы к классификации моделей образования, встречающиеся в педагогической и философской литературе.

Научной школой человекосообразного образования А. В. Хуторского выделяются монологичная (традиционная) и диалогичная (инновационная) модели образования. В монографии «Обучение через открытие: в поисках ученика» А. Д. Король, используя метафоры «чистый лист» и «семя неизвестного растения», сравнивает образовательные модели Запада и Востока, представления о природе личности, смыслах и целях образования [4, с. 13]. Традиционная (монологичная, западная) модель образования приводит к потере человека, его пассивности и отрыву от реального мира [4, с. 35]. В педагогике диалога или инновационной образовательной модели обучаемый в процессе творческой самореализации создает свой образовательный продукт и выстраивает индивидуальную образовательную траекторию [5, с. 229].

М. В. Кларин выделяет традиционные («знаниевые» или субъект-объектные, ставящие своей целью формирование знаний, умений и навыков) и инновационные (развивающие или субъект-субъектные, направленные на сотрудничество между учителем и учеником при достижении целей образования) образовательные модели [6].

Н. В. Бордовская и А. А. Реан выделяют следующие модели [7, с. 69]:

• модель образования как государственно-ведомственной организации – подразумевает ведомственную организацию образования с централизованной постановкой целей, содержания, определения типа учреждений и состава учебных дисциплин, что позволяет распределять средства, но не учитывает индивидуальные характеристики обучающихся;

• модель развивающего образования (В. В. Давыдов и др.) – предполагает рассмотрение образования как «звена социальной практики», что дает возможность оперативно реагировать на изменяющиеся требования рынка труда;

• традиционная модель образования (Д. Равич, Ж. Мажо и др.) – представляет собой модель систематического академического образования как «способа передачи обучающимся универсальных элементов культуры» и позволяет сформировать широкий кругозор у обучающихся;

• рационалистическая модель образования (П. Блум и др.) – основана на адаптации образования к существующим социальным условиям, его специализацию, что существенно ограничивает возможности оптанта;

• феноменологическая модель образования (А. Маслоу, К. Роджерс и др.) – центрируется на личности обучающегося, его психологических характеристиках и предполагает индивидуальный подход, что, в свою очередь, приводит к вопросу экономической целесообразности в силу роста затрат на обучение и предъявляемых требований к профессиональной подготовке педагогов;

• неинституциональная модель образования (Дж. Холт, И. Иллич и др.) – предполагает образование вне социальных институтов при условии, что обучающийся готов организовать свою учебную деятельность и имеет сильную мотивацию самообразования. Данная модель рассматривается как дополнительная, поскольку при таком подходе у обучающегося отсутствует возможность получения документа об образовании [7, с. 70].

В свою очередь И. П. Подласый выделяет технократические (направленные на формирование знаний, учений, навыков) и гуманистические (направленные на гармоничное развитие личности обучающегося) модели образования [8].

В юбилейном докладе Римского клуба «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet» основной задачей, стоящей перед образованием, формулируется «формирование у молодежи грамотности в отношении будущего» [9]. Существующая традиционная система образования, определяемая как «поддерживающее обучение», опи-

рается на прошлое и основывается на конкретных вопросах с уже известным результатом, что, по мнению авторов доклада, привело ее к кризису. В противовес была выдвинута альтернативная модель «инновационного обучения», предполагающая «выработку у обучаемых способности к проектной детерминации будущего» [10, с. 17]. Достижение поставленной цели возможно в ситуации, если образование будет основываться на «связанности», использовании информационных технологий, формировании личной мотивации, носить выраженный аксиологический характер, базироваться на принципах устойчивости, а также способствовать развитию интегрального мышления и исходить из плюрализма содержания [9].

Автор гуманной педагогики Ш. А. Амонашвили в классификации парадигм образования выделяет авторитарно-императивную, базирующуюся на установках подчинения обучения и воспитания детей целям и воле взрослого, что приводит к актуализации проблемы дисциплины и возможности наказания ребенка, и гуманную, предполагающую сотворчество собственного развития ребенка и реализацию его творческого потенциала [8].

О. Г. Прикот выделяет естественнонаучную, технократическую, эзотерическую, гуманистическую и полифоническую парадигмы образования [11].

Естественнонаучная парадигма в классификации О. Г. Прикота соответствует идеям воспитания Ж.-Ж. Руссо, опирается на субъектно-объектные отношения и подразумевает экспериментальную проверку истины.

Технократическая парадигма образования также основывается на субъектно-объектных отношениях, однако предполагает целесообразность смоделированного объекта действительности.

Эзотерическая парадигма характеризуется объектно-объектным отношением учителя как транслятора Истины и ученика, ее принимающего.

Гуманистическая парадигма характерна для работ Я. Корчака, поскольку базируется на субъектно-субъектных отношениях учителя и ученика, а также находит свое выражение в диалоге с поиском уникальных смыслов.

В свою очередь полифоническую парадигму образования можно определить как равноправную деятельность всех участников образовательного процесса, ставящих целью свою собственную реализацию. Причем данная научно-педагогическая парадигма выделяется О. Г. Прикотом как парадигма будущего.

Интересный подход с позиции адаптации школы к учащимся предложил Е. А. Ямбург [8]. Он выделил две парадигмы – когнитивную и личностную, причем полагал, что необходимо комбинированно применять на практике данные модели, поскольку в центре образования находится ученик со своими возможностями и потребностями. Когнитивная парадигма ориентируется на интеллектуальное развитие и рассматривает образование и воспитание с этой точки зрения. Личностая парадигма акцентирует внимание на социальное и эмоциональное развитие личности ребенка. Благо-

даря комбинации парадигм, согласно автору, достигается аксиологическая цель и целостность адаптивной школы [8].

Согласно И. А. Колесниковой, педагогическая парадигма «характеризует типологические и смысловые границы существования субъекта педагогической деятельности в пространстве профессионального бытия» [12, с. 84]. В своей классификации она выделила парадигму традиций, научно-технократическую и гуманитарную парадигмы исходя из исторического развития «парадигмальных пространств» [12, с. 85].

Парадигма традиций представляет собой модель образования, базирующуюся на традиционных образцах обучения и воспитания, а также принятия опыта предыдущих поколений. Учение представляло собой Путь к Истине с помощью Учителя [12, с. 86].

Научно-технократическая парадигма образования основывается на представлениях о существовании объективной истины, а оценка результата осуществляется в жесткой системе бинарных позиций [12, с. 86]. Знание ограничено рамками научно-технического прогресса и быстро устаревает, а общение в формате «учитель – ученик» реализуется лишь в форме монолога.

Гуманитарная парадигма образования, согласно И. А. Колесниковой, «формировалась по мере реализации стремления человечества проникнуть в глубины субъективного мира» и считает учащегося «основной педагогической ценностью» [12, с. 87]. В основе данного подхода лежат работы Сократа, Д. Дьюи, В. С. Библера и др. И именно в гуманитарной парадигме образования, по мнению И. А. Колесниковой, педагогический процесс диалогичен и характеризуется взаимным обогащением ученика и учителя [12, с. 89].

Суммируя вышесказанное, традиционная образовательная модель характеризуется монологичностью, целенаправленным усвоением знаний в рамках формирующего воспитания, субъект-объектными отношениями между педагогом и обучающимся с четко очерченными ролевыми обязанностями и игнорированием индивидуальных свойств при осуществлении педагогического воздействия, а также стандартизацией образовательного процесса.

Помимо авторских подходов к определению образовательных моделей выделяют национальные и региональные системы образования. Глобализационные процессы в условиях постнеклассической рациональности привели к активному развитию международного образовательного пространства, для которого характерны следующие тенденции:

- образование стало массовым (включая высшее) с изменением требований к его качеству;
- происходит актуализация межгосударственного сотрудничества в области образования;
- возрастание роли гуманитарного образования в формировании «компетенций будущего»;

• наблюдается формирование поликультурного пространства с активным внедрением инноваций, с одной стороны, и с сохранением национальных/региональных особенностей системы образования – с другой [13].

• Анализируя мировое образовательное пространство, можно выделить три типа регионов по признаку взаимного сближения и взаимодействия образовательных моделей:

• регионы-генераторы интеграционных процессов (Западная Европа с идеей единства образовательных реформ 90-х гг. XX в. и внедрением Болонского процесса в высшей школе, США, Канада, а также Азиатско-Тихоокеанский регион с пересмотром требований к качеству);

• регионы, позитивно реагирующие на интеграционные процессы (Латинская Америка);

• инертные регионы (большая часть африканского региона) [13].

Национальная система образования Республики Беларусь, активно включаясь в общемировые процессы (в том числе вхождение в Болонский процесс в 2015 году) и внедряя инновационные подходы (дистанционное обучение, IT-технологии, креативные методы обучения), стремится к совершенствованию. Приоритетные направления развития образования обозначены в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года и включают в себя:

• обновление содержания, структуры и организации образования;

• организацию непрерывного образования в течение всего жизненного цикла;

• укрепление интеграции между производством, наукой и системой профессионального образования;

• развитие национальной системы квалификации, внедрение профессиональных и совершенствование образовательных стандартов;

• модернизацию материально-технической и социально-культурной базы учреждений образования, формирование «облачной» информационно-образовательной среды, содержащей качественные ресурсы и услуги и базирующейся на современных технических средствах информации;

• улучшение кадрового обеспечения системы образования, совершенствование профессиональных компетенций и повышение социального статуса педагога в обществе;

• развитие инклюзивного образования [14, с. 33–34].

Реализация данных направлений будет способствовать переходу к новой парадигме образования, целью которой станет «формирование личности с системным мировоззрением, критическим, социально и экологически ориентированным мышлением и активной гражданской позицией» [14, с. 35].

Таким образом, современные вызовы социокультурной среды предполагают системный пересмотр парадигмальной политики для оптимального решения задач, стоящих перед системой образования.

Список использованных источников

1. Белорусское телеграфное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/. – Дата доступа: 22.02.2019.

2. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: 13 янв. 2011 г., № 243-З: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

3. *Коджаспирова, Г. М.* Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 176 с.

4. *Король, А. Д.* Обучение через открытие: в поисках ученика: книга для учителя и родителя / А. Д. Король. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Выш. шк., 2019. – 253 с.

5. *Зуева, Е. Н.* Развитие и становление личности в современных дидактических системах / Е. Н. Зуева // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. – Минск, 2018. – Вып. 17. – С. 229.

6. *Кларин, М. В.* Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта) / М. В. Кларин. – Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. – 176 с.

7. *Бордовская, Н. В.* Педагогика / Н. В. Бордовская, А. А. Реан. – СПб.: Питер, 2000. – 304 с.

8. *Джуринский, А. Н.* История педагогики: учеб. пособие для студ. педвузов. / А. Н. Джуринский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 432 с.

9. *von Weizsaecker, E.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet / E. von Weizsaecker, A. Wijkman. – Springer, 2018. – 220 p.

10. *Аношкина, В. Л.* Образование. Инновация. Будущее. (Методологические и социокультурные проблемы) / В. Л. Аношкина, С. В. Резванов. – Ростов н/Д: Изд-во РО ИПК и ПРО, 2001. – 176 с.

11. *Прикот, О. Г.* Педагогика отождествления и педагогическая системология [Текст] / О. Г. Прикот; Санкт-Петербург. гос. ун-т пед. мастерства. – СПб.: TVP incorporated, 1995. – 260 с.

12. *Колесникова, И. А.* Педагогические цивилизации и их парадигмы / И. А. Колесникова // Педагогика. – 1995. – № 6. – С. 84–89.

13. *Лиферов, А. П.* Интеграция мирового образования – реальность третьего тысячелетия / А. П. Лиферов. – М.: Славян. школа, 1997. – 226 с.

14. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 22.02.2019.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

А. Г. Иценко
Барановичский государственный университет, Барановичи

A. Itsenko
Baranovichi State University, Baranovichi

УДК 21+37.014:316.74

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗНАНИЙ О РЕЛИГИИ В СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ: БЕЛОРУССКИЙ КОНТЕКСТ

THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF KNOWLEDGE ABOUT RELIGION IN A SECULAR SCHOOL: THE BELARUSSIAN CONTEXT

В статье поднимается проблема возможности интеграции религиозных/религиоведческих курсов в структуру светского образования на уровне общеобразовательной школы. Данный вопрос рассматривается в контексте взаимодействия государства, гражданского общества и религиозных организаций. Отмечено, что в рамках светского государства можно говорить об интеграции в школу знаний о религии при соблюдении ряда условий: преподавание курса факультативно и на основе религиоведческого методологического принципа внеконфессиональности.

Ключевые слова: религия и образование; знания о религии, светское государство; религиоведение.

In the article raises the problem of the possibility of integrating religious/religious studies courses in the structure of secular education at the secondary school level. This question is considered in the context of interaction between the state, civil society and religious organizations. It is noted that within the framework of a secular state one can speak about integration of knowledge about religion into a school under a number of conditions: teaching the course is optional and based on the religious theory methodological principle of non-confessional.

Keywords: religion and education; knowledge about religion; secular state; religious studies.

На всех этапах истории религия присутствовала в общественном пространстве, что позволило религиоведам среди других «homines» выделить еще и «Homo religiosus». Социологи считают, что в структуре социальной системы и его институтов особым элементом является и религиозный институт. Современные философы (Ю. Хабермас, Х. Казанова) сходятся на том, что религия с ее мировоззренческими установками в конце XX в. стремительно входит в социальное пространство (т. н. «постсекулярная ситуация»), а значит, так или иначе затрагивает и сферу светского образования. Эта проблема требует широкой общественной дискуссии и осмысления прежде всего представителями научного сообщества: философами, религиоведами, социологами, педагогами.

Вопросами интеграции знаний о религии в структуру общеобразовательной школы занимались как белорусские исследователи (Т. Баталко, Т. Виноградова [1], В. Борецкая [2], В. Старостенко [17], С. Карасёва,

Е. Шкурова [7]), так и ученые-гуманитарии постсоветских стран, в частности России и Украины (Е. Степанова [4], В. Кришмарел [19], С. Лебедев [10], В. Меньшиков [12]), анализируя и свой, и зарубежный опыт. Рефлексии российских и украинских исследователей особенно ценны в силу схожести конфессионального поля (доминирование христианской традиции в православном её сегменте), а также того исторического пути, который мы прошли вместе в границах Российской империи и СССР. В 2014 г. в Минске состоялась международная конференция, посвященная месту религии в образовательном пространстве светских обществ, на площадке которой остро обсуждались разные аспекты этой проблемы (философский, юридический, педагогический, социологический, теологический) [14], что свидетельствует об актуальности данного тематического поля.

Исторически на белорусских землях статус религии был разным: от господствующего с момента крещения Руси до притеснений в период существования СССР, где государственная школа становится секулярной, а, учитывая идеологию нового государства, фактически атеистической. В 1991 г. Беларусь обретает независимость и начинает строить демократическое светское государство.

На сегодняшний день в Беларуси проводится сбалансированная конфессиональная политика, религия присутствует в социальном пространстве наряду с другими социальными институтами. Мир динамично развивается, и по государственно-церковной линии отношений появляются определенные моменты, требующие тонких подходов и корректировки. Исследователи отмечают, что существует разрыв между ситуацией присутствия религии в школе de-jure (закреплен светский характер образования) и de-facto (конфессии, прежде всего Белорусская православная церковь (БПЦ), своими инициативами вносят клерикальный элемент в школу) [2; 7; 17]. И хотя на сегодня в стране соблюдается благоприятная межконфессиональная ситуация, если эту коллизию не разрешить, нельзя полностью исключать возникновения гипотетической возможности социального напряжения. В. Старостенко, например, видит в нынешнем положении дел угрозу светскости белорусского общества именно через «клерикализацию школьного образования», прежде всего внедрением курсов с теологической направленностью, поскольку «теология не является формой светского образования, попытки ее внедрения в государственную систему образования противоречат нормам правового поля» [17, с. 316, 323].

С точки зрения юридической стороны вопроса следует отметить, что линии соприкосновения религии и образования регламентируют целый ряд законов. Так, Конституция Беларуси рядом своих статей (16, 31) фиксирует свободу совести и равенство религий в государстве, при этом уточняется, что «взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [9].

Закон о свободе совести и религиозных организациях уже в преамбуле, после фиксации прав на свободу совести, вероисповедания и равенство всех перед законом, отмечает «определяющую роль Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа», указывая также на особую роль католической, протестантских конфессий, а также иудаизма и ислама [5]. Кодекс об образовании четко и недвусмысленно фиксирует: «В учреждениях образования не допускаются… противоречащая законодательству деятельность религиозных организаций». Но уже следующий параграф той же статьи уточняет: «Учреждения образования в вопросах воспитания на основании письменных заявлений обучающихся… во внеучебное время могут взаимодействовать с зарегистрированными религиозными организациями с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [8].

На официальной веб-странице Уполномоченного по делам религий и национальностей РБ указано: «Конфессиональная политика государства направлена на поддержание и укрепление межконфессионального мира и согласия в белорусском обществе, развитие взаимодействия с исторически традиционными конфессиями, в первую очередь с Белорусской православной церковью…» [6]. В 2003 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между государством и БПЦ как с культурообразующей конфессией. Согласованы совместные программы, предполагающие участие церкви «в сферах воспитания и образования, науки, культуры, здравоохранения, социальной защиты, охраны окружающей среды» [16].

Итак, законодательно Беларусь идентифицирует свою многоконфессиональность и религиозную гетерогенность, обеспечивающая права и свободы всех религий и атеистов, деятельность которых не противоречит законам. Но если законодательно государство и закрепило свой поликонфессиональный статус, реальность ее религиозного поля далека от паритетности конфессий.

Религия – сложный и структурно полиэлементный феномен, проявляющийся на индивидуальном, групповом и социальном уровнях, а следовательно, сложно поддается только количественному измерению. Французский религиовед М. Малерб отмечает: «Нет ничего более ненадежного, чем пытаться привести какие-то цифры в области религии, так как она по своей природе является личным делом каждого» [11, с. 47–48]. С ускорением социальной динамики усложняется и фиксация религиозности, ее степеней, уровней, проявлений. Таким образом, корректной представляется оценка религиозности по самоидентификации респондентов.

Приведем количественные данные с целью выявления тенденций развития религиозности Беларуси. По итогам исследования религиозности белорусов исследователи пришли к выводу, что «религиозный выбор осуществляется белорусами преимущественно сознательно в рамках распро-

страненных в обществе традиций. Религия для белорусов (декларирующих свою религиозность. – *А. И.*) является ценностно мотивирующим фактором, способствует формированию осмысленной жизненной позиции и конструктивных нравственных и социальных установок» [13, с. 91].

В процентном соотношении социологические исследования (2016 г.) дают следующую конфессиональную картину по стране. Большинство населения (95 %) идентифицирует себя с определенной конфессией, имея в виду ее институциональные формы: православной – 84 %, католической – 8,5 %, другими – 2,5 %. 5 % респондентов не относят себя ни к какой из конфессий. При этом верующими в Бога назвали себя 64 % опрошенных, затруднились ответить о своей вере 24 %, а 8 % зафиксировали свой атеизм [15, с. 104]. Номинальность религиозности белорусов подтверждает тот факт, что процент респондентов, активно участвующих в культовой жизни, равен 8 %, регулярное посещение богослужения практикуют лишь 5 % [15, с. 105]. В стране зарегистрировано 26 религиозных направлений, 3488 организаций, из которых на долю БПЦ приходится 1643 общины. Вторая по численности христианская конфессия, Римо-католическая церковь, насчитывает 491 общину, протестанты всех деноминаций, вместе взятых, – 1057 общин. Также имеются 52 иудейские и 25 мусульманских общин [6].

Опираясь на вышеуказанные данные, совершенно естественно, что «фаворитизм» государства проявляется в отношении Православной церкви, во-первых, в силу ее абсолютного большинства, во-вторых, в силу влияния ее на историю и культуру страны, а также роль в формировании ментальности и национального характера белорусов. Упомянутое Соглашение о сотрудничестве государства и БПЦ указывает, что «духовные и культурные ценности, хранимые Церковью, представляют собой составную часть исторического достояния Беларуси и национального самосознания». Среди приоритетных направлений сотрудничества среди прочего отмечается «воспитание и образование», по линии которых приняты программы в целях конструктивного сотрудничества [16].

Кодекс об образовании также фиксирует, что обучение и воспитание осуществляются «в интересах личности, общества и государства…» [8], акцентируя внимание на сферу образования, как на вовлекающую в свою орбиту не только личностный и государственный уровни, но и общественный, со всеми социальными институтами, в том числе и религиозными. Нельзя забывать и о культуротранслирующей функции образования, так как именно образование призвано передавать культурные образцы, накопленные веками белорусским народом, обеспечивая принцип преемственности поколений и сохраняя национальную идентичность.

Не возникает ли здесь коллизии? С одной стороны, законодатель фиксирует свободу вероисповеданий и равноправие всех религий, с другой – указывает на определенные преференции некоторым конфессиям. Белорусская религиовед В. Борецкая ориентацию государства на православие расцени-

вает как «факт существования некоторых противоречий в реализации права на свободу совести» [2, с. 94]. Представляется, данный упрек не совсем корректен, поскольку так уж сложилось исторически, что именно православие в большей степени (в меньшей католицизм и протестантизм) повлияло на становление белорусской ментальности, это объективный факт. Православная традиция – неотъемлемая часть белорусской национальной идентичности, и государство вправе выстраивать с этой традицией особый формат отношений. «Государство руководствуется законодательно закрепленным принципом равенства религий перед законом и учитывает их влияние на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа», – зафиксировано в официальных текстах Уполномоченного по делам религий и национальностей [6].

Да и опыт взаимодействия религии и школы в зарубежных странах с развитыми демократическими традициями показывает, что привилегированное положение отдельных религиозных традиций при соблюдении прав и свобод других конфессий – вполне демократичная практика. Например, Греция, член Евросоюза, которую сложно назвать недемократичной, конституционно Православную церковь закрепляет «господствующей» в силу ее влияния на культуру и государственность [3].

Так, в Испании и Бельгии в государственных школах учащийся может выбрать, что ему изучать: католицизм, протестантизм, иудаизм или ислам. В Италии, по Конкордату, в школах даже присутствует Закон Божий. Иная ситуация в секулярной Франции, но и там с 50-х гг. XX в. по закону Бераже государство финансирует конфессиональные школы. В Финляндии религию изучают с первого класса, если есть возможность, то государство предоставляет представителям нелютеранского меньшинства учителя для изучения их религиозной традиции. В Германии систему религиозного образования исследователи называют «конфессиональной», но в целом ситуация зависит от конкретных Земель, так, Конституция Гессенской Земли (ст. 57.1) фиксирует: «Преподавание религии является обычной учебной дисциплиной. Учитель, преподающий религию, связан учением и порядками своей церкви или религиозной общины, не нарушая тем самым права государственного надзора за преподаванием» [4, с. 363]. В Польше по соглашению с Католической церковью курс «Религия» факультативно изучается с 1 по 11 классы. И. Тагунова даже выделяет типы в подходах европейских стран к религиозному образованию в школе: «познавательно-энциклопедический», «познавательно-деятельностный» и «смешанный» [18, с. 23]. Хотя следует указать, что и в европейских странах имеют место острые дискуссии в этом тематическом поле в связи с динамическими социальными сдвигами, а также неоднозначностью практической имплементации принципа мультикультурализма [4, с. 361].

Что касается культурно и исторически родственных нам России и Украины, то в России с 2012 г. был введен курс «Основы религиозных культур и

светской этики» по шести модулям, в т.ч. и «Основам православной культуры». На Украине принят общехристианский модуль «Основы христианской этики» («Христианская этика», «Христианская культура») [19]. В обеих странах курсы носят религиоведческий характер и изучаются факультативно, по выбору.

Конечно же, не стоит механически экстраполировать на наши отечественные религиозно-образовательные реалии готовые схемы, взятые из опыта зарубежных государств, уж слишком уникальными являются страны, каждая со своим историческим путем, этноментальностью, культурой. Но изучать отдельные формы, практики и идеи необходимо, трансформируя и адаптируя этот опыт под отечественный социокультурный ландшафт.

С учетом вышеизложенного, по существу, вопрос стоит следующим образом: как, в какой форме предложить учащимся светской школы знания о религии, чтобы не нарушить принцип светскости, удовлетворить социальный запрос и не нивелировать элементы национальной самобытности и собственной идентичности? Это вопрос не столько предмета изучения, с ним ясно (изучается религия как социокультурный феномен), сколько проблема методологических подходов. Таким образом, необходимо четко определиться с методологией, как на уровне конкретных методов и методик, так и на уровне концептуальных подходов: базовыми должны быть принципы научности и объективности, историзма и внеконфессиональности, конфессиональной толерантности. Т.е. курс должен быть религиоведческим и культурологическим. И здесь не совсем понятен пассаж С. Карасёвой и Е. Шкуровой: «Рассказ о религиозной культуре вряд ли может быть свободен от сообщения вероучительных элементов той религии, в контексте которой культура сформировалась…» [7, с. 10]. Ведь такие же претензии можно адресовать любому другому гуманитарному школьному курсу, тому же религиоведению, поскольку, излагая доктринальные основы любой религии, можно выйти за границы научной нейтральности и уйти в теологическую методологию с ее миссионерским посылом. И здесь претензии скорее к учителю, нарушившему методологические принципы, а не к самому курсу.

Также необходима альтернатива для контингента детей, которые хотели бы изучать общие курсы «Истории религий» или «Религиоведение», хотя при нынешней загруженности школьных программ осилить дисциплину «Религиоведение», куда включена не только история, но и философия, психология, социология, феноменология религии, будет достаточно проблематично.

Таким образом, законодательная база Республики Беларусь в части возможности присутствия знаний о религии в общеобразовательной школе достаточно разработана и сбалансирована. Закон фиксирует свободу исповедовать любую религию или атеизм, равноправие всех религий, при этом он предоставляет традиционным для Беларуси религиям определенные преференции в силу их особого влияния на культуру страны и ментальность

народа, что не противоречит мировому опыту. При признании Беларуси как поликонфессионального государства фактическое положение дел свидетельствует о преобладании населения с религиозной самоидентификацией, а в его среде – православного конфессионального сегмента. Поэтому следует признать, что инициатива религиозных институтов по введению знаний о религии в светскую школу достаточно правомочна и имеет под собой серьезную социальную базу. Удовлетворение социального запроса на религиозное образование в рамках общеобразовательной школы и светского государства может быть полезно как государству, так и религиозным организациям. При этом необходимо соблюдение ряда принципиальных условий: курсы должны преподаваться факультативно и исключительно по желанию родителей и учеников; они должны носить не теологический, а религиоведческий характер; теоретико-методологической базой их должны быть принципы научной объективности, мировоззренческого плюрализма, религиозной толерантности и внеконфессиональности.

Список использованных источников

1. *Баталко, Т. И.* Изучение религии в государственных школах: зарубежный опыт / Т. И. Баталко, Т. Я. Виноградова // Педагогические инновации: традиции, опыт, перспективы: материалы II Междунар. науч.-практ. конфер., Витебск, 12–13 мая 2011 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Н. А. Ракова (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. – С. 230–232.

2. *Борецкая, В. К.* Изучение религии в школе в ситуации поликонфессиональности белорусского общества / В. К. Борецкая // Studia Białorutenistyczne. – Historia, socjologia, kulturoznawstwo. – 2016. – № 10. – С. 91–99.

3. *Венизелос, Е.* Отношения государства и церкви : взгляд через призму конституции / Е. Венизелос ; пер. с греч. О. Федина. – М. : Новое изд-во, 2008. – 169 с.

4. *Витамар, А.* Школа и религия: европейский опыт / А. Витамар, Е. А. Степанова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 11. – С. 361–376.

5. Закон Республики Беларусь о свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс]: 31 октября 2002 г. № 137-З: Принят Палатой представителей 27 июня 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 октября 2002 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 октября 2002 г. – Режим доступа: http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19202054. – Дата доступа: 15.01.2019.

6. Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belarus21.by/Articles/1439296790/. – Дата доступа: 20.01.2019.

7. *Карасёва, С. Г.* Знания о религии в школах Беларуси: состояние и перспективы / С. Г. Карасёва, Е. В. Шкурова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2015. – 163 с.

8. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: 13 января 2011 г. № 243-З: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2016 г. – Режим доступа: http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243. – Дата доступа: 10.01.2019.

9. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/. – Дата доступа: 09.01.2019.

10. *Лебедев, С. Д.* К социологическому анализу рефлексии религии в светском образовании / С. Д. Лебедев // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной): материалы III Междун. науч. конфер. НИУ «БелГУ», 13 сент. 2013 г. / отв. ред. С. Д. Лебедев. – Белгород : ИД «Белгород», 2013. – С. 155–161.

11. *Малерб, М.* Религии человечества / М. Малерб. – М.; СПб.: Рудомино, Университет. книга, 1997. – 600 с.

12. *Меньшиков, В. М.* Зачем изучать религию в общеобразовательной школе? / В. М. Меньшиков // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. – 2011. – Вып. 4(23). – С. 37–45.

13. Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012–2015) / С. Г. Карасева [и др.] // Философия и социальные науки. – 2016. – № 1. – С. 82–91.

14. Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы: материалы Междун. науч. конф., Минск, 27–28 мая 2014 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: Т. И. Адуло [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2014. – 439 с.

15. Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. матер. социологических исследований за 2016 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь; под общей ред. А. П. Дербина. – Минск, 2017. – 208 с.

16. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/. – Дата доступа: 10.01.2019.

17. *Старостенко, В. В.* Религия и образование: правовые основы и практика взаимоотношений в Республике Беларусь / В. В. Старостенко // Религия как социальный институт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Е. С. Элбакян [и др.]. – М.: Изд-во АТиСО, 2011. – С. 312–323.

18. *Тагунова, И. А.* Религия в светской школе: «за» и «против»? / И. А. Тагунова // Вестник Университета Российской академии образования. – 2007. – № 3. – С. 20–23.

19. *Кришмарел, В. Ю.* Релігійна освіта в державних школах: європейський та український контекст / В. Ю. Кришмарел // Релігієзнавчі нариси. – 2011. – № 2. – С. 98–106.

(Дата подачи: 25.02.2019 г.)

А. В. Козлов
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск

A. Kozlov
Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk

УДК 1(091)

ГАРАНТИРОВАННЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

GUARANTEED BASIC INCOME: ECONOMIC AND MORAL DIMENSION

В статье проведен анализ экономического и этического измерений безусловного базового дохода как способа гуманизации общественных отношений.

Ключевые слова: гарантированный базовый доход; социально-ориентированное государство; гуманизация общественных отношений.

In the article it is analysed the economic and ethical dimensions of universal basic income as a way of humanization of social interactions.
Keywords: guaranteed basic income; welfare state; humanization of social interactions.

Социально-ориентированное государство выполняет ряд важных функций. Одним из центральных объектов его внимания является сфера распределительных отношений. Для гуманизации последних огромное значение имеет реализация идеи гарантированного базового дохода.

Цель статьи – презентация безусловного базового дохода как способа гуманизации общественных отношений.

Безусловный базовый доход – это систематические выплаты гражданам денежных пособий или гарантированное количество товаров и услуг, на которые имеет право каждый человек независимо от того, в каком трудовом статусе он находится, то есть является работающим или безработным, для поддержания его материального существования на достойном уровне.

История развития взглядов на базовый доход имеет глубокие исторические и теоретические корни. Многие мыслители, представители политической мысли высказывались в той или иной степени о проблеме базового дохода. Мы укажем лишь основных представителей, кто рассматривал эту проблему и выносил на широкое обсуждение публики.

Один из первых, кто высказал эту идею, был Томас Мор в своем произведении «Утопия». Описывая идеальный остров с «безукоризненным» строем, Т. Мор предлагает не только лучшее устройство, но и критикует современный социально-политический строй. Так, рассуждая о благосостоянии людей в стране и заботе о них со стороны короля, он пишет: «…необходимо выплачивать все то, что наросло в казне выше указанного законного размера» [2, с. 85]. Имеется в виду, что казна не должна превышать и хранить денежные средства более положенного лимита. Однако автор эпохи Возрождения ограничился данной мыслью и его рассуждения на эту тему не обернулись в концепцию базового дохода, он лишь подчеркивал, что проблема грабежей не может быть устранена посредствам наказания, а намного благоразумней обеспечить всех граждан, чтобы искоренить причину, по которой люди нарушают закон.

Первый, кто предлагает систематически и последовательно выплачивать денежные средства, невзирая на статус человека, работает он в этот момент или нет, состоятельный или бедный, был Томас Пейн в своем произведении «Аграрная справедливость». Он исходил из идеи, которая утверждает, что каждый человек по рождению имеет право пользоваться землей, но в силу возникновения цивилизации, многие не могут пользоваться своим естественным правом. Поэтому необходимо компенсировать эту несправедливость регулярными денежными выплатами: «Создать национальный фонд,

из которого каждому лицу, достигшему двадцати одного года, выплачивалась сумма в 15 фунтов стерлингов как частичная компенсация за потерю его или ее естественного наследства, вследствие введения поземельной собственности; а также сумму в 10 фунтов стерлингов ежегодно и пожизненно каждому человеку, достигшему в настоящее время возраста пятьдесят лет, а ровно и всем другим, когда они достигнут этого возраста» [3, с. 384]. От выплат никто не освобождался, но даже сверх этого, Т. Пейн говорит о необходимости выплачивать незрячим и калекам моложе этого возраста и престарелым беднякам. Автор «Аграрной справедливости» не только предлагает, аргументирует данную справедливость естественным правом, но и делает приблизительные подсчеты о возможности выплачивать гражданам страны компенсацию за потерю своего «природного» права. Он не называет данные выплаты гарантированным доходом, но сама идея очень похожа на современную модель базового дохода.

Все идеи, которые складывались в Новое время и были близки к современному понятию «гарантированного базового дохода» были призваны изжить бедность, материальное расслоение и незащищенность людей. В XX в. одним из таких инициаторов искоренения «пороков» общества был политический и государственный деятель Англии Уильям Беверидж. Он предоставил для заслушивания в парламенте Англии доклад «Социальное страхование и сопряженные с ним услуги» [5]. Гарантированный доход У. Беверидж стремился обеспечить за счет социального страхования для того, чтобы искоренить бедность и обеспечить малоимущих граждан. План предусматривал пособия в обмен на взносы без проверки, какими средствами располагает индивид. Выплаты предусматривались для домохозяек, нетрудоспособных, безработных, детям до 15 лет, а при дневной форме обучения – до 16 лет. Таким образом, план У. Бевериджа был направлен на создание бюджета социальной защиты и формирование социального института защиты малоимущих, главной задачей которого была бы борьба с бедностью и освобождения от нужды. Однако план не смог реализоваться в силу того, что был инициирован в военное время и вскоре его забыли, а сам У. Беверидж не смог завоевать в политике лидирующего места. Стоить отметить, что программа не была приближена к современному понятию «гарантированного дохода», так как предусмотренные выплаты в государстве должны были покрываться за счет отчислений граждан для социального страхования и назначалась исключительно тем, кто внес плату, что несколько противоречит современной идеи базовых выплат.

В середине XX в. в защиту гарантированного дохода с обоснованием его целесообразности выступил немецкий философ и психоаналитик Эрих Фромм в своей статье «Психологические аспекты гарантированного дохода» [4]. В этой статье термин «гарантированный доход» употребляется в современном значении, которое мы определили в начале статьи. Однако главным вопросом остаются аргументы «против» или «за введение» базо-

вой зарплаты. Далее мы покажем, как гарантированный доход способствует гуманизации общества, наделяет индивида истиной свободой, а его эффективность не зависит от менталитета людей.

Гарантированный доход делает человека поистине свободным, свободным от страхов и голода. Здесь присутствует важный психологический момент: обладая минимумом необходимого, индивид сможет отказаться от работы, которая ему не нравится или не устраивают условия труда. В свою очередь работодатель будет стремиться сделать работу приятной и привлекательной, постепенно уйдут в прошлое такие фразы, как «если вас что-то не устраивает – ищите другую работу». Человек опасается голода и невзирая на условия труда будет продолжать трудиться, чтобы прокормить себя и свою семью, чем очень часто пользуются работодатели и чем злоупотребляют начальники. Таким образом, гуманизация общественных отношений будет происходить по необходимости и органично, а не по «указке сверху». Свобода проявится и на моральном уровне. Это значит, что теперь женщины и их дети не будут зависеть от мужа и отца-«сатрапа» и смогут безболезненно уйти и построить новую жизнь, молодые люди смогут быстрее отделиться от родителей и жить самостоятельно, что крайне важно для психологического взросления, стремления стать самостоятельным, ибо зачастую в наших реалиях многие «дети» остаются жить с родителями, когда их возраст превышает 30 лет, боясь самостоятельности, экономической немощи; при такой ситуации зачастую человек отказывается создавать новую семью.

Ситуация уверенности в завтрашнем дне, относительное уравнивание людей в материальном плане – крайне важный момент для гуманизации, духовного роста человека, ведь ситуация недостатка, нужды порождает зависть, эгоизм, тревогу, что в конечном счете ведет и к преступлениям. Ситуация стабильности и изобилия, наоборот, искореняет эти пороки. Человек нередко обречен на постоянный поиск пропитания, это отдаляет его от решения экзистенциальных проблем, поиска себя и ответы на такие вопросы, как «В чем смысл жизни?», «Для чего я предназначен?», «Где мой путь?». Гарантированный доход смог бы решить эту проблему, человек, который осознал себя в другой профессии, смог бы переучиться, получить другую квалификацию, не боясь, что ему не хватит средств к существованию.

Одним из самых главных тезисов – противников гарантированного дохода является положение о том, что если обеспечить человека самым необходимым, то пропадет стимул к труду. Однако это не так, человек по своей природе не ленив, скука является для него большим наказанием, вот почему он ищет постоянные увеселения, развлечения. Индивид, не способный найти себя, свое «Я», одолен скукой, и для ее компенсации призван постоянно искать увеселения. Оплата является не единственным стимулом к труду, многие творческие профессии практически не оплачиваются, но люди невзирая на это работают в этих сферах. Помимо материального вознаграждения для человека важны такие факторы, как самореализация, самоактуали-

зация, гордость, удовольствие от самой работы, общественное признание. Это подтверждается знаменитым исследованием Абрахама Маслоу о иерархии потребностей в работе «Мотивация и личность» [1].

Таким образом, делая промежуточный вывод, необходимо подчеркнуть, что гарантированный доход несет в себе способность гуманизировать человека и человеческие отношения, преобразовать их. Естественно, что переход к данной системе экономических отношений между государством и обществом должен сопровождаться и рядом других изменений: реформами в образовании, воспитании, идеологии, социальной политике, научить индивида пользоваться ресурсами разумно, рационально, а не максимально возможно. Базовый доход решит ряд проблем не только экономического характера, но и моральные проблемы: проблему экономического неравенства и бедности, что, в свою очередь, снизит уровень преступности, проблему технологической безработицы, ведь автоматизация – это естественный процесс технологического совершенствования и требование рынка, когда на продукцию затрачивается меньше средств для производства. Со временем практически все сферы производства будут автоматизированы до полного цикла. Автоматизация доступна уже сейчас, однако ее сдерживает рост безработицы. Базовый доход – это единственный выход из социальных кризисов. В конечном итоге человек сможет заниматься тем, чем хочет, а не тем, что ему диктует рынок, зачастую работая там, где нет морального удовлетворения.

Приведенные аргументы существенны и обоснованы, но что говорит практика о гарантированном доходе, ведь опыт многих стран показывает, что человек, получая пособие по безработице, не стремится больше зарабатывать, не стремится к самореализации? Стоит отметить сразу, что пособие по безработице и гарантированный доход очень сильно отличаются, в силу чего их не стоит сравнивать, так как пособие выплачивается только на момент отсутствия работы, а выплата базового дохода не зависит от того, работает человек или нет. Зачастую пособие по безработице обеспечивает минимальные нужды человека, и менять этот достаток на работу с угнетающими условиями человек не желает, так как работать становится невыгодно [12].

На данный момент эксперимент по выплате гарантированного базового дохода, который не зависел от того, человек богат или беден, работает или нет, прошел в следующих государствах: Германия, Индия, Италия, Канада, Кения, Намибия, Нидерланды, США, Уганда, Финляндия, Франция, Швецария. Результаты оказались весьма успешны и позитивны для людей. Так, в Германии «житель города Мюнстера уволился с работы в колл-центре, которую ненавидел, и вернулся на учебу, чтобы получить работу мечты – преподавателя детского сада. По словам Бохмейера, предпринимателя и соучредителя, инициатора эксперимента по выплатам гарантированного базового дохода в Германии, в течение восьми лет молодой человек был несчастен, а для первого шага к благополучию ему как раз не хватало этих выплат [6]. Участники эксперимента чувствовали себя более уверенно,

свободно и защищено, многие смогли реализовать свои мечты, вернуться к учебе, инвестировать деньги в свой бизнес, не боясь остаться без средств к существованию.

Гарантированный доход помогает не только в реализации частных целей, но и помогает государству в достижении и выполнении своих функций, одной из которых является борьба с бедностью. По предварительным подсчетам, введение гарантированного дохода в Индии позволит сократить уровень бедности с нынешних 22 % до менее чем 0,5 % [7].

В Канаде эксперимент по раздаче «бесплатных денег» проходил в 70-х гг. XX в. Главным вопросом этого эксперимента, над которым работали антропологи, социологи, экономисты, звучал так: перестанет ли человек работать, получая деньги без обязательств? Являются ли деньги главным стимулом в работе? Эксперимент проходил в городе Дофин и показал, что участники не стали меньше работать, сократилось число работающих лишь среди молодых мужчин, которые пошли учиться, что крайне перспективно для самих людей и для государства. Люди не бросали учебу, чтобы найти работу и пропитание, а в конечном итоге после получения образования смогли найти более оплачиваемую работу. Молодые матери смогли больше времени посвятить семье и детям. Затраты на медицинское обслуживание уменьшились на 10 %. Человек стал уверенным, меньше стрессов, больше возможностей и времени посвятить себе и своему здоровью. Люди активно принимали участие в волонтерстве, общественной деятельности [8; 10].

Аналогичные результаты были получены при эксперименте в США в 70–80-е гг. XX в. 17 % женщин и 7 % мужского населения из тех, кто получал деньги без обязательств, отказались от работы в пользу учебы. Единственным негативным последствием, как посчитали экспериментаторы, было увеличивающее количества разводов [9], однако надо учесть, что, скорее всего, базовый доход способствовал не разводам, а разбивал материальную зависимость супругов, когда, например, женщина в материальном плане зависит от мужчины и терпит моральное унижение [10].

Иногда возникают протесты против данной экономической помощи людям, связанные с тем, что эксперименты проводят в развитых странах с высоким развитием гражданской ответственности и гражданского общества, что такие программы не будут работать в странах третьего мира, что менталитет граждан приведет к экономической, моральной деградации, что люди не смогут грамотно и рационально воспользоваться средствами. В этой связи предоставляем результаты проведенного эксперимента в Намибии.

1 января 2008 г. в бедной маленькой деревне неподалеку от столицы Намибии Виндхук начался 2-летний проект. 920 жителей деревни Отчиверо ежимесячно получали безусловный основной доход в размере 8,50 евро. Проект координировала Евангелистическая Лютеранская Церковь Республики Намибия. До начала проекта лишь 20 % жителей никогда не страдали от недостатка продуктов питания. Теперь этот показатель вырос до 60 %.

Недостаток пищи среди детей упал с 42 % до 10 %. Улучшилось обслуживание ВИЧ-инфицированных, увеличилась занятость населения частным бизнесом и сплоченность жителей деревни. Медицинское обслуживание улучшилось впятеро. В первом полугодии посещаемость школы выросла до 90 %, а уровень преступности упал с 28 до 11 случаев. Постепенно открылись маленькие фирмы, а жители инвестировали в свои дома. С помощью работы жителям удалось достичь валового дохода, который превысил сумму выплаченного основного дохода. После этого организаторы стали подумывать о введении безусловного основного дохода во всей Намибии [11, с. 15].

Таким образом, введение безусловного базового дохода позволяет решить множество сложных проблем экономического и социогуманитарного характера. Внедрение принципов безусловного базового дохода в сферу распределительных отношений приводит к уменьшению количества бедных людей, снижению уровня преступности, созданию благоприятных условий для развития бизнеса, пробуждению творческой инициативы человека, созданию средств реальной социальной защиты граждан в условиях возникновения так называемых «лишних людей» в связи с компьютеризацией, роботизацией и нанотехнонизацией производственных сил общества. Гарантированный доход также упрощает бюрократическую систему государства и повышает эффективность ее работы по сравнению с существующими сложнодифференцированными схемами льгот и пособий. Наконец, он улучшает социальное самочувствие людей, понижает степень тревоги и озабоченности, порождает определенную уверенность в завтрашнем дне и пробуждает чувство человеческого достоинства.

Список использованных источников

1. *Маслоу, А.* Мотивация и личность: пер. с англ. / А. Маслоу. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.

2. *Мор, Т.* Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии / Т. Мор; пер. и коммент. А. И. Малеина; предисл. В. П. Волгина. – М.; Ленинград: Academia, 1935. – 237 с.

3. *Пейн, Т.* Избранные сочинения / Т. Пейн; пер. с англ. А. С. Богомолова [и др.]; [под ред. проф. М. П. Баскина]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 422 с.

4. *Фромм, Э.* О неповиновении и другие эссе / Э. Фромм // Психологические аспекты гарантированного дохода. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 213 с.

5. Labour and Social Credit; a report on the proposals of Major Douglas [and] the «new age» [Electronic resource] // Internet Archive. – Mode of access: https ://archive.org/details/laboursocialcred00labouoft. – Date of access: 01.03.2018.

6. 26 немцам в течение года платили по тысяче евро в месяц, чтобы проверить, будут ли они при этом работать [Электронный ресурс] / В. Елистратов // tjournal.ru. – Режим доступа: https://tjournal.ru/57011-1000-a-month. – Дата доступа: 09.08.2018.

7. Безусловный базовый доход: теперь в Индии [Электронный ресурс] / Новостной портал Вести.RU. – Режим доступа: https://www.vestifinance.ru/articles/80890. – Дата доступа: 10.08.2018.

8. Причина бедности – нехватка денег [Электронный ресурс] / С. Корнинко. – Режим доступа: https://www.svoboda.org/a/26727915.html. – Дата доступа: 11.08.2018.

9. Как нам спасти социальное государство [Электронный ресурс] / С. Галкин. – Режим доступа: https://reed.media/welfare-state / – Дата доступа: 12.08.2018.

10. Гармония или деградация? К чему приведет введение всеобщего безусловного дохода [Электронный ресурс] / А. Гордеев. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2017/03/03/58b7fb8c9a794746daefbb5c. – Дата доступа: 14.08.2018.

11. Безусловный основной доход [Электронный ресурс] / Projekt Jovialismus. – Режим доступа: http://www.iovialis.org/download/BGE-Broschuere_rus.pdf. – Дата доступа: 15.08.2018.

12. Участник эксперимента по базовому доходу: я освободился от рынка рабов и снова стал гражданином [Электронный ресурс] / Служба новостей Yle. – Режим доступа: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/uchastnik_eksperimenta_po_bazovomu_dokhodu_ya_osvobodilsya_ot_rynka_rabov_i_snova_stal_grazhdaninom/9393492. – Дата доступа: 12.08.2018.

(Дата подачи: 26.02.2019 г.)

И. А. Малевич
Республиканский институт высшей школы, Минск

I. Malevich
National Institute for Higher Education, Minsk

В. Г. Малевич
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Минск

V. Malevich
Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk

УДК 378.1:004.9

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

STRATEGY FOR THE FORMATION OF INNOVATIVE UNIVERSITY EDUCATION

Рассмотрены основные типы инновационности университетского образования и факторы, формирующие поле индикаторов и доминант стратегии формирования инновационности современного университета.

Ключевые слова: университетское образование; типы инновационности; стратегия обучения; индикаторы; доминанты стратегии инновационности.

The main types of innovativeness of university education and the factors forming the field of indicators and dominants of the strategy of innovativeness formation of a modern university are considered .

Keywords: university education; types of innovation; learning strategy; indicators; dominants of innovation strategies.

В последнее время на постсоветском пространстве значительно расширилась дискуссия о необходимости трансформации традиционной образовательной университетской парадигмы обучения – прямой трансляции фиксированного континиума знаний в одном направлении «педагог – студент» к инновационной парадигме национальных образовательных концепций. Цель данной трансформации связана с объективной необходимостью подготовки высоко профессиональной, интеллектуальной, глубоко культурной личности выпускника университета, которая должна соответствовать международным требованиям конкурентоспособности национальной и глобальной ориентации [1; 2].

В рамках концепции «Университет 4.0» с позиций структурного системного анализа [3; 4] нами разработан подход к практической реализации стратегии формирования устойчивой инновационности университетского образования с опорой на традиционные ценности и достижения концепции классического университета.

В соответствии с образовательной парадигмой ООН современное университетское пространство воспроизводства знаний и научных достижений характеризуется тремя феноменологическими принципами. Образование в современном университете должно быть инновационным, системным и конкурентоспособным.

Целесообразно уточнить данные феноменологические принципы при формировании концепции «Университет 4.0». Остановимся на феноменологии «инновационность», которая до настоящего времени не получила своего полного обоснования.

Континиум доминант инновационности университетского образования. Чтобы избежать неконкретного обсуждения некой размытости смысла термина «инновационность образования», определим границы основных типов инновационности, органически присущих рассматриваемому подходу:

- институциональная инновационность[1] университетского образования;
- инновационность содержания университетского образования;
- инновационность процесса обучения и интеллектуальных технологий воспроизводства знаний;
- инновационность многомерного поля отношений и взаимодействия «педагог – студент»;
- инновационность международного университетского сотрудничества.

[1] Инновационная институциональность в данном подходе включает в себя переход к новым формам организационной университетской деятельности с инновационной иерархией регулирования норм академической активности, монетаризацию достижений университетского образования и расширение финансовых форм их существования, формирование институций и институтов новых типов высокой глобальной конкурентоспособности в рамках нормативного закрепления в национальной стратегии инновационного развития концепции «экономики знаний».

Наибольший интерес в рамках рассматриваемой проблемы представляет системный анализ основных типов инновационности, поскольку они во многом очерчены стратегиями Болонского процесса, Стэнфордской парадигмой образования (США) и Азиатской образовательной стратегией (КНР, Южная Корея и др.)

Системные особенности основных типов инновационности целесообразно рассматривать в виде континиума (конечного множества) доминант современного междисциплинарного пространства воспроизводства знаний, научных достижений и ценностей культуры.

1. Доминанта институциональной инновационности университетского образования. Государственное регулирование сферы образования и науки является в настоящее время на постсоветском пространстве системообразующей доминантой институциональности высшей школы.

Происходящие в мире социально-экономические преобразования глобальной направленности потребовали от ряда стран значительной институциональной трансформации традиционного университетского образования и адаптации классических университетов в новое университетское сообщество в виде системы Национальных исследовательских инновационных университетов (НИИУ) и Научно-образовательных комплексов (НОК). Лидерами институциональной трансформации и адаптации своей образовательной системы в направлении создания сети НИИУ[1] являются США, Китай и РФ; лидерами в создании НОК – США, Япония, Южная Корея, Финляндия и РФ. Наиболее традиционная образовательная система классических университетов сохраняется в ФРГ.

Механизмы институциональной инновационности университетского образования в мире отличаются значительным многообразием. Это и перевод всей системы образования в частную собственность (Великобритания, Сингапур и др.), и глубокая капитализация научных и образовательных университетских достижений (США, Китай, Южная Корея), и создание региональных НОК развития с общим образовательным ядром на основе частно-государственного партнерства в сфере финансирования научных исследований и образовательных стратегий (США, Япония, Южная Корея, Сингапур, РФ, Казахстан), а также НИИУ с парадигмой «Университет 4.0» и «Базовых университетов» развития в РФ.

[1] Многие прорывные инновационные технологии последних лет разработаны именно в структурах НИИУ, интегрированных в инновационные кластеры с транснациональными корпорациями. Это высокоэффективная добыча сланцевого газа и его конденсация, космические системы многоразового использования, сверхтоннажные танкеры океанской транспортировки минеральных ресурсов, модульные АЭС, электродвижители с глобальным позиционированием, кибероружие, наномедицина, интеллектуальные дроны высокоточной ориентации, источники восполняемой электроэнергии, глобальные космические коммуникации и средства аппаратного изучения Вселенной, заводы-автоматы сборки механизмов особой точности, высокой надежности и производительности, глобальные сверхскоростные волоконные системы связи и др.

Все трансформационные институциональные преобразования университетского образования имеют доминанту структурной ориентации на опережающее национальное развитие и формирование концепции «экономики знаний». Это прежде всего:

• создание нормативных, законодательных, ресурсных и иных условий для нравственного гуманитарного восприятия университетской среды, образовательной национальной концепции как высшего национального достояния общества, носителей ценностей системы воспроизводства знаний и научных достижений как национальной интеллектуальной элиты социума инновационного развития;

• включение в государственную инновационную политику механизмов формирования и системной поддержки инновационных национальных и региональных кластеров развития с конкурентоспособным образовательным ядром, являющихся фундаментальным механизмом национального роста глобальной ориентации; возложение на национальные системы воспроизводства знаний и научных достижений;

• задачи проектирования национальных моделей перехода и построения «экономик знания» или «экономик науки» (модель КНР) на основе интеллектуализации национальных концепций инновационного развития через систему НИИУ; интеграции достижений науки в инновационное образование через интеллектуальные технологии R&D (развитие через исследования) и E&D (развитие через образование);

• нормативное обеспечение многовекторного процесса трансферта интеллектуальных университетских ценностей и достижений в диверсифицированное национальное развитие;

• опора на методологию органической интеграции институций построения инновационного социума, науки и образования во всех сферах, включая инновационный менеджмент, научно-технологические стартапы, международные финансово-промышленные группы, межнациональные корпорации; создание коммерческого пояса университетских кластеров и холдингов, включая отказ от надуманного нерационального деления науки и образования на «учреждения образования» и «учреждения науки», во всем пространстве воспроизводства знаний и научных достижений;

• опережающее формирование законодательной базы; капитализация университетских достижений науки и учебных технологий; создание условий и мотиваций капитализации личных достижений науки, методологии, программного сопровождения учебного процесса через развитие центров, бирж и интеллектуальных банков коммерционализации и капитализации научных и учебных достижений, информационных технологий, программного продукта сотрудников университетов, их открытий и патентов;

• ослабление налоговой и иной фискальной нагрузки на систему воспроизводства знаний и сеть НИИУ и НОК;

• нормативное закрепление высокого государственного, социального и личного статута университетского профессора-педагога, руководителя научной школы, ученого-исследователя, воспитателя национальных элит развития, менеджера высшей квалификации всех звеньев университетского образования и функционирования университетских студенческих и профессорских общин;

• нормативное карьерное сопровождение выпускников университета для эффективной передачи знаний, полученных в университете, в достижения общества и развитие социума;

• постоянная положительная динамика оплаты университетского интеллектуального труда (преподавание, наука, культура) с опорой на инновационные приоритеты и международное экспертное взаимодействие, инициирование системы университетских грантов на поддержку формирования профессиональных карьер педагогов и выпускников университетов, а также финансирование воспроизводства национальных элит развития в университетских научных школах;

• опора на новые принципы частно-государственного финансирования деятельности университетов с привлечением всех видов монетарной грантовой и иной личностной поддержки университетского сообщества, инициация поддержки национальным бизнесом, банковскими корпорациями, экспортными лидерами национальной инженерии и личными пожертвованиями сферы НИИУ и центров НОК генерации знаний, отбор и карьерная поддержка, начиная со школьной скамьи, реализация открытых схем поддержки успешных студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей, выпускников университетов, в том числе и для высшего менеджмента страны;

• отказ от нормативной многолетней консервации университетских специальностей и переход на широкую вариативность структуры факультетов, опора на современные специальности и научные исследования, ориентированные на концепцию перехода к «экономике знаний» и трендов сингулярности по востребованности новых знаний и профессий в будущем в связи с невозможностью опоры на старые системы знаний и традиционные векторы профессиональной подготовки в университетах;

• объединение в сфере инновационности университетского образования функции воспроизводства, накопления и хранения знаний и научных достижений, совмещенных с механизмами трансферта и продвижения достижений в национальное инновационное развитие и мировую культуру;

• структурная сбалансированность финансирования и капитализации интеллектуальной университетской инновационной деятельности с целью обеспечения глобальной конкурентоспособности, эффективного национального функционирования и национального развития мировой ориентации.

2. Доминанта инновационности содержания университетского образования. В условиях наметившейся технологической сингулярности,

когда потенциал прежней системы знаний и интеллектуальных ценностей становится недостаточным для понимания преобразований, происходящих в современном мире, а система новых знаний еще окончательно не сформирована, базовая доминанта «содержания университетского образования» формируется из следующей системы индикаторов и включает в себя:

• акмеологический принцип построения учебных междисциплинарных программ нового типа с тесной интеграцией ценностей и достижений культуры, образования, науки и подготовкой на его основе конкурентоспособной интеллектуальной национальной элиты современного социума;

• переход на индивидуальные траектории подготовки конкурентоспособных профессионалов и высокообразованных личностей высокой социальной культуры, способных формировать «национальную элиту развития» общества; данные траектории обязательны для уровней магистерской и кандидатской подготовки, что позволяет реализовать объективную ранговую систему адаптации к новым вызовам глобальной значимости;

• опору на постоянное обновление корпоративных и личных информационно-коммуникационных технических средств, программного продукта и информационных технологий селекции, аккумулирование и диверсификация университетских знаний и научных достижений в социум для удовлетворения запросов и потребностей общества;

• органическое включение в университетское образовательное поле креативных моделей сетевых обучающих кластерных технологий – научно-образовательных кластеров (уровень бакалавриата) и научно-исследовательских кластеров (уровень магистратуры и аспирантуры);

• повышение креативности университетского профессора, педагога как носителей уникальных знаний и генераторов новых инновационных научных, социальных и педагогических идей и подходов с переходом на новый нормативный подход к академической деятельности профессора и педагога университета;

• пересмотр и качественную минимизацию огромной лекционной нагрузки с переориентацией процесса воспроизводства знаний на технологии самообразования, сетевые ресурсы и научные исследования;

• опору в содержании университетского образования на доступные электронные библиотеки фундаментальных курсов базовых наук ведущих мировых центров, ученых и педагогов, мировые культурные ценности, информационные научно-образовательные сети, личностные и корпоративные образовательные сетевые методологии и подходы исследовательского типа: аналитические обсуждения, научные дискуссии, академическое письмо, а также обучение моделям подготовки практико-ориентированных эссе, содержащих методологию принятия системных решений в сфере сложных профессиональных явлений, социальных процессов и приоритетных национальных проблем;

• обучение структурному системному междисциплинарному подходу к анализу и синтезу интеллектуальных решений в условиях вызовов глобализирующегося мира и развития концепции «экономики знаний»;

• создание в процессе инновационного обучения условий и системы интеллектуальных предпосылок для формирования и воспитания творческой личности, ориентированной на современное развитие общества, международное широкое взаимодействие, формирование и системную поддержку в своей профессиональной деятельности концепта и континиума факторов национальной идентичности, интеллектуальное расширение национальных приоритетов и усиление роли национальных культурных ценностей.

3. Доминанта иннвационности процесса обучения и интеллектуальных технологий воспроизводства знаний. Статус и авторитет современного университета, привлекательность его научных и образовательных институций, его интеллектуальная конкурентоспособность в пространстве современного социума во многом определяются принципами инновационности процесса обучения и креативными методологиями университетского образования. Их задача – формирование высококультурной, всесторонне образованной, интеллектуально развитой и профессионально конкурентоспособной личности. Особое значение в этом процессе приобретают интеллектуальный потенциал и профессиональная значимость университетских элит, профессорских сообществ, научных школ, а также в равной мере высшего университетского менеджмента и каждого университетского студента, аспиранта и докторанта.

Опыт лидеров мировых образовательных рейтингов показывает, что доминанта процесса обучения и интеллектуальных технологий воспроизводства знаний формируется системой индикаторов, включающих в себя условия и механизмы обеспечения инновационности и системной конкурентоспособности обучения, для чего необходимы:

• реализация на всех этапах обучения перехода на новую социально статусную университетскую обучающую системную парадигму воспроизводства знаний и научных достижений высокой конкурентоспособности в цепи «профессор – научная школа – опора на фундаментальные знания в процессе обучения, обязательные для инвестиционной деятельности, – формирование высокого культурного, научного и социального потенциала профессиональной карьеры выпускника университета – практическое продвижение знаний в национальные достижения и высокие стандарты жизни»;

• органическое включение в инновационный процесс университетской междисциплинарной подготовки системно-акмеологических принципов формирования у студентов профессионального и культурного базиса, интеллектуализации моделей научно обоснованного принятия решений, технологий этической, научной и профессиональной дискуссии, успешного переговорного процесса, аналитического реферирования и системных принципов анализа сложных социально-экономических трендов и явлений;

• постоянное повышение социального и интеллектуального статуса и роли профессора, педагога в инновационной парадигме университетского обучения исследовательского типа с опорой на стратегию развития и поддержки научных школ, национальное и всемирное культурное наследие и мировые научные достижения как непременного условия роста мировых рейтингов университета;

• модернизация и постоянное обновление до мирового уровень технической, аналитической и технологической баз информационной и телекоммуникационной сфер процесса обучения, открытый доступ к мировым электронным научным ресурсам воспроизводства знаний, международному обмену данными всех видов, информационному наполнению и обеспечению процесса обучения без ограничений и искусственных запретов;

• формирование в процессе обучения устойчивых знаний механизмов и исследовательских технологий аналитического и информационного обеспечения профессиональной деятельности и активной гражданской позиции;

• повсеместное использование на всех этапах обучения в университете личных и групповых технологий сетевого обучения с ориентацией на научно-образовательные информационные модели при подготовке бакалавров и научно-исследовательские обучающие модели при подготовке магистров и аспирантов;

• отказ от образовательных модулей общего коллективного, равного знания для всех с ориентацией на концепцию индивидуальных траекторий научно-образовательного учебного процесса исследовательского типа с переходом на интегрированную оценку знаний по индивидуальным графикам сдачи экзаменов и аттестационных работ;

• включение в рабочие программы базовых теоретических курсов моделей совмещения фундаментальных знаний с исследовательскими моделями практико-ориентированного процесса сопоставительного профессионального анализа проблем развития через подготовку реферированных аналитических записок, эссе, докладов и проектов с личной системой механизмов принятия решений и достижений целей; обучение инновационным моделям продвижения и использования научно-образовательных достижений университета в развитие социума и стандарты жизни;

• опора на достижения национальных и мировых научных школ при всесторонней поддержке научных исследований на всех уровнях университетского образования: от бакалавриата до диссертационных исследований магистерского, аспирантского и докторского уровней;

• перевод в краткосрочной перспективе полного цикла классического университетского образования на концепцию инновационных исследовательских университетов, интегрированных по своим целевым функциям со структурами высшего государственного менеджмента, академическими научными центрами, ведущими технологическими корпорациями, национальными и региональными инновационными кластерами роста, иннова-

ционными холдингами национального инжиниринга, технологическими парками новых технологий, центрами интеллектуального развития детей и взрослых и др.;

• подготовка на регулярной основе воспроизводства знаний и научных достижений конкурентоспособных национальных элит развития глобальной ориентации, владеющих всем спектром требований и условий международного взаимодействия и национальных приоритетов роста как одной из базовых инновационных функций современного университетского образования;

• развитие нового интеллектуального контента университетского образования на базе адаптивной междисциплинарной структуры организации учебного процесса и общественной деятельности, приоритетов гуманизма, национальной идентичности, этики науки, интеллектуальной совести ученых и педагогов, широкого использования в учебном процессе национальных и глобальных исторических и культурных ценностей, интеграции гуманитарного и естественно-научного образования на основе свободного владения несколькими иностранными языками и открытого доступа к образовательным ресурсам всех видов.

Доминанта конкурентной исследовательской, аналитической знаниевой парадигмы процесса обучения позволяет феноменологически вписать инновационную систему воспроизводства знаний в национальную концепцию развития, ориентированную на «экономику знаний».

4. Доминанта инновационности многовекторного поля взаимодействия «педагог – студент». Образовательная концепция равного коллективного знания для всех «Гумбольдта-Екатерины» в современном высоко технологичном мире потеряла для студентов, магистрантов и аспирантов свою конкурентоспособность и актуальность.

Переход на модели инновационности университетского образования, отличные от традиционной модели: «поступление в университет – формальный прием транслируемых знаний и навыков – отрыв после окончания от академической среды воспроизводства университетских интеллектуальных достижений – профессиональная деятельность без взаимодействия с интеллектуальной практикой и университетским потенциалом общественного развития» – требует новых подходов и механизмов взаимодействия по всему пространству отношений «студент – педагог». При этом в новую цепочку воспроизводства знаний трансформируется и само пространство взаимодействия, а также его новые целевые функции, которые качественно расширяют свою феноменологию.

В инновационном виде эта цепь имеет вид многовекторного графа: «университетская научная школа – индивидуальная траектория образования – формирование студента-исследователя – профессиональная конкурентоспособная карьера – выпускник как общественный модератор интеллектуальных ценностей глобальной ориентации в практику жизни».

Инновационное обучение с опорой на интеллектуальную научно-образовательную университетскую среду в долгосрочной перспективе с приоритетом всех типов связей с альма-матер является базой для формирования современных элит национального развития глобальной конкурентоспособности.

В молодежной среде инновационным трендом и системой индикаторов университетского образования за рубежом стали индивидуальные траектории образования, опора на мировые научные, социальные и культурные достижения, преподавание одновременно на нескольких иностранных языках, студенческие сообщества и академические свободы, личная мобильность, международные профессиональные форумы карьерной ориентации, органическое восприятие национальных и глобальных гуманитарных и технологических ценностей, приверженность концепции получения ученых степеней как пути формирования статуса принадлежности к национальным элитам развития высокой конкурентоспособности и экономической независимости.

Доминанта инновационности многовекторного графа взаимодействия «педагог – студент» должна быть ориентирована на значительное национальное разнообразие форм и отношений и имеет ряд общих индикаторов глобального академического взаимодействия. Среди них – опора на акмеологический принцип междисциплинарного формирования личности и ее конкурентоспособного профессионализма как системного креативного механизма интеллекуализации общественного сознания, гражданской позиции, национальной идентичности и новой стратегии формирования взаимной ответственности в цепи «личность – государство».

Практическое следование доминанте инновационности данного типа является системной функцией каждого университета и его высшего менеджмента, т. е. функцией долгосрочного стратегического планирования и формирования национального потенциала роста и «человеческого капитала».

5. Доминанты инновационности международного сотрудничества и взаимодействия. Интеграция и структурное сближение национальных и международных образовательных систем является объективной закономерностью развития глобализирующегося сообщества.

Определяющие механизмы этого взаимодействия регулируются международными договорами и соглашениями правительственных и неправительственных организаций и фондов. Однако наиболее эффективными результатами характеризуются прямые связи университетов в виде межуниверситетских международных консорциумов, которые в последнее время интенсивно развиваются в КНР, Англии, Южной Корее, Казахстане и других странах. При этом реализуется открытая система профессорских и научных обменов, а также совместная монетаризация университетских достижений. Аккумулирование в инновационной межуниверситетской среде

интеллектуальных, информационных и монетарных ресурсов ведущих мировых организаций, включая ООН, Юнеско, ЮНИСЕФ, а также мировых научных фондов стимулирует развитие рейтингового потенциала.

Ведущим трендом роста межуниверситетского взаимодействия является рост «экспорт – импорта» образовательных услуг с выдачей параллельных дипломов и взаимным межгосударственным признанием дипломов и степеней. Это формирует интеллектуальную парадигму взаимодействия и в то же время непосредственно влияет на интеграцию достижений мировых центров развития образования и науки в национальное развитие.

Формирование университетского вектора международного взаимодействия является эффективным методом развития межгосударственного сотрудничества и стратегического взаимодействия.

Некоторые феноменологические обобщения. Инновационность стратегии университетской парадигмы, ориентированной на формирование моделей «экономики знаний», должна быть направлена на практическую методологию адаптации к технологической, социальной и научной сингулярности и обучение этому новых поколений высокого конкурентоспособного потенциала. В соответствии с данным подходом целесообразно конкретизировать понятие стратегии инновационности университетской образовательной парадигмы. Это актуальный многомерный взаимно коррелированный по целям и задачам процесс, ориентированный на институциональное и феноменологическое совершенствование университетского образования, на целенаправленную системную деятельность по интеллектуализации университетского высшего менеджмента, научных школ и институций, университетских профессорских сообществ и советов, профессиональных учебно-исследовательских союзов педагогов, студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, нацеленных на построение общества «экономики знаний» путем проектирования, синтеза и продвижения гуманистических, социальных, а также научно-образовательных интеллектуальных инвестиций всех типов в устойчивое развитие общества, т. е. во все сферы, определяющие социальный, нравственный и научно технологический прогресс общества и формирование новых национальных элит развития глобальной конкурентоспособности.

Инновационное университетское воспроизводство знаний и социально-гуманитарных трендов развития, формирование ответственной творческой личности высокой индивидуальной и социальной культуры, несомненно, должно способствовать формированию на базе университетских ценностей «педагог – студент» новых национальных элит.

Системные подходы к стратегии формирования инновационности университетского образования позволяют реализовать запросы общества по росту жизненных стандартов, повысить национальную технологическую безопасность, улучшить жизнеспособность общества, а также усилить ориентацию на практическую реализацию национальных стратегических приоритетов, адекватных вызовам современного мира.

В современном социуме должна сформироваться стратегическая культура инновационности как интеллектуальный тренд, противопоставленный стратегическому выжиданию, который не позволяет воспользоваться для национального развития окном возможностей в виде сингулярности перехода к концепции «экономики знания».

Список использованных источников

1. *Мясникович, М. В.* Научные основы инновационной деятельности / М. В. Мясникович. – Минск: Изд-во «Право и экономика», 2006. – 279 с.

2. *Малевич, Ю. И.* Инновационные стратегии глобализации / Ю. И. Малевич, И. А. Малевич. – Минск: РИВШ. 2017. – С. 497.

3. *Малевич, И. А.* Роль научных и образовательных стратегий в формировании интеллектуального ресурса / И. А. Малевич // Научные труды РИВШ. Серия «Философско-гуманитарные науки». Вып. 16. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 259–267.

4. *Малевич, Ю. И.* Трансформация национального образовательного поля. Инновационная парадигма / Ю. И. Малевич, И. А. Малевич // Профессиональная культура специалиста будущего: тр. междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – С. 30–38.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

И. Я. Мацевич-Духан
Институт философии НАН Беларуси, Минск

I. Matsevich-Dukhan
The Institute of Philosophy of the NAS of Belarus, Minsk

УДК 101.1

ПОНЯТИЕ КРЕАТИВНОСТИ В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЕ

THE NOTION OF CREATIVITY IN WESTERN CULTURE

В статье раскрывается специфика понятия креативности в западной культуре. Выявляются основные этапы эволюции его значения в социально-гуманитарных науках. Демонстрируется роль философии прагматизма в оформлении его современного значения.

Ключевые слова: креативность; креативность действия; креативные индустрии; креативная экономика; креативный класс; креативное общество; прагматизм.

The article reveals specific features of the notion of creativity in Western culture. The author demonstrates the main stages of its evolution in the social and human sciences; the role of pragmatic philosophy in the formation of its present-day meaning.

Keywords: creativity; creativity of action; creative industries; creative economy; creative class; creative society; pragmatism.

Частота использования существительного «креативность» и его производных в современном языке иногда рассматривается исследователями как симптом своеобразной «креативной истерии». Сегодня сложно представить, что еще в начале 1990-х гг. немецкий социолог Ханс Йоас отмечал,

что концепт креативности удостоен маргинальной роли в истории социально-гуманитарных наук. Чтобы справиться с этим упущением, он разработал теорию креативности человеческого действия, опираясь на традицию американского прагматизма. Результаты данной работы отражены в его книге «Креативность действия» (1992). Для нас она представляет особый интерес в связи с реконструкцией значения центрального понятия в истории социально-философской мысли, его специфики в контексте развития европейской и американской культуры с эпохи Просвещения до наших дней.

Несмотря на распространенное мнение о возможности истолкования современного феномена креативности, отталкиваясь от античных и средневековых концепций творчества и его производных, большинство современных исследователей сходятся во мнении, что форма абстрактного существительного появилась в английском языке лишь в конце XIX в. Она первоначально обозначала сугубо человеческую способность создавать новое, но постепенно расширяла свои денотативные границы по мере того, как терялась ассоциация ее сущности с проявлением лишь человеческой и социальной природы. Креативность прошла извилистый путь от уникального мира гения в эпоху романтизма сквозь перипетии ее раскрытия в повседневной жизни каждого индивида благодаря философии прагматизма и до ее экспансии в XXI в., распространяющейся на все сферы живой и неживой природы с помощью современных урбанистических и актор-сетевых концепций креативности в псевдо-социальном мире.

Идея креативности. История креативности (как отличная от истории божественного творения и человеческого творчества) начинается с фиксации изобретения особой словесной формы, в которую облекается ее идея. Слово «креативность» (creativity), обозначившее *качество* «быть креативным» (производное от глагола «to create»), с помощью формы абстрактного существительного, впервые зафиксировано в английском языке лишь в 1875 г. (Merriam-Webster's Dictionary). Время его зарождения с предельно обобщенным значением *способности* творить / созидать / наделять формой / осуществлять/ воплощать /вызывать / производить новое совпало с формированием духа эпохи романтизма, ее веры в беспредельные творческие способности личности, преображающие мир в произведение искусства. Однако обозначение *качества способности* предшествовало по времени обозначению самой *способности* (Merriam-Webster's Dictionary). Это беглое уточнение определения и способа его выражения подчеркивает намечающийся уже в конце XIX в. переход в англо-американской традиции от устоявшегося авторитета формальной логики к быстро распространяющейся моде на инструментальную логику Дж. Дьюи.

Немецкий социолог Ханс Йоас прослеживает эволюцию наиболее важных форм, в которых идея креативности привлекала внимание европейских мыслителей до философии прагматизма. Скептично оценивая возможности реконструкции моделей или концепций, он предпочитает схватывать

ее с помощью метафор. Сосредоточившись на периоде 1750–1850 гг., Йоас выделяет три главные метафоры, конфигурирующие смысл креативности на протяжении двух последующих столетий: «выражение» (И. Г. Гердер), «производство» (К. Маркс) и «революция» (К. Маркс). Каждой из них соответствует определенный способ взаимодействия человека с субъективным, объективным и социальным миром.

Во второй половине XIX – начале XX в. идея креативности становится предметом исследования преимущественно в рамках философии жизни и прагматизма. При этом в континентальной Европе, во многом под влиянием Германии, на протяжении всего XX в. ощущался таинственный страх перед креативностью как проявлением духа анти-Просвещения и иррационализма, культа псевдо-гения. В поиске его истока некоторые выстраивают вектор влияния от литературы «Sturm und Drang» («Буря и натиск») и философии Ф. Ницше до идеологии третьего Рейха. Кроме того, ощущался страх перед марксизмом, его возможностью установления тотальности некого макро-субъекта.

Немцы на протяжении всего XX в. рассматривали креативность как ящик Пандоры и предпочитали не открывать его вплоть до последнего дня. Йоас полагает, что Германии свойственно некоторого рода отвращение к креативности как социальному феномену, поэтому она предпочитает сводить допустимые рамки его существования преимущественно к эстетической сфере. Вплоть до И. Г. Гердера тема креативности была под негласным запретом. В то же время Англия, наследуя традиции итальянского Возрождения с его культом творчества в науке и искусстве, никогда не испытывала подобного страха и отвращения, не противопоставляла креативность и рациональность.

Только философии жизни и прагматизма удастся интегрировать различные аспекты рассмотрения креативности и привлечь к ней еще больше внимания в XX в., постепенно прививая к ней интерес масс по всей Европе. Хотя их подходы принципиально различаются: если прагматизм превозносит дух творчества в индивидуальном повседневном опыте, то философия жизни оказывается достаточно элитарной в своей трактовке подлинного акта творения избранного меньшинства. Сопоставляя эти два подхода, Йоас останавливается на прагматистской парадигме для разработки своей теории креативности, укорененной в природе человеческого действия. Немецкий социолог попытался развить эту теорию и, следуя по стопам Дж. Дьюи, построить теорию креативной демократии. Но этот проект остался незавершенным.

Главная заслуга Йоаса заключается в обосновании креативности как универсальной характеристики человеческого действия, позволившего переосмыслить принципы социальной самоорганизации и научные способы их познания. Если для Дьюи феномен креативности облекался в форму «creativeness» [1], то Йоас предпочитает «creativity» («Die Kreativität des Han-

delns» (1992), в английском переводе «The Creativity of Action»). Различия в ее обозначениях отражают некоторые нюансы в ее интерпретациях, хотя на русский язык «creativeness» и «creativity» можно переводить одинаково.

Форма «creativeness» выводится Дьюи по аналогии с формой «inventiveness», когда речь идет о необходимости перехода от «изобретательности» к «креативности»: подобно тому, как в XVIII в. американцы смогли выбраться из кризиса с помощью «социальной и политической изобретательности», так в 1939 г. предстояло преодолеть кризис с помощью «человеческой креативности» (human creativeness) [1]. Если Дьюи выводит понятие «creativeness» (creativeness) из способности человека быть «креативным» (creative) в собственном жизненном опыте, то Йоас выводит предикат «креативный» из универсальной креативности (creativity) природы человеческого действия. Другими словами, способность «быть креативным» – лишь одно из возможных проявлений самой креативности человеческого действия. С этой точки зрения способность «не быть креативным» для Йоаса – это в равной степени ее проявление. Человек обречен быть креативным даже на дорефлексивном уровне своего телесного диспозитива существования.

Этот едва заметный нюанс в интерпретации содействовал постепенному отчуждению креативности в свой автономный мир существования без строгой привязки к человеческой или социальной действительности. Очевидно, что перспектива такого развития едва ли могла предполагаться Йоасом как возможный сценарий осознанной трансформации его теории в будущем, скорее, как вариант случайной мутации.

Креативность в повседневности. В повседневный оборот понятие креативности проникает не ранее начала XX в., а точнее, как отмечает австралийский эксперт по исследованиям медиа Камилла Нельсон, в 1926–1953 гг. в США [2, p. 68]. В работах по креативности обозначенного периода сказывается влияние Чикагской лабораторной школы Дж. Дьюи (1894–1904). Прагматистская философия способствовала формированию программы федеральных искусств в рамках экономической политики «Нового курса» Франклина Рузвельта. Особую роль в этом процессе сыграли работы американского поэта и педагога Уильяма Хьюза Мирнза «Креативная молодежь» (1925) и «Креативная власть» (1929) [2].

В это время существенно сдвигается общественный фокус внимания с креативности, находящейся в пользовании исключительно гения, на креативность в самых разнообразных формах устремлений человеческой природы. После знакомства широкого круга читателей с работами американского исследователя, автора техники «мозгового штурма» Алекса Осборна «Твоя креативная власть» (1948) и «Прикладное воображение» (1953), к креативности начали относиться как к технологии, доступной любому обычному человеку для освоения. Она превращается в продукт потребления, упакованный во множество полезных карманных руководств и специальных тренингов.

Переосмысление роли креативности в современной экономике возрождает интерес к эссе «Креативная демократия: задача перед нами» (1939) американского философа Джона Дьюи и заставляет переписать историю креативного общества второй половины XX в. В данном эссе в форме речи, обращенной к мыслящему сообществу в период расцвета идеологии нацизма в Европе, креативная демократия определяется как личный стиль индивидуальной жизни, контролируемый верой в способность людей к интеллектуальному суждению и действию при наличии соответствующих условий. С этой точки зрения она является одновременно и моральным идеалом и моральным фактом в той мере, в какой мы способны принять ее реальность как «общее место» для индивидуального ежедневного опыта вместе с другими. Вера в такого рода демократию – это вера в первичность опыта и образования в жизни общества. Опыт для Дьюи – это «свободное взаимодействие индивидуальных человеческих существований с окружающими условиями, особенно человеческим окружением, которое развивается и удовлетворяет свои потребности и желания увеличением знания о вещах как таковых» [1]. Таким образом, креативная демократия – это всегда не только индивидуальный опыт, но и работа над ним в публичном пространстве проживания его с другими. Неслучайно Дьюи уточняет необходимость принятия *философской позиции* в отношении демократической веры в возможность непрекращающегося созидания более свободного и более человечного опыта, который мы разделяем и куда вносим свой индивидуальный вклад.

Удивительным образом развивалась история изобретенного Дж. Дьюи концепта. Вплоть до предвыборной кампании Рональда Рейгана на пост губернатора Калифорнии в 1966 г. парадигма креативной демократии оставалась в тени большой политики. Рейган выступил против «Великого общества» президента Линдона Б. Джонсона: «Великое общество с каждым днем становится все более великим – в цене, в эффективности, в потерях». Он предложил конструктивную альтернативу «Великому обществу», которую обозначил понятием «Креативное общество».

В 1950–1960-е гг. в США появляется огромное количество институтов и фондов, нацеленных на стимулирование развития креативности. Отец исследований креативности в психологии Дж. П. Гилфорд объяснял этот крен феноменом «спутникового шока» после нескольких неудачных попыток американцев запустить спутник, когда США почувствовали страх, что отстают в космической гонке из-за своей «недостаточной креативности» [2, p. 69]. Вскоре после первоначального шока американский психолог Э. П. Торренс изобрел тесты оценки творческого мышления (ТОТМТ). В 1950–1960-е гг. существенный капитал перенаправлялся из бюджета национальной безопасности на финансирование креативного образования и исследований в этой сфере. Осборн, Торренс и Гилфорд могли испытать на себе значимость такой материальной поддержки [2].

После Второй мировой войны англо-американское понятие креативности проникает в различные европейские языки, но не всюду органично приживается. Ярким тому подтверждением является история его импортирования в немецкий язык. Как заметил Х. Йоас, понятие «Kreativität» достаточно долго приживалось и имело в большей степени негативный оттенок. Вспоминая время его проникновения в немецкий язык, Йоас отмечает, что оно приобрело популярность в Германии лишь в 1950-е гг. в контексте гуманитарных наук, будучи заимствованным из научного языка американской психологии, и постепенно становится все более модным концептом как в академической и политической жизни общества, так и в приватной, повседневной: «В маркетинговом языке, и в особенности в культуре досуга, оно превратилось в слоган тех видов деятельности, которые помогают снять стресс на работе или компенсировать пустоту жизни, например, домохозяйки» [3, p. 72]. Йоас попытался преодолеть столь легкомысленное отношение к новому понятию, актуализируя прагматистскую концепцию креативного действия в европейском контексте в 1990-е гг.

Современные подходы к понятию креативности и его производным. Обозначенный крен в сторону повседневной креативности прослеживается и в концепциях британского урбаниста Ч. Лэндри и американского социолога Р. Флориды. Однако специфические различия европейской и американской трактовок проявляются даже в схожих на первый взгляд по своим выводам концепциях. Если британский урбанист фокусируется на урбанистическом пространстве как интегрированном целом в различных локализированных формах, на методах его развития посредством культурной географии, то американский социолог направляет нас в сторону индивидуального потенциала каждого представителя креативного класса, исследует его природу, ресурсы и принципы развития с помощью экономической географии.

Для Лэндри креативность (creativity) представляет интерес преимущественно как «метод эксплуатации и возобновления культурных ресурсов» [4, с. 30]; «предпосылка для развития инноваций» [4, с. 41]. Он сфокусирован на исследовании культурной среды и ее инфраструктуры с точки зрения возможностей самореализации индивида в сообществе. Здесь креативность человеческого действия является коллективной субстанцией, воспроизводимой креативным местом.

Путем интеграции нескольких определений креативности (creativity) из словаря Вебстера Р. Флорида определяет ее как «способность создавать значимые новые формы». Он уточняет, что сфокусирован на той «человеческой креативности, которая играет ключевую роль в экономике и обществе» [5, с. 19], так как «в экономике наших дней креативность – это масштабная непрерывная практика» [5, с. 20] и наиболее ценный товар. Одна из основных задач современного общества заключается в ее культивировании, в создании для ее воспроизводства благоприятной среды.

Значимая веха в разработке рассматриваемого понятия связана с формированием в 2000-х гг. концепции креативной экономики, развиваемой параллельно с выше означенными урбанистскими концепциями. Для американского специалиста по креативной экономике Дж. Хокинса креативность (creativity) – «это способность производить нечто новое». Независимо от того, осуществляется производство одним или несколькими индивидами, их идеи и изобретения на выходе должны обладать «личностным, оригинальным и значимым» [6, p. ix] характером. Только при наличии перечисленных черт их продукты подпадают под обозначенную категорию.

Определение Хокинса едва ли можно применить к любому виду креативности в современном мире, так как его исследование сфокусировано на особом типе креативности, воплощающемся в экономической деятельности: «Креативность не обязательно является экономической деятельностью, но может становиться таковой, когда производит идею с экономическими последствиями или продукт, из которого можно извлечь выгоду» [6, p. ix-x].

Новый этап в разработке понятия креативности в европейской социально-гуманитарной традиции обусловлен внедрением в повседневный оборот концепта креативных индустрий в 1990-е гг. с бесконечным разнообразием его трактовок. Они подводят нас к постановке вопроса о границах креативности и ее ценностной природе. Появляются достаточно смелые заявления о том, что креативность сама по себе, до введения ее в социальный контекст, является «свободной от ценностей» [4, с. 40].

В 1999 г. выходит в свет книга Х. Йоаса «Возникновение ценностей» («Die Entstehung der Werte»), где он бегло комментирует политику британской лейбористской партии в отношении формирующегося сектора креативных индустрий: «Наследие шестидесятых получило здесь неоднозначную оценку: с одной стороны, речь шла о явном сдвиге в процессе демократизации, а, с другой стороны, об усилении гедонистических и индивидуалистических тенденций. Влияние этой американской дискуссии на европейскую политику разнится от страны к стране и от лагеря к лагерю, но в отдельных случаях – например, в отношении британской лейбористской партии – оно, безусловно, очень значительное» [7, с. 14].

«Наследие шестидесятых» предполагает в том числе и намек на политику Рейгана и его предвыборную риторику «Креативного общества». Действительно, этот подход в 1990-е гг. был подхвачен первоначально британским правительством, а в 2000-х гг. и другими странами ЕС. Новое лейбористское правительство Великобритании к 1998 г. разработало целевую программу «Креативные индустрии» (Creative Industries Mapping Document 1998), направленную на реформирование культурной политики с целью более эффективного управления зарождающимся культурно-экономическим сектором.

Хокинс отмечает, что Великобритания и Австралия долгое время не включали в список креативных индустрий науку и патентные индустрии,

ограничиваясь искусством и культурными индустриями. Сегодня Великобритания и Австралия расширила границы креативных индустрий, включив патентные индустрии, но до сих пор не решилась включить полностью в них сектор науки. Поэтому в Великобритании «креативное» больше ассоциируется с «художественным» и «культурным» [6, p. xiv].

Несмотря на сохраняющуюся терминологическую путаницу, Европейский союз не собирается отказываться от риторики политической программы «Креативной Европы» (2014–2020). Для ее обоснования сегодня разрабатываются социально-философские концепции креативного общества. Не успев до конца сформироваться, они отступают перед напором нового поколения европейских стратегических программ, заявляющих о построении общества, где каждый «хочет и должен быть креативным» [8]. Нам еще предстоит ответить на вопрос, чем эта ситуация в сегодняшней Европе принципиально отличается от американской начала XX в., когда речь шла об опыте построения креативной демократии в духе философии прагматизма Дж. Дьюи.

При всем многообразии современных подходов к понятию креативности все они сходятся в центральном тезисе: возможность и способность созидать новое выходит за рамки социально-культурного мира и его ценностно-нормативных предписаний. Теперь она сама себе мир и высшая ценность. Кто-то может с осуждением посмотреть на такого рода претензию лишь недавно оформившегося в западном мире понятия креативности. Но, как верно заметил немецкий социолог А. Реквитц [8], едва ли социально-гуманитарные науки могут продолжать заниматься своим делом, игнорируя новый диспозитив человеческой природы и соответствующий ему императив социального мира, явно выраженный в допускаемой неизбежности принятия желания и требования созидать новое. Последнее оказывается сегодня центральным принципом самоорганизации живой и неживой природы, порождаемый не столько человеческим сознанием, сколько его взаимодействием с окружающим миром.

Список использованных источников

1. *Dewey, J.* Creative Democracy – The Task Before Us / J. Dewey // John Dewey: The Later Works, 1925–1953. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1988. – Vol. 14. – P. 224–230.

2. *Nelson, C.* The Invention of Creativity: The Emergence of a Discourse / C. Nelson // Cultural Studies Review, volume 16, number 2, September 2010. – P. 49–74.

3. *Joas, H.* The Creativity of Action / H. Joas. – Chicago: University of Chicago Press, 1996. – 336 p.

4. *Лэндри, Ч.* Креативный город / Ч. Лэндри; пер. с англ. В. Гнедовский, М. Хрусталёва. – М.: Классика-XXI, 2005. – 397 с.

5. *Флорида, Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; пер. с англ. А. Константинова. – М.: Классика-XXI, 2005.– 419 с.

6. *Howkins, J.* The creative economy: how people make money from ideas / J. Howkins. – London: Penguin Books, 2007. – 269 p.

7. *Йоас, Х.* Возникновение ценностей / Х. Йоас; пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. – СПб.: Алетейя, 2013. – 312 с.

8. Reckwitz, A. Die Erfindung der Kreativität. Zum Prozess gesellschaftlicher Ästhetisierung / A. Reckwitz. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 2012. – 408 s.

(Дата подачи: 15.01.2019 г.)

Ю. В. Нестерович
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск

Y. Nesterovich
The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences, Minsk

УДК 001.8

ОЧЕРК КОРРЕЛЯЦИИ ПОНЯТИЙ МЕТА- И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАКУРСЕ ИНТЕНСИВНОГО РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СТРУКТУРЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

SKETCH THE DEPENDENCE PANTIES META-KNOWLEDGE AND AUTHORITY IN THE TREATMENT OF INTENSIVE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF STRUCTURE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

В статье рассматривается вопрос о необходимости интенсивного развития теории структуры научного познания и теории научного знания в целом и расширения понятийного аппарата эпистемологии. Обосновывается необходимость различения понятий теории и системы теоретических знаний, теоретических и надэмпирических знаний. Показано, что выделение метатеоретического уровня исследования является результатом контаминации понятий. Предлагается расширить типологию уровней научного исследования через выделение предпосылочного и посттеоретического уровня исследования.

Ключевые слова: теория научного знания; теория; система теоретических знаний; структура научных знаний; эмпирический уровень исследования; теоретический уровень исследования; метатеоретические знания.

In the article the nature of the question of the need for intensive development of the theory of the structure of scientific knowledge and the theory of scientific knowledge in General and the expansion of the conceptual apparatus of epistemology. In particular, the necessity of differentiation of the concepts of theory and system of theoretical knowledge, theoretical and supra-empirical knowledge is substantiated. It is proved that the choice of the meta-theoretical level of research is the result of the concepts contamination. It is proposed to expand the typology of levels of scientific research by selecting the pre-and post-theoretical level of research.

Keywords: theory of scientific knowledge; theory; theoretical knowledge system; scientific knowledge structure; empirical research level; theoretical research level; meteor knowledge.

Интенсивное развитие философией науки и эпистемологии в условиях тенденции междисциплинарного синтеза в науке ставит перед ними задачи синтеза их теорий и схем. В том числе нередуцируемых друг к другу ТСНП (теории структуры научного познания) и ТНЗ (теории научного знания) и, в частности, непротиворечивой корреляции понятий мета- и общетеоретических (научных) знаний и иных базисных понятий в СНЗ (системе научных знаний). Это необходимо ведет к расширению и уточнению понятийного аппарата эпистемологии. Необходимость такого синтеза и первые попытки такой корреляции понятий мы обосновывали и предпринимали в рамках метафилософии [1; 2] и др.

В советской и постсоветской, в том числе отечественной философии и методологии науки достигнут ряд результатов, с одной стороны, позволяющих строить модель структуры научного познания и шире – исследовательскую парадигму эпистемологии, методологически более мощные, нежели позитивисткие и неопозитивисткие модели и парадигмы, а с другой – служащих опорой для дальнейшего интенсивного развития ТНЗ. Среди них: выделение наук, продуцирующих частное, всеобщее и региональное знание (Н. И. Жуков); раскрытие свойств теории, требований к ней, классификации примыкающих к научному познанию форм (В. Ф. Берков); выделение региональных и частно-общенаучных направлений исследований, обоснование наличия общенаучных дисциплин – теории систем и информологии (Э. П. Семенюк, А. Д. Урсул). В рамках тенденции интеграции знаний в науке востребованы общие теории и «науки *интегративного* порядка», при этом *метатеоретические* знания отнесены к «*общим* знаниям» для данной дисциплины (И. Е. Баренбаум). Обосновано положение, что новая более широкая теория выступает по отношению к первоначальной теории «своего рода метатеорией» (М. Э. Омельяновский). Введен концепт *интертеории*, раскрываемый «логически упорядоченным рядом теоретических систем», полисистемным комплексом, результатом полисистемного анализа, теоретической области, необходимой для целей координации теорий» (А. А. Ляпунов, С. Б. Крымский). В качестве интертеории идентифицируется НКМ (научная картина мира), при этом в отличие от НКМ интертеория «не всегда выходит за пределы внутридисциплинарного синтеза». Сопрягая концепт интертеории с понятием ФОН (философских оснований науки), получаем допущение специальных и общих интертеоретических предпосылочных знаний в форме специальных и общих НКМ. Коррелируя его с понятием общетеоретических знаний, получаем допущение в качестве общих теорий и систем интертеоретических знаний.

Экспликация понятий предметного, мета- и общего теоретического знания корелятивна корреляции их с понятиями теории, вне- и надэмпирического знания, общей и фундаментальной теории, СТЗ, степени общности теоретических знаний. В общей интертеории доминирует функция координации базисных схем обобщаемых теорий, в общей интегративной теории –

функция генерализации таких схем. В интегративной (номинально общей) теории доминирует функция объединения знаний. К последней теории приемлемо относить общую теорию государства и права. Общей интегративной теорией (внутридисциплинарного характера) представляется теория слабых и электромагнитных взаимодействий. Механика сплошных сред выступает общей интегративной теорией к ряду теорий. Общая теория относительности выступает общей интегративной теорией по отношению к специальной теории относительности и классической теории гравитации; при этом по отношению к первой она является интенсивно развитой.

Классическим примером общей интертеории междисциплинарного характера является информология (в варианте разработки З. В. Партико и др.). Видами *теоретического* исследования принято выделять фундаментальное и нефундаментальное. Из этого следует допущение фундаментального (*принципиально новая научная теория*) и нефундаментального теоретического знания. Такое выделение сопряжено с различением стадий движения научных знаний к практической реализации (А. С. Кармин, Г. Г. Бернацкий), но трудно совместимо с типологией научных исследований, в которой основными типами их выделяются фундаментальные и прикладные исследования. Если фундаментальные теоретические знания – принципиально новые знания, то их следует отличать от знаний фундаментальной теории. Фундаментальная теория может не являться общей, не предполагать другую теорию для объяснения описываемых явлений (М. Бунге). Она может не являться общей и не продуцировать общетеоретическое знание, например, теория диссипативных структур.

Отечественные ученые идентифицируют ФОН вкупе с НКМ и ИНИ (идеалы и нормы исследования) разнонаправленно: *метатеоретическим или предпосылочным знанием* [3, с. 19] и др. Едва ли термины «метатеоретические», «предпосылочные» знания приемлемо брать даже частичными синонимами. Принимаем во внимание цели и основные задачи метатеории: изучение системы понятий и положений предметной теории, ее экспликация и анализ ее свойств, установление границы ее применимости, непротиворечивости и полноты, способов введения новых понятий и доказательства ее (Ю. А. Гастев, В. Н. Садовский). ФОН, НКМ и ИНИ представляется более точным характеризовать *общ*епредпосылочными знаниями, противопоставляя *частно*предпосылочным. Наличию последних соответствует то, что при построении теорий предпосылкой выступают другие научные теории (их знания могут частично входить в состав создаваемой теории), а также метатеории (при их отсутствии – метатеоретические знания). Если рассматривать выделенные типы предпосылочных знаний коррелятивно уровням исследования, *расширяя при этом типологию уровней исследования*, то противопоставление их получает кардинальный характер: ФОН, ИНИ и НКМ связаны с продуцированием знаний на предпосылочном уровне исследования, метатеории продуцируются на ТУИ (теоретическом уровне исследования),

а метатеоретические знания – на ТУИ и постТУИ. При построении СТЗ в ТТН (техническо-технологических науках) ФОН и НКМ востребованы в малой степени. В целом общепредпосылочные знания востребованы в той или иной мере при формировании СНЗ любой науки, а частнопредпосылочные знания – предметные и специальные (конкретно-эпистемологические, конкретно-терминоведческие и пр.) – обусловлены условиями и потребностями формирования конкретной СТЗ (СННЗ). *Метатеоретические знания* (оценка теорий. СННЗ) входят в СНЗ минимум ТТН [4] (т. е. не выступают в качестве теоретических). Для развитой ТНЗ такой идентификации недостаточно. В ней их следует идентифицировать *непредметными надэмпирическими* знаниями. Их соразмерно включать в СННЗ, но не в СТЗ (особый случай – СТЗ исторической науки). Такая же идентификация релевантна по отношению к конкретно-терминоведческим знаниям документально-информационных и ТТН (они охватывают дефиниции с обоснованием, но не дефиниции в технических стандартах по терминологии).

Следует иметь в виду, что *метатеоретические знания* иной раз не только выступают в качестве предпосылки построения СТЗ, но и входят в нее. В исторической науке они в качестве критики концепций продуцируются в историографических исследованиях либо выступают вводной чатью конкретно-исторических, являясь составной частью СННЗ в ней. В отличие от них, общетеоретические исторические знания (продуцируемые историософией и теорией истории) играют второстепенную роль при объсяснени явлений, выступая в структуре научно-исторического исследования в качестве не основных предметных теоретических знаний, а предпосылочных. СТЗ историки не устанавливает эмпирические закономерности. Общетеоретические исторические знания – теории истории устанавливают закономерности исторических процессов, обобщая тенденции, механизмы наступлениия явлений, но *вне соответствия* с эмпирическими закономерностями. Хотя они и применяются для интерпретации конкретного-исторического материала, их функция обобщения сильно рестриктивирована вследствие *уникальности* исторических событий. По сути, они *научно-онтологические* знания, а не предметно-теоретические (и, соответственно, онтологический характер носят и устанавливаемые в теории истории закономерности). В конкретно-исторических исследованиях основной системной формой организации знаний является *концепция,* но не *теория* [5, с. 30–47].

В. К. Лукашевич и Я. С. Яскевич характеризуют НКМ, ФОН, ИНИ «*самостоятельными* формами научного *знания*». Это соответствует выделению *третьего уровня научного знания* наряду с эмпирическим и теоретическим уровнем. Они отмечают обозначение В. С. Степиным комплекса ФОН, НКМ и ИНИ термином «основания научного знания», применяя к нему термин «метатеоретические основания науки» в качестве то ли синонима, то ли альтернативы. Уточняя в рамках корреляции понятий, ИНИ следует идентифицировать предпосылочными, *но не метатеоретическими*

знаниями, поскольку ИНИ не являются сугубо результатом изучения *другой теории*. Существенной отличительной чертой ЭУИ (эмпирического уровня исследования) ученые считают направленность на описание явлений, а ТУИ – на выявление сущности объекта как совокупности присущих ему законов, поясняя, что «уровни научного исследования – элементы его структуры, которые дают интегральное представление о месте и роли конкретного исследования, в общем процессе научного познания объекта…». Они выделяют «набор критериев отнесения исследования к ЭУИ либо ТУИ»: общая направленность познавательных действий, характер предмета исследования, тип применяемых средств и методов, «форма фиксации полученного результата» – приращенных знаний. В качестве коррелята понятия уровня научного исследования приводят концепт «градации предметной и процессуальной сложности и когнитивной продуктивности исследований». Ученые излагают о структуре научного познания, обуславливаемой ТУИ и ЭУИ, выделяют в СНЗ (в «структуре» его) эмпирические и теоретические знания (не придавая значимости выделению в СНЗ метатеоретических знаний) [6, с. 233–243].

Релевантным понятийному аппарату методологии науки при его интенсивном приращении представляется межинтеграция понятия метатеоретических знаний, позволяющая избегать многозначности терминоэлемента «*метатеоретический*». Метатеоретические научные знания продуцируются не на *метатеоретическом,* а на предпосылочном и посттеоретическом уровнях научного исследования. Познавательные действия на первом уровне направлены на систематизацию предпосылок, установление парадигм, нормирование условий приращения научных знаний и в целом – на продуцирование общепредпосылочных знаний. Различая *предпосылочные* и *метатеоретические* знания, знания эпистемологии следует характеризовать *специальными метатеоретическими* знаниями, используемыми и в качестве *предпосылочных метатеоретических* знаний.

Методология, логика и теория научного познания характеризуются отечественными учеными «формами теоретического осмысления познавательных действий в науке» [3, с. 31–32]. Имеют место различные соотнесения предметных рамок данных областей метатеоретического исследования (Л. С. Сычева и др.). В этом случае важны два момента: *данные области исследований*, хотя и приращают знания, используемые в качестве частно- и общ*епредпосылочных знаний*, в целом дают «рефлективнонаучные знания» по отношению к результатам предметных (объектных) исследований, и роль среди этих результатов теорий первостепенна. Их знания приемлемо характеризовать. В ТНЗ – непредметными надэмпирическими, а в ТНСП – продуцируемыми на *постТУИ*. На этом уровне исследования формируются теории, которые допустимо характеризовать результатами анализа структуры, свойств научных теории, но приращают они в подавляющей степени *специальные,* а не *предметные* научные знания.

В ТСНП недостаточно констатации: «*эмпирическое, теоретическое*» – «философско-методологические категории», выражающие расчленение научного познания на два уровня с отсутствием резкой границы (Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров). С. А. Лебедев в монографии «Методология научного познания» выделяет *уровни знания, но не исследования*. Он утверждает, что «эмпирический уровень научного знания, науки» (для ТНЗ и ТСНП такая синонимия недопустима) «находится между чувственным знанием и теоретическим». Теоретический уровень – между эмпирическим и метатеоретическим, метатеоретический уровень – между теоретическим и философским уровнями научного знания, науки [7, с. 297,302; 8]. С. А. Лебедев выделяет два подуровня «метатеоретического уровня науки»: общенаучное знание и ФОН. Общенаучный подуровень метатеоретического знания охватывает частные и общие НКМ, частные и общие научные гносеологические, методологические, логические, аксиологические принципы, поясняя, что «в математике этот уровень представлен двумя самостоятельными дисциплинами: метаматематикой и металогикой».

Соразмерным (без смешения понятия знания, системы знаний и научной дисциплины) представляется изложение о том, что метанаучные дисциплины (области исследований) – металогика, метаматематика, семиотика, в отличие от логики, математики, лингвистики, формирующих научные теории, формируют СННЗ или особого рода СТЗ, охватывающие *традиционные* метатеоретические знания. «ФОН» С. А. Лебедев определяет «особым, промежуточным между философией и наукой родом знаний, который не является ни чисто философским, ни чисто научным». ФОН связывает философский уровень знаний с метатеоретическим; аналогично интерпретативные предложения связывают теоретический уровень знаний с теоретическим [7, с. 155]. В [9] ученый характеризует «метатеоретический уровень» «конструктивной надстройкой над теоретическим уровнем знания»; *теорию* «конструктивной мыслительной надстройкой над эмпирическим уровнем знания», «относительно самостоятельной структурой по отношению к эмпирическому знанию». При таком изложении *теория отождествляется с теоретическим знанием*.

В ситуации, когда теорией выступает и система метатеоретических знаний, в ТСНП недостаточным представляется выделение лишь двух уровней исследования. Исходя из комплекса признаков выделения уровня исследования (предметности, стадийности, цельности применяемых методов и др.), продуктивно выделять *предпосылочный, эмпирический, теоретический* (точнее, *надэмпирический*), *посттеоретический* уровни исследования. Такое выделение релевантно и формальному признаку предшествования форм сопряжения предметных элементов исследования. Это позволит не трактовать уровень научного исследования лишь абстракцией сопряжения предметных его элементов. Понятие предпосылочного уровня исследования обобщает факт выработки оснований, позволяющих методологически

мощно и эффективно осуществлять *предметное (объектное) исследование,* определять наличие формирования предпосылок построения СТЗ.

Понятие постТУИ обобщает факт осмысления результатов предметных исследований, представленных СТЗ. На предпосылочном уровне вырабатываются и отбираются знания, служащие условием осуществления предметного исследования, предпосылкой построения теорий (и СННЗ), на нем продуцируются нормативные и иные специальные теоретические знания. На ЭУИ исследование (оно предметное) направлено на раскрытие сущности явлений первого порядка, на нем продуцируются эмпирические знания. На ТУИ исследование направлено на установление сущности явлений второго и последующего порядка, на раскрытие сущности объекта, на нем продуцируются теоретические, мета- и общетеоретические знания. На постТУИ оно направлено на осмысление форм, способов и результатов предметного исследования (главным образом СТЗ), на нем продуцируются в значительной мере метатеоретические знания, а при приращении знаний общих интертеорий – общетеоретические знания.

Продуктивно в ТСНП различать «традиционные метатеоретические знания» – продуцируемые на теоретическом уровне знания метанаук, и «метапосттеоретические знания» – метатеоретические знания, продуцируемые на постТУИ, возникающие в результате изучения свойств, структуры другой теории и т. п., в том числе общетеоретических знаний интертеорий, но не изучения и обобщения ее содержания. Терминируя в ТНЗ в ракурсе выделения типов научных знаний, обозначение последних знаний приемлемо корректировать: *«специальные* метатеоретические знания». НКМ – метатеоретическое приложение предметных научных знаний.

В рамках развития ТСНП и ТНЗ в интенсиональном аспекте востребовано введение новых понятий: СТЗ, СННЗ, интегративной, общей интер- и общей интегративной теории, предпосылочного и постТУИ (обобщая и при этом элиминируя понятия метаТУИ и метатеоретических оснований научного познания). В целом для всех наук базовым выступает ТУИ. Для опытных наук базовым выступает и ТУИ, и ЭУИ. В математических науках ЭУИ отсутствует либо незначим. В соответствии с критерием обобщения и синтеза научного знания соразмерно выделять общетеоретические знания в качестве знаний, представленных в общей интегративной теории и интертеории. Теория, экстенсивно развивающая по отношению к другой теории (теориям) – с расширенной по отношению к ней предметной областью, не является общей теорией, если не реализует функцию генерализации/координации базисных схем. Предлагаем в качестве аппроксимации строить типологию знаний с выделением в ракурсе структуры и уровней исследования: предпосылочного, предметного (эмпирического и надэмпирического) и посттеоретического знания. Предметное надэмпирическое знание охватывает теоретическое, онтологическое, аксиологическое и др. От него следует отличать посттеоретическое надэмпирическое знание. В ракурсе структу-

ры знаний основные разряды: предметное – метапредметное (специальное и пр.), эмпирическое – надэмпирическое, частно- и общетеоретическое в пределах дисциплины, интертеоретическое (общетеоретическое междисциплинарное) знание.

Список использованных источников

1. *Нестерович Ю. В.* Отношение семантического и герменевтического в метафилософии / Ю. В. Нестерович // Философы XX века. Ганс – Георг Гадамер: материалы респ. чтений – 5, 11 мая 2000 г. / Ю. В. Нестерович. – Минск, 2002. – С. 50–53.

2. *Нестерович Ю. В.* Экспликация понятия философии в рамках метафилософии / Ю. В. Нестерович // Философы XX века. Хосе Ортега-и-Гассет: респ. чтения – 9, Минск, 28 янв. 2004 г. / Ю. В. Нестерович. – Минск. 2004. – С. 22–25.

3. *Лукашевич В. К.* Основы методологии научных исследований: учеб. пособие / В. К. Лукашевич. – Минск: ООО «Элайда», 2001. – 104 с.

4. *Лебедев С. А.* Предмет и структура технических и технологических наук / С. А. Лебедев // Философия математики и технических наук: учеб. пособие / С. А. Лебедев, Н. М. Твердынин; под общ. ред. С. А. Лебедев. – М.: Академ. проект, 2006. – С. 497–533.

5 *Несцяровіч Ю. У.* Тэарэтычныя праблемы гістарыяграфіі, метадалогіі гісторыі, навуказнаўства і этналогіі / Ю. У. Несцяровіч. – Мінск: БелНДІДАС, 2004. – 162 с.

6. *Яскевич Я. С.* Философия и методология науки: учеб. пособие / Я. С. Яскевич, В. К. Лукашевич. – Минск: БГЭУ, 2009. – 475 с.

7. *Лебедев С. А.* Философия науки: учеб. пособие / С. А. Лебедев. – М.: Академ. проект, 2010. – 731 с.

8. *Лебедев С. А.* Уровни научного знания / С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 62–75.

9. *Лебедев С. А.* Структура научной рациональности / С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2017. – № 5. – С. 66–79.

(Дата подачи: 07.12.2018 г.)

О. Л. Познякова
Белорусский государственный медицинский университет, Минск

O. Poznjakova
Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 130.2,141.319.8, 101.1:316

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРАМЫ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF DRAMA IN SOCIAL-PHILOSOPHICAL RESEARCH

В статье эксплицируется методологический потенциал драмы в современном социально-философском исследовании. Показано, что теоретическая реконструкция модели драмы позволяет говорить о драматическом подходе в исследовании и объяснении общества, а морфологический анализ структуры раскрывает ее методологический потенциал для изучения кризисных ситуаций в социуме.

Ключевые слова: драма; социальная драматизация; драматический подход; драматизация социальной действительности.

The article reveals the methodological potential of drama in modern social and philosophical research. It is shown that the theoretical reconstruction of drama model suggests a dramatic approach to the study and explanation of society, and the morphological analysis of drama structure reveals its methodological potential for studying the phenomenon of social crisis.

Keywords: drama; social dramatization; drama approach; dramatization of social reality.

Современное европейское общество, в том числе и белорусское государство, вынуждено приспосабливаться к жизни в условиях постоянного кризиса. Сам факт стремительных изменений свидетельствует о том, что кризисные явления во всех без исключения сферах социальной жизни стали сущностной и неотъемлемой чертой общественного бытия. В связи с этим интерес к теме социума со стороны мыслителей XXI века предполагает обращение к таким подходам в изучении закономерностей развития общества, которые оказываются чрезвычайно важными как для анализа современной ситуации, так и для выявления продуктивных стратегий осмысления и разрешения конфликтов локального и глобального масштабов в будущем.

В данной статье эксплицируется *методологический потенциал драмы* в современном социально-философском исследовании. Автор предлагает использовать понятие «драма» в качестве фундаментальной универсалии культуры, которая отражает противоречивость процессов культурно-цивилизационного развития. Характерно, что еще русский философ А. Ф. Лосев, исследуя специфику древнегреческой драмы как культурного феномена, обращал внимание на то, что «сама драма отражает социальную реальность в ее противоречивом развитии» [1, с. 157].

Кроме того, следует отметить, что такие понятия, как «социальная драма», «социальная драматизация», в отечественной социально-философской мысли до сих пор не вошли в обиход. Обоснование данных концептов на метапредметном уровне и введение их в качестве категорий социально-философского анализа составляет элемент новизны предполагаемого исследования.

Итак, традиционно понятие драмы рассматривается в эстетическом, культурологическом, филологическом, искусствоведческом, литературоведческом контекстах с целью более детального изучения ее сущности, специфики, формы и содержания на различных этапах исторического эволюционирования. Исследователей, как правило, интересуют проблемы, связанные с выявлением родовых литературных отличий драмы от эпоса и лирики; трудности при выявлении содержательно-жанрового своеобразия трагедии, драмы и комедии; состояние указанных проблем в истории мировой эстетической и литературоведческой мысли и т. п. Характерно, что драма всегда была объектом исследования прикладных, узкопрофильных дисциплин в сфере искусства и никогда не становилась предметом метатеоретического уровня исследования. Иными словами, драма никогда не вы-

ступала в качестве философской категории, в качестве методологического инструментария анализа макроструктурных процессов в обществе.

В истории мысли отмечены попытки воспользоваться театральной терминологией в приложении к описанию человеческих взаимоотношений. Так, римский писатель Гай Петроний в драматургическом по сути афоризме отразил специфику социальных взаимодействий. Его строка «Mundus universus exercet histrioniam» в буквальном переводе с латинского языка означает – «Весь мир занимается лицедейством». Вильям Шекспир предложил использовать понятие «театр» в качестве метафоры, характеризующей сущность мира, в котором живет человек: «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль» [2, с. 47]. Необходимо подчеркнуть, что и Г. Петроний, и В. Шекспир имели непосредственное отношение к профессиональной деятельности драматурга, что давало им право использовать театральную терминологию для выражения собственных мировоззренческих установок.

Трансдисциплинарное использование драматургической терминологии становится возможно только к середине XX века, когда в практической социологии актуализируются исследования законов и ритуалов социального поведения людей. Так, Кеннет Берк (1897–1993) – американский писатель, журналист, философ, теоретик коммуникации, оказал влияние на становление и развитие *драматургической перспективы* в социологии. В своей трилогии «*Грамматика мотивов*» (1945), «*Риторика мотивов*» (1950), «*Язык как символическое действие*» (1966) он трактует социальное взаимодействие и коммуникацию в рамках пяти элементов: действие, сцена, деятель, средства и цель. По К. Берку, к большинству случаев социального взаимодействия и коммуникации следует подходить как к форме драмы, результаты которой определяются соотношением этих пяти элементов. Такая формула стала известна под названием «драматургическая пентада» и закрепилась в драматургическом методе, согласно которому отношения между жизнью и театром понимаются буквально, а не метафорически, – весь мир является сценой.

Идеи драматизма К. Берка, которые, в свою очередь, являются отсылкой к В. Шекспиру, оказали влияние на развитие мысли Ирвинга Гофмана (1922–1982), американского социолога канадского происхождения, последователя школы социальной философии американского прагматизма. В своей работе «Представление себя другим в повседневной жизни» [3] И. Гофман разрабатывает ***«драматургический»,*** или ***«театральный» подход в социологии,*** анализируя «сценическую постановку» человеческих микровзаимодействий, приемы театрализации собственной деятельности и т. д. По мнению американского мыслителя, «если мы представляем себя в роли режиссёров, наблюдающих за тем, что происходит на сцене повседневной жизни, то мы проводим драматургический анализ, – изучение социальных взаимодействий, используя терминологию театрального представления» [4, с. 133].

Следует отметить, что адепты данного течения в теоретической социологии трактуют *социальное взаимодействие преимущественно как игру людских воображений друг о друге.* Человек непосредственно существует для другого человека лишь как воображаемая сущность, воздействующая на его разум. Взаимодействие происходит не столько между индивидами как субъектами, целостными неделимыми личностями, сколько между разными социальными ликами индивидов, как бы между изображаемыми ими персонажами. Подобную позицию Джордж Герберт Мид назвал «социальным солипсизмом». Более того, *в контексте такого анализа форм и ритуалов межличностного взаимодействия* ***нет места действию моральному****, поскольку все нацелено на решение прагматических задач, и* ***свобода воли совпадает с необходимостью.*** В связи с этим современный американский социолог Джон Уэлш в своей статье «Драматургический анализ и социальная критика» назвал теорию И. Гофмана «продуктом потребления» [5, с. 35].

И. Гофман не стремился построить теорию общества в целом, а сознательно анализировал особую микрореальность, возникающую только в социальных ситуациях, где участники находятся в физическом присутствии друг друга и имеют непосредственную возможность реагировать на действия других. Поэтому драматургический подход не способствует пониманию закономерностей в функционировании общества и не отвечает целям теоретической социологии. Для многих исследователей опыт И. Гофмана подрывает надежду на исполнение заветной мечты – построить мост между наблюдениями и обобщениями на уровне повседневных житейских ситуаций и историческими обобщениями макросоциологии. Причем построить не в форме интуитивных прозрений и поверхностных метафор, а в виде лестницы строгих понятий, включенных в общую теоретическую систему. По этой причине драматургический подход И. Гофмана крайне редко становился предметом изучения в российской социально-философской мысли. К примеру, в электронном каталоге Российской государственной библиотеки зафиксировано только две русскоязычные статьи на данную тему за последних двадцать лет [6; 7]. В отечественной философии за указанный период времени интерес к социальной драматургии не выявлен.

Так что же такое драма в контексте социально-философского исследования и насколько правомерно с теоретико-методологической точки зрения использовать данное понятие для описания сущности и специфики конфликтов, протекающих в обществе?

Автор данной статьи в своих рассуждениях предлагает пойти дальше микросоциологической драматургии И. Гофмана. А именно рассмотреть драму не как метафору для описания микрокосма, в котором живет человек, а как модель или алгоритм разрешения конфликта, реально протекающего в обществе.

Важно отметить, что понятие «драма» в переводе с древнегреческого языка означает «действие» и рассматривается как один из трех родов художественной литературы (наряду с эпосом и лирикой) [8, с. 159]. Аристотель определял драму как «…подражание *действию*… посредством действия, а не рассказа» [9, с. 652]. Согласно М. Горькому, «драма должна быть строго и насквозь *действенна*» [8, с. 160]. *Действие*, происходящее в драме, – это прежде всего *конфликт* мотивов, поступков, интересов, взглядов. В драме действие разворачивается только в том случае, когда есть противоречие – ядро драматического произведения.

Не следует путать драму как род литературы и драму как жанр. К драме как литературному роду так или иначе относится любой литературный жанр, построенный в диалогической форме, в том числе комедия, трагедия, драма, водевиль, фарс и т. д. Необходимо подчеркнуть, что именно родовые, а не жанровые характеристики драмы носят универсальный, онтологический характер и позволяют говорить о возможности использования драматического подхода для анализа конфликтных процессов в обществе.

Далее термин «драматизация» является производным от слова «драма» и характеризуется *действием*, отражающим *противоречия и конфликты*. Драматизировать процесс общественной жизни – значит придавать этому процессу драматическую форму с ярко выраженным конфликтным, противоречивым началом, выражающим себя в столкновении разнополярных интересов людей. Иными словами, *социальная драматизация* – это совокупность явлений или взаимодействий, происходящих в обществе по инвариантным законам драматургии и меняющих отношения между людьми или между составными элементами сообщества. Важнейшими чертами социальной драматизации является их всеобщность и связь с субъектом, который осуществляет этот процесс (драматизация деятельности с определенными установками субъекта).

Учитывая все сказанное выше, становится возможным эксплицировать разницу между драматическим подходом, разрабатываемым автором статьи, и драматургическим подходом И. Гофмана. Так, драматургический подход этимологически связан с понятием «драматургия», т. е. «теория драмы, теория действия», и основан на принципе зеркального отражения внешней поведенческой реакции человека на конкретные обстоятельства. Данный подход является своеобразным рецептом достижения желаемого от окружающего мира, что в целом характерно для школы американского прагматизма. Что касается драматического подхода, то он связан с понятием «драма», и в основе него, если следовать определению драмы по Аристотелю, лежит принцип отражения *действия через конфликт*, сущность которого – в противоречии, в столкновении интересов. Таким образом, ***драматический подход*** в социальной философии – это совокупность приемов теоретической реконструкции модели драмы и драматического моделирования конфликта в исследовании и объяснении общества, объединенных принципом

драматизации социальной действительности. ***Принцип драматизации социальной действительности*** – это исходное положение драматического подхода, основанное на рассмотрении социальных процессов сквозь призму модели драмы как алгоритма разрешения конфликта.

Драматическое моделирование конфликта – это прием в рамках драматического подхода, который позволяет смоделировать социальный конфликт по принципу драматизации социальной действительности.

Теоретическая реконструкция модели драмы – это прием, который позволяет в полной мере раскрыть методологический потенциал драмы в контексте социально-философского исследования. Так, реконструкция модели классической драмы включает в себя выявление основополагающего принципа построения и развития драматического произведения, его классической формы, структуры и стратегии вовлечения [10, с. 41–68]. Для данного исследования наибольший интерес в методологическом плане будет представлять структура драмы как алгоритма разрешения конфликта. Морфологический анализ структуры драмы позволяет выделить следующие обязательные, инвариантные компоненты, которые одновременно будут являться стадиями в алгоритме разрешения конфликта.

Первая стадия – предпосылка к конфликту. В классической драматургии она называется драматической ситуацией.

Вторая стадия – завязка. Здесь происходит определение сущности противоречия между потенциально конфликтующими сторонами, а также переход к открытому противостоянию интересов участников конфликта.

Третья стадия – методологический кризис, характеризующийся неудачной попыткой разрешения конфликта привычными способами, приемами и средствами, что приводит к усугублению противостояния интересов конфликтующих сторон. В классической драматургии данный этап носит название «первая петля».

Четвертая стадия – «точка невозврата». В драматургии ее называют «мидпоинт», поскольку здесь происходит выявление и осознание истинной, глубинной причины конфликта с учетом ранее скрытых факторов, что приводит к кризису мировоззрения участников противоборствующих сторон.

Пятая стадия – кризис мировоззрения или «вторая петля». Участники конфликта стремятся отыскать и применить максимально разрушительные средства противостояния с целью разрешения конфликта.

Шестая стадия – кульминация. Открытая схватка участников конфликта с целью утверждения интересов одной из сторон.

Седьмая стадия – развязка, в которой происходит либо конструктивное разрешение конфликта, приводящее к компромиссу интересов сторон, либо деструктивное, связанное с подавлением и подчинением воли и интересов одного из участников конфликта, либо гибель участников конфликта.

Рассмотрим пример того, как данная модель может работать на практике. Предположим, что предпосылкой к конфликту выступает противостоя-

ние между двумя идеологическими системами – социализмом и капитализмом. Тогда в завязке конфликта необходимо формулируется противоречие между потенциально конфликтующими сторонами – послевоенным СССР и США, происходит переход к открытому противостоянию интересов участников конфликта – опускается «холодный занавес». Суть противоречия заключается в отношении конфликтующих сторон к частной собственности, антагонизму классов, эксплуатации человека человеком, рабочей силе как товару и пр. Попытка разрешить конфликт привычным способом – сначала при помощи гонки вооружений, а затем при помощи активно развивающегося международного права не приводит к желаемым результатам. На фоне распада в 1991 году Советского Союза происходит мировоззренческий кризис у людей, связанный с выявлением истинной причины противодействия конфликтующих сторон. А именно, ограниченность природных ресурсов Северной Америки, что ставит под угрозу возможность процветания людей, переселившихся на данный континент. Открывается пятая стадия конфликта, когда участники стремятся отыскать и применить максимально разрушительные средства противостояния атаке потенциального противника. Начинается новая гонка вооружений высоко технологического, космического характера, политическая риторика при помощи интернета и СМИ также выступает средством борьбы конфликтующих сторон. Очевидно, что в кульминации нас ожидает открытое столкновение противников конфликта, а именно война. По мнению некоторых аналитиков, такое столкновение уже происходит на территории Сирии.

Седьмая стадия конфликта еще не наступила. Но мы знаем, что она приводит либо к конструктивному разрешению конфликта, компромиссу интересов сторон, либо к деструктивному – подавлению и подчинению воли и интересов одного из участников. Помимо этого, в эпоху ядерного вооружения актуальным становится гибель не только участников конфликта, но и всего человечества.

Таким образом, анализ кризисной ситуации с применением драматического подхода дает понимание того, что нас ждет в ближайшем будущем, и что еще можно сделать, чтобы избежать катастрофической развязки в виде гибели цивилизации. Теоретическая реконструкция модели драмы позволяет в целом говорить о драматическом подходе в исследовании и объяснении общества. Морфологический анализ структуры драмы раскрывает ее методологический потенциал для проведения социально-философского исследования. Так, выявляя или моделируя противоречие интересов в обществе, вычленяя его инвариантные структурные элементы в соответствии с моделью драмы, становится возможной корректировка направленности социального конфликта в сторону так называемого «катарсического глобализма» – глобального сообщества, вечного мира, избегая фрустрирующих сознание людей последствий, приводящих к социальным катастрофам.

Список использованных источников

1. Греческая трагедия / А. Ф. Лосев [и др.]. – М.: Учпедгиз, 1958. – 366 с.
2. *Шекспир, В.* Как вам это понравится / В. Шекспир. – М.: Изд. дом Мещерякова, 2017. – 120 с.
3. *Гофман, И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
4. Sociology / L. Macionis [et al.]. – Toronto; Ontario: Pearson Canada Inc. – 2010. – P. 125–140.
5. *Welsh, J.* Dramaturgical Analysis and Societal Critique Piscataway / J. Welsh. – New Jersey: Transaction Publishers,1990. – 68 p.
6. *Вахштайн, В. С.* Драматургическая теория И. Гофмана: два прочтения / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3, № 4. – С. 104–118.
7. *Ильин, В.* «Драматургия повседневности» / В. Ильин // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2003. – № 2. – С. 3–10.
8. *Михайлов, М. И.* Эпос, драма, лирика как роды литературы (сущность, специфика, соотношение): дис. ... докт. филол. наук / М. И. Михайлов. – М., 2006. – 302 с.
9. *Аристотель*. Поэтика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. / Аристо-тель. – М., 1975–1983. – Т. 4. – С. 645–681.
10. *Познякова, О. Л.* Философия драмы: фрустрация vs. катарсис / О. Л. Познякова. – Минск: РИВШ, 2017. – 102 с.

(Дата подачи: 25.02.2019 г.)

Н. С. Клишевич
Республиканский институт высшей школы, Минск

N. Klischevich
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 008:316.733

ВСЯ НАША ЖИЗНЬ ИГРА: РЕФЛЕКСИЯ ПРЕВРАЩЕНИЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ В ИГРАЮЩЕГО

LIFE IS A GAME: REFLECTION ABOUT TURNING AN OBSERVER INTO A PLAYER

Феномен «игра» раскрывается с точки зрения наблюдателя и играющего. Игра становится новой творческой реальностью, претендующей на онтологический статус. В игре человек получает возможность самоконструирования и моделирования своего жизненного пространства, что позволяет задать иные стратегии понимания существования человека.

Ключевые слова: игра; язык как игровое пространство; герменевтика; онтология игры; Г.-Г. Гадамер.

The phenomenon of «game» is revealed in terms of the observer and the player. The game becomes a new creative reality claiming the ontological status. In the game a person gets an opportunity to design and to model his living space that allows to set other strategies for understanding of human existence.

Keywords: game; language as a gaming space; hermeneutics; game ontology; G. Gadamer.

В последнее время с переходом к эпохе цифровой трансформации феномен игры стал рассматриваться как новое антропологическое основание бытия. Это объяснимо с точки зрения множественных игровых элементов в жизни человека. Сегодня мы не просто играем, чтобы «убить время», а еще и обучаемся в игре и незаметно для самих себя подменяем одну реальность на другую, тем самым «продлевая время» или «меняя его течение». История этого термина уходит еще к софистам, которые с помощью псевдологических рассуждений сбивали с толку своих учеников и находили в этом для себя забаву [3]. О сходстве между игрой и творчеством говорили И. Кант, Ф. Шиллер, уже тогда делался акцент на феномене свободы, которая проявляется и в творчестве, и в игре. Своеобразный игровой переворот совершил И. Хёйзинга в 1938 году, наиболее комплексно продемонстрировав в своей книге «Homo ludens» [7], что разные сферы человеческой культуры (искусство, философия, наука, политика, юриспруденция, военное дело и др.) тесно связаны с игровыми формами.

Подспудно мы все играем, в себя или иного в себе, мы постоянно примеряем различные маски, без игры не обходится ничего в нашей жизни. Это и риск, и азарт, и случай, и то, что больше всего манит – безызвестная непредсказуемость, открытое пространство вариантов. Чего же мы хотим в своей игре? Сбегаем ли от себя или, наоборот, к себе приближаемся? Кончится ли это вечное вопрошание – вопрос также беспределен, как и ответ на него. «Массаж медиа» все шире: «Теперь весь мир стал мудрецом и учителем». Случайность, благодаря которой Квентин Фиоре создал увлекательный альбом с различными художественными приемами, типа «перевернутого текста», массой фотографий, утверждает лишь одну мысль М. Маклюэна, что печать является достаточно ограниченным средством коммуникации, но может стать игрой. Благодаря типографической ошибке опечатка message/ massage превращается в игру слов, при которой новое медапространство совершает массаж мозга общества и отдельного человека. Если в результате случайной игры слов способность одной буквы в тексте приводит к значительным изменениям в сознании масс, то можем ли мы остаться неизменными в игре под названием жизнь? Определенно нет. Значит, прав был Г.-Г. Гадамер утверждая, что игра без нашего на то позволения настолько меняет нас, что никакая часть нашей личности не остается неизменной. Вопрос и ответ в игре находятся в вечной взаимосвязи, если ответ исчерпывающий, он не порождает нового вопрошания, выпадая из диалога, нарушая его плетение, и являет собой идеальную смерть, попадая в пространство вненаходимости, входит в систему познания как идеальный памятник теории. Г.-Г. Гадамер в своей работе «Истина и метод» (1960) распространил понятие игры на процесс понимания текстов, произведений искусства, исторических событий, включив его, таким образом, в понятийный аппарат герменевтики (теории понимания и истолкования).

Если трактовать жизнь как игру, то предполагается, что человек, проживающий такую жизнь, обладает авантюрно-героическим сознанием, т. е. он подспудно уже промыслил примерный «завершенный сюжет» или несколько сюжетов как своеобразный конец в книге-игре, которую мы читаем. Этот финал может быть увенчан славой, любовью, героической кончиной, памятью потомков и т. д. «Авантюрный герой» в воображении как бы видит свою жизнь со стороны в целом и оценивает ее эстетически, упивается эстетическим переживанием. Он живет в мечте, но мечта его несвободна, несамостоятельна, пассивна, она навеяна уже готовыми образами «героев».

Живущий реальной жизнью человек никогда не бывает завершен – он как проект открыт и всегда нацелен на следующий миг (или век) жизни, возможный, но не предначертанный (М. М. Бахтин). Учитывая развитие новых коммуникационных технологий, новая информационная виртуальная среда дает нам возможность проживать не одну реальность. Виртуальная реальность позволяет создать техническими средствами искусственный мир, в котором, как и в обычном реальном мире, приходится делать свой выбор. Эта возможность дала толчок к развитию Game theory (теории игр), которая принадлежит к семейству теорий *Rational Choice Theory* (рационального выбора). Теория игр позволяет с помощью математических методов выбрать оптимальную стратегию в играх. Поскольку мы утверждаем, что жизнь – это игра, то справедливо, что в играх такого рода объекты виртуальной реальности обычно ведут себя близко к поведению аналогичных объектов материальной реальности и даже превосходят таковых по возможностям (к примеру, человек получает полное ощущение полета, хотя он стоит на одном месте). Это было отмечено и нашими игроками[1], которые определяли свою жизнь в данный момент как одновременно проживающуюся как минимум в двух реальностях. Это расширяет пределы человеческих возможностей и приводит к мысли, что, возможно, жизнь, как и игра в новой гиперреальности, может также быть мультисессионной.

Причин для игры множество: это и уход от скуки, и попытка уйти от повседневности, и шанс применить новые технологии к феномену человеческого, данный нам как возможность проиграть различные способы сбыться, выжить, и существовать всегда. Жизнь, как и игра, подобна произведению искусства, которое бытийствует, т. е. существует независимо. По Г.-Г. Гадамеру, бытие произведения не заключено «внутри» вещи, созданной художником или музыкантом, оно не «находится» в сознании, а само сознание человека погружается в бытие произведения искусства, участвует в нем

[1] Эти размышления явились результатом прослушанного курса П. Барковского «Техники символической интерпретации», где был создан форум для участников, который служил удобным местом для размещения материалов, в т. ч. и видео, и позволял создавать своего рода кейсы, включающие тексты для чтения, вопросы для обсуждения, возможность выбора объекта для анализа. Форум послужил пространством, на котором развернулась игра между участниками курса.

(становится его частью). Игра выступает по отношению к человеку и вещи как «превосходящая реальность», в которую люди и вещи вовлекаются, впадают и согласуются с ее порядком, ее духом. В этом смысле Г.-Г. Гадамер утверждал, что «субъект игры – это не игрок», через играющих игра лишь достигает своего осуществления: «субъект игры – сама игра», игра играется.

Опираясь на сходство произведения искусства с игрой, Г.-Г. Гадамер показал, что отношение человека к произведению не укладывается в гносеологическую схему типа субъект – объект. Этот вывод важен для разработки методологии гуманитарных исследований, в которых методы, применявшиеся классическим естествознанием и ориентированные на познание объекта самого по себе, нередко оказываются непригодными.

Игра освобождает субъективность, в том смысле, что как только человек постигает себя в качестве свободного субъекта, он использует свою свободу, где устанавливает свои правила и ценность своих действий, его деятельность становится игрой. Ему в некотором смысле «мало реальности» мира, его цель (играющего человека) состоит в том, чтобы достигнуть самого себя как определенного бытия, а именно бытия, которое находится под вопросом в его бытии. Тут функция действия игры – в обнаружении и предоставлении самому себе абсолютной свободы, которая есть само бытие личности. Реальный (не играющий) человек, т. е. признающий власть объективных законов мира над собой, не свободен, а человек играющий реализует свою свободу, так как в игре вещи материального мира со всеми законами своего устройства становятся лишь средствами, знаками, игрушками для творчества из ничего.

Игра церемониальна, она не позволяет участникам относиться к ней несерьезно. Игра диалогична, она позволяет не только вести разговор с игроками, но и выстраивать игровые манипуляции общения с предметами, используя своеобразный язык жестов. Игра ограничена пространством, т. е. проходит в определенных границах пространства и времени, в которых существует «игровой мир». Это справедливо и для категории «вся жизнь – игра», когда человек завершает свой земной путь. Но это пространство и время оживает или расширяется вновь с помощью диалога с мыслями, хранящимися во времени до момента их востребованности. Персонализация диалога – это вовсе не субъективизация. Предел здесь не я, а я во взаимоотношении с другими, не «я-другой», а «я – мы», где мы – игровая среда, порождающая зачастую пустые слова, которые наполняются смыслом в новых контекстах в зависимости от подготовки читающего. Вопрос о необходимости диалога в игре полностью проясняет цитата Г.-Г. Гадамера «истину не может познавать и сообщать кто-то один. Всемерно поддерживать диалог, давать сказать свое слово и инакомыслящему, уметь усваивать произносимое им» – в этом и состоит смысл игры в понимание [2]. Вопрос о том, что Г.-Г. Гадамер, онтологизируя игру, не снимает вопроса о своеобразной онтологизации, языка как Логоса, достаточно прозрачен. За singulare tantum сто-

ит язык Нового Завета. Язык выступает как способность порождать вечный Уроборос и размыкать круг замкнутости.

Традиционный диалог в игре, безусловно, присутствует и как диалог с наставником, и как диалог с сиюминутным вдохновением, и как диалог с другими. Если диалог в устной речи достаточно спонтанен и порождает собой импровизацию как идеальное творчество, то в нашем случае «игры в техники»[1] все усложнялось вступлением в письменный диалог. Письменный диалог, с одной стороны, отложен во времени и поэтому, на первый взгляд, похож на своеобразный островок монолога. Тоталитаризм письменной традиции вытеснил диалог времен античности, снимая с него сиюминутную маску таинственности и кулуарности. Обнажив свои мысли, мы вынуждены пригвоздить их к форуму и доверить творчество продуманности, лишив его тем самым спонтанного первотворчества. Диалог как диа-Логос, как столкновение мыслей-слов, дает нам возможность рассмотреть роль языка как «игрового пространства», а не просто знаковой формы для обслуживания сферы истинных значений. Рациональное зерно того, что язык является формой жизни, в том, что слова, сплетенные в предложения, выступают как действия, которые работают, минуя рефлексию (например, вопросы типа: «что вы делаете или испытываете, когда говорите, что «думаете»?). Тут, как утверждает Л. Витгенштейн, отсутствуют процедуры доказательства и обоснования, фразы воспринимаются как должное. Таким образом, наш форумный язык стал «игровым пространством» и позволил перейти от интенциональных состояний к лингвистическим актам.

Первая классификация речевых актов была предложена создателем теории речевых актов Дж. Остином [5]. В речевом акте Дж. Остин выделяет три уровня: при этом акцент переносится с принципа деятельности говорящего по производству высказываний на принцип их коммуникативной целенаправленности (интенциональности). Локутивный акт (*локуция, от англ. locution «оборот речи, речение»*) представляет собой произнесение высказывания, обладающего фонетической, лексико-грамматической и семантической структурами. Ему присуще значение. Реализация звуковой структуры приходится на долю фонетического акта, лексико-грамматическая структура реализуется в фатическом акте, а семантическая структура – в ретическом акте. Иллокутивный акт (*иллокуция, лат. il- < in «в, внутри»*), обладая определенной силой, обеспечивает указание не только на значение выражаемой пропозиции, но и на коммуникативную цель этого высказывания. Этот акт конвенционален. Перлокутивный акт *(перлокуция, лат. per- «посредством»)* служит намеренному воздействию на адресата, достижению какого-то результата. Данный акт не является конвенциональ-

[1] Речь идет о спонтанной игре «Техники символической интерпретации», суть которой возникла сама собой по ходу изучения курса, где участники выстраивали свои диалоги, соотнося с той или иной техникой истолкования текстов.

ным. Все три частных акта совершаются одновременно, а не один за другим. Их различение необходимо в методических целях, для выяснения того, что игровое речение порождает ответственность. Бремя ответственности интенционально не позволяет играющему оставаться в одной роли, что мы и наблюдаем периодически на форуме. Ответственность «понять другого и быть понятым» и превращает играющего в зрителя или наблюдателя, выводя его за пределы игры. Также позиция игрока ослабевает либо меняется в виду того, что с помощью перлокуции воздействие смысла на игрока может быть трактовано реципиентом иначе, чем закладывалось адресантом. «Скажите «Здесь холодно», имея в виду «Здесь тепло», – озадачивает читателя в своих «Философских высказываниях» Л. Витгенштейн. Причина, по которой этого сделать нельзя, заключается в том, что в случае неадекватного и расходящегося с конвенцией использования языка намерение говорящего не имеет шанса быть распознанным играющим. Иной ракурс, раскрывается нам, когда мы используем некий образ как шифр для передачи информации в игре. Тогда своего рода перехват этого шифра «момент озарения» наблюдающего может вернуть его в позицию игрока. Процесс диалога как речения и диалога как замены наблюдателя на зрителя или игрока и дает способность машине-игре «техники символической интерпретации» двигаться.

Момент, когда игрок «задумался»: «спрятался за мыслями как за стеной», взял паузу для «промысливания» ситуации, для поиска правильности сказанного, прекращает временной диалог и создает некую пустоту для того, чтобы заполнить пустоту некой истиной как правдой. Но, в конечном итоге, правда, как и написанная книга мертва и не нужна, точнее, она предельна. Конечная правда тверда и уверена, однозначность и неповторимость дают ей право сбыться. Правда как сбывшееся, осуществившееся, основанное на чувственном опыте, не может быть истинной. Истинная правда – это неправда, это не-знание, в т. ч. и истинного бытия. В этом и состоит вечная игра. *Мы хотим правды, хотим конца! Желаем ограничить себя правдой как религией.* Локутивный акт переходит на высшую ступень, становится перлокутивным. «Отче наш», приносящий силу новой веры, энергии нового слова вопреки мраку и невежеству языческого мира». Акт и потенция, действительность и возможность, форма и материя приводят к «чистому акту» – действительности как осуществлению всех возможностей к разуму. «Ум» (нус), т. е. Бог. Ум и мышление благодаря игре языка становятся новым символом веры.

Вступая в диалог в игре, мы запускаем процессы понимания как событие языка. Для форумной игры язык в широком смысле – это бытие игры, которое может быть понято всеми игроками. И если монологичные языковые формы письма как бы «убивают» смысл, то диалог в любом виде хоть и происходящий в отложенном времени, порождает второе дыхание жизни или вечное повторение. Таким образом, диалог разыгрывает игру и может

не устанавливать пределы этой игры. Так как любой последующий, вступая в него, длит игровое действие ответным ходом.

Позиция наблюдателя не дает вам право вступать в диалог. Вы остаетесь в фокусе «молчания». Это, с одной стороны, дает право быть «не – проговоренным» по какой-то личной причине, и ставит вас в позицию молчания как экзистенциального модуса речи, что порождает ответный вопрос: «О чем молчим?» Это может быть и многозначительное молчание-сообщение, и извещение-ультиматум. «Промалчивание» как попытка понять происходящее в игре и ожидание своего такта вступления. Можно умалчивать, к примеру, не желая раскрывать, можно просто молчать и в итоге пропустить свой ход в игре или «потерять речь», что приведет к более плачевным событиям «не возврата». Выход из позиции наблюдателя дает возможность «обрести голос», но это обретение может вовсе и не сделать из тебя игрока. И тут возникает вопрос, насколько такого рода участность даст тебе возможность истинно понимать разворачивающуюся игру. Наблюдатель сродни ученому, он беспристрастен в своих оценках, наверное, поэтому мне какое-то время совершенно не хотелось вступать игру и было комфортно в своей позиции наблюдателя. Но такого рода опыт дает тебе право оценить ход каждого игрока в игре, позицию играющих, но не дает тебе эмоции игры, своего рода вовлеченности. Сущность ускользает. Чтобы поймать эту сущность игры, как бабочку, ускользающую от наблюдателя, ты можешь стать ловцом, превратившись в зрителя. Этот персонаж уже как бы «зрит в корень» игры и является со-участником чародейства игры. Г.-Г. Гадамер пишет: «Замкнутое пространство мира игры здесь позволяет одной из стен упасть». Вообще-то игра может происходить и без зрителя, – все равно она будет игрой, но она может превратиться и в зрелище. Зрелищем она может быть не для наблюдателя «снаружи», а для того, кто «внутри»: как раз «закрытость игры в себе и создает ее открытость для зрителя», – замечает Г.-Г. Гадамер [2].

Рефлексия после участия в игре «Техники символических интерпретаций» приводит к следующим размышлениям: во-первых, благодаря эффектам запущенной игры становится понятно, что ни один человек не вправе претендовать на «объективную и беспристрастную» оценку чего-то текста, а «бесстрастный наблюдатель» здесь вообще не в силах понять суть рассматриваемого «предмета». Во-вторых, «зритель» (если он достаточно компетентен) в принципе имеет возможность понимать событие лучше, чем «игрок», так как он имеет перед собой «представление» (игру, спектакль, историческую эпоху) в целом. Целостный взгляд позволяет «зрителю» вернее оценивать смысл каждого отдельного акта «представления», поскольку дает возможность соизмерять каждое частное явление и действие с целым. Роль играющего автора в том, что он, как и актер в спектакле, не является самым авторитетным оценщиком или единственно правильным интерпретатором своего произведения (итога своей игры). Роль игрока, воссоздающего исторический контекст, достаточно постоянна, но имеет особенность

потери интереса, если игра выходит на внеисторический уровень. Здесь важно помнить, что участник каких-то исторических событий (реальный исторический персонаж) имел не лучшие возможности понимать смысл той эпохи и своих действий, чем те люди, которые исследуют эти события спустя много времени по документам и памятникам. Позиция играющего по отношению к роли управляющего игрока (лидера) дает возможность в какой-то мере «отпустить» свою ответственность в управлении игрой, обязанного реагировать должным образом и полностью отдаться игре. Наблюдающий игрок может быть рассмотрен с двух позиций: позиций экспериментатора, не включенного в процесс игры, и пассивного игрока, не имеющего право хода. Для наблюдателя и для играющего важна тайна в игре, которая может скрывать вариативность смыслов и направлений для развития игры в ту или иную сторону.

Таким образом, вариативность как своего рода пространство выбора в игре дает нам возможность продлевать игру. Пока человек видит выход из лабиринта, он играет, как только выхода нет – игра для него прекращается. Чтобы стать игрой, жизнь должна проживаться с полнотой экзистенциального субъекта, она должна зазвучать, а проживающий ее должен «очароваться», поддаться ее «играющей видимости». При этом должны исчезнуть или потерять свою существенность «реально слышимые» звуки, чтобы уступить место иллюзорной реальности жизни под названием «игра»!

Список использованных источников

1. *Берн, Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений / Э. Берн; пер. с англ. А. А. Грузберга. – К.: PSYLIB, 2004. – 314 с.

2. *Гадамер, Г.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер; пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

3. *Демидов, А. Б.* Феномены человеческого бытия / А. Б. Демидов. – Минск: Экономпресс, 1999. – 180 с.

4. *Кайуа, Р.* Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры / Р. Кайуа; сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М: ОГИ, 2007. – 304 с.

5. *Остин, Дж.* Избранное / Дж. Остин; пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

6. *Финк, Э.* Основные феномены человеческого бытия / Э. Финк // Проблемы человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 357–402. 7. Clark C. Abt. Serious Games. New York: Viking Press,

7. *Хёйзинга, Й.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Й. Хёйзинга; пер. с гол. Д. В. Сильвестрова – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.

(Дата подачи: 12.02.2019 г.)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. С. Болтуть
Белорусский государственный экономический университет, Минск

G. Boltut
Belarus State Economic University, Minsk

УДК 336.02:351.72

ТРАНСФЕРТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

TRANSFERS OF INTERNATIONAL FINANCIAL INSTITUTIONS: THEORETICAL ASPECTS

В статье рассматриваются особенности трансфертов международных финансовых организаций (далее – МФО), условия их предоставления, описываются ограничения, накладываемые МФО на деятельность государств в процессе предоставления трансфертов. Раскрывается положительное влияние предоставляемых странам международных трансфертов, которое заключается в ускорении процессов национального воспроизводства, повышении конкурентоспособности компаний-резидентов, развитии отдельных сегментов международного финансового рынка, увеличении эффективности внешнеэкономической деятельности страны.

Ключевые слова: международные трансферты; международные финансовые организации; экономический рост; Всемирный банк; Международный банк реконструкции и развития; Международный валютный фонд; Европейский банк реконструкции и развития; стратегия партнерства; внешние заимствования.

The article presents an entity of transfers of international financial institutions (further – IFI), conditions of their provision. Restrictions which IFIs impose on activity of the states in the course of granting transfers are described as well. The positive effects of the international transfers provided to the countries are coming into focus and include: acceleration of processes of national reproduction, improving competitiveness of the resident companies, development of separate segments of the international financial market, increase in efficiency of foreign economic activity of the country.

Keywords: international transfers; international financial institutions; economic growth; World Bank; International Bank for Reconstruction and Development; International Monetary Fund; European Bank for Reconstruction and Development; strategy of partnership; external loans.

Условия активного экономического развития диктуют государствам решение ряда макроэкономических задач путем тесного взаимодействия с основными субъектами международной финансовой системы – МФО. Данные организации создаются на мировом и региональных уровнях и их деятельность заключается в централизации определенной части международных финансовых ресурсов и последующем перераспределении аккумулированных средств в форме трансфертов с целью координирования действий мирового сообщества для обеспечения стабильного функционирования мировой валютной, кредитной и финансовой систем [14].

Эффективность работы таких институтов в значительной степени обусловлена взаимодействием с правительствами и правительственными организациями стран-участниц. Как следствие, инвестиционная деятельность финансовых организаций осуществляется в тесном сотрудничестве с государственными организациями, в компетенции которых входит страхование и управление рисками крупных международных проектов.

Мировая финансовая система функционирует под воздействием процессов распределения и перераспределения аккумулированных финансовых ресурсов. Одной из форм такого перераспределения выступают трансферты. Трансферт, согласно определению А. Г. Грязновой, представляет собой одностороннюю передачу на безвозмездной и безвозвратной основе денежных средств, товаров, услуг, материальных ценностей (права собственности) в порядке оказания финансовой помощи и предоставления компенсации [4]. Согласно Л. И. Лопатникову, трансферты – передача, перемещение денежных средств и других экономических объектов (смена их собственника или просто изменение места нахождения) [4].

Вопросам движения трансфертных ресурсов МФО и их специфике посвятили свои работы такие исследователи, как Д. В. Толстых, А. В. Павлов, А. В. Бардин, Е. В. Тарасова, М. Э. Султанова и др. Обзор научных публикаций показал, что современные исследователи проявляют большой интерес к вопросам формирования международных трансфертных потоков, но нет четкого определения данного понятия. Так, в научной литературе международные трансферты рассматриваются в связи с особенностями функционирования экономической системы государства-партнера как инициатора перемещения ресурсов. В данном случае трансфертами признаются денежные платежи, которые могут быть как возвращаемыми, так и невозвращаемыми. В качестве невозвращаемых рассматривается безвозмездная финансовая помощь, а в качестве возвращаемых – различные формы займов.

В случае с МФО инициатором трансфертов являются сами финансовые институты. В связи с тем, что в литературе не удалось обнаружить четкого определения понятия «международные трансферты МФО», на основании изученной литературы данное понятие можно определить как перемещение денежных средств, активов, оказание услуг правительствам государств и субъектам хозяйствования из собственных фондов МФО.

Отметим, что к числу МФО, создающих трансфертные потоки, можно отнести Международный валютный фонд (МВФ), группу Всемирного банка (ВБ), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и ряд других.

Международный валютный фонд – ведущий мировой финансовый институт, имеющий статус специализированной организации ООН. Трансфертная деятельность данной организации фокусируется на предоставлении кредитов в иностранной валюте для покрытия дефицита платежных балансов с целью поддержки нестабильных валют, контроля над соблюдением принципов мировой валютной системы, а также на обеспечении

валютного сотрудничества стран [6, с. 181]. По мнению А. Г. Грязновой, базовая функция взаимодействия МВФ с государствами-членами состоит в обеспечении относительной валютной стабильности, а также в достижении цели устойчивого развития мировой экономики [4].

Согласно Статьям соглашения МВФ (уставу организации), деятельность Фонда осуществляется по следующим направлениям:

- развитие международного валютно-финансового сотрудничества;
- содействие расширению и сбалансированному росту международной торговли;
- поддержание определенного валютного режима среди государств-участников;
- оказание содействия в развитии многосторонней системы расчетов между государствами-участниками;
- предоставление кредитов государствам-членам фонда для уравновешивания их платежных балансов [13].

Представленные задачи, по сути, обуславливают функциональное значение деятельности МВФ. На наш взгляд, реализация базовой функции, описанной выше, состоит в предоставлении фондом международных трансфертов в следующих формах: предоставление кредитных ресурсов странам-участникам; консультирование стран-должников; разработка стандартов, регулирующих валютно-кредитные отношения; сбор мировой экономической статистики. Наличие таких трансфертных потоков способствует стабилизации национальных экономик и росту уровня мировой финансовой системы в целом.

Как правило, при предоставлении трансфертов в форме кредитования МВФ дает государствам рекомендации по проведению экономической политики, а также требует их соблюдения. Примечательно, что данная трансфертная помощь МВФ служит своеобразным сигналом для других инвесторов о возможности вливания своего капитала в экономику страны [7, с. 523–525].

Группа Всемирного банка (далее – ВБ) также относится к основным МФО. В настоящее время ВБ является одним из наиболее важных источников финансовой и технической помощи, оказываемой развивающимся странам мира.

В состав Группы организаций ВБ входят пять организаций: Международный банк реконструкции и развития (МБРР); Международная ассоциация развития (МАР); Международная финансовая корпорация (МФК); Многостороннее агентство по гарантированию инвестиций (МАГИ); Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) [3].

Основным кредитным учреждением ВБ и крупнейшим кредитором проектов развития развивающихся стран является МБРР.

Основная цель функционирования МБРР – содействие развитию международной торговли, экономических систем стран-участниц, помощь частным инвестициям, стабилизация мировой финансовой системы. Зада-

ча организации состоит в содействии экономическому росту посредством предоставления международных трансфертов в форме долгосрочного финансирования проектов и программ развития [2].

Ресурсы МБРР формируются за счет следующих источников: уставного капитала, привлечения средств через выпуск облигационных займов, собственного резервного фонда.

Осуществление трансфертной помощи развивающимся странам или частным организациям под контролем правительства на данный момент составляет основную функцию деятельности МБРР. Реализация представленной функции подразумевает решение следующих задач:

- содействие удовлетворению потребностей в долгосрочном человеческом и социальном развитии;
- сохранение финансовой устойчивости заемщиков путем предоставления поддержки в кризисные периоды;
- поддержка проведения ключевых экономических и институциональных реформ;
- создание благоприятного инвестиционного климата для привлечения частного капитала;
- облегчение доступа стран-членов к финансовым рынкам [9].

Предоставление трансфертов данной финансовой организацией в области развития стран осуществляется посредством кредитования из собственного капитала и из заемных средств, которые привлекаются Банком с рынков капитала путем выпуска облигаций Всемирного банка. Присвоение рейтинга кредитоспособности Aaa и AAA агентствами Moody's и Standard & Poor's соответственно позволило повысить привлекательность таких ценных бумаг для инвесторов. По причине мобилизации ресурсов на мировом финансовом рынке путем эмиссионной деятельности стоимость кредитов данного финансового института определяется конъюнктурой рынка ценных бумаг, на который была произведена эмиссия [15].

В данном случае трансфертная помощь ориентирована на устойчивое обеспечение максимально выгодных условий на долгосрочную перспективу для заемщиков из числа его стран-членов [12].

Трансферты МБРР в денежном выражении предоставляются в форме системных займов и в форме инвестиционных кредитов. На системные займы могут рассчитывать правительства отдельных стран для реализации программы макроэкономической стабилизации и институциональных изменений. При этом инвестиционные кредиты предоставляются для реализации конкретных проектов под гарантии правительств.

Получение такого трансферта подразумевает его целевое использование с предоставлением Банку информации о реализации проекта. Обычно срок займа составляет от 15 до 20 лет с отсрочкой первых выплат до 5 лет, что, в свою очередь, превышает сроки банковских и экспортных кредитов. Валютная структура кредитов соответствует валютной структуре привлечен-

ных ресурсов. Данное условие приводит к уменьшению потерь из-за валютных рисков [15].

Предоставление трансфертов предусматривает введение и исполнение определенных условий странами-партнерами. Так, условия по предоставленным кредитам подлежат пересмотру два раза в год. Несмотря на то, что получение прибыли не является основным мотивом деятельности Банка, ежегодный баланс организации неизменно сводится с прибылью. Спрэд обычно устанавливается в размере 0,25–0,5 %. Такие условия получения финансирования для многих стран являются более привлекательными, чем обычный банковский кредит. В сравнении с кредитами, предоставляемыми коммерческими банками, установление спрэда МБРР происходит независимо от платежеспособности заемщиков [11].

Еще одной достаточно важной международной организацией в сфере трансферта финансовых услуг является Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), который был создан в 1991 г. для обеспечения условий странам бывшего Советского блока для перехода к рыночно-ориентированной экономике. На данный момент ЕБРР можно считать наиболее крупным инвестором в Восточной Европе.

Несмотря на тот факт, что акционерами Банка являются государства, деятельность ЕБРР предусматривает преимущественное направление трансфертных потоков на поддержку негосударственных коммерческих структур, укрепление финансовых институтов и правовых систем, развитие инфраструктуры, необходимой для поддержания частного сектора [10, с. 4].

Согласно статье 1 Соглашения об учреждении ЕБРР предоставление трансфертов происходит с целью содействия переходу к открытой экономике, а также развитию частной и предпринимательской инициативы в странах Центральной и Восточной Европы. Соглашение также предписывает ЕБРР «содействовать во всей своей деятельности экологически здоровому и устойчивому развитию» (пункт vii статьи 2.1) [17].

Трансфертная помощь с целью вовлечения стран-партнеров в мировую экономику осуществляется путем:

- налаживания, совершенствования и расширения продуктивной, конкурентоспособной и частнопредпринимательской деятельности;
- привлечения собственных средств и иностранного капитала для развития частной и предпринимательской инициативы;
- создания конкурентной среды и повышения производительности труда, уровня жизни, а также улучшения условий труда;
- технической поддержки в вопросах подготовки, финансирования и осуществления определенных проектов;
- стимулирования и поощрения развития рынков капитала;
- содействия экологически устойчивому развитию;
- реализации крупных и экономически обоснованных проектов, включающих более одной страны-реципиента;

• осуществления иных видов деятельности и оказания услуг, направленных на реализацию инвестиционной политики Банка [10, с. 4–5].

Необходимо отметить, что при предоставлении ресурсов ЕБРР не происходит гарантирования экспортных кредитов и не осуществляется работа с индивидуальными клиентами. Финансирование не осуществляется в случае, если Банк считает, что у заявителя есть возможность получить средства из других источников на приемлемых условиях. Крупным организациям кредиты обычно предоставляются напрямую, а малым и средним – через посредников [5].

Предоставление трансфертов ЕБРР различным субъектам экономики подразумевает под собой:

• использование различных инструментов с целью осуществления гибкого кредитования на основе общепринятых в развитых странах стандартов банковского дела;

• осуществление поддержки инициативы частного сектора;

• сотрудничество с частными инвесторами, их консультантами, а также с коммерческими банками;

• сотрудничество с правительствами разных государств в вопросах реализации долгосрочных планов развития;

• взаимодействие с международными валютно-кредитными и финансовыми организациями;

• обеспечение сохранения и улучшения окружающей среды [5].

В реализуемых проектах особое значение придается именно повышению энерго- и ресурсоэффективности, уменьшению отходов, реконструкции уже действующих объектов, освоению возобновляемых ресурсов, утилизации использованных ресурсов, а также применению экологически более чистых производственных технологий.

В литературе выделяют два вида кредитных операций, осуществляемых ЕБРР: обычные и специальные. Финансирование обычных операций происходит за счет капитальных ресурсов Банка. Специальные операции проводят из ресурсов специальных фондов (представлены целевыми средствами) [10, с. 9]. Финансирование проектов осуществляется либо за счет собственных источников, либо посредством привлечения других участников.

Отметим, что привлечение международных трансфертов имеет как положительное, так и отрицательное влияние на экономику страны.

Так, положительное влияние привлеченной помощи проявляется в том, что:

• привлечение дополнительных ресурсов в экономику страны позволяет ускорить и расширить процессы национального воспроизводства;

• сотрудничество стран с МФО служит своеобразным символом для инвесторов и опосредует развитие внешнеэкономической деятельности страны в областях внешней торговли, трансграничного движения капиталов, оказания международных услуг;

• предоставление трансфертов позволяет увеличить конкурентоспособность компаний страны-партнера;

• трансфертная помощь в форме консультирования правительств, а также предоставления льгот инвесторам страны-кредитора при кредитовании позволяет создать благоприятную среду для реализации зарубежных частных инвестиций;

• консультационная работа МФО позволяет сформировать комфортные условия для развития других сегментов международного финансового рынка;

• предоставление трансфертов МФО странам повышает экономическую эффективность всех видов внешнеэкономической деятельности страны [1].

Отрицательное влияние на экономику страны обусловлено рядом проблем во взаимодействии:

• предоставление трансфертов МФО странам активизирует процессы углубления диспропорции в национальной экономике, которые выражаются в стимулировании быстрого роста прибыльных отраслей экономики и сдерживании развития отраслей, не получающих финансирование из внешних источников;

• довольно часто предоставление ресурсов МФО может свидетельствовать об их использовании в качестве инструмента влияния на страну-заемщика в отношении стратегии экономического развития;

• эффективное использование странами предоставленных трансфертов во многом зависит от оптимального масштаба заимствования. В случае неэффективности использования заемных средств и нарушения оптимальности их объема могут возникнуть трудности с погашением долга и его обслуживанием, что впоследствии является фактором ухудшения финансового состояния должника. Для государства такая ситуация может привести к усложнению валютно-финансового положения, а также появлению угрозы развития финансового экономического кризиса, что впоследствии потребует наложения дополнительных ограничений на проводимую политику в стране со стороны МФО и ухудшит тем самым доверие со стороны иностранных инвесторов и иных партнеров [1].

Таким образом, в ходе исследования изучены особенности предоставления международных трансфертов основных международных финансовых организаций, деятельность которых направлена на поддержание финансовой стабильности мировой экономики, а также рассмотрены основные условия и ограничения, применяемые при их предоставлении. В статье уточнено понятие «международные трансферты МФО». Выявлены положительные и отрицательные факторы, влияющие на деятельность государства в процессе взаимодействия с МФО. Отмечено влияние проблем проводимой экономической политики государства на объем привлекаемой трансфертной помощи, среди которых: низкоэффективное использование финансовых ресурсов странами-партнерами, слабое развитие национальной инфраструк-

туры инвестирования, низкая конкурентоспособность экономики, недостаточность источников и методов привлечения и погашения международных кредитов и ряд других, требующих разрешения в современных условиях. Отмечается, что максимальная эффективность от использования трансфертов странами достигается только при условии привлечения оптимального объема ресурсов для решения экономических вопросов и рационального их использования.

Список использованных источников

1. *Батзаяа, Г.* Международное кредитование стран с переходной экономикой: дис. … канд. экон. наук: 08.00.10 / Г. Батзаяа. – М., 2005. – 146 с.

2. Всемирный банк: история создания, структура и деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ria.ru/economy/20081013/153026908.html. – Дата доступа: 07.11.2018.

3. Группа всемирного банка: Всемирный банк, МБРР, МАР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vsemirnyjbank.org/ru/about. – Дата доступа: 07.11.2018.

4. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А. Г. Грязновой. – М.: Финансы и статистика, 2012. – 519 с.

5. Кредитно-инвестиционная политика ЕБРР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.theomniguild.com/kreditno-investiczionnaya-politika-ebrr.html. – Дата доступа: 09.11.2018.

6. *Лебедева, М. М.* Мировая политика: учебник / М. М. Лебедева. – М.: КНОРУС, 2011. – 256 с.

7. *Ливенцев, Н. Н.* Мировая экономика и международные экономические отношения / Н. Н. Ливенцев; под ред. А. С. Булатова. – М.: Магистр, 2008. – 654 с.

8. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки / под общ. ред. Л. И. Лопатникова – М.: Дело, 2003. – 520 с.

9. Международный банк реконструкции и развития / Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vsemirnyjbank.org/ru/about/what-we-do/brief/ibrd. – Дата доступа: 07.11.2018.

10. Основные документы ЕБРР / ЕБРР [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: www.ebrd.com/documents/comms-and-bis/-2mb-pdf-.pdf. – Дата доступа: 08.02.2019.

11. *Павлов, А. В.* Пути повышения эффективности взаимодействия России с международными финансовыми организациями: дис.... канд. экон. наук: 08.00.10 / А. В. Павлов. – М., 2005. – 217 с.

12. Роль и ресурсы МБРР / Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vsemirnyjbank.org/ru/about/annual-report/roles-resources. – Дата доступа: 07.11.2017.

13. Статьи соглашения МВФ / МВФ [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf. – Дата доступа: 04.11.2018.

14. Сущность и роль международных финансовых организаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economics.studio/finansy-kredit/suschnost-rol-mejdunarodnyih-finansovyih-36497.html. – Дата доступа: 04.11.2018.

15. *Тарасова, Е. В.* Политическое влияние международных финансовых организаций на формирование нового мироустройства: дис. … канд. полит. наук: 23.00.04 / Е. В. Тарасова. – М., 2005. – 165 с.

16. *Хлебникова, Д. В.* Перспективы реформирования Международного валютного фонда в современных условиях: дис.... канд. экон. наук: 08.00.14 / Д. В. Хлебникова. – М., 2014. – 120 с.

17. EBRD: Environmental and social policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ebrd.com/downloads/research/policies/esp-final.pdf – Дата доступа: 25.02.2019.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

А. А. Брасс
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. Brass
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 65.011

РЕШЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ, БИЗНЕСЕ И ЖИЗНИ

SOLUTIONS IN MANAGEMENT, BUSINESS AND LIFE

В статье рассмотрены некоторые особенности человеческого мышления, определяющие нерациональность принимаемых решений в трудовой и повседневной жизни. Показаны отличия мышления наемных работников и успешных бизнесменов. Даны некоторые рекомендации по снижению уровня иррациональности принимаемых решений.

Ключевые слова: решение; рациональность; иррациональность; мышление; представление; потери; приобретения; ценность; дисконтирование; самоконтроль

The article discusses some of the features of human thinking that determine the irrationality of decisions made in working and everyday life. Showing the differences in thinking of employees and successful businessmen. Some recommendations for reducing the irrationality of decisions are made.

Keywords: decision; rationality; irrationality; thinking; representation; losses; acquisitions; value; discounting; self control

В современной теории управленческих решений достаточно явно выделяются два направления. В рамках первого разрабатываются различные методы и модели, объясняющие людям, прежде всего руководителям, как нужно принимать решения. При этом человек считается экономически (социально, экологически и т. д.) разумным, т. е. он всегда стремится принимать решения, которые улучшают экономическое (социальное) благополучие его самого или возглавляемой им организации (подразделения). Такие модели предлагает линейное, нелинейное и динамическое программирование, вариационное исчисление, теории игр и массового обслуживания [1–7]. Достоинств у этих моделей великое множество. Но при их использовании нельзя забывать об их недостатках. Наиболее очевидными из них являются:

1) высокие требования к точности входной информации: каким бы «тонким» не был аппарат моделирования, результат не может быть достоверным при ошибочности используемых данных;

2) все упомянутые модели основаны на предположении, что тенденции прошлого будут иметь место в будущем, а это допущение в условиях на-

шего динамичного мира, к сожалению, очень часто себя не оправдывает. Например, при принятии решения о строительстве крупного предприятия не стоит исходить из допущения, что цена на его продукцию, которая на протяжении долгого времени колебалась в достаточно узком диапазоне, сохранится в будущем. Как только продукция этого предприятия выйдет на рынок, она увеличит предложение, что очень часто приводит к снижению цены. Соответственно при строительстве такого предприятия нужно исходить не из прошлых ценовых тенденций, а из очень сложно предсказуемых цен в будущем. Ведь желание построить завод по выпуску востребованной на рынке продукции может возникнуть у многих.

В рамках второго направления теоретики и практики пытаются определить, каким образом люди принимают решения в действительности, и почему принятые решения достаточно часто не только не улучшают экономическое (социальное) положение человека или возглавляемой им организации, но и достаточно часто ухудшают его, т. е. почему человек не рационален в своих решениях и поступках. Второе направление стало активно развиваться в конце прошлого столетия. Оно связано с такими именами, как Даниэль Канеман, Амос Тверски, Ричард Талер, Дэн Ариели и др., и носит сегодня название нейроэкономика или нейробиология принятия решений.

Если принимаемые человеком решения касаются только его, то их иррациональность можно считать его личной проблемой. Совершенно иная ситуация возникает в том случае, если решение принимает руководитель. Здесь последствия иррациональности могут негативно сказаться на результатах деятельности организации и благополучии ее сотрудников. Именно поэтому в настоящее время все более предпочтительными становятся командные (коллегиальные) решения. В этом случае иррациональности отдельных людей нивелируются, при условии, что они согласны слушать и слышать друг друга. По этой причине сегодня так много внимания уделяется технологиям командного взаимодействия (например, технологии agile [8; 9]). Вместе с тем коллегиальность выработки и принятия решений не снимает саму проблему иррациональности человеческого мышления, формирующегося вод воздействием множества факторов. Среди них можно выделить:

- наследственность, т. е. то, что заложено в человеке с рождения. Достаточно интересные эксперименты, выявляющие когнитивные способности младенцев, представлены в [10];
- устройство человеческого мозга и работоспособность каналов восприятия им информации об окружающем мире;
- социальный мир во всем его многообразии;
- предшествующий опыт человека.

При этом необходимо учитывать, что назначение на ту или иную должность не изменяет ни генома, ни структуры и биохимии мозга конкретного человека, его предшествующего опыта. Руководитель – это тоже человек со всеми недостатками, слабостями и достоинствами.

Далее рассмотрим несколько причин иррациональности принимаемых человеком решений.

1. Столкнувшись с конкретной более или менее сложной проблемой, человек (руководитель) вынужден учитывать множество факторов самой разной природы и важности. Оценить (просчитать) значимость их всех практически невозможно, особенно с учетом их взаимного влияния. Поэтому при выработке решений многие руководители оперируют не рациональным расчетом, а собственной интуицией (опытом) или «здравым смыслом», т. е. моделью окружающего мира, которая существует в голове человека и в той или иной степени отражает реальность. Чем ближе эта модель к реальности, тем более адекватно человек воспринимает действительность. Базовыми элементами этой модели являются, по выражению Дэна Ариели [11], так называемые «якоря», т. е. факты, с которыми человек столкнулся в прошлом, его жизненные установки и ценности. «Якоря» могут быть долговременными и кратковременными, спонтанно и целенаправленно установленными.

Например, оканчивая школу, молодой человек с кем-либо из родителей озабочен покупкой новой рубашки для выпускного вечера. До этого все рубашки ему покупала мама, и он мало задумывался об их стоимости и о том, откуда они вообще берутся в его шкафу. Теперь, используя важность момента и, что самое главное, с целью вовлечения молодого человека во взрослую жизнь, родители приглашают его в сложный процесс формирования собственного гардероба. Молодой человек считает, что прежде всего нужно обратиться к интернету, и «загугливает» простой запрос: «купить мужскую рубашку». Первым «выскакивает» сообщение от компании KEYMAN, предлагающее купить рубашку со скидкой за 45 рублей (без скидки, как сообщает сайт, подобную рубашку можно приобрести за 75–85 рублей). Сайт lamoda предлагает сорочки за 60–65 рублей со скидкой и за 80–100 рублей – без скидки. Сайт WILDBERRIES предлагает рубашки за 70–85 рублей со скидкой и за 100–120 рублей – без нее. И здесь начинают работать «якоря», расставленные в прошлом, т. е. убеждения молодого человека относительно ценности приобретаемых вещей. Если он считает, что известный бренд и высокая цена являются синонимом качества, то им будет куплена рубашка, предлагаемая сайтом WILDBERRIES. Если молодой человек, как и большинство людей, ориентируется на среднюю цену, считая, что, с одной стороны, она является признаком хорошего качества, с другой – не заставляет переплачивать за бренд, т. е. «наклейку», то он реализует предложение сайта lamoda. Если же в семье считается, что приобретение добротной вещи за приемлемую цену – поступок вполне разумный, то будет выбрано предложение сайта KEYMAN. Одновременно с приобретением сорочки у молодого человека сформируется новый «якорь», который условно можно назвать «цена рубашки». В дальнейшем этот «якорь» будет во многом определять решения молодого человека при приобретении тех или иных элементов своего гардероба. Держаться он будет до тех пор, пока

человек не столкнется с иными ценами при устраивающем его качестве либо не изменятся его ценностные ориентации.

В рассмотренном примере «якоря» формируются спонтанно, т. е. их создание не преследует конкретной цели. Но порой «якоря» ставятся в сознании людей вполне целенаправленно. Сегодня достаточно широко распространены различные презентации и дегустации той иной продукции. Делается это не только для того, чтобы представить людям нечто новое, но и для того, чтобы установить нужные производителям «якоря». Например, замечательная компания «Аливария» в жаркий летний день в каком-либо торговом центре предлагает продегустировать два сорта пива – Karol Jan Blonde и Karol Jan Dunkel. Симпатичные юноша и девушка нальют в стаканчики-мензурочки по глотку каждого сорта, спросят, какое больше нравится (момент тонкий, нравится или не нравится – они не спрашивают), при этом не забудут раз пять проговорить заклинание: «Кароль Ян» и «якорь»: «Кароль Ян» – это хорошо» – поставлен. Здесь необходимо отметить, что дегустация пива при минус 10^0 такого эффекта не даст, а глоток пива в жару – действительно хорошо. Заходя в магазин, человек вместо привычной для него «Балтики» покупает «Karol Jan …», принимая, по его мнению, совершенно самостоятельное решение.

Таким образом, можно утверждать, что любой человек состоит из привычек и моделей поведения, которые формируются и трансформируются у него на протяжении всей жизни. И то, насколько быстро он может избавиться от «якорей», которые перестали отражать реальность, во многом определяет его успешность в жизни.

2. С древнейших времен окружающий мир нес людям различные угрозы, под воздействием которых человек мог что-то потерять, и предоставлял шансы, реализуя которые он мог что-то приобрести. Причем избежать потерь зачастую было важнее, чем что-либо приобрести. Человек идет по лесу и видит два симпатичных боровичка. Он испытывает позитивные эмоции и хочет боровички забрать с собой. Но, наклонившись к ним, он замечает змею, лежащую рядом с красивыми грибами. Выживание человека в этой ситуации напрямую зависит от того, как быстро негативные эмоции опасности возобладают над позитивными эмоциями приобретения. Если от такого примитивно-жизненного примера перейти к экономике, то можно утверждать, что большинство людей предпочитает минимизировать свои убытки (потери), а не максимизировать свои доходы (приобретения).

Нейроэкономисты в ходе своих публичных выступлений [12] любят обращаться к аудитории с вопросом: «Что для вас предпочтительнее: найти 100 рублей или не потерять имеющиеся у вас 100 рублей». Наиболее распространенный ответ на этот вопрос: «Не потерять …». Его дают 80 % опрашиваемых. Единственная аудитория, в которой чаще звучит ответ «Найти …», – это подростковая аудитория. Вероятнее всего, такой ответ обусловлен тем, что терять им особо нечего.

Стремление избежать убытков, тех или иных наказаний (это тоже убытки) демонстрирует знакомая многим ситуация. Человек, работая в организации, получает более или менее приемлемую для него зарплату и иные блага. Когда этот работник получает от шефа распоряжение что-либо сделать, то вероятнее всего он будет оценивать не шанс получения вознаграждения за качественно и своевременно сделанную работу, а шанс получения наказания, если что-то пойдет не так. Из этого можно сделать вывод, что стимулы, основанные на возможных наказаниях, действуют на человека сильнее, чем стимулы поощрений. Как говорят некоторые родители: «Ремень в детской должен висеть, хотя пользоваться им не обязательно». Однако, если основным мотивом трудового поведения работника является стремление избежать наказания, то и работать он будет «от и до», т. е. добросовестно, но без энтузиазма, инициативы и креатива. Это вполне приемлемо, если выполняемая человеком работа примитивна: заполнение стандартных отчетов и иных бюрократических документов, изготовление стандартных изделий, контроль своевременного прихода сотрудников на работу и т. д. К сожалению, такие работники достаточно активно замещаются различными автоматизированными системами. Но если работа требует от человека инновационных идей и проявления креативности, то страх наказания всегда будет сдерживающим фактором. В этом случае более эффективными будут мотивы поощрения. Помимо этого, необходимо учитывать, что негативные эмоции, связанные с потерями, в 2–2,5 раза сильнее позитивных эмоций, связанных с такого же размера приобретениями [12]. Поэтому работник будет находиться в определенном эмоциональном балансе, если мотивов поощрения будет в 2–2,5 раза больше, чем мотивов наказания.

Стремление человека минимизировать свои убытки наглядно проявляется в его желании получать что-либо бесплатно. Ведь если мы ничего не платим, то ничего и не теряем. Поэтому слово «бесплатно» для многих людей звучит завораживающе: «Приобрети две упаковки … и третью получи бесплатно». Этого призыва достаточно для того, чтобы человек перестал думать о том, нужен ли ему вообще предлагаемый товар. Ведь получение бесплатного – гарантия того, что не будет убытков.

Притягательность бесплатного можно продемонстрировать очень простым примером. Есть две шоколадки. Одна весит 50 грамм и стоит в магазине 1 рубль, другая весит 20 грамм и стоит 40 копеек. В целях привлечения клиентов магазин совместно с кондитерской фабрикой проводит рекламную акцию: каждому покупателю, чей чек превысил 10 рублей, на выбор предлагается либо большая шоколадка за 50 копеек, либо маленькая шоколадка бесплатно. Более 80 % людей предпочитают получить маленькую бесплатную шоколадку. Хотя рациональный расчет показывает, что выигрыш в случае приобретения большой шоколадки за полцены – 50 копеек, а в случае маленькой и бесплатной – всего 40 копеек. Но «бесплатно» все перевешивает.

Еще один важный аспект бесплатности – это цена времени. В описанной ситуации с шоколадками найдутся люди (их будет не очень мало), которые предпочтут не один раз зайти в торговый зал, набрать товара, например, на 25 рублей, получить один чек и одну шоколадку, а сделать это три раза. При этом они будут каждый раз высчитывать сумму чека, тратя на это время, возьмут что-нибудь не очень нужное, чтобы третья покупка была чуть более 10 рублей, и в итоге очень довольные собой уйдут с тремя бесплатными шоколадками. Время, затраченное на их приобретение, в расчет не берется, хотя человек мог потратить его с гораздо большей пользой для себя.

Однако ориентация человека на минимизацию убытков является существенной преградой для тех, кто решил связать свою жизнь с бизнесом. Ни один человек, опасающийся возможных потерь, не будет вкладывать собственные ресурсы в дело, грозящее хотя бы гипотетическими убытками, а таковым является любое предпринимательство. Т.е. бизнесмен попытался бы срезать понравившиеся ему боровички и при этом избежать укуса змеи. И в этом, наверное, заключается одно из различий в мышлении предпринимателей и наемных работников, даже занимающих самые высокие должности.

3. Полезность (ценность) чего-либо всегда дисконтируется для человека во времени. Для подтверждения этого обратимся еще к одному вопросу нейроэкономистов: «Что для вас предпочтительнее: получить 10 рублей сегодня или 11 рублей завтра?». Примерно 85 % людей предпочитают 10 рублей сегодня. Ведь никто не знает, что будет завтра. На очень похожий вопрос: «Что для вас предпочтительнее: 10 рублей через год или 11 рублей через год и один день?», – большинство людей отвечает, что им все равно. Т. е. для человека один день сегодня – это очень много, один день через год – это практически ничто. Соответственно, ценность какого-либо блага падает очень быстро в ближайшее время и остается практически неизменной в отдаленном будущем (рис. 1).

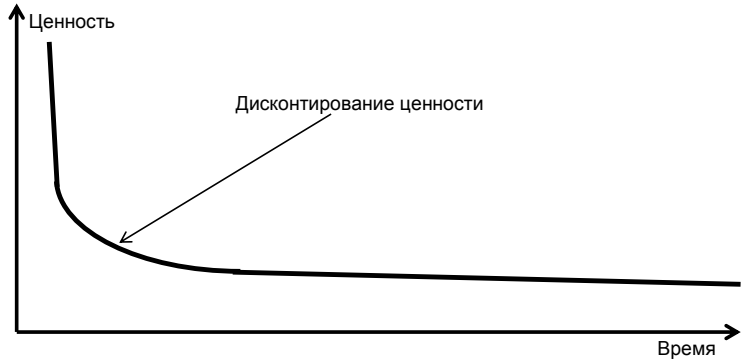


Рис. 1. **Кривая дисконтирования ценности**

Именно дисконтирование ценности определяет негативное отношение большинства людей к различным изменениям и реформам. Выгоду от преобразований человек может получить в будущем, а дополнительно работать, тратя свое время и энергию, нужно уже сегодня. Поэтому, по мнению Д. Дак [13] и Дж. Коттера [14; 15], успешность преобразований во многом определяется:

• наличием у инициаторов перемен четкого и ясного видения будущего организации;

• пропагандой видения будущего. Она должна быть такой, чтобы люди оценивали дисконтированную ценность будущего выше, чем собственные текущие потери;

• одержанием «маленьких побед» на начальных этапах изменений, в результате которых люди ощущают позитивное воздействие перемен на их жизнь не в далеком будущем, а в ближайшем настоящем. Т.е. большие перемены будут успешны лишь тогда, когда они начинаются с малого и приземленного, но хорошо видимого людьми.

Здесь уместно вспомнить знаменитый «зефирный эксперимент» [16], в ходе которого детям предлагалось съесть один зефир сейчас либо подождать пять минут, получить еще один и съесть два. Одни дети, сумев проявить волю и преодолев искушение, получали второй зефир, другие – нет. Наблюдение за этими детьми, длившееся более 20 лет показало, что те, кто находил в себе силы выждать, были более успешными в жизни. Они лучше учились в школе, поступали в более престижные университеты, получали более высоко оплачиваемую работу. Т.е. способность жертвовать сиюминутной выгодой ради получения большей выгоды в будущем является еще одним отличием мышления успешных людей. В замечательном мультфильме «Улица Сезам» вполне справедливо утверждается, что «хорошие события тянутся к тем, кто умеет ждать».

Список использованных источников

1. *Набатова, Д. С.* Математические и инструментальные методы поддержки принятия решений: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Д. С. Набатова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – 292 с.

2. *Королев, А. В.* Экономико-математические методы и моделирование: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А. В. Королев. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – 280 с.

3. *Болдырев, Ю. Я.* Вариационное исчисление и методы оптимизации: учеб. пособие для вузов / Ю. Я. Болдырев. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – 240 с.

4. *Палий, И. А.* Линейное программирование: учеб. пособие для академического бакалавриата / И. А. Палий. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – 175 с.

5. *Кочегурова, Е. А.* Теория и методы оптимизации: учеб. пособие для академического бакалавриата / Е. А. Кочегурова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – 133 с.

6. *Шагин, В. Л.* Теория игр: учебник и практикум / В. Л. Шагин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – 223 с.

7. *Челноков, А. Ю.* Теория игр: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А. Ю. Челноков. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – 223 с.

8. *Карпов, С.* Agile: как и когда применять этот метод / С. Карпов // Harvard Business Review Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hbr-russia.ru/management/operatsionnoe-upravlenie/p17368/. – Дата доступа: 6.09.2018.

9. *Кон, М.* Agile Оценка и планирование проектов / М. Кон. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 418 с.

10. *Сигман, М.* Тайная жизнь мозга. Как наш мозг думает, чувствует и принимает решения / М. Сигман. – М.: Эксмо, 2018. – 304 с.

11. *Ариели, Д.* Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения / Д. Ариели. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 296 с.

12. *Ключарев, В. А.* Нейроэкономика. Как наш мозг принимает решения? / В. А. Ключарев // YouTube [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=5uuCPjSLPZw. – Дата доступа: 03.10.2018.

13. *Дак, Д. Д.* Монстр перемен. Причины успеха и провала организационных преобразований. / Д. Д. Дак. – М.: Альпина Паблишер, 2002. – 320 с.

14. *Коттер, Д.* Наш айсберг тает. Как добиться результата в условиях изменений / Д. Коттер. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2012. – 128 с.

15. *Коттер, Д.* Ускорение перемен / Д. Коттер. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 256 с.

16. Знаменитый «зефирный эксперимент» // YouTube [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=XkvbKk81NMQ. – Дата доступа: 01.10.2018.

(Дата подачи: 03.01.2019 г.)

Педро Колон Вальдивьесо Салинас
Институт экономики НАН Беларуси, Минск

Pedro Colon Valdivieso Salinas
Institute of Economy of NAS of Belarus, Minsk

УДК 339.9

КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

CREATIVE ECONOMY IN LATIN AMERICAN COUNTRIES AS A NEW VECTOR FOR THE DEVELOPMENT OF FOREIGN TRADE RELATIONS

Статья посвящена изучению аспектов экономического творчества как источника развития механизмов экономического роста и инноваций стран Латинской Америки. Обоснована зависимость между институциональными и макроэкономическими вопросами, такими как управление знаниями, развитие человеческого и интеллектуального капитала, инновационное развитие государства и регионов, формирование национальной инновационной системы. Особое внимание уделяется вопросам культурной политики в процессе усиления интеграции стран Латинской Америки.

Ключевые слова: креативная экономика; страны Латинской Америки; культурная политика; креативная индустрия; культурные инновации.

The article is devoted to the study of aspects of economic creativity as a source of development of the mechanisms of economic growth and innovation in Latin America. The author substantiates the relationship between institutional and macroeconomic issues, such as knowledge management, the development of human and intellectual capital, the innovative development of the state and regions, the formation of a national innovation system. Special attention is paid to cultural policy issues in the process of strengthening the integration of Latin American countries.

Keywords: creative economy; Latin American countries; cultural policy; creative industry; cultural innovations.

Введение. Построение «креативной экономики» и развитие «креативных индустрий», несмотря на относительную новизну научной концепции, уже стало непременной составной частью социально-экономического роста и вектором развития не только развитых стран, но и ряда стран, которые развиваются и претендуют на глобальное экономическое лидерство. Для стран Латинской Америки развитие креативного сектора экономики – не только подражание актуальным трендам глобального экономического развития, но и возможность сохранения текущих позиций в мировом хозяйстве, а возможно, и их улучшения, а также путь к выходу из сложной внутриэкономической ситуации и обеспечение социально-экономического роста за счет максимального использования уже имеющегося и практически неограниченного ресурса, а именно человеческого капитала, качество которого является достаточным для продуцирования и потребления креативных товаров и услуг. Немаловажную роль в данном аспекте могут сыграть социально-культурные связи Республики Беларусь и стран Латинской Америки, дипломатические представители которых активно включаются в экономическую среду Республики Беларусь посредством проведения многосторонних встреч, выставок, концертов и т. д. [6, с. 1033].

Основная часть. Современные стратегии торгово-экономического сотрудничества, сформировавшиеся на принципах неоклассической экономической теории, обладают существенными ограничениями. Ключевое из них – ограниченность ресурсов. Многочисленные исследования ученых в контексте развития экономики стран Латинской Америки указывают на выбор курса построения «креативной экономики» [1; 2; 5; 6]. Данный термин трансформировался из понятия «креативное предпринимательство», которое впервые использовалось В. Зомбартом в книге «Война и капитализм» [4] и популяризовалось австро-американским экономистом и социологом Й. Шумпетором в книге «Капитализм, социализм, демократия» [10]. Под данным термином ученые понимали процесс реконструкции старой системы отношений.

Понятие «креативная экономика» часто встречается в одном синонимичном ряде с такими терминами, как «креативные индустрии», «культурные индустрии». Но они все же отличны между собой. Опираясь

на основополагающие принципы концепции «креативной экономики» Дж. Хокинса, который указывал, что «креативная индустрия соответствует определенной отрасли народного хозяйства, и, соответственно, творческий процесс ограничивается пределами области, двигателем выделения и развития которой выступают индивидуальная творчество, талант и умение индивида» [7]. К креативным индустриям относятся реклама и маркетинг, архитектура, ремесла, дизайн (продукта, услуги и графический), кино- и видеоиндустрия, телевидение, радиовещание, фотография, IT, обслуживание компьютерного оборудования и программного обеспечения, издательское дело, музеи, галереи, библиотеки, музыка и визуальное искусство [8, с. 32].

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) определяет креативные индустрии как отрасли, которые «сочетают создание, производство и коммерциализацию товаров и услуг нематериального и культурного характера»[9]. При этом феномен креативности определяется как способность личности к вариативности, гибкости, интеллектуальной мобильности, системной инновационной мыслительной деятельности, что предшествует процессу творческой деятельности [7, с. 32]. Следовательно, с одной позиции креативность трактуется как специфическое когнитивное свойство человеческого ума, а с другой – ассоциируется со склонностью человека к комбинаторике и синтезу качественно новых полезных идей и нестандартных решений на основании общедоступных данных. Проблематика как теоретического осмысления «креативной экономики» и «креативных индустрий», так и их практического воплощения на уровне мировой, региональной и национальных экономик, которая находится в постоянной динамике, требует дальнейшего исследования и проработки, что составляет новые ниши и направления научного поиска.

Важным в определении креативной экономики является интернациональный и глобализационный контексты. Очевидно, что глобализация предопределяет межкорпоративную и межгосударственную диффузию креативных подходов, технологий и ценностей, формируя, таким образом, новую инновационно-креативную экосистему международного бизнеса. Таким образом, поскольку термин «креативная экономика» является относительно новым, а глубокие фундаментальные исследования в данной области отсутствуют, не говоря уже об ее практической оценке, можем дать следующее определение данному понятию: *креативная экономика – это интеллектуально-ориентированная модель экономического развития государства, основанная на креативном мышлении, инновационном подходе и повышенной роли человеческого капитала*.

В таблице 1 представлен спектр культурных и творческих секторов, определяющих креативную экономику.

Таблица 1

Спектр культурных и творческих секторов, определяющих креативную экономику

Сектор	Продукция (услуги)	Сектор	Продукция (услуги)
Производство кинофильмов	Производство фильмов, пост-продукция и распределение	ТВ	ТВ-программы, производство и вещание, в том числе кабельное и спутниковое ТВ
Изобразительное искусство	Изобразительное искусство, музеи, фотография и дизайн деятельности	Музыка	Запись звука и музыки издательская индустрия, живая музыка
Продажа книг	Физических и цифровых (включая научные, технические и медицинские книги)	Газеты и периодика	Газеты и журналы издательская индустрия (B2C и B2b, информационные агентства)
Видеоигры	Разработчики и розничные торговцы; продажа оборудования	Реклама	Реклама, рекламные агентства
Газеты и периодика	Газеты и журналы, издательская индустрия (B2C и B2b, информационные агентства)	Исполнительное искусство	Танцы, театр, живая музыка, опера, балет и др.
Архитектура	Архитектурные бюро	Радио	Деятельность в области радиовещания

Примечание. Источник: разработка автора на основе [11, с. 11].

Латиноамериканская креативная экономика ежегодно генерирует выручку более 120 млрд долл. США (6 % мирового рынка культурных индустрий; рис. 1) и охватывает около 1,9 млн рабочих мест (7 % от общего числа рабочих мест в данном секторе экономики).

Рис. 1. **Доходы «креативного» сектора экономики стран Латинской Америки в 2017 г., млрд долл. США.**

Примечание. Источник: разработка автора на основе [12].

Латинская Америка и Карибский бассейн региона обладают богатой культурой и природным наследием, 131 объект внесен в Список Всемирно-

го наследия ЮНЕСКО, а многие латиноамериканские писатели добились мирового признания. Данный региональный рынок культурной индустрии в странах Латинской Америки развивается большими темпами. Работа таких мульти-медиа-конгломератов, как Grupo Globo в Бразилии, Grupo Televisa в Мексике и Grupo Clarin в Аргентина, охватывает крупные аудитории [11, с. 64].

Новая концепция развития креативной экономики в странах Латинской Америки соответствует специфике экономики на новом этапе его развития (рис. 2).

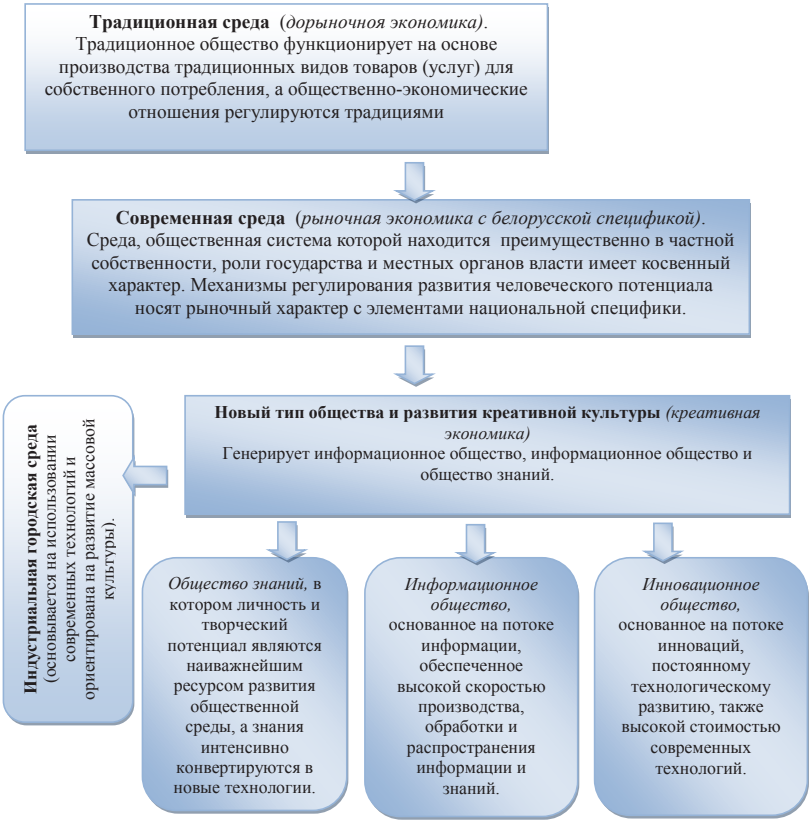


Рис. 2. **Механизм перехода к креативному типу экономики**
Примечание. Источник: разработка автора.

На сегодняшний день существует по крайней мере три сильные стороны, которые характерны для стран Латинской Америки с точки зрения дискуссии о развитии креативной экономики:

1. Культура и идентичность: мы живем в мире, где каждый продукт или услуга рано или поздно «коммерциализируются». Страны и регионы смогут конкурировать на глобальном уровне только в том случае, если им удастся предложить уникальные «истории», заложенные в их продукцию. Латинская Америка, вероятно, является самым разнообразным регионом мира, и ее богатое культурное наследие можно найти в ее культурных и творческих отраслях мирового класса: музыка, издательское дело, исполнительское искусство, мастерство, видеоигры, архитектура, мода и дизайн, изобразительное искусство.

2. Предпринимательство: инновации являются ключевым фактором в уравнении креативной экономики. Латинская Америка переживает бум с точки зрения своей экосистемы стартапов, в городах по всему региону появляются новые компании, бизнес-акселераторы, коворкинги и творческие районы.

3. Молодое креативное население: Латинская Америка – один из самых молодых регионов в мире, с новым средним классом, который посещает университеты и принимает участие в рынке труда либо работая в «мультилатинас» (многонациональные компании), либо запуская свои собственные стартапы.

Ожидаемые эффекты от всестороннего развития и динамичного роста креативного сектора экономики и аккумулирования сотрудничества в данной сфере с Латиноамериканскими странами повысит уровень инновационности экономики, простимулирует создание новых рабочих мест, уменьшит разрыв в уровнях социально-экономического развития с развитыми странами, изменит общественное сознание и закрепит новые типы мышления, что соответствует современным реалиям глобальной экономики. Но получить такие эффекты можно только в случае переориентации страны на развитие «креативной экономики», что предусматривает внесение изменений в стратегию социально-экономического развития, выработку действенных механизмов и инструментов ее реализации.

Заключение. Креативные индустрии, сложившиеся в экономике стран Латинской Америки, требуют дальнейшего становления, закрепления их позиций и развития. Кроме того, ощутимы диспропорции в сторону большего развития одних индустрий и формирование только слабых очертаний других. Креативность и творческий подход к поиску решений должны быть заложены не только в основу креативных индустрий, но и должны превратиться в ключевую компоненту экономического развития латиноамериканского региона. Для достижения такого результата прежде всего должны быть преодолены проблемы, которые сдерживают их перспективное развитие, а иногда и делают невозможным становление самой «креативной экономики», и внесены коррективы в общую концепцию внешнеторгового сотрудничества относительно избрания креативного вектора ключевым в обеспечении социально-экономического роста.

Проведенное исследование позволяет выработать основные положения развития креативного сектора экономики стран Латинской Америки:

1. Программы и проекты развития креативных индустрий должны быть сформированы таким образом, чтобы увеличить долю их дохода в национальном валовом внутреннем продукте. Показатели латиноамериканского региона демонстрируют, что культурные отрасли являются растущим сектором, для которого государственное финансирование выступает в роли инвестиций. При этом рост сектора «креативной экономики» представляет собой важный шаг в демонстрации степени экономической значимости культурного сектора за достаточно узкими толкованиями «культуры и искусства» в качестве ключевого драйвера устойчивого развития.

2. Для дальнейшего развития креативной экономики в странах Латинской Америки необходима многосторонняя координация в регионе с соответствующими международными учреждениями в целях дальнейшей стандартизации форм и категорий измерения доходности культурного сектора.

3. Основной проблемой для производителей продуктов и услуг культуры в Латинской Америке является необходимость более эффективной интеграции в рынок. Эту проблему можно устранить посредством обучения бизнес-моделям, адаптированным к креативному сектору. Первым шагом к этой цели является более глубокое понимание видов, разновидностей и функции связей между работниками культурного сектора, государственными и частными структурами.

4. Культурный сектор, культурная политика также должны учитывать весь спектр последствий развития креативной экономики», где ценность культуры (культурных товаров и услуг) не исчерпывается его экономической ценностью.

Список использованных источников

1. *Андриевский, К.* Торговые отношения Республики Беларусь со странами Латинской Америки (1992–2008 гг.) / К. Андриевский // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 2. – С. 50–57

2. *Аксючиц, А.* Выход Беларуси на рынки Латинской Америки / А. Аксючиц // Наука и инновации. – 2017. – № 12. – С. 49–53.

3. *Дьяченко, О. В.* Развитие инновационно-креативной экономики России на современном этапе: дис. ... канд. экон. наук / О. В. Дьяченко. – М., 2013. – 186 с.

4. *Зомбарт, В.* Исследования по истории развития современного капитализма / В. Зомбарт; пер. с англ. Д. В. Кузницын. – СПб.: В. Даль, 2008. – 480 с.

5. *Потравный, И. М.* Особенности реализации модели зеленой экономики в странах Латинской Америки / И. М. Потравный, Й. К. Фэрейра Чавез // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / [редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорус. гос. экон. ун-т». – Минск: БГЭУ, 2018. – С. 379–380.

6. *Фомина, И. Н.* Геоэкономические отношения Республики Беларусь со странами Латинской Америки / И. Н. Фомина // Экономика и социум. – 2015. – № 2–4. – С. 1030–1034.

7. *Хокинс, Дж.* Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги / Дж. Хокинс. – М.: Классика-XXI, 2011. – 256 с.

8. Creative Industries Economic Estimates. Statistical Release / UK Department for Culture, Media and Sport. – January, 2015. – 46 p.

9. Creative economy / UNCTADSTAT [Electronic resource]. – Access mode: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/ reportFolders.aspx. Date of access: 11.08.2018.

10. *Schumpeter J. A.* Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy / J. A. Schumpeter. – 2008. – 864 p.

11. Cultural times The first global map of cultural and creative industries [Electronic resource]. – Mode of access: https://en.unesco.org/creativity/sites/creativity/files/cultural_times._the_first_global_map_of_cultural_and_creative_industries.pdf. – Date of access: 11.01.2019.

12. World Bank [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.worldbank.org. – Date of access: 13.01.2019.

(Дата подачи: 24.01.2019 г.)

С. М. Воронин
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

S. Voronin
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 330.341.2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ

ACTUAL PROBLEMS OF FORMING THE PERSONNEL ENSURING THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF BELARUS

В статье рассматриваются проблемы кадрового обеспечения новой индустриализации и перехода к инновационной модели развития экономики Беларуси, требования к подготовке кадров. Обосновывается необходимость совершенствования системы образования в контексте модернизации экономики страны.

Ключевые слова: инновации; инновационное развитие; новая индустриализация; человеческий капитал; система образования; инженерно-технические кадры; кадровый научный потенциал.

The article discusses the problems of staffing the new industrialization and the transition to an innovative model of the development of the Belarusian economy, the requirements for training and substantiates the need to improve the education system in the context of the modernization of the country's economy.

Keywords: innovation; innovative development; new industrialization; human capital; education system; engineering and technical personnel; personnel scientific potential.

Кризисные явления последних лет в экономики Беларуси показали, что модель развития республики, действующая сегодня, исчерпала свой потенциал, и необходим переход к новой модели экономического роста, которая позволит выйти на траекторию устойчивого развития. Решение данной проблемы, как отмечают специалисты, «требует структурной перестройки, возрождения и развития реального сектора экономики на базе инноваций» [1].

Технологическое отставание становится существенной преградой на пути создания условий для качественного экономического роста. В начале 2000 г. в Республике Беларусь была поставлена задача, перехода экономики на инновационную модель развития [2]. Однако полностью решить эту задачу пока не удалось.

Сущность проблемы заключается в том, что в странах, использующих инновационную модель развития, главной целью развития является, как отмечает Е. Б. Ленчук, «повышение качества жизни человека на основе технологического прогресса и фундаментальной науки» [1]. В то же время нашей стране, как и во многих странах ЕАЭС, упор в настоящее время сделан прежде всего на финансовую стабильность, а также на получение максимальной финансовой прибыли. А самый быстрый путь достичь желаемого результата – это использование ресурсного типа развития экономики.

Следует отметить, что постиндустриальная экономика предполагает не отказ от производства, а преобладающие использование в реальном секторе экономики интеллектуального труда и высоких технологий.

И в настоящее время как в развитых, так и во многих развивающихся странах мира наблюдается активизация процессов «новой индустриализации», которые связаны с IV промышленной революцией, с новыми передовыми производственными технологиями, обладающими потенциалом качественного изменения производственных процессов, ведущими к значительному росту производительности труда, меняющими представление о том, что и как может быть изготовлено. К подобным технологиям относятся 3D-печать (аддитивное производство), новые материалы, «интернет вещей», «промышленный интернет вещей», промышленная робототехника, цифровое производство, дополненная реальность, облачные технологии, и т. п. Данные технологии способны выступать драйверами экономического роста, создавая новые рынки и целые отрасли [3].

Анализ развития мировой экономики свидетельствует о том, что «новая индустриализация» сегодня превратилась в преобладающее направление экономической политики экономически развитых стран, суть которого заключается не только в возврате традиционных производств в развитые страны (решоринг), но и в распространении прорывных прогрессивных технологий, формирующих новые сектора экономики и модернизирующих традиционные отрасли [4].

Процесс формирования новой модели экономического роста в Беларуси также связан с проблемой «новой индустриализации», решение которой,

как мы уже отмечали, предполагает восстановление и последующее развитие реального сектора экономики на основе самых передовых технологий, а также организацию новых производств. Только в этом случае возможно создание конкурентоспособной экономики.

Решение данной стратегической задачи наряду с огромными инвестиционными ресурсами требует, что не менее важно, существования соответствующего человеческого капитала – талантливых высокообразованных людей, которые способны решать проблемы современной экономики (организационные, экономические и технологические).

Насколько эффективно в стране создается человеческий капитал, можно определить по вкладу «экономики знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) в ВВП. В частности, доля «экономики знаний» в ВВП в нашей стране очень низкая и составляет около 15 % [5], в то время как в западноевропейских странах – 30 %, а в США – 40 % [1]. Вместе с тем «экономика знаний» – это основной движитель социально-экономического развития, наиболее стремительно развивающаяся область в народном хозяйстве, которая обладает максимальным мультипликативным эффектом.

Создание инновационной модели развития в первую очередь требует совершенствования системы образования, направленной на формирование креативной личности, которая способна выступать в качестве генератора, производителя, потребителя, распространителя и инвестора инноваций.

Способность успешно конкурировать в инновационной экономике требует от человека высокой степени наукоемкой образованности и новых компетенций, а также обладания такими характеристиками, как знание особенностей инновационной экономики, современных форм организации производства и экономики, способность к быстрой производственной, коммуникативной и социальной адаптации, к креативному мышлению, инновационному решению проблем, умение осуществлять кросс-культурное межнациональное общение, умения стратегического управления, навыки транснациональной экономической деятельности [6].

Таким образом, подготовку персонала для инновационного развития с последующим переходом к постиндустриальному развитию общества необходимо осуществлять на основе инновационной системы образования. Без выполнения этого условия не будет кадров, которые способны обеспечить инновационное развитие национальной экономики.

Организация процессов новой индустриализации в Беларуси предъявляет новые требования к уровню профессиональной подготовки и качеству рабочей силы, требует изменения профессионально-квалификационной структуры подготавливаемых специалистов с высшим образованием (таблица 1). Изменение структуры должно происходить в первую очередь за счет увеличения числа инженерно-технических специалистов, ученых и высококвалифицированных рабочих, которые необходимы для интеллектуаль-

ного обеспечения политики модернизации за счет развития новых научных направлений, разработки и внедрения конкурентных технологий, создания современных промышленных предприятий и производств.

По предварительным оценкам, нынешний недостаток инженерных кадров в Беларуси составляет порядка 2,5 тыс. чел. В связи с этим в течение последних лет величина контрольных цифр приема на инженерно-технические специальности постоянно увеличивалась. Сегодня подготовку инженерных кадров осуществляют 26 вузов Республики Беларусь, в которых по инженерно-техническим специальностям обучается более 90 тыс. студентов.

Однако в настоящее время высшие учебных заведения страны пока еще готовят больше кадров по таким специальностям, как право, экономика, управление, экономика и организация (таблица 1). При этом, по данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, основными соискателями на рынке труда в стране являюсь юристы, экономисты и психологи.

Таблица 1

Выпуск специалистов и магистров вузами Беларуси, 2017 г. (тыс. человек)

Наименование специальностей	Численность	Доля в %
Педагогика. Профессиональное образование	9,2	10,59
Искусство и дизайн	1,5	1,73
Гуманитарные науки	3,6	4,14
Коммуникация. Право. Экономика. Управление. Экономика и организация производства	31,5	36,25
Естественные науки	4,3	4,95
Экологические науки	1,4	1,61
Техника и технология	16,2	18,64
Архитектура и строительство	3,3	3,80
Сельское и лесное хозяйство. Садово-парковое строительство	5,1	5,87
Здравоохранение	3,6	4,14
Социальная защита	0,98	1,13
Физическая культура. Туризм и гостеприимство	1,8	2,07
Общественное питание. Бытовое обслуживание	0,2	0,23
Службы безопасности	2,2	2,53
Итого	86,9	100

Источник: Составлено автором по [7, с. 59, 62].

В настоящее время и в развитых странах озабочены проблемой дефицита высокопрофессиональных инженерных и технических кадров. Это вызвано повышением внимания к созданию и внедрению передовых про-

изводственных технологий, являющихся в условиях глобализации важнейшим критерием конкуренции. В частности, США для сохранения своего лидерства в мире в научно-технологической сфере намеревается повысить число выпускников американских университетов по специальностям STEM в два раза – до 400 тыс. человек в год. Еще более быстрыми темпами возрастает количество выпускников по естественно-научным и инженерно-техническим специальностям в Китае, Индии и Южной Корее. В частности, в Южной Корее на сегодняшний день выпускается такое же количество магистров и бакалавров по STEM-дисциплинам, что и в США. А в Китае и Японии доля обладателей степеней бакалавров в естественных, научных и инженерных дисциплинах составляет более двух третей от их общего числа, этот же показатель в среднем по ЕС – 25–36 %, в США – 24 % [1]. В Беларуси на STEM-специальностях обучается 24 % от общего числа студентов ВУЗов [8].

Учитывая, что главной составляющей передовых производственных технологий являются информационно-коммуникационные технологии, которые обеспечивают воспроизведение новых идей и разработку необходимого программного обеспечения, крайне значимой становится подготовка специалистов в этой области. В последние несколько лет Беларусь добилась определенных успехов в IT-сфере. В частности, в 2017 г. Беларусь заняла 32 место в мире по индексу развития ИКТ (ICT Development Index) [9], а в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства в 2018 г. (United Nations E-Government Survey 2018) – 38 место [10]. В общем рейтинге Google Code Jam с 2003 по 2016 г. Беларусь – на первом месте. В рейтинге Global Services 100 страна заняла 13-е место среди 20 стран-лидеров в сфере IT-аутсорсинга и высокотехнологичных услуг. Кроме того, в ТОП-100 крупнейших мировых компаний данной сферы вошли три фирмы с белорусскими корнями: EPAM Systems, IBA Group и Intetics Co [11].

Необходимо обратить внимание на развитие отечественного инженерного образования и повышение его качества с учетом необходимости проведения новой индустриализации в Беларуси. Современные международные рейтинги университетов пока указывают на невысокие позиции белорусских вузов. Так, например, согласно рейтингу «The Times Higher Education World University Ranking 2019», в число 1121 лучших попал Белорусский государственный университет (группа 1001+) [12]. В рейтинге «QS World University Rankings 2019» Белорусский государственный университет находится на 354 месте, а лучший из белорусских технических вузов Белорусский государственный технический университет занимает позицию в группе 801-1000 [13].

При переходе к инновационной экономике и решении проблем новой индустриализации особое значение приобретает кадровый научный потенциал. За последние семь лет число работников, выполнявших ИиР

в Республике Беларусь, уменьшилось с 31,2 тыс. чел. (2011 г.) до 26,5 тыс. чел. (2017 г.). В результате на 10 000 занятых в экономике в республике в 2011 г. приходилось 66,5 чел., занятых ИиР, а в 2017 г. – 60,8 чел., что значительно ниже, чем в странах-лидерах инновационного развития [7, с. 32, 47]. Кроме того, Беларусь по данному показателю уступает и таким странам, как Польша, Литва, Латвия, Эстония.

Важным элементом кадровой политики является осуществление мер, направленных на увеличение сбалансированности возрастной структуры научных кадров, в частности исследователей. За период 2011–2017 гг. произошло незначительное снижение среднего возраста исследователей в научных организациях – с 45,0 лет в 2011 г. до 44,7 года в 2017 г. При этом доля исследователей в возрасте 60 лет и старше в 2017 г. составила 19,0 % (рассчитано автором по [7; 14]).

Однако для текущего периода характерно существенное изменение демографического баланса в сторону молодых исследователей (47,7 %), что привело к новому перекосу – доминированию молодежи при снижении роли среднего поколения ученых в возрасте от 40 до 60 лет (33,3 %) (таблица 2).

Таблица 2

Возрастная структура исследователей, %

Возраст	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
до 29 лет	24,7	24,1	24,1	23,3	23,6	23,5	23,5
30–39	19,6	20,6	21,2	21,9	22,9	23,9	24,2
40–49	15,1	14,3	13,8	13,5	13,8	14,2	14,6
50–59	24,4	23,9	23,1	22,3	20,9	19,6	18,7
старше 60 лет	16,2	17,1	17,7	18,8	18,8	18,8	19,0

В то же время в период 2011–2017 гг. произошло увеличение среднего возраста научных кадров с учеными степенями. Если в 2011 г. удельный вес численности кандидатов наук в возрасте 60 лет и старше составлял 32,6 %, а докторов наук того же возраста – 69,4 % (рассчитано автором по [14]), то в 2017 г. эти показатели уже имели значения 35,7 % и 80,9 % соответственно (рассчитано автором по [7]).

Подводя итог, можно сказать, что для успешного решения проблем преодоления технологического отставания от экономически развитых стран и переходу национальной экономики на инновационную модель развития необходимо в первую очередь обратить внимание на приток в область высоких технологий, науки и образования наиболее подготовленных квалифицированных специалистов, активных предпринимателей и творческой молодежи, которые способны вывести страну на высокие позиции в данной сфере с целью обеспечения высокого уровня благосостояния населения и вхождения страны в группу экономически развитых стран мира.

Список использованных источников

1. *Ленчук, Е. Б.* Формирование кадрового потенциала для инновационной экономики / Е. Б. Ленчук // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 1(51). – С. 22–26.

2. *Воронин, С. М.* Инновационная политика России и Беларуси: сравнительный анализ и перспективы согласованного развития / С. М. Воронин // Инновационное развитие российской экономики: IX Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. / Рос. экон. ун-т им. Г. В. Плеханова; Рос. гуманитар. науч. фонд. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2016. – Т. 1. – С. 160–162.

3. *Дежина, И.* Перспективные производственные технологии: новые акценты в развитии промышленности / И. Дежина, А. Пономарев // Форсайт. – 2014. – № 2. – С. 16–29.

4. *Воронин, С. М.* Особенности формирования и реализации промышленной политики в Беларуси / С. М. Воронин // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2018. – Вып. 17. – С. 305–312.

5. *Бородавко, Е. А.* Оценка уровня экономического развития в контексте построения инновационной экономики и экономики знаний / Е. А. Бородавко // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / [редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорус. гос. экон. ун-т». – Минск: БГЭУ, 2018. – С. 64–65.

6. *Лутохина, Э. А.* Типология труда в новой экономике: «конец труда» или его начало? / Э. А. Лутохина. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2010. – 277 с.

7. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, [2011–2017]: статистический сборник. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 134 с.

8. EY подготовил отчет о состоянии и перспективах белорусского IT-бизнеса [Электронный ресурс] // EJ.BY. – Режим доступа: https://ej.by/news/economy/2017/08/15/ey-podgotovil-otchet-o-sostoyanii-i-perspektivah-belorusskogo.html. – Дата доступа: 14.02.2019.

9. Рейтинг стран по уровню развития информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info. – Дата доступа: 14.02.2019.

10. Беларусь поднялась на 38-е место в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства [Электронный ресурс] // Pravo.by. – Режим доступа: http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/july/29785/. – Дата доступа: 14.02.2019.

11. IT-индустрия [Электронный ресурс] // Беларусь факты. – Режим доступа: http://belarusfacts.by/ru/belarus/economy_business/key_economic/it/. – Дата доступа: 14.02.2019.

12. The World University Ranking [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2019/world-ranking#!/page/0/length/100/locations/BY/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats/. – Date of access: 14.02.2019.

13. QS World University Rankings [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019. – Date of access: 14.02.2019.

14. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2015 года и за период 2011–2015 годов: аналитический доклад / А. А. Сильченко [и др.]; под общей ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2016. – 226 с.

(Дата подачи: 27.02.2019 г.)

Е. В. Горбачёва,
Республиканский институт высшей школы, Минск

O. Harbachova
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 336.22

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN THE DIGITAL TRANSFORMATION AND ECONOMIC GROWTH

Отражена роль и значимость человеческого капитала как главной составляющей национального богатства и основной движущей силы экономического роста страны. Дан анализ основных показателей развития цифровой экономики разных стран, рассмотрена позиция Республики Беларусь в мировых рейтингах.

Ключевые слова: человеческий капитал; цифровая экономика; цифровая трансформация экономики; экономический рост.

The role and importance of human capital as the main component of national wealth and the main driving force of economic growth of the country are reflected. The analysis of the main indicators of the digital economy of different countries, the position of the Republic of Belarus in the world rankings.

Key words: human capital; digital economy; digital transformation of the economy; economic growth.

Глобальная цель устойчивого развития может быть реализована только путем построения высокоэффективной экономической системы, восприимчивой к научно-техническому прогрессу, устойчивой к постоянно меняющимся социальным, экономическим и политическим условиям современного мира. Несмотря на значительные успехи, достигнутые республикой в последние годы, сохранение темпов развития человеческого потенциала страны является необходимым условием ее успешного инновационного развития. Одним из основных источников конкурентных преимуществ и успеха на мировом уровне становится способность быстрого реагирования на вызовы цифровизации экономики и внедрение современных информационно-коммуникационных технологий.

Человеческий капитал вносит свой вклад в повышение качества и производительности труда во всех видах жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Во всех видах экономической деятельности образованные профессионалы определяют производительность и эффективность труда. А человеческие знания, качественный труд, квалификация специалистов, их образование, здоровье, качество жизни населения играют решающую роль в эффективности функционирования и развития науки, определяют инновационность национальной экономики.

Сегодня национальный человеческий капитал – это капитал страны, являющийся составной частью ее национального богатства. Он включает социальный, политический капитал, национальные интеллектуальные приоритеты, национальные конкурентные преимущества и природный потенциал нации.

В современном динамично развивающемся мире образованный, созидательный и инициативный человек, способный к творчеству, обладающий высокой профессиональной компетентностью, получает новое качество развития, поскольку он все время идет дальше, вперед, генерируя все новые и новые идеи. Человек, обладающий социальной активностью, квалификационными и трудовыми возможностями, способностью мобильно адаптироваться к сложившимся условиям и реализовывать свой потенциал, является «локомотивом» экономического роста.

Для поддержания конкурентоспособности государства очень важны такие факторы, как технологическая готовность, зрелость инновационной системы, лидерство в новейших технологиях и знаниях. Мы живем в эпоху цифровой революции, когда научно-технический прогресс развивается настолько стремительно, что необходимо на системной основе проанализировать роль и возможности цифровых технологий и искусственного интеллекта.

В соответствии с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренной на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь 10 февраля 2015 года [1], в качестве стратегической цели социальной политики государства в долгосрочной перспективе определено обеспечение достойного качества жизни и высоких стандартов благосостояния белорусских граждан [2, с.19].

Цифровая трансформация экономики может вести к более полной реализации целей устойчивого развития ООН и укреплению трех факторов, на которых эти цели базируются:

1) улучшение качества жизни;

2) содействие равномерному росту;

3) защита окружающей среды.

Решение задач улучшения качества жизни посредством применения современных достижений цифровой экономики, систем и технологий искусственного интеллекта внесет существенный вклад в развитие и совершенствование построения информационного общества, продвижения медийно-информационной грамотности, а также позволит развить достигнутые успехи и повысить общественное осознание данных проблем.

Существуют различные методики оценки уровня развития цифровой экономики стран [3, с. 77]. Так, Индекс цифровой экономики и общества (The Digital Economy and Society Index, DESI) является сводным индексом, который обобщает соответствующие показатели по эффективности

цифровых технологий в Европе и отслеживает эволюцию стран-членов Европейского союза (ЕС) в области цифровой конкурентоспособности [4]. DESI за 2018 год сообщает о последних достижениях в ЕС по ряду ключевых показателей эффективности. Эти показатели включают в себя подключение, цифровые навыки, цифровые публичные услуги и многое другое.

DESI рассчитывается как среднее взвешенное пяти основных показателей:

1) доступность высокоскоростного Интернета (связь, Connectivity, 25 %) – измеряет развертывание широкополосной инфраструктуры и ее качество. Доступ к быстрым и сверхбыстрым широкополосным услугам является необходимым условием конкурентоспособности;

2) цифровые навыки населения (человеческий капитал, Human Capital, 25 %) – измеряет навыки, необходимые для использования возможностей, предлагаемых цифровыми технологиями;

3) использование интернет-сервисов (Use of Internet Services by citizens, 15 %) – учитывает различные онлайн-активности, такие как потребление онлайн-контента (видео-, музыка, игры и т. д.), видеозвонки, а также онлайн-покупки и банковские операции;

4) использование цифровых технологий в бизнесе (интеграция цифровых технологий, Integration of Digital Technology by businesses, 20%) – измеряет оцифровку бизнеса и электронной коммерции. Внедряя цифровые технологии, предприятия могут повысить эффективность, сократить расходы и лучше привлекать клиентов и деловых партнеров. Кроме того, Интернет как торговая точка предлагает доступ к более широким рынкам и потенциал для роста;

5) цифровые государственные услуги (Digital Public Service, 15%) – измеряет оцифровку государственных услуг с упором на электронное правительство и электронное здравоохранение. Модернизация и оцифровка государственных услуг могут привести к повышению эффективности государственного управления, граждан и предприятий;

На рисунке 1 приведены данные исследования Индекса цифровой экономики и общества 28 стран-членов ЕС за 2018 год, проведенного Европейской комиссией за 2018 год.

Наиболее развитую цифровую экономику в ЕС имеют Дания, Швеция, Финляндия и Нидерланды, за ними следуют Люксембург, Ирландия, Великобритания, Бельгия и Эстония. Самые низкие оценки по DESI за 2018 год имеют Румыния, Греция и Италия. Все государства-члены ЕС улучшили свои показатели в DESI. Ирландия и Испания продвинулись больше всего (около 5 баллов), самым низким был рост (менее 2 баллов) в Дании и Португалии. В среднем по ЕС улучшение показателей составило 3,2 балла.

Рассмотрим более подробно представленные данные параметров исследования Индекса цифровой экономики и общества за 2018 год.

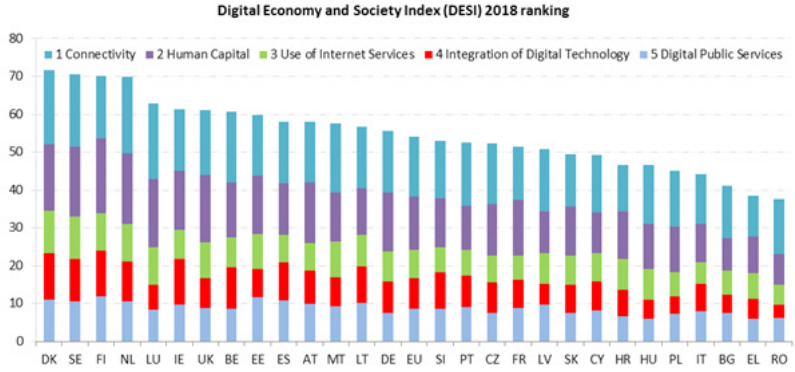


Рис. 1. **Индекс цифровой экономики и общества стран-членов ЕС за 2018 год**
Источник: European Commission. The Digital Economy and Society Index (DESI) [4].

Связь (Connectivity). Фиксированная широкополосная связь доступна для 98 % европейцев, а 80 % европейских домов покрыты скоростной широкополосной связью (не менее 30 Мбит/с). Мобильные сети 4-G охватывают в среднем 91 % населения ЕС (измеряется как среднее от охвата каждого оператора мобильной связи в каждой стране). 75 % европейских домов пользуются широкополосной связью, а треть всех домов имеет скорость не менее 30 Мбит/с. Появляется сверхбыстрый Интернет: его используют уже 15 % домов, что в два раза выше, чем два года назад, но все еще намного ниже целевого показателя на 2020 год, который составляет 50 %.

Человеческий капитал (Human Capital). Что касается человеческого капитала, то Финляндия, Нидерланды и Швеция получили самые высокие баллы, а Румыния, Болгария, Греция и Италия – самые низкие. 81 % европейцев выходят в Интернет регулярно (не реже одного раза в неделю), что на 2 процентных пункта больше, чем в предыдущем году. 43 % европейцев по-прежнему не имеют базовых цифровых навыков. В ЕС немного улучшилось число выпускников в области естественных наук, технологий, инженерии и математики (STEM) (19,1 выпускника на 1000 человек в возрасте от 20 до 29 лет в 2015 году по сравнению с 18,4 – в 2013 году). В 2016 году в ЕС насчитывалось 8,2 миллиона специалистов по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), по сравнению с 7,3 миллиона тремя годами ранее.

*Использование интернета (*Use *of Internet Services by citizens).* Интернет-пользователи наиболее активны в Дании, Швеции и Нидерландах. В этом измерении Румыния, Италия и Болгария находятся внизу списка. Процент пользователей Интернета, которые участвуют в различных онлайн-мероприятиях, таких как чтение новостей в Интернете (72 %), совер-

шение видео- или аудиозвонков (46 %), использование социальных сетей (65 %), покупки в Интернете (68 %) или использование онлайн-банкинга (61 %), немного увеличилась за последние два года.

Интеграция цифровых технологий (Integration of Digital Technology by businesses). Что касается интеграции технологий, предприятия являются наиболее передовыми в Дании, Финляндии и Ирландии и наименее развитыми в Румынии, Польше и Болгарии. Европейские предприятия все чаще внедряют цифровые технологии, такие как использование программного обеспечения для бизнеса для электронного обмена информацией (с 26 % в 2013 году до 34 % предприятий в 2017 году), отправки электронных счетов (с 10 % в 2013 году до 18 % предприятий в 2016 году) или использование социальных сетей для взаимодействия с клиентами и партнерами (с 15 % в 2013 году до 21 % предприятий в 2017 году).

Цифровые государственные услуги (Digital Public Service). Чемпионами Европы в сфере цифровых государственных услуг являются Финляндия, Эстония и Дания, отстают Греция, Венгрия и Румыния. Качество европейских публичных онлайн-услуг улучшилось благодаря увеличению на 5 баллов предварительно заполненных форм (учитывая повторное использование уже заполненных пользовательских баз данных).

Существует также Международный индекс цифровой экономики и общества (The International Digital Economy and Society Index, I-DESI) [2]. Он дает общую оценку того, каково положение развития в направлении цифрового общества и экономики стран-членов ЕС по сравнению со странами, не входящими в ЕС. Впервые созданный в 2013 году, I-DESI сравнивает средние показатели стран-членов ЕС с 17 странами, не входящими в ЕС (Австралия, Бразилия, Канада, Чили, Китай, Исландия, Израиль, Япония, Мексика, Новая Зеландия, Норвегия, Россия, Сербия, Южная Корея, Швейцария, Турция и США), используя методологию, аналогичную индексу DESI ЕС.

I-DESI измеряет эффективность в пяти направлениях (субиндексах): доступность высокоскоростного Интернета (связь); человеческий капитал (навыки работы с цифровыми технологиями); использование интернет-сервисов гражданами; интеграция цифровых технологий (использование цифровых технологий в бизнесе) и цифровых общественных услуг.

На рисунке 2 приведены показатели I-DESI за 2018 год, представленные в октябре 2018 года на сайте Европейской комиссии (European Commission).

Более подробно и развернуто структура показателя I-DESI по странам мира представлена в таблице 1.

Из данных таблицы 1 видно, что лидирующую позицию по показателям I-DESI за 2018 год занимают Южная Корея, Норвегия и Исландия. Россия отстает от показателя лидера на 27,7 пункта.

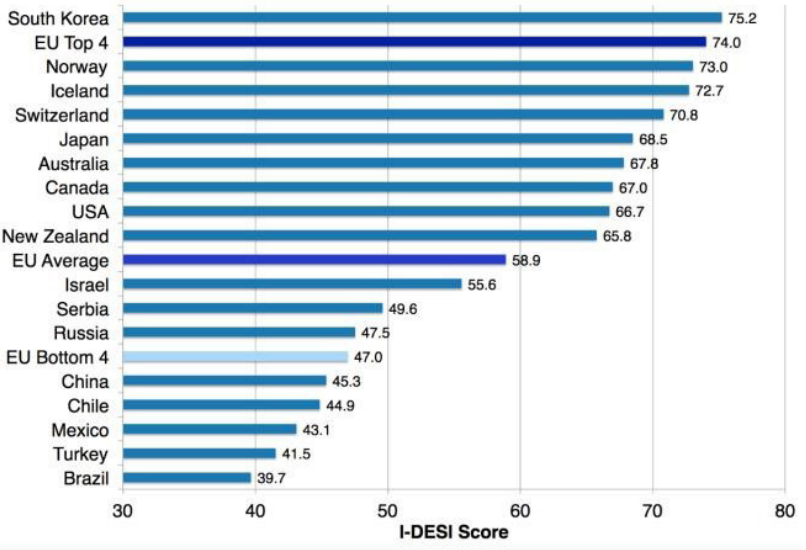


Рис. 2. **Международный индекс цифровой экономики и общества за 2018 год**
Источник: European Commission. The International Digital Economy and Society Index (I-DESI) [5].

Таблица 1

Субиндексы I-DESI за 2018 год

Страна	Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI)	в том числе субиндексы экономики и общества				
		Связь	Человеческий капитал	Использование интернет-сервисов гражданами	Интеграция цифровых технологий	Интеграция цифровых общественных услуг
Южная Корея (South Korea)	75,2	79,8	75,6	74,5	63,8	83,0
«Верхние» в рейтинге страны-члены ЕС (EU Top 4)	74,0	75,2	74,7	78,5	72,8	84,7
Норвегия (Norway)	73,0	75,8	69,1	85,2	65,8	72,5
Исландия (Iceland)	72,7	72,4	80,2	75,9	75,7	53,7
Швейцария (Switzerland)	70,8	78,9	64,6	77,5	80,3	48,3
Япония (Japan)	68,5	72,5	69,7	73,9	53,0	75,0
Австралия (Australia)	67,8	56,8	80,5	57,8	57,3	88,9

Окончание таблицы 1

Страна	Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI)	в том числе субиндексы экономики и общества				
		Связь	Человеческий капитал	Использование интернет-сервисов гражданами	Интеграция цифровых технологий	Интеграция цифровых общественных услуг
Канада (Canada)	67,0	59,6	67,3	66,2	65,4	81,5
США (USA)	66,7	71,3	56,2	71,0	61,8	79,0
Новая Зеландия (New Zealand)	65,8	55,4	79,3	58,2	55,6	81,6
Средние в рейтинге по ЕС страны (EU Average)	58,9	62,9	58,0	59,7	51,3	63,1
Израиль (Israel)	55,6	54,3	57,4	58,5	45,2	65,4
Сербия (Serbia)	49,6	52,3	44,4	49,6	44,3	60,7
Россия (Russia)	47,5	38,9	64,1	48,7	29,8	56,8
«Нижние» в рейтинге страны-члены ЕС (EU Bottom 4)	47,0	52,2	43,7	44,4	32,3	41,1
Китай (China)	45,3	47,8	40,5	45,3	40,7	58,6
Чили (Chile)	44,9	47,8	42,6	32,9	40,5	61,4
Мексика (Mexico)	43,1	45,5	41,6	30,0	33,7	67,2
Турция (Turkey)	41,5	43,3	53,1	35,9	27,7	43,2
Бразилия (Brazil)	39,7	39,5	39,2	33,8	27,8	62,4

Источник: European Commission. The International Digital Economy and Society Index (I-DESI) [5].

Страны-члены ЕС в среднем хорошо выглядят в сравнении со странами, не входящими в ЕС. Страны-лидеры ЕС являются одними из лучших в мире. Так, шесть лидирующих стран-членов ЕС вошли в «десятку» лучших по показателям I-DESI. Однако в среднем по ЕС скрываются большие различия между наиболее и наименее развитыми странами-членами ЕС, о чем свидетельствует большой разрыв между показателями «верхних» (EU Top 4) и «нижних» (EU Bottom 4) стран-членов ЕС в таблицах субиндексов сводного индекса I-DESI. Наибольший рост значения индекса I-DESI был зафиксирован Сербией, которая за период с 2013 по 2016 г. увеличила свою оценку на 75 % и поднялась с последнего до 34-го места среди 45 стран, проанализированных в рейтинге I-DESI.

Исходя из представленных данных можно сделать вывод, что развитие цифровой экономики приводит к глобальному изменению экономической среды, требует глубинного пересмотра подходов к организации производ-

ства, управления человеческим капиталом, ориентира на новые технологии [6, с. 487].

Цифровая трансформация экономики является приоритетной в повестке дня всех развитых стран и международных организаций, а также включена в национальные приоритеты социально-экономического развития Беларуси. Активно обсуждаются актуальные вопросы цифровой трансформации и гармонизации цифровых рынков на национальном и международном уровнях. Уже удалось добиться определенных успехов в этой сфере. По ряду показателей наша страна выглядит вполне прогрессивно, хотя и уступает развитым странам Евросоюза. Глава государства обозначил курс дальнейшего развития Беларуси как построение IT-страны. Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» создает беспрецедентные условия для развития IT-отрасли и дает серьезные конкурентные преимущества стране в создании цифровой экономики XXI века. Он направлен на совершенствование деятельности Парка высоких технологий (ПВТ), резидентами которого являются большинство ведущих белорусских высокотехнологичных компаний. Цель документа – устранение преград для IT-бизнеса, создание комфортных условий для развития, упрощения инвестиций в IT-отрасль, а также привлечения в Беларусь высокотехнологичный компаний со всего мира. Беларусь начала активную международную деятельность, направленную на гармонизацию цифровых рынков стран – экономических партнеров.

По данным Министерства связи и информации Республики Беларусь, Комиссии ООН по широкополосной связи в 2017 г. развитие ИКТ характеризуется охватом территории Беларуси сетью 3G на 95,5 %, количество абонентов сотовой подвижной электросвязи составило 11,3 млн, абонентов IPTV – 1,68 млн, широкополосный стационарный доступ имеет 33,3 % населения нашей страны, широкополосный мобильный доступ в Интернете – 69,5 % населения. Беларусь, поднявшись на две позиции по итогам 2016 г., занимает 21-е место среди 196 стран по количеству абонентов стационарного широкополосного доступа к Интернету на 100 жителей. Беларусь занимает 32-е место в рейтинге ИКТ в мировом рейтинге Международного союза электросвязи (Россия – 45-е место, Польша – 49-е место, Казахстан – 52-е место) [6, с. 487].

Таким образом, миссия развития цифровой экономики в Беларуси – обеспечить конкурентоспособность страны и национальную безопасность, повысить качество жизни населения. Человеческий капитал сегодня признается главной составляющей национального богатства и основной движущей силой цифровой трансформации экономики и генерации экономического роста страны. От его качества зависят темпы научно-технического прогресса, развития высокотехнологичного и наукоемкого производства, укрепление интеграции между производством, наукой и системой знаний, повышение престижа научной и инновационной деятельности государства.

Список использованных источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // М-во экон. Респ. Беларусь. – Режим доступа: https//www.srrb.niks.by/info/program.pdf. – Дата доступа: 02.02.2019.

2. *Шумилин, А. Г.* Роль человеческого капитала в инновационном развитии Республики Беларусь / А. Г. Шумилин // Проблемы управления. – 2016. – № 1(58). – С. 19–22.

3. *Кошевенко, С. В.* Цифровая трансформация мировой экономики / С. В. Кошевенко // Экономический журнал. – 2018. – С. 77–90.

4. The Digital Economy and Society Index [Электронный ресурс]. – Mode of access: https//es.europe.eu/digital-single-market/en/desi. – Date of access: 20.02.2019.

5. I-DESI 2018: How digital is Europe compared to other major world economies? [Электронный ресурс]. – Mode of access: https//es.europe.eu/digital-single-market/en/news/how-digital-europe-compared-other-major-world-economies. – Date of access: 20.02.2019.

6. *Трушин, Ю. М.* Информатизация — приоритет развития экономики / Ю. М. Трушин // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / [редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорус. гос. экон. ун-т». – Минск: БГЭУ, 2018. – С. 487–488.

7. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716. – Дата доступа: 02.02.2019.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

Е. С. Игнатович, Ю. И. Сергеева
Республиканский институт высшей школы, Минск

A. S. Ignatovitch, J. I. Sergeeva
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 37.032:008:378.1

СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕКЛАМНОЙ СТРАТЕГИИ КАФЕДРЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

SYSTEM REPRESENTATION OF THE ADVERTISING STRATEGY OF THE DEPARTMENT OF THE INSTITUTION OF ADDITIONAL EDUCATION OF ADULTS IN THE MODERN DIGITAL MEDIA SPACE

В статье дан анализ системного подхода к разработке и реализации рекламной стратегии кафедры учреждения дополнительного образования взрослых в современном цифровом медиапространстве.

Ключевые слова: проектирование; реклама; рекламная деятельность; стратегический менеджмент; дополнительное образование взрослых; конкурентоспособность; цифровое медиапространство; менеджмент; маркетинг; информационные технологии.

The article provides an analysis of the systems approach to the design and realization of the advertising strategy of the department at the institution of additional adult education in the modern digital media space.

Keywords: design; advertisement; advertising; strategic management; additional adult education; competitiveness; digital media space; management; marketing; information technology.

Государственная сфера дополнительного образования взрослых представляет собой гибкую, мобильную и постоянно развивающуюся систему. Она выполняет важную социально-экономическую функцию по обеспечению отраслей экономики профессиональными кадрами высокого уровня квалификации, удовлетворяет потребности граждан в профессиональном росте. Отличительной особенностью системы дополнительного образования взрослых в Республике Беларусь в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании является включение в нее наряду с государственными учреждениями образования иных организаций, а также индивидуальных предпринимателей, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность [2]. Подобная ситуация значительно увеличивает конкуренцию в этой сфере. Несмотря на повышение спроса на образовательные услуги у работающего населения на ряд востребованных специальностей, для государственных учреждений дополнительного образования взрослых ситуацию конкуренции осложняет уменьшение объемов государственного финансирования.

Уровень развития технических устройств, обеспечивающих доступ в Интернет, позволяет находиться онлайн практически в любом месте и в любое время. Согласно результатам республиканского социологического исследования, интернет-пользователями в 2017 году являлись 68,1 % совершеннолетних жителей страны. Ежедневно пользуются Интернетом граждане 30–39 лет (92,7 %), 40–49-летние – 86,7 %, 50–59-летние – 79,7 %; в группе от 60 лет и старше – 76,4 %. Подавляющее большинство респондентов (81,6 %), пользующихся Глобальной сетью ежедневно, проводят в ней более одного часа в день, 38,7 % – более трех часов [5, с. 8–9]. Интернет как источник информации на первое место ставят представители всех возрастных групп вне зависимости от пола и места проживания. Чаще всего пользователи Сети знакомятся онлайн с информацией справочного характера (65 %), развлекательный контент и сведения, необходимые для работы (учебы) востребованы в среднем у 57,4 % респондентов соответственно [5, с. 13].

В условиях конкурентной среды и фундаментальной цифровой трансформации создается необходимость создания интересных и практико-ориентированных образовательных программ для взрослых, предложение им удобных форм и условий обучения. Быстрота реагирования на тенденции

рынка напрямую влияют на финансовую устойчивость организаций. В ситуации высокой конкуренции и изменяющихся условий учебного процесса важно осознать необходимость маркетингового подхода к деятельности учреждения дополнительного образования взрослых. В этой связи актуально планирование рекламной стратегии учреждения образования с целью информирования потенциальных слушателей о возможностях обучения по коммерческим и бюджетным программам. При этом возрастает необходимость учета опыта конкурентов на рынке образовательных услуг, определение и изучение особенностей целевой аудитории, стратегический анализ рыночных позиций учреждения образования и его образовательных программ. В целом для учреждения дополнительного образования взрослых это означает активное применение бизнес-подходов в своей деятельности, а также разработке и реализации рекламной стратегии с учетом современных цифровых ресурсов сети интернет [4].

Рекламная стратегия кафедры как структурной единицы учреждений дополнительного образования взрослых должна носить характер, еще более упорядоченный по сегментам целевой аудитории, где важную роль играет учет мотивации потенциального слушателя, наличие достоверной и полной информации по видам и содержанию учебных курсов. Таким образом, задачей кафедры как субъекта рынка образовательных услуг становится формирование представлений о рекламной стратегии своей деятельности, создание интересного и содержательного информационного контента для конкретной возрастной и профессиональной аудитории.

Развитие современных форм и методов рекламной деятельности кафедры учреждения дополнительного образования взрослых и оценка эффективности рекламы в ключе современных бизнес подходов и маркетинговых коммуникаций – мало обсуждаемый вопрос в академической среде. Изучение деятельности кафедр отечественных государственных учреждений дополнительного образования взрослых в части разработки и реализации рекламных стратегий позволяет сделать вывод, что немногие коллективы задумываются о разработке комплексного организационно-экономического механизма планирования и продвижения в цифровой среде образовательного продукта, основанного на определении своих конкурентных преимуществ на рынке образовательных услуг. У специалистов системы высшего образования еще недостаточно сформировалось понимание, что на рекламу не просто нужно выделять финансирование, но и отслеживать конкретные показатели ее эффективности. Также еще слабо сформировано понимание основных целевых аудиторий, их особенностей и запросов, так необходимых для разработки стратегии рекламной деятельности [3]. Детальное описание особенностей этих групп позволило бы выявить их запросы и, как следствие, предложить востребованные программы, и на основе этого разработать рекламные предложения продукта и стратегии их продвижения. Главной целью рекламной деятельности кафедры является привлечение но-

вых слушателей, поддержание высокого объема продаж образовательного продукта

С точки зрения маркетинга продуктом кафедры учреждения дополнительного образования взрослых является образовательная программа, предназначенная для удовлетворения потребности в повышении квалификации и переподготовке. Задача удовлетворения потребностей потребителя в условиях цифрового общения связана с новыми рекламными технологиями и инновациями, которые продолжают интенсивно развиваться. Эти технологии и новые платформы, новые типы объявлений, методы отслеживания, возможности создания динамического контента и другие технологически достижения теперь предоставляют бесконечные возможности для специалистов учреждений образования взрослых по персонификации и привлечению своих клиентов.

Цифровой маркетинг (digital-маркетинг, диджитал-маркетинг) – общий термин, используемый для обозначения целевого и интерактивного маркетинга товаров и услуг, использующего цифровые технологии для привлечения потенциальных клиентов и удержания их в качестве потребителей. Современная цифровая реклама – это прежде всего форма массовой коммуникации и прямого контакта с аудиторией, самый простой и быстрый способ привлечения целевой аудитории. Digital размывает границы между внутренними и внешними коммуникациями, онлайном и офлайном. Сегодня Интернетом пользуется практически все население республики. Поэтому самый доступный способ найти свою целевую аудиторию – запустить рекламу в Интернете. Также обязательным становится обработка и анализ информации о результатах обратной связи с целевой аудиторией.

Существует много видов интернет-рекламы, которые круглосуточно работают на подержание и развитие бренда учреждения образования. В отличие от традиционных видов продвижения, интернет-реклама позволяет формировать целевые запросы, отслеживать активность и реакцию аудитории, вовремя реагировать на изменение ее спроса. Таким образом, используя возможности сети Интернет, кафедра может наладить эффективную коммуникацию с потенциальным потребителем, сформировать лояльный клиентский сервис, закрепить за собой статус уникального образовательного бренда.

В основе организации рекламной деятельности кафедры лежит стремление к более качественному, чем у конкурентов, удовлетворению потребностей своих целевых аудиторий, выстраивание системы коммуникации. Остановимся на основных каналах сферы digital маркетинга, минимально доступных для кафедры. Это далеко не все возможные каналы и способы коммуникации в Интернете, но они в данный момент основные [4]:

1. Поисковая выдача – это нахождение сайта организации через поисковые системы (SEO, Search Engine Optimization). Здесь важны структура и дизайн сайта, какой информацией он заполнен, как информация отражает

актуальную и значимую деятельность организации. При SEO важно подключить сайт к различным системам аналитики, чтобы отслеживать качественные и количественные показатели активности аудитории на сайте в целом и на странице кафедры в частности.

2. Социальные сети (SMM, Social Media Marketing) – общение с аудиторией в социальных каналах. Здесь важно правильно сделать выбор основных площадок коммуникаций с целевой аудиторией, продумать содержательный и интересный контент. Формирование контент-плана – необходимое условие работы с социальными сетями. Для повышения привлекательности контента можно проводить онлайн-мероприятия: вебинары, видеомастер-классы, онлайн-конференции.

3. Электронная почтовая рассылка (E-mail marketing) – сбор электронных адресов, оформление подписки на сервисы рассылок, формирование шаблонов регулярных рассылок для целевой аудитории. Здесь возможности коммуникации выстраиваются априори с лояльными потребителями, которые доверительно поделились своими электронными адресами.

4. Имидживые публикации на сторонних ресурсах (Digital PR), работа с репутацией (ORM – Online Reputation Management) через размещение и оптимизацию рекламы на сторонних тематических сайтах, блогах, форумах; организация или участие в спецпроектах на партнерских интернет-площадках.

5. Создание и ведение чатов и чат-каналов в популярных мессенджерах. Здесь очень важно иметь навыки работы с негативными отзывами и троллингом. Работа с отзывами имеет важное значение для выбора программ профессиональной подготовки следующим набором слушателей. В целом чаты способствуют более внимательному слушанию и работе с запросами. Создание и поддержание позитивного имиджа выпускников, выстраивание сети контактов с ними – интересная возможность чатов и мессенджеров.

Как видим, digital маркетинг имеет довольно много каналов коммуникации с аудиторией. Используя цифровые устройства как передатчики информации, мы можем практически все время иметь доступ к нашей целевой аудитории и общаться с ней. При этом важно понимать и учитывать тот аспект, что от правильности выбора рекламного канала и способа/вида рекламного сообщения зависят финансирование и эффективность рекламной кампании.

К сожалению, не всегда в штате кафедры или учреждения образования имеется специалист, полноценно отвечающий за digital маркетинг. Чаще всего это разобщенная группа сотрудников, которые настраивают сайт организации, поддерживают наполняемость социальных сетей учреждения или отдельной кафедры. Как правило, комплексной работы не ведется, но и этот минимум позволяет увеличивать узнаваемость учреждения образования, информирует о новостях, улучшает имидж, воспитывает лояльную аудито-

рию и т. д. В идеале работа digital специалистов предполагает несколько функциональных направлений:

• информационная и напоминающая функция – направлены на формирование осведомленности о новых программах или услугах; привлечение внимания потенциальных слушателей к конкретному событию; внушение аудитории социально значимых мыслей или удержание в памяти интереса к организации в сезонный спад активности;

• убедительная функция – формирование устойчивого спроса и лояльной аудитории, ценящей образовательный продукт за его преимущества относительно других организаций; удержание потребителей, лояльных к организации.

В целом digital маркетинг в рамках кафедры может применяться для достижения следующих целей: конкурентный анализ и аналитика целевой аудитории; анализ трендов, спроса, объема рынка образовательных услуг; донесение информации до конкретного персонифицированного потребителя, получение обратной связи, увеличение лояльности потенциальных слушателей. Таким образом, в основу разработки рекламной стратегии продвижения образовательных услуг кафедры должна быть положена клиентоориентированность и идея изучения социальных ожиданий целевой аудитории, где главную роль играет обратная связь со слушателями [1].

К плюсам digital маркетинга можно отнести большой охват возрастной аудитории, низкую стоимость, глобальность и более точный таргетинг, интерактивность, неформальное общение, возможность аналитики, гибкость и изменение стратегии в реальном времени.

Основные цели рекламных компаний кафедры – это комплексное формирование образа и отношения к организации. Здесь важно отследить показатели эффективности рекламной деятельности, например [1]:

• показатели вовлеченности и активности посетителей интернет-площадок;

• увеличение количества обучающихся по программам кафедры;

• расширение сегментов целевой аудитории;

• вхождение в новый географический район;

• формирование положительного имиджа и доброжелательного отношения, отличного от образов конкурентов.

Изучение целевой аудитории позволяет сделать предположения об общих мотивах поведения представителей целевой группы при принятии решения о совершении покупки. При определении целевой аудитории надо учитывать то, что потенциальных потребителей образовательного продукта может быть очень много, но реальными участниками станут немногие. В связи с этим не все потенциальные потребители могут представлять интерес. Целевая аудитория или целевая группа – это группа людей с одинаковым набором определенных параметров, таких как возраст, социальный статус, уровень дохода, потребительские предпочтения, особенности психо-

логии и т. п. [6]. При определении целевой аудитории надо учитывать особенности программ.

В работе с целевой аудиторией очень важно понимание психологического воздействия размещаемых материалов. Например, необходимо периодически обновлять портрет целевого потребителя, у которого со временем меняются потребности. Если это не учитывать, то можно лишиться потенциальных потребителей. В другом случае можно найти совершенно новые сегменты, которым интересны образовательные услуги. Также нужно ориентироваться на нужды слушателей и не бояться предлагать им что-то новое, выходящее за рамки чисто профессиональных потребностей. Мир меняется и люди нуждаются в информации об этих изменениях. Возможно, в условиях дефицита времени будет востребован удобный формат коротких семинаров или тренингов на актуальные темы.

После определения целевой аудитории нужно решить, каким образом с ней взаимодействовать. Для этого нужно знать особенности работы вирусной и таргетинговой рекламы. Вирусная реклама – это цепляющее визуальное изображение где информация воспринимается как зрелищная, а не как коммерческая. Задачи вирусной интернет-рекламы – повышение узнаваемости кафедры, раскрутка нового образовательного продукта, увеличение его популярности и востребованности. Особенность вирусной рекламы – положительное отношение аудитории и продолжительность жизненного цикла в интернете без материальных затрат.

Таргетированная реклама – текстовое объявление с броским изображением, привлекающим внимание целевой аудитории. Таргетированная реклама действует целенаправленно при небольших финансовых затратах. Чтобы зацепить пользователя, ставка делается на удачную картинку. Поэтому эффект от этого вида интернет-рекламы напрямую зависит от того, насколько грамотно составлено объявление.

На наш взгляд, актуальность темы формирования системного видения рекламной стратегии кафедры учреждения дополнительного образования взрослых в современном цифровом медиапространстве обусловлена тем, что реклама остается одним из эффективных способов продвижения программ на рынке образовательных услуг, и успех кафедры зависит от того, как спланирована ее рекламная стратегия. Рекламная деятельность, в той или иной степени осуществляемая любым структурным подразделением учреждения образования, должна быть оптимальной, т. е. иметь максимальную эффективность при ограниченном объеме затрат. Выбор оптимального варианта организации рекламной деятельности важен с точки зрения единства корпоративной культуры и стратегических целей развития учреждения образования.

Все виды интернет-рекламы имеют свои цели и возможности. Универсального рекламного продукта, который помог бы всестороннему продвижению, не существует, важен комплексный подход. Чем больше рекламных

инструментов задействовано, тем больший поток целевых пользователей и последующих вовлечений можно получить.

Список использованных источников

1. *Бокарев, Т.* Оценка эффективности рекламных компаний [Электронный ресурс] / Т. Бокарев. – Режим доступа: www/promo.ru/effectl.htm. – Дата доступа: 22.02.2019.

2. Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/dop-obr. – Дата доступа: 22.02.2019.

3. *Муравьев, В. Б.* Управление имиджем выпускающей кафедры вуза [Электронный ресурс] / В. Б. Муравьев // Вестник РЭА. – 2011. – № 2(38). – С. 51–57. – Режим доступа: https://bit.ly/2OqsH7s. – Дата доступа: 22.02.2019.

4. *Неретина Е. А.* Использование интегрированных маркетинговых коммуникаций в продвижении образовательных услуг вуза [Электронный ресурс] / Е. А. Неретина, А. Б. Макарец // Маркетинг образования. – 2013. – № 1. – С. 3–12. – Режим доступа: https://bit.ly/2NC6F21. – Дата доступа: 22.02.2019.

5. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2018. – 180 с. – Режим доступа: http://iac.gov.by/reseach.html. – Дата доступа: 22.02.2019.

6. *Шишко, В. И.* Алгоритм организации рекламных кампаний в учреждениях высшего образования [Электронный ресурс] / В. И. Шишко. – Режим доступа: https://bit.ly/2MBunZO. – Дата доступа: 22.02.2019.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

Л. С. Климченя, Д. И. Радкевич
Белорусский государственный экономический университет, Минск

L. Klimchenia, D. Radkevich
Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 339.133.017:663.21.5(476)

РЫНОК АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ БЕЛАРУСИ: СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

MARKET OF ALCOHOLIC PRODUCTS OF BELARUS: SUPPLY AND DEMAND

В статье представлены результаты экономического анализа состояния и развития рынка алкогольной продукции Беларуси за 2012–2017 гг. Дана оценка таким важным рыночным составляющим, как спрос и предложение. Определены факторы, обусловившие динамику спроса и предложения на алкогольную продукцию в стране. Аргументирована важнейшая задача развития рынка алкогольной продукции − обеспечение баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Обоснована необходимость проведения государственной политики по регулированию рынка алкогольной продукции.

Ключевые слова: рынок алкогольной продукции; спрос; предложение; уровень употребления абсолютного алкоголя на душу населения; структура производства и потребления; государственное регулирование рынка.

The authors presented the results of the economic analysis of alcohol market's the state and development in Belarus for 2012–2017. They assessed such important market components as supply and demand. During the research authors defined the factors that caused to the dynamics of supply and demand for alcoholic beverages in the country. They argue the most important task of the development of the alcohol market - to ensure a balance between economic efficiency and social justice. The authors substantiate the need for state policy to regulate the market of alcoholic beverages.

Keywords: alcohol market; demand; supply; level of absolute alcohol consumption per capita; structure of production and consumption; state regulation of the market.

Рынок алкогольной продукции представляет собой интерес для научного экономического анализа, так как он обладает особой спецификой, проявляющейся в том, что его функционирование протекает в контексте объективного противоречия. С одной стороны, как специфический товар алкогольная продукция удовлетворяет потребности населения в виде самого продукта, выступает источником налоговых поступлений в государственный бюджет, производство и оборот данной продукции «создают» рабочие места как в самой отрасли, так и в смежных отраслях. С другой стороны, разрушительное влияние чрезмерного употребления алкоголя проявляется в снижении производительности труда трудоспособных групп населения как следствие снижения величины валового внутреннего продукта, приводит к высоким показателям заболеваемости, смертности и низкой продолжительности жизни, снижению плотности населения территорий из-за снижения рождаемости и показателей здоровья детей и молодежи, разрыву семейных и социальных связей, понижению интеллектуального и творческого потенциала граждан. В связи с этим регулирование рынка алкогольной продукции имеет целевую направленность. Важнейшей задачей при этом выступает обеспечение баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью, что обуславливает актуальность проведенного исследования и его результатов.

Под рынком алкогольной продукции в рамках статьи подразумевается совокупность продавцов и покупателей, которые в определенный период связаны между собой отношениями купли-продажи алкогольной продукции (товарные границы рынка) и расположены на определенной территории, обозначаемой термином «географические границы рынка».

В течение длительного периода времени Республика Беларусь являлась одним из мировых лидеров по уровню употребления алкоголя, измеряемого в литрах чистого этилового спирта на душу населения в год. Согласно официальным статистическим данным 76,5 % населения Республики Беларусь в возрасте 16 лет и старше употребляет спиртные напитки (в т. ч. 82,5 % мужчин и 71,6 % женщин), кроме того, вызывает опасение распространение употребления алкоголя среди женщин, детей и подростков [1, с. 226].

В соответствии с последним проведенным исследованием ВОЗ, результаты которого были опубликованы в 2018 г., Республика Беларусь занимает

27 место среди исследованных стран (на каждого жителя республики приходится 11,2 л чистого алкоголя в год) (рисунок 1).

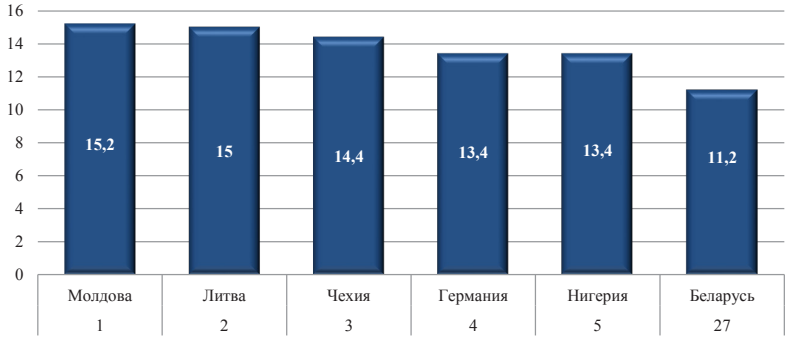


Рис. 1. **Рейтинг стран по уровню употребления алкоголя на душу населения в год, в литрах чистого этанола, 2017 г.**
Источник: собственная разработка на основе данных [2].

По официальным данным, употребление чистого алкоголя на душу населения в год в республике за период 2011–2017 гг. сократилось на 4,1 литр (рисунок 2).

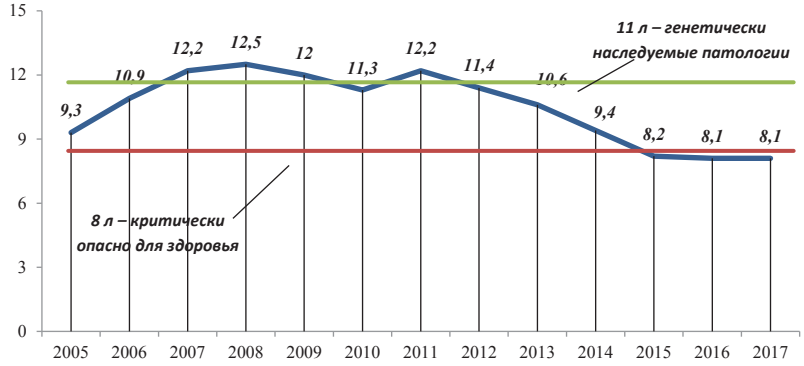


Рис. 2. **Динамика употребления алкоголя на душу населения в год, в литрах чистого этанола**
Источник: собственная разработка на основе данных [1, с. 359].

Таким образом, благодаря грамотной государственной политике за 2011–2017 гг. совокупный уровень употребления абсолютного алкоголя на душу населения снизился на 33,6 %, но продолжает оставаться выше порога, после которого, по мнению ВОЗ, начинается необратимое изменение генофонда нации.

Безусловно, проведение эффективных государственных мер позволило снизить уровень употребления абсолютного алкоголя на душу населения в Республике Беларусь, однако деятельность в данном направлении должна продолжаться. Потребности человека нужно воспитывать в духе культуры нормального употребления алкогольных напитков и соблюдения национальных традиций и моральных установок. Государственное регулирование производства и оборота алкогольной продукции должно быть основано на этих серьезных предпосылках, а не вступать с ними в противоречие.

При этом отметим, что рынок алкогольной продукции Республики Беларусь имеет достаточно устоявшуюся структуру производства.

Предприятия отрасли ежегодно выпускают порядка 25 млн дал алкогольных напитков. В настоящее время деятельность по производству алкогольной продукции в республике осуществляет 51 организация, в том числе непрофильные организации (ОАО «Лидские пищевые концентраты», КТУП «Полоцкая универсальная база», КСУП «Бережное», ОАО «Булочно-кондитерская компания «Домочай» и др.).

Как отмечают в Комитете государственного контроля Республики Беларусь, всего водку выпускают 18 организаций, ликеро-водочные изделия – 19, вина плодовые – 33, вина виноградные – 11 [3].

Президентом Республики Беларусь в 2015 г. было принято решение (Указ Президента Республики Беларусь от 17 июля 2015 г. № 326 «О создании и деятельности холдинга по производству алкогольной продукции») об объединении крупных государственных производителей алкогольной продукции в производственный холдинг с 100%-ной долей государства. Как отмечают, создание ОАО «Минск Кристалл» было продиктовано объективными требованиями развития алкогольного рынка: при росте частного бизнеса и усилении конкуренции государство консолидировало свою собственность и обеспечило ее эффективное использование. Единые условия продвижения и централизация продаж позволили ликвидировать конкуренцию в рамках одного собственника (государства), что предоставило возможность оптимизировать логистику и затраты. Например, количество складов было сокращено с 61 до 31, а за счет исключения встречных перевозок только в 2016 г. удалось сэкономить 2,7 млн р. Кроме того, была расширена собственная розничная сеть: на конец 2017 г. 112 торговых объектов ОАО «Минск Кристалл» обслуживали население во всех регионах страны. Реализация комплекса мероприятий по повышению эффективности работы обеспечила в 2017 г. снижение затрат на 8,1 % и экономию в размере 34,5 млн р. [4].

Однако, как показал анализ, проведенный Комитетом государственного контроля Республики Беларусь, имеющиеся в стране мощности по выпуску алкогольных напитков (около 32,4 млн дал) значительно превышают реальное потребление (около 11 млн дал) и существующие экспортные возможности (не более 4 млн дал). При этом мощности не умень-

шаются за счет избавления от экономически несостоятельных или осуществляющих непрофильную деятельность производств, а ежегодно увеличиваются. Так, на конец 2017 г. использование мощностей по производству водки и ликеро-водочных изделий составило 40,4 %, по винам плодовым – 32,9 % [3].

При этом важно отметить, что частные производители алкогольных напитков в последние годы демонстрируют значительный рост показателей (что особенно важно – чистой прибыли). Данная положительная динамика закономерно приводит к увеличению средств, направляемых на оплату труда работников, а также сумм поступлений в бюджет налогов и сборов. Вместе с тем производители государственной формы собственности, находясь в одной и той же экономической среде, не могут достичь подобных результатов. По официальной информации Комитета государственного контроля Республики Беларусь, чистая прибыль, полученная за 2017 г. 8 организациями государственного алкогольного холдинга, была фактически в восемь раз меньше, чем чистая прибыль одного частного производителя [5, с. 7].

Проведя анализ производства алкогольной продукции, отметим, что наибольший объем производства водки и ликеро-водочных изделий был зафиксирован в 2012 г. – 19 266 тыс. дал. За период 2012–2017 гг. объем производства данных алкогольных напитков сократился на 26,5 %, или на 4042 тыс. дал, и составил в 2017 г. 15 224 тыс. дал. Вместе с тем объем импорта водки и ликеро-водочных изделий увеличился за исследуемый период на 218,4 %, или на 415 тыс. дал, и составил в 2017 г. 605 тыс. дал. Следует также отметить, что объем экспорта водки и ликеро-водочных изделий имеет положительную динамику: в 2017 г. он составил 4469 тыс. дал и за последние 10 лет увеличился на 4153 тыс. дал.

Вина виноградные в Республике Беларусь производятся в наименьшем количестве, чем водка, ликеро-водочные изделия и пиво, преимущественное производство которых объясняется наличием соответствующего сырья для их производства.

Объем производства вин виноградных в 2017 г. составил 3131 тыс. дал, что является наибольшим объемом производства данных алкогольных напитков за 2012–2017 гг. Объем импорта вин виноградных за 2012–2017 гг. увеличился на 58,78 % и составил в 2017 г. 1148 тыс. дал (фактически треть от объема производства вин виноградных предприятиями республики). При этом в стране в 2017 г. было потреблено 3933 тыс. дал вин виноградных натуральных при объеме их экспорта в 164 тыс. дал.

Коньяк, коньячные напитки и бренди предприятиями республики производятся в небольших количествах. Однако объем их производства и импорта за 2012–2017 гг. был значительно увеличен (на 127 тыс. дал и 105 тыс. дал) и составил в 2017 г. 424 тыс. дал и 170 тыс. дал соответственно. В 2017 г.

при объеме производства 424 тыс. дал и импорте 170 тыс. дал 531 тыс. дал коньяка, коньячных напитков и бренди было потреблено в республике, экспорт составил 45 тыс. дал.

По результатам проведенного анализа следует подчеркнуть, что, несмотря на выявленную положительную динамику, заключающуюся в росте объема экспорта производимых предприятиями алкогольной отрасли Республики Беларусь алкогольных напитков, практически весь их объем потребляется внутри страны. Так, 60,74 % всего объема водки и ликероводочных изделий потребляется внутри республики, пива – 72,97 %, вин виноградных – 76,34 %, вин игристых – 84,74 %, вин плодовых – 100 %, коньяка, коньячных напитков и бренди – 71,08 %.

Отметим, что отечественные спиртные напитки поставляются преимущественно на рынки следующих стран: пиво – на рынки Российской Федерации (71 471 тыс. л), Украины (33 113 тыс. л) и Литвы (21 875 тыс. л); вина виноградные – на рынок Украины (999 тыс. л); вина игристые – на рынок Украины (389 тыс. л); крепкие спиртные напитки – на рынки Российской Федерации (7820 тыс. л 100 % спирта), Латвии (2115 тыс. л 100 % спирта) и Литвы (2509 тыс. л 100 % спирта); водка – на рынки таких стран, как Российская Федерация (6206 тыс. л 100 % спирта), Украина (1412 тыс. л 100 % спирта), Латвия (2024 тыс. л 100 % спирта) и Литва (2484 тыс. л 100 % спирта) [6].

Проведя анализ структуры импорта спиртных напитков в разрезе стран, можно отметить, что основными поставщиками пива на рынок Республики Беларусь являются Российская Федерация и Украина (2017 г. – 54 519 тыс. л и 32 088 тыс. л соответственно), вин виноградных натуральных – Грузия (1555 тыс. л), Республика Молдова (45 727 тыс. л), Испания (2850 тыс. л), Италия (2279 тыс. л) и Франция (2720 тыс. л), вин игристых – Республика Молдова (157 тыс. л), Испания (166 тыс. л), Италия (354 тыс. л) и Франция (132 тыс. л), крепких спиртных напитков – Республика Молдова (1406 тыс. л 100 % спирта) и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (989 тыс. л 100 % спирта), водки – Украина (233 тыс. л 100 % спирта), Нидерланды (103 тыс. л 100 % спирта), Финляндия (137 тыс. л 100 % спирта) и Франция (176 тыс. л 100 % спирта) [7].

Рисунок 3 позволяет наглядно отразить, что наибольшую долю в структуре продаж алкогольных напитков на протяжении 2005–2017 гг. занимает пиво. При этом доля таких алкогольных напитков, как коньяк, а также вин игристых, включая шампанское, напитков слабоалкогольных, в общей структуре продаж относительно невелика. Однако при пересчете в чистый спирт лидером в структуре продаж алкогольных напитков является водка. Свое распространение водка как крепкий алкогольный напиток получила с учетом ее невысокой стоимости в пересчете в чистый спирт.

Отметим, что розничный товарооборот по алкогольным напиткам в 2017 г. увеличился по сравнению с 2016 г. (таблица 1).

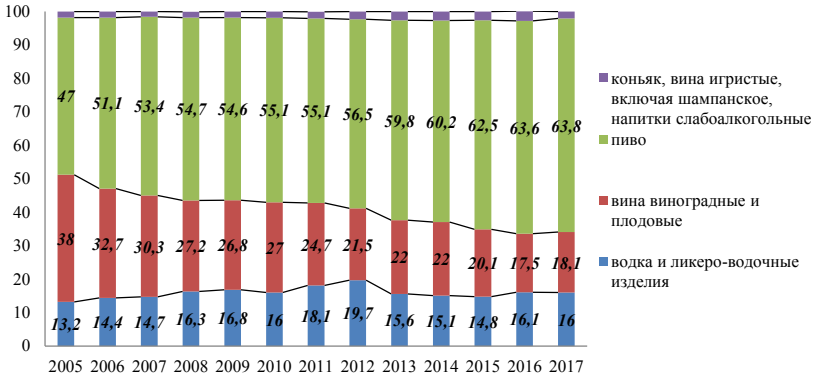


Рис. 3. **Структура продаж алкогольных напитков в натуральном выражении, в процентах к итогу [1, с. 359]**

Таблица 1

Структура розничного товарооборота по алкогольным напиткам

	Розничный товарооборот			
	всего		из него розничный товарооборот организаций торговли	
	2016 млн р.	2017 млн р.	2016 млн р.	2017 млн р.
Всего, в т. ч.	36923,4	40237,3	31266,6	35009,1
алкогольные напитки:	3195,8	3364,7	3091,0	3305,5
- вино	741,4	771,5	741,4	771,5
- водка	1169,7	1241	1169,7	1241
- коньяк, коньячные напитки и бренди	136,7	155,6	136,7	155,6
- пиво	911,6	933,3	806,8	874,1
- ликеры и изделия ликеро-водочные	236,4	219,4	236,4	219,4
- слабоалкогольные напитки	–	43,9	–	43,9

Источник: собственная разработка на основе данных [1, с. 44].

Проанализировав данные, представленные в таблице 1, отметим, что розничный товарооборот по алкогольным напиткам увеличился в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 168,9 млн р., в т. ч. за счет увеличения продаж таких алкогольных напитков, как: водка – на 71,3 млн р., вино – на 30,1 млн р., коньяк, коньячные напитки и бренди – на 18,9 млн р., а также пиво – на 21,7 млн р.

Важно подчеркнуть, что алкогольные напитки составляют значительную долю в структуре розничного товарооборота организаций торговли. Так, доля алкогольных напитков в розничном товарообороте организаций

торговли в 2017 г. составила 9,44 % (в 2016 г. – 9,89 %). Для отдельных торговых объектов отсутствие возможности продажи спиртных напитков означает, что розничный торговый объект не способен обеспечить свое дальнейшее функционирование.

Как показало проведенное исследование, рынок алкогольной продукции Республики Беларусь характеризуется широким предложением алкогольных напитков не только отечественного (деятельность по производству алкогольной продукции в республике осуществляет 51 организация), но и импортного производства.

Для этого рынка характерна достаточно устоявшаяся структура потребления, которая во многом обусловлена сформированным типом употребления спиртных напитков в стране, а именно «северным» типом, предусматривающим преимущественное употребление крепких алкогольных напитков гражданами республики. Наибольшую долю в структуре продаж спиртных напитков на протяжении 2005–2017 гг. занимает пиво (63,8 %), в то время как доля таких алкогольных напитков, как коньяк, а также вин игристых, включая шампанское, напитков слабоалкогольных, в общей структуре продаж относительно невелика (2,1 %). Однако при пересчете в чистый спирт лидером в структуре продаж спиртных напитков являются водка и ликеро-водочные изделия (49 %). Наблюдается и рост розничного товарооборота по алкогольным напиткам в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 168,9 млн р., что было достигнуто в том числе за счет увеличения продажи водки. В 2017 г. прирост товарооборота за счет увеличения продажи водки составил 71,3 млн р., вина – на 30,1 млн р., коньяка, коньячных напитков и бренди – только на 18,9 млн р.

Благодаря грамотной государственной политике за период 2011–2017 гг. совокупный уровень употребления абсолютного алкоголя на душу населения снизился на 33,6 %. При этом опасение вызывает факт значительного процента употребляющих крепкие алкогольные напитки в трудоспособном возрасте.

По мнению многих авторов, именно масштабность, глубина, неоднозначность и многосторонний характер проблемы производства и оборота алкогольной продукции обуславливают то, что обязанность по ее урегулированию должна возлагаться преимущественно на государство.

Как отмечают А. А. Жук и Е. А. Кизилова, с позиций социальной справедливости очень важным является ограничение спроса и чрезмерного употребления такого вредного блага, как алкоголь. Возникает необходимость инициативного вмешательства государства и в процесс создания предложения на алкогольную продукцию, ценообразования на нее, а также регулирования процессов распределения и перераспределения доходов от ее производства и реализации [8, с. 110].

Таким образом, государственная политика должна оказывать влияние на обе рыночные составляющие рынка алкогольной продукции. Идеальной

для общества моделью можно считать такую рыночную ситуацию, при которой темпы снижения спроса опережают темпы снижения предложения.

Список использованных источников

1. Статистический ежегодник: статистический сборник / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; редкол. И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – 506 с.

2. Материалы статистических докладов // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Минск, 2018. – Режим доступа: http://www.who.int/ru. – Дата доступа: 15.01.2019.

3. На алкогольном рынке Беларуси выявлен ряд серьезных проблем // Информационное агентство [Электронный ресурс]. – Минск, 2018. – Режим доступа: https://www.interfax.by/news/belarus/1235271. – Дата доступа: 16.12.2018.

4. Эффект алкогольного холдинга // Экономическая газета [Электронный ресурс]. – Минск, 2018. – Режим доступа: https://neg.by/novosti/otkrytj/effekt-alkogolnogo-holdinga. – Дата доступа: 20.12.2018.

5. *Масурновская, Е. Г.* Как повысить эффективность алкогольной отрасли / Е. Г. Масурновская // Государственный контроль. – 2018. – № 1(27). – С. 6–7.

6. Экспорт товаров в 2016–2017 гг. (6 знаков ТН ВЭД ЕАЭС) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2018. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 25.12.2018.

7. Импорт товаров в 2016–2017 гг. (6 знаков ТН ВЭД ЕАЭС) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2018. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 25.12.2018.

8. *Жук, А. А.* Государственное регулирование рынка алкогольной продукции в Российской Федерации: на пути к государственной монополии? / А. А. Жук, Е. А. Кизилова // Современная конкуренция. – 2014. – № 2(44). – С. 104–113.

(Дата подачи: 08.02.2019 г.)

А. А. Корень
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. Koran
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 658.15

ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

FINANCIAL SUSTAINABILITY AS AN OBJECT OF SYSTEM ANALYSIS

В статье исследованы методологические проблемы оценки финансовой устойчивости. Автор систематизировал используемые методы по ключевым признакам на основе обзора научных подходов к оценке финансовой устойчивости. В контексте финансового анализа и системного анализа автор отразил несостоятельность классического подхода

к оценке финансовой устойчивости. Применяемые методы в рамках анализа финансового состояния организации в отечественной практике основываются на информации, отражающей результаты прошлых периодов, и не позволяют осуществить оценку в долгосрочной перспективе. Данная проблема разрешается в рамках системного подхода к анализу финансовой устойчивости.

Ключевые слова: финансовая устойчивость; структура капитала; экономические активы; покрытие затрат и запасов; финансовый левериджс; экономическая добавленная стоимость; системный анализ.

This article examines the methodological problems of assessing financial sustainability. The author systematizes the methods used by key features based on a review of scientific approaches to assessing financial sustainability. In the context of financial analysis and system analysis, the author reflected the inconsistency of the classical approach to assessing financial sustainability. The methods used in the analysis of the financial condition of the organization in domestic practice are based on information reflecting the results of previous periods and do not allow for an assessment in the long term. This problem is resolved in the framework of a systematic approach to the analysis of financial sustainability.

Keywords: financial stability; capital structure; economic assets; covering costs and stocks; financial leveridge; economic added value; system analysis.

Исследование литературных источников показывает многообразие и неоднозначность существующих в настоящее время подходов к интерпретации сущности финансовой устойчивости организации. Некоторые авторы (Е. С. Русак, Н. Н. Морозова [1]) предпочитают не выделять финансовую устойчивость в отдельную категорию, замещая ее такими понятиями, как ликвидность, платежеспособность, кредитоспособность. Другие же сводят сущность финансовой устойчивости к расчету совокупности относительных показателей, характеризующих структуру капитала организации (Е. В. Русакова [2], С. И. Крылов [3]). Некоторые предлагают выйти за рамки традиционного понимания финансовой устойчивости, вводя в научную среду понятия «финансовое равновесие экономических активов» (Г. Бабынина [4], С. Е. Кован [5]), «покрытие запасов и затрат» (В. Н. Лешко [6], Г. Сахаров [7], В. В. Бочаров [8]) и «долгосрочные активы» (Г. Л. Харевич [9]).

В связи с тем, что в процессе анализа финансовой устойчивости ставятся разнонаправленные задачи, определяемые различием в целях пользователей, в методике, используемой в отечественной и зарубежной практике, актуальным становится вопрос объективности получаемых результатов в процессе проведения системного анализа.

Отсутствие единого понимания сущности финансовой устойчивости явилось причиной возникновения многочисленных и порой дублирующих друг друга показателей финансовой устойчивости, отличающиеся экономическим содержанием и алгоритмом расчета. Взгляды ученых, лежащие в основе методов оценки финансовой устойчивости, можно разделить по следующим ключевым признакам:

• отождествление понятия финансовой устойчивости с финансовой независимостью, когда собственный капитал является критерием минимизации риска и преимущественным источников развития;

• представление некого равновесного состояния финансовых ресурсов, обеспечивающее устойчивое функционирования организации посредством поддержания платеже- и кредитоспособности;

• определение способности организации повышать уровень доходности хозяйственной деятельности и наращивать стоимость капитала в условиях изменения внешней и внутренней среды.

В отечественной практике оценка финансовой устойчивости, как правило, проводится в рамках анализа финансового состояния организаций. Подавляющее большинство методик анализа финансового состояния объединяются общей базой расчетов, в основе которой лежит бухгалтерский баланс организации, отражающий результат принятых управленческих решений в прошлом. Именно этим аспектом объясняется феномен замещения, а в некоторых случаях и вытеснения понятия финансовой устойчивости понятиями платежеспособности и ликвидности. Несмотря на то, что финансовая устойчивость многими учеными определяется как критерий, оценивающий финансовое состояние организации в долгосрочной перспективе, анализ и оценка показателя осуществляется на базе статистических данных, лежащих в основе расчетов показателей платежеспособности и ликвидности, ориентированных на краткосрочную перспективу.

Сведение сущности финансовой устойчивости к соотнесению собственного и заемного капитала, главным образом объясняется использованием популярной и простой методики анализа показателя – коэффициентного метода. Основным недостатком данного метода является отсутствие научно обоснованной структуры капитала, гарантирующей эффективность функционирования организации и сохранение финансовой независимости в перспективе. Соотнесение различных категорий капитала между собой без выявления степени отдачи вложенных инвестиций в хозяйственную деятельность организации определяет неэффективность и бесполезность коэффициентного метода при разработке и принятии управленческих решений. Это является основной причиной формального подхода некоторых ученых к понятию финансовой устойчивости при исследовании и разработке методики анализа финансового состояния организации.

Так, по мнению С. И. Крылова, целью анализа финансовой устойчивости является оценка величины финансового риска (риска неплатежеспособности), связанного с хозяйственной деятельностью организации. Для анализа финансовой устойчивости автором предложено обширная система относительных показателей [3].

Кроме того, ученым подчеркивается необходимость детализации структуры источников финансирования предприятия посредством сопоставления частных видов капитала с общими источниками финансирования, к которым они относятся. Например, при анализе собственного капитала стоит акцентировать внимание на результативность хозяйственной деятельности предприятия, исключая влияние вложений собственников и акционеров, ре-

зервного капитала, безвозмездной помощи и прочих источников финансирования, не связанных с генерацией прибыли. В этом случае предлагается сопоставить темп роста нераспределенной прибыли над темпом роста собственного капитала [3, с. 35]. Критерием финансовой устойчивости в этом случае будет превышение первого показателя над вторым.

С некоторых пор многие исследователи стали отказываться от традиционного подхода к интерпретации финансовой устойчивости, направив свои изыскания на выявление и расчет финансового равновесия, обеспечивающего соответствие финансовых ресурсов критериям платеже- и кредитоспособности. В данном аспекте происходит смещение акцента на платежную составляющую финансового состояние организации и использование в анализе финансовой устойчивости показателей обеспеченности и ликвидности.

Г. Бабынина для анализа финансовой устойчивости организации предложила использовать в научной среде термин «точка равновесия», под которой понимается такое соотношение собственных и заемных средств, при котором за счет собственных средств полностью погашается как прежние, так и новые долги [4, с. 76]. Оценку финансовой устойчивости в этом случае предлагается осуществлять на основании критерия, который бы одновременно соединял в себе информацию об активах, капитале и финансовых ресурсах. В качестве такого критерия Г. Бабынина предлагает рассматривать соотношение между активами и капиталом предприятия на основе определенной группировки.

Для этого автор разработал свою группировку «экономических активов» бухгалтерского баланса, которые по своей форме могут быть разделены на: нефинансовые долгосрочные активы и нефинансовые краткосрочные активы; финансовые долгосрочные активы и финансовые краткосрочные активы; имущество в денежной форме и имущество в неденежной форме; труднореализуемые активы; ликвидные активы [4, с. 76].

Основываясь на предложенной группировке «экономических активов», автор выводит понятия «рабочего капитала» и «финансового капитала». Финансовый капитал предлагается рассматривать в качестве индикатора финансово-экономической устойчивости. При положительном уровне финансового капитала имеет место чистое кредитование, то есть преобладание собственных финансовых активов в собственном капитале, при отрицательном значении – чистое заимствование. Чистое заимствование свидетельствует о недостаточности собственных средств, которые восполняются заемным капиталом [4, с. 78]. Условием возникновения финансово-экономической устойчивости предприятия ученым определяется точка финансово-экономического равновесия, в которой все нефинансовые активы являются собственными, а финансовые активы – заемными.

В. Лешко [6] считает, что общим критерием финансовой устойчивости является излишек или недостаток средств для формирования запасов и

осуществления затрат, который определяется как разница между размером средств, полученных из собственных источников, и величиной запасов и затрат.

Аналогичный подход разделяет Г. Сахаров, который утверждает, что абсолютные показатели финансовой устойчивости характеризуют степень обеспеченности запасов и затрат источниками их финансирования. В связи с этим финансовая устойчивость определяется оптимальной структурой собственного и заемного капитала, равновесием отдельных видов активов и пассивов баланса [7, с. 69].

На основе абсолютных показателей Г. Сахаров определил трехмерный показатель, состоящий из следующих компонентов [7]:

- излишек (недостаток) собственных оборотных средств;
- излишек (недостаток) собственных оборотных средств и долгосрочных заемных источников формирования запасов и затрат;
- излишек (недостаток) собственных оборотных средств, долгосрочных кредитов и займов и кредиторской задолженности для формирования запасов и затрат.

В рамках предложенного метода оценки финансовой устойчивости авторами выделяются четыре ее типа: абсолютная и нормативная устойчивость финансового состояния, неустойчивое и кризисное финансовое состояние.

Идею трехфакторной модели оценки финансовой устойчивости на основе покрытия запасов различными источниками финансирования поддержали такие ученые, как В. В. Бочаров [8], В. С. Кудряшов [10], Г. Харевич [9].

Несмотря на то, что в методологию анализа финансовой устойчивости в рамках анализа финансового состояния в отечественной практике вносятся свежие идеи, целью которых является компенсировать недостатки классического подхода, все же предлагаемые учеными методы не выходят за рамки структурного анализа элементов бухгалтерского баланса.

Как следует из проведенных исследований, классический подход оценки финансовой устойчивости в рамках анализа финансового состояния имеет ограничения, при оценке финансовой устойчивости более объективно использовать системный анализ. Системный анализ позволяет комплексно и всесторонне исследовать понятие финансовой устойчивости как критерий оценки способности и возможности организации повышать уровень доходности хозяйственной деятельности и увеличивать свою рыночную стоимость.

Финансовая устойчивость является сложной и многоэлементной системой и проявляется во всех видах деятельности организации. Анализ финансовой устойчивости должен затрагивать не только вопросы оптимизации структуры активов и источников их финансирования, но и вопросы целесообразности, экономической безопасности и доходности, что, по своей сути, является критерием устойчивости хозяйственной деятельности в долгосрочной перспективе.

В зарубежной практике вопрос оптимизации структуры капитала в рамках системного анализа решается на основе метода расчета коэффициента финансового левериджа. Эффект финансового левериджа проявляется в положительном отклонении между экономической рентабельностью и средним процентом за кредит, что в зарубежной практике принято называть дифференциалом финансового левериджа. При положительном значении дифференциала любой прирост коэффициента финансового левериджа будет вызывать еще больший прирост рентабельности собственного капитала. Расчет коэффициента финансового левериджа лежит в основе рационализации структуры капитала, а сам принцип расчета показателя заложен в расчетах показателя финансовой устойчивости (leverage ratios).

Определяющей целью оценки ликвидности в зарубежной практике является нахождение уровня резервного капитала для компенсации возможных убытков в ходе осуществления текущей деятельности, уровня компенсаций инвесторам при ликвидации организации [11, с. 402].

Принцип расчета показателя ликвидности был использован зарубежными учеными для коэффициента достаточности денежных потоков и коэффициента реинвестирования денежных средств. Первый показатель отражает степень достаточности денежных средств, которые организация получает в результате хозяйственной деятельности для покрытия затрат на возмещение капитала, чистых инвестиций в производственные запасы и наличных дивидендов [8, с. 439]. Второй показатель представляет собой денежные средства, начисленные и реинвестируемые в организацию для замены активов и роста производства. Он рассчитывается как отношение денежных средств, полученных в результате хозяйственной деятельности за вычетом дивидендов, к сумме общей стоимости оборудования, инвестиций, прочих активов и рабочего капитала [8, с. 440].

В рамках анализа финансовой устойчивости с позиции доходности организации в зарубежной практике используется показатель экономической добавленной стоимости EVA. Показатель экономической добавленной стоимости EVA отражает уровень доходности при заданной структуре капитала и цене источников финансирования. Он позволяет принять решение в вопросе выбора вида и размера того или иного источника финансирования хозяйственной деятельности организации для получения определенного значения прибыли.

Рассмотренная система показателей является лишь малой долей оценки финансовой устойчивости в долгосрочной перспективе. В системном анализе зарубежной практики широко используются такие показатели и модели, как модель Дюпона, доход на инвестиции ROI, доход на акцию EPS, модель на основе расчета показателя ROE и прибыль на чистые активы RONA, модель дисконтирования свободных денежных потоков FCFM, EBITDA, сбалансированная система показателей и так далее.

Системный анализ зарубежной практики построен на расчете показателей, позволяющих выявить наиболее выгодные в инвестиционном плане организации, оценить вероятные риски и возможность банкротства, и любую иную информацию, характеризующую финансовую устойчивость субъекта хозяйствования, для удовлетворения потребностей внешних пользователей – инвесторов. Методики анализа финансового состояния в отечественной практике сконцентрированы на оценке имущественного состояния организации, уровня платежеспособности, деловой активности для удовлетворения потребностей внутренних пользователей.

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта оценки финансовой устойчивости наглядно отражает неактуальность классического подхода к представлению финансовой устойчивости как статичного состояния финансовых ресурсов с жесткой привязанностью к определенному составу и содержанию капитала и требует использование системного анализа при оценки финансовой устойчивости организации.

Исследование методологических основ оценки финансовой устойчивости позволяет сформулировать следующие выводы:

1) в методологии анализа финансовой устойчивости не в достаточной мере разработаны характерные методы и приемы анализа, отсутствие которых в отечественной практике восполняется заимствованием методов и приемов анализа финансового состояния организации в целом;

2) дополнение коэффициентного метода анализа финансовой устойчивости расчетом показателя покрытия запасов и затрат не позволяет в достаточной степени определить организацию как устойчивую в долгосрочной перспективе и по существу сводит понятие финансовой устойчивости до уровня платежеспособности, определяющее состояние организации в краткосрочной перспективе;

3) несостоятельность классического подхода оценки финансовой устойчивости в рамках анализа финансового состояния обусловлена привязкой используемых методов к структуре бухгалтерского баланса, отражающего результаты прошлых периодов;

4) построение методов оценки финансовой устойчивости в рамках системного анализа позволяет комплексно и всесторонне исследовать вопросы экономической безопасности и доходности хозяйственной деятельности организации, ориентируясь на долгосрочную перспективу.

Список использованных источников

1. *Русак, Е. С.* Экономика организации (предприятия промышленности): учеб. пособие / Е. С. Русак, Н. Н. Морозова. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2018 – 468 с.

2. *Русакова, Е. В.* Комплексный экономический анализ деятельности предприятия: учеб. пособие / Е. В. Русакова. – СПб.: Питер, 2016 – 224 с.

3. *Крылов, С. И.* Финансовый анализ: учеб. пособие / С. И. Крылов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 160 с.

4. *Бабынина, Г.* Экономический рост и финансовая устойчивость предприятия / Г. Бабынина // Экономика. Финансы. Управление. – 2013. – № 7(163). – С. 74–80.

5. *Кован, С. Е.* Финансовая устойчивость предприятия и ее оценка для предупреждения его банкротства / С. Е. Кован // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 15(144) – С. 52–59.

6. *Лешко, В. Н.* Как провести анализ финансового состояния организации / В. Н. Лешко // Планово-экономический отдел. – 2018. – № 5. – С. 41–47.

7. *Сахаров, Г.* Система и аналитические приемы оценки показателей форм бухгалтерской финансовой отчетности организаций / Г. Сахаров // Предпринимательство. – 2013. – № 5. – С. 64–89.

8. *Харевич, Г. Л.* Анализ финансовой деятельности [Электронный ресурс]: курс лекций / Г. Л. Харевич. – Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – 2014

9. *Бочаров, В. В.* Финансовый анализ. Краткий курс / В. В. Бочаров. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 240 с.

10. *Кудряшов, В. С.* Теоретические и методические аспекты анализа платежеспособности финансовой устойчивости предприятий / В. С. Кудряшов // Стратегии бизнеса. – 2016. – № 12. – Режим доступа: https://doi.org/10.17747/2311-7184-2016-12-2

11. *Бернстайн, Л. А.* Анализ финансовой отчетности: теория, практика и интерпретация / Л. А. Бернстайн; пер. с англ. И. И. Елисеева. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 624 с.

(Дата подачи: 12.02.2019 г.)

Н. Г. Лопатова
Институт экономики НАН Беларуси, Минск

N. Lopatova
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 351

ПОДХОДЫ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ЦИФРОВОМУ УПРАВЛЕНИЮ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

THE APPROACHES TO NATIONAL DIGITAL MANAGEMENT: INTERNATIONAL EXPERIENCE

В статье рассматривается международный опыт управления цифровым преобразованием национальных экономик зарубежных стран и определены подходы к достижению поставленных целей цифрового развития Республики Беларусь.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая трансформация; государственное управление.

The article deals with the international experience of managing digital transformation of national economies of foreign countries and identifies approaches to achieving the goals of digital development of the Republic of Belarus.

Keywords: digitalization; digital transformation; public administration.

Одной из важнейших мировых тенденций XXI в. является качественная структурная трансформация глобальной экономики, связанная с глубокой интеграцией современных технологий в реальные экономические процессы, которая распространяется на все сферы социально- экономической деятельности.

Цифровое преобразование способствует развитию новых рынков и секторов экономики, стимулирует инновации и обеспечивает рост производительности, вносит фундаментальные изменения во всех областях организационной деятельности, включая стратегию, организацию, процесс, инфраструктуру [1].

Развитие цифровой экономики в Республике Беларусь, безусловно, может быть использовано для ускорения экономического роста. Мы должны воспользоваться стремительными технологическими переменами, чтобы поднять благосостояние и упрочить социальную интеграцию нашей страны в мировое пространство. Решение стоящих перед страной задач при реализации потенциала цифровой трансформации требует определенного подхода к управлению, с учетом национальных особенностей, приоритетов цифрового развития и мировой практики. В этой связи актуальным является анализ зарубежного опыта по решению задач качественных изменений социально-экономических процессов и внедрению современных подходов к построению цифровой экономики в республике.

На национальном уровне многих экономически развитых стран и в большинстве стран Евросоюза реализуются национальные инициативы цифрового преобразования. Германия, являясь мировым лидером в области интеграции киберфизических систем в промышленные процессы, реализует концепцию Индустрия 4.0, Великобритания направляет усилия на формирование цифровой инфраструктуры мирового класса привлекательной для бизнеса; Китай стремится стать лидером в технологических инновациях в сферах промышленности, финансов и торговли, Сингапур и Корея формируют «умную экономику» и т. д. [2; 3].

Анализ мирового опыта позволяет выделить четыре основных подхода к национальному цифровому управлению, которые страны используют для решения задач четвертой промышленной революции [4; 5].

Первый подход – внедрение инноваций в области цифрового управления и обеспечение доступа к Интернету и цифровой инфраструктуре через разработку модели управления Интернетом с участием многих заинтересованных сторон и создание сетевых процессов трансформации через диалог (Швейцария, Бразилия, США и др.).

Такой подход является уникальным по своей эффективности, широте сотрудничества, интеграции и способам сбалансированности конкурирующих интересов. Модель Бразилии является конкретным примером для любой страны, стремящейся создать эффективный орган управления с участием многих заинтересованных сторон, что позволяет обществу эффек-

тивно принимать участие в принятии решений о внедрении, управлении и использовании сети. Также бразильское законодательство в области телекоммуникаций определило Интернет как «услугу с добавленной стоимостью», которая отличается от поддерживающей ее телекоммуникационной инфраструктуры, что позволило интернету быстро развиваться в Бразилии. Одной из ключевых целей в области цифрового управления в Швейцарии, где правительство берет на себя роль модератора, является обеспечение равных возможностей и всеобщего участия в информационном обществе: все жители Швейцарии должны иметь недорогой недискриминационный доступ к высококачественной сетевой инфраструктуре и инновационным услугам и приложениям [5].

В США Интернет рассматривается в качестве глобальной платформы для общения с минимальными барьерами для потока данных и услуг, для расширения международной торговли и минимизации барьеров со стороны правительств, устанавливающих жесткие правила локализации в целях кибербезопасности, выражения людей как личностей и для инноваций, открывающие новые возможности в коммерции [6].

Второй подход – развитие умного общества и государственных услуг через расширение прав и возможностей граждан, стимулирование цифровой трансформации посредством формирования цифровой идентичности, повышения цифровой грамотности для использования инновационных государственных услуг (Сингапур, Индия, Эстония и др.).

Сингапур широко известен как мировой лидер в развитии умного общества и создании возможностей для цифрового правительства и является площадкой для тестирования инноваций в решении городских проблем, например, «умные» автомобили, телемедицинские проекты и др. Правительство Сингапура ставит граждан в центр разработки и предоставления услуг, используя такие технологии, как искусственный интеллект, робототехнику и блокчейн, для проведения прогнозной поведенческой аналитики и определения наиболее выгодных продуктов и услуг для граждан [7].

Эстония, Дания и Индия осуществляют создание национальных систем цифровой идентификации. Идентичность человека является важнейшим элементом в повышении эффективности системы предоставления государственных услуг, мобильности и упрощении опыта пользователя. В Сингапуре инициатива национальной цифровой идентичности предусматривает получение гражданами электронного удостоверения личности (SingPass), в Индии действует платформа цифровой идентификации, основанная на биометрической цифровой идентификационной схеме Aadhaar, в Дании каждый гражданин и бизнес-структура имеют личный кабинет, обеспечивающий взаимодействие с государственными органами в режиме онлайн.

Эстонская Республика является первой страной, которая предлагает государственную цифровую идентификацию для иностранных граждан

(e-residency), что позволяет предпринимателям во всем мире создавать и управлять независимым от местоположения бизнесом [8].

Финансовая поддержка со стороны государства является предпосылкой цифровой трансформации правительства. В Великобритании развитие сектора осуществлялось посредством стимулирования и внедрения научных исследований и разработок, финансируемых через инновационное государственно-частное партнерство (ГЧП) и политику государственных закупок, включая, платформу для высокотехнологичного малого бизнеса Digital Marketplace, инициативу Small Business Research и другие возможности для предложения своих товаров или услуг государственному сектору [9]. Сингапур создал нормативно-правовую базу для развития деятельности электронных закупок для правительства и портал электронных закупок GeBIZ, где поставщики могут искать возможности государственных закупок, загружать тендерные документы и представлять свои заявки в режиме онлайн [10].

Эффективная поддержка роста новых высокотехнологичных компаний, развитие ГЧП, создание благоприятных условий для малого и среднего бизнеса, поощрение традиционных отраслей к внедрению цифровых технологий в преобразование своих процессов и бизнес-моделей как основного подхода при решении проблем цифрового преобразования определяю третий подход к регулированию (Великобритания, Китай, Германия и др.).

Правительства создают или стимулируют создания фондов, осуществляющих поддержку НИОКР и инвестиций в развитие цифровых технологий, разработку цифровых приложений и сервисов, посредством предоставления грантов и субсидирования займов, использование налоговых стимулов и др. В Сингапуре существует Национальный исследовательский фонд, инвестирующий в НИОКР, а также Early Stage Venture Fund – государственный «фонд фондов». В различных странах также создаются собственные корпоративные венчурные фонды (Intel Capital, Google Ventures, Qualcomm Ventures), нацеленные на выявление и развитие перспективных цифровых технологий. В Южной Корее государство инвестирует 1,5 млрд долл. США в развитие стандарта 5G совместно с частным бизнесом, в том числе устанавливает цель по участию малого и среднего бизнеса в НИОКР на уровне 40 %. Собственные вложения государства стимулируют крупнейших игроков также вкладываться в развитие сети [11].

Часть национальных фондов НИОКР в Великобритании направляется в The Catapult centres для содействия исследованиям и разработкам посредством бизнес-сотрудничества между учеными и инженерами и призванных стимулировать инвестиции частного сектора в инновационные технологии. В стране действуют специальные налоговые режимы призванные стимулировать компании инвестировать в НИОКР (R&D tax credits) и система налоговых льгот для инвесторов, поддерживающих инновационные стартапы (EIS) [12].

В Германии девствуют программы по предоставлению грантов малым предприятиям для покрытия расходов на консультационные услуги в области ИТ-безопасности, проникновения на цифровой рынок и цифровых процессов, а также на инновационные проекты во всех технологических областях, в том числе в сотрудничестве с научно-исследовательскими институтами других компаний, покрывая до 55 % затрат [13].

В Китае реализуются системные инструменты государственной поддержки, направленные на развитие технологий Интернета вещей. Предприятия отрасли высоких технологий облагаются налогом на прибыль по льготной ставке (15 % против стандартной 25 %), а разработчики программного обеспечения освобождаются от налога на прибыль на два года и выплачивают 50 % налоговых обязательств в последующие три года [11].

В целях содействия инновациям регулирующие органы переходят к разработке нормативных положений, основанных на механизмах «мягкого права» и тестированию новых моделей в «песочницах», позволяющих быстро адаптироваться к изменениям в технологиях и бизнес-моделях и работать совместно с частными компаниями и предпринимателями над разработкой соответствующих правил и положений по созданию безопасных и эффективных технологий для новых продуктов, услуг и бизнес-моделей. Например, Финляндия реформировала свои транспортные правила в поддержку концепции Маас, в которой транспорт рассматривается как комплексная система различных услуг. Регулятивные песочницы, зародившиеся в рамках финансового регулирования в Великобритании, сегодня действуют более чем в 20 странах, в том числе в Канаде, Австралии, Сингапуре, США [4].

Защита цифровой инфраструктуры, бизнеса и основных прав в стремлении стран к инновациям, росту и процветанию – подход к формированию системы цифрового управления, которое реализуется за счет осуществления широкой национальной инициативы по кибербезопасности, формирования правовых механизмов в области создания, распространения и защиты ценной информации (личной, коммерческой), а также ответственности за нанесенный вред, связанный с конфиденциальностью и дискриминацией данных, развитии ГЧП в области безопасности.

При разработке национальной цифровой политики правительства некоторых стран (Австралия, Израиль, Япония и др.) рассматривают безопасность и доверие как основополагающие факторы, которые связаны друг с другом. Для реализации национальной стратегии кибербезопасности правительство Австралии планирует оказывать поддержку австралийским предприятиям в продвижении своих продуктов и услуг в области кибербезопасности на экспорт, содействовать инвестициям в инновационные стартапы с высоким киберпотенциалом [14]. Правительство Израиля определило, что страна должна стать ведущей страной, способной использовать киберпространство в качестве двигателя экономического роста, социального обеспечения и национальной безопасности, и стремится стать лидером в

области технологических инноваций в киберпространстве. Япония рассматривает кибербезопасность как сферу с высоким инвестиционным потенциалом, способную обеспечить устойчивый экономический рост и внедрение инноваций и определяет развитие ГЧП в этой области ключевым фактором для защиты цифровой инфраструктуры [5].

Анализ цифрового развития рассмотренных стран позволяет выявить следующие подходы, которые могут быть применимы для достижения поставленных целей цифрового развития Беларуси:

1. Обеспечение быстрой, качественной и доступной связи (подключения) через соответствующую инфраструктуру: создание различных инвестиционных моделей для привлечения частных капиталовложений в целях расширения охвата связью, повышения ее скорости и стабильности и поддержка инноваций компаний в области формирования и развития цифровой инфраструктуры.

2. Разработка концептуальных документов, определяющих приоритеты национального цифрового развития: создание и реализация комплексной национальной политики цифрового развития, охватывающая различные сферы общества, экономики и технологического сектора; разработка стратегических документов по таким направлениям, как электронное государство, концепция «умных городов», Индустрия 4.0 и др.

3. Сотрудничество между всеми уровнями государственного управления и частным сектором, гражданским обществом и научными кругами при реализации и оценке национальной цифровой стратегии: разработка гибких, новаторских и совместных решений в области управления интернетом; определение органа, обладающего полномочиями и компетенциями для продвижения цифровых инициатив по приоритетным направлениям.

4. Создание благоприятной среды для бизнеса, которая уделяет первоочередное внимание ГЧП и культивирует локальную инновационную экосистему. Внедрение цифровых технологий для создания цифровых государственных услуг, используя систему госзакупок; запуск инициатив для стимулирования предприятий, государственных органов и потребителей к внедрению цифровых сервисов; разработка документов по управлению вопросами защиты конфиденциальности и использования данных.

5. Обеспечение равных возможностей для крупных высокотехнологичных компаний и малых и средних предприятий в разработке и тестировании своих инновационных продуктов, доступе к финансовым ресурсам, получению необходимых знаний и компетенций для внедрения передовых технологий и др.: всесторонняя поддержка научных исследований в области цифровых технологий, развитие специальных налоговых режимов, осуществление информационной поддержки для предприятий в реализации своих инновационных идей, разработка образовательных программ, направленных на получение новых цифровых компетенций, разработка

комплексного законодательного регулирования специальных правовых режимов, стимулирование развития венчурного финансирования цифровых инноваций и др.

6. Формирование всеобъемлющей национальной политики информационной безопасности: разработка широкомасштабных программ по проведению научных исследований и формированию инновационной экосистемы в сфере кибербезопасности; создание условий для разработок и реализации стартапов с высоким киберпотенциалом, оказание поддержки в продвижении национальных продуктов и услуг в области кибербезопасности на экспорт и др.

Список использованных источников

1. *Raul, L.* Katz, Social and economic impact of digital transformation on the economy. [Electronic resource] / L. Raul // ITU, GSR-17 Discussion paper. 2017 – Mode of access: https://www.itu.int/en/ITU-D/Conferences/GSR/Documents/GSR2017/Soc_Eco_impact_Digital_transformation_finalGSR.pdf. – Date of access: 23.10.2018.

2. *Го, Ш.* Роль «Группы двадцати» в глобальном управлении цифровой экономикой / Ш. Го, В. Дин, Т. Ланьшина // Вестник международных организаций. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 169–184.

3. OECD Digital Economy Outlook 2017 [Electronic resource] // OECD (2017), OECD Publishing, Paris. – Mode of access: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/9317011e.pdf. – Date of access: 31.10.2018.

4. William D. Eggers, Mike Turley, Pankaj Kishnani, The Future of Regulation: Principles for Regulating Emerging Technologies, the Deloitte Center for Government Insights [Electronic resource]: June, 2018 – Mode of access: https://www2.deloitte.com/insights/us/en/industry/public-sector/future-of-regulation/regulating-emerging-technology.html. – Date of access: 30.08.2018.

5. Digital Policy Playbook 2017 Approaches to National Digital Governance [Electronic resource]: World Economic Forum. White Paper. Switzerland, 2017.WEF. – Mode of access:http://www3.weforum.org/docs/White_Paper_Digital_ Policy_Playbook_Approaches_National_Digital_Governance_report_2017.pdf. – Date of access: 05.09.2018.

6. Enabling Growth and Innovation in the Digital Economy. [Electronic resource] : U.S. Department of Commerce. June 2016. – Mode of access: https://www.ntia.doc.gov/files/ntia/publications/enabling_growth_innovation_in_the_de_0.pdf. – Date of access: 05.09.2018.

7. *Lovelock, P.* Framing Policies for the Digital Economy – Towards Policy Frameworks in Asia-Pacific [Electronic resource] / P. Lovelock // UNDP Global Centre for Public Service Excellence. 2018. – Mode of access: http://www.undp.org/content/dam/undp/library/capacity-development/English/Singapore%20Centre/FramingPolicies_DigitalEconomy_2018_NUS-UNDP.pdf. – Date of access: 24.10.2018.

8. E-RESIDENT. [Electronic resource]: Republic of Estonia. – Mode of access:https://e-resident.gov.ee/become-an-e-resident/. – Date of access: 23.10.2018.

9. Sell goods or services to the public sector [Electronic resource] : GOV.UK. – Mode of access: https://www.gov.uk/tendering-for-public-sector-contracts. – Date of access: 31.10.2018.

10. Working Group on the Digitalization Scorecard: Which policies and regulations can help advance digitalization. [Electronic resource]: June 2017 Chaired by: NOKIA. – Mode of access: http://www.broadbandcommission.org/workinggroups/Pages/digiscorecard.aspx. – Date of access: 24.10.2018.

11. Россия онлайн: Четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике [Электронный ресурс] / BCG. – Режим доступа: http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Online_tcm27-178074.pdf. – Дата доступа: 24.10.2018.

12. *Finan, L.* Government investment in technology: how governments use tax regimes to attract R&D activity. [Electronic resource] / L. Finan // DLA Piper. JAN 2018. – Mode of access: https://www.dlapiper.com/en/uk/insights/publications/2018/01/government-investment-in-technology/. – Date of access: 30.10.2018.

13. The impact of digital transformation on innovation across sector. [Electronic resource]: Workshop summary. London, 21-22 September 2017. – Mode of access: https://www.innovationpolicyplatform.org/system/files/imce/TIPDigital_LondonWorkshop_2017.pdf. – Date of access: 30.08.2018.

14. Australia's Cyber Security Strategy [Electronic resource] : April 2016. – Mode of access: https://cybersecuritystrategy.pmc.gov.au/assets/img/PMC-Cyber-Strategy.pdf. – Date of access: 05.09.2018.

(Дата подачи: 28.01.2019 г.)

Д. Н. Прищепа
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

D. Prishchepa
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 331.1

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, ВРЕМЯ И ИНФОРМАЦИЯ В РАБОТАХ ГЭРРИ БЕККЕРА

HUMAN CAPITAL, TIME AND INFORMATION IN THE WORKS OF GARY BECKER

В статье показывается актуальность изучения человеческого капитала. Человеческий капитал рассматривается с позиций классической экономической науки. Используется экономический подход к человеческому поведению, определяются компоненты индивидуального человеческого капитала, анализируются такие важные составляющие индивидуального человеческого капитала, как время, информация, полезность и богатство.

Ключевые слова: человеческий капитал; индивидуальный человеческий капитал; экономический подход; человеческое поведение; время; информация; полезность; богатство.

The article shows the relevance of the study of human capital, human capital is considered from the standpoint of classical Economics, the economic approach to human behavior is used, the components of individual human capital are determined, such important components of individual human capital as time, information, usefulness and wealth are analyzed.

Key words: human capital; and individual human capital; economic approach; human behavior; time; information; usefulness and wealth.

Актуальность изучения человеческого капитала продиктована тем, что человеческий капитал является самым ценным ресурсом постиндустриального общества, гораздо более важным, чем природное или накопленное богатство. Уже сейчас во всех странах человеческий капитал предопределяет

темпы экономического развития и научно-технического прогресса. Именно интеллектуальные способности человека, его образованность, возможность генерировать новые знания, творчество и инициатива в наибольшей степени востребуются обществом.

Все это придает особое значение проблемам сохранения, накопления и эффективного использования человеческого капитала, выступающего в качестве ключевого и решающего стратегического ресурса развития экономики и общества в целом.

На сегодняшний день вопросы формирования и развития человеческого капитала находят свое отражение в теории и практике управления персоналом. Приобретение знаний, развитие способностей, талантов и последующее их применение, иначе говоря, самореализация, считается на сегодняшний день одной из самых актуальных проблем, с которой приходится сталкиваться практически каждому человеку в своей жизни. Таким образом, будущее человека в большинстве своем зависит от отношения человека к этой проблеме.

Большое количество трудов ученых самых различных направлений ориентированы на ее исследование, а в одной из древнейших наук – философии – вышеназванная проблема считается центральной. Развитие человека и общества, как и научно-технический прогресс, в настоящее время являются причинами проявления все большего интереса к данной теме [1].

В результате возрастающей потребности в изучении управления человеческим капиталом возрастает актуальность проблемы саморазвития человека с позиции экономики, непременности и неизбежности полного и тщательного исследования инвестиций в процесс развития человека и дальнейшей от них отдачи.

Основы формирования концепции человеческого капитала заложили в своих работах В. Петти [2], А. Смит [3], Д. Рикардо [4]. Они первыми ввели в науку идеи важности рабочей силы, способностей человека, его образования в увеличении богатства страны и ее населения [5].

Становление теории человеческого капитала можно отнести к середине XX века. В этот исторический период развития экономики стали резко различаться темпы экономического роста между отдельными промышленно развитыми и отсталыми государствами.

Ученые-экономисты всегда интересовались взаимосвязью между результатами труда, квалификацией работников, применяемыми технологиями, в особенности в условиях научно-технического прогресса и автоматизации производства, в то время как многие профессии теряли свою актуальность. В то же время начали появляться совершенно новые профессии, тем временем старые стали усложняться. Отсюда следует, что повышались сами требования к квалификации работников, а человек, получающий образование, со временем становился все более интересной и остроактуальной темой для проведения исследований [6].

Теория человеческого капитала как самостоятельное научное направление стала формироваться благодаря зарубежным исследованиям 60-х годов второй половины XX века. Это произошло благодаря особым социально-экономическим условиям, сложившимся ко второй половине XX века. К таким условиям следует отнести:

• повышение роли сложного труда и особой квалификации работников при переходе к инновационному производству благодаря высоким достижениям научно-технического прогресса. Как результат – произошло переосмысление роли и места рабочей силы в производственном процессе;

• занятие в структуре себестоимости конечного продукта все большей доли интеллектуальных, высокопрофессиональных затрат труда работников; высокая материалоемкость продукта во многих отраслях народного хозяйства стала уступать место высокой трудоемкости;

• накопление теоретико-методологического потенциала концепций человеческого капитала в мировой экономической мысли, что позволило критически оценить состояние научной мысли в области концепций человеческого капитала; создание на их базе нового самостоятельного научного направления – теории человеческого капитала [7].

Основоположниками современной теории человеческого капитала являются американские ученые-экономисты, лауреаты Нобелевской премии 1979 года Теодор Шульц и 1992 года Генри Беккер.

Выступив против общепринятого и традиционного подхода к экономическим отношениям, Т. Шульц старался сделать так, чтобы экономисты обратили внимание на ту информацию, которой владеют люди, на их образование и квалификацию, т. е. дал старт процессу формирования и развития теории человеческого капитала [8; 9].

В дальнейшем существенный вклад в процесс формирования и развития теории человеческого капитала внес еще один американский ученый-экономист – Гэри Беккер. Созданные им научные труды считаются фундаментальными в теории человеческого капитала. Именно Г. Беккера признан создателем научной школы в рамках концепции человеческого капитала. Можно даже сказать, что на сегодняшний день он внес самый большой вклад в данное научное направление.

Человеческий капитал Г. Беккер рассматривал только вместе с его обладателем – человеком. Под человеческим капиталом он понимал такой запас знаний человека, благодаря которому формируется прирост дохода в процессе трудовой деятельности этого человека [10]. Отсюда следует, что процесс производственного потребления человеческого капитала неотделим от его обладателя. Условием получения дохода с человеческого капитала является трудовое усилие работника. Величина человеческого капитала измеряется в денежных единицах и определяется величиной инвестиций в образование, здравоохранение и т. д. [11; 14]. Общая теория инвестиций в человеческий капитал, которую разработал Г. Беккер, состоит из подроб-

ного анализа инвестиций в образование человека и изучает их влияние на заработки этого человека и распределение его доходов.

По проблеме полученных доходов самых разных образовательных и профессиональных групп имелось большое количество данных, но на практике не существовало более или менее ясных попыток осознания и осмысления процесса инвестирования в человека. Г. Беккер был первым, кто распространил понятие человеческого капитала на микроуровень, т. е. на уровень организации или предприятия. Человеческий капитал организации он рассматривал как совокупность навыков, знаний и умений человека. В роли инвестиций в них Г. Беккер принял во внимание в большей степени затраты на образование и обучение. Также следует отметить, что Г. Беккер определял три основные формы проявления человеческого капитала: общие знания или общий человеческий капитал, специальные знания или специальный человеческий капитал и прочие знания или прочий человеческий капитал. Общие знания сначала формируются в результате воспитания в семье, а далее – при получении образования. Выгода, полученная от общих знаний, является непосредственной собственностью самого обладателя знаний и членов его семьи, которые выступают соинвесторами общего знания. Специальные знания формируются у человека на конкретном рабочем месте в процессе трудовой деятельности. Обладателями специальных знаний является как сам человек, так и та организация, где он осуществляет свою трудовую деятельность. Прочие знания формируются у человека в результате его взаимодействия с информационными продуктами и услугами, которые используются человеком при поиске более перспективной трудовой деятельности. [12].

Согласившись с пониманием человеческого капитала Г. Беккером, следует более подробно рассмотреть экономический подход к человеческому поведению, использованный в свое время ученым.

Благодаря применению методов экономической науки (таких как индукция, анализ, синтез, научная абстракция, верификация) при анализе человеческого поведения Г. Беккер разработал экономический подход к человеческому поведению. В 1962 году вышла его статья «Инвестиции в человеческий капитал: теоретический анализ» [13], где он писал, что инвестиции в человека формируют человеческий капитал. Под инвестициями ученый понимал обучение, подготовку на производстве, расходы на миграцию, здравоохранение, поиск информации о ценах и доходах. Он считал, что благодаря этим расходам развивается интеллектуальный и культурный потенциал человека, а также в целом производительные силы. А в 1964 году вышла книга Г. Беккера «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ» [14]. Впоследствии она стала общепризнанной классикой теории человеческого капитала и послужила основой для дальнейших исследований как для самого Г. Беккера, так и для его последователей, а также для ученых-экономистов других школ, изучающих человеческий капитал.

В указанных выше работах экономический подход дает целостную схему для понимания человеческого поведения. Также следует отметить, что премия памяти Альфреда Нобеля по экономике за 1992 г. была вручена Г. Беккеру за расширение области применения микроэкономического анализа к широкому кругу проблем человеческого поведения и взаимодействия, включая поведение вне рыночной сферы. Созданные им труды считаются фундаментальными в теории человеческого поведения.

Общая теория человеческого поведения, разработанная Г. Беккером, состоит из подробного анализа инвестиций в образование человека, влияния этих инвестиций на его заработки и распределение его доходов [15].

Человеческое поведение, т. е. поведение конкретного человека, является одним из важных элементов, формирующих стоимость человеческого капитала конкретного человека. Человеческое поведение, в свою очередь, существенно зависит от качества человеческого капитала, то есть от способности конкретных людей к обучению, переобучению, продолжительности сохранения самого человеческого капитала каждого отдельно взятого человека.

В то же время человеческий капитал представляет собой ограниченный ресурс человека. А если учитывать различие в качестве человеческого капитала, т. е. уровни компетенции, образованности, способности и стремление к саморазвитию между различными людьми, то здесь можно говорить и о редкости конкретных необходимых требований. Кроме этого, существует и определенная трудность выбора необходимого конкретного человека. Согласно экономическому подходу Г. Беккера, редкость и выбор – это два качества, которые характеризуют человеческий капитал конкретного человека независимо от того, как будет происходить его распределение [12].

Если использовать экономический подход Г. Беккера к человеческому поведению, то следует отметить такие цели человеческой жизни, как полезность и богатство, к которым стремится каждый человек в процессе своего существования. С другой стороны, цены на человеческий капитал и другие инструменты рынка регулируют распределение человеческого капитала в обществе, влияя тем самым на поведение людей и определяя дальнейшие действия каждого конкретного человека [16].

У человеческого капитала конкретного человека имеется и такой редкий ресурс, как время. Время включается в затраты на производство любого продукта. И повышение относительной цены любого продукта подразумевает под собой увеличение времени на его производство (куда включается время на разработку новых производственных технологий). Производство каждой дополнительной единицы продукта будет требовать дополнительного расхода времени, а предельная полезность каждой дополнительно произведенной единицы продукта будет снижаться. Тем самым будет нарушаться равновесие между дополнительными затратами времени на производство любого продукта и полученной предельной полезностью соответствующего

продукта [11]. Отсюда можно сделать вывод, что увеличение расхода времени на производство каждой дополнительной единицы продукции ведет к сокращению его потребления и тем самым способствует экономии и рациональному использованию такого редкого и ограниченного ресурса для человеческого капитала, как время.

С точки зрения Г. Беккера, анализируя человеческое поведение, следует говорить об оптимальном или рациональном накоплении дорогостоящей информации, т. е. о том, что человек прикладывает гораздо больше усилий к добыванию информации, когда принимает более важные решения, и он же прикладывает меньше усилий, когда принимает менее важные решения. И даже когда со стороны мы наблюдаем, что человек поступает иррационально или его поведение непоследовательно, это всего лишь говорит о том, что собранная человеком информация не полная, так как сбор информации также сопряжен с определенными издержками, которые порой превышают полезность какой-либо возможности. Либо существуют такие издержки, которые не заметны стороннему наблюдателю, и именно они не дают возможности реализовать человеку задуманное [12]. Таким образом, анализируя человеческое поведение в области сбора, накопления и обработки информации, Г. Беккер считал, что человек в большинстве случаев ведет себя рационально и последовательно относительно той информации, которой он обладает, и с его точки зрения, и в текущий момент времени.

Анализируя человеческое поведение, Г. Беккер предлагает обратить внимание на такие важные составляющие человеческого существования, как хорошее здоровье и долгая жизнь. На первый взгляд может показаться, что они представляют собой важные цели в жизни большинства людей. Однако при более детальном рассмотрении можно заметить, что существуют и другие цели, которые идут вразрез с озвученными выше целями. Оказывается, иногда человек может пожертвовать лучшим здоровьем и большей продолжительностью жизни ради других целей. И в результате конфликта между различными целями в жизни человека оказывается, что существует такая продолжительность жизни, когда полезность каждого дополнительного года жизни человека оказывается меньше той полезности, которую утрачивает человек, используя время и другие ресурсы для достижения дополнительного года жизни. Даже когда человек осведомлен о возможных последствиях какой-либо деятельности, ведущей к ухудшению его здоровья и сокращению жизни, он делает осознанный выбор. Это говорит о том, что часть жизни, которой он жертвует, является для него недостаточно ценной по сравнению с той деятельностью, которой он занимается [12]. Подобные решения могут показаться иррациональными в том случае, если бы хорошее здоровье и долгая жизнь являлись единственными целями в жизни человека. Но если учесть, что с точки зрения полезности для человека в его жизни существуют и другие цели, эти решения будут продуманными

и последовательными. Здесь очень хорошо видно, что такая категория, как полезность, в жизни человека играет очень важную роль, порой даже более важную, чем продолжительность жизни и здоровье.

С точки зрения экономики человек, принимая какое-либо решение, ожидает получить после его принятия большую полезность, чем та, которую он имел до принятия данного решения.

Главный смысл экономического подхода к человеческому поведению, по мнению Г. Беккера, состоит в том, что он дает нам продуктивную схему для понимания всего человеческого поведения в целом. Он считал, что человеческое поведение характеризуется тем, что участники максимизируют полезность и накапливают оптимальные объемы информации и других ресурсов на множестве разнообразных рынков [12].

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что экономический подход к человеческому поведению, разработанный Г. Беккером, помогает понять как поведение отдельного конкретного человека, так и поведение людей в целом, отношение их ко времени, информации, изучить мотивы их действий, и факторы, которые порой скрыты от стороннего наблюдателя, а также утверждает, что человек – существо рациональное, принимающее решения обдуманно и последовательно.

Список использованных источников

1. Человеческий капитал: содержание и виды оценка и стимулирование: монография / В. Т. Смирнов [и др.]; под ред. В. Т. Смирнова. – М.: Машиностроение -1, Орёл: Орёл ГТУ, 2005. – 513 с.

2. *Петти, В.* Экономические и статистические работы / В. Петти. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 324 с.

3. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 684 с.

4. *Афанасьев, В. С.* Глава 2. Давид Рикардо / В. С. Афанасьев // Всемирная история экономической мысли: в 6 т. / гл. ред. В. Н. Черковец. – М.: Мысль, 1988. – Т. II. От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса. – 574 с.

5. *Прищепа, Д. Н.* Человеческий капитал как объект исследования / Д. Н. Прищепа // Экономика и управление: социальный, экономический и инженерный аспекты: сборник научных статей I Международной научно-практической конференции, УО «Брестский государственный технический университет, г. Брест, 22–23 ноября 2018 г.; редкол.: В. В. Зазерская [и др.]. – Брест: Изд-во БрГТУ, 2018. – С. 296–298.

6. *Максимова, В. Ф.* Инвестирование в человеческий капитал: учеб.-практ. пособие / В. Ф. Максимова. – М.: Евразийский открытый институт, 2010. – 54 с.

7. *Хайкин, М. М.* Управление сферой услуг в развитии человеческого капитала: монография / М. М. Хайкин. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 158 с.

8. *Schulz, T.* Capital Formation bi Edukathion / T. Schulz // Journal of Politikal Economu. – 1960. – P. 25.

9. *Schulz, T.* Investment in Human Capital / T. Schulz // American Economic Revien.– 1961, March – № 1.

10. *Беккер, Г. С.* Экономический взгляд на жизнь. Лекция лауреата Нобелевской премии в области экономических наук за 1992 г. / Г. С. Беккер // Вестник С.-Петербургского университета. Серия 5. – 1993. – Вып. 3.

11. *Беккер, Г. С.* Теория распределения времени / Г. С. Беккер // Вехи экономической жизни. Рынки факторов производства / под ред. В. М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – Т. 3. – 489 с.

12. *Беккер, Г. С.* Человеческое поведение: экономический подход / Г. С. Беккер // Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. / сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников; предисл. М. И. Левин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.

13. *Becker, G. S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G. S. Becker // Journal of Political Economy. 1962. – Vol. 70, № 5, Part 2. – P. 9–49.

14. *Becker, G. S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education / G. S. Becker. – Third Edition. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993.

15. *Капелюшников, Р. И.* Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению / Р. И. Капелюшников // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 11. – 179 с.

16. *Беккер, Г. С.* Преступление и наказание. Экономический подход / Г. С. Беккер // Essays in the economics of crime and punishment / ed. by G. S. Becker, W. M. Landes. – N.Y., 1974.

(Дата подачи: 15.01.2019 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абраменко Е. Г. ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 3

Алейникова С. М. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ: ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ 11

Алексенко К. А. ИМИДЖ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА 19

Антанович Н. А. ГИБРИДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ 25

Аргучинцев Г. К., Старовойтова Л. В. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА 33

Бойко С. И. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 39

Бубнов М. В. ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА 46

Венидиктов С. В. МЕДИАКОММУНИКАЦИОННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ АРАБСКОГО МИРА: ФЕНОМЕН AL JAZEERA 53

Волнистая К. С. ПОРТАЛЫ О СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ 60

Гаўрыкаў А. В. СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ У ДЫСКУРСЕ ПАЛІТЫЧНАЙ САЦЫЯЛОГІІ 70

Жмакина Т. В. АРГУМЕНТАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИИ 80

Зенченко С. В. ОСОБЕННОСТИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 86

Кандричина И. Н. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 94

Козыренко Н. П. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВАХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 101

Коктыш Г. И., Коктыш М. Г. РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ 106

Корело О. Н. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА 114

Корзун О. В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 121

Куратёва А. О. ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В 1994–2000 ГГ. 128

Курбанова Л. Ч. УЧАСТИЕ НЕЙТРАЛЬНОГО ТУРКМЕНИСТАНА В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ 135

Кучинский О. А. ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА 140

Лазуткин А. В. СУБСТИТУТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ... 152

Лемешова Т. В. ВЛИЯНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ЛОГОТИПА НА ВОСПРИЯТИЕ БРЕНДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИЗБИРАТЕЛЯМИ 160

Лещеня И. А. ПРОБЛЕМЫ МИРНОГО ПРОЦЕССА 2009–2010 ГГ. КАК ПРЕДПОСЫЛКИ КАМПАНИИ ПО ПРИНЯТИЮ ГОСУДАРСТВА ПАЛЕСТИНА В ООН 169

Ляхович-Петракова Н. В. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОТ ПОИСКА ПАТОЛОГИЙ К АНАЛИЗУ ЛИЧНЫХ ИСТОРИЙ И ПОНИМАНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ 178

Малевич Ю. И., Румянцев Э. Э. КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР КАК НОВАЯ ФОРМА ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА 185

Михайловский В. С. ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЛИТОЛОГИИ 193

Мицкевич А. И. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАМЕТРИЯ: УПРАВЛЕНЧЕСКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ 201

Осипов А. В. СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В СИСТЕМЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: МОДЕЛЬ, ПРИНЦИПЫ И ЭЛЕМЕНТЫ 206

Панченко А. В. ПОЛИТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 214

Радкевич М. И. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 228

Разумовский А. М. УКРАИНА: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОБЫТИЙ 235

Решетников С. В. ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА КАФЕДРЕ ПОЛИТОЛОГИИ БГУ 242

Семёнова В. Н. ГЛУБИННАЯ ЭКОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАДИКАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЗМА 248

Слука О. Г. ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ 257

Старичёнок В. В. ЦЕННОСТИ БЕЛОРУСОВ В РАЗРЕЗЕ ИДЕОЛОГИИ 264

Уставицкий С. А. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КАК СПОСОБ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ 271

Филиппович А. В. «ЗАГОВОР ВОДОЛЕЯ»: НЬЮ ЭЙДЖ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ 277

Харьковский Д. В. ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИИ 285

Храмцова Ф. И. МЕТОДОЛОГИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 295

Худяков А. В. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В БЕЛАРУСИ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ 302

Шамкин М. Б. «ДИПЛОМАТИЯ ГОРОДОВ» В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 310

Яковчук В. И. ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 318

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Баньковская Ю. Л. СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ: СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛЕМЕНТОВ 326

Берков В. Ф. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ 332

Беркова О. В. СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И МЕТАМОРФОЗЫ РЫНКА 337

Бородуля А. А. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ 344

Гришкевич Е. В., Старжинский В. П. МЕТОДОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ «УНИВЕРСИТЕТ 3.0» 352

Зуева Е. Н. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 359

Иценко А. Г. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗНАНИЙ О РЕЛИГИИ В СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ: БЕЛОРУССКИЙ КОНТЕКСТ 367

Козлов А. В. ГАРАНТИРОВАННЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ 374

Малевич И. А., Малевич В. Г. СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 381

Мацевич-Духан И. Я. ПОНЯТИЕ КРЕАТИВНОСТИ В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЕ 392

Нестерович Ю. В. ОЧЕРК КОРРЕЛЯЦИИ ПОНЯТИЙ МЕТА- И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАКУРСЕ ИНТЕНСИВНОГО РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СТРУКТУРЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ 400

Познякова О. Л. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРАМЫ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ 407

Клишевич Н. С. ВСЯ НАША ЖИЗНЬ ИГРА: РЕФЛЕКСИЯ ПРЕВРАЩЕНИЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ В ИГРАЮЩЕГО..... 414

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Болтуть Г. С. ТРАНСФЕРТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 422

Брасс А. А. РЕШЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ, БИЗНЕСЕ И ЖИЗНИ 430

Педро Колон Вальдивьесо Салинас КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ 437

Воронин С. М. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ 444

Горбачёва Е. В. РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА 451

Игнатович Е. С., Сергеева Ю. И. СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕКЛАМНОЙ СТРАТЕГИИ КАФЕДРЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ 459

Климченя Л. С., Радкевич Д. И. РЫНОК АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ БЕЛАРУСИ: СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ 466

Корень А. А. ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА 474

Лопатова Н. Г. ПОДХОДЫ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ЦИФРОВОМУ УПРАВЛЕНИЮ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ 481

Прищепа Д. Н. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, ВРЕМЯ И ИНФОРМАЦИЯ В РАБОТАХ ГЭРРИ БЕККЕРА 488

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 18

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*
Редактор *Н. В. Боярова*
Компьютерная верстка *А. А. Пархомчик*

Подписано в печать 29.07.2019. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 29,1. Уч.-изд. л. 37,1. Тираж 100 экз. Заказ 47.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.